

Кл. № 84(2Р-Р9с)6

П-55

Олег Глушкин

САУЛ и ДАВИД

Олег Глушкин

САУЛ *и* ДАВИД

- библейский роман -

**Калининградская
ЦБС**

Калининград

ББК 84(2 Рес)
Г55

*На обложке: гравюра Ю.Ш. фон Карольсфельда
«Псаломщик Давид - покаяние».*

Издание осуществлено при поддержке Управления культуры администрации Калининградской области.

Глушкин О.Б.
Г 55 Саул и Давид : Библейский роман. - Калининград : ФГУИПП
"Янтарный сказ", 2002. - 360 с.
ISBN 5-901194-11 -X: Б. ц., 1000 экз.

ББК 84(2 Рес)

Роман на библейскую тему рассказывает о первых царях Израиля - Сауле и Давиде, об их противостоянии. Понять и оправдать их деяния дано главному герою - Маттафии, непризнанному сыну Саула, втянутому в череду легендарных событий.

© Глушкин О. Б. 2002.

Олег Борисович Глушкин
Саул и Давид
Библейский роман

Редактор *Элина Круглова*
Корректор *Инна Головки*

Подписано в печать 27.11.01 г. Бумага офсетная. Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Уел. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 1000 экз.
Заказ 6674. д

Лицензия ЛР № 030920 от 28.07. 99 г. Региональное объединение писателей Калининградской области. 236000 Калининград, Советский проспект, 13.

Отпечатано с предоставленного автором оригинал-макета в типографии Федерального государственного унитарного издательско-полиграфического предприятия «Янтарный сказ». 236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.

Глава I

Когда пал пронзенный стрелами сын царя Давида мятежный Авессалом, волнения в стране начали затухать. Но еще долго бродили в пустынях и скрывались в пещерах разрозненные сторонники Авессалома. Многие из них искали спасения в укрепленных городах арамейцев, но лазутчики Давида проникали и туда, и темные ночи осеннего месяца Тишрей оглашались предсмертными хрипами и поспешным топотом ног. Более надежными для укрытия были потаенные города в горах на севере Ханаана. Там, за финикийским городом Емаф, было место, о котором мало кто знал. И даже названия не было у крепости, куда можно было добраться только по узким горным тропам. Эту крепость выстроили амаликитяне, те немногие из них, кто сумел спастись после кровопролитных и гибельных для этого народа сражений с войсками царя Саула. И теперь эта крепость стала обителью для многих, изгнанных из родимых мест.

К каменным стенам этой крепости после долгих скитаний сумел добраться путник, и звали его Маттафия. Был он голоден и измучен жаждой, и сбитые в кровь ноги делали болезненным каждый новый шаг. На вид ему было лет шестьдесят. Выдубленное ветрами и пылью пустыни смуглое лицо было исчерчено глубокими морщинами. Был он высок ростом и костист. Некогда черную, как смоль, бороду уже тронула седина.

Солнце приближалось к вершинам бурых холмов, оставшихся у него за спиной. В закатном свете зубчатые сторожевые башни, возвышающиеся над бурыми стенами, казались багровыми идолами, восставшими из подземелий Шеола. Там, за крепостными стенами, были невидимые еще дома и сочная зелень садов. Там обитали те, кто всегда верили ему и любили его.

В предвкушении долгожданной встречи Маттафия остановился, чтобы перевести дух, чтобы немного передохнуть и уже потом подойти к страже с достоинством и не вызвать никаких нареканий и лишних вопросов. Какое-то смутное чувство подсказывало ему, что все будет не так просто. Он знал, что для обретения права на укрытие в этом городе потребуется разрешение судей. Нужны будут доказательства. Лучшее из них - его семья. Он так долго ждал этого дня.

Ему повезло, он миновал тайные засады на дорогах, ведущих в город. Ему повезло и до этого - он вышел сюда кратчайшим путем, минуя большие караванные дороги. Ему помогла глиняная табличка, присланная его старшей женой Зулуной. Хорошо, что в Вифлееме обучил ее письму. Правда, на табличке было всего несколько слов: «Мой господин, возлюбленный мой, мое сердце устало ждать тебя...». И ни слова - ни о сыновьях, ни о другой жене Рахили. Сплошные стрелки и кружки. Стрелки

шли вдоль реки Иордан, вдоль ее желтых бурлящих на камнях вод, стрелки огибали кружок - Кинеретское море - мирное, полное рыбы, и самое тихое из всех морей, море - лютня, ибо плоды его сладки, как звуки лютни, потом стрелка указывает поворот налево, к высоким горам, где зарождаются реки, где тучны и сочны пастбища. Долгий путь пришлось одолеть, пока добрался до этих пастбищ, путь от моря Соли - мертвого и тяжелого до снежных шапок Хермона, и после - к равнинам, прокаленным полуденным солнцем.

Он знал эту землю, не раз пропитал он ее своей кровью, не раз обошел в рядах воинов. Он любил эту землю. И в далеких чужеземных краях она снилась ему на забытых Господом Богом островах. Снилась земля, текущая молоком и медом.

По стрелкам, начертанным Зулуной, он шел много дней, и не было ему места во всех пределах земли Ханаана, от Дана до Вирсавии, не было места в кичливых и шумных городах, стоящих на пути караванных дорог, ибо был давно отвергнут он теми, ради которых не раз обнажал свой меч. И вот, наконец, преодолев горные перевалы, вышел он в цветущую долину и добрался до потаенной крепости. Здесь на табличке Зулуны была последняя стрелка. Здесь, в этой крепости надеялся он обрести покой, и остаток своих дней провести среди людей, любящих его и близких его сердцу.

Он понимал, что сейчас из крепости наблюдают за ним, и стерегут стражи каждое его движение. Они должны понять, что для воина или лазутчика он слишком стар, у него нет оружия, у него нет даже осла. Он проверил, надежно ли спрятаны на поясе в потайном кармане серебряные сикли, потом после некоторых колебаний выбросил в песок глиняную табличку, потом наступил на нее ногой, раздавив на мелкие черепки. Он был очень осторожен во всем. Жизнь научила его этому.

Осталось сделать последние шаги, и когда впустят, сразу же попросить воды, выпить целый кувшин, глотать и глотать холодную, не перестающую литься струю, остатки воды можно просто вылить на голову, смыть дорожную пыль с лица, тут же у крепостных ворот присесть и вытянуть ноги - и все же поспешить, чтобы до заката войти в дом, где его сейчас ждут с нетерпением. Узнает ли он своих сыновей? Где они? - об этом Зулуна тоже ничего не сообщила. Остается только еще немного набраться терпения.

И он, прошептав благодарственные слова всемогущему Господу, двинулся к крепостным стенам. Были они выложены из бурого камня и сливались со столь же бурой землей, так что издали и непонятно было, то ли это гора с бойницами и зубцами, то ли сотворенная язычниками цепочка истуканов. Только приблизившись, он понял, как мощны и неприступны стены, окруженные глубоким оврагом. Маттафия с трудом

вскарабкался по почти отвесному склону и со вздохом облегчения прикоснулся к крепостным воротам. Потом несколько раз постучал кулаком по просмоленным доскам. Но никто не собирался отворять ворота перед одиноким путником.

Солнце уже коснулось вершины холмов, и время для впуска, очевидно, прошло. Маттафия постоял, прислонившись к воротам, и уже собрался звать стражников, когда справа от ворот сдвинулся камень в крепостной стене, и образовалось отверстие, в которое с трудом он втиснул свое тело. И едва сделал он несколько шагов, как за его спиной зашкряпали брусья, и грохнул камень, словно захлопнулся невидимый капкан. В сплошной темноте он стал пробираться на звуки голосов, глухих и отрывистых. Было сыро вокруг, и будто не вход был здесь в крепость, а должны были открыться перед ним врата подземного царства мертвых.

- Господи, на тебя уповаю, - прошептал Маттафия и сделал последний рывок к противоположной стене. Свет факелов едва не ослепил его. Он заслонил глаза рукой и почувствовал, что кто-то подталкивает его в спину. Обернулся и увидел стражника, низкорослого и ошестинившегося: торчали волосы на его голове и бороде словно иголки, и не было ни доброты, ни сочувствия в его глазах.

- Нагнись, - приказал стражник и стал пристально вглядываться в лицо Маттафии, поднося факел почти вплотную. Маттафия отпрянул, но продолжал стоять согнувшись. Стражник говорил на языке амаликитян, языке детства. И сам, судя по его узким глазам, был амаликитянином.

- Иври, - произнес стражник, - ты иври?

В голосе его были презрение и ненависть. Наверное, он из тех, - подумал Маттафия, кто спасся в страшную ночь крови, когда было поражено племя царя Агага. Он и сам, Маттафия, чудом остался в живых тогда. Но не станешь же объяснять это стражнику.

- Ты иври? - снова повторил тот свой вопрос.

Маттафия с трудом растянул губы в улыбке, ответить даже самому себе он не смог бы - кто он. Сколько кровей и каких племен смешалось в нем, известно одному Господу. И все-таки он - иври, заречный, или, как говорят арамейцы, - еврей, отец его из колена Вениаминова, мать - амаликитянка. Поведать он не может, кто его отец. Язык дан человеку, чтобы не говорить лишнее, каждое слово может стать врагом тебе. Маттафия заслонился рукой от света факела и покачал головой - этот ответ можно было расценить и как согласие, и как отрицание. Царство Давида укрепилось, власть его была повсюду, может быть, надо было сказать твердо: «Да, я из сынов Израилевых, из тех, кому Господь заповедал эту землю». И в то же время - этот город-убежище не под рукой Давида. Именно потому сюда устремилась Зулуна из Иерусалима. Здесь никто не

знал ни о ней, ни о нем, Маттафии, ничего, здесь сыновей его не называют сыновьями предателя.

- Ты что, иври, застрял там? - крикнул стражник. Маттафия с трудом протиснулся вперед, и когда, наконец, они выбрались на свет божий, он понял, что никогда еще не видел столь толстых крепостных стен. Наверное, внутри их среди камня хранятся запасы снеди и воды, есть свои секреты, есть и тайные подземелья - ему до этого нет никакого дела, его войны на земной тверди давно закончились, он больше не хочет подставлять свое тело под удары мечей, он не хочет добывать славу царям, а потом расплачиваться бесчестьем за кровь свою и за раны, ноющие в непогоду.

И вот - на просторе, за крепостной стеной, открылся его взору подлинный Эдем. Он почувствовал себя - Адамом, возвращающимся в рай. Скорее не Адамом, а блудным сыном. Сам лишил себя покоя. Здесь стояла та тишина, о которой он столько мечтал. Желтые гроздья свисали с финиковых пальм, ярко адели гранаты, сгибая ветви своих невысоких деревьев, виноградной лозой были обвиты даже крепостные стены. И в сочной зелени утопали дома из тесаного белого камня. В Иерусалиме из такого камня строили только царские дворцы. Закатное солнце отражалось в окнах домов. В каком-то из них прижалась к окну Зулуна, а может быть там, в едва виднеющихся отсюда садах, собирает виноград гибкая Рахиль, складывает ягоду к ягоде, отрывает от кисти, чтобы поставить терпкое вино, больше других она ждет его возвращения, и он, Маттафия, возлюбил ее более, чем самого себя.

Сейчас он ответит на все вопросы, и его отпустят. Кому может нести угрозу невооруженный путник его лет? Конечно, понимал он, доступ в город-убежище открыт не каждому, стража должна все разузнать, прежде чем принять решение, потом придется обратиться к правителю, но это все такие пустяки по сравнению с тем, что пришлось преодолеть...

Теперь, когда он стоял на просторной площади у ворот, его окружили сразу четыре стражника, вооруженные обоюдоострыми финикийскими мечами. Высокий, исхудавший, полный нетерпенья, он возвышался над ними и смотрел поверх их голов на плоские розоватые кровли домов. На мгновение ему показалось, что женщина, сидевшая на одной из крыш, махнула рукой. Зулуна в Вифлееме любила вечером сидеть на кровле, там же, на кровле, в жаркие летние месяцы они устраивали себе ложе. Конечно, это она. Он хотел помахать в ответ, но вовремя сдержал себя.

Сильный толчок в бок заставил его пошатнуться, он не различил, кто из стражей ударил его. Рука невольно потянулась к поясу, туда, где в прежние времена всегда был прикреплен меч. Один из стражников ехидно улыбнулся и просипел:

- Иври был воином и убежал от Давида, иври хотел биться за его сына Авессалома, но был всегда трусливым и потерял меч...

Маттафия сжал зубы, надо было не обращать внимания на озлобленного стражника, надо было не вступать в бесполезный спор. Все решают не простые стражники, все решают судьи, и конечно - правитель города. Между тем его, Маттафию, подталкивали к большому столбу, окруженному рядом бурых неотесанных камней, в середине же, у самого столба, был полированный розовый камень. Здесь восседает судья - догадался Маттафия и подумал - с человеком, облаченным полнотой власти, будет легче говорить, чем с озлобленным стражником. Возможно, в этом городе судья и управляет всеми. Ведь было время, когда у сынов Израиля всем управляли судьи. И никаких царей. Наверное, это было счастливое время. Недаром вспоминают о нем пророки с радостью и написано в книге войн Яхве: в те дни не было царя у Израиля, и каждый делал то, что казалось ему справедливым. Если город-убежище не ведет ни с кем войн, зачем городу цари, достаточно судей...

Подле столба стражники остановились, потом послали коротышку, обросшего колочими волосами, за судьей. Стражник вернулся быстро. Объяснил, что солнце уже зашло, и до его восхода никто из судей не подойдет. Так было и в Гиве сауловской. Царь Саул сидел у крепостных ворот под раскидистым тamarисковым деревом и судил народ. Он был первым царем, он еще не догадывался, что всякую работу за царей может исполнить другой. Все еще помнили время судей. Потом Саул понял, что судью можно назначить...

Незаметно, почти неслышно появился начальник стражников - осанистый и узколицый, с большим тюрбаном на голове.

- Кто подослал тебя, иври? - вкрадчиво спросил он.

- Я пришел сам, - спокойно ответил Маттафия.

- Не верь ему, Арияд, - сказал коротышка своему начальнику, - никто еще сам не смог найти нашу крепость, не родилось еще такого человека на лике земном! Старший стражник Арияд отстранил коротышку неторопливым движением руки, показывая, что сам знает все и не нуждается в советах, и сам во всем разберется.

- Я вижу - ты воин, - начал Арияд почти безразличным тоном, - меня не проведешь. Ты уже стар, но руки твои еще не отвыкли от меча. Я не удивлюсь, если мы обнаружим, что на тебе кровь отцов наших, что на тебе кровь Агага -царя амаликитян...

- Нет крови его на мне, рожден я амаликитянской, - попытался сказать в свое оправдание Маттафия.

Но тотчас перебил его Арияд и возвысил голос свой:

- Будешь отвечать, когда задам вопросы! Кем ты рожден, мы тоже выясним! А пока тебе придется ответить на главный вопрос - кто показал

тебе, как добраться до нашей крепости? По какой дороге ты сумел пройти? Как ты обошел наши посты? У тебя что, есть крылья?

Маттафия улыбнулся и посмотрел в глаза Арияду, посмотрел дружелюбно, все еще надеясь, что стражникам надоест с ним возиться и его скоро отпустят. Но в глазах Арияда увидел он только ненависть. Показалось, что еще мгновение и этот хозяин стражей воткнет в бок свой короткий меч. Пальцы Арияда уже сжимали рукоятку. Маттафия понял, что этот страж считает его заклятым врагом амаликитян, что ненавидит Арияд сынов Израиля. Маттафия знал, что в городе этом, ставшим убежищем для всех отверженных, неохотно принимают евреев, что здесь спасаются, в основном, амаликитяне и киненяне, но слышал он, что и для сынов Израиля здесь имеется место, что есть у них даже своя община здесь. Но надо доказать, что ты гоним, и, Господь упаси, если вскроется, что ты враг Давида. Сегодня с Давидом не хочет ссориться никто. Как доказать, что и он, Маттафия, гоним, что не было у него ни одного спокойного года на земле, что недаром просит он убежища. Здесь его семья - какой довод может быть сильнее. Он не враг домашним своим. И вдруг он понял - открыться, что его ждут Зулуна и Рахиль, что его ждут сыновья - значит, подвергнуть их опасности. Ведь Зулуна указала ему путь в город, не имея на то разрешения правителя. Надо самому добиваться пропуска в город.

- Видит Господь, да светится его имя в всях, - Маттафия старался говорить как можно мягче, придавая своему голосу покорность и смирение, - видит Всемогуший наш, нету на моих руках крови амаликитян. Да, я был воином, да - я убивал в бою, меня тоже хотели убить много раз, и следы стрел и копья хранит мое тело. Но я ищу покоя, и годы мои, и раны мои взывают ко мне, дабы обрел я дом свой, где молился бы перед Всевышним о прощении грехов моих...

- Значит, их много, этих грехов, - резко перебил его Арияд и неожиданно рванул одежды Маттафии, обнажив его тело. И увидел, что это тело воина, ибо оно было испещрено бугристыми шрамами, и был провал на месте большой раны от удара копья. Как объяснить, что получил эту рану, спасая юную амапикитянку, что она здесь, в этом городе, возможно, совсем неподалеку.

Арияд приблизился почти вплотную. Он разглядел выколотые на груди слова. Маттафия почувствовал, как комок страха подступил к горлу. Проклятые филистимляне - запечатлели на груди ненавистное для них имя. И ничем не стереть. Сейчас прочтет, и события примут совсем другой оборот, с ужасом подумал Маттафия. Но Арияд не обратил внимания на слова, наверное, он не умеет читать арамейские знаки, понял Маттафия. Следы старых ран более заинтересовали его, нежели выколотые на груди слова.

- Ты сражался с нами, такие, как ты, убивали нас в полуденных пределах земли Иудиной! - все более повышая тон, выкрикивал Арияд. - Ты лазутчик и соглядатай! - лицо Ариада налилось кровью. - Ты найдешь здесь убежище! Не на земной тверди ты его найдешь, а под землей. Там тени убитых тобой вытянут твои жилы и оплуют глаза твои, презренный иври, ты...

Арияд внезапно оборвал свою гневную речь и склонил голову. И все остальные стражники тоже склонились, и причиной тому был человек, облаченный в белые одежды и медленно приближающийся к ним. Несомненно, это был судья города - сразу понял Маттафия. Опершись на посох, этот судья остановился подле Маттафии, потербил клочковатую седую бороду и долго вглядывался, словно перед ним было диковинное животное. И внезапно омрачилось лицо его, красноватые веки прикрыли глаза, лоб сморщился, он явно что-то припоминал. Маттафия мог поклясться, что видел этого судью впервые.

Арияд стал говорить быстро, оправдываясь, заискивая, вознося хвалы судье и всем богам, стерегущим город.

- Мы почти все узнали, - скороговоркой продолжил он, - этот лазутчик почти во всем сознался, наша стража днем и ночью не щадит себя, и согласно нашим законам позвольте свершить справедливый суд над подосланным выведать силы наши, надо лишить жизни презренного...

- Не надо ни в чем проявлять поспешность, мой Арияд, - величественно произнес судья, - все мы знаем твое рвение, но правителю нашему мудрому Каверуну может не понравиться, что путник дошел незадержанным до крепостных ворот, и что не выявлено, кто он. И видит мудрейший бог города нашего, Рамарук, к нам в сети попался не простой иври. Посмотри, он на голову выше нас всех... А вдруг он из дома Саула, и если он из тех, кто сражался за Авессалом, ты знаешь - как в таком случае поступать, ты знаешь, что городу нужно золото, и за каждого авессаломца Давид щедро платит...

- Вы правы, мой господин, вы правы Иехемон, самый справедливый судья Рамарука, я сразу понял, что это не простой воин, его надо опознать, он из дома Саула и был с Авессаломом, - поспешно согласился Арияд.

- Это иври из племени исполинов, - неожиданно подал голос один из стражников, - за таких Давид платит вдвойне, они все были с Авессаломом!

- Никогда не торопи язык свой, - остановил его Иехемон и, приказав Маттафии, чтобы тот наклонился, стал рассматривать его лицо, будто и не человек был перед ним, а серебряный сикль, и следовало определить - не поддельный ли он.

- Ты принадлежишь к дому Саула. Никогда еще глаза, не обманывали меня, - произнес Иехемон, и его морщинистое старческое лицо стало столь же белым, как и его одежды. Рука Иехемона, сжимающая посох, затряслась. - Город-убежище не для таких как ты. Бог города Рамарук покровительствует гонимым. Ты же был с теми, кто уничтожал мирных амаликитян и аммонитян. Теперь ты пришел выведать подходы к городу, ты вестник смерти. Я видел Саула и его сыновей, я помню, как они расправились со священниками из Номвы, как не пощадили даже детей. Отвечай, презренный, ты из дома Саула? Убийца!

Иехемон дрожащей рукой ткнул посохом в сторону Маттафия, словно хотел пронзить его. Маттафия отпрянул, натолкнулся на стражника и заговорил быстро, боясь, что ему не дадут досказать все:

- Праведный судья, зачем возводить навет на измученного странника? Зачем вызывать тени умерших из мрачного Шеола. Нету уже на лике земном никого из дома Саула. Пал он, и пали его сыновья в сражении с филистимлянами на горе Гелвуй. Дом всемогущего Давида главенствует в стране Израиля. Я же пришел сюда не выведывать, не со злым умыслом, а с миром и ищу укрытия от бед моих, коими испытует меня Господь, я знаю, что милостивы и справедливы судьи в вашем городе, я знаю, что находят здесь приют гонимые и униженные, и все страждущие. И был я гоним и домом Саула, и домом Давида! Я прошу об одном...

- Укроти свой лживый язык и положи руку на уста твои, - прервал его Иехемон, - и не ищи сочувствия у тех, кого поражал твой меч! Лжецов ослепляет Рамарук молнией, небесный огонь испепеляет неправедных, и скоро ты будешь сожалеть о своих лживых словах, и будешь ползать в ногах правителя, моля о пощаде!

- Никогда я не ползал ни перед кем! - сказал Маттафия. Стражники захохотали, их хохот был скорее похож на рык зверей, нежели на человеческий смех. Маттафия изнемогал от жажды. С печалью он посмотрел вокруг, словно пытаясь отыскать надежду на спасение в сгущающихся сумерках. Он глубоко вздохнул, стараясь впитать в себя надвигающуюся прохладу ночи, запахи зрелых плодов и дым очагов.

- Я не прошу о пощаде, я хочу справедливости, всю жизнь я искал ее - и напрасно. Наверное, напрасно. Горло мое пересохло. Я слишком долго добирался сюда. Я думал, что здесь обитает справедливость! - сказал Маттафия, глядя поверх голов стражей.

И оказал милость задержанному страннику судья Иехемон, распорядившись, чтобы дали тому воды. Один из стражников быстро исполнил приказание. Маттафия взял глиняный кувшин обеими руками, задрал голову, и струя прохладной воды полилась в его широко открытый рот. И с каждым глотком он оживал, и силы возвращались к нему, и плоть

его наливалась соками жизни. Вода была чистой, с приятным привкусом, какой бывает она, когда родник пробивается к поверхности земли через слои целительного камня-слюды и бьется среди зарослей можжевельника. И страхи отступили от Маттафии, и пришла уверенность, что сумеет он доказать чистоту своих помыслов.

Но напрасно он мысленно успокаивал себя, ибо снова взгляделся в лицо его, прищурив старческое свои глаза, Иехемон и изрек самое страшное подозрение:

- Ты не просто злодей из дома Саула, ты похож на царя, как походит одна капля воды на другую, ты так похож, словно ожил тот, кто обгадил землю кровью неповинных!

- Ты знаешь, справедливый судья, Саул поражен мечом, он сам пал на меч, чтобы избежать плена, - сказал Маттафия.

- У царей бывают двойники, - произнес Иехемон и надолго задумался. Все замолчали, ожидая его решения.

- Вспомнил, - вдруг воскликнул Арияд, - здесь, неподалеку в пещерах, среди нищих обитает старик, который знал Саула.

- Пошлите за ним, - приказал Иехемон.

В ожидании старика прошло около получаса. Стражники, присев на камни, тихо переговаривались между собой. Иехемон чертил посохом на песке одному ему понятные знаки. Лишь Арияд не сводил глаз с Маттафии - это была его добыча, и он не хотел ее лишиться. От пленника, схожего с царем, всякого можно было ожидать.

Маттафия присел на землю, ноги гудели. Последние дни он шел, не давая себе отдыха. Он привык за свою жизнь к дальним переходам. Было время, когда он вместе с воинами Давида за день пересекал каменистую пустыню Зиф, крепкие ноги спасали от смерти. Саул, словно неутомимый охотник, преследовал их. Он надеялся, что Маттафия исполнит его повеление, и ловушка захлопнется. Саул погиб молодым, неужели годы не стерли его, Маттафии, схожесть с царем? Все это в крови - и никуда не уйдешь от судьбы. Так было угодно Господу, все в этом мире свершается только по его замыслу. Хорошо, если Господь вкладывает в твою руку меч, но если оставляет тебя беззащитным, если не слышит твоей мольбы...

Маттафия не сразу заметил, как подвели к ним стражники согбенного старика с растрепанной седой бородой. На шее у старика висел камень. Такие камни носят послушники, замаливающие свои грехи. Тело старика было закутано в лохмотья, и распространялся от него нечистый запах.

- Явился, Бер-Шаарон, почтил нас? - сказал Иехемон и поморщился. Старик испуганно вздрогнул, стал заискивающе улыбаться. Имя его заставило Маттафию вздрогнуть. Так звали отца матери. Маттафия привстал и внимательно оглядел старика. Какой он был много лет назад,

представить было невозможно. Не лицо, а запеченное яблоко. Одинаковые имена носят многие. На всех не хватает имен. Столь размножились сыны Израиля, их столько же, как песка на морском берегу. Правда, не выщела в глазах старика голубизна. Такой же голубизной полнились глаза той, что дала жизнь ему, Маттафии...

- Скажи, Бер-Шаарон, ты знаешь этого человека? - строго спросил Иехемон.

Старик поправил камень, висевший у него на груди, придержал его костлявой рукой, медленно приподнял голову и вдруг затрясся, будто злой дух обуял его. Он раскрыл свой беззубый рот и застыл голос его. И вдруг, словно прорвался звук через преграды, вырвалось со свистом: «Саул, Саул, Саул...».

И старик упал на землю, закрыв лицо руками. Все словно окаменели. Арияд стоял с выпученными глазами, раскинув руки. Иехемон так сжал посох, что в наступившей тишине было слышно, как трещит дерево.

- Господь лишил его разума, - крикнул Маттафия, - вы же видите, его преследует страх!

- Пойдите, - вдруг спохватился Арияд, - пойдите, надо прочесть!

Он подскочил к Маттафии и содрал с него рубаху. Потом ткнул пальцем в грудь, в то место, где были начертаны непонятные для него слова.

- Старик должен знать чужие языки! - крикнул Арияд. Но от Бер-Шаарона уже ничего нельзя было добиться, он, сжавшись, лежал на земле и тихо стонал.

Тогда Иехемон подступил почти вплотную к Маттафии и задрал голову, вглядываясь в выколотые на груди слова. Это по-арамейски», - прошептал он и стал беззвучно шевелить губами. И наконец изрек:

- Саул царь Израиля.

- Это в плену, это насильно, они издевались надо мной, - забормотал Маттафия.

- Я должен доложить правителю, - сказал Иехемон, - а пока заприте его в самую надежную темницу. Арияд, головой отвечаете за него. И выведите все, любыми способами...

Глава II

Жизнь человека всего лишь единственный миг, как бы длинна она не была. Господь не всегда отнимает ее скоротечно, он заставляет человека самого просить смерти. Господь лишает за грехи и слуха, и зрения, болят кости, и ноги теряют подвижность. Но пока жива душа в человеке, пока не отнят у него разум - и ад, и рай существуют в нем одновременно.

Смещается время, и прошлое оживает и видится ярче, чем день, прошедший вчера.

Изгнанники, нашедшие приют в городе-крепости, в городе-убежище, живут прошлым, хотя многое бы дали, чтобы отрешиться от этого прошлого, чтобы память притупилась и не возвращала в годы унижения и скорби. Уже давно ничего не связывает Бер-Шаарона с тем миром, где был он владельцем стад и пастбищ, отцом трех сыновей и дочери - красавицы Эсфири, и где потом все утратил и стал гонимым. Теперь он хочет только покоя. Разве не хватит горьких испытаний, что послал Господь в той его жизни, разве не услышал Всевышний его раскаянья, разве не увидел, кем стал Бер-Шаарон? Темная пещера - его жилье, где он с такими же отверженными делит и кров, и пищу. Вот его теперешний удел. Молитвы в темноте и глаза, иссушенные и разъеденные слезами. Прошлого не вернуть...

И вот сегодня - это странное и повергающее в ужас видение. Как во сне. Ужели ожил тот, кто сделал жизнь Бер-Шаарона чередой бесконечных мучений. Или мало Саул испил крови в годы своего царствования, что вновь возвращен он из Шеола?..

Бер-Шаарон добрался до своей пещеры, когда ночь опустилась на город. Шаря по камням, заменявшим ему ложе, он напрасно искал свою изношенную циновку, свои изодранные, служившие много лет вещи. Лампады - единственного, что сберег из прошлой жизни, тоже не было. Бер-Шаарон сел, приткнулся к сырой каменной стене. Поискал в карманах, в складках пояса, нашел какие-то крошки, зашевелил беззубым ртом. В дальнем углу заворочались, послышалось сопение, там было место давнего мучителя - одноглазого гирзеянина, он был здесь старшим, и от каждой добытой пищи ему полагалось отделять половину. «У меня ничего нет, - сказал Бер-Шаарон в темноту и повторил снова, чтобы слышали все, - ничего!».

К этому сожители его должны давно привыкнуть, он гол и нищ, с него уже нечего взять. Вот камень на шее, его он может отдать. Бер-Шаарон вздохнул и осторожно снял свою ношу. Цепь, которой крепился камень, опять натерла шею. Добрая женщина, которая приходит смазывать раны, давно не появлялась. По виду она амаликитянка, но хорошо знает язык иври и бойко говорит по-арамейски. Здесь, в городе-убежище, говорят на разных языках. Смешались народы и боги. Есть бог города - Рамарук, бог солнца - Кемош, бог луны - Сето. Никто не против и вездесущего Яхве, которому возносит свои молитвы Бер-Шаарон. В городе много сынов Израиля, гонимых и скрывающих свое прошлое. Есть даже еврейская община.

Бер-Шаарон слышал, что погиб восставший против отца сын царя Давида Авессалом, что ищут укрытие здесь его сторонники. Их вылавливают повсюду, но добром это не кончится, это Бер-Шаарон знает.

Давид ничего не простит городу. Цари никогда не прощают. Каким простодушным казался Саул, как ликовали все, когда избран он был царем! А как же! Наконец-то и у сынов Израиля появился свой царь. Первый царь Израиля. А потом - щадящий врагов, он был жесток к своим, не пощадил священников из Номвы - все лишились жизни, чудом тогда удалось спастись ему, Бер-Шаарону. Теперь Саул вспомнил, что не все священники поражены, вспомнил и восстал из мрака Шеола, чтобы довершить свое злостное деяние. Ему нужна еще одна жизнь, он хочет погубить его, Бер-Шаарона. Как объяснить Саулу, что Господь уже давно поразил его, Бер-Шаарона. Тело ноет, кости стали хрупкими, плоть жаждет собственного исчезновения. Из года в год все холоднее становится кровь. Пронизывающий насквозь холод не дает заснуть. И явственно слышится голос пророка Самуила: «Вы хотели царя? Получите своего царя!». И хохот - будто из-под земли. Бросающий в дрожь хохот старца. Я не хотел, я был против, шепчет Бер-Шаарон...

Не хотел, но и не настоял на своем. Был еще не умудрен годами, был еще молод, хотя, несмотря на молодость, был признан главным среди старейшин колена Ефремова, был зван всюду, где решались судьбы людей, и определялась истина...

Вот и тогда, в весенний месяц Адар, когда расцвели олеандры и густой зеленью покрылись луга, дано было и ему решать, дано, да не воспользовался этим правом... Будто окутало всех, опьянило сатанинское наваждение. Не сговариваясь, старейшины отправились в город Рам, пошли просить пророка Самуила, чтобы поставил над ними царя. Стекались, как ручьи в Генисаретское море, по тропам на дорогу, ведущую в Рам. С гор, от колена Данова шли уже давно, Бер-Шаарон присоединился к ним за несколько дней до входа в Раму, был бодр, шутил еще тогда, старался всех приободрить.

И наступил день, когда миновали они, пропитанные терпкой дорожной горечью, овейные пылью, городские ворота, и под удивленными, вопрошающими взглядами жителей направились к дому пророка. Уже высоко стояло солнце в теряющем синеву небе, когда вышел к старейшинам пророк и судья Израиля - Самуил. Костистый, сгорбленный старец с посохом в стиснутых корявых пальцах, с козьими шкурами на плечах, со всклокоченной бородой и огненными глазами. Теми же были глаза, что и некогда у могучего воина, каким был Самуил, когда одолел филистимлян в кровавой битве под Верхором. В той битве Бер-Шаарон впервые понял, что значит сойтись с врагом, жаждущим твоей гибели. Тогда был бесстрашен Самуил, освобожденное от одежд

тело играло мускулами, и обоюдоострый меч в его руках безостановочно разил направо и налево. Теперь же был закутан в козьи шкуры пророк. А у Бер-Шаарона выступал пот на лбу, ибо жгло невероятно полуденное солнце. Тогда он не понимал, почему так кутается пророк, тогда он еще не знал, что кровь холодеет с годами. Он очень гордился, что вхож в дом пророка, что Самуил всегда прислушивался к нему. Человек, который говорил с Богом, снисходил до простого смертного и всегда умел найти добрые слова. И когда из очередного сражения Бер-Шаарон привез на осле красавицу амаликитянку Амиру и сделал ее своей женой, Самуил не осудил его. Одного потребовал, чтобы Амира признала единого и вездесущего Бога Яхве. Амира клялась, что признала, но прятала своих деревянных идолов, зашив их в подушки. Она была хорошей женой и матерью - три сына и красавица дочь от нее, теперь нету их всех, и в том есть вина и его, Бер-Шаарона.

И началось все с того дня в Раме, когда не сумел он переубедить старейшин. И Самуил не смог устоять перед старейшинами. И Яхве он убедил. Почему же Всемогущий так быстро уступил? Ведь он вывел народ из Египта, из страны рабства, заключил завет с народом, дал народу обетованную землю, текущую молоком и медом, и завещал быть народом-священником, чтобы нести истинную веру всем племенам. Народу, состоящему из священников, нужен ли царь? Есть пророк и судья Самуил, этого ли недостаточно? Самуил ведь мог все объяснить. Почему он тогда сдался? Самуил - священник и пророк, равный Аарону, брату Моисея, принявшего Божий завет на горе Синайской. С раннего детства дано было Самуилу слышать голос Всевышнего. Сам первосвященник Илий, достойный слугитель Бога, стал воспитателем будущего пророка. Илий принял смерть из-за своих сыновей, не знавших предела в богохульстве своим, жирующих у святынь Ковчега и хватающих все подряд. Эти ублюдки растаскивали священное мясо, уготованное для жертв всесожжения. Они отвращали народ от Ковчега, что построен был по заветам Господа, Ковчега, где хранились Тора, скрижали и священные свитки с записью заповедей Божьих, с заветом, заключенным Моисеем и Богом на горе Синай. И вот люди перестали приносить жертвы Господу, они шли на высоты и возносили свои жертвы Ханаанским идолам.

Самуил, тогда еще отрок, посвященный служению Господу, юный Назарей, ибо бритва не касалась его головы, предсказал гибельное наказание. Голос его не слышали, а это был голос самого Яхве, устами Самуила обращался Господь к заблудшему народу.

И сыновья Илия не остановились в своем падении, они взяли из Силома священный Ковчег Завета и в битве с филистимлянами понесли его впереди войска, думали Господь принесет им победу. Но был захвачен Ковчег врагом, и погибли беспутные сыновья Илия. А когда узнал об этом

праведный Илий, то упал навзничь и сломал себе хребет, после чего и умер. Так отошла слава от Израиля. И тогда, в страшное время раздоров и идолопоклонства, стал Самуил судьей над Израилем. И Господь протянул ему свою длань. В сражениях шел народ за Самуилом, был отбит у филистимлян и возвращен в Силом Ковчег Завета, было испрошено прощение у Господа. И повиновались все Самуилу, и не нужен был народу царь.

Бер-Шаарон, в те годы еще совсем молодой, во всем уповал на Самуила, и слово пророка было свято для него. Теперь, конечно, Бер-Шаарон может упрекнуть себя - нельзя быть таким доверчивым, нельзя ждать только проявления милостей Господних, надо уметь отстоять и свое мнение. Самуил был уже стар, когда они пришли к нему в Раму, и сыновья его пошли по стезям сыновей Илия, в этом была главная причина. Отсюда, из Рамы, берет начало река его, Бер-Шаарона, страданий...

И в тот роковой, весенний день месяца Адара в Раме Бер-Шаарон стоял среди старейшин перед Самуилом и не остановил владельца маслоделен, тучного и властолюбивого Гамадриила, когда тот выступил вперед и начал первым: «Да хранит тебя Господь, праведный Самуил, года твои преклонны...». И дрогнула бровь на морщинистом лице пророка, и каждый понял, что ждет он продолжения речи, ибо не требует ответа очевидность. «И не всегда ты видишь то, что видно другим, что делается совсем рядом с тобой в твоём доме», - чуть помедлив, продолжал Гамадриил, и словно сделалось жилистым горло его, будто проглотил он что-то жесткое. Бер-Шаарон и сейчас помнит отчетливо, как заходил, запрыгал кадык, словно заяц, попавший в капкан.

- Мы не хотели тебя обидеть, праведный Самуил! - выкрикнул тогда Бер-Шаарон, но уже ничего нельзя было исправить.

Каждый, слышавший слова Гамадриила, знал, что речь идет о сыновьях пророка Йоиле и Авии, неправедных судьях Вирсавийских, за мзду и подарки оправдывающих злодейства. И получалось, что пророк, учивший Израиль быть верным заветам Божьим, собственных сыновей научить ничему доброму не смог. Бер-Шаарон знал тогда, что не задумано было обвинять пророка, это было только начало, надо было обосновать заветное свое требование. Самуил тогда еще не понял, что не обвинять его пришли, а просить. Посох Самуила приподнялся и снова опустился, оставив в земле глубокую вмятину.

И тут произнес Гамадриил те слова, которые так ждали старейшины: «Дай нам царя, праведный Самуил!».

Об этом сговорились давно, всем надоело терпеть набеги филистимлян и защищаться только молитвами, всем надоело прятаться в пещерах, надо было, как и другим племенам, защищать свои дома и

виноградники. И потому поддержали Гамадриила со всех сторон: «Дай нам царя! Хотим царя!».

И мог ли тогда он, Бер-Шаарон, воспрепятствовать этому общему желанию? И словно порыв ветра шатнул тогда пророка. И спросил Самуил скорбно: «Разве вам мало небесного царя?» И бездумные, словно упрямые дети, запричитали старейшины: «Он в высях, Всемогущий, да святится его имя, он высоко, а здесь, на земле, нам нужен земной...».

И облегченно вздохнули тогда старейшины, потому что наконец было высказано то, ради чего шли они в Раму. Никто не может предвидеть, к чему ведут слова и как далеко они могут завести. И никому не дано повернуть время вспять. Еще никто на земле не обратил в бегство годы, чтобы вернулись они на круги свои. Не радоваться надо было тогда, в Раме, а громко стенать...

Правда, он, Бер-Шаарон, хотя и был молод, сомневался во всем. Но даже он не мог предположить и сотой доли того, что выпадет на его долю. И что значил он один против всех? Если даже Самуил поник тогда, сгорбился еще сильнее, и только посох скрипнул в его руке, и он вскинул голову, сделал шаг вперед и медленным взглядом обвел старейшин.

И сказал, возвысив свой голос: «Господь Бог един и всемогущ, да будет славно его имя в высях! Ему подвластны и твердь земли, и гладь морская, каждая тварь на земле и на воде. Все мы в длани Господней! - Он пытался объяснять им, неразумным, сколь велико их заблуждение, он еще ждал, что они одумаются и отступятся, он объяснял: - Знайте, велики будут и права царя, который будет царствовать над вами. Сыновей ваших он волен будет брать к себе, и приставлять к своим колесницам, и учить будет их убивать врагов своих, и сделает их воинами и всадниками своими, и будут бегать они перед его колесницами. И когда не будет войн, все равно станут они служить царю и возделывать его поля, и жать его хлеб, и станут ковать оружие, и строить крепости из каменных глыб. И дочерей ваших волен взять царь, чтобы улаживали его на ложе любви, чтобы варили и пекли хлеба, и готовили ему пьянящее вино. И поля ваши, и лучшие виноградники, и масличные сады волен будет взять он и раздать прислужникам своим, и от посевов ваших будет брать он десятую часть. И будет стон и скрежет зубов ваших, но поздно будет роптать и не просите тогда милости у Всевышнего, ибо он не ответит вам!».

Все сбылось, как напоролил мудрый Самуил, все сбылось и еще более страшные деяния свершились. Скоро он, Бер-Шаарон, покинет эту землю и если дано будет ему встретиться с Самуилом там, в высях, если избавит Господь от Шеола за все земные страдания, то поклонится Бер-Шаарон великому пророку и скажет: «Прости нас неразумных!».

О, если бы тогда, в Раме, прислушались к словам пророка! Правда, эти слова поначалу поколебали старейшин, и пошел среди них ропот, но

быстро стих. И тогда удалось ему, Бер-Шаарону, протолкнуться вперед, но слаб был его голос. О, если бы человек мог все знать заранее, но, увы, это дано только Всевышнему. Им размерена и исчислена судьба каждого на земной тверди. Если бы тот день повторить, то встал бы тогда против всех - убейте меня, если не верите, но одумайтесь, прислушайтесь к праведному Самуилу!

Но тогда не нашлось этих слов, и было смятение в мыслях. И казалось, правы старейшины, нужен царь Израилю, будет он щитом, ограждающим народ от разбойных набегов. И победит он и филистимлян, и аммонитян, и амаликитян... Но ведь те разоряют мирные поселения не каждый год, а царь будет требовать дань постоянно - об этом надо было тогда подумать. И о сыновьях своих озаботиться. Трое их было у Бер-Шаарона. И всех троих ждала гибель. Все трое стали воинами Саула. Надо было крикнуть тогда: «Не надо нам никакого царя! Состарился Самуил, но есть еще в нем сила Божья, и судит он справедливо сынов Израиля. Его устами говорит всемогущий Яхве. Устами Самуила остерегает народ. Забыл народ заветы Господа, избравшего нас, чтобы нести откровение его. Нужны ли цари народу священников? Не с мечом, а со словом Божьим дано идти к иным племенам. Не были и не хотели быть царями ни Моисей, приведший народ на землю обетованную, ни брат Моисея Аарон, ни Иисус Навин, завоевавший города ханаанские. Столпом огненным освещал путь народу Господь, когда вел по пустыне. Испепелит он тех, кто посягнул на его престол!».

Обо всем этом надо было кричать тогда, но неразумен был он, Бер-Шаарон, не хотелось ему перечить старейшинам, пробормотал он тогда только: «Послал нам Господь пророков - и Гидеона, и Илия, и мудрого Самуила, нужен ли кто другой, угодно ли это будет Господу?».

И сразу со всех сторон накинулись на него, и хулили, и порицали перед очами Самуила. Елиазар из колена Иудина подскочил со сжатыми кулаками, Гамадриил оттолкнул плечом, возвысил свой голос: «Не слушай Бер-Шаарона, милостивый Самуил! Судить ли Бер-Шаарону о горестях наших! Виноградники его упрятаны за горными высотами, и не проходят караванные дороги мимо его пшеничных полей. Затаился он, как улитка, засел под щитом раковины. А есть ли среди нас, кто не терпел притеснений от лютых разбойников, кто не устал от филистимлянских набегов и разорений поселений наших, кто не терял сыновей и дочерей своих?».

И ответили тогда старейшины разом, словно выдохнув: «Нет!».

Вот и оказался Бер-Шаарон в одиночестве, указали ему на место его - не тебе решать. Оттеснили его от пророка, чтобы не смущал своими дерзкими сомнениями, и ловил Бер-Шаарон на себе злобные взгляды.

Лишь Кис, вениамитянин, пашни которого смыкались с виноградниками Бер-Шаарона, одобрительно кивнул. Он тоже хотел, чтобы осталось все, как есть, но ему не дали даже рта открыть, отгеснили в задние ряды, и забормотал обиженный Кис: «Зачем мы пришли сюда, зачем оставил я без присмотра стада свои...». Кис как раз и не должен был роптать тогда, но разве знал Кис, на кого падет Божий жребий? Разве предполагал, что жребий этот уготован его сыну.

Поздним вечером, когда все разбрелись и устроились на ночлег, еще долго сидели Бер-Шаарон и Кис у ворот Рамы, и собрались постепенно к воротам другие старейшины, и подошел к ним Самуил, и все вместе долго молились они Всевышнему, а потом сказал Самуил:

- Идите каждый в город свой и ждите вестей от моих посланцев. А я молить буду Всевышнего да славить имя его, просить, чтобы указал, кто из вас угоден ему...

Пустились в путь на рассвете, солнце еще не жгло, пробиралось медленно из-за туч, лучами, словно ресницами, пробивалось сквозь облака. Ехали по узкой горной тропе. Впереди Кис, за ним Бер-Шаарон. Ослов своих не подгоняли, обо всем успели наговориться.

Умны были задним числом, и слова находились, чтобы доказать всем, что не нужен царь. И особенно разошелся Кис. Если бы знал он, что жребий осчастливит его род... Но счастье ли было в том - блеснуть на небосклоне падающей звездой, потерять своих сыновей. И вот один вернулся из Шеола, чтобы мстить? Царя не минула та же участь, что и его, Бер-Шаарона. Самая страшная участь - пережить своих сыновей. Вот как страшен тот, кому дана беспредельная власть - род свой он дает истребить и сам падает на меч...

И прав был Кис, когда говорил, что опасен царь. И в то утро, когда они ехали из Рамы, ни в чем не расходились их мысли. Оба они хорошо знали прошлое. И то, как жил народ без царей на земле Ханаанской, как избирали судей, и те собирали войско, когда становились нетерпимыми набегу амаликитян или сыновей Моава. И праведный судья Гедеон, разрушивший жертвенники язычников, когда победил мидианитян, отказался быть царем. А вот его сын, неправедный Авимелех, рвался к власти и после кончины отца, чтобы отделаться от своих соперников, убил семьдесят своих братьев.

И утверждал Кис в то утро, что нет страшней испытания человеку, чем испытание властью. Это Кис вспомнил тогда притчу, с которой обратился к народу бедный Иотам, единственный брат Авимелеха, уцелевший после резни. Иотам, чтобы остановить кровавого Авимелеха, рвущегося в цари, поведал народу о том, как деревья выбирали себе царя и сказали маслине: «Царствуй над нами!». И мудрая маслина ответила: «Как я оставлю свой сок, свой елей и пойду скитаться по деревьям?». И тогда

сказали деревья смоковнице: «Иди ты царствуй над нами». И сказала им смоковница: «Неужели я перестану давать свою сладость, оставлю мои сочные плоды и пойду возиться с деревьями?» И сказали деревья виноградной лозе: «Иди ты царствуй над нами». И ответила виноградная лоза: «Оставлю ли я сок мой, который веселит людей, и пойду ли скитаться по деревьям?». И, наконец, деревья обратились к терновнику: «Иди ты, царствуй над нами». И терновник сказал деревьям: «Если вы хотите поставить меня над собой царем, то приходите, покойтесь под моей тенью, если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет даже кедры ливанские!».

Очень верная притча. Надо было рассказать ее старейшинам, да вот сробел Кис. А когда возвращались - поведал. И добавил - какая уж тут тень от терновника, и не нужны Израилю пожары, а когда будут потребны силы огненные - не оставит народ свой Господь наш.

И еще вспомнили они тогда и Самсона, и славную Девору, вставших во главе народа в тяжелые дни. И не нужно было Деворе царское звание, когда сидела она под пальмой и была великой пророчицей. А пришел срок и возвала она к народу и сокрушили сыны Израиля, ведомые ею, грозного царя притеснителя Явиса. И великий и всесильный Самсон тоже не был царем, и без войска одолел он филистимлян, одной ослиной челюстью побивал десятки врагов. А если бы Самсон стал царем? Шли бы тогда непрерывные войны. Ведь Самсон всегда старался силу свою показать. То крепостные ворота отнесет на гору, то опрокинет своды храма на врагов.

Сила, конечно, нужна народу, говорил в то утро Кис, но не лучше ли мирно пасти стада свои и избежать кровопролитных битв, чем искать славу в поражении многих. Прав был тогда Кис. Но родился ли такой человек на земле, чтобы, получив власть, не стал рваться в сражения.

И Бер-Шаарон в то утро упрекнул Киса - почему тот молчал, почему не рассказал притчу о терновнике старейшинам. А сейчас после драки кулаками машем. Вот и скажется народу терновник.

Возможно, запали эти слова в душу Киса и аукнулись речи эти потом ему, Бер-Шаарону...

А тогда Кис, безнадежно махнув рукой, сказал:

- Да, толку нет от терновника, даже тени не сможет он дать, чтобы укрыть от палящего зноя. Будет палить такой царь пламенем, да избавит нас Господь от такого царя-терновника!

Не ведал тогда Кис, что клянет он «терновник» от его же семени рожденный. А позже, когда узнает, забудет свои опасения и не подступиться будет к нему -царскому отцу Кису...

А в то утро ехали и беседовали они, как два неразлучных друга. Говорили о сыновьях своих, о стадах, об урожае, о том, что пришла пора менять пастбища и дать отдохнуть земле, о том, что утратили совесть

люди и норовят украсть все, что плохо лежит, и собрать урожай там, где не сеяли. Пропали у Киса в те дни три ослицы и поведаль он, что послал сына своего Саула и слугу Иеровалла на поиски. И стал расхваливать своих сыновей. И неспроста - хотел он породниться с Бер-Шаароном, давно уже положил глаз свой на дочь Бер-Шаарона - Эсфирь, не сказал только, за которого из сыновей хотел сватать ее. Много было у каждого из них дел в полях и пашнях своих, жалели они, что напрасно потеряли время в Раме...

Была у них тогда надежда, что начнется сбор винограда, и забудут старейшины о своем желании поставить царя над Израилем, и успокоятся под своими смоковницами и оливами мудрые старики. Но не дано было их надеждам свершиться, ибо внял Господь просьбе Самуила и указал пророку, кому отдать власть над людьми, беспокойными и суетными, не признающими царя в высях, а жаждущими зримых идолов.

И месяца не прошло, как со всех сторон земли обетованной - от Дана до Вирсавии - потянулись люди в Массифу на зов Самуила. Будто разом растаяли льды на вершинах гор и устремились ручьи в долину, и не было конца их течению. Ибо хотя и пали многие сыны Израиля в жестоких битвах, но умножился народ за эти годы и стало их больше, чем звезд на небе. И возрадовался бы прародитель Авраам, если дано было бы ему увидеть, что исполнил завет свой Господь. Первым вошел патриарх в землю Ханаанскую из Ура Халдейского, в землю, текущую молоком и медом, и уверовал в единого Бога, и бродил он по лику земли среди этих зеленых холмов и сиреневых гор, и неустанно зывал ко Всевышнему. Велика была его вера, и не ослушался он Бога, когда тот повелел принести в жертву единственного сына, и за послушание возлюбил его Господь, и агнец был дан ему взамен сына для жертвы, и стал потом его сын Исаак прародителем племен многих, стал отцом Иакова, прозванного Израилем - борющимся с Богом - за то, что вступил тот в борьбу с ангелом Божьим и не испугался. Не было страха у праотцов, во всем уповали они на Господа, от Иакова-Израиля пошли все двенадцать колен израилевых - от его двенадцати сыновей. И вот теперь заселили они землю обетованную. И пришло время избрать царя, чтобы стать, как и другие народы, крепкими и могущественными. И жаждали они увидеть того, кто помазан на царство Самуилом по велению Божьему...

Играли свирели, гудели рожки, бляели овцы, предназначенные для жертв всежожения и на трапезы, которые дано праведникам разделить со Всевышним. И не сомневались - в этот день Господь опустился на крыльях херувимов, укрепленных на крышке Ковчега. И повсюду слышались молитвы и песнопения. Как на праздник великий шли. Несли опресноки, и пьянящий шекер был припасен в кувшинах. Близился Песах - памятные весенние дни, в эти дни много лет назад бежал народ из египетского плена, и расступились перед беглецами воды Чермного моря, и поглотило

море египетские колесницы, мчащиеся в погоне, простер тогда Господь длань над народом своим и вывел в землю Ханаана...

И вот шли теперь их потомки, шли люди всех колен Израиля, ведущие свой род от двенадцати сыновей Иакова. Умножился Израиль и возрос на земле Ханаанской, и возжелал себе фараона. Заполнили люди весь город Массифу, и повелел Самуил подходить к нему всем коленам поочередно. Колено Бер-Шаарона было в числе последних, и надежд никто не питал на то, что будет избран царем их соплеменник...

Первыми прошли перед Самуилом люди из колена Рувимова, ибо был Рувим старшим сыном Иакова от нелюбимой жены Леи, сыном, лишенным первородства за тяжкий грех - совершил он прелюбодеяние с Ваалой, наложницей своего отца. Давно забыт этот грех, праведны люди колена Рувимова, множество было среди них знатных и умудренных годами мужей, владели они обширными пастбищами на берегах Иордана, умели постоять за себя, но были излишне кичливы и уверены были, что идет в их рядах будущий правитель всего Израиля. Но молча смотрел поверх их голов Самуил.

Бер-Шаарон был в те годы любопытен и всюду хотел успеть, покинул он своих родичей и старался протиснуться поближе к пророку - вдруг выбор падет на убогого и никчемного, надо упредить тогда. Надо остановить пророка, надо добиться, чтобы избрал достойного. Так думал в те давние дни Бер-Шаарон, не понимая, что судьбы всех людей записаны на небесах, что все они под дланью Божьей, и ничего не дано изменить смертному человеку...

Вынесли тогда из дома Самуила Ковчег Завета и установили на кровле, чтобы мог невидимый Господь узреть свой народ, сидя на крыльях херувимов. И стояли подле Ковчега четыре священника в белых эфодах и непрестанно пели псалмы, восхваляя Господа, вездесущего и всемогущего. А люди все проходили и проходили перед Самуилом. И недолго шли мужи из колена Симонова, ибо не было у них своих земель и многие из них смешались с более многочисленным коленом Иудиным. Зато, когда вслед за ними двинулись люди из колена Иудина, стало тесно среди домов Массифы, ибо умножилось колено Иудино, и было над ним благословение Господне. Никогда мужи этого колена не преклонялись перед идолами, не искали защиты у ханаанских богов земли и плодородия и не брали они в жены женщин ханаанских, и изгоняли из шатров тех, кто нарушил этот завет. И Бер-Шаарон не раз благодарил Господа, что не среди этого колена дано было родиться, ни за какие блага не расстался бы он с женой своей Амирой. В колене его, Ефремовым, многие имели иноплеменных жен, и ни разу не слышал он упреков в том, что привел в свой шатер плененную им в стане амаликитян женщину. Живи она сейчас, разве мучился бы он среди бродяг и отверженных, разве бы утратил все, что имел на лице

земном. И от Саула она бы уберегла, говорила всегда - подальше надо быть от правителей.

Рано ушла она в мир иной. Болезни иссушили ее тело, сжались ее груди, истончились ноги, и не спасли ее ни отвары из трав, ни знахарки... Оставила его одного замаливать грехи и мучиться среди чужих людей... А в те давние годы легко было с ней, не ценил только, мало ласки дал ей. А она старалась все сделать для него и сыновей. Снарядила их тогда в Массифу, отстирала праздничные одежды, все хотела, чтобы приметили их, чтобы видели - не хуже других живут в доме Бер-Шаарона...

И вот стоял тогда Бер-Шаарон в окружении сыновей своих и смотрел, как бесконечным потоком шли сыновья Иуды, уверены были почти все, что именно среди них находится тот, на кого указал Господь Самуилу. Помнил и Бер-Шаарон, и все старейшины завет патриарха Иакова, что не отойдет скипетр от Иуды, и будет всегда обладать властью род его, и явится на землю Мессия - посланник Всевышнего, и будет он из рода Иудина. Храбростью своей в битвах, где сражались они, как молодые львы, доказали сыны Иуды свое право на власть. Долго и величественно шли они перед Самуилом, никого из них не остановил пророк.

И прошли вслед за ними мужи из колена Завулонова, живущие вдоль берегов морских и знающие корабельное дело, и прошли люди из колена Данова, оберегающие северные границы, воинственные и уверенные в себе, и прошли люди из колена Гадова, храбрые и высокомерные, и прошли люди из других колен Израиля, и ни на ком не задержал своего взгляда пророк Самуил.

И вот вступили на улицы соплеменники Бер-Шаарона, он влился в их ряды, и помнится, как забилося тогда сердце, как кровь прильнула к лицу. Стыдно сейчас признаться, но тогда хотелось, чтобы указал на него, Бер-Шаарона, пророк Самуил, но смотрел пророк поверх голов туда, на окраину Массифы, где показались люди из последнего колена - Вениаминова. Рожден был Вениамин на земле Ханаанской, когда привел свой род туда Иаков, рождение последнего сына стоило жизни жене его любимой Рахили, сына младшего Вениамина - любимого брата Иосифа...

Вот в этом колене и был избранник. И вспомнилось, как тогда посмотрел на него, Бер-Шаарона, хитрый Кис, вспомнилась его кривая ухмылка, наверняка знал Кис заранее на кого падет выбор. А Самуил долго выискивал взглядом избранника, и наконец в наступившей гулкой тишине провозгласил:

- Сей муж из семьи Киса и зовут его Саул!

До сих пор звучат в ушах Бер-Шаарона эти слова, уже плохо слышит он теперь, не разбирает слов произносимых рядом, но голоса из прошлого звучат отчетливо. И этот голос Самуила сливается с испуганным

голосом Эсфири, его дочери: «Я не знаю, как его зовут!» Голос Эсфири может свести с ума. «Замолчи, - шепчет Бер-Шаарон,- замолчи!».

Долго тогда искали младшего сына Киса... И был радостно возбужден Кис, и хотя понимал Бер-Шаарон, что сейчас не время говорить о дочери, что совсем о другом сыне думал Кис, когда жаждал заполучать в невесты Эсфирь, что у Саула уже есть Ахиноама, но ведь царь может иметь много жен, у него хватит богатств, чтобы содержать их... Так думал тогда он, Бер-Шаарон, поздравляя торжествующего Киса...

Саула нашли в обозе, привели растерянного, покрасневшего. На голову он был выше самого высокого из сынов Израиля. Черная борода обрамляла его лицо, а глаза его были так широко раскрыты, так был он растерян, что всем почему-то захотелось ободрить отрока, прикоснуться к нему, и уже раздавались крики: «Слава царю!». И хотя еще ничего не свершил этот высокорослый сын Киса, всех покорил он своим простодушием... Кто бы мог подумать тогда, что он даст повеление Дойку Идумеянину, чтобы тот перерезал священников из Номвы, кто бы мог подумать?.. Можно ли было предположить тогда, что в него вселится злой дух. Это был первый царь народа, царь, которого так долго ждали, это был будущий воин и защитник. Он должен был погибнуть за свой народ, и все поверили в его смерть, когда на Гелвуйских высотах было поражено войско его филистимлянами, поверили, что он лег на меч свой, чтобы избежать позора, были даже свидетели тому. Свидетелей всегда можно найти. А он, Саул, избежал смерти, отыскал город-убежище, чтобы здесь продолжать вершить зло, чтобы казнить тех, кто спасся от ножа Дойка Идумеянина. Ведь властитель не может жить без пролития крови. И первым он лишит жизни его, Бер-Шаарона. Стоит страже зазеваться, стоит отворить темницу... Да и правитель города Каверун может выпустить, правитель с правителем всегда договорятся. А стоит ли бояться смерти? Если бы Господь не насылал ее, земля бы переполнилась людьми...

Когда исчезает страх смерти, бояться уже нечего, ничто не страшит. Бер-Шаарон знал, что никто не оплачет его смерть. Может быть, только та несчастная женщина по имени Зулуна, которая иногда приносит снедь в пещеру, приносит такие теплые пропитанные медом лепешки... Найдет его тело и всплакнет, как и все женщины, у женщин всегда легко появляются слезы.

Бер-Шаарон приподнялся с холодных камней, осторожно, чтобы не разбудить других бедолаг, нашедших здесь, в пещере, свое пристанище, вышел наружу. Наступал предрассветный час... Уже было слышно пение первых птиц, и прорисовывались на горизонте силуэты сиреневых гор. Молчаливо, словно застывшее стадо баранов, облегли они город, защищая его от ветра и непрошенных гостей. Рассветный зыбкий воздух был переполнен молчанием. Бер-Шаарон горько вздохнул и помрачнел

при мысли о том, что пришло время искать новое пристанище. Сил для этого нового переселения почти не осталось. Вновь Саул гонял его с насиженного места. За спиной Саула всегда стоял Самуил. Это Самуил был во всем виноват. Почему же ошибся пророк? Почему не смог разобрать правильно, что повелевает Господь? Помазал одного, а не прошло и десятка лет, как сделал помазанником другого. Вместо Саула захотел поставить Давида. Кому же нужен был такой первый царь, который не смог удержать своего царства и пал на свой меч. Кто хотел иметь царем Саула? Внешность обманчива. Ну и что с того, что он выше всех в стране Израиля. Есть вообще племена исполинов... А может быть, это все подстроил хитроумный Кис? Это ведь Кис послал Саула за пропавшими ослицами, послал в Раму, велел в случае, если ослицы не найдутся, зайти к пророку. Простодушный юный великан не мог не понравиться Самуилу. К тому же, Самуил не хотел терять власть, он думал, что сможет командовать этим бесхитростным великаном.

И пророки могут ошибаться. Все смертны. Всех будет судить Господь. Но далек, хотя и неотвратим суд Всевышнего. И смертные спешат свершить свой суд, и у каждого своя правда. Саул должен ответить и за священников, и за амаликитян. Но и ему, Бер-Шаарону, будет предъявлен свой счет. И за сыновей, которых не уберег, и за дочь, которую изгнал из дома, обрек на погибель. Нет за все это прощения, да и не у кого просить его. И Саул не будет прощен. В городе больше всего амаликитян, если те узнают, что здесь Саул - то растерзают его, но есть здесь и кеняне - их Саул спас, но те, кого спасли, будут молчать, а те, у кого убиты отцы, возвысят голоса свои. Всегда свершенное зло запоминается сильнее, чем сделанное добро. Саул ведь не только преследовал его, Бер-Шаарона, он дважды спас от гибели. Почему? Возможно, это было просто случайное стечение событий. Остальное - все в крови...

Напрасно ты пришел в этот город, Саул, - прошептал Бер-Шаарон, - этот город не для тебя! Даже я не боюсь тебя, Саул!

Глава III

Маттафию подвели к черному круглому отверстию, занимавшему середину пола в сторожевой башне. Его заставили сесть в деревянную бадью, и стражники на веревках стали опускать эту бадью. Бадья, поначалу медленно скользящая вниз, внезапно рванулась и полетела навстречу сгущающейся тьме. Достигнув дна, раскололась она с таким грохотом, будто рухнули стены преисподней. Веревка поволокла вверх

обруч и несколько оставшихся досок. Наверху слышались ругань стражников и какое-то шипенье. И все смолкло.

Его окружила плотная и затхлая тьма, лишь над головой слабо вырисовывалось круглое отверстие. Он понял, что очутился на дне высохшего колодца. Здесь, в этой глубокой яме, возможно, некогда хранились запасы воды, сберегаемые на случай длительной осады крепости. Теперь хранилище стало темницей. Стены выложены тесаным камнем, гладким - зацепиться не за что. Убежать отсюда невозможно. Если бы даже он смог выбраться, то очутился в сторожевой башне, ворота в которую постоянно заперты, да и стражники дежурят на крепостной стене днем и ночью.

Оставалось терпеливо ждать и надеяться, что все случившееся у крепостных ворот - дело злого случая, сатанинское наваждение. Откуда-то взялся этот старик, очевидно когда-то до смерти напуганный Саулом, да еще и судья, смыслящий в написании арамейских знаков. Попробуй теперь, докажи, что ты не Саул. Это опасное сходство всю жизнь преследовало его, Маттафию. И в плену проклятые филистимляне жаждали похвастать перед всеми - поймали царя, поняв же, что ошиблись, все равно, издеваясь, называли не иначе как царем. Царь, добывающий медь в подземных штольнях, обжигаемый жаром плавильных печей...

Жизнь закалила его. Он знал, что нет безвыходных положений. Сколько раз его и выручало, а не только губило, сходство с Саулом. Но теперь-то, казалось все в прошлом...Все знают, что давно истлели кости царя. Повсюду распевают псалмы Давида, повсюду восхваляют подвиги нового царя.

Народ не пошел за Авессаломом, который смутил чернь неисполнимыми посулами. Все устали от войн. Избави Господь сыновей, думал Маттафия, ввязываться в эти схватки. Старший Фалтий мог пойти сражаться за Давида, еще в Гиве саудовской Фалтий был просто влюблен в этого будущего царя. Слишком долго он, Маттафия, томился в плену. Сыновьям нужен отец...

Он, Маттафия, вырос без отца, он долгое время не мог добиться от матери имени того, кому обязан своим появлением на свет. Тайна происхождения тяготела над ним всю жизнь, а теперь обернулась страшной явью, будто из могилы протянулось отцовское неприятие его, умерший не хотел, чтобы жил на земле человек, столь похожий на него. И теперь вместо себя хочет отдать на закление сына...

Вместо него он, Маттафия, брошен в сырую яму, как злостный преступник, теперь надо ждать, когда разберутся во всем, когда доложат правителю. С деньгами можно распрощаться, годами скопленные сикли уже не вернешь. Хотелось облегчить жизнь женам и сыновьям, но видно

не судьба обрести богатства, не до этого - надо сначала выбраться отсюда, надо доказать, что они ошиблись, приняв его за царя...

Маттафия сидел на дне ямы, подложив под себя обломки бадьи, он прикрыл глаза, но сон не приходил к нему. Он не мог определить, прошла ли ночь, начался ли новый день. О том, что этот день настал, он понял, когда ему кинули сверху лепешки. Он разделил их на несколько частей. Над головой обозначилось смутное белесое пятно - это означало, что там, наверху, взошло солнце. Дано ли увидеть его свет, дано ли выбраться отсюда. Глаза постепенно привыкли к полумраку. Слух обострился. У него, Маттафии, всегда был острый слух. Маттафия мог, припав к земле, услышать бег филистимлянских колесниц задолго до их появления. Заслышав во тьме шорох крыльев, он мог швырнуть камень на этот звук, и сраженная птица падала наземь. Он мог пустить стрелу в сторону едва уловимого шепота врага, и стрела пронзала невидимого противника. Теперь это все не нужно ему, его войны позади.

Теперь обостренный слух позволяет ему услышать, как где-то под землей пробирается вода, как наверху кто-то вошел в башню. Шуршание и писк здесь, внутри ямы, говорит о том, что и в подземелье продолжается какая-то невидимая жизнь. Он различил, как метнулась тень у стены ямы, и понял - это крыса, стал шарить по камням, стараясь отыскать ее нору. Наткнулся рукой на узкое отверстие, положил рядом кусочек лепешки. Он не враг всему живому. Господь создал много тварей, все хотят жить. Все должны научиться безропотно принимать свой удел.

Жизнь наделила его, Маттафию, терпением. Он всегда находил выход из самых тяжелых положений. Он всегда уповал на Бога. Он знал - Господь послал испытание, и Господь пошлет спасение. Господь не раз спасал его и в битвах, и в пустыне, где он был вынужден скрываться с Давидом, когда Саул преследовал их, как охотник хищного зверя. Он поставил им капканы на всех дорогах. Но не захлопнулись эти капканы... Господь не оставил своих сынов и на краю гибели всегда протягивал свою спасительную длань.

Смерть все время кралась по пятам Маттафии, он играл с ней в прятки, он привык жить рядом с ней. Он никогда не страшился смерти в бою, ибо владел мечом почти всегда искуснее врага, он не утратил ее в плену, когда рядом с ним падали и умирали ежечасно его товарищи. В плену нужно было терпение, и он научился смирять свою горячую кровь. Еще в детстве, когда он убежал из дома охотиться в далекие долины, мать говорила ему: это бродит в тебе кровь, это внутри тебя рождается беспокойство, ибо кровь беспокойных богоборцев и мудрецов иври не хочет смешиваться с горячей кровью вспыльчивых сынов пустыни, рожденных Амаликом.

Она, давшая ему жизнь, была дочерью амаликитянки. Эту амаликитянку пленил знатный иври, владелец пастбищ и маслобоен. Этот знатный иври, имя которого так схоже с именем выжившего из ума старика, свидетельствующего против него, Маттафии, в свое время изгнал свою дочь. Имя же отца для него, Маттафии, долгое время было скрыто завесой тайны. Пока, наконец, мать не решилась сорвать эту завесу, взяв с сына слово, что нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах, он никому не откроет тайну своего происхождения. Она понимала, что это грозит ему смертью. Она не хотела, чтобы он попал в царской дом, ей было достаточно того, что он рос сильным и здоровым и мог всегда за себя постоять. Он плохо помнил те годы, когда они с матерью еще не обрели своего пристанища. Позже он узнал, что еще до своего рождения стал причиной ее скитаний. Еще не появившись на свет, он вызвал гнев ее отца, и этот богатый и властный человек изгнал из дома свою юную дочь только за то, что живот ее стал слишком заметен, и она ни за что не хотела назвать того, чье семя проникло в ее лоно.

Долгие годы она блуждала от поселения к поселению в земле Ханаанской, и Маттафия помнит, как прятала она для него колоски, как тяжело ей было бродить целыми днями по уже убранному полю, отыскивая пропущенное жнецами. И он, маленький и бессильный, лежал в борозде у края поля и задыхался в плаче, мучимый жаждой и голодом. Потом, когда он уже сам мог брести с ней по тропам и дорогам, где можно было часто встретить караваны, они питались подаяниями. И сейчас кровь приливает к сердцу, когда оживает в памяти пыльная дорога детства - крики погонщиков верблюдов, рев голодных ослов, караванчики, опьяненные шекером... они пытаются затащить мать в свой шатер, она, закусив губы, старается сдерживать плач, и он, единственный ее защитник, кидается с камнем в руках на разгоряченных и жаждущих легкой добычи караванчиков. Не разглядев в темноте, что это всего лишь мальчик - он ведь и тогда, в десять лет, был ростом выше любого из них - они трусливо разбегаются. Караванчики, разве это мужчины, гиены, живущие разбоем и обманом, считающие свои сикли и прячущие алмазы даже в задницах своих. Вечный страх ограбления сопровождал караваны, вечный страх и голод гнали молодую женщину с ребенком по каменистым дорогам Ханаана.

Мать, вот та женщина, которая любила его, Маттафию, как самую себя и даже больше, она любовалась им и часто говорила: «Ты высок и крепок, как кедр ливанский, волосы твои, как смоль, ты плоть от плоти и кость от кости отца своего, возлюбленного моего. Ты повторил все прекрасные черты его». Кто этот возлюбленный, бросивший их на произвол судьбы, мать долго не хотела назвать. «Есть ли имя у облаков - вон, сколько их разных, есть ли имя у ветра, есть ли имена у лучей солнца

- и облака, и лучи солнца, и ветры ласкают нас, они прекрасны, и зачем имя тому, кто несет тепло и радость», - говорила она, и слезы выступали у нее на глазах. Эти слезы не мог Маттафия простить тому, кто зачал его и обрек на скитания и голод. А мать была покорна судьбе и считала, что так угодно было Господу, провозгласившему устами пророка Самуила иной жребий для ее возлюбленного.

Слезы иссушили глаза матери, жаркое солнце сделало темной некогда белую кожу, руки огрубели от каждодневной работы, груди ее иссохли. И считала она, что все это наказание за ее грехи, и что все это уготовано Господом и Ваалом. Потому и имя дала сыну - Маттафия, что на языке иври значит - Богом данный.

Свою первую обитель они нашли на землях, за которыми начинаются горы Ливанские. Где-то здесь, неподалеку от города-убежища, о котором тогда они ничего не знали. И не предполагал Маттафия, что в конце лет занесет судьба его туда, где был исток его жизни, здесь начиналась она...

Именно здесь, неподалеку от пределов Дановых, возделывал пшеничное поле отверженный всеми одноглазый Овадия. Говорили все, что несет он проклятие Господа, ибо изгнан был за тяжкие грехи из колена Иудина. Говорили, что много лет назад убил он свою жену, возревновав ее. Эсфирь, так звали мать Маттафии, приглянулась ему и разрешил он собирать на своем поле оставшиеся после жнецов колоски, Маттафия вместе с матерью бродил по колкой стерне от восхода до заката. Овадия был добр к ним и кормил их вместе со своими работниками. Но было слишком страшно его лицо, угрюмый и косматый, как Исав, молчаливый Овадия пугал одним своим видом. Он был противен не только Маттафии, по-видимому, и мать не выдержала, и они покинули сытный дом и еще долго скитались по землям всех двенадцати колен Израиля, пройдя путь от полуночных земель до полуденных, прежде чем сумели обрести свою обитель.

И нашли они прибежище не у сынов Израиля, а у совсем другого племени. Того племени, к которому принадлежала мать Эсфири - Амира. Была родительница Маттафии, Эсфирь, похожа на женщин того племени, хотя и не сразу признали ее там своей. Были то амаликитяне и жили они среди пустынь, содержали стада верблюдов и еще промышляли разбоем на караванных дорогах, ведущих из долины четырех рек месопотамских в египетскую землю. Были амаликитяне смуглы, будто их долго коптили на дымных кострах, и глаза у них были узкие, потому что всегда приходилось им щуриться от ветра пустыни, несущего не только удушающую жару, но и колкие песчинки. Властвовал над амаликитянами хитрый и самолюбивый царь Агаг, и они не строили себе домов из глины и кирпичей, а жили в шатрах из козьих шкур.

Маттафия быстро усвоил их язык, гортанный и раскатистый. А родительница его Эсфирь нашла здесь мужа, пожилого торговца верблюдами, которого он, Маттафия, наотрез отказался называть отцом и даже пытался убежать из дома, когда обидчивый торговец огрел его плетью.

Но жив Господь и всюду простер он свою длань, и лишен был жизни незадачливый торговец. Напали на его караван бедуины и убили всех амаликитян, которые везли бараньи шкуры в долину четырех рек. Он, Маттафия, помнит, как порвав одежды и посыпав голову песком, долго рыдала мать. Но ни одной слезинки не смог выдавить из своих глаз тогда он, Маттафия. И напрасно убивалась мать и считала, что пропадут они и не сможет она прокормить себя и сына. Господь сжалился над ними, ее взяли в работницы к самом Агагу, и хотя царь ненавидел евреев и считал большим грехом прежнюю жизнь матери среди сынов Израиля, но все же смилостивился он: очень усердна была мать и трудилась так, как будто не было у нее других целей и забот в жизни, кроме той, чтобы содержать в чистоте и порядке шатры царя и его многочисленных жен и наложниц.

И попал он, Маттафия, в окружение царских сыновей, и стал с ними приучаться к воинскому делу, метать копья, стрелять из лука, сражаться на мечах, и был он во всем ловчее и умелее своих сверстников. Под жгучими лучами солнца он загорел и почти ничем не отличался от амаликитян, кроме, конечно, своего огромного роста и еще одного отличия, происхождение которого никто не смог объяснить ему.

Была у него, как и у всех сынов Израилевых, обрезана, крайняя плоть, как знак завета с Господом, заключенного еще Авраамом. И когда купался он, Маттафия, со сверстниками или обмывался у родника, старался отойти в сторону, а иногда и делал вид, что не страдает от жары, и сидел в одиночестве на берегу, а потом приходил к реке или роднику, когда темнело, и никто уже не смог бы заметить этого его отличия. Если же случалось со всеми вместе откинуть набедренную повязку, то старался он прикрыть свой член либо пальмовым листом, либо рукой.

И однажды заметил это один из сыновей Агага, верховодивший среди них и всегда старавшийся показать свое превосходство, и когда обливались они водой у родника, подскочил этот насмешник сзади, схватил за руки и крикнул: «Смотрите, смотрите на Маттафию, его крайняя плоть, словно у старца!». Напрасно Маттафия пытался освободиться из цепких рук обидчика, подскочили и другие царские отроки. Один из них стал допытываться у Маттафии, не ходит ли тот к блудницам, другой стал уверять всех, что Маттафия слишком часто дергает свою крайнюю плоть и орошает семенем землю. Маттафия оправдывался, клялся, что еще не познал ни разу женщину. И, наконец, один из отроков, тот, что был постарше и в свое время был пленен в горах

Иудейских и бежал из плена, подскочил к Маттафии почти вплотную и выкрикнул: «Ты иври, еврей, признавайся, ты из сынов Израилевых!». И закричали, все разом: «Иври! Иври!». И отступились от него, словно от проклятого.

В тот день он прибежал к своему шатру и лежал там до позднего вечера, пока не пришла мать. И так пристал к ней, так просил объяснить, почему считают его евреем, что она сдалась, и ему удалось все выпытать у нее, и в тот вечер он узнал тайну своего происхождения, и эта тайна стала тяготеть над ним во всей дальнейшей жизни,

А в тот вечер мать, ласково перебирая его смолистые кудри, старалась успокоить его и говорила долго, и голос ее был мягкий, убаюкивающий, но каждое слово рождало новые вопросы, и хотелось вскочить и крикнуть: «Это все выдуманно тобой, этого не могло быть!». А мать все говорила и говорила, словно прорвалась запруда ее молчания, словно предчувствовала она, что сочтены ее дни, и смерть уготована ей тем, кто был для нее ярче солнца и дороже самого крупного изумруда. Она хотела передать свою доброту, свою любовь, свое всепрощение. Она хотела, чтобы он, Маттафия, также все простил. Она не понимала, что мужчина должен быть воином, и доброта не всегда является прямой дорогой к милосердию, а жестокость не всегда гибельна.

- Забудь обиды, Маттафия, - нежно шептала она, и он видел в полутьме наступившего вечера, как наполняются теплом ее голубые глаза, - ты такой же амаликитянин, как и все твои сверстники. Все люди произошли от Адама, и сыны Израиля, и сыны Амалика, и гирзеяне, и филистимляне, и аммонитяне. И один Господь для всех, и пускай у каждого есть свои домашние боги, но Господь один, этому меня научил мой отец. Господь в каждом из нас, и он же в недоступных высях, когда это поймут, не будет литься кровь, не будет раздоров на тверди земной...

- Почему же ты хранишь деревянных идолов, почему шепчешься с ними? - спросил он тогда.

Она на минуту смолкла, ей трудно было объяснить, что всему есть место под солнцем, и сказала она, как бы оправдываясь:

- Этих божков завещала мне мать Амира, и я, когда увижу, что кончаются мои дни, отдам их тебе, это наши семейные духи, и единый Бог не обидится на меня из-за них. Видишь, мы спаслись, мы живы. Ты растешь смелым и будешь удачливым воином. Агаг хвалит тебя...

- Но почему я не такой, как они, это правда, что я иври? - Маттафия в тот вечер хотел добиться истины, и его настойчивость оправдалась.

- Твой отец, - сказала мать и надолго замолчала. Он затаил дыхание, чтобы не сбить ее неосторожным движением или жестом. - Поклянись мне, что никогда, даже под самыми страшными пытками, не откроешь то,

что я сейчас поведаю тебе, я хочу твоей клятвы для твоего же блага, если тайна откроется, ты станешь жертвою, особенно здесь, в стане Агага.

Он поклялся, сказал, что будут сдержанны и молчаливы его уста. Тогда ему казалось, что клятва эта странна, что хочет мать этой клятвы, потому что боится всего на свете и видит опасность там, где ее нет. Позже, когда матери не стало, он понял, как она была права..

- Так вот, мой сын, - сказала она в тот давний вечер в стане Агага почти торжественно, - твой отец Саул, царь Израиля, и ты можешь гордиться им, но только молча, ради Господа, молча...

Он, Маттафия, тогда оцепенел, будто сковали его, все тело стало тяжелым. Гордиться тем, кто грозит уничтожить амаликитян, тем, кто проливает кровь?

- Ты не думай, что он жесток, и путь его кровав, - сказала мать, - напротив, он слишком кроток и слишком простодушен для царя.

Для матери он был таким, она слишком горячо любила его, и эту историю их любви он услышал в ту ночь из ее уст. Она впервые раскрылась, впервые рассказала о том, что берегла в душе своей, и воспоминания были дороги ей, и говорила она взволнованно.

...В тот день, который стал причиной ее разлуки с возлюбленным, с трудом упростила она Саула взять ее с собой в Массифу, хотя все женщины остались в своих домах. Не женское это дело - выбирать царя. Она предчувствовала, что выбор падет на Саула и молила Господа, чтобы тот переменял свое решение. Она уже знала, что продлит потомство его рода, и он нужен был ей таким, как есть, а не в царском недоступном величии. При одном только виде Саула таяла ее душа, и трепетало сердце, словно у птицы, пойманной в силки. Саул ни в чем не виновен, утверждала она. Она сама хотела сына только от него. Она знала, что это будет сын. Она решила сразу, что понесет от него в день их первой встречи, в день сбора винограда. В тот год виноградные лозы так разрослись, что слились в единый сад и те, что принадлежали ее отцу, и те, которыми владел Кис, отец Саула. И был настолько крупен виноград, что носили виноградные кисти на шестах, которые огибались под тяжестью.

И более других старался Саул, у него были еще братья, но они не шли ни в какое сравнение с ним, ибо Господь наделил его и ростом, и статью, и такими черными пронзительными глазами, что, казалось, в них можно утонуть. Саул почувствовал, что она, Эсфирь, не сводит с него глаз, и старался больше других, чтобы показать, какой он ловкий и как умеет споро работать. Ей нравилось, как загорались его глаза, когда она вместе с подругами топтала в точилах зрелые ягоды. Красные, словно кровь, брызги пятнали их белые платья, приходилось приподнимать подол. У нее были стройные ноги, и ей нечего было стесняться. Вечером у родника она поливала водой из кувшина смуглую спину Саула. Они поклялись тогда,

что не будут жить друг без друга, хотя он уже был связан с Ахиноамой, но верховодила во всем она, Эсфирь. Саул во всем с ней соглашался, и у них не было тайн друг от друга.

Никому он не открылся, что был помазан Самуилом на царство, только ей одной поведал о том, что произошло с ним, когда отец отправил его на розыск пропавших ослиц. Ее тогда сразу насторожил его рассказ. Саул стал успокаивать ее, сказал, что пророк плохо видит и спутал его, Саула, с тем, кто воистину достоин царствовать, что он, Саул, и понятия не имеет, что должен делать царь. Так он успокаивал ее, но она-то знала, что пророк не мог ошибиться. Да, в том, что пропали ослицы у Саулова отца Киса, может быть, и была случайность, но возможно, и это дело рук Господа. Саул ушел на поиски вместе с работником. Выбор ведь не пал на этого работника.. Они вдвоем подошли к дому пророка, они устали от поисков, и одна была надежда, что пророк укажет, где искать ослиц.

Самуил встретил их доброжелательно. Редко кого он допускал к себе в дом, но их пригласил сразу, стал расспрашивать, кто они такие, и что за беда их постигла. Саул отвечал, что пропали у отца ослицы, и что отец отправил на поиски, и вот теперь надо возвращаться, потому что отец беспокоится о нас, он так и сказал «о нас», приравняв себя к работнику, и это, видимо, понравилось Самуилу, ему нужен был человек, не ставящий себя выше других. Саул стал подробно рассказывать, как искали они ослиц, как прошли землю Шалиш и не нашли пропажи, прошли землю Шаалим - и там нет ослиц. И тогда Самуил сказал: «Не стой у порога Саул, пройди и будь желанным гостем в моем доме, я не хочу так быстро отпускать тебя». Саул опять про своих ослиц и про то, что не хочет, чтобы томилось сердце отца из-за него. Видимо, эти слова тоже понравились пророку, и он сказал: «Об ослицах, которые пропали у тебя, не заботься, они найдутся». А потом кликнул своих работников и указал, где искать пропажу. И позвал Саула следовать за ним, по шаткой лестнице поднялись они на кровлю, сели там на циновках и беседовали почти до заката. Всю беседу пересказать ей Саул не смог. Можно было только понять, что пророк хотел узнать, насколько глубоко юный пастух знает Тору, чтит ли заповеди, данные Господом. Саул никогда не был многоречив, но с молодых лет разбирался в письменах, и, наверное, смог ответить пророку, пусть коряво, пусть не совсем точно, но суть он всегда схватывал, а потому ответы его тоже понравились пророку.

Когда в ту ночь родительница рассказывала обо всем этом ему, Маттафии, то заставляла и его повторять заповеди и заветы, данные Моисею на горе Синайской. Выучил ее этим заповедям отец, и во все дни и годы скитаний не изгладились они из ее памяти. Были эти заветы простыми и запомнил их Маттафия на всю жизнь. И если бы люди жили по этим заветам, не пришлось бы ему, Маттафии, страдать и скрываться.

Для жизни людей по этим заветам они должны все признать единого Бога и не творить себе ложных кумиров и богомерзких идолов, они должны почитать отца и мать, не убивать, не прелюбодействовать, не красть и не давать ложных свидетельств, не желать дома ближнего ни жены его, ни скота его... Кажется, очень все просто, но трудно исполнить сии благие заветы, очень трудно соблюсти их в жизни, где если ты не пронзишь врага мечом, то он тебя поразит, где так часто твоя жена становится добычей ближнего, где у тебя не было отца и ты не знаешь зачем чтить того, кто обрек на мучения и тебя, и несчастную мать.

И она верит не только в единого Бога, она ищет заступничества у идолов, она готова поклониться любому божку, лишь бы он спас и оберег ее сына. У Маттафии в ту ночь было много вопросов, ему хотелось многое узнать и постоянно ему казалось, что мать рассказывает не все, что ей хочется все смягчить, сгладить, ей хотелось тогда, чтобы он, Маттафия, полюбил и простил отца. И она не уставала повторять о том, в каком восторге был великий пророк и от знаний Саула, и от его искренности. Как угощал Самуил своего юного гостя, как потом сам вышел проводить... И когда вышли они из городских ворот, сказал Самуил: «Прикажи слуге своему оставить нас наедине, пусть поедет впереди нас». И когда работник исполнил повеление Саула, остановился великий пророк, достал из сумы, висящей на поясе, сосуд с елеем и попросил Саула нагнуться. И вылил елей на голову Саула. И объявил: «Вот Господь помазывает тебя в правители наследия своего, ибо будешь ты царствовать над народом Господним и спасешь Израиль от руки врагов его!».

Саул, услышав это, оробел, стал всячески отговаривать пророка, говорил, что эта чаша не для него, что он сын колена Вениаминова, самого меньшего из колен Израилевых, и что род его невелик, и что нету у него достойных познаний, и что не обучен он ратному делу, и что куда ему становиться пастырем народу своему, когда он нескольких ослиц не может найти. И тогда сказал ему Самуил, чтобы не заботился об ослицах, что они уже найдены в пределах земли Вениаминовой близ гроба Рахили, прародительницы сынов Израиля, что ждут его там работники Самуила и при них эти ослицы, что надо поручить своему работнику отвести ослиц домой, а самому, чтобы обрести благодать Божью и познать заветы Господа, пойти на холм, у которого стоят отряды филистимлян, обойти их скрытно и войти в город, лежащий за тем холмом, и там встретить сонм пророков - Сынов пророческих - которые примут его, Саула, к себе и он будет пророчествовать с ними...

Потом мать объяснила, почему она долго не могла увидеться с Саулом, по ее словам, во всем были виноваты эти бесноватые Сыны пророческие. Она пустилась на поиски, долго бродила по пыльным дорогам, подвергая себя опасности, ведь ее могли схватить филистимляне,

войска которых заполняли всю Изреельскую долину. И наконец, она добила своего, она увидела своего возлюбленного в пределах земли Ефремовой, там, где кончается каменистая пустыня, и на склонах холмов буйно цветут олеандры. Он был странен и нелеп, здесь она не могла его оправдать или приукрасить его действия. Она так и сказала: «Воистину, он был нелеп!». И потом, пытаясь передать его вид, сделала испуганные глаза и задергала головой. Ее можно было понять. Столько искать, так надеяться на встречу, и увидеть его среди бесноватых, босого, похудевшего, бьющего ладонями в огромный медный круг, возвышающегося надо всеми на голову и потому приметного. И все люди смеялись над ним, когда узнавали его, и говорили: «Что это случилось с сыном Кисовым? Неужели и Саул подался в пророки?». И она тогда долго плакала, потому что смотрел он на нее и не видел, и глаза его будто остановились.

Потом, когда встретились в пшеничном поле, когда ушел он от Сынов пророческих, то все объяснил ей, и про помазание на царство, и про этих сынов пророческих, про то, как пытался он услышать глас Божий, но ничего не получалось, и что опять ходил к Самуилу, но тот и слушать ничего не хотел, и что собирает Самуил народ в Массифу, чтобы объявить его, Саула, царем.

И потом, в Массифе, в последний момент Саул испугался, они вместе тогда прятались в обозе, но деться было некуда, выбор был объявлен. И сразу нашлись и советники, и царедворцы, и все вокруг него стали виться, и уже не подступиться было к нему, и тогда узнала она, что женой ему избрана Ахиноама, что род ее знатен. И сама она уже давно прилепились к нему, эта Ахиноама. А Саул, он всегда был столь простодушен, столь застенчив, он не мог отказать женщине, любящей его. Всякий раз мать оправдывала Саула. И непонятно было ему, Маттафии, что она выдумала и что в действительности происходило с ней.

Мать была странной натурой, безропотная словно овечка, годы скитаний и унижений как будто и не оставили на ее душе жестких зарубок, всем и все она прощала, Саул отверг ее, она же старалась его оправдать...

Так она и погибла, может быть, с его именем на устах, призывая его на помощь, не ведая, что это он, Саул, послал беспощадное воинство на царя Агага, что это он уничтожил амаликитян. Как она погибла, Маттафия так и не узнал, да и почти не осталось свидетелей той резни, что учинили воины Саула по повелению Самуила, строго повелел тогда пророк - никого не оставлять в живых. Чудом спасся тогда он, Маттафия, и сумел спасти возлюбленную свою, ставшую женой его, Зулуну...

Если бы мать дожила до сегодняшних дней, если бы все узнала о деяниях Саула, нашла бы она слова для оправдания своего бывшего возлюбленного? Он, Маттафия, пытался такие слова найти, пытался все

объяснить хотя бы самому себе. А тогда, в стане Агага, ничего кроме ненависти он не испытывал к человеку, зачавшему его жизнь, человеку, из-за которого его, Маттафию, называли иври и сверстники отвергали его. Тогда это очень угнетало, позже перестало смущать, потом стало привычным и даже порой вызывало гордость. Но тогда, в юности, когда кровь играла в молодом теле, он готов был убить отца, если бы смогли пресечься пути великого царя и простого отрока из стана Агага.

И сегодня ему, Маттафии, понятна ярость Авессалома, ведь Авессалому немногим больше лет, чем тогдашнему Маттафии. Нелепая гибель постигла Авессалома из-за слишком длинных волос. Красавец запутался в ветвях дуба. Опозорил отца и не смог победить. Никому не дано победить такого отца, как Давид, это уж Маттафия знал досконально. Давид в отличие от Саула был далеко не прост, чего-чего, а простоты у него было меньше всего. Наверное, таким и должен быть царь. Если бы знал Давид, что его старый друг задыхается от смрада в заброшенном высохшем колодце, захотел ли бы он придти на помощь? Пришел бы, конечно, если бы этого требовали его, Давида, интересы. А почему бы нет - почему не присоединить к великому и могущественному царству еще один город. Саул терпел независимые города-убежища, Давид никому не станет потакать...

Мать предупреждала - никогда не старайся приблизиться к властителям, не ищи их покровительства и дружбы, и всякие мысли о Сауле выкинь из головы. Она надоела этими наставлениями. Он, Маттафия, был тогда по-юношески непримирим. Бросил в лицо матери: «Я убью Саула! Я отомщу за твои мучения!». И она испугалась, отпрянула от него и заплакала. Он не переносил женских слез. Но даже слезы матери не остановили бы его тогда. У него уже был свой меч, и он ждал, когда царь амаликитян Агаг возьмет его в свою военную дружину. А пока этого не произошло, он вместе с такими же бесшабашными отроками, каким был сам, разбойничал на караванных дорогах. Все видит Всевышний, и ни один грех не простится, все взвешено и исчислено в дланях творца, а потому - рано или поздно раб Божий - человек призывается к ответу. Вот и для него, Маттафии, наступило время расплаты - и ему придется отвечать за свои грехи и за грехи отца. Он готов ко всему. И молил он здесь, на дне затхлого колодца, чтобы не схватили Зулуну, оставили бы в покое сыновей, и не тронули бы Рахиль, беззащитную и кроткую газель...

Глава IV

Всю ночь он почти не спал, полудрема смешалась с видениями прошлых лет. Тьма вокруг была столь густой, что, казалось, ее можно только разрубить мечом, и никакой свет не развеет эту мантию черноты. Но забрезжилось зыбким пятном круглое отверстие над головой, и он понял, что наступил новый день. Никто не спешил опустить в колодец снедь и воду. Очень хотелось пить. Он вспомнил, что близок сезон дождей. Если хлынут ливни, то и сюда, в этот затхлый и высохший колодец, ставший его темницей, просочится живительная влага. Тогда можно будет соорудить из кожаного пояса подобие торбы, собрать и сохранить воду про запас. Хорошо, что сикли просто вынули из пояса, а не взяли все вместе. Маттафия тщательно проверил все карманы и углубления - ничего не осталось.

Наверху переругивались стражники, на смену ночной стражи пришла дневная, Маттафия различил голос старшего стражника Арияда. Говорили злобно, но смысл разобрать было трудно. Потом в отверстии вверху показалось заросшее иглистыми волосами лицо, потом другое. Его, Маттафию, рассматривали словно диковинного зверька. И, наконец, смилостивились, сбросили одну лепешку, воды не дали. Маттафия кричал, просил - но никто не внял его просьбам. В конце дня, когда стало темнеть отверстие над головой, смилостивился Господь, наверху хлынул ливень, сюда, в колодец донеслось только неясное тихое шуршание, но Маттафии казалось, что он уже различает как проникает вода в землю. Но, увы, отверстие темницы-колодца было скрыто сводами башни, потоки воды, щедро увлажнявшие землю, сюда не проникали. Ночью увлажнились стенки колодца, и в одном углу дно стало влажным, Маттафия приложил ладонь к мокроватой глине, потом отковырнул пласт, стал раскапывать ямку. На дне ее появилось совсем немного воды, но удалось смочить края рубахи и приложить мокрую ткань к потрескавшимся губам.

Из мокрой глины он попытался слепить подобие чаши, но ничего не получилось, слишком мало влаги проникло. Можно было бы сделать пластинку из глины, нацарапать слова - призыв о помощи. Но кому, да и как передать эту пластинку. Зулуну и сыновей лучше не втягивать в перипетии своей судьбы. Главное, чтобы Рахиль не узнала, что он здесь, ползет напролом, может погубить себя...

Голоса сверху смолкли, потом по шорохам и топоту можно было определить, что заступает вечерняя стража. И снова тьма и тишина обступили со всех сторон. Лишь к утру стала попискивать голодная крыса. Он положил крошки к норе, и писк смолк. Самым томительным было время перед рассветом. Сон так и не пришел...

Маттафия убеждал себя, что все уладится. Он сумеет убедить судей и правителя, что пришел сюда найти мирную жизнь, что надпись на его груди сделана против его воли, и что Саул давно уже покинул этот свет. Бояться надо живых, а мертвые превращаются в беззвучные тени. Человек страшится обители мертвецов Шеола, он тяжело расстается с жизнью, он так цепляется за нее, так хочет удержать душу в умирающем теле, так хочет еще хоть немного глотнуть воздуха, что готов терпеть все мучения. Есть жизнь и смерть, все остальное - так незначительно, что об этом не стоит даже говорить. А вдруг в этом городе захотят обречь на смерть его, Маттафию? Здесь очень много амаликитян, каждый из них с удовольствием вонзит меч в Саула. Тело человека столь уязвимо, столь хрупко - он, человек, всегда легкая добыча для смерти. И ангелов смерти Господь постоянно посылает на землю, и где-то среди них тот ангел, который летит за душой его, Маттафии...

Маттафия на раз был в лапах смерти, просто ангел медлил и щадил его. Маттафия видел, как смерть искажает лик человека. Повсюду нарушалась главная заповедь Господня - не убий. В битвах он, Маттафия, не раз нарушал ее, ту заповедь. Воину Господь все прощает. Но как испросить пощады за те смерти, которые вершил со своими сверстниками - амаликитянами на караванных дорогах. До сих пор стоит перед глазами дергающийся в судорогах старик с горящей бородой, пытающийся вынуть стрелу из-под своей лопатки. Как он долго и мучительно умирал. Молод и неразумен был тогда Маттафия, старался не отставать от других в жестокосердии, чтобы не подумали, будто сын иври жалеет и хочет спасти своего соплеменника. В тот день с ними на разбой пошел и сын Агага, и все хотели показать перед этим царским сыном свою смелость и жестокость.

Засаду устроили, как всегда, в том месте, где горы сжимали караванную тропу. Горы были небольшие, но крутые, почти отвесные. На склонах торчали редкие кустики. Стоило миновать это место, как дорога становилась просторной и выводила к ручью, где обычно останавливались на ночлег караваны, идущие из долины четырех рек в страну песков и фараонов далекий Мицраим. Торговцы, идущие с караванами, всегда настораживались, когда проходили по узкой тропе среди гор и теряли бдительность, миновав ущелье и завидев вдали густую зелень оазиса. Здесь-то и выходили им навстречу амаликитяне, и если караван сопровождали воины, то расправлялись с ними, поражая их стрелами из луков, а затем принимались за торговцев.

Ждали в тот день, что будет проходить большой караван, а увидели всего трех торговцев и среди них был этот старик. Вели они в поводу верблюдов, нагруженных овечьими шкурами, был еще один ослик почти без поклажи. Торговцы не поняли, что надо не за товар дрожать, а молить

Господа, чтобы оставил в живых. Бросились снимать тюки, и двое получили стрелы в шею и умерли без мучений. А старик остался стоять на дороге. Выскочили из засады, окружили его со всех сторон, и Гимор, всегдашний заводила юных грабителей, уставился на старика-торговца, сорвал с головы его повязку, так что седые кудри старика растрепались и упали на лоб, и закричал: «Да это же иври!».

Все оживились, знали, что у еврейских торговцев всегда водится золото или драгоценные камни. Старик-торговец, наверное, не раз попадал в передраги, он понял, что ему грозит, он старался улыбаться, пытался расположить к себе, достал из-за пояса кошель, услужливо протянул Гимору, сказал: «Возьми, добрый человек». Гимор раскрыл кошель, там было всего несколько серебряных сиклей, и Гимор с хохотом высыпал их на каменистую дорогу, и они со звоном раскатились по сторонам. «Нам нужно золото, старик, - сказал Гимор, - говори, где золото?». Старик сделал вид, что не понимает, опять услужливо улыбался, тогда один из компании, самый младший, подскочил к старику и пнул его в пах, старик согнулся, но продолжал улыбаться.

Распаковали два тюка, ничего ценного не нашли, только свиток пергамента, испещренные буквами полосы. Теперь он, Маттафия, понимает, что это была Тора, что там были записаны заветы, данные Моисею, и были, конечно, еще другие истории, и может быть, описаны подвиги обладающего гигантской силой Самсона. Тогда же для Маттафии, как и для всех, это были просто никчемные свитки.

Старик упал на колени, слезно молил, чтобы сохранили эти пергаментные свитки, чтобы взяли все, что пожелают, что он даже готов одежду снять, ему ничего не нужно, но здесь записи святые и он везет их самому Самуилу. Тогда, чтобы старик не туманил голову своими свитками и сказал, где золото, ему выкололи один глаз, он дико закричал и продолжал просить, чтобы сохранили пергамент. Этим пергаментом Гимор обмотал ему бороду и поджег. Старик задергался и заорал, как пойманный в капкан заяц, старика держали за руки и ноги, и Гимор выколол ему второй глаз, потом ударил копьём в живот. А сын царя пронзил старика стрелой в спину. Но старик все еще оставался жив и молил о свитках. И крутился, пытаясь вытащить стрелу из-под лопатки.

До сих пор в ушах стоят его стоны. Ничем ему, Маттафии, не замолить этот грех. Никогда Господь не простит убийство того, кто оберегал в смертный час его заветы. Может быть, сейчас и настало время расплаты за то жестокое убийство.

Старика добили камнями. Он, Маттафия, тоже бросил свой камень. Золота так и не нашли. Были, правда, браслеты из драгоценных камней, один такой браслет достался Маттафии. Он тогда ни о чем, конечно, не рассказал матери и браслет спрятал. В то время он уже был влюблен в

Зулуну. Мать, зная о разбойных нападениях на караваны, очень переживала за него, пыталась его отговорить, уберечь, но сделать это удалось не ей, а Зулуне, совсем юной девочке с длинными ногами и золотистыми волосами. Одного ее взгляда было достаточно, чтобы он, Маттафия, смолчал, и внутри у него начинало все таять, а внизу живота томительно ныла и просыпалась плоть. «Разбоем живут те, - сказала она, - кого потом будут жечь огнем подземные духи, поклянись, что ты никогда больше не выйдешь с разбоем на караванные дороги!». И он поклялся.

В то время он нанялся пасти стада Агага, попасть в царские пастухи было не так просто, но мать добилась своего, она хотела, чтобы единственный сын отделился от своих бездумных и жестоких друзей, она хотела, чтобы он принадлежал только ей, чтобы сохранилась чистой его душа. Она не знала, что он уже запятнал себя кровью в разбоях. Среди овец, в горах, ему стало спокойней, он вдруг остался наедине с собой. И не надо было доказывать ежедневно свою принадлежность к амаликитянам и подтверждать ее в дерзких, разбойных набегах. Он любил разговаривать с безмолвными овцами, любил смотреть, как резко дергая головой, отщипывают они жесткую траву. Он старался уберечь молочных ягнят, носил их на руках и пел им бессвязные, одному ему понятные песни. Он заботился, чтобы у овец и коз всегда было в достатке корма, и потому часто перегонял стадо в поисках новых пастбищ.

Может быть, это было лучшее время в его жизни. Благословенны и тихи были звездные ночи на горных пастбищах. Таинственно блестели в свете луны разломы горных кряжей. Крупные звезды отражались в темных водах затерянного в горах озера. В нем можно было купаться по ночам и представлять, что ты один во всем мире, как первый человек, сотворенный из праха земного Адам, и тебе не надо никого убивать, потому что ты один. И у тебя есть Ева, и она принадлежит только тебе. Можно было подолгу сидеть у костра и глядеть на огонь, пожирающий корявые сучья и овечий помет, и видеть в языках пламени танцующие таинственные фигуры, обнимающие друг друга, и думать о краткости и причудливости всего земного и мечтать о том дне, когда навеки соединятся он и его возлюбленная Зулуна.

Безмятежная, размеренная жизнь пастухов смягчала его сердце. Это был мир без крови и войн. Мир такой, каким его замыслил Господь. Мирно пережевывали овцы сочную траву, и блеяние молодых ягнят лишь изредка нарушало тишину ночи. Он бродил по траве, натываясь на теплые, пахнущие молоком, беззащитные крупы овец, гладил кудлатые бока баранов и костистые хребты коз, шептал им слова утешения. Неслышно брел за ним сторожевой пес Ра. Так египтяне называют своего бога - бога солнца. Им было бы, конечно, обидно, если бы они узнали, что так зовут это терпеливое и верное животное. Но египтяне были далеко. Увидеться с

ними пришлось много позже, в филистимляном плену. Они умели исчислять пути звезд, и каждый второй из них был магом.

Повсюду в мире живут очень разные люди, где-то на юге, в долине четырех рек, есть такие города, где крыши домов достигают неба, есть там люди, умеющие предсказывать ход дней и излечивать любые болезни. Но все они ослеплены своей гордыней, и хотят встать выше Бога, им не дано понять, сколь нелепы и тщетны их попытки подчинить себе остальной мир.

Уже тогда, в далекой юности, на горных пастбищах Маттафия осознал, что все зависит от вездесущего и единого Бога. Это был Бог его матери, это был Бог его могущественного отца. Тогда он представлял, что встретит царя Израиля, предстанет перед ним воином-победителем, что царь еще будет каяться перед своим сыном.

Многие его мечты сбылись, и встречи были с царем. Но никто не узнал ничего. Через всю жизнь пронес Маттафия верность клятве, данной матери. Внешнее сходство с царем с годами становилось все более явным, приходилось таиться, стараться выглядеть иначе, чем тот, кто стал властелином над сынами Израиля. Так Маттафия всегда коротко подстригал бороду, потому что Саул носил длинную, ниспадающую на грудь. После гибели Саула об этом Маттафия перестал заботиться. Оказывается, преждевременно перестал.

Сейчас, в темном колодце, вспоминая стан амаликитян, он понимал, как было бы хорошо прожить всю жизнь пастухом, ни с кем не общаться, не знать войн, не видеть ничьих слез. Но есть ли такое место в мире, где можно прожить беспечально. Ведь даже туда, на горные пастбища амаликитян, приходили вести о сражениях и разорении племен и народов. Досель разрозненные сыны Израиля, получив царя, становились все воинственней. В областях, граничащих с пределами их земель, то там, то тут вспыхивали схватки. Израильтяне больше никому не хотели платить подати, они отказались подчиняться даже филистимлянам, обладающим самым сильным в Ханаане войском. Тогда он, Маттафия, впервые услышал о восходящей славе Саула, и ему было приятно внимать словам торговца пшеницей, который рассказал, как Саул, собрав сильное войско, освободил город Иавис Галаадский, который был осажден Наасом Аммонитянином. Грозивший жителям Иависа, что выколет у каждого воина правый глаз, аммонитянин позорно бежал. Тогда, правда, и в стане амаликитян началась паника. Опасались, что Саул двинет свои войска на юг, чтобы сразиться с филистимлянами, и не минует по пути земель Агага. Сверстников Маттафии стали созывать в отряды стражников, близилась очередь и его. И потому на пастбищах он часто в одиночестве метал копье и стрелял из лука.

Верный пес Ра бегал за стрелами и радостно лаял, когда отыскивал их. Был пес надежным помощником и когда снимались с одного пастбища на другое. Маттафия громко свистел. Овцы вскакивали на ноги, беспорядочно, испуганно жались друг к другу, разбегались в стороны беспокойные бараны. И тогда Ра, залиvisto лая, возвращал беглецов в стадо. И многочисленное кудлатое стадо поначалу суетливо, а потом все размеренней устремляло свой бег в нужном направлении. Считались собаки нечистыми животными у амаликитян, их презирали, но этот пес давно уже был при стаде и так привязался к Маттафии, что порой казалось, он понимает язык хозяина и даже обладает своей собачьей душой. И казалось тогда Маттафии, да и сейчас он в этом уже более твердо уверен, что имеют свою душу и трава, и овцы, и все сущее вокруг.

Он был тогда счастлив - сердце его было переполнено любовью, он был влюблен впервые в жизни. И славил он Господа, что послал тот ему великое счастье - ибо при виде Зулуны истаивала его душа, и трепетало сердце, и он знал, он был уверен, что продлит в ней свой род, сделает все возможное, чтобы она вошла в его дом. Он тогда не понимал, сколь многое разделяет их. Ее отцу Вегару, главному охраннику царя Агага и в страшном сне не приснилось бы, что его любимая дочь тайком убегает на высокогорные пастбища и лежит в объятиях человека без рода и племени и, возможно, даже принадлежащего к врагам амаликитян - израильтянам.

И неведомо было ему, как пастбище, пахнущее душистыми травами, превращалось в просторное ложе, и будто отделял кто-то это ложе от земной тверди, и оно плыло среди облаков, и ангельское пение сливалось со сладкими стонами. Солнце жгло их тела, но даже и без солнца они были столь раскалены, что, наверное, могли воспламенить сухую траву. У Зулуны были мягкие податливые губы, и длинные ее золотистые волосы щекотали грудь и переливались бликами в лучах солнца.

И насытившись друг другом, они внезапно вскакивали и мчались, словно горные серны, к прохладному озеру, где в темной воде плавали лилии с длинными стеблями. И единственным одеянием были венки из этих лилий... Они поклялись никогда не расставаться, и видит Господь, исполнили эту клятву, хотя разное было в их жизни, и годы иссушили подвижные глаза Зулуны, и груди ее сжались, и волосы потеряли свой блеск и красоту, но голос оставался прежним - он и сейчас звучит в ушах: «Милый, мне с тобой так хорошо, словно я растворилась в тебе, и кости мои истаяли. Господи, за что нам такое счастье! Остановись солнце, замрите все вокруг, слушайте, как поет мое сердце!». Доведется ли услышать ее? Какой она стала за годы разлуки? Разве это имеет значение - какой... Годы никого не украшают. Но душа человека не старится. Он любил Зулуну всей своей душой, и простил, когда пусть и невольно, она

уступила другому и, когда привел в дом юную Рахиль, все равно продолжал любить Зулуну.

Она ждет его, и теперь, если узнает, что его посадили в темницу, будет рваться к нему. Неизвестно - какой приговор ждет его, и потому, чтобы уберечь и Зулуну, и Рахиль, он должен твердо стоять на своем - его с ними ничто не связывает. Он должен сам постоять за себя...

Он уже не тот беззаботный отрок, который бегал купаться по ночам. Летние ночи коротки, множество глаз следят за возлюбленными, которые никогда не замечают эти взгляды, им кажется, что в мире они всегда остаются одни. Вегару донесли о ночных свиданиях. Маттафию внезапно сменили и перевели в долину, где стояли шатры воинов Агага. И была оказана высокая честь - он стал сотником в царской охране и главным его начальником стал Вегар. Возможно, убедившись, что дочь нельзя отговорить и отворотить от возлюбленного, он решил сотворить из Маттафии военачальника, чтобы стал он достойным мужем для его дочери.

Вегар ненавидел сынов Израиля, всегда говорил о ничтожестве тех, кого презрительно называл иври, утверждал, что они трусливы в битвах, и любил вспоминать, как служил наемником в Ассирии и выискивал там скрытых израильтян среди торговцев и бичевал их. Все это не раз приходилось выслушивать Маттафии, и кровь закипала в его жилах, а рука судорожно сжимала древко копья, и он с трудом сдерживал себя. Уверял Вегар, что не принадлежат сынам Израиля земли в долине Иордана, что были иври жалкими рабами у фараона и таскали камни для сооружения фараонских усыпальниц, в то же время амаликитяне всегда были первыми среди народов Ханаана и принадлежали им пастбища и в долине Нила, и в долинах четырех рек. И был уверен, что доживет до тех дней, когда двинет царь Агаг своих воинов на север и сметет с лица земли всех иври, и уничтожит сынов всех двенадцати колен Израиля, и жен их, и детей их, и хотел он, чтобы это произошло быстрее, пока не окреп израильский царь Саул, и склонял Вегар царя Агага к тому, чтобы заключить союз с филистимлянами и не дать уйти израильтянам к морским берегам, а сдавить их с двух сторон и всех предать смерти. Но царь Агаг был далек от соблазна воинских побед и воинской славы, он наслаждался жизнью, каждую ночь препровождая в свой шатер очередную девственницу.

Маттафия терпел обидные речи Вегара, не хотел ссориться со всемогущим отцом Зулуны, и тот давно понял, что дочь не отступится от своего избранника. И он стал выделять Маттафию из других сотников, и часто повторял: «Вот настоящий воин, истинный амаликитянин, он еще прославит наш народ!». Похлопывая Маттафию по плечу, он пояснял, что среди сынов израилевых нет таких высоких и сильных воинов, что даже если и течет в Маттафии кровь израильтян, то ее победила более сильная

амаликитянская кровь, и что, когда будут уничтожать всех сынов Израиля, то пощадят тех, в ком есть хоть малая доля амаликитянской крови.

О том, что меч уничтожения уже навис над станом амаликитян, тогда не догадывались ни Вегар, ни царь Агаг, ни его воины. Так человек предполагает одно и готовит ковы другим, а Всевышний на небесах уже исчислил его дни.

И все же будто предчувствовали все вокруг, что может оборваться жизнь, и старались взять как можно больше от земных радостей. И праздник следовал за праздником, а в дни богини плодородия забывали амаликитяне всякий стыд, и каждый мог обладать любой женщиной, и не разбирались в эти дни, кто и с кем сходилась - с сестрой ли, с женой брата или с совсем юной отроковицей - не имело значения. Для царя же Агага все дни были праздниками...

Маттафия не любил, когда ему доставалась ночная стража у царского шатра. Многие охранники в эту стражу шли охотно. Скалясь в улыбке, они потом смаковали царские забавы, говорили о том, как страстно кричала на ложе царя та или иная избранница, рассказывали обо всем бесстыдно, да и потом не давали прохода той, свидетелями падения которой были. Девицы тоже не делали из этого тайны. Напротив, считалось почетным, если твоя избранница приглянулась царю. Маттафию все это возмущало.

Если же ему выпадало стоять на страже ночью у царского шатра, он отходил подальше от его полога и смотрел на звездное небо, ловя мгновения, когда черноту его пересекала падающая звезда, знал он, что в это время надо задумать желание - и оно исполнится. Желаний у него тогда было немного, ему страстно хотелось одного - чтобы прекрасная Зулуна стала его женой. И он твердо решил, что если Вегар воспротивится их союзу, или, что еще хуже, станет подсовывать дочку царю, то они с Зулуной сбегут, и ничто не сможет их остановить.

Земля амаликитян, на которой возрос Маттафия, не стала ему родной. Он знал, что куда привольней и богаче живут люди в земле Ханаанской, в долине Нила, и в долинах четырех рек. Здесь же, на границах с аравийской пустыней, были редки плодоносные земли и пастбища. Море застывших каменистых и песчаных валов ночью в отблесках луны порождало страх, пустыня была отпугивающей и мертвящей, днем же, под палящим солнцем, пески дышали невыносимой жарой. Жила и полнилась благодатью земля лишь на пастбищах в горах, но там вся она почти принадлежала Агагу и его ближайшим советникам, те же, у кого не было своей земли шли в работники или пастухи, перегоняли стада овец или верблюдов на северные пастбища, где начинались владения Израиля. Там, на этих пастбищах, надо было быть хорошо вооруженным, ибо нередки были стычки с сынами Израиля, и

зачастую эти стычки затевали сами амаликитяне, уводившие скот у своих извечных недругов и поджигавшие пашни. Умудренные жизнью старики, пытавшиеся утихомирить ретивых молодых пастухов, говорили, что к добру это не приведет.

Доходили в стан амаликитян вести о поражениях филистимлян, в это никто не хотел верить, но слухи подкреплялись тем, что неожиданно с востока перестали идти караваны филистимлян, будто совсем куда-то исчезло это самое могущественное племя. Эти воины, вооруженные всегда обоюдоострыми мечами из железа, мчащиеся на быстрых колесницах, были поражены молодым царем Израиля, победоносным Саулом.

Надо воздать должное царю Агагу, он не только занимался соитием и тратил свой любовный пыл, он многое понимал и предчувствовал, не раз он охлаждал пыл своих воинов и пастухов, похваляющихся разбоем на караванных дорогах и налетами на станы сынов Израиля, и не раз искал Агаг встречи с царем Саулом, чтобы заключить с ним мир. И вот, наконец, настал день, когда по караванной дороге из Вирсавии прибыли к Агагу посланники царя Саула, Маттафия был среди тех, кто встречал их. Он стоял с копьём подле шатра царя Агага, олицетворяя собой мощь и силу амаликитянского воинства - исполин, возвышающийся надо всеми. Перед шатром для высоких гостей были высланы ковровые дорожки - красная река на желтом песке, словно путь крови. Единственная колесница амаликитян, захваченная в давней стычке с филистимлянами, была начищена до ослепительного блеска. Воины Агага выстроились вдоль караванной дороги. Очень хотел тогда Агаг показать свою мощь, хотел, чтобы посланцы Саула, пройдя между рядов воинов, убедились в силе и могуществе амаликитян. Сам же царь восседал на гладком круглом камне у входа в шатер и держал в руках посох, навершие которого было украшено драгоценными камнями.

В тот день впервые увидел Маттафия своего брата Ионафана и с первого взгляда проникся к нему доверием. Он был совсем юн, брат Ионафан, и выделялся среди посланцев Саула своим высоким ростом. Маттафия сразу почувствовал, что человек этот близок ему. Что-то знакомое было в его облике, и поначалу Маттафия подумал, что уже встречал раньше этого посланца. И когда тот, царственно откинув голову, улыбнулся и приблизился почти вплотную, почудилось Маттафии, что он видит себя самого. Борода только была еще очень редкой у Ионафана, но судя по тому, как заискивали все перед ним, он был явно главным среди посланцев. И повсюду неслось: «Слава Ионафану - храброму и достойному сыну Саула!».

Царь Агаг поднялся со своего камня, сделал шаг навстречу знатному посланцу и сказал: «Да будет славен сын великого царя Израиля, сын

бесстрашного Саула, победителя филистимлян! Да будут боги благосклонны к нему!».

Ионафан сделал знак людям, сопровождавшим его, и тотчас они стали Снимать корзины о дарами со своих ослов и пошли вереницей к царскому шатру, и все несли, и несли дары. Тут были и золотые подносы, блестящие на солнце, и львиные шкуры, которые, переливаясь, стелились по земле, и огромные амфоры с пьянящим шекером, и бочки с медовыми орехами и ароматными пряностями, но самый главный дар - был белый конь с желтоватой гривой, стройный и величественный. Маттафия тогда впервые увидел коня и дотронулся до его гладкой вздрагивающей кожи, словно хотел успокоить, и тепло пробежало по пальцам...

Между тем, царь Агаг обнял сына израильского царя и так, обнявшись, они вошли в шатер, где ждали их яства, приготовленные из сочных плодов, и мясо молодых ягнят, и самые лучшие вина, привезенные из долины четырех рек. О чем там шли переговоры, Маттафия не знал. Воины присели у шатра на траве и на коврах, сидели попеременно сыны Амалика и сыны Израиля, не испытывая никакой вражды друг к другу. Появились кувшины с молодым вином, кто-то затянул песню во славу Ваала - великого бога амаликитян, посланцы ответили своей песней, славящей единого Бога. Все пришло в движение, и необычайное оживление царило вокруг. Лишь Маттафия стоял неподвижно, будто прикованный к царскому шатру и смотрел на завесу у входа, за которой скрылся тот, кто был так похож на него, кто был его братом по крови и наследником царя Саула...

И впервые еще неосознанная обида подступила комком к горлу, сдавила кадык, и Маттафия сглотнул слону, ставшую вязкой. Ведь это он мог быть таким же посланцем царя, он мог бы тоже носить роскошные одежды и не стоять среди простых воинов, а сидеть в царском шатре...

Вечером, когда опустилась прохлада на землю амаликитян, грохот бубнов и посвист флейт призвали народ на праздничный пир, ибо был заключен мир с извечными дотоле врагами. Радовались все вокруг и ни у кого, даже у предсказателей и ведунов, кормящихся при Агаге не было предчувствия беды, считали тогда, что слишком возрос и окреп Израиль, чтобы идти на бой с полукочевым племенем, что все силы Израиль направит на поражение филистимлян. И лишь у него, Маттафии, было беспокойно на душе. С печалью посмотрел на него Ионафан, когда выходил из царского шатра. И ощущение неминуемой беды подступило к сердцу.

Быстро стемнело, и зажглись на небе яркие звезды, но вскоре свет этих звезд исчез, ибо разожгли костры, и стало светло вокруг них, а все остальное пространство погрузилось в густую тьму.

Маттафия старался не вступать в полосу света, он одиноко стоял под пальмой и смотрел на веселящихся сверстников, пытаясь разглядеть среди женщин Зулуну. До сих пор он так и не решился подарить ей браслет, добытый разбоем, старик с горящей бородой, корчащийся в муках, приходил в его сны и требовал отдать свитки. Все это было, как наваждение, и Маттафия понимал, что подарок не сделает Зулуну счастливой, ибо обогрен кровью.

Хороводы постепенно начали стихать, и неожиданно Маттафия увидел свою возлюбленную рядом с Ионафаном. Они сидели на почетном месте у царского шатра. Ревность охватила его. И Зулуна, перехватив его взгляд, смутилась и постаралась затеряться среди подруг. А те так и лезли наперебой к Ионафану, что-то было в нем такое манящее, чарующее...

Маттафия слышал, как повсюду восхваляют Ионафана. Говорили много о той битве, где благодаря Ионафану были повергнуты в бегство филистимляне. Имея всего лишь одну тысячу воинов, разбил Ионафан передовой отряд филистимлян, которые везли тяжелые подати с сынов израилевых, обирая до нитки простых пастухов и маслоделов. Когда свершилась эта победа, повелел царь Саул протрубить в шофары и провозгласил: «Да услышит Израиль! Ионафан - спасение народа!». Права мать, Саул и в самом деле простодушен и не жаждет славы, он отдает ее сыну - понял тогда Маттафия.

Давид же, которого все считают более мягким и добрым, нежели Саул, не захотел делиться и толикой славы с Авессаломом и всю страну ввергнул в братоубийственную войну. Дожил бы до сегодняшних дней Ионафан, увидел бы деяния своего самого близкого друга, спросил бы с отчаянием: «Почему обрек на смерть ты своего сына, Давид?». И его, Маттафию, спросил бы: «А куда ты смотрел, отошел в сторону, спасаешь свою жизнь?».

Прекраснодушный Ионафан, верящий в ту ночь в стане Агата, что можно кого-то спасти...

Каждому лестно, когда ему поют хвалу, да и заслужил Ионафан любые похвалы. Принимал он эти похвалы со снисходительной улыбкой, отмахивался от назойливых льстецов: дело не во мне, это все заслуга царя нашего Саула и храбрых воинов... А вокруг продолжали: и про Галгал, город, укрепленный и защищенный каменными стенами, и про тридцать тысяч филистимлянских колесниц, двинувшихся на израильтян, и как бежали многие в испуге, и нечем было защищаться, не было у Израиля кузнецов, их пленили филистимляне, некому было отковать мечи...

Рассказывал обо всем оруженосец Ионафана, голос которого перекрывал остальные голоса, и в свете костра лицо его казалось красным, словно кто-то его поджег. Был этот оруженосец небольшого роста, но видно было, что обладал сильными мышцами. Руки в свете костра у него

тоже казались красными, словно залитые кровью. Он был под стать своему господину, только не столь скромнен.

- Только у меня и у Ионафана, господина моего, были мечи, добытые в бою, - продолжал он, - и сказал мой господин Ионафан: Постойм за народ свой! И вдвоем пробрались мы в лагерь филистимлян. Войска филистимлян были на горе окруженной ущельями, но мы знали потайные тропы и прошли незаметно между двух остроконечных скал. И сказал мой господин Ионафан: Всевышний поможет нам, ибо для Господа нетрудно спасти многих через нас! - И я ответил ему: делай все, что на сердце у тебя, вот я - и с тобой пойду, куда угодно. И тогда сказал храбрейший из храбрых господин мой Ионафан: Перейдем в лагерь филистимлянский и станем у всех на виду! Скажут - взойти, и да будет Господь с нами! - И встали мы бесстрашно на виду у филистимлянского воинства, и закричали филистимляне: иври, иври! Ужели вышли вы из пещер своих, где таились! - И не знали они, что стоим мы вдвоем против тысяч, и нету войска нашего за спинами нашими. И сказал я в сердце своем: Господь предаст филистимлян в руки Израиля. И мы выпустили стрелы из тугих луков и обнажили свои мечи. И двинулись вперед. Господин мой Ионафан разил всех подряд, филистимляне падали, перед ним, а я добивал тех, кого минула рука господина моего, и наступило великое смятение в стане филистимлянском, и охватил филистимлян великий страх...

По мере рассказа оруженосец все более оживлялся, и когда обернулся и увидел, что господин его стоит за спиной, смолк на полуслове. И улыбнулся Ионафан, и сказал:

- Тебя послушать, так мы с тобой всех поразили, а вспомни, как тряслись у нас поджилки и как прощались мы с жизнью, не веря, что вернемся живыми. И смерть настигла бы нас, если бы мы были только вдвоем, ведь вслед за нами ринулись на филистимлян воины царя нашего Саула, и они своим натиском спасли нас...

- Я и об этом хотел поведать, господин мой, - поспешил согласиться оруженосец, - конечно великий наш царь спас нас, он разбил филистимлян, и на поле боя ему не было равных. Но все же, мой господин, без вас не добыть бы Израилю победы!

И тут опять окружили Ионафана приближенные Агага и среди них Вегар, и этот Вегар, ненавидящий иври, громче всех кричал здравицы. Он высоко поднял чашу с вином и провозгласил:

- Да будут боги милостивы к нашим народам, забудем прежнее, один у нас враг филистимляне, и повержены они смелым Ионафаном и великим царем Израиля Саулом. И да будет так во веки веков!

И закричали тогда со всех сторон: Да будет! И пили за восходящую славу смелого воина Ионафана. В отблесках костра лица у всех казались то

желтыми, то красными, глаза женщин светились радостью, молодые воины весело переговаривались, старейшины изрекали истины, все перебивали друг друга, все спешили полнее испить чашу веселья, словно предчувствовали, что дни их сочтены.

Кто-то затрубил в рог, послышалась переливчатая мелодия флейты, ее подхватили трубы, и люди стали приплясывать в такт музыки, запели веселую песню, закружились вокруг костра.

Не выдержали и воины из охраны Агага, вошли в круг и завертелись в пляске, и втянули в этот круг Маттафию, как он не сопротивлялся. И нашла его и закрутилась рядом с ним Зулуна, распахивались полы ее одежды, открывая взору стройные ноги, были радость и блеск в ее глазах, и он опять заметил, что на нее устремлен взор Ионафана.

Уже и ночь давно вступила в свои пределы, и прохлада овеяла землю, а веселье все не стихало. Жаром пляски наполнились молодые тела, без устали наигрывали флейты, и перемешались речи амаликитян с речами посланцев Саула, и понимали они друг друга, потому что близки были их языки и много в них было общих слов. Да и много ли нужно слов, когда кружишь в пляске, когда ощущаешь дурманящий запах женской плоти, и полуоткрытые, сочные как две половинки персика губы совсем рядом с твоими губами, а руки касаются твоих рук, и невидимые ангелы - посланцы небес сближают тела и души...

Ему, Маттафии, и сейчас в этой мрачной яме, в этом высохшем колодце становится светлее, когда вспоминает он о Зулуне тех лет. Ему кажется, что он ощущает ее запах, ее аромат, его щека касается ее щеки, как тогда в танце. Ему кажется, что она опустила сюда в его темницу. Он окликает ее, уговаривает уйти, ей опасно с ним оставаться. И она исчезает. Теряется в той давней ночи среди пляшущих воинов, и он опять один, как тогда, в ту ночь...

Когда он выбрался из круга опьяненных плясками людей, то бросился к кострам у дальних шатров, где сидели стражники и пели - Зулуны там не было, не было нигде и сына Саула. Червь сомнения томил его. Надо было думать о других, он же думал о себе. Когда опьянен любовью, плохо понимаешь, что происходит вокруг...

На небе стали затухать звезды, и край его посветлел, возвещая о предстоящем восходе солнца, люди, утомленные весельем, засыпали у погасших костров. Маттафия растерянно бродил среди них. Он очутился у родника, жадно приник к источнику, охлаждая жар своего сердца. Здесь он и увидел Зулуну. Ему показалось, что она кого-то зовет, машет рукой тому, кто притаился за стволом финиковой пальмы. Маттафия схватил ее за руку, крикнул: Как ты могла? Прельстилась славой царской! - Ты делаешь мне больно, - обиделась Зулуна, - сейчас некогда слушать твои упреки! - Он спохватился, нельзя было говорить с ней столь резко,

понимал тогда - одно грубое слово может испортить всю жизнь. Сказал ей: Да благословит тебя Господь, Зулуна, я хотел быть всегда с тобой, зачем тебе сын царя? Ты будешь игрушкой в его руках! Оставь мысли о нем... Зулуна пыталась остановить поток его жарких слов, он, нёразумный, не хотел ничего слышать. Ведь любовь делает человека глухим и ослепляет разум. И не сразу он понял, что Зулуна напугана, что она дрожит. Спросил ее: «Он угрожал тебе? Где он?». Она сказала: «Это все много страшней, поторопись, он ждет тебя в своем шатре». Маттафия тогда не сразу понял: почему ждет? Рука тянулась к мечу. Ионафан начал выговаривать - почему не пришел сразу, ночь уже кончилась и времени нет. Ответил ему, Ионафану, грубо: «Уходи, что тебе до нас?». Ионафан не обиделся, сказал: «Я пытался вас спасти, но здесь все, как дети. Ты разве не знаешь, что Самуил, великий пророк, требует у Саула истребления всех амаликитян. Самуил говорил с Господом и не отступится, его, Самуила, невозможно переубедить, он призывает лишить жизни не только воинов, он требует уничтожить всех, ты понимаешь, всех! Я сразу понял, ты еврей, я говорил отцу - здесь не только амаликитяне, здесь есть люди и нашего племени, здесь и кенеяне. Собери всех, прошу, надо спасти, хотя бы их...».

Спросил его тогда Маттафия, почему же Богу угодно истребить целый народ? Стал объяснять Ионафан, что амаликитяне убивали сынов Израиля, когда они шли через пустыню из дома рабства, из Египта, в землю обетованную, шли голодные, уставшие, тогда убивали тех, кто отставал - стариков и детей. Пытался ему возразить Маттафия: ведь это было так давно. Но сказал Ионафан: «А сейчас, ты знаешь, что они затеяли? Торопись, у тебя осталось немного времени!».

И Маттафия тогда сразу решил, что не станет спасать свою жизнь, что он возрос среди этого народа и его место среди воинов Агага. Ничего не стал объяснять Ионафану, ведь тот делал все, что мог, чтобы избежать бойни. Только пообещал ему: «Я предупрежу кенеян, пусть уходят. Зачем им отвечать за другой народ». Он понимал, что месть будет страшной. Перед ним всплыло видение: еврей-торговец с горящей бородой, крутящийся на месте, словно веретено, и пытающийся вытащить стрелу, торчащую под лопаткой. Достал из-за пояса браслет, который хотел подарить Зулуне, сказал Ионафану: «Отнеси семье торговца из Номвы, который возил пергаментные свитки, отдай или детям его, или жене...». Ионафан ни о чем не стал расспрашивать, снаружи слышались голоса израильских воинов, готовящихся в обратный путь. В стане амаликитян все спали. Наступил последний мирный день. Следующий стал гибельным.

Сейчас, отдаленный годами от того дня, он понимал, в том, что произошло, есть и его вина. И теперь он пришел в город искать убежища, в город, где очень много амаликитян. Прошлое не исчезает. Оно мстит человеку, оно всегда с ним, и не дано избавиться от него, заставить себя

забыть все, что было с тобой. Принял город-убежище Зулуну, принял Рахиль, принял сыновей, неужели он, Маттафия, не имеет права хотя бы в конце своей жизни обрести покой. И вот вместо покоя и встречи со своими домашними, - заброшенный колодец, пугающая неизвестность, и люди наверху, принявшие его за Саула, одно имя которого вызывает у них жажду мести. Если бы они знали, сколько горя и отчаяния принесло это имя и ему. Никто в мире не волен выбирать отца. Отец может так и не признать тебя. Это воины отца нанесли ему, Маттафии, первую рану, и до сих пор болит бедро, пронзенное копьем в ту ночь, когда лилась кровь амаликитян...

Уже совсем рассвело, и прекратился шум дождя, и наверху сменились стражи, когда показалась в отверстие лохматая голова, и зашуршала веревка, истрепанный ее конец повис над ним, о чем-то переговаривались наверху, потом крикнули:

- Эй, царь, ты чего ждешь, цепляйся!

Он потянулся рукой вверх, подпрыгнул, и схватив конец веревки, потащил ее вниз. Он был не уверен, что сумеет удержаться и обмотал себя веревкой, завязав двойной узел на плече. Последовал резкий рывок, ноги отделились от дна колодца, и он завис в воздухе, раскачиваясь, стараясь оттолкнуться от сырых стен. Наверху о чем-то спорили, потом, наконец, потянули веревку. Его влекло вверх, он словно выныривая из глубины вод, выскользнул из темноты и прищурил глаза от бывшего в лицо света. Он зацепился за край колодца, подтянулся и с трудом встал на ноги. Его со всех сторон окружили стражники...

Глава V

Солнечный свет буквально ослепил Маттафию, он шел в окружении стражников, прищурив глаза и с наслаждением вдыхая утренний еще прохладный воздух. Густая темная зелень деревьев, сохранявшая на листьях влагу, дарованную ночным дождем, заслоняла розоватые стены домов, вдали на фоне ослепительно голубого неба вставали столбы из сиреневого камня, на которых держалась кровля, усаженная аккуратно подстриженными кустами. Казалось, эти кусты, этот сад плывут в небе. От путников, встреченных на караванных дорогах, он много слышал о садах этого города, о дворце правителя, где даже на кровлях цветут шаронские розы, о дворце, выстроенным финикийскими мастерами из монолитных глыб, доставленных из Ливана. Он сам довольно долго тесал камни в Тире и знал, какого труда стоит превращение глыбы камня в полированную круглую колонну. Его умение

строить дома могло бы пригодиться здесь. Он был уверен, что его ведут к дворцу и мысленно выстраивал слова, которые скажет верховному правителю, поведав тому, что он, Маттафия, не только воин, что в плену он много лет строил города и рыл колодцы, что надпись на груди выкололи в этом плену. Он был уверен, что сумеет доказать свое право на свободную жизнь в этом городе-убежище. Он попросит вернуть деньги и выстроит здесь дом для своей семьи. Только бы его допустили к правителю, тот должен все понять...

Однако стражники, ведущие его по широкой дороге, теряющейся в садах, окружавших дворец, внезапно свернули на бугристую неровную тропу, которая вилась вдоль крепостных стен. Потом пришлось спускаться вниз и через узкие ворота снова вступить в полутьму. Вскоре они очутились в крепостной башне, более просторной, чем та, где был колодец-темница. По каменным ступеням Маттафию препроводили в широкое полукруглое помещение, где посередине стоял каменный столб, со вделанном в него крюком, а у дальней стены дымился очаг. Здесь же, у очага, сидели на глиняном полу два стражника. Один из них, рыжеволосый и голый по поясу, окинул Маттафию взглядом, полным ненависти, и что-то промышал.

Другой стражник, коротышка, заросший иглистыми волосами, не спеша подошел к Маттафии, достал из-за пояса веревку и потянул Маттафию за руки. Маттафия покорно сложил руки за спиной, и коротышка, сопя, обмотал запястья веревкой, скрутил и затянул ее, потом стер пот со лба и ухмыльнулся. В помещении было душно, стражники, рассеявшиеся на глиняном полу, изредка бросали отрывистые слова. Разговор шел как бы ни о чем. У каждого было что-то свое, наболевшее. Один из стражников жаловался на то, что опять не выплачивают сикли за месяц, только и живет тем, что имеет свой оливковый сад. Говорили о ценах на оливковое масло, об урожае пшеницы. Завидовали некоему хеттеянину, поймавшему на прошлой неделе трех авессаломцев. За каждого пойманного полагалось пять сребреников.

- Нам пять, - недовольно пробурчал коротышка, - а правитель выдает их Давиду, берет за каждого - пятьдесят. Бегай за ними, в засаде ночь дрожи, да смотря на кого нападешь, вон Симон получил стрелу в бок вместо пяти сребреников. Нашей страже Арияд обещал за царя - каждому по десять...

- От него дожدهшься, - возразил другой стражник, - да и какой это царь, у настоящего царя давно уж и кости сгнили, столько лет прошло.

Стражник подошел к очагу и поворочил угли. Пламя полыхнуло, но вскоре опять затухло. Сизый дым стлался по полу и слезил глаза. В такую жару, да еще и очаг топить, подумал Маттафия. И увидел, что рядом с камнями, между которыми тлел огонь, лежат медные крючья. Мелькнула

страшная догадка, и сразу закололо в груди. Он постарался отогнать надвигающийся страх и напряг руки, чтобы ослабить путы. Всякое ему пришлось повидать в плену - запугать его не удастся. Придут начальники стражников - разберутся во всем.

- Утреннюю стражу отстояли, теперь еще жди, - недовольно пробурчал один из стражников, - Арияд наш будет теперь бегать, должен всем доложить, что поймали царя, ему выслужиться надо, он почитай...

И внезапно смолк стражник. Ибо в просвете дверей стоял тот, кого они ждали. Появился он тихо и внезапно. Возможно, стоял там, за дверьми, и подслушивал. Но ничем не выдал своего недовольства. Напротив приветливо улыбался, довольный собой и всем происшедшим. Глаза у него были большие, с поволокой, движения мягкие, вкрадчивые. Он обошел Маттафию, пристально вглядываясь в него, словно проверял - не произошли ли изменения с узником за время сидения в высохшем колодце. Осмотром остался доволен и сел на услужливо подстеленную коротышкой циновку.

- Скажи, о великий царь Израиля, господин наш Саул, - обратился он к Маттафии, - кто послал тебя, кто помог тебе найти путь в город, с какой целью ты прибыл сюда? Где скрывался столь долгое время?

- Какой из меня царь, я ишу покоя, и жажду жить в тиши и возвращать свой сад, и засеять свое поле, - спокойно ответил Маттафия и улыбнулся, стараясь расположить к себе начальника стражей.

- Ты хочешь предстать перед нами в овечьей шкуре. Никому еще не удавалось провести Арияда. Надпись на твоей груди свидетельствует против тебя...

- Я уже говорил, это выколото финикийцами, в плену, сделано сие насильно, если позволит время, я отыщу свидетелей, мало ли...

- Лживость не украшает царя, - прервал его Арияд, - у меня нет времени выслушивать измышления твоих уст. Я должен до заката доложить обо всем верховному правителю города Каверуну. Я понимаю, тебе страшно признать истину, страшно отвечать за пролитую кровь, ты пытаешься ускользнуть от справедливой расплаты, ты пытаешься предстать перед нами ни в чем неповинным воином.

- Господь свидетель, я остаюсь самим собой, мой господин.

- Так ты утверждаешь по-прежнему, что ты некий Маттафия, и мы ошиблись, опознав в тебе царя? - раздраженно спросил Арияд.

- У меня в этом нет сомнения, - ответил Маттафия.

Он старался говорить спокойно, даже услужливо, Арияд показался ему человеком, который может все понять, от него сейчас многое зависело, от того, что он доложит правителю.

- Хорошо, - сказал Арияд, - положим, ты Маттафия, ты старый житель Ханаана, бежавший из плена, к какому же из колен ты принадлежишь?

- Я из колена Вениаминова, - ответил Маттафия и понял, что сказал не то, увидев, как самодовольно улыбнулся Арияд.

- Вот ты и попался! - радостно воскликнул Арияд - Твои уста свидетельствуют против тебя. Саул из колена Вениаминова!

- В этом колене был не один Саул, - поспешил исправить свою оплошность Маттафия, - хотя оно и меньшее из колен Израиля, но там было много и пастухов, и воинов...

- Почему же ты не пошел в пределы своего колена, а пробрался сюда? - спросил Арияд.

- Мой господин, я уже говорил, - ответил Маттафия, - в своих землях я был гоним, меня посчитали предателем, когда я попал в плен, я вынужден был искать убежище.

- И кто же указал тебе путь, назови своих сторонников, Саул! - повысил голос Арияд.

- Я шел сюда один, - сказал Маттафия.

- Ну что он, как рогом уперся, по всему видно царя, - вмешался стражник- коротышка, - с ним только время терять. Доложить Каверуну, пусть прикажет казнить, я сам ему горло перережу!

- Помолчи, - остановил его Арияд, - нам надо добиться его признания!

- У нас все признавались, - недовольно буркнул коротышка, - воины в ногах валялись, а тут царь, у царей кожа потоньше!

Арияд вздохнул и неторопливым жестом руки подозвал рыжеволосого стражника. Тот нагнулся к своему господину и что-то бессвязно промычал.

- Давай, начинай, Уру, - приказал ему Арияд.

Уру неторопливо подошел к Маттафии, рывком разорвал его одежды, потом стал ощупывать тело, поглаживая заскорузлой рукой грудь Маттафии и похлопывая его по спине, словно не человек был перед ним, а жертвенная овца, которую прежде чем зарезать, он успокаивал.

- Уру-Хеттеянин, - медленно произнес Арияд, ни к кому не обращаясь, но слова его явно были предназначены Маттафии, - в плену он не хотел смириться и поносил царя израильтян последними словами, воины Саула лишили его языка, это было в Галааде...

Уру между тем подтолкнул Маттафию к каменному столбу, торчащему посередине помещения. Подошли еще два стражника и начали стягивать тело Маттафии веревками, которые предварительно закрепили на крюке, они привязывали Маттафию так, чтобы ноги его не касались земли.

- Этот столб называют столбом истины, - с усмешкой продолжал Арияд,- еще не встречал я такого человека, который не открыл бы истину, испытываемый у этого столба, настал твой черед, Саул!

Один из стражников подошел к очагу и медным прутом расшевелил угли, потом выгреб их, собрал в кучу и разложил на противне. От углей исходил жар, и стражник то и дело стирал с лица бисер пота.

Уру отступил на шаг от столба, взял в руки бич, поиграл им в воздухе и с отяжкой обрушил первый удар. Маттафия вскрикнул, грудь словно обожгло огнем, он дернулся, и веревки еще сильнее врезались в тело. Следующие удары он перенес молча, сцепив зубы. Боль разбежалась по спине, проникла внутрь, казалось, если удар бича попадет несколько раз в одно место, то рассечет туловище пополам. В финикийском плену Маттафия не раз испытал удары бичей, он не страшился пыток, он знал, что всегда наступает такой предел, когда боль затуманивает мозг, и ты ускользаешь от палача в небытие. Но это, видимо, знал и безъязыкий Уру, он остановился именно тогда, когда темные круги уже наплывали на Маттафию.

Арияд встал с циновки и подошел к истязаемому, вглядываясь в красные, взбухшие полосы на теле. Словно сожалея, поцокал языком. Он не был похож на палача, но теперь Маттафия ясно осознал, что именно от Арияда бесполезно ждать пощады, муки другого явно доставляли ему удовольствие. Уру стоял рядом, опустив бич и тяжело дыша, пот ручьями лился по его обнаженной груди.

- Теперь твой язык будет более подвижным, - сказал Арияд, - признавайся, и ты прекратишь свои напрасные мучения!

- Мне не в чем признаваться, - твердо произнес Маттафия.

- Уру, твой бич был слишком слаб и не вразумил нечестивого! - с сожалением произнес Арияд.

Уру недовольно поморщился и отвел свою руку, покрытую рыжими жесткими волосами в сторону, а потом резко выкинул ее вперед. Удар пришелся в губы, Маттафия дернулся, во рту стало солоно, кровь заливала подбородок, делала мокрой бороду.

- Ты испытываешь мое терпение, - продолжал Арияд, - признавайся, к кому ты шел, кто были твои спутники.

- Я шел один, со мною никого, я шел один, - ответил Маттафия, с трудом шевеля разбитыми губами.

Уру отошел к очагу и наполнил противень дымящимися углями, потом медленно подошел к Маттафии, присел на корточки, подставил угли под ноги Маттафии, выпрямился, обнял свою жертву и потянул вниз. Теперь ноги Маттафии обрели опору, но эта опора была невыносимо жгущей, пронизывающей ступни адским огнем. Запахло паленой кожей. В глазах у Маттафии потемнело, перехватило дыхание, от боли, казалось,

все разрывается внутри. Как сквозь глухую завесу откуда-то издалека доносились слова. Наконец Уру ослабил свою хватку, и удалось подогнуть обожженные ноги.

В ушах гудело, этот гул прерывался цоканьем, свистом, будто бежало многоголовое стадо, и он, Маттафия, лежал на его пути, это его топчут копыта, и не заслониться, не увернуться, нет никаких сил. Раскаленное солнце слепит глаза. Наконец он вскакивает, хватается за бока быков, быки красные с разъяренными глазами, рыжеволосый мчится прямо на него, Маттафия пытается отворотить от себя рога, и вдруг протяжный свист и хлопок бича, и бык взлетает в воздух, кувыркается, опаленный солнцем. И отчаянный крик: Это амаликитяне! Держите их! Маттафия рвется из чих-то цепких и липких рук, ему удается освободиться. Он взбирается на кручу прыжками, как горный козел, его уже не догнать, но каждый скачок рождает неимоверную боль, на ступнях кровоточит мясо. И сквозь отдаленные гулы и цоканья слышатся напевы арфы и голос Давида: «Сюда, Маттафия, я знаю, где таится Саул, сюда!». Он хочет бежать на зов Давида, он кричит: Давид, я здесь, помоги! Но не может сделать ни шага. У него связаны руки. Жар туманит голову. И снова кричит Давид: «Здесь родник!». И вода, холодная, живительная вода низвергается из расщелины. Вода заливает все вокруг. Давид, обнаженный, рыжеволосый, стоит под зеленоватыми струями и играет на арфе. «Саул, Саул! - кричит Давид. - Я не враг тебе!».

- Я не враг тебе, - говорит Арияд, - вот ты и выдал себя, тебя послал Давид, ты в сговоре с ним, ты кричал - Давид, помоги!

Маттафия плохо слышит слова Арияда. Вода в роднике иссякает. И снова все заполняет жар. Огонь уже у лица, дым ест глаза.

- Подпали ему бороду, Уру, подпали, - разбирает Маттафия чей-то глуховатый голос.

Голова становится тяжелой, он дергается, пытается отстраниться от огня. Также дергался старик торговец, когда ему подожгли бороду. Старик наслал огонь. Маттафия понимает, что это расплата за то давнее убийство, он пытается кричать: «Господь! Я виновен! Ты караешь меня, Господь! Да будет воля твоя! Но останови огонь!».

- Довольно, - приказывает Арияд.

Мрак, застилавший сознание, растворяется. Льется вода. Маттафия возвращается к своим мучителям. На него льют воду из кожаных мехов. Он не хочет, чтобы мучители заметили, что сознание вернулось к нему. Он не открывает глаза. Но стражников не проведешь. Острый крюк впивается в бок, Маттафия дергается и стонет.

- Упрямство не приводит к добру, ты меня слышишь, Саул, - вкрадчиво говорит Арияд, - все мы смертны, и цари тоже, есть предел

терпению, ты все уже сказал в бреду, твой язык развязала боль. Ты подтвердил, что был царем, тебя послал Давид!

Маттафия тяжело дышал, наконец, он справился с дыханием, его истерзанное сознание было готово ко всему, чтобы прекратить муки. Он должен был преодолеть самого себя. Он не знал, какие слова им удалось вырвать из него. С ненавистью он оглядел своих мучителей и сказал отчетливо, оттопырив разбитую губу:

- Вы лжете, я ничего не мог сказать вам, я не мог видеть Давида, я вырвался из плена. Мне всегда говорили, что я похож на царя Саула. Разве не бывает так, что Господь создает двух очень похожих людей - двойников. Кому из нас дано понять замыслы Господа?

- Откуда ты знаешь, что похож на Саула? - быстро спросил Арияд, радуясь, видимо, тому, что так умело поймал его, Маттафию.- Значит, ты сражался в его войске, убивал неповинных амаликитян, ты был его двойником? А не сам ли ты и есть Саул, а двойника убили филистимляне? Отвечай!

Маттафия молчал, в глазах его не было теперь покорности, только презрение. Арияд это почувствовал и оглянулся в поисках Уру. Тот, пошелкивая бичом, подошел к своему господину.

В это время снаружи послышался женский гортанный крик и недовольные окрики стражей, которые с трудом сдерживали кого-то рвущегося в помещение. Двери резко распахнулись, и Маттафия увидел, как бьется в руках стражников седовласая женщина, и столько в ней было силы, и столько желания прорваться сюда, что четверо с трудом сдерживали ее.

- Это что за исчадие демонов? - строго спросил Арияд, недовольно скривившись, - что ей нужно? Да отпустите же ее!

И тотчас, едва стражники ослабили свою хватку, она рванулась, словно птица освободившаяся из силков и бросилась к столбу.

- Что они с тобой сделали!- закричала она и припала к обожженным ногам Маттафии.

Сверху он видел ее вздрагивающие плечи, по-девичьи худенькие, и совершенно белые волосы, белые, как руно самой белшерстной овцы. Раньше они были золотистыми, время стерло золото. И когда она подняла голову, он увидел как морщинисто ее лицо, но глаза остались голубыми, и эта голубизна позволила проступить на лице прежним чертам, возвращала ему ту далекую Зулуну из амаликитянского стана, которая так любила отплясывать в хороводах. Он спас ее тогда в ночь резни. И теперь, он это остро почувствовал, ей в очередной раз грозила опасность, и эту опасность принес он, Маттафия. Как оберечь ее? Что может сделать он, привязанный к столбу, истязаемый, с ногами, превратившимися в жгущее месиво, с

подпаленной бородой... Разве им мало одной жертвы? Зачем они впустили ее?..

- Это я виновата, я все время ходила встречать тебя, а в ту ночь, когда тебя схватили, я не пошла. Я виновата! - бормотала она.

Уру попытался оттащить ее, но Арияд остановил его и подошел к Зулуне. Подождав, когда она кончит свои причитания, он взял ее за руку, и она, поняв, что он главный здесь, не стала сопротивляться и, сдерживая рыдания, привстала и повернулась к нему.

- Ты знаешь этого человека, женщина? - спросил Арияд.

- Как мне его не знать, мой господин, ведь это мой муж, сжался над ним, мой господин!

Она упала перед Ариядом на колени, стала хватать его за руки, за полы одежды. Арияд брезгливо отстранился и спросил:

- Ты уверена в этом, женщина? Ты не очень похожа на жену израильского царя. Но если это и так, то теперь ясно, кто указал ему путь в нашу крепость. Это сделала ты, не так ли? Ты ведь знаешь, что за это тебя ждет! Ты умрешь, женщина!

Она на мгновение перестала всхлипывать и смотрела на Арияда так, будто хотела взглядом прожечь его насквозь. Маттафия напряг мышцы, веревки затрещали и еще сильнее врезались в тело.

- Господи спаси ее, - прошептал он, беззвучно шевеля губами, - Господи, посмотри, как я унижен, ужели мало одной жертвы, я грешен, она же невинна...

- Неплохая добыча, - сказал Арияд и потер руки, - если это твой муж, то имя твое Ахиноама, и ты умрешь вместе с ним, ибо жена тоже отвечает за грехи своего мужа, лживая дочь Израиля, ты сама попала в силки!

- Неужели ты не видишь, что я амаликитянка, - встрепенулась Зулуна и подскочила к Арияду почти вплотную, - неужели ты не знаешь, что Саул давно погиб на горе Гелвуй, он упал на свой меч!

- Убит его двойник, а Саул - вот он, на груди его написано это кровавое имя, и его соплеменник старый еврей Бер-Шаарон опознал в нем своего царя, - сказал Арияд и усмехнулся, полагая, что полностью уличил ее во лжи.

- Не может быть, - прошептала Зулуна и подняла голову. Ее взгляд, полный отчаяния, встретился со взглядом Маттафии. Глаза его молили - молчи, уходи...

- Ты удивлена, Ахиноама, - продолжал Арияд, - ты хотела пригреть здесь, в городе-убежище, убийцу, хотела спрятать здесь жестокого царя. Твой замысел провалился!

- Я Зулуна! Я не Ахиноама, клянусь всеми богами! - закричала она и замахала руками. Теперь она была похожа на взъерошенную птицу, которая никак не может взлететь и бьется в силках.

Арияд кивнул стражникам, и те схватили Зулуну за руки и оттащили от него.

Маттафия напрягся, казалось, еще усилие и он разорвет путы, лицо его налилось кровью. Но все было бесполезно, пустая трата сил, ему не вырваться.

- Отпустите ее! - закричал он. - Она не ведает, что творит, она, не понимает слов, что вырываются из ее уст! Господь лишил ее рассудка! Я вижу ее первый раз! Она простая амаликитянка! Отпустите ее, это я повелеваю - царь Израиля Саул!

- Наконец-то, - воскликнул Арияд, - надо было сразу признаться и не томить нас лживыми увертками. Вот ты и попался, Саул!

Зулуна была в полубоморочном состоянии, глаза ее потухли, она пыталась что-то сказать и не могла. Арияд приказал вывести ее. Маттафия облегченно вздохнул, когда она, вытолкнутая стражниками, оказалась за дверь. Толчки его сердца замедлились, он сделал все, чтобы отвести удар от Зулуны, чтобы спасти ее...

Арияд между тем собрался уходить, видимо спешил во дворец, чтобы доложить верховному правителю о том, что пойман царь Израиля, что пойманный во всем сознался. Арияд опоясал себя мечом, снял свой тюрбан, расправил его - белая матерчатая полоса переливалась в его руках, затем он, словно фокусник, одним взмахом окрутил ею голову. Уру залил водой угли, над очагом с шипением поднялись клубы дыма.

Маттафия прикрыл глаза, ноющая тупая боль не отступала, ему теперь было все безразлично. Он не испытал особой радости даже тогда, когда наконец Уру начал развязывать путы. От рыжеволосого безъязыкого палача пахло едким потом, будто и не человек это был, а гиена, наглотававшая падали. Маттафия повел освобожденными занемевшими руками, и Уру испуганно отшатнулся, потом Уру нагнулся и стал быстро сдергивать веревки с ног. Маттафия опустился на глиняный пол, вскрикнул от боли в ногах, стоять было невозможно и он медленно осел на пол.

- Плесните на него водой, пусть придет в себя, и не сводите с него глаз, - приказал Арияд и направился к выходу, но там впереди кто-то остановил его, и Арияд испуганно попятился. Стражники вскочили со своих мест, и Маттафия увидел, как важно и медленно входит, сопровождаемый рослыми чернокожими нубийцами, человек, наделенный властью. Важность чувствовалась в каждом его движении, во взгляде его белесоватых глаз, в медленном повороте головы, в снисходительной grimase, вытянувшей и без того тонкие губы. У него был острый, почти

лисий нос, и Маттафия сразу понял, что в прошлом он видел этот нос, что где-то уже встречал этого сановника. Он пока не знал, что это могло принести - пользу или вред, маленькая искра надежды затеплилась внутри...

Арияд низко склонился перед вошедшим, суетливо завертелся и, не ожидая вопросов, стал все объяснять. Он говорил о своей прозорливости, о том, что сразу понял, какая крупная рыба попала в сети, и что пленник признался - он царь, в этом нет сомнения, что он, Арияд, уже собрался доложить обо всем правителю, и что прежде, чем докладывать правителю, безусловно, собирался зайти к нему, главному советнику Цофару. Маттафия прислушался, имя главного советника показалось ему знакомым, теперь он мучительно пытался вспомнить, где и когда пересекались стези их жизней. Сознание Маттафии все еще было затуманено болью, легче становилось только тогда, когда прикрывал глаза, погружаясь в темноту и как бы уходя отсюда, сбегая в поток бессвязных мыслей и воспоминаний. Теперь в этих воспоминаниях был горящий город, отданный на разграбление, город в пределах филистимлян, и человек по имени Цофар в храме Дагона...

Удар ногой в бок вернул Маттафию к действительности. Советник Цофар наклонился над ним, прямо перед собой Маттафия увидел белесые глаза и испуг, затаенный в них. Он боится, что узнаю, понял Маттафия, стараясь безразлично смотреть в сторону.

- Это Саул, нет сомнений, - изрек советник, - это Саул, самый жестокий и коварный царь в Ханаане. Его следовало казнить на месте!

- Конечно, - поспешил согласиться Арияд,- прямо здесь. Я сам с истинным наслаждением всажу меч в его грудь!

- К сожалению, к сожалению, - остановил его Цофар, - не здесь и не сегодня. Хотя почему не сегодня, вот только исполним повеление правителя, пусть увидит, возможно, он желает, чтобы голова царя слетела в его присутствии, нам придется доставить злодея во дворец, к сожалению...

Маттафия слушал спокойно, будто и не о его голове шла речь, словно говорили о ком-то другом.

Цофар бегло взглянул на Маттафию и передернулся. Что-то пугало его.

- Столько лет скрывался, и только я смог его изловить! - с гордостью произнес Арияд, явно ожидая похвал.

- Не скажите, мой Арияд, не скажите, а почему допустили, почему прошел, -язвительно изрек Цофар, - почему не сразу прикончили на дорогах, как и всех иных злодеев, опять за мзду пропустили, какая, Арияд, сейчас мзда на дорогах - пять или пятьдесят сребреников?

- Я всегда служил честно, - с обидой произнес Арияд, - я с малых лет при страже, без родителей, без покровителей. Только истина - вот мой завет!

- Но разве мог царь так долго скрываться, самый высокий царь, столь заметный царь, - продолжал Цофар, казалось, он не слушает Арияда, а рассуждает сам с собой, озабоченный одному ему известными обстоятельствами. - Можно ли утаить огонь? Может ли кто взять огонь за пазуху, чтобы не прогорело его платье? Запах тлеющих одежд, запах паленой кожи выдадут огонь...

Цофар поморщился недовольно и замолчал, потом подошел к Арияду и что-то сказал полупшепотом. Арияд стал отнекиваться. Маттафия видел, как Арияд изогнул спину, как угодливо он вертится перед советником правителя. По приказу Цофара принесли воды, Уру стал из меха поливать свою жертву, потом другой стражник принес полотнище, которое приложили к телу Маттафии, тотчас на белой ткани проступили кровавые следы. Один из стражников достал оливковое масло, нагнулся и стал смазывать обожженные ступени. Боятся правителя, понял Маттафия и опять ощутил брошенный как бы вскользь взгляд Цофара. Советник постоянно вглядывался в Маттафию. Что-то связывало их. И Маттафия наконец понял, где все это было. Этот запоминающийся лисий нос... Конечно же, там, в Иудейской пустыне, в невыносимый полуденный жар, раскалявший камни, в пустыне, куда не приходят дожди. Задерживаемые горами, облака ныряют в Мертвое море. Зачем морю соли вода? Его все равно не сделать пресным. Там, в безводной пустыне, они шли трое суток. Он, Маттафия, был Саулом. Так повелел царь. Маттафия-Саул преследовал Давида и вывел отряд к филистимлянскому городу, лежащему на границе песка и гор. Там, в храме Дагона, филистимлянского главного бога, все и произошло. Там и увидел Маттафия впервые похитителя сокровищ с лисьим носом. Маттафия простил тогда убийцу. Вот, где главная опасность, никогда нельзя быть излишне милосердным и прощать убийц, теперь Цофар может не довести до дворца правителя, один взмах меча исполнительного Арияда, и все будет кончено. Он, Маттафия, знал, как беззащитна у человека шея. И он услышал, как Цофар почти повторяет его мысли:

- Не прощать, никогда не прощать убийц, мы слишком милосердны...

Два стражника подняли Маттафию, поправили на нем изодранную одежду.

- Я уверен, сегодня, мой Арияд, мы будем свидетелями праздника, - продолжал Цофар, - казнь изверга, запятнанного амаликитянской кровью, - дань городу, приютившему нас!

Стражники подтолкнули Маттафию к дверям, он с трудом сделал несколько шагов, ноги не слушались его, от каждого соприкосновения с землей возникала острая пронизывающая боль. Он вышел за дверь, и солнечный свет ударил ему в глаза. От утренней влаги не осталось и следа, зелень уже не была такой яркой и сочной, как в те часы, когда его вели на пытки, теперь все пожелтело вокруг, земля впитала влагу, подаренную ночным ливнем, впитала без остатка.

Маттафия остановился, посмотрел на пальмы, увешанные гроздьями фиников, на виноградную лозу, оплетающую стены домов, и вдруг отчетливо осознал, что, возможно, все это дано ему видеть в последний раз.

Глава VI

Весь последний год Зулуна прожила в томительном ожидании. Все не ладилось в доме и валилось из рук. Раздражала беспечность Рахили, словно птичка, та щебетала по утрам. Птичка небесная, которая не жнет и не сеет, а живет лучше тех, кто занят делами и каждодневными трудами. Все заботы на ней, Зулуне. На сыновей - плохая надежда. Фалтий вот уже два года назад, как ушел из дома, вестей от него почти нет, в ратном деле он быстро продвинулся, получил в начало сотню у Давида, но сейчас ни за что нельзя ручаться. Сын Давида Авессалом восстал против своего отца, пошли войной друг против друга. Как это скажется на судьбе Фалтия - неизвестно. Фалтий слишком открытый, слишком резкий...

Рахили повезло больше, сын, рожденный ею, тих и застенчив, словно девица, льнет к матери постоянно, а та своими ласками превратила отрока в послушную овечку. Он совершенно не может постоять за себя, единственный мужчина, оставшийся в доме, сам всегда нуждается в защите. И имя у него почти девичье - Амасия, или, как любит его называть Рахиль - Масыя. Был в доме еще один отрок. Спасенный Маттафией гирзеевский мальчик Анзиахендр, прозванный Шаломом. Он так и не стал сыном, дом ему был, словно клетка для дикого зверька. Как только остались без Маттафии, сразу исчез. Еще в Иерусалиме. Жить там стало невозможно. Маттафия, попавший в плен, был объявлен предателем. И вот Фалтий отыскал для них далекий город, город, принимавший всех гонимых, город, где можно жить спокойно вдаль от войн, от кровопролитий, под надежной защитой крепостных стен. Так ей тогда казалось. Она не понимала еще тогда, что нет на земле райских мест, что везде праведные и бедные гонимы и никому они не нужны.

О, как она ждала возвращения Маттафии, как верила, что он вырвется из плена, каким счастьем была первая весточка от него, как

сызнова возродилась к жизни ее измученная душа. После того, как она с надежным человеком послала ему глиняную табличку, где изобразила, как найти путь к скрытому в горах городу-убежищу, почти каждый день выходила из крепостных ворот встречать его. Она догадывалась, что творят на дорогах стражники, она знала какой опасности подвергается Маттафия. Она всегда была уверена в нем, у нее не было сомнения в том, что Маттафия одолеет все преграды, она не встречала на земле человека сильнее его.

И вдруг такое несчастье. Когда она услышала от Бер-Шаарона, что поймали Саула, сразу поняла - произошло непоправимое. И вот после долгих лет она увидела своего возлюбленного. Разве такой представлялась ей встреча, разве не заслужила она всеми своими страданиями иного. Увидеть его, привязанного к столбу, избитого, измученного, истерзанного - за какие прегрешение послали ей боги такие тяжкие испытания. За что накнулись эти безумные мучители на человека, идущего к своей семье. Только за то, что он схож с царем, которого давно уже нет на лике земном! Они жгли огнем его измученные дорогами ноги, они терзали его тело. Они добились своего - он назвался Саулом. Он отказался от своего имени, он отказался от нее, Зулуны. Отказался, чтобы уберечь ее, чтобы спасти. Разве не имела она права указать своему мужу путь в крепость? Да, она знает - нужно разрешение судей или правителя, но сколько людей почти каждый день приходят сюда в поисках спасения, никого из них не выгоняют. Добиваются все разрешения. Говорят, сейчас стало еще проще - надо дать мзду стражникам на дорогах, ведущих в город. Там эти бездельники бродят в поисках жертвы. Надо было написать об этом Маттафии, надо было обо всем предупредить его.

Теперь жизнь его в опасности, такие, как Арияд, чтобы выслужиться перед правителем, будут настаивать на своем - они поймали Саула, они будут жаждать награды. И если правитель поверит им, может свершиться самое ужасное. Об этом страшно было даже думать. Жизни своей без Маттафии она не мыслила. Его смерть станет и ее смертью. Это она решила твердо.

Зачем ей этот дом с добротной деревянной кровлей, просторный и сухой, к чему ей кусты шаронских роз у крыльца, зачем ей этот спокойный безмятежный рай в крепости-убежище, рай для избранных. Повсюду заявляет правитель, что в крепости может найти прибежище каждый, кто несправедливо гоним или оклеветан. И вот приходит человек, который действительно претерпел несправедливые гонения, и этому человеку не только отказывают в пристанище, но и жаждут пролить его кровь, и подвергают его адским мучениям. Где же справедливость и есть ли она на земле? Справедливость, наверное, существует для богатых, для тех, кто правит городом, они все наживаются на чужом горе. Восстал

Авессалом против отца своего, горе людям от братоубийственной войны, а здесь - во дворце правителя радость. Ослаблена власть Давида, бегут сюда гонимые им, отдают все накопленное, лишь бы впустили, лишь бы не выдали Давиду.

Здесь выстраивают рай для Каверуна, все делается ему в угоду. Главные свои заботы правитель обратил на разведение садов, каждый житель обязан посадить у дома цветы, ты можешь умирать от голода - но не вздумай сажать у дома масличные деревья, у них не столь привлекательный вид, зато олеандры, от которых нет никаких плодов, должны цвести у каждого дома, тот, кто не выращивает цветов платит двойной налог. Все мыслимое и немислимое облагается пошлиной. Это расплата за прежние грехи - так говорит главный советник правителя Цофар. Почти все стада принадлежат правителю и ему, Цофару. Хорошо, хоть сжалился, взял в пастухи Амасию, и тот не голоден, и в доме, хоть изредка, но появляется мясо.

Какой роскошный пир можно было бы устроить! Возвратился возлюбленный, пришел хозяин в дом! Из последних бы сил, из последних средств - купила бы двух барашков, есть еще мука в доме, можно было бы испечь его любимые кнедлики. А теперь вместо праздничного пира ждет горькая тризна. Надо спасать Маттафию, надо что-то предпринимать, но охватила такая тоска, так все казалось безысходным, что хотелось замкнуть слух, закрыть глаза и никого не видеть, никого не слышать. Не с кем было и разделить горе. Саула здесь ненавидели многие, в городе полно амаликитян, для них Саул самый страшный враг. Выбежать к крепостным воротам, кричать - вы ошиблись, это не Саул, это муж мой возлюбленный, Маттафия, но кто поверит, кто станет слушать. Объявит Цофар - признал пленник, что он и есть царь Израиля, и все будут ликовать, что пойман тот, кто повинен в их изгнании, и все будут требовать казни. Упасть перед людьми на колени, разодрать одежды - убейте меня, казните меня, это я виновата, я начертала ему путь в город, мне надо было не звать его сюда, а самой побежать ему навстречу. Ведь я узнала уже, во что превратился город, я узнала, как здесь наживаются на чужой беде. Нечестивые воры правят вами, люди! Опомнитесь - грешно искать выгоду от чужой беды! Но никто не допустит ее на совет судей - бискурат, никто не станет внимать ее словам. Каждый слышит то, что он хочет услышать.

Поначалу Зулуна не хотела ни о чем говорить Рахили, но та выпытала все. Увидела слезы на глазах, пристала с ласками своими, невозможно было хранить молчание. А когда поделилась горем, немного отлегло на душе. Но слушать долго бредовые вымыслы Рахили тоже было тяжело. Ни больше ни меньше - Рахиль собралась тотчас бежать искать защиты у правителя, вспомнила, что на одном из празднеств он

сладострастно посмотрел на нее. Зулуна слушала ее молча. Конечно рыжие кудри Рахили, ямочки на ее щеках еще прельстительны, но она забывает, что ей уже не двадцать лет, далеко - не двадцать, что ради ее прелестей правитель не станет оправдывать того, в ком опознали ненавистного для всех царя. Не к правителю надо бежать, а искать пути, чтобы доказать - это ошибка, это простой воин Маттафии, это наш муж, отец наших сыновей. И что это выдумали они о какой-то надписи на его груди, никаких там нет надписей... А Рахиль не умолкала:

- Я пойду во дворец, мне поверят, правитель не оставит меня в беде. Я проберусь к Маттафии, я попрошу его, чтобы он не назывался царем, это опасно, царей всегда убивают, я не хочу, чтобы он был царем...Я пошлю Амасию, пусть найдет Фалтия, найдет Шапома, они примчатся, Шалом все знает, мы найдем подземные пути, ведущие в темницы, мы освободим нашего возлюбленного...

Рахиль говорила и говорила беспрерывно, может быть, за потоком слов она пыталась скрыть свою растерянность и страх. Зулуна заметила, что Рахиль дрожит, как тростинка, колеблемая ветром, что дергается веко на ее глазу.

- Прекрати! - закричала Зулуна и с силой ударила кулаком по стене так, что посыпалась известка.

Потом они долго сидели молча, тягостная тишина сдавливала их сердца, слезы щипали глаза.

- Хочешь помочь, - сказала Зулуна, - найди старика, который кормится среди бездомных бродяг, этот старик опознал в Маттафии царя израильтян. Пусть откажется от своих бредовых слов. Лживость его уст погубила Маттафию, пусть опомнится и снимет грех с души своей!

Рахиль, жаждущая какого-либо действия, быстро собралась и убежала. Зулуна упала на циновку и закрыла глаза. Страх и отчаяние охватили ее. Она во всем винила себя. Ведь и этого старика она тоже пригрела, жалела несчастного, приносила ему снедь - и вот старик отплатил, и ему поверили - выжившему из ума нищему. Он стал источником ее беды. Но больше всего она винила саму себя. Повторись все это, дневала и ночевала бы на дороге, ведущей в крепость, чего ей страшиться, она свое отжила. Можно было и по очереди ходить встречать - и Амасия мог побыть у крепостных ворот, и Рахиль могла бы посидеть там. Никого не допускала она, Зулуна, все хотела сделать сама, ни с кем не хотела делиться радостью первых мгновений встречи, и вот теперь ее корысть становится причиной гибели для того, ради которого и жила на свете...

Заканчивался страшный день, солнце расплылось, коснувшись тверди, и сделало багровыми облака, обещая на завтра ветреную погоду, и, возможно, опять ливневые дожди. Зулуна смотрела из окна на заход, на

красноватое, словно окрашенное кровью небо. Она молила всех богов пощадить Маттафию. Она клялась, что завтра же принесет жертвы всесожжения Господу, ответит единственную свою телицу в жертву богу города Рамаруку, принесет в жертву агнцев Ваалу. Она просила наказать ее самыми страшными муками, но освободить Маттафию. Смерть не страшна ей, она бы с радостью приняла переход в небытие, если бы знала, что ее жертва будет угодна богам. Она понимала, что если сам Маттафия будет по-прежнему утверждать, что он и есть царь Саул, пощады ему не будет, и не помогут никакие жертвы. Теперь только она сама должна спасти его, теперь пришел ее черед.

Много лет назад Маттафия спас ей жизнь. Спас в ту кровавую ночь, когда стан царя Агага огласился воинственными криками и запылали шатры на северной стороне. Оттуда двигалась смерть. Ночь смерти пришла на смену ночи любви. Они всегда ходят друг за другом - любовь и смерть...

Отец Зулуны, узнав, что дочь полюбила инородца, хотел умертвить Маттафию, он искал только предлога. Она сказала, что тогда и ей не жить. Она знала, что отец не смирится с ее выбором. Главному охраннику царя Агага были подвластны все, кроме его дочери. Он готов был отдать свою дочь в шатер к Агагу, только бы не родниться с неизвестным воином, мало этого, он догадывался, что Маттафия сын израильянина. Он выделялся среди всех остальных, ее Маттафия. Не было в стане Агага таких высоких и красивых воинов, каким был Маттафия. Потомки Исава, амаликитяне, были и коренасты и рыжеволосы. А у Маттафии волосы были темны, словно крыло ворона.

Ночь в шатре царя Агага не страшна ей, те из ее подруг, кто уже побывал там, рассказывали, что старый Агаг ни на что не способен, он просто заставляет раздеваться и танцевать перед ним, а потом громко стонать, чтобы слышали стражники и разносили повсюду слухи о его мужской силе. Царь Агаг любил, чтобы им восхищались. Также как и правитель города-убежища Каверун. Все правители любят славу и льстецов. И любят праздники. Агаг любил праздники больше всего на свете. Это он виноват, что не смог подготовить воинов для отпора израильянам. Праздники и лесть затмили ему глаза. Мать Зулуны была из царского рода и часто вспоминала, как царь Агаг устраивал праздник богини плодородия и любви Астарты, как выбиралась самая красивая из стана и наряжалась в прозрачное платье, и воины состязались за право обладания ею и совокуплялись с ней принародно на ложе, усыпанном лепестками роз. Агаг любил эти праздники и потерял свой народ...

Он доверился сыну Саула, он был обрадован, что заключил с Ионафаном выгодный мир, и не понял, чего хотел Ионафан, отмахнулся от тех, кто доносил ему, что сын царя хочет увести из стана кенеян. Это все

стало понятным потом, в ночь резни. Саул исполнял повеление пророка Самуила, грозный пророк жаждал крови и отмщения за те далекие войны, свидетелей которых уже не осталось на лике земли. Да и кто знает, вел ли эти войны великий Моисей, который сорок лет водил свой народ по пустыне, чтобы превратить рабов в воинов. Воинами становятся в битве. Так любил говорить Маттафия. Амапикитяне встали на пути рабов в далеком прошлом, или рабы захотели сами испытать свои силы - кому дано об этом знать. Маттафия говорил, что все это записано на пергаментных свитках. Но всегда ли письменные знаки говорят правду? Ведь подписали договор о мире, а была ли в нем правда? Бессмысленность битвы понимали все, понимал и сын царя Саула храбрый Ионафан. Она, Зулуна, тогда сумела привлечь внимание Ионафана, она это делала намеренно, она хотела подразнить Маттафию. Какая она была тогда глупая! Хотелось и отцу показать, что может завоевать сердце такого прекрасного воина, как Ионафан. Ей не трудно было увлечь Ионафана, он был так похож на Маттафию! Только был он нежнее и слова умел говорить очень нежные. От Маттафии за всю жизнь нельзя было выманить столько нежных слов. Два человека и были по-настоящему нежны с ней - сын царя и будущий царь, ныне могущественный рыжекудрый Давид. О, если бы он сейчас пришел на помощь, но с некоторых пор Давид стал недоступен...

А в ту ночь, предшествующую кровавой резне, она, повинувшись Ионафану, покинула круг танцующих и проскользнула вслед за ним к роднику, еще не ведая, что задумал Ионафан, но твердо зная, что она даже ему не уступит и что ей определен единственный и самый желанный для нее жребий - простой воин Маттафия. И об этом она намеревалась тогда сразу сказать Ионафану...

Но ничего не пришлось объяснять, Ионафан торопился высказать все сам, говорил, озираясь вокруг, опасаясь соглядатаев - и сразу стало ясно: ночь веселия отодвинулась, растаяла, и на смену ей крадется ночь смерти. И она сказала Ионафану, что приведет Маттафию, ибо только он сможет собрать и спасти кенеев и всех тех, кто захочет уйти и уберечься от гибели, и Ионафан сразу с ней согласился - он уже заметил и выделил для себя Маттафию, сразу понял, что тот его соплеменник...

Маттафия отказался тогда от спасения, он не мог поступить иначе и хотел разделить общую судьбу, и она, Зулуна, когда Ионафан предложил увести ее, с гневом отвергла его предложение. Она тогда еще не представляла, что означает ночь уничтожения, ночь смерти. Но все же, они сумели многих предупредить. О своем спасении ни она, ни Маттафия тогда не думали. Они спасали других. Сейчас в городе-убежище наверняка можно встретить детей тех, кого спас Маттафия, они не знают о том, кому обязаны спасением. Объявлено, что пойман Саул, значит так и есть.

Все определяет во дворце правитель, спорить - значит лишиться убежища, за каждым груз преследований и обвинений. Пусть зачастую, и ложных, но кому, кроме богов, дано отделить ложь от истины? Тогда, в стане Амалика им тоже не верили, говорили - вы хотите запугать народ, ты связалась, Зулуна, с инородцем...

Проверили, когда в следующую ночь стан амаликитян был охвачен огнем. Ветра не было. Шатры казались огненными факелами, воткнутыми в землю. Испуганные их обитатели с отчаянными криками вырывались наружу и натыкались на мечи и стрелы убийц. Пронзительные смертные крики разорвали тишину ночи. Душераздирающим был плач детей. Но один за другим замолкали крики, захлебывались в крови. Воины Саула не щадили ни детей, ни стариков, ни женщин. За женщинами шла мерзкая охота - их окружали, с улюлюканьем выгоняли из зарослей можжевельника, накидывались на одну втроем, а то и вдесятером. Ей, Зулуна, поначалу удалось скрыться, она нашла ложбинку - русло высохшего ручья, легла туда и набросала на себя сверху соломы, но когда все уже стихло, ее обнаружил отставший от своих воин Саула - это был крижистый, уже повидавший жизнь лучник. Он ткнул ногой в ворох соломы и от неожиданности или от предчувствия удачи закричал. Она, Зулуна, вскочила на ноги и попыталась бежать, но воин подставил ногу, и она упала, больно ударившись локтем о скрытый в траве камень. Лучник сразу навалился на нее. Мать не раз наставляла, если идет война и напали воины - не надо сопротивляться, убьют, если будешь противиться, надо самой раскрыть колени, надо угодить насильнику, и тогда он сохранит тебе жизнь и даже сделает своей женой. Но уж больно страшен был лик того, кто навалился сверху. И пахло от него кровью и едким потом. Она отчаянно закричала, и вдруг почувствовала, что тело насильника обмякло и стало безжизненным. Над ней с окровавленным мечом в руках стоял Маттафия. А через мгновение спастись пришлось его самого. Копье, со свистом пронзив воздух, вонзилось в его бедро. Она увидела, как удирает молодой амаликитянин, почти ребенок, который принял Маттафию за насильника. Она разорвала свое платье, стянула бедро Маттафии, чтобы остановить кровь. В ту ночь никого не ждала пощада, и если бы не Маттафия, и ей не жить... Обретя в ту ночь Маттафию, она потеряла и отца, и мать. Остались лежать на красноватой земле среди песков и ее сестры. Говорили, что после той ночи кровь залила небольшое озерцо на пастбищах, и оно высохло, пересох и родник, у которого всегда начинались празднества. И еще говорили потом, что Саул не исполнил повеление пророка Самуила, который требовал умертвить всех амаликитян, что многие были пленены, и пленен был царь Агаг. За царя вступилась седовласая амаликитянка, и почему-то царь Саул сразу внял ее мольбам. Потом Зулуна поняла, что это была мать Маттафии. Он же,

Маттафия, считал, что мать лишили жизни в ночь истребления сразу, потому что их шатер стоял одним из первых с северной стороны, откуда и началось нападение...

Какие это были страшные дни, какие тревожные ночи, иногда им казалось, что они одни выжили на этом свете, что земля давно пустынна, и Господь проклял все живое. Они брели в сторону земель Эдома через безжизненную пустыню, и она там, на раскаленном песке, родила преждевременно мертвого мальчика, и никогда и ни над кем она так не рыдала, как над этим красноватым тельцем, жизнь которого прервалась еще в ее лоне.

А потом их подобрали бедуины, и опять была мрачная каменная пустыня, лишённая жизни, и бесконечные кочевья. И тогда Маттафия решил идти в землю Ханаанскую, чтобы жить среди своего племени, она была тогда не в силах противиться, ей было все равно, и даже любовь ее к Маттафии спряталась куда-то глубоко внутрь и затаилась там испуганным и робким зверьком. Она, Зулуна, была тогда худенькой, иссохшей девочкой, которая не хотела жить...

Годы стирают боль и приносят примирение в душу человеческую, не может человек жить только страданиями, от которых разрывает сердце, надо смириться с судьбой и благодарить богов за каждый прожитый день, за теплоту солнца и чистоту родниковой воды, за сладость плодов, произрастающих под солнцем, за чарующий свет луны, и за радость любви.

И вот прошли годы, вернулся возлюбленный, он жив и это самое главное, над ним измываются, его хотят отнять сызнова, надо спасать его, надо возблагодарить богов, которые возвратили его, надо умолять их, надо задобрить их, они помогут, они не могут не помочь. Они знают, что он, Маттафия, спас свою возлюбленную, спас гирзеевского отрока, спасал многих, ужели не зачтется ему все свершенное, ужели только одни грехи будут поставлены в укор...

Сколько раз, когда, казалось, не было исхода и конца страданиям, он, Маттафия, возвращал ее к жизни. После долгих скитаний обрели они покой в Вифлееме, хотя и не сразу принял их этот город, но зато принес дружбу с Давидом, ныне могущественным царем, а тогда безвестным рыжекудрым отроком. Он был явлен для них, как ангел, как вознаграждение за годы мучений. Но и ангелы могут все разрушить, да и его ли была в том вина...

Вифлеем или "дом хлеба", названный так за обилие пшеницы, произрастающей там, затаился, окруженный холмами, в небольшой долине среди плодородных пашен. Около десятка глиняных домов с плоскими белыми кровлями были разбросаны в беспорядке по склонам холмов, и с юга были защищены от набегов народов пустыни скалистой

грядой гор. Маттафия сразу нашел там свое поприще, он был толковый работник. А ей, Зулуне, пришлось скрываться в сырой пещере, ибо лицо ее с выступающими скулами, разрез ее глаз, золотистые волосы - выдавали амаликитянку, и они с Маттафией опасались, что в стране Саула ее могут предать смерти.

Говорили повсюду, что пророк Самуил требует умертвить всех амаликитян, взятых в плен, что он сам разрубил плененного Агага. В это было трудно поверить, но потом она узнала, что жестокость в этом мире не имеет предела. А тогда, в Вифлееме, не хотелось думать, что тебя обрекли на смерть, но жил внутри постоянный страх, и приходилось прятаться и таиться, и ждать, когда разум пересилит ненависть. Тогда им помог Давид...

Может быть по-иному прошла бы жизнь, не встретить они его на стезях своей судьбы. Лучше жить подальше от царских шатров. Юный Давид умел очаровывать людей и извлекать из струн арфы прельстительные звуки, песни его могли свести с ума, он околдовал ее, Зулуну, своим сладкозвучием... И наступили потом годы, когда Маттафии пришлось делать выбор между Саулом и Давидом. Сходство с царем всегда было слишком опасно. Простой смертный должен избегать царских милостей. Это не сразу понял Маттафия. Он и сейчас опять хочет стать царем. Его надо образумить, надо его спасти, спасти самого дорогого и близкого человека из всех живущих на земной тверди. Зулуна верила, что боги не оставят его.

Она достала из тайника своих терафимов и стала умолять их сжалиться над Маттафией, простить его неверие в домашних богов. Деревянные фигурки, отполированные тысячами рук, казалось, хранили тепло этих рук, их широко открытые застывшие глаза были бесслезны, боги молча внимали ее мольбам. Она очень просила образумить Маттафию, заставить его забыть царя Саула. "Взгляните на меня, - шептала она терафимам, - разве я нарушила верность вам, разве не лелеяла я вас, разве просила когда-нибудь о несбыточном. Я ведь хочу столь мало, вы в силах это свершить. Я хочу покоя, я хочу вырвать мужа из рук насильников, он ведь тоже любит вас, просто он не умеет говорить о любви, поверьте сердцу его, и мошки небесной не хотел он обидеть на своем веку, а если и убивал, то только в битвах, простите ему этот грех, как прощается он всем воинам, ведь если бы он не убивал на поле брани, убили бы его...

Заскрипела дверь, раздался звонкий голос Рахили, перебиваемый глухим старческим кашлем, Зулуна поспешно спрятала терафимов, здесь в крепости, хотя и считали не зазорным поклоняться различным богам, к терафимам относились неприязненно, отбирали и сжигали невинных божков на кострах.

- Рахиль, это ты? - громко спросила Зулуна.

- Я его привела, он здесь, - откликнулась Рахиль.

Зулуна вышла из-за матерчатого полога, разгораживающего дом на две половины, и увидела нищего старика. Вот уже год она постоянно носила еду этому беспомощному и иссушенному годами старцу. И он, не ведая, что творит, ответил злом на добро. Она хотела сразу же накинуться на него, изобличить во лжи, заставить осознать, что он свершил, но вид старика был столь жалок, столь испуганным был его взор, что она сдержалась и даже сказала Рахили, чтобы та напоила старика гранатовым соком. Чаша дрожала в руках несчастного, пил он мелкими быстрыми глотками, словно боялся, что у него отберут сладкий напиток, рождающий тепло в измученном теле.

Осушив чашу, старик вытер беззубый рот и забормотал слова благодарности, а потом запричитал о том, что устал жить, что не может более сносить несчастья, уготованные ему Господом. И поведал, что в эту ночь его обобрали, лишив последних пожитков, и он уже не хочет ни каяться, ни терпеть. Только теперь Зулуна заметила, что на груди его не висит камень, и на месте, где раньше был он, гноится рана. Она почувствовала запах тления. В другой раз она бы немедленно смазала рану, она бы обмыла ее, но сейчас было не до этого. Надо было срочно искать пути для спасения Маттафии. Старик должен пойти к стражникам и сказать, что ошибся. Она стала объяснять ему это. Он, почувствовав укор и злобу в ее словах, стал оправдываться:

- Я всю ночь не спал. Господь сокрушил меня, стрелы его во мне, и ядом пропитано тело. Нет, я не ошибся, это - Саул. Он пришел сюда, чтобы казнить меня. У меня отняли все, и весь день я изнывал от жары, ибо я лишен места среди страждущих. Они говорят, что я предал Саула, они хотели убить меня! И теперь я пришел проститься с тобой, госпожа моя, юная дева неопикуемой красоты привела меня сюда - это ангел явился и увел меня от посланных за мной демонов зла. Я знаю - мне не уйти от Саула, если Каверун не успеет казнить его. Он вырвется, разорвет пути и в поисках меня придет в дом твой, я не хочу навлекать беды на тебя, моя госпожа...

- Замкни свои уста, старый человек, - остановила его причитания Зулуна,- ты несешь смерть достойному иной участи, рука моя напрасно кормила тебя, тобой овладел ложный страх, разве ты не знаешь, что Саул давно поражен мечом у горы Гелвуй, ты ведь сам мне поведал о той битве, ты ведь сам говорил, как царь лег на свой меч, чтобы не испытывать позора плена, ты ведь говорил это!

- Да, моя госпожа, - оживился старик, - я рад, что ты запоминаешь мои слова. Но послушай меня со вниманием, - Саул обманул смерть, у него были двойники! А теперь он вспомнил, что среди казненных им

священников Номвы не было меня! Он мстит всем, кто помогал скрываться Давиду, и теперь, если Саула не казнят, опять прольется кровь. Я вижу, как грядет новый Доик Идумеянин, в руках его нож, он не успокоился. Здесь он, рядом с Саулом!

- Опомнись, лишенный разума старик, что за вымыслы исторгают твои уста? Мой муж Маттафия признан тобой царем, ты в нем увидел Саула, ему грозит смерть, и эту смерть принес твой язык и твои глаза, обманувшие тебя. - Зулуна подступила к нему почти вплотную. Он закрыл лицо руками, словно опасаясь, что сейчас она ослепит его.

- Я говорю правду, только правду, моя госпожа, - прошептал он.

- Сейчас же мы пойдем к стражникам, ты увидишь, что ошибся, ты не дашь загубить невинную душу! - воскликнула Зулуна и накинула на шею цветную шаль, подаренную сыном, самое яркое свое одеяние.

Она была готова идти тотчас, но опять куда-то исчезла Рахиль, уже ночь опустилась на город, но ее и темнота не останавливает, сейчас, когда надо действовать сообща, ее не дозовешься. Рахиль не на шутку начинала злить ее. Но напрасна была разгоравшаяся в ней злоба, ибо стояла в дверях Рахиль и принесла она утешающие вести. Удалось ей переговорить со стражником, видевшем как Маттафию привели во дворец, и сказал стражник, что можно не волноваться, ибо все перерешил верховный правитель Каверун.

- Представляешь, Зулуна, - сказала Рахиль, - наш Маттафия уже не в темнице, он во дворце, я же тебе говорила, что милосердию правителя нет границ, будет суд и суд все решит! Но сегодня нам не о чем беспокоиться!

- Что за суд, Рахиль, ты не перепутала? Его будут судить как царя Саула? Если так, то он обречен! Нам все равно надо срочно пробраться во дворец! - не успокаивалась Зулуна.

- Постой, Зулуна, - сказала Рахиль, - уже ночь надвинулась на город, нас никто сейчас не пустит во дворец. Давай вымоем старика, приоденем его, надо, чтобы нас завтра пропустили во дворец, от старика пахнет тленом, нас с ним не допустят. Я согрею воду. Утром старик поймет, что принес нам несчастье, он увидит, что ошибся, ему поверят и освободят нашего возлюбленного!

Слова Рахили были разумны, если будет суд - значит сегодня ничто не угрожает Маттафии, в эту ночь они его не тронут. Рахиль не поддавалась панике, она будет надежной помощницей, с ней легче проникнуть во дворец.

- Хорошо, ты права, - сказала Зулуна, - давай вымоем старика!

И они быстро набрали сучьев и сушеного овечьего помета, разожгли очаг и согрели воду. Старик во всем подчинился им, он полудремал и блаженно улыбался, когда они раздели его и посадили в бочку с водой. Тело его было легким, словно совсем лишенное плоти. Рахиль добавила в

воду сушеных трав, и их аромат заглушил запах тлена. Они три раза меняли воду, а потом закутали старика в белое покрывало и бережно уложили на мягкое ложе, в нем была их надежда на спасение Маттафии, слабая и пока единственная надежда.

Глава VII

Бер-Шаарон проснулся от щебетания птиц за окном, предвещавших рассвет. Он лежал сытый и чистый на мягком ложе, покрытом белой накидкой, и ему казалось, что он очутился в Эдеме. В окно были видны белые цветы и рядом с постелью тоже были цветы. Горшки стояли на подставке, и красные головки цветов тянулись к окну, где небо становилось все светлее, и все земное радовалось предстоящему восходу солнца. Ему не хотелось возвращаться в явь, думать о том, что сейчас надо будет куда-то идти, а потом опять искать ночлег.

Он представил опять своего гонителя - одноглазого гирзееянина, все те муки, что пришлось претерпеть - украденные циновку, суму, посох. Лишиться последних пожитков, остаться ни с чем - из-за чего? Откуда такая ненависть - понять это он не мог. И почему надо всем защищать Саула, ужели никто не помнит зла. Накинулись со всех сторон: ты предал царя! Он пришел освободить нас! Ты не достоин нашего крова!

Вчера его спасли от смерти. В который раз Господь протянул ему свою длань. Два ангела, принявшие обличив прекрасных женщин, омыли его тело, они не отвернулись от него, хотя, по их словам, он принес им беду.

Теперь ему хотелось одного - чтобы Господь остановил мгновения его жизни, чтобы бесконечно длилось утро, и не дано было ему видеть больше никого из людей, кроме этих двух ангелов, этих двух прекраснеликих женщин. За всякую благодать надо платить. Что еще потребуют от него. Они омыли его тело и утолили его голод, потому что надеялись, что он спасет их возлюбленного. Саул хитер и смог обольстить доверчивых женщин. Женщины всегда млели, завидев царя, царь был высок и силен. Женщины любят сильных. Он, наверное, обещал их сделать своими женами.

Конечно, это был Саул. Царь, восставший из тьмы Шеола. Бер-Шаарон был уверен, что не мог ошибиться. Жизнь не раз сталкивала его с Саулом, и все эти годы Саул вставал в его памяти, Саул преследовал его по ночам. Он был все время разный - этот первый царь, данный сынам Израиля. То виделся молодой воин, жаждущий побед, то озлобленный гонитель Давида, то одержимый злыми духами бесноватый тиран, то

жестокосердный палач, призвавший Доика Идумеянина и приказавший тому зарезать священников из Номвы. Он был разный, но одно оставалось неизменным - огонь злобы в его черных, почти немигающих глазах и властный голос, не терпящий возражений. Бер-Шаарон вчера сразу узнал в пленнике Саула, пусть тот постарел, пусть у него поредела борода, но взгляд был тот же - беспощадный взгляд властителя. И вот теперь почему-то два ангела хотят уберечь того, кто несет зло. Хотят, чтобы он, Бер-Шаарон, стал лжесвидетелем, чтобы солгал... Как отказать им? Один из этих ангелов со сладкозвучным именем Зулуна был так добр к нему, Бер-Шаарону, дал ему столько тепла, столько доброты. Она так похожа на его несчастную жену Амиру. Отказать Зулуне он не имеет права. И если она любит Саула - значит, он несет не только зло. Просто злые и кровавые дела западают в человеческую память, а добрые деяния, как разлитая вода, впитал их песок - и не осталось следа...

И Бер-Шаарон, перебирая, словно четки, дни своей жизни, искал в них те, в которые являл Саул свою силу и был добродетелен. Ненависть не победить ненавистью, спасения жаждет любая душа, пусть она и запятнана кровью. Если Господь до сих пор не покарал Саула, значит узрел и заслуги его, и если Господь устами Самуила назвал Саула, избрал его из сонма многих, то знал Господь наперед все, что свершится, ибо даже волос не упадет с головы смертного без воли Господней. И это Господь повелел Саулу спасти его, Бер-Шаарона, спасти, потому что он, Бер-Шаарон, не испил еще тогда всю чашу страданий и не был еще наказан в полной мере за свой великий грех - изгнание дочери своей.

Саул был в начале царствования своего милостив, он пощадил тех, кто не хотел его избрания, он запретил проливать кровь единоплеменников. Возможно, тогда, сразу после его избрания, царь Саул вообще не хотел царствовать. Он не изменил свою жизнь и продолжал пасти овец и вспахивать поле, хотя отец его, благородный Кис, постоянно напоминал, что пора избрать город для построения там дворца и собрать вокруг себя верных людей. А кого мог тогда собрать Саул? О нем просто забыли, ибо не утратил силы своей пророк Самуил. И Самуил продолжал объезжать города по всей стране, от Дана до Вирсавии, и повсюду гремело слово пророка, и повсюду он уничтожал статуи Ваала и Астарты, и поклонялись и верили пророку все, потому что помнили, как ведомые им в год великого жертвоприношения обратили в бегство филистимлян и отвоевали у них города, захваченные теми в прошлые годы. И славил все Самуила, о Сауле же говорили: "Чем поможет нам этот? Пастух останется пастухом, хоть золотом его осыпь! И тот, кто пасет скот, вряд ли сможет стать защитой для людей!".

И говорили тогда многие Бер-Шаарону, что прав он был, когда убеждал народ не избирать царя, и никто уже не сомневался, что один

царь у них - царь небесный, всемогущий Господь. И всегда он придет на помощь народу своему.

И длилась тихая, мирная жизнь, где не было места войнам, а значит, и царю, ибо величие и слава царей порождаются битвами и кровью. Но Господу Богу был угоден иной ход событий. И в наказание за грехи Израиля допустил он на землю Галаада бесчисленное воинство Нааса - жестокого царя аммонитян. И искал народ защиты у Самуила, но сказал пророк, что покинули его силы и тяжел стал меч для рук его. И тогда вспомнили о Сауле.

Бер-Шаарон был в те дни гостем Киса, отца Саула, и стал свидетелем начала возвышения молодого царя. Стояли тогда весенние дни месяца Адар, и Саул заканчивал вспашку поля, а они с Кисом помогали Саулу. И вдруг увидели множество людей, спешащих вдоль пашни и машущих руками. Саул остановил своих волов, выдернул плуг из земли и огляделся в недоумении. Потом позвал отца, потому что не понимал, что происходит. Он поначалу сильно растерялся, застыл посредине поля, раскрыв рот. Помазанный на царство и избранный Господом, он не был еще тогда царем, просто считался им - и все. Обычный пастух и землепашец.

А люди, бежавшие к нему вдоль пашни, надеялись на его защиту. Беда пришла к Израиллю - и то были вестники нежданной беды. Одежды на них были разорваны, волосы посыпаны пылью. И один из них, седобородый старец, пал на колени перед Саулом, а женщина, стоявшая рядом со старцем, плакала навзрыд. И старейшина, которого Бер-Шаарон знал, но имени сейчас уже не помнит, тогда этот старейшина закричал: Замкните уста! И все замолчали. И это было тягостное молчание, как будто затаилось все в ожидании грозы. И старейшина сказал, обращаясь к Саулу:

- Видно прогневали мы Всевышнего, и оставил он наш народ. В одном тебе наше спасение. Город наш Навис осажден. Наас подступил к его стенам со своим бесчисленным войском. У нас не было сил сопротивляться, а посему сказали мы, по решению всех жителей Нависа, что будем служить Наасу, если он заключит с нами союз. Прости нас, милостивый царь, за эту слабость, но мы хотели сохранить людские жизни и не допустить пролития крови. Но жестокосердный изверг, полный злобы и коварства, сказал нашим послам, что заключит с нами союз с одним условием - для наказания наших жителей возжаждал Наас выколоть у каждого из мужчин города правый глаз и тем обесчестить сынов Израиля. Не будет воином человек, лишенный правого глаза, ибо левый глаз прикрыт щитом, и только правый глаз видит, куда направить копьё, чтобы поразить врага. Такого позора нам не вынести! И мы взяли срок - семь дней, ибо на немедленный наш отказ начал бы Наас бойню кровавую,

ворвавшись в город. И вот прошло уже три дня, и если ты не спасешь нас, Саул, то претерпим мы неслыханное унижение. И знай еще, Саул, что не откликнулись на наши мольбы близлежащие города, и забыли сыны Израиля, что есть Бог над нами и один праотец у нас - мудрый Авраам. Он завещал нам крепить союз с Господом и заселять Ханаанскую землю и быть всем вместе. А сегодня каждый лишь свое гнездо бережет! И будет одолевать нас враг поодиночке. Скажи, Саул, свое слово Израилю!

Бер-Шаарон навсегда запомнил этот день и страх в глазах посланцев города Иависа, и их старейшину в развевающейся порванной накидке, потрясающего посохом над головой. И вопли, и стенания посланцев осажденного города. И тогда, помнится, хотелось ему, Бер-Шаарону, остановить неразумных посланцев - зачем они ищут защиты у того, кто не имеет даже простого меча. И хорошо, что сдержался, ибо в эти мгновения стал свидетелем рождения царя Израиля. И увидел, как воспламенился гневом Саул, как налилось кровью лицо его, и появился огонь злобы в его глазах. И кинулся тогда Саул к своим волам, выхватил из-за пояса топор и стал рубить их, безгласных и неповинных. Все с недоумением смотрели на него. Кто-то из галаадцев бросился к Саулу, чтобы остановить его, но отскочил, обгаренный воловьей кровью. Отец Саула Кис крикнул: «Остановись, безумец!». И стал хватать сына за полы одежды. А Саул продолжал рубить уже мертвых животных, рассекая их на куски, и получилось тех кусков ровно по числу колен израилевых - двенадцать. И тогда крикнул Саул растерянным и испуганным посланцам из Иависа:

- Чего же стоите вы! Берите эти кровавые куски и несите во все пределы Израиля и объявите, что так я поступлю с волами тех, кто не пойдет за мной на смертельный бой с аммонитянами!

Молча разобрали посланцы воловьей куски и покорно, повинувшись велению Саула, двинулись во все пределы земли обетованной. А Бер-Шаарон и Кис удалились в дом Киса. И был отец Саула мрачен, и проклинал тот день, когда Самуил помазал на царский престол его сына. Был растерян Кис. Это потом, когда Саула после первых побед стали повсюду славить, Киса словно подменили. Он перестал замечать людей и без стеснения принимал дары от окрестных жителей, и стал к своим землям прибавлять чужие пашни, и когда пали в боях сыновья его, Бер-Шаарона, без зазрения совести забрал себе их наделы и собирал пшеницу в свои закрома с их полей.

В тот же день, когда лишился он волов, смотрел на своего сына с осуждением и жаловался на то, что сына обуяла гордыня, что молод, горяч и неопытен отрок, и что погубят его завистники. И когда зашел Саул в дом, они смолкли, и увидел Бер-Шаарон смятение во взгляде Саула и понял, что тот растерян не менее своего отца. А потом пришел сверстник Саула и принес меч, и весь вечер Саул молча точил меч и не отвечал

никому. А отец его Кис долго молился Богу, упав ниц на кровле своего дома, и просил не оставлять в беде помазанника и уберечь его от длани врагов. Так они и заночевали тогда на кровле и спали беспокойно, потому что внизу, в доме, все время раздавались какие-то голоса и слышалось жиканье точильного камня, а когда оно прекратилось, услышали они, как Саул взывает к всемогущему Богу, дабы тот не покинул народ свой и поразил врагов его.

Утром поняли они, что не оставил их Господь, ибо увидели, как по всем дорогам, ведущим в Гиву, стекаются сюда сыны Израиля. Были здесь простолудины - хлебопашцы, были и веселые виноделы, и гордые пастухи, и даже люди зажиточные, восседающие на своих верблюдах, были и конные воины с длинными копьями, и меткие лучники из Сихема, и пришло очень много сынов Иудиных, и притянули они стенобитный таран, раскачивающийся на цепях. Шли сыны Израиля весь день, и не видно было конца людскому потоку. И среди людей колена Ефремова пришел старший сын Бер-Шаарона - благородный и мужественный Исая. Был он не по годам серьезен, и хотя бритва еще не касалась его щек, не было более меткого лучника среди колена Ефремова.

И сам Бер-Шаарон ушел тогда из дома Киса, чтобы встать в ряды людей своего колена и сражаться рядом со своим сыном. И оберег он его в этом сражении, стараясь прикрывать щитом отрока. Но была на роду написана сыну недолгая жизнь, и пал он через год в лесах Галаадских, и не было рядом с ним отца. И до сих пор клянет Бер-Шаарон тот день, когда отпустил он сына на битву одного. А в те дни, во время первого похода Саула, они были вместе среди воинов, впервые ведомых Саулом, и далеко не все тогда верили в победу. Вспоминали многие о том, что не явился в Гиву пророк Самуил и говорили, что это плохой знак. И многие шли сражаться неохотно, страх пригнал людей в войско, испугались царского гнева - поняли: если Саул может так поступить со своими волами, то не пощадит никого из тех, кто решил отсидеться под своими смоковницами у своих домов.

И в те дни Саул, казалось, преобразился, он впервые вкушал сладость власти, и все подчинялись ему беззвучно, хотя и продолжало гнездиться неверие в душе каждого - уж слишком молод был царь. На второй день люди продолжали прибывать, Гива не смогла вместить всех откликнувшихся на зов Саула. И тогда часть воинов перешла в соседний Везек, где вокруг города были обширные неспаханые поля, и на их просторах выстроил Саул свой народ и пересчитал всех. И оказалось здесь триста тысяч сынов Израилевых, и сынов Иудиных из них - тринадцать тысяч. И разделил Саул народ на отряды и не стал внимать ничьим осторожным советам, а сам распоряжался и командовал не только своими сверстниками, но и убеленными сединами старейшинами. И каждому надо

было определить его место, и каждого надо было вооружить и накормить, и назначить сотников и тысячных из тех, кто уже бывал в сражениях. И сыну Бер-Шаарону Исайе было назначено встать во главе лучников, хотя и впервые шел он на битву. И старался Бер-Шаарон не отходить от сына, а тот слушал его советы и во всем поступал разумно, словно умудренный годами старик и прошедший через горнила многих битв воин.

Саул, конечно, тоже сам бы не справился, если бы не сын его дяди, почтенного Нира - опытный и расторопный Авенир, и хотя тогда Авенир был еще молод и был он не велик ростом, но прославился он раньше в битвах с филистимлянами и был искушен в ратном деле. По совету Авенира повел свое многочисленное войско Саул не по прямой дороге, ведущей к осажденному аммонитянами Иавису, а через Галаадские горы. Был это утомительный и трудный путь, и еще битва не началась, а уже были потери - несколько отроков сорвались на горных тропах и погибли, и потому многие недовольно роптали. Но зато с рассветом отряды скрытно вышли в тыл стана жестокосердного Нааса. Впереди Авенир выставил отряд лучников и повелел Исайе по сигналу разом выпустить стрелы. Лучники натянули тетиву своих луков и терпеливо ждали, а когда раздался звук шофаров, усыпали стан Нааса стрелами. И это он, Бер-Шаарон, посоветовал стрелять по шатрам аммонитян горящими стрелами, и вспыхнули шатры воинства Нааса, и началась паника в его стане. И тотчас устремились слева на стан Нааса три отряда, собранные из опытных воинов. И в тот день показал себя Саул не только царем, но и храбрым воином. Он рвался в бой и не хотел ждать перелома в ходе сражения.

- Ты царь наш, ниспосланный Господом, - сказал ему Авенир, - а по сему стань на вершине горы и будешь видеть все поле битвы, и оттуда, с вершины, дашь сигнал запасным отрядам, когда придет им черед смять правый край войск Нааса, ибо вижу я, что там мы прорвемся, потому что Наас двинул свои основные силы на левый край стана и оставил часть отрядов у крепостных стен осажденного Иависа.

- Не дело беречься мне, будь же ты на вершине, - отверг его предложение Саул.

Бер-Шаарон слышал этот разговор, потому что послал его Исаяя к Авениру, чтобы получить разрешение для лучников зайти в тыл Наасу. Правда, сын и без разрешения начал свой обход, но, видимо, хотел оберечь отца и отослал от тех мест, где смерть косила людей без разбора. Но Бер-Шаарон спешил вернуться к сыну, ибо не была ему дорога своя жизнь, и если бы сказал Господь - отдай ее за сына своего, отдал бы, не колеблясь. И он бежал тогда, обгоняя воинов, чтобы догнать лучников и продолжать сражение рядом с сыном своим.

Саул же в это время ринулся в гущу битвы. Огромный, выделяющийся ростом среди остальных воинов, жаждал Саул сам разить

врагов. И не дрогнула его рука, когда пронзил он копьем первого вставшего на его пути аммонитянина, и когда сломалось копье, выхватил Саул меч и стал разить им направо и налево. И началась страшная паника в стане аммонитян, и тщетно Наас взывал к своему войску и приказал вынести в передние ряды своих идолов. Они не помогли ему, его боги, его деревянные истуканы. Сильнее их всех был единый Господь Бог, и был он тогда на стороне сынов Израиля.

Еще до полуденного зноя были поражены враги израильтян, и войска Саула вошли в город Иавис Галаадский. Встречали победителей радостные толпы жителей, повсюду звучали победные песни, люди обнимали друг друга. И все славил молодого царя Саула и мудрого пророка Самуила, услышавшего глас Господний и избравшего на царство Саула.

А Саул стоял на возвышении у городских ворот и благодарил своих воинов, стройными рядами входящих в город. Лицо его раскраснелось, на руках запеклась вражья кровь, он широко улыбался, и видно было, что всего его переполняет радостное ощущение победы. Это была его первая победа и дни его славы. И в тот день он, Бер-Шаарон, тоже был захвачен общим ликованием, он тоже славил Саула, радость была искренней и не мог он предположить, что власть и слава быстро меняют лицо человека, ибо еще сам тогда не был умудрен жизнью. И он сам, и его сын Исая, и люди из колена Ефремова, и люди из других колен были победителями, и победа кружила им головы.

Вели бесконечной чередой через городские ворота пленных аммонитян, израненных и покорных - куда девалась их спесь! - шли они связанные веревками, понуро опустив головы, и не было у Бер-Шаарона жалости и сострадания к ним. Полагал он тогда, что не угодны они Господу и давно прогневали Всевышнего, и проклят их род, который произошел от Бен-Ами, сына Лота и дочерей его. Был Лот праведник, пощадил его Господь, когда испепелил за грехи города Содом и Гоморра, и дал ему спастись, вывел его с дочерьми и женой за пределы обреченных городов и обрушил на эти города дождь серы и безжалостный огонь. Жена Лота обернулась из любопытства, хотела посмотреть, что делается там, в огне, хотя и запретил Господь оборачиваться, и потому превратилась она в соляной столп. А дочери Лота, подумав, что все погибли на земле и не будет мужей для них, напоили отца вином и совокупились с ним. И одна родила Бен-Ами, от которого произошли аммонитяне, а другая Моава, от которого тоже пошел беспокойный и враждебный народ - моавитяне. Так было записано в Торе, а Тору еще с малых лет знал Бер-Шаарон почти наизусть.

Это теперь, когда уже сочтены года его, и готов он приобщиться к ушедшим, понял после долгих скитаний, что все - и аммонитяне, и

амаликитяне, и идумейцы, и гирзеяне одинаковы, у всех один прародитель - Авраам, и что не Господу Богу угодно лить кровь и дланью своей направлять один народ на другой, а жаждут междоусобиц правители, чтобы усилить свою власть и покорить чужие земли, чтобы захватить рабов и наложниц, а главное -возвеличить имя свое.

Но разве думал Бер-Шаарон тогда об этом, он ликовал вместе со всеми - и грешен - даже задумал взять молодую аммонитянку в наложницы, да неудобно ему стало перед сыном своим. Ибо посмотрел Исая с осуждением, когда увидел, что отец словно прилип к молодой черноволосой женщине, которая дрожит в страхе и пьитися от него. К счастью, потерялась в толпе аммонитянка, все смешалось тогда, ликовали спасенные жители Иависа, женщины обнимали воинов, отроки размахивали пальмовыми листьями, старики подносили ратникам кувшины с терпким виноградным вином. И всюду слышались восторженные крики: «Да будет славен Саул! Да продлится на многие годы царство его! Да укрепит Господь его могущество!».

А на следующий день в Иавис прибыл сам Самуил, воины несли его на руках, ему были возданы самые высокие почести. Но непроницаем был его взор, и не было радости в его речах, хотя он и обнял Саула прилюдно и восславил его. Тогда он, Бер-Шаарон, не понимал, что эта победа положила начало великому противостоянию царя и пророка, что возвышение одного становится причиной падения другого, и что никто и никогда не уступает власть добровольно.

Победителя всегда окружают льстецы. Те же, кто действительно сражался, кто не жалел головы своей, кто добыл славу молодому царю - довольствовались малым - освободили город и возрадовались в сердце своем. Зато те, кто не рвались в бой и берегли свои жизни, стали громче всех кричать о своих подвигах. Особенно отличился давний сосед по пастбищам Гамадриил. Это он первым вспомнил, что были люди, сомневающиеся, что не хотели царя, говорили, что царь не нужен. И его призыв сыскать таких людей подхватил тысяченачальник из колена Иудина: «Кто говорил, Саулу ли царствовать над нами? Найдем этих людей и умертвим их!». И неразумный и страшный этот призыв подхватили льстецы царские и все, кто стремился доказать свою преданность Саулу, все, кто хотел получить место в его свите и новые надель в землях аммонитян. И сразу объявились охотники, жаждущие привести к царю тех, кто когда-то сомневался. Под свист и улюлюканье приволокли к Саулу двух старейшин из колена Данова, скрутили им руки, пинали со всех сторон.

Он, Бер-Шаарон, стоял тогда оцепенев, страх сковал его тело, он почувствовал чей-то пристальный и недобрый взгляд, и вдруг Гамадриил, а это был конечно он, да простит его Господь, закричал: «Вот он главный

противник! Он всех подговаривал не выбирать царя!». Возбуждение росло, повсюду кричали: «Побить камнями предателей! Горе им и позор домам их!».

И увидел Бер-Шаарон, что сын его Исайя пробирается к нему через толпу, и тогда его охватил смертный страх - он понимал, что сын не смолчит, что вступится и может погибнуть, сын погибнет из-за него, Бер-Шаарона. И закричал тогда Бер-Шаарон: «Ужели должны страдать люди за слово свое?». И увидел перед собой лицо Саула, и тогда в первый и единственный раз заметил сочувствие в глазах царя.

- Стойте, образумьтесь! - воскликнул Саул. - В сей день никого не дано умерщвлять! Ныне возрадуемся, ибо Господь совершил спасение сынов Израиля!

И видя, что его слова никого не остановили, и толпа по-прежнему жаждет крови, Саул выхватил свой меч и взмахнул им над головой. И отступили от Бер-Шаарона те, кто хотел оборвать его жизнь. И уже спешил к Саулу пророк Самуил и обратился пророк к народу:

- Судьба каждого в длани Господней, и не дано человеку проливать кровь своих братьев, ибо завещал Господь в заветах своих, данных Моисею: не убий! И лишь врагов своих предавайте смерти, ибо не угодны они Господу. Воспоем же славу Всевышнему, высоко в небе вознесся он, но живет дух его среди нас, и крепка длань его. И слово человека угодно Господу, и равны - слово, рождающее славу, и слово, порождающее сомнения. И весь наш тварный мир соткан из потерь и обретений, из побед и поражений, из уверенности и сомнений...

Пророк умел говорить, умел увлечь словом, Господь всегда был с ним, и все быстро забыли о сомневающихся, все жаждали отдохнуть после битвы, а пророк все говорил и говорил. Ему надо было показать, что он не утратил власти своей над народом. Но уже возшла звезда Саула, и были кровавы ее отблески.

Единственный раз, под Нависом, испытал на себе царскую милость Бер-Шаарон, был он спасен от смерти царем Саулом, который позже никогда не щадил тех, кто сомневался в его силе, который лишил жизни всех священников Номвы, позволив Доику Идумеянину надругаться над людьми, посвятившими себя служению Господу, только за то, что священники отдали Давиду меч Голиафа, меч, принадлежащий Давиду по полному праву, добытый в поединке с великаном. И в день казни священников он, Бер-Шаарон, приобщенный к их сонму, чудом избежал смертной участи, его спас молодой воин, столь похожий на Саула, что Бер-Шаарон принял его тогда за сына царя - Ионафана, но, как потом выяснилось, ошибся.

Говорят, недалеко падает плод от дерева, породившего его, но Ионафан не повторил отца своего, ибо не было на земле человека добрее и

честнее Ионафана. Схож о нем был и Исая, душа на него не нарадовалась, но был он слишком раним и не знал ни в чем середины. И когда возвращались они из похода галаадского, и праздничное веселие царило вокруг, сын вдруг замкнулся в себе и стал говорить только о старшей сестре своей Эсфири.

- Почему, отец, ты был жесток с ней? - спросил Исая. - Почему ты отлучил ее от дома?

И никаких оправданий не хотел слушать Исая. И сейчас понимает он, Бер-Шаарон, что прав был сын, нет и не будет прощения за тяжкий тот грех. И карает Господь уже много лет за жестокость ту, и справедлива сия кара.

Если бы можно было забыть все тягостное и жестокое, а помнить только добро. Бели бы суметь заставить себя не оглядываться назад. Но таков уж человек, даже когда Господь не велит оглядываться, он нарушает его повеление. Обернулась жена Лота и превратилась в соляной столп. Если терзать себя прошлым, соленые слезы заполнят жилы. Если даже в мыслях повторять прошлое, не выдержит разум страданий. Но как забыть и простить жестокость Саула? Как простить ему слезы несчастной Амиры, когда узнала она, что вырезаны все в стане амапикитян, как забыть казнь священников...

Ранним утром, когда поют птицы за окном, когда пробуждается все живое, лучше всего не думать ни о чем, а если и вспоминать, то искать в прошлой жизни не дни страданий, а дни победные и счастливые. И было много таких дней в первые годы царствования Саула, и был любим всеми храбрый и мужественный царь...

И сразу после освобождения города Иависа отправился весь народ по зову Самуила в Галгал, и вознесли там жертвы Господу и веселились, празднуя победу, и было такое же утро, как и сегодня, солнечное и тихое, и не было ни облачка на голубизне небесного свода. И говорил тогда Самуил с народом. Стоял он на вершине холма, высокий, в белых одеждах и с неизменным посохом в руках. Сказал он тогда:

- Я послушался голоса вашего и поставил над вами царя. Я состарился и поседел, и теперь царь возымел власть над вами. Но не забывайте Господа своего, слушайте голос его и не противьтесь повелениям Господним. И если будете противиться Господу, то будет Господь карать вас и правителей ваших. Вот сейчас время жатвы пшеницы, но воззову я к Господу, и пошлет он гром и дождь, чтобы видели вы, как велико ваше зло, которое свершили вы, прося себе царя...

И никто не воспринял слова пророка всерьез, уж слишком чистое небо было над головами. Но после полудня вдруг раздался раскаты грома и хлынул ливень. И страх охватил людей, и смолкло веселье. Стали тогда все упрашивать Самуила, чтобы помолился о народе своем, чтобы не

гневался Господь на них. И сказал тогда Самуил, чтобы не боялись они, что сделали зло, будет прощено оно. Но нужно служить Господу всем сердцем, а если будете злостворствовать, то погибнете все, и царь погибнет вместе со всеми...

Помнится, в тот день, после дождя, выгнулась мостом радуга на небе, заиграла своим семицветием, и все обрадовались доброму знаку, ниспосланному Господом. Но были велики грехи людей и продолжали они грешить, потому что не успел Самуил покинуть Галгал, как дурные вести принесли согладатаи: филистимляне собрались уничтожить сынов Израиля. Тридцать тысяч всадников и бесчисленное количество пеших воинов вторглись в пределы земли колена Вениаминова.

И страх охватил народ, даже сейчас холодеет сердце при воспоминании о том бессилии, которое сковывало тело. Бежали в беспорядке, укрывались кто где мог - в пещерах, в ущельях, в терновнике, во рвах. Многие даже переправились за Иордан, в страну Гадову. Такой паники он, Бер-Шаарон, никогда больше не видел в своей жизни. И сказал ему тогда Исайя: «Отец, бери домашних всех и укройтесь в горах за Иорданом, а я не покину Саула». Но решил тогда он, Бер-Шаарон, что лучше умереть в бою, чем постыдно бежать и таиться в горах. Немного их тогда осталось с Саулом и готовились они к смертельному бою. И перед сражением надо было принести жертвы Господу, и ждали Самуила, чтобы принес пророк жертвы всесожжения и молил Господа о спасении народа. Семь дней ждал Саул, и не приходил Самуил, и с каждым днем покидали Саула воины, уходили те, кто смирились с поражением. Не мог более ждать Саул и сам облачился в льняной эфод, сам зажег жертвенный огонь. И тут появился Самуил, в гнев был пророк, стал выговаривать Саулу, почему тот сам приносит жертвы Господу. Саул стал оправдываться: «Увидел я, что народ стал расходиться от меня, и ты не пришел к урочному дню, а войско филистимлян уже близко, вот-вот они нападут на нас, а я еще не молился Господу и не принес жертв ему!». Самуил не хотел слушать никаких оправданий. «Неразумно поступил ты, - сказал он Саулу, - ты нарушил повеление Господа, одному мне дал он право возносить жертвы. Если бы ты был более терпелив и послушен велениям его, утвердил бы он твое царствие надолго, теперь же оно не устоит!».

Тяжелый это был день, мрачный и насупленный ходил Саул по воинскому стану, который покинул пророк Самуил, так и не благословив народ на битву с филистимлянами. И не было сил для этой битвы, всего осталось с Саулом несколько сотен человек, и не было почти ни у кого мечей, кузнецов в то время не было во всей земле израильской - филистимляне всех полонили. Ходили тогда в мирные дни к филистимлянам точить свои сошники, топоры и заступы, но мечи для израильян было запрещено изготавливать.. Два меча было только - у Саула,

и у Ионафана. И в те дни увидели все смелость и воинскую хватку не только царя, но и сына его Ионафана. Вдвоем с оруженосцем ворвался Ионафан в середину филистимлянского стана, один поразил многих, и было великое смятение среди филистимлян. И тогда, словно ручьи со всех гор, стали стягиваться к Саулу люди, и те, кто прятался в пещерах, покинули свои убежища и влились в войско Саула, и те, кто переправился в страхе за Иордан, возвратились - народа было, как песка на морском берегу, столь же великое множество. И простерлось сражение от Гивы до Беф-Авена, и обращены были филистимляне в бегство, и бросали они колесницы свои и оружие свое, и вооружались израильтяне захваченными филистимлянскими мечами. И тогда обратился Саул к народу и сказал, что дал обет Господу - не вкушать пищи до вечера, пока не будут разбиты окончательно филистимляне, и сказал Саул, что будет проклят тот, кто отведаст снеди до захода солнца, и не жить ему, нечестивому, на тверди земной.

Ионафан же не слышал, когда Саул заклинал народ, и нарушил обет. Пробирался Ионафан с воинами через лес и увидел на стволе одного дерева дупло, из которого стекал мед, взял он палку, опустил в дупло и извлек мед, и насытился сотами медовыми. Один из воинов сказал Ионафану, что отец повелел не вкушать пищу, что дал завет Господу, но было уже поздно, нарушил Ионафан обет отца своего. И сказал Ионафан: «Зачем смутил отец народ, вкусил я меду и прибавилось сил у меня, и глаза мои просветлели!».

Так случилось тогда: вольно или невольно - и отец и сын согрешили перед Господом. Саул не дождался Самуила и сам принес жертвы перед битвой, а сын нарушил клятву отца своего - и вкусил пищу до захода солнца.

Тогда могли окончательно разбить филистимлян, но не дано было на то благословение Господне, остановили преследование врага Саул и его военачальники, и всю ночь молился Саул и вопрошал Господа: предаст ли тот филистимлян в руки Израиля, но молчал Господь, не дано было Саулу слышать глас Всевышнего, то, что мог пророк, не давалось царю. Было ли то наказание за прегрешение Саула, за его неповиновение Самуилу, или гневался Господь на Ионафана - знать не дано....

А тогда был уличен Ионафан. Не стал оправдываться сын царя, сказал: «Отведал я концом палки, которая в руке моей немного меду и вот - готов я умереть!». И гнев затмил глаза Саула, и чуждо ему было снисхождение даже к собственному сыну. «Ты должен умереть, Ионафан!», - кричал Саул и вонзил свое копьё глубоко в землю. Все в ужасе замерли. Но только мгновение длилось молчание, и запротестовали со всех сторон и воины, и старейшины, и военачальники - Ионафану ли умереть, который доставил такое великое спасение Израиллю? Волос не

должен упасть с головы его на землю, ибо с Богом свершал он деяния свои!

Отвернулся тогда Саул, замкнул свой слух - не хотел идти против народа, но и сам не хотел говорить последнее слово. Выручил народ Ионафана тогда. Но было потеряно время, и избежали гибели остатки филистимлянского войска, и неполной была победа. И много раз еще пришлось Израилю лить кровь сыновей своих в сражениях с филистимлянами. И только при Давиде дано было окончательно поразить этих извечных врагов.

И в той первой схватке многое предreshилось, разошлись тогда пути пророка и царя. И не понял в те дни Бер-Шаарон, какие беды принесет стране нетерпение царя, нарушившего повеление Господне. Сыном готов был пожертвовать Саул, а свой великий грех не замечал, может быть, уже в те дни начали завладевать его душой злые силы. За глоток меда отдать на смерть своего сына - на такое способен не каждый. Бер-Шаарон вспомнил своих сыновей, и слезы навернулись на его глаза - были бы живы сейчас Исая и младший - Захария, разве допустили бы они, чтобы их отец скитался как бездомная собака. Горько было от этих мыслей, в который уже раз взывал он к Господу: почему так наказал, почему лишил сыновей? Лучше бы поразил его, Бер-Шаарона, а сыновьям бы дал продлить потомство свое... Если бы можно было вернуться в те годы, если бы можно было повторить жизнь, но никому не дано вступить дважды в одну и ту же воду, и текут с гор реки по пустыне, и не иссыкает вода в них...

Если бы мог человек останавливать свою жизнь тогда, когда он этого захочет, то Бер-Шаарон, ни мига не колеблясь, прекратил бы ход своих дней в это утро, начатое пением птиц, в доме двух ангелов, принявших женское обличив, потому что хорошо покидать мир в тишине и покое, царящих вокруг. Впервые за последние годы он возлежал на чистом и мягком ложе, был сыт, и утренняя дрема, качавшая его на волнах памяти, являла лучшие дни его жизни и лики сыновей, давно покинувших многострадальную землю. Уходить сейчас из дома ангелов, отягчать свои последние дни ночлегами в пристанище для нищих, терпеть поношения от одноглазого гирзеянина и его приспешников - сил на это больше не было. И он прикрыл веки, чтобы погрузиться в полудрему и ничего не видеть, но не дано было ему продлить свой покой, и требовательный голос уже призывал его, он узнал голос женщины-ангела Зулуны, но не было ангельской доброты в этом голосе, а лишь страх и суетность, царившие в тварном мире.

- Поднимайся, Бер-Шаарон! Давно уже солнце выкатилось из-за крепостных стен. Промедление наше убьет его! Открой свои глаза, обманувшие тебя! - требовала женщина.

И вместе с ее голосом вставала череда забот, опять надо было что-то решать, опять надо было таиться и мыкаться в поисках хлеба насущного. А теперь еще предстояло спасти того, кто пролил столько крови. Спасать убийцу и класть на жертвенник собственную голову. Сказать об этом женщине-ангелу, возразить ей не было сил...

Вскоре они все трое, наскоро перекусив, устремились к дворцу. Бер-Шаарон едва поспевал за женщинами, которые шли, казалось, не касаясь сандалиями дороги. Они не шли, а летели, парили, раскрыв накидки-крылья. Они любили Саула. Как и все женщины в этом мире, они любили того, кто обладал властью. Они, наверное, любили его за ту, прошлую власть, которая принесла столько горя другим. И недоумевал Бер-Шаарон, зачем им нужен этот Саул, у которого старость давно отняла прежнюю статью и красоту.

- Скорее, - торопила Рахиль, - надо успеть к окончанию утренней молитвы, надо, чтобы нас услышал правитель!

Рахиль бежала впереди, волосы ее развевались и разносили в утреннем воздухе ароматы медовых трав. Зулуна и Бер-Шаарон едва поспевали за нею. Одежды Рахили были полупрозрачны и в разрезах одежд мелькало молодое смуглое тело. Вся надежда была на нее, никто не смог бы остаться равнодушным к ее красоте...

И, действительно, едва они у ворот сада правителя наткнулись на решетчатую ограду, остановившую их бег, как появившиеся стражники тотчас окружили Рахиль. Послышались шутки, смех - и, казалось, что сейчас они беспрепятственно откроют ворота.

Так оно и случилось, но в открытые ворота проскочила только Рахиль, и когда Зулуна рванулась за ней, то ей преградили путь скрещенные копыя. Она налегла грудью на древки, и ее отбросили так, что она едва не упала.

И тогда Бер-Шаарон, преодолев страх, вцепился в стражника, но получив пинок, полетел в придорожную пыль и больно ударился головой о землю. И все смешалось перед ним, и небо стало темным, словно затмение нашло на солнце...

Глава VIII

Верховный правитель никогда не принимал решения поспешно, обычно в послеобеденные часы он любил оставаться совершенно один и подолгу сидел в садовой беседке, подле которой бродили диковинные длинноногие птицы с ярко-красными перьями, привезенные сюда из долины Нила. Жрецы, доставившие их, уверяли, что это божественные

фениксы, которые живут вечно и не тонут, и не горят в огне, а если и сгорают, то вновь возрождаются. Жрецы выдавали желаемое за действительное. Каверун твердо знал, что все смертны на земной тверди, смертны люди, смертны все твари, и даже самые могущественные правители и цари уходят в мир иной, не говоря уже об этих важно шествующих по дорожкам сада египетских птицах. Птицы были дороги как память о полузабытом детстве, о величественных пирамидах и сфинксах, о фараонах, которые были убеждены, что и после смерти продолжается жизнь. Бывает всякое. Человека сочтут мертвым, а этот человек, обманув судьбу, восстает из небытия, словно несгораемая птица феникс. Цари тоже хотят быть бессмертными, на полях сражений вместо них очень часто гибнут их двойники.

Разве мог предположить он, Каверун, что встретится вновь с первым царем Израиля, что царь этот, восстав из Шеола, сам придет в город-убежище. И когда доложили, что пойман царь Саул, Каверун рассмеялся. Начальник стражников Арияд жаждал награды. Он говорил горячо и убедительно. Пришлось пойти и взглянуть. Избитый, измученный старик. Конечно, похож на Саула, сильно сдал, годы никого не красят. Возможно, это просто один из двойников царя. Надпись на груди - не доказательство, выколоть можно любые слова, царь не стал бы это делать. Интересно, если это царь, узнал ли он своего проводника. Стражники перестарались, изуродовали ноги. Арияд все выполняет слишком усердно. И любит показать это усердие. Ждет повышения. Какая радость была на его лице, какой восторг в словах: «Необычайная удача выпала на долю твоего верного слуги, правитель, пойман путник, жаждущий без разрешения проникнуть в крепость и в нем опознан царь Израиля Саул!». Прервал тогда его: «Почему же не задержан на дорогах, ведущих в крепость?». Сразу осекся, тех, кого они ловят на дорогах, не ведут во дворец, отпускают за мзду, но сколько веревочке не виться - все равно попадутся. Цофар уже передавал два доноса на Арияда. Спросил еще Арияда: «Если это царь, если он сам признался, что же вы сделали с ним! Царя надо встречать по-царски, а не поджаривать ему ноги!». Арияду бросился на выручку Цофар, требовал решения, был очень настойчив - казнить немедленно. Казнить очень просто, казнить можно быстро, мой Цофар, но надо иметь голову и думать - выгодно это или нет? Думать никто из вас не хочет... Даже если это не царь, мы сделаем его царем - вот тогда и будет казнь, и будет суд... Цофар так ничего и не понял: «Какой суд - надо немедленно казнить!». Не спеши, остановил его, не усердствуй, всему свое время... Пока содержать во дворце, пусть исчезнут следы пыток, мы не варвары...

Главная радость была не в поимке царя, а в том, что ночью прошел ливневый дождь, наконец-то наступил сезон дождей. Город должен не

только взимать мзду с тех, кто хочет укрытия, город должен сам себя прокормить. Приходится заставлять каждого разводить свой сад - это труднее, чем воровать и брать взятки на дорогах. Жители, вырастившие самые большие сады, освобождаются от пошлин. И все равно - заставить трудиться почти невозможно. Вокруг мздоимцы и лжецы. Постоянно приходится менять советников, путают казну города с собственным карманом. Надо в сезон дождей успеть наполнить емкости, сделать запасы дождевой воды - обо всем приходилось думать самому. Нигде нет порядка - вот, что раздражало Каверуна.

Он во всем любил порядок, все старался узаконить, со всеми жить в мире, он был убежден, что мудрость правителя определяется не количеством выигранных битв, а числом тех сражений, которые удалось избежать. В мятежных и воинственных землях Ханаана надо было затаиться и делать все возможное, чтобы крепость не узрели глаза воинственных соглядатаев. Прежде, чем спасти бежавших от преследований и жаждущих мирной жизни, надо было очень строго каждого из них проверять. И по сему на дальних подступах к крепости встречали стражники людей и не допускали в город тех, кто вызывал хоть малейшее подозрение, за последние пять лет почти ни одному безвестному путнику не удалось достичь крепостных стен и войти в городские ворота. Этот случай с Саулом нарушал порядок. Где же были хваленые стражники Арияда? Не исключено, что над крепостью нависла опасность. Цари не приходят в одиночку, даже если они лишены власти - всегда найдутся люди, готовые встать за их спиной с луками и копьями, чтобы помочь обрести власть и самому получить частицу этой власти. Никто не понимает, как опасно бремя власти, как тяжело решать судьбы других людей и замкнуть, сковать свое сердце, мешающее разуму.

Каверун смежил веки и опустил голову на грудь, казалось, он дремал. Все во дворце были уверены, что правитель спит в эти послеобеденные часы. Он же просто хотел, чтобы никто ему не мешал. Он хотел сосредоточиться на главном. Водоемы он прикажет наполнить, нужно поручить это Цофару. Что делать с тем, кто называет себя Саулом, решить было тяжелее. Какое удовольствие можно было бы испытать, сообщив об этом Давиду, прибыть в Иерусалим специально, чтобы увидеть смятение на его лице: узнай возмнивший себя неуязвимым, что жив царь, чей престол ты занял!

В Давиде была заключена главная опасность. Слишком могущественен стал этот царь. Была надежда, что Авессалом ослабит власть отца, что разделится царство Израиля - и не будет сильно это царство и опасно, а погрянет в междоусобицах. Но Авессалом действовал слишком наивно, жажда славы и величия затмили его взор, хотел утвердиться, принизив отца, устроил поспешное соитие на дворцовой

кровле в Иерусалиме, овладев прилюдно десятью наложницами и женами отца, которого считал не способным к сопротивлению. Так думали многие в крепости. Горячие головы советовали даже послать воинов к Авессалому, чтобы после победы этого прекрасного, кудрявого отрока получить все права для города-убежища, чтобы признали эти права все двенадцать колен Израиля. Надеяться, что длинноволосый отрок победит того, кто сразил Голиафа, могли только люди, лишённые разума.

Он, Каверун, был прав, когда принудил их смирить свой пыл и соблюдать порядок, который был проверен годами - при любых войнах, нашествиях и смутах держаться в стороне и посылать усиленные отряды стражников на все близлежащие караванные дороги, чтобы вдали от города встречать тех, кто жаждет крови, делать все возможное, чтобы воинствующие орды миновали город. Каверун снова подумал о том, что дозоры ослаблены, что теперь любой может проникнуть сюда. И тот, кто назвался царем, наверняка пришел не один. Может быть, прав Цофар, надо не медлить с казнью...

Каверуна неожиданно охватило беспокойство. Показалось, что стало прохладно, несмотря на то что полуденное солнце пробивалось через листву. Он плотнее запахнул одежды. Но звать кого-либо, чтобы принесли накидку, не хотелось. Последнее время никого и ни о чем не хотелось просить. Он чувствовал, как власть ускользает из его рук. Править должны молодые, старики могут только советовать... Надо было искать преемника, но не было никого вокруг, кому можно было доверить власть. Сыновей давно уже не стало. Он пережил их, слишком заносчивых и всегда рвущихся пролить кровь, они получили то, к чему стремились - смерть в бою. И ни один из них не смог бы управлять городом. Среди судей и советников тоже не было такого, кто смог бы удержать власть в городе, населенном столь разными людьми, не желающими понимать друг друга. Добираются сюда из самых отдаленных мест, сначала просят спасения и укрытия, а потом требуют пищи, жаждут наделов и домов, хотят иметь наложниц и вкушать плоды, которые не выращивали. Но почему сюда, в город-убежище, устремился Саул - это Каверун не мог понять. Худшего места для себя Саул не смог бы найти в Ханаане, здесь очень много амаликитян, которых он жестоко уничтожал, и разве только амаликитяне жаждут отомстить царю?

Каверун давно понял, что Саул был зависим от Самуила. Самуил умел говорить с небесами, он один хотел предсказывать события. Саул стал помехой на его пути. И тогда пророк сделал все возможное, чтобы отдать душу Саула на растерзание злым духам...

В прошлом жрец и маг, он, Каверун, в царствование Саула чудом уцелел, ибо когда злые духи обуяли царя, то Саул решил умертвить всех предсказателей и магов. Он сделал это, подстрекаемый к злодеяниям

Самуилом. Умертвил, а когда почувствовал, что грядет смерть, бросился искать предсказателей. Во всей стране осталась одна аэндорская волшебница. Он, Каверун, сам тогда указал путь к ней. Дал слово Ионафан, что будет невредима и цела предсказательница. Узнав от нее о близкой гибели, Саул, очевидно, послал на поле брани двойника, и избежал предсказанного...

Но никому не дано избежать смерти. Давно уже нет в живых аэндорской волшебницы, обладавшей даром вызывать тени умерших, и никакой волшебник не спасет Саула.

Можно ли забыть те дни, когда почти месяц лежал он, Каверун, голодный и обессиленный в сырой пещере у Мертвого моря и прощался с жизнью, и просил всех богов послать быструю смерть, избавляющую от мучений, но боги не вняли ему, боги спасли его, чтобы даровать ему власть. Из жреца он превратился в правителя. Его устами теперь говорит Ваал, бог города - Рамарук стоит за спиной его, Каверуна.

Нет сомнений в том, что Рамарук прикажет лишить Саула языка. Так и сам Саул некогда поступал с предсказателями. Пусть испытает их участь. Но вдруг окажется так, что все это затеял Давид, хитрость которого не знает границ. Убийство Саула станет поводом для нападения, и Давид сметет крепость с лика земли и уничтожит всех ее обитателей, как бы мстя за смерть того, кто был бы им самим умерщвлен, попадись он ему в руки. Давид уже не тот юный отрок, голубоглазый и рыжекудрый, который ублажал царя Саула игрой на арфе и сладкоречивыми псалмами. Сегодня одно имя Давида вызывает страх у тех, кто хоть раз столкнулся с воинами израильтян. Племя сынов Израиля умножилось и окрепло. Им несть числа, их Господь стал богом почти всего Ханаана. Давно ли они были жалкими кочевниками?...

Похитивший первородство Иаков, прозванный Израилем и страшившийся даже своего брата Исава, если сейчас смотрит с облаков на землю, может довольно ухмыляться. Не напрасно он купил у Исава первородство за чечевичную похлебку, недаром обманул отца, нацепив на руки козьи шкуры, чтобы слепой Иаков признал в нем Исава и благословил. Исаву ничего не досталось, все захватил прародитель израильтян Иаков. Но Исав обрел свободу, близким ему стало племя амаликитян - воителей пустыни, которые сражались еще против Моисея, они встали на его пути в землю Ханаана, как будто предчувствовали, что нельзя допускать сюда эти орды рабов, бежавших из Египта. Они предчувствовали, что через сотни лет появится Саул и будет жестоко уничтожать их потомков. И чтобы спасти остатки амаликитян дана была жизнь ему, Каверуну, магу, которого не удалось уничтожить Саулу. Теперь царь сам стал пленником бывшего мага. Так Ваал на высотах

перелопачивает судьбы людей, вознося одних и низвергая других. Однако ненависть не лучший советчик для разума...

В крепости-убежище бывшие гонимые множили свою злобу и не могли забыть старые обиды, и приходилось сдерживать их пыл. Сдерживать тех, кто жаждал мщения, убеждать, что сыны разных племен могут жить вместе. Единый язык для всех приказал употреблять он, Каверун. Таким языком стал арамейский, очень похожий на язык сынов Израиля. Каверун сам знал множество языков, но говорил теперь и даже думал только на арамейском. Он не знал - какой язык родной для него, он не помнил своих предков, отца ему заменил египетский жрец, отца и Бога, ибо умел все предсказывать и властвовать над умами - не смог он только предугадать своей судьбы и пал, пронзенный копьем в Галааде, оставив беззащитного отрока высоко в горах среди хеттеян, где нужны были не знания о мире и звездах, а крепкие мышцы и зоркие глаза, а еще больше - быстрые ноги, уносящие от погони...

Сейчас все это видится в далекой дымке, было все это или нет, или проносятся в голове виденья чьей-то чужой жизни - все смешалось... Здесь, во дворце, советники придумали ему, Каверуну, другую прошлую жизнь - жизнь воина, победителя варваров, жизнь сподвижника далекого египетского фараона. Народ должен видеть в нем, Каверуне, непобедимого и мудрого вождя. Во дворце вокруг одни льстецы. Лишь Цофар иногда способен возражать...

Каверун поднял руку, и тотчас перед ним появился, словно вырос из-под земли, молодой темнокожий воин из дворцовой охраны. Каверун приказал позвать советника Цофара. Тот явился сразу, будто стоял где-то рядом и ждал зова своего повелителя. Склонился почтительно, но лицо осталось скованным гримасой - всеми и всегда недоволен Цофар, всех подозревает, всюду ему видятся заговоры.

- Вот я, - сказал Цофар, - слушаю, мой господин, и пусть Ваал будет всегда с вами!

- Скажи, мой Цофар, - медленно протянул Каверун, - почему охранники на дорогах, ведущих в крепость, утратили зрение, и кто притупил их слух?

- Я распорядился о наказании для Арияда, он будет смещен, - ответил Цофар.

Каверун сжал губы и наморщил лоб - распоряжение было верным, но Цофар последнее время превышает свои полномочия. Снимать или не снимать начальника стражи - дело правителя. Однако, Каверун не стал отчитывать Цофара, да и не судьба Арияда волновала его. Арияда давно надо было убрать, да и не мешало бы отобрать все то серебро, которое тот захватил в свои карманы, обирая жаждущих войти в крепость. Не об

Арияде хотел говорить Каверун, а о том пленнике, который признался сам, что был царем над Израилем.

Длинноногие египетские птицы, расправив крылья, стояли за спиной Каверуна, словно прислушиваясь к разговору. Цофар не поднимал головы и после долгого молчания спросил:

- Как быть с царем? Казнь можно было бы назначить на сегодня?

Все приказы Цофар исполнял беспрекословно. Кивок головы - и не станет Саула. Советник убежден - не только царь, но и любой израильянин достоин смерти. Ненависть к сынам Израиля живет в нем неистребимо.

- Надо собрать бискурат - совет судей, собрать сегодня, - сказал Каверун.

- Бискурат мы сегодня собрать не сумеем, - возразил Цофар и сморщил свой острый лисий нос, - нету в городе и четырех судей, двое на дальних пастбищах, двое давно уже не поднимаются со своего ложа...

- Много людей, много споров, - сказал Каверун, - пусть будут те, кто есть, решать все равно нам с тобой, но соблюдены будут наши законы.

- Если решать нам, - сказал Цофар, - зачем тогда слушать выживших из ума старцев...

- И что же ты предлагаешь?

- Я уже сказал, мой повелитель, нельзя медлить с его казнью!

- Но мы не знаем, мой Цофар, что скажет обо всем этом Давид, мы вызовем гнев могущественного правителя.

- Давид не должен знать об этом, никто не должен знать...

- Ты советуешь предать смерти всех, кто видел Саула?

- Можно сделать и это, мой повелитель. Арияд достоин казни. Да и стражники его тоже. Мы найдем всем им замену. Всех, кто знает о Сауле, нужно убрать...

- И нас с тобой тоже? - спросил Каверун и засмеялся.

Длинноногие птицы заклекотали, услышав его смех. Он взял из чашки приготовленное для них зерно и вялым движением руки рассыпал его под ногами. Птицы осторожно подошли ближе, фырча на Цофара. Тот сделал шаг назад, освобождая им путь.

- Я повинуюсь, соберу бискурат, хотя и не вижу в этом необходимости, - сказал Цофар, - пойду оповещу судей.

Беседу они покинули вдвоем. Шли неспешным шагом в тени пальм, верхушек которых уже коснулся багровый шар солнца. Каверун опирался на посох, рука его подрагивала, и он старался сделать так, чтобы Цофар не заметил этого. Он понимал, что правитель должен казаться не только мудрым любимцем богов, но и сильным, способным до конца дней своих уверенно сжимать рукоять меча и натягивать тетиву лука. Пусть думают, что это так. Сил уже не было, да и никогда он, Каверун, не был

воином. С царем Саулом - они ровесники, но как тому удалось сохранить свою силу! Избитый, измученный - он все равно еще вызывает страх; несмотря на годы мускулы бугрятся на теле, а шея - словно бычья. Удержит ли эта шея голову - теперь зависело от него, Каверуна. Об этом было приятно думать. Увидеть царя растерянным, увидеть приговоренным к смерти - в этом тоже есть высшее наслаждение - отмение.

Хотя он, Каверун, уже видел некогда Саула и растерянным и жалким. Там, в пещере аэндорской волшебницы, где тот жаждал узреть тень Самуила. Даже когда пророк умер, царь верил только его предсказаниям. И все же его, Саула, не смутили эти предсказания, он не отменил сражения, но, очевидно, перехитрил смерть. Наблюдал свою гибель с вершины соседней горы. На горе Гелвуй пал на острие меча его двойник. Давид оплакивал не царя, а двойника. Давид должен был знать о двойниках.

Они шли очень медленно. Каверун мысленно все возвращался и возвращался в прошлое. Цофар, полагая, что в эти мгновения правитель продумывает свои решения, молча ступал поодаль.

Райский сад окружал их, птицы с ярким оперением порхали о ветки на ветку, под тяжестью виноградных кистей клонилась лоза, мерно лилась вода у искусственного водопада, скользя по мраморным ступеням. Каверун остановился и посмотрел вокруг. В такие мгновения он иногда высказывал свои главные мысли. Цофар достал из-за пояса тростинку и пергамент. И тогда Каверун сказал:

- Запиши, мой Цофар, - боги создали людей слишком беспокойными, надо было сотворить людей в виде деревьев, чтобы каждый стоял на своем месте, ждал бы ветра, чтобы отдать свое семя, и не мог бы собирать войска, и не истреблял бы себе подобных. Каждая пальма могла бы быть царем, пальмы живут долго, и их стволы крепче железа. Но людям-деревьям не нужен был бы царь. Они бы не терпели такого, как жестокосердный Саул.

- Я не слышал более мудрых мыслей, кроме, конечно, тех, что вы произнесли ранее, - слукавил Цофар, и спрятал пергамент на груди в складках своего платья.

Когда они подошли к дворцу, Каверун повелел, чтобы судьям подали снедь и вино, потому что голодный желудок не способствует мудрым решениям и вносит торопливость в речи. Цофар распорядился приготовить для судей голубей, запеченных в пальмовые листья. Блюдо это подавалось в праздничные дни. Не было в этот день никакого праздника, дни Рамарука давно прошли, праздник богини Астарты был еще впереди. Но все должны были осознать - что пленение израильского царя не менее значительный праздник чем те, в которые воздается слава богам, защищающим город.

В дворцовых покоях их пути разошлись, Каверун направился к себе в опочивальни, Цофар - в зал, служащий для заседаний совета судий. От еды Каверун отказался и прилег на широкое ложе - он смежил веки и старался заснуть, но сон не шел к нему. Мысли о Сауле не давали покоя правителю...

Много лет назад судьба столкнула его с Саулом, много лет назад жизнь его, Каверуна, не стоила и самой мелкой монеты. Жаживо были сожжены его собратья, которые могли по ходу небесных светил определять судьбы людей. Таков был приказ царя - изловить и уничтожить тех, кто пытается поставить себя вровень со всемогущим Богом. Но неугодно было даже Богу Израиля умерщвление тех, кто был ближе ему, нежели слепо верящие и курящие фимиам. Божье наказание приходит нескоро, но оно неотвратимо. Царь Саул был лишен своего могущества, злые духи уже тогда начали одолевать его...

В то время вновь обрели силу филистимляне, они надвигались на земли Ханаана как саранча, им не было числа, они сжигали все на своем пути, предсказания магов и жрецов не волновали их очерствшие в боях души. И когда филистимляне вступили в Изреельскую долину, жители окрестных поселений покидали свой кров, бросали своих коз и овец и поспешно уходили в горы. Он, Каверун, был в одном из обозов беженцев, он скрывался от израильтян, выдавая себя за человека из колена Данова, и в то же время больше всего он опасался филистимлян, которые предавали смерти каждого, кто попадался на их пути. Несметным полчищам филистимлян не было конца, они облепили горы Гелвуя, а вдоль побережья из морского города Гиза бесконечной вереницей мчались грозные филистимлянские колесницы. Пыль поднималась до самого неба, скрипели колеса, стонала земля, и было тех колесниц, наверное, не менее тысячи.

А со стороны восхода солнца, навстречу филистимлянам, к долине Изреельской вел свое войско Саул, бросивший тщетные попытки изловить прежнего своего любимца Давида, в то время скрывавшегося сначала в пещерах у Мертвого моря, а потом в стане филистимлян. Тогда не до погони было за тем, в ком не зря видел жаждущего захватить престол. Гнев царь вымещал на беженцах, в них видел причины своих поражений. Презирал трусость людскую. Искал повсюду среди них соглядатаев филистимлян.

Его, Каверуна, вместе с такими же бедолагами схватили на склонах Гелвуя, долго допрашивали и должны были отпустить, когда один из израильтян опознал в нем бывшего мага, и в течение дня жизнь Каверуна висела на волоске. А вечером сын царя Ионафан велел неожиданно освободить его, накормить и приодеть. Милость эта была вызвана тем, что царь Саул, ранее уничтожавший магов, теперь искал тех из них, кто

уцелел, он хотел узнать предсказания своей судьбы, цеплялся за эти предсказания, как за соломинку.

Каверуна ночью привели к царскому шатру. «Ничего не опасайся», - сказал Ионафан. «Да, - признался ему Каверун, - я был магом, но это было давно, что сейчас я могу сказать царю, я утратил дар предвидения». «Успокойся, - сказал Ионафан, - припомни, не остался ли кто из магов в Ханаане, нет ли волшебника, могущего предсказать, чем закончится битва, или умеющего вызывать тени умерших, чтобы у них испросить свою судьбу". Он, Каверун, знал одну волшебницу из Аэндора, но опасался, что указав путь к ней, предаст ее царю, и тот, коли предсказание устршит его, лишит жизни бедную женщину. Каверун решил молчать, хотя Ионафан обещал сразу же его отпустить, как только будет найден маг или волшебник. Сам Каверун пытался по звездам определить исход битвы, путь звезд был не очень ясен ему, но ничего хорошего они не сулили, говорить об этом он опасался.

Все страшились победы филистимлян, они были беспощадны, и если Саул погубил только предсказателей, да говорят, ранее зверски казнил священников из Номвы, то филистимляне всех уничтожали на своем пути. Как и саранча, они не оставляли ничего живого - лишь выжженную землю и мертвые тела тех, кто мирно пас овец на этой земле.

Ионафан должен был присутствовать на военном совете, Каверуна он не отпустил от себя. Совет так и не начался. Саул приносил жертвы своему всемогущему Богу, в белых одеждах священника он сидел подле жертвенного огня, и глаза его были неподвижны. Пахло жареным мясом, дым стелился по земле сизой полосой. Тщетно Авенир, сын Нира и главный военачальник Саула, пытался увести царя от костра, тот никого не хотел слушать. «Утром должна начаться битва, - убеждал Авенир, - нам надо спешно подтягивать войска». Потом Авенир долго говорил о том, как надо разделить народ и послать людей из колена Ефремова в обход долины, а воинов из земли Иссахора оставить в засаде, чтобы в решающий миг направить их силы на пользу себе. Но не внимал ему Саул, он смотрел в огонь остановившимися глазами и шептал что-то, видимо, обращаясь к своему Богу.

Пришли воины из колена Иудина и сказали, что исполнили повеление Ионафана и вырыли ямы на дорогах, чтобы сдержать движение филистимлянских колесниц. Саул на мгновение прислушался к ним, потом упал на колени и снова что-то зашептал. И он, Каверун, впервые увидел страх, затаившийся в глазах царя. У Каверуна не было жалости к тому, кто истребил магов. Но решалась не только судьба царя. Победа филистимлян была бы губительной для всего Ханаана. И тогда Каверун сказал Ионафану, что готов исполнить его волю. Ионафан бросился к отцу, сказал ему быстро обо всем. Лицо Саула оживилось...

Они быстро собрались в дорогу. Надо было спешить, утром уже могла начаться битва. Аэндор, где жила волшебница, был не столь далеко от Изреельской долины, но долину отделял от него филистимлянский стан и предстояло обойти заставы врага и пробираться потайными горными тропами. Саул и его два оруженосца переоделись в одежды простолоудинов и в темноте, ведомые Каверуном, покинули лагерь израильтян. Каверун не раз исходил эти места и даже в полной темноте шел уверенно и быстро. Они успешно обошли стороной сторожевые посты филистимлян, лишь один раз их окликнули филистимлянские стражники, и тогда по сигналу Каверуна Саул и оруженосцы припали к земле, слились с нею в темноте ночи. Филистимляне прошли рядом, бряцая оружием, и ничего не заметили. Переждав, когда удалятся стражники, Саул и его спутники продолжили свой путь. Тайная тропа уводила в горы и стало трудно передвигаться в темноте. Оступился и чуть было не сорвался вниз оруженосец Саула, но ни разу не преткнулась нога царя, и ступал он след в след ведущему их Каверуну.

В течение всего пути Саул не проронил ни слова, и, видимо, был погружен полностью в свои мрачные мысли. Он, Каверун, знал, что раньше не было равных Саулу на поле брани, что сам он из простых пастухов, что избран царем по велению Бога израильтян, выбран и поставлен их пророком Самуилом. Но Самуил отступился от него, и теперь злые духи овладели душой царя. И еще одной причиной томления царя был Давид, юный арфист и сочинитель псалмов, которого вот уже несколько лет Саул тщетно пытался изловить. Тогда никто не понимал, почему царь столь серьезно занят погонями за отроком. Это сейчас, по прошествии многих лет, можно только удивляться прозорливости Саула - ведь он и без всяких предсказаний знал уже тогда, что отрок этот возьмет власть над Израилем, он видел в Давиде соперника, покусившегося на его славу...

В ту ночь он, Каверун, чувствовал за спиной тяжелое дыхание царя и понимал, что не дожить до рассвета, если собьется с дороги и не найдет пещеры волшебницы. Но к счастью, ему удалось даже в темноте выйти прямо к тому большому камню, на перекрестке горных троп, за которым и была расположена пещера волшебницы. И трижды прокричал он, словно ночная птица - таков был условный знак. И в тот же момент раздались из-за камня тонкие звуки свирели. И он повел своих спутников на эти звуки, и опять они наткнулись на большой камень, преграждавший путь.

Надлежало здесь прочесть заклинание, и он, Каверун, наскоро пробормотал слова, а потом общими усилиями они сдвинули камень с дороги, и открылось отверстие в отвесном уступе горы. Было оно таким темным, будто всю черноту ночи впитало в себя. И тогда царь впервые вздрогнул, но не подал вида, будто его что-то страшит, а напротив,

решительно шагнул к зияющей дыре. Саулу пришлось согнуться, стиснуться, чтобы пролезть, и потом, когда они брели в полной тьме по узкому проходу - приходилось идти, склонившись до пояса.

Наконец, впереди заметил он, Каверун, неяркое мерцание, и, опередив Саула, стал быстро подниматься к источнику света, пока не открылась перед ним широкая пещера, освещенная голубоватыми огоньками. Не раз он был здесь раньше, приносил пищу затворнице, слушал ее причитания и заклинания, и всякий раз поражался, как умеет она ошеломить, удивить того, кто входит сюда впервые.

Оставаясь в тени, волшебница подняла руку с горящим светильником, и царь Саул, оказавшись в круге света и не различая, кто перед ним, отпрянул, и что-то пробормотал, заслоняясь от яркого огня. И потом, когда она осветила себя, - и Саул, и его оруженосцы удивленно ахнули. Их можно было понять, ведь они ждали, что их приведут к дряхлой и умудренной годами старухе, обладающей тайными силами и колдовством, а перед ними предстала женщина с гибким станом и высокой грудью, и глаза ее блестели, словно металлы молнии.

Саул вздрогнул, он, наверное, решил тогда, что его заманили в ловушку, и стал нащупывать меч, спрятанный под накидкой, а волшебница отпрянула к стене, и глаза у нее потускнели, словно лишились зрачков. Он, Каверун, поднял руку, успокаивая всех, стал объяснять, что все происходящее не принесет никому зла, что гость хорошо заплатит волшебнице.

И вдруг разом погасли мерцающие огоньки, и мрак охватил пещеру, а потом вспыхнул яркий свет над головой, и стало светло как днем. Даже он, Каверун, в испуге закрыл лицо руками. Но Саул уже понял, что попал туда, куда стремился, к настоящей волшебнице. Он рванулся к ней, схватил ее за края одежды и отчаянно прокричал:

- Не исчезай, поворожи мне и выведи мне всю правду о том, что я попрошу. **Я** стою перед тем днем, когда солнце может увидеть и славу мою, и мое бесславие...

Эхо трижды повторило последнее его слово. Саул говорил слишком заумно, и он, Каверун, понял, что волшебница догадалась, кто стоит перед ней. Она ненавидела Саула и способна была пойти на крайности, и он, Каверун, пытался, очерчивая в воздухе руками круг - знак мира - успокоить ее. Волшебница выстала вперед ладонь, словно загордившись от Саула, и крикнула:

- Оставь меня! Каверун, зачем ты привел его? Как он сумел обольстить тебя? - и уже обращаясь к Саулу, прошептала зловеще - Ты умертвил всех ворожей и волшебников, для чего ты расставляешь сети душе моей, для чего возжелал моей гибели?

Саул, не выпуская из рук края ее одежды, говорил негромко, тоже почти шепотом, любой более громкий звук в пещере подхватывало эхо.

- Не страшись, - продолжал Саул, - клянусь своими сыновьями, не будет тебе никакой беды за твое волшебство. Мне нужен совет, и если ты не можешь его дать, выведи мне из Шеола того, кто всегда вещал мне от имени Господа, кто слышал голос Божий! Выведи мне пророка Самуила!

Волшебница рванулась от Саула, пришлось удерживать ее, объяснять, что ей ничего не грозит.

- Не страшись, - сказал Саул. - Я щедро одарю тебя. И никто не узнает о твоей пещере, клянусь тебе. Я дам тебе все, что захочешь, только выведи мне Самуила!

Его, Каверуна, удивила тогда эта просьба, ему казалось, что царь после смерти пророка стал действовать свободней, что смерть пророка лишила поддержки Давида. Теперь-то он понимает, что Саул был накрепко связан с пророком и хотел освободиться от проклятий Самуила, он надеялся, что смерть смирила старца, что перед ним восстанет из плена пророк таким, каким был, когда помазал его, Саула, на царство. Каверуну тогда хотелось остановить царя, он уже сожалел, что привел сюда Саула.

Но волшебница уже приняла решение, она стала возиться в углу пещеры, потом принесла большой медный котел и залила в него воду. Потом разожгла очаг, и когда вода закипела, стала бросать в котел пахучие травы. И вмиг пещеру заволокло пеленой дыма, и сладкий, дурманящий запах окутал все вокруг. Стало все кружиться, заскользили тени вдоль стен. Каверун всегда удивлялся - зачем надо устраивать целое представление, зачем столько ухищрений, его учитель, египетский жрец, любил тишину, в тишине он уходил в небесные дали, чтобы исчислить судьбы по движению светил. Он тоже мог вызывать тени ушедших, но всегда делал это в уединении...

Однако тогда он, Каверун, не сомневался в волшебной силе аэндорской предсказательницы, не сомневался в том, что она умеет общаться с духами Шеола, что она может менять облик людей. Ведь сумела она изменить себя. Ей было много лет, это он знал точно, но вот предстала перед ними в облике молодой женщины. Напустила в пещере дыма, в дыму всегда кажется, что бродят неясные тени. Теперь-то Каверун знает цену всем этим ухищрениям, и самому приходится прибегать к ним. Люди жаждут чудес, они не будут слушать голос разума, если не убедятся в том, что ты можешь свершать необычное. И все же, тогда в пещере, был не только обман. Ведь звучали, явственно звучали чьи-то голоса, и это не было голоса стражников, которых давно сковала дрема, это все же были голоса из другого мира.

Саул смежил веки, он держался рукой за камень в стене, возможно, у него кружилась голова. Ему, Каверуну, тоже почудилось, что все

кружится, что стены пещеры надвигаются на него, казалось, все пространство вокруг сужается. Саул широко расставил ноги, чтобы не упасть.

- В воду смотри, в воду, - шепнула Саулу волшебница.

Саул наклонился над медным котлом, из воды выскакивали и лопались пузыри. Шел дурманящий, вгоняющий в сон запах.

И Каверун заметил, что лицо волшебницы вмиг состарилось, приобрело прежний, знакомый облик, выступили резкие морщины, она застонала, скорчилась, словно кто-то душил ее, и закричала:

- Вижу! Вижу! Словно это Бог, выходящий из земных глубин, он рвется сюда из-под земли!

- Какой он видом? - спросил Саул.

- Выходит из-под земли престарелый муж, - ответила волшебница, - одетый в длинный плащ, одежда почти истлела на нем, поверх плаща надет эфод первосвященника, глаза у него гноятся...

- Это он! Это Самуил! - испуганно прошептал Саул и пал ниц.

И сразу тьма окутала пещеру, лишь светилась над кипевшей водой узкая полоса, вставала эта полоса над паром, и виделся в ней облик старца. И послышался хриплый голос. Каверун знал, что волшебница может говорить разными голосами. Она могла бы передать слова Самуила и своим голосом, но так, конечно, было более убедительно.

- Для чего ты тревожишь меня, Саул, - прохрипел таинственный голос, - для чего вызвал из бездны Шеола?

- Тяжело мне очень, - отозвался Саул, - филистимляне собрали войско, их великое множество и они хотят погубить меня. И Господь отступил от меня, и не отвечает мне ни через священников, ни во сне, ни через божественные камни - урим и туммим. Давид отнимает у меня славу, зачем ты пригрел его? Научи меня, что мне делать?

И тут он, Каверун, почувствовал, как холодный испуг проникает в тело, ибо увидел, что тень надвинулась на Саула, и почувствовал гнилостное дыхание, идущее от этой тени и страшный холод бездны. Ноги онемели и словно вросли в камень пещеры, руки стали тяжелыми и не двигались. Это волшебница расплатилась с ним за его неверие. Саул тоже увидел тень, он отпрянул от нее и застонал.

- Для чего ты спрашиваешь меня, - раздался голос Самуила, - ты сам знаешь, что Господь отступил от тебя... Господь отнимет царство из рук твоих и отдаст его ближнему твоему. Отдаст Давиду! И предаст Господь тебя в руки филистимлян. И завтра уже ты будешь со мной...

И зашипело все вокруг, и вырвались клубы пара из медного котла. Саул пал на землю и задрожал, силы покинули его. И тогда он, Каверун, разбудил стражников, и втроем они вывели Саула наружу и положили под деревом. Уже светлело небо, и надо было спешить, надо было успеть

обойти заставы филистимлян. Царь дремал недолго, он вскочил с земли и стал торопить стражников.

Весь обратный путь Саул был печален и брел с опущенной головой. Но не стал Саул отменять битву и не отдал приказа к отступлению.

Когда взошло солнце, он вышел из шатра, и ни тени сомнения, ни следа усталости от бессонной ночи не было на его лице. Каверун помнит, как удивился этому преобразению царя. Войска под звуки шофаров выстраивались в боевые порядки, Ионафан гарцевал на белом коне перед своим отрядом. Единственная колесница, ранее захваченная у филистимлян, окруженная отборными воинами, двигалась рядом с царем. Никого не страшилась смерть...

Его, Каверуна, тогда щедро вознаградили, и он поспешил покинуть Изреельскую долину, где часом позже пролилось столько крови, что воды рек стали красными, где на склонах горы Гелвуй лег на свой меч, чтобы не быть плененным, царь Саул или тот, кто подменил Саула, его двойник...

И если это был двойник, значит, он, Каверун, спас Саула, он провел его к волшебнице. Волшебница хотела отомстить за всех убитых магов и предсказателей и предрекла гибель Саулу, а вышло так, что предупредила она своего врага о грозящей опасности, и тот послал на смерть двойника. Но почему же тогда он, Саул, не пощадил сыновей, не уберег от смерти даже любимого Ионафана? Возможно, он опасался, что Ионафан отнимет у него власть. Сыновей надо опасаться. Вот и теперь любимец Давида, прекраснотелый Авессалом, которого хвалили на все лады, поднял руку на отца...

Он, Каверун, давно потерял сыновей, ему некого было опасаться. Он стал правителем, его избрал весь народ города, а ведь он пришел в этот город безвестным, каких-то десять лет назад он был не обременен семьей и сумел прекратить мор, напавший на обитателей города-убежища. Город и был его любимым сыном.

Каверун чувствовал, что приход Саула угрожает спокойствию. Да и Саул ли это? Ведь этот пленник не узнал его, Каверуна. Возможно, избитый и находящийся почти без сознания, он не вспомнил ту далекую ночь. Но если бы Саул шел в город и знал, что правителем здесь тот самый маг, который избежал смерти, который помог ему, Саулу, то непременно царь даже стражникам должен был поведать, что знает правителя, должен был бы сразу потребовать встречи... Что-то испугало его. Ускорить казнь или сообщить о поимке Давиду? Какие выгоды из всего этого можно извлечь - эти мысли не давали покоя Каверуну. Его ждали судьи, его торопил Цофар, а он все медлил, все не хотел выходить из своей опочивальни.

Глава IX

Совет судей, так называемый бискурат, прошел в бесплодных спорах. Верховный правитель так и не появился в большом зале заседаний, поручив Цофару самому распоряжаться. Оживились лишь, когда подали кувшины с шекером, у всех развязались языки. Цофар презирал судей, каждый из них считает себя вершителем судеб. Решения же их давно утратили какое-либо значение. Цофар с трудом сдерживал раздражение. Совершенно напрасно, считал он, Каверун решил обсуждать на бискурате поимку Саула. Теперь эти болтливые старики разнесут весть о пленении царя по всей стране, от Дана до Вирсавии. И Давид, оправившийся после бунта своего сына, может двинуть войска на город-убежище. Из-за одного Саула или того, кто выдает себя за Саула, может погибнуть город.

Обо всем этом Цофар говорил на бискурате весьма убедительно, старался показать, что все произносимое им одобрено правителем. Но сидела внутри, как заноза, боязнь, сжимал сердце страх и чудилось: вот он сейчас, пойманный и разоблаченный царь, которому нечего терять, сидит с Каверуном - и говорит Саул правителю о тех далеких днях, когда пропали драгоценные дары из храма Дагона... И чтобы заглушить этот страх, повышал голос свой Цофар на бискурате и даже срывался на крик.

- Достоин казни путник, проникший в город обманным путем, мы не можем делать исключений для царя или для того, кто называет себя царем. Мы должны просить правителя немедленно казнить пришельца. Город в опасности, никогда еще беда столь близко не подступала к его стенам, надо сегодня же вынести приговор! - убеждал он судей, поглощавших снесь, которой обильно были уставлены столы.

Его поддержал один Иехемон, который все время повторял, что это он узнал царя и старался всех убедить в том, что только его бдительность спасла город. Он оглаживал свою клочковатую бороду и важно вышагивал вдоль пиршественного стола. Был похож он на одну из тех диковинных птиц, которых так обожает верховный правитель.

Неожиданно Иехемону стал возражать Мехтор, совершенно недавно назначенный судьей. Этот Мехтор во всех случаях старался доказать, что имеет свое особое собственное мнение.

- Какой царь? Побойтесь всесильного Рамарука! - воскликнул Мехтор, удивленно подняв брови. - Всего лишь сумасшедший странник, вообразивший себя царем! Надо провести очищение. Если это настоящий царь, огонь не тронет его!

- Не лишено смысла, - поддержал его Цофар.

Обряд очищения давно уже был забыт, но ради такого случая, полагал Цофар, можно возобновить старый и проверенный обычай. Давно

уже никого не сжигали на площади у крепостных ворот, правда, может не согласиться Каверун, но ради извлечения истины можно пойти и на это, было бы общее решение судей.

Но, увы, судьи в один голос запротестовали; возвращаться в старые времена, что скажут жители, возможно ли в городе-убежище столь жестоко испытывать человека, говорим о жестокости филистимлян, и будем сотворять столь же жестокие казни, как и они - это немислимо!

Потом взял слово один из старейших судей, давно уже он потерял слух и, очевидно, даже не понимал, зачем их собрали. Он долго и невразумительно говорил о том старом законе, который хотели ввести еще десять лет назад, о законе, запрещающем принимать кого-либо в город.

- Посмотрите вокруг, - сказал он, разводя трясущиеся руки, - посмотрите - во что мы превратили наше убежище, скоро здесь будет столько иврим, что нам придется принять их веру! И если узнает Давид, что мы впускаем иврим, он завоюет наш город, ему это легко будет сделать, они откроют ему ворота, они встретят его песнопениями и хороводами. Он назначит своих судей, а нас прикажет казнить!

Говорил он об этом на каждом бискурате, и слушали его невнимательно. Цофар же одобрил его речи и сказал:

- Не исключаю и того, что Давид, узнав о пленении Саула, выступит в поход! А по сему надо как можно скорее казнить пленника! Я полагаю все вы, почтенные судьи, поддержите это решение. Если нету голосов против, я готов пойти и поведать правителю ваше мудрое решение. И возможно, сегодня же ночью царь Саул расплатится за все злодеяния. Мы можем быстро собрать жителей, чтобы не лишать их празднества, ибо великое торжество и большой праздник придет в наш город - праздник исполнения воли богов, праздник отмщения самому страшному извергу и злодею на земной тверди, злодею, одержимому силами зла!

Цофар оглядел сидящих за трапезой, полусонные судьи не слушали его. Ему было безразлично - внимают его речам или нет, он добился своего. Всеми судьями принято предложенное им решение. Немедленная казнь - против казни никто не возражает. Цофар уже собрался идти - доложить Каверуну общее решение, когда звуки труб и яркий свет факелов заставили всех встрепенуться. И он увидел, как вносят в трапезную главного священника - Элгоса.

Четверо сопровождавших его служек бога Рамарука осторожно опустили паланкин и помогли своему господину присесть на циновку, подставленную Иехемоном. Лицо Элгоса напоминало застывшую маску, он сидел неподвижно, и вокруг воцарилась полная тишина. Никто не шелухнулся. Ведь Элгос и Рамарук неразлучны, там, где находится Элгос, непременно присутствует главный и незримый бог города Рамарук. Бог

этот проникает в мысли, для него ничего не остается тайной. Все, что знает Рамарук, известно и Элгосу.

Первым решился нарушить молчание Цофар. Он низко поклонился Элгосу и стал объяснять, что бискурат принял решение о немедленной казни Саула. Элгос слушал его, не перебивая. Цофар старался говорить убедительно, сейчас для него было очень важно, что скажет Элгос, необходимо было согласие на казнь. Цофар не сомневался, что казнь будет угодна богу города, а значит и Элгосу.

Элгос поднялся с циновки, тотчас к нему подскочили служки, чтобы со всех сторон поддерживать его. Элгос отстранился от них и оперся на посох. Его длинная седая борода почти касалась пола. Металось пламя факелов за его спиной.

- Огонь Шеола жжет меня, - воскликнул Элгос и поднял руки над головой, - жар огня достиг сердца моего!

Иехемон наполнил пиалу шекером и поднес Элгосу, тот резким движением руки отбросил подношение. Смущенный Иехемон низко склонился перед главным священником и прошептал:

- Прости грехи мои, заступись перед Рамаруком за меня, оправдан я буду, скажи Рамаруку, что первым я раскрыл коварство Саула, первым опознал злодея!

- Рамарук знает об этом, - произнес Элгос и положил ладонь на согбенную спину Иехемона.

Этим жестом он давал понять судье, что Рамарук благословляет его, что угодны Рамаруку дела и мысли Иехемона.

- Огонь подбирается к городу, - продолжал свои причитания Элгос, - под священным дубом сегодня сидел я. И Рамарук был рядом. И сказал великий хранитель города, всемогущественный Рамарук: «Пойман коварный царь! Вышел он из Шеола и несет несчастья и разорение!». И спросил я Рамарука: «Как спасти город твой?». И ответил мне Рамарук: «Тайное становится явным!». И понял я, что угодны дела наши заступнику и хранителю. Грядет время свершения таинств, и ни один не сокроет своих мыслей. Бойтесь, задумавшие нечестивое таинство, бойтесь, строящие ковы против правителя города! Огонь очищающий уже зажжен Рамаруком! Тот, кто умер, не должен жить дважды!

Элгос замолчал, прикрыл веки и беззвучно зашевелил губами. Все почтительно молчали. Элгос говорил с Рамаруком. Этот разговор был понятен только им двоим. Цофар, как и все собравшиеся, поклонялся великому Рамаруку, но голос бога ни разу не был услышан советником правителя. Голос этот звучал только для Элгоса. Элгос был священником Рамарука с незапамятных времен, он был этим священником еще при верховном правителе Гате, который основал этот город-убежище.

Цофар подождал пока закончится неслышимый и недоступный ему разговор с Рамаруком и спросил Элгоса:

- Какова же будет воля Рамарука? Богу города, полагаю, угодна будет торжественная казнь царя?

- Рамарук не поведал мне о торжестве, Рамарук всегда взывает к разуму. Он упомянул о советниках правителя, которые слишком поспешны в своих действиях и чрезмерны в усердии. Усердие и лесть ходят рядом и обнимают друг друга, говорит Рамарук, - сказал Элгос и опустил на циновку. Глаза его закрылись и все поняли, что Элгос вновь взывает к Рамаруку.

Повеление свое высказал великий Рамарук, - наконец торжественно заявил Элгос, - повелевает хранитель города устроить большой суд над царем Саулом. Хочет Рамарук, чтобы злодеяния царя, известные на небесах, были явлены каждому. Объединит жителей города это судилище. Вскроется все тайное. И после справедливого суда повелевает Рамарук казнить вышедшего из тьмы и возвратить его в царство мертвых, где будет обречен на мучения тот, кто приносил тягостные страдания всем живущих на ханаанской земле. Такова воля Рамарука!

И едва успел закончить слова свои Элгос, как со всех сторон раздались одобрительные возгласы. И заявляли все, что нету мудрее решения, и никто уже не требовал немедленной казни.

Такой исход событий не предвидел Цофар, надо было переубедить Элгоса, но вступать в открытый спор было опасно, оставалась единственная надежда на то, что воля Рамарука могла разойтись с тем, чего желал верховный правитель города Каверун. Такое случалось редко, обычно все повеления Рамарука из уст Элгоса первым выслушивал Каверун. И теперь у Цофара был единственный выход - сослаться на мнение правителя, ведь Каверуну так же, как и ему, Цофару, не понравится промедление. Был уверен Цофар, что пересекались пути правителя и царя, что так же, как и он, Цофар, не желает Каверун делать явными для всех те обстоятельства, которые связывали его с Саулом. И когда смолкли хвалебные речи и возгласы, сказал Цофар:

- Почтенный Элгос, ужели настаивает Рамарук на отдалении казни, вина царя очевидна, и здесь, на бискурате, мы уже устроили ему суд, и можем продолжить этот суд и закончить сегодня, а завтра казнить царя, и наш верховный правитель Каверун будет доволен таким решением, и всесильный Рамарук пошлет нам благословение, ибо ждут в подземном царстве Саула, и там уготованы ему вечные мучения...

- Есть праведность в твоих словах, Цофар, - сказал Элгос, - все сделаем мы, что угодно Рамаруку, и никогда наш мудрый правитель не перечил повелению небес. Перед тем, как явиться к вам на бискурат, не

только зывал я к Рамаруку и имел с ним беседу, но побывал и в покоях правителя, и вместе с правителем вошли мы к узнику, и не видел я доселе более злобного существа. Убедился я, что это Саул. В глазах его играл адский огонь, руки его хватались за невидимый меч. И когда спросил его великий Каверун: «Узнаешь ли ты меня, Саул!» Ответил злодей: «Не пересекались стези наши!». Вот какова хитрость нечестивца! Так и от дел своих будет он отрекаться. И один у нас выход - природно разоблачить нечестивца. Пусть вся земля Ханаана узнает о злодейских делах Саула. Пусть будет он казнен не только по воле правителя или по повелению Рамарука - пусть весь народ приговорит его к самой мучительной казни!

И нечего было сказать Цофару, понял советник, что нужно срочно менять свое мнение, стал говорить о мудрости Рамарука, стал убеждать Элгоса, что и сам был такого же мнения, что сбили его с мыслей некоторые ретивые судьи, для которых любая казнь - праздник, и спешат они привести приговор в исполнение, и настаивают, чтобы не медлить ни дня. И еще сказал Цофар:

- Докажем всем народам, что самый справедливый суд на земле - это суд Рамарука, и вершить будем этот суд так, чтобы не осталось ни одной утайки!

И в ответ заговорили судьи о мудрости Цофара, о том, что предвидел советник повеление Рамарука, что незрим Рамарук, но в сердце каждого проникает его слово, и хотя не слышно оно, это слово, но человек всегда поступает так, как этого хочет великий Рамарук.

И подняли все чаши во здравие Каверуна, и даже Элгос приложился губами к краю своей чаши. И были довольны все - и своей мудростью, и своим решением, и тем, что решение это угодно и Рамаруку, и Каверуну...

Следующий день стал суетным для Цофара и не принес успокоения душе, а напротив, поверг в уныние и озлобил. Ничто не радовало его душу. Он проснулся рано и в одиночестве бродил по пустынным помещениям дворца. После вчерашнего, затянувшегося до позднего часа, бискурата он не пошел домой. Так бывало часто в последнее время. Домашняя суета и склоки жен изрядно надоели ему, все опостылело. Сколько бы не приносил сиклей, сколько бы не добывал и вещей и снеди - все равно был не хорош, все равно не насытит было бездонную прорву. Зависть и суета - вот награда за все его рвение. Только он один знает - каких усилий и каких трудов стоила ему вся его дорога во дворец, стать вторым - после Каверуна, стать почти властителем города, не имея во дворце никакой поддержки, смог он только благодаря своему усердию, своему непрекращающемуся труду. Теперь все это могло рухнуть. Предстоящий суд, конечно, вскрыет не только деяния Саула, царь не станет молчать - и тогда откроется прошлое его, Цофара. И могут состояться две казни, вместо одной...

Надо было что-то срочно предпринимать, но не приходило в голову ничего разумного, и он, Цофар, всегда скорый на решения, в растерянности мерил шагами дворцовые покои. Вытягивались в струнку стражники при его появлении, молча и подобострастно смотрели ему вслед. Он замедлил шаги близ помещения, где теперь находился тот, от которого исходила главная угроза. Каверун, понимал Цофар, никогда бы не согласился на открытый суд, если бы Саул или тот, кто назвал себя Саулом, узнал его, Каверун все продумал, наверняка, все это будет связано с Давидом. Город должен молиться о заблудшей душе Авессалома, после его восстания все ожили, поток его сторонников обогатил не только стражников, всем досталась толика богатства. На Сауле можно заработать больше, чем на этих жалких изгнанниках - как же он, Цофар, об этом не додумался сразу. Каверун в который раз оказался хитрее, чем его главный советник. Так недолго и попасть в немилость.

Стражник, карауливший пленника, смотрел на Цофара немигающим взглядом. Цофар сделал шаг к дверям. «Туда опасно входить одному, мой господин», - почтительно произнес стражник. «Я не из робких», - ответил ему Цофар и открыл дверь.

Пленник спал, раскинувшись на чистом и мягком ложе, словно не пленен он был, а находился в своей царской опочивальне. Во сне черты его разгладились, и лицо не казалось таким старым, как в тот день, когда увидел его, истерзанного и замученного Ариядом. Цофар пристально вглядывался в пленника - сомнений не могло быть - это Саул - крупный, мясистый нос, густая борода, правда, теперь не такая черная, как раньше, годы побелили ее края. Было почти непреодолимое желание - окриком или пинком поднять пленника, но остановил внезапный страх, подступивший к горлу. Слюна стала вязкой и он с трудом проглотил нечто, вроде твердого комка. Потом резко повернулся и, захлопнув двери, быстрым шагом устремился по переходу, ведущему в его покои. На пути попался под руку дворцовый повар, Цофар накричал на него - вчера было подано слишком много шекера, неразумная щедрость, совет судий превращать в застолье никто не позволит. Повар стоял, потупив голову, смотрел с недоумением своими бараньими глазами. Возможно, он даже не понял, о чем идет речь, но перечить главному советнику не решался. Цофору нужно было на ком-то выместить свое раздражение, показать свою власть, вернуть себе уверенность в делах своих. Он здесь главный советник правителя, он все решает. Рамарук, Элгос могут метать громы и молнии, но будет все так, как решит он, Цофар. Открытый суд над царем? Возможно, это верное решение, Каверун зря решений не принимает. Пусть будет суд. Кто поверит пленнику, если советник правителя заявит: Это нечестивая ложь! Кто подтвердит слова озлобленного и ненавидимого всеми царя...

Надо было попытаться пройти к Каверуну, правитель, обычно, вставал поздно, следовало подождать, пока он вкусит пищу, пока придет в доброе расположение духа. Цофар и сам решил пока перекусить и направился в свои покои, когда услышал шум и выкрики у главного входа во дворец. Он хотел послать туда стражника, но вскоре все смолкло. Позже он различил звонкий женский голос, зывающий о помощи. Он пошел на этот зов и вскоре увидел, как трое стражников сдерживают рвущуюся к покоям правителя рыжекудрую миловидную женщину. Сдерживают ее стражники, каждый норовя покрепче прижать красавицу и выказать ей свою симпатию. Она вырывается из их рук, умоляет пропустить, говорит, что от этого зависит жизнь честного человека.

Цофар приблизился и повелел стражникам отпустить женщину.

- Успокойся, - сказал он ей, - стоит ли беспокоить правителя, я главный советник и все могу решить сам, я могу помочь тебе.

Говорил он с ней ласково, узнал, что зовут ее Рахиль, и что она ищет своего мужа, что мужа пытали злые люди, что поверили наговору других злых людей, что она знает доброту правителя, который накажет нечестивых и возвратит ей мужа.

Цофар стал объяснять ей, что во дворце нет тюрем, что она ошиблась - все пленники содержатся в сторожевой башне, и если она хочет видеть правителя, то нельзя перед ним появляться в таком виде, сейчас он прикажет служанкам - ее вымоют, умастят маслами, и тогда уже можно будет все обсудить. Он вызвал прислужницу, и та увела стихшую и покорившуюся ей молодую женщину, и Цофар впервые за утро улыбнулся. Он уже готов был поверить, что полоса несчастий миновала, что ждет его приятное развлечение. Но ждало его новое разочарование - неожиданно появился посланник Каверуна и передал, что Каверун повелел привести эту женщину к себе, и надо поторопиться, ибо правитель гневается. Цофар сдержал возмущение и покорно ответил:

- Я как раз приказал вымыть ее, умастить ее тело маслами, нарядить, чтобы предстала она перед правителем в достойном виде...

И он повернулся и неспешно удалился в свои покои, затаив глубоко в себе душившее его раздражение.

Так начинался очередной тяжелый день в жизни главного советника Цофара, и был этот день следствием того, что случилось много лет назад в храме Дагона, ибо ничто не происходит в жизни случайно, и все происходящее подвластно воле богов. Он вдруг почувствовал, что власть, словно вода через продырявленную посуду, покидает его. Окончательно его вывело из себя нерадивое исполнение своей службы стражниками. Он не застал их у своих дверей. Они нагло расселись в соседнем помещении и были столь увлечены игрой, что даже не заметили его появления. Он

раскидал их игральные кости и накричал на них. Они лениво поднялись и неохотно пошли к своим местам.

Он сидел в своих покоях и придумывал им устрашающие наказания. Но в глазах стояла рыжекудрая женщина по имени Рахиль, ее полуоткрытые пухлые губы, ее нежная кожа, ямочки на щеках. Он не мог понять, зачем она понадобилась правителю, почему правитель поднялся столь рано. Он знал, что Каверун презирает женщин, он уже несколько раз пытался соблазнить правителя красотой местных блудниц - все было бесполезно. Хотя они были много моложе и привлекательнее этой женщины.

Ему же, Цофару, она была необходима. И не для минутной забавы. Он бы ввел ее в свой дом. Он бы отлучил от дома стареющих и сварливых жен, он мог начать новую жизнь. Она была так похожа на ту, ради которой он решился вскрыть сокровищницу в храме Дагона. Такая же рыжекудрая, такая же подвижная, бедра ее никогда не ведали покоя. Она ничего не страшилась. А когда узнала про алмаз, отступилась от него, Цофара, словно от прокаженного. Они могли бы вместе придти в город-убежище. Ее невозможно было уговорить. Да и не было времени для уговоров, надо было спасать свою жизнь...

Он тогда был молод и рвался из родительского дома, где старшие братья главенствовали во всем, он был у всех на побегушках там, в далеком, затерянном в горах поселении. Никто не считался с ним. Любой его неверный шаг высмеивался и предавался огласке. И когда набирали воинов в отряды Саула, он сам напросился. Обманул вербовщиков, сказав, что ему уже исполнилось восемнадцать лет. Хотелось доказать всем, что он смел и ничего не страшится. Хотелось без чьей-либо помощи добиться славы и богатства. В родительском доме постоянно приходилось мучиться от голода и нищеты. Он завидовал богатым соседям. Он рано понял, что богатства можно обрести только неправедным путем. Те, кто день и ночь трудились на полях своих, ничего не могли достичь, почти весь урожай забирали сборщики податей. Те же, кто уходил на битвы, нередко возвращались с богатой добычей.

Можно было рискнуть ради этого. Но все битвы, приносившие богатую добычу, прошли без него. Отряд же, в который его взяли, метался по Иудейской пустыне, проклятой богами и лишенной дождей. Было вокруг лишь жестокое солнце, яркий свет проникал в тело, слепил глаза. Горы ослепительно белели от этого света. Кости мертвецов становились такими белыми, что, казалось, и от них исходил свет. Их отряд тогда шел по следу Давида. Бывший любимец царя стал его главным врагом, сочинитель псалмов и опытный военачальник ловко уходил от погони. Царь Саул пребывал в гневе и был не способен на решительные действия. Войско было подчинено Авениру - главному военачальнику Саула. Авенир

был опытен в военном деле, но привык побеждать в больших сражениях, а здесь была каменная безлюдная пустыня, и за долгие месяцы погони они ни разу не увидели своего врага. Давид уходил от хитроумных засад, его воины рассеивались и превращались в простых хлебопашцев, чтобы потом вновь соединиться в отряды. Люди, ведомые Авениром, роптали, они валились с ног от усталости, тела их покрылись коростой, и гортани пересохли от жажды. Озлобленность рождала ссоры. Беспощадный белый свет пустыни обострял эти ссоры. Из-за самого незначительного, вскользь брошенного слова, понятого превратно и принятого за насмешку, могли проткнуть копьем и лишиться жизни. И здесь, в отряде, он, Цофар, как самый младший, был у всех на побегушках. Он терпел насмешки и тычки старых воинов, и дал себе клятву в душе своей, что поднимется надо всеми, что еще заставит их каяться в том, что недооценили они его. Он будет властвовать над людьми. Для исполнения этой цели нужно было золото, нужны были сикли - их не было вокруг. Лишь сверкали золотыми отблесками базальтовые скалы, да луна по ночам серебрила гладкие белые камни. Ночью воины покидали отряд, их вылавливали в пустыне и предавали казни. Лишенный воды песок моментально впитывал кровь. Мясо растаскивали гиены. По ночам их хохот мог свести с ума.

Авенир понял, что нужна какая-нибудь победа, какое-нибудь действие, воину нужен враг, и песок должна обогреть кровь врага, а не своих беглецов. Он приказал прекратить бесплодные поиски Давида.

И вот пронеслась весть, оживившая всех, Саул напал на филистимлян, разгромил их основные силы и теперь преследует врагов. И было повеление от царя - срочно захватить филистимлянскую крепость, в которой могут искать спасение отступающие филистимляне. Говорили опытные воины, что в городе этом хранят филистимляне несметные богатства, что много золота в филистимлянских храмах и что прислуживают в этих храмах блудницы, искусные в любви...

Озлобленные неудачными поисками Давида, уставшие и голодные воины рвались в бой. За ночь отряд пересек Иудейскую пустыню и вышел через ущелье в долину, за которой на крутых холмах располагалась крепость филистимлян. И хотя первый штурм прошел неудачно, и многие пали у крепостных стен, в следующую ночь они ринулись на крепость с таким упорством и яростью, что их не смогли остановить ни смертоносные стрелы, ни кипящая смола, лившаяся с башен. Крепость была взята, и должна была быть отдана на разграбление тем, кто не щадил своих жизней и проливал свою кровь. Но рассудительный Авенир не желал, чтобы ночь штурма сменилась зверствами и грабежами. Был отдан строгий приказ - ничего не брать себе, всю добычу сдавать военачальникам, а потом был обещан ее справедливый дележ...

Ему, Цофару, в ночь взятия крепости везло, он удачно пролез через бойницу, его миновали стрелы филистимлян, и он сумел обогреть свой меч кровью, воткнув его в темноте в того, кто пытался преградить ему путь. И первым он, Цофар, ворвался в главный храм бога филистимлян Дагона, мрачная статуя которого возвышалась среди гладких каменных колонн. Цофар никогда в жизни не видел столь величественного строения. Маленький человек стоял среди неподвижных идиолов. Это были не его боги, и он не страшился их, он был победителем. Боги филистимлян оказались бессильными, они не смогли защитить свой город.

Он заранее знал, он был уверен, что наступил его день, ибо сразу заметил большую медную чашу, стоящую у ног истукана, он вскрыл крышку этой чаши мечом, и в глаза ему ударил дивный свет. В чаше лежал алмаз, сверкающий, словно осколок солнца. Обрадованный необычайной удачей, он сунул алмаз за пазуху, и в тот же миг сзади на него кто-то навалился и, крепко обхватив одной рукой, другой стал сдавливать горло. Видят боги, что Цофар был уверен, что на него напал филистимлянин. Было безвыходное положение и он, Цофар, защищал свою жизнь. У него уже не было сил, он задыхался, каким-то чудом ему удалось ослабить руку напавшего и скользнуть вниз. И уже лежа, казалось бы поверженный, он сумел воткнуть меч в живот нападавшего. И увидел Цофар, что это был воин из его отряда. Пена выступила на губах воина, он отчаянно закричал, потом дернулся, попытался подняться, но смерть уже овладела его телом, и он рухнул, истекая кровью. Нет вины в этой смерти его, Цофара, все в руках богов, мог и он, Цофар, остаться навсегда в том храме, мог и тот воин завладеть драгоценным алмазом.

И как назло, отыскался свидетель, шел по следу Цофара алчный Элар из колена Данова, тоже жаждал этот Элар добычи, тоже был наслышан о сокровищах храма. Напрасно поднял крик. Можно было бы и поделиться с ним. Кричал Элар, словно его режут: « Хеттеянин Цофар убил Симона!». На его вопли сбежались воины. К счастью, Элар не видел, как Цофар вынул алмаз из чаши. Цофара тогда обвинили лишь в убийстве. Все были разгорячены боем. Жизнь людская стоила дешевле овечьего помета. Отыскался брат убитого, требовавший немедленно здесь, в храме, казнить Цофара.

И если бы не Саул, этот день мог стать последним в жизни Цофара. Царь, прибывший в город после его взятия, в храме появился внезапно. Окруженный военачальниками, в пурпурной накидке, с мечом в руках, возвышающийся надо всеми, он был, словно спустившийся с небесных высей молодой Бог. И возможно, именно Бог послал его спасти юную жизнь. И Богу было угодно, чтобы Цофар вскрыл чашу в храме идиолов и лишил Дагона главной его драгоценности. Уже потом узнал Цофар, что алмаз этот, привезенный из Ниневии, считался магическим, что по

отблескам его граней узнавали филистимляне волю Дагона. Но в тот момент, когда царь вошел в храм, когда со всех сторон требовали смерти, когда брат убитого уже обнажил меч, было не до алмаза.

Выслушав обвинителей, Саул не встал на их сторону.

- Разве мало было пролито крови этой ночью, - сказал он, и в голосе его были печаль и сострадание. - На война напали сзади, он защищался и совершил убийство без умысла. Отпустите его. И пусть он покинет войско, ибо запятнан кровью своего соплеменника, и кровь эта на нем и на детях его пребудет. И да свершится над ним небесный суд!

Цофар тогда кинулся в ноги Саулу и целовал его сандалии, он клялся, что не виновен, а ночью поспешно покинул горящий город.

Пожар начался с вечера, никто не тушил домов, головни шипели на месте прежних жилищ, обитатели города покидали его. На горных дорогах затерялся среди них Цофар, и только позже дошли до него вести, подтверждающие, что поспешность его ухода была необходима. Ибо донесли Саулу, что исчез волшебный алмаз из дарительницы в храме Дагона, и было не трудно, сопоставив все события, догадаться, кто унес драгоценность. И были посланы гонцы в город Цофара, в его родительский дом, с приказом схватить похитителя. Но были тщетны их поиски, ибо догадался тогда Цофар направить свои стопы не в родной город, а искать город-убежище.

Возлюбленная его поведала Цофару, что искали его в родительском доме, встретились они на караванной дороге, ведущей в Дамаск, она отказалась от дара, хотя долго рассматривала грани алмаза. Отказалась, заподозрив что-то неладное. Он быстро выкинул ее из своего сердца. Алмаз, предназначенный для ее покорения, открыл перед ним более прельстительные пути. Он поспешил обменять его на жемчуг у торговцев из Сирии. И когда стражники города-убежища обыскивали его, то никто из них не догадался, какое богатство спрятано в его анусе. Этот жемчуг позже ввел его, Цофара, во дворец. После великого мора город почти опустел. Новый правитель, избавивший людей от страшной болезни, сделал Цофара поначалу стражником, а потом и советником. От драгоценностей никто не отказывался. Даже Каверун, который везде кичился своей неподкупностью. Цофар убедился, что неподкупных людей не бывает. Все зависит от того, сколько им предложить. Простой стражник не откажется и от пяти сребреников, правитель такой дар гордо отвергнет, но если ему предложить нити жемчуга или слитки золота - возьмет...

Прошлое осталось далеко позади. И когда Саул погиб в битве с филистимлянами на склонах горы Гелвуй, Цофар воспринял эту весть с облегчением.. Власть Цофара при дворце укреплялась и он решил, что боги простили ему тот давний грех. И вдруг эта ожившая тень из прошлого может все повернуть вспять, и тогда грядет расплата за давний

грех. Ждать этой расплаты глупо, ибо в руках человеческих нити событий, и боги помогают тому, кто может постоять за себя - в этом не раз убеждался Цофар.

Годы службы во дворце научили его скрывать свои чувства и смятение своей души. Он умел любое обстоятельство повернуть себе на пользу. Он научился предугадывать замыслы Каверуна. Но сегодня предчувствие надвигающейся угрозы не давало ему покоя.

В середине дня Каверун, наконец, вызвал его. Правитель отдал несколько незначительных распоряжений. О Сауле сказал вскользь, как бы о чем-то незначительном: «Усильте охрану и готовьте суд...». Пытаясь в последний раз отговорить своего господина, Цофар сказал: «Затянем все, узнает Давид!». И ответил Каверун тоном не терпящим возражений: «Оставь меня, это хорошо, если Давид узнает, в этом всё дело».

Цофар, застыв у дверей, молча слушал правителя, на мгновение ему показалось, что у Каверина увлажнились глаза и мелькнул похотливый блеск в них. «Оставь меня», - резко повторил Каверун. Он хотел остаться один, и не исключено, подумал Цофар, что там, за ковровой занавеской, его ждет Рахиль, рыжекудрая лань, упущенная им, Цофаром.

Униженный и расстроенный он возвратился к себе. У дверей его ждал Арияд. Бывший главный стражник упал на колени. Умолял простить, клялся в верности. Обволакивал слизью поток его слов. Был он жалок. Человек, не осознавший своего падения, подобен влагающему драгоценный камень в пращу. Подумал Цофар о том, что надо было послать мытарей к Арияду, пусть найдут и заберут в казну все то, что награл главный стражник, что забрал у тех, кого пропустил в город.

- Мой господин, сжальтесь, - продолжал Арияд, - нету моей вины, этот пленник не человек, а дьявол, он, наверняка владеет секретом исчезновения тела, ведь он вышел из подземного царства, стражники неусыпно стерегли все дороги, мышь не проскользнула бы незамеченной, змея бы не проползла. Даже за слитки золота не пропустят мои люди никого. Все, что забираем мы, сдается в казну...

- Прекрати, - остановил его причитания Цофар, - все твои стражники давно обогатились. Скажи, сколько золота ты взял у царя?

- У него не было золота, - смутился Арияд, - у него ничего не было...

И по тому как задергалось веко у бывшего главного стражника, понял Цофар, что в который раз утаена добыча, и сказал строго:

- Золота не было, но взяты сребреники!

Сказал наугад, но попал в цель. Встрепенулся Арияд, стал целовать полы одежды, забормотал:

- Все верну, все до последнего сребреника, суета была, много событий, я не успел, я не хотел их присвоить...

- А если я доложу об этом Каверуну, ты знаешь, Арияд, какая казнь ждет тебя? - спросил Цофар.

- Только не это, только не это, - истошно закричал Арияд, - я буду молить богов за тебя, Цофар, спаси меня!

С трудом удалось поднять Арияда с колен и затащить в свои покои. Разум его помутился от страха. Дал ему виноградного сока, успокоил:

- У меня достаточно прав, чтобы наказать тебя. Обещаю, Каверун ничего не узнает. Возможно, позже я сумею вернуть тебе твое место, опять поставить во главе стражи...

- Мой господин, мой повелитель, я сделаю все для тебя, я стану самым верным слугой моего господина, - запричитал Арияд.

- Но я буду бессилен помочь тебе, если вскрыется на суде, который вскоре грянет над Саулом, что ты присвоил сребреники, даже если это не вскрыется, хватит и того, что прилюдно царь расскажет всем, как ты пытал его, и если приговор будет оправдательным, то казнят тебя, мой Арияд, я бессилен тебе помочь, - сказал Цофар.

- Я убью этого изверга, я убью его, - прошептал Арияд.

- Этого я тебе не повелевал, - сказал Цофар, - но это для тебя единственный выход, и чем скорее ты это сделаешь, тем лучше...

И когда Арияд покинул покои, впервые за этот день он, Цофар, улыбнулся. В который раз он нашел выход из, казалось, безвыходного положения...

Глава X

Никогда в жизни Маттафия не предавался покою столь длительное время. Непривычно мягкое ложе, хотя и было коротко ему, показалось ему райским. Застланное пуховой периной, оно мягко обволакивало тело. Места ожогов и рубцы от бича, обильно смазанные оливковым маслом, уже почти не тревожили его. Раны всегда быстро затягивались на нем. Да и дворцовые лекари знали свое дело и хорошо потрудились.

Человек все может выдержать в жизни. Просто есть такой предел, когда боль так пронизывает тебя, что ты теряешь сознание. Или, что еще хуже - твой разум отказывается подчиняться тебе, им завладела боль - и ты говоришь то, что хотят от тебя палачи. Такого с ним, Маттафией, не бывало. Он мог выдержать и не такую боль, какой подвергли его на пытках, не раз он был ранен в битвах, не раз прощался с жизнью. Он не боялся смерти. Смерть - это неминуемый приговор Господа Бога над всякой плотью. Плоть человека слаба и тленна. Но умирая, он не должен увлекать за собой в подземное царство Шеола любимого человека. Он, Маттафия, отвел беду от своего дома, и это было главное. Надежды на

спасение не оставляли его. Он понимал, что надо уметь терпеть и уметь ждать. Все в длани Господней, снизошел Господь к душе, смиловившись, и вот пытки сменились покоем, а пахнувший гнилью колодец - дворцом правителя. Разве можно назвать темницей эти царские покои? Широкое светлое окно у самой кровли, правда, перегороженное медными прутьями, но свет льется беспрепятственно, и солнце приносит теплоту и успокоение, и смежаются веки...

Забуть о том, что ты узник, не давали лишь два стражника по ту сторону дверей, были слышны их отрывистые речи, тяжелое дыхание и стуки древка копий в деревянный настил пола, и скрип их сандалий.

То, о чем когда-то в Изреельской долине говорил царь Саул, произошло - Маттафия заменил царя, ведь говорил Саул: ты очень похож на меня, Маттафия, будь моя воля, и я поменялся бы с тобой, ушел к Галилейскому морю и там в тишине ловил бы рыбу, а ты бы познал, что значит быть царем Израиля. В то время они преследовали Давида, скрывающегося в пещерах у Мертвого моря. Саула одолевали злые духи. Он мог сам предложить царство простому воину, а мог и заподозрить, что этот воин рвется отнять у него престол, и тогда метнуть в тебя свое копьё. От близкого броска трудно увернуться. На такое был способен только Давид. Давиду всегда везло. Он был неуловим. Он любил своего преследователя, и дважды, когда мог поразить его, выпустил. Он не мог поднять руку на помазанника Божьего. Филистимляне не признавали единого Бога, у них была одна цель - поразить войско Саула и убить его самого.

Теперь он, Маттафия, воскресил упавшего на свой меч царя-отца. Опровергать это, объяснять, что признался под пыткой - бесполезно. Если поймут, что ты не царь - Зулуну не пощадят. Если ты не царь, если ты ее муж - значит, она указала тебе путь в крепость-убежище. Может все вскрыться, опасность не исключена - похоже, что правитель города знал Саула, что где-то пересеклись их судьбы, да и советник Цофар не избежал встречи, той встречи, которую Цофар бы хотел изгладить из памяти. Советник уже заходил сюда. Он, Маттафия, сделал вид, что спит. Любые откровения, любой разговор были опасны. Сквозь прищуренные веки Маттафия разглядел испуг на лице советника. От него всего можно ожидать. Если бы еще знать, если бы догадаться, где и когда правитель города сталкивался с Саулом....

Тревожные мысли не покидали Маттафию. И в том спокойствии, в том бездействии, которые были предоставлены ему, он понимал, таятся незримые капканы. Жизнь продлена ему на эти дни, но она может пресечься в любое мгновение. Все последние годы смерть витала над его головой. Он испытал все унижения, и все страдания, мыслимые и немислимые. Он был рабом. Воин, сотник, приближенный к Саулу, друг

Давида, он, прикованный к борту корабля, узнал, как бескрайне и безнадежно море. Та же пустыня, только с ожившими валами песка, эти валы не знают покоя, опускаются и поднимаются, и если ты заведешься, если ты гребешь веслом не столь усердно, бич хлещет по твоей спине. Гибель корабля - твоя гибель. Прикованный к нему, ты уйдешь на дно, захлебываясь потоками соленой воды...И в плену своими мучениями он был обязан Саулу. В нем быстро разглядели сходство с царем. Его иначе и не называли: Саул. «Эй, Саул, пошевеливайся, это весло, а не грудь наложницы, не тереби его, навались покрепче!».

Голоса надсмотрщиков и сейчас звучат в голове. От этих злых окриков трудно избавиться. Не лучше надсмотрщиков были и те, кто делил с ним тяжесть плена. В нем видели они источник своих бед. Он, полагали они, завел отряд в засаду, он предал всех филистимлянам. Свои оказались более жестокими, чем враги. Он сам выпросил хозяина медных ям, чтобы тот продал его финикийцам. Он тогда не знал, что существует плавучая тюрьма, он не знал, каким безжалостным может быть море, как может оно выматывать голодного раба, поднимая к небу его плавучую темницу и резко низвергая ее в бездну...

Их почти не кормили, истощенных, не выдержавших, расковывали и сбрасывали за борт, в бездонную пропасть. Он, Маттафия, обманул смерть. Здесь же, во дворце правителя, ангелы смерти вновь приблизились к нему. Но голодным он уже не умрет, ему готовят иную кончину. Им не нужен истерзанный и измученный царь.

Днем подали бобовый суп и жареных голубей, вечером дали виноград и целый кувшин холодной родниковой воды. Тело ожило, силы вернулись в него. Он попытался ходить, но острая, жгущая боль в обожженных ступнях не позволяла сделать ни шагу. Бездействие страшило его. Целый день никто не заглядывал к нему. Поздно вечером он услышал возню у своей двери, стражники сдерживали рвущегося к нему. Он узнал голос своего мучителя Арияда. Тот приказывал стражникам что-то, кричал на них. Но никто не подчинился ему. У него отобрали меч, он кричал: «Не имеете права, я прикажу вас всех казнить!». Ему объясняли, что есть строгий приказ никого не пускать, кроме советника Цофара. Вся эта возня длилась, наверное, около часа, а потом все смолкло. Ночью стояла такая тишина, что было слышно как гудит одинокий комар и где-то вдалеке, может быть даже за пределами дворца, плещется вода, стекая по каскадам невидимого водопада...

Утром дверь резко распахнулась, и в сопровождении стражников появился советник правителя Цофар. Потом он повелел стражникам оставить его наедине с пленником. Вид у Цофара был властный, он смотрел с презрением на сидевшего перед ним Маттафию, но это презрение не могло скрыть затаившийся в его глазах испуг.

Маттафия теперь окончательно узнал его. Он вспомнил, как спас жизнь этому человеку. И то, как потом долго выговаривал ему за это Саул. «Тебя нельзя сделать царем даже на день - ты отпустил убийцу, похитившего священный алмаз! Ты слишком мягок и милостив!».

И сейчас под испытующим взглядом того, кого он спас в далеком филистимлянском городе, в день, когда этот город был охвачен пламенем пожарищ, Маттафия понял, что ни единым движением не должен выдать эту память о прошлом.

И Цофар, не заметив в его глазах никакого злорадства, убедившись, что он, Маттафия, не узнал, что не вспомнил ничего, улыбнулся довольный, и тотчас, презрительно скривив губы, властно приказал:

- Встань, презренный Саул! Если ты думаешь, что имеешь право сидеть в присутствии главного советника правителя, то гордыня твоя не имеет пределов! Ты уже не царь, ты - пленник, но твои кровавые следы не высохли на лице Ханаанской земли!

Маттафия поднялся, он стоял, опершись на стену, чтобы ослабить боль в ногах. Теперь Цофару приходилось задирать голову, чтобы видеть его лицо. Маттафия понимал, что от этого разговора зависит его судьба. Он решил смирить себя.

- Я бы просил, мой господин, отпустить меня, - произнес Маттафия, - кому нужен царь без царства? Я уйду в Сирию и никому не буду помехой. Там спокойно я закончу свои дни.

- Как из старой поношенной одежды выползает моль, так и из тебя лукавство, - сказал Цофар, - разве царь не рожден для того, чтобы властвовать, ты будешь рваться к власти и убивать, где бы ты ни жил. Ты злопамятен, Саул, признайся в этом! Ты многое скрываешь! Даже царь, если он хочет жить, должен уметь смыкать свои уста!

- Какое злопамятство? Я уже слишком долго живу на земле. Память моя истерта годами. Много лет никто не слышал о царе Сауле ничего - ни плохого, ни хорошего. Он не стремился отобрать власть у Давида. Годы смирили царя. Я ни о чем не хочу вспоминать!

Слова его понравились Цофару, тот довольно хмыкнул, подошел почти вплотную, потирая руки.

- Наконец-то, Саул, ты изрек нечто близкое к истине! Бойся обмануть меня, твоя жизнь зависит от движения моего мизинца! И не превращайся в овечку перед стрижкой, не делай вид, что жаждешь стоять смиренно под ножом. Ты всегда был волком! - Цофар повысил голос, теперь он отошел к двери.

Наверное, он хочет, чтобы его слышали стражники, догадался Маттафия, он понял, что забыто то, что произошло в храме Дагона. В глазах у него уже нет испуга. Может быть, надо было поведать ему про похищенный алмаз...

- Твой путь кровав, и ты ответишь за все! - продолжал Цофар, возвысив голос свой почти до крика - Тебя будут судить за твои злодеяния! И за ту резню, что ты учинил мирным амаликитянам, и за убийство священников Номвы, и за истребление мудрых магов и предсказателей! И за ту облаву, что ты устроил Давиду! И за смерть твоих сыновей! За смерть Ионафана!

- Я во многом виновен, да простит меня Господь, но я не убивал своих сыновей, - изумился Маттафия, - я любил Ионафана, он был мне дороже многих людей! Ты ошибаешься, мой господин!

- Я знал, что злота твоя не имеет предела, - ты сам сказал, что лишен памяти! Но вспомни, волшебница из Аэндора предсказала тебе, что филистимляне убьют тебя и твоих сыновей. И тогда ты нашел двойника и послал его на гибель. Послал вместе со своими сыновьями. Ты умертвил их! Ты хотел перехитрить богов. Ты хотел затаиться у нас, в городе-убежище, прикинувшись гонимой овечкой! Ты разоблачен, Саул! - гневно выкрикнул Цофар последние свои слова.

Маттафия молча слушал все нелепые обвинения, он понял, что этому советнику не докажешь, что Саул был не столь жесток и кровав. Он понял, что трусость рождает ненависть, что Цофар более других ненавидит того, кто спас его, что ожидать милосердия от Цофара не приходится. Надо было лишь как-то дать знать Зулуне, чтобы не тратила напрасно сил, чтобы сберегла себя...

- Женщина, - сказал Маттафия, стараясь произносить слова как можно безразличнее, - та, что говорила, будто она моя жена, не ведает истины, это было ее желание в молодые годы стать женой царя, она была простой наложницей, я просил бы позволить ей придти сюда, я хотел бы ее образумить...

- Это я могу обещать, - легко согласился Цофар, - желание смертника может быть выполнено.

После ухода Цофара долго не мог успокоиться Маттафия. Он теперь ясно осознал - это был вестник смерти. Маттафия осуждал себя за свое смирение, за то, что унизился до просьб. Свидание с Зулуной, конечно, было необходимо, неизвестно, каких дел она может натворить, желая спасти его. Бросят в темницу и ее, и Рахиль, отыщут и сыновей. Все они могут пострадать из-за него. Теперь надо ждать суда - это просто оттяжка смерти, приговор известен заранее. Но положение, в которое он сам себя поставил, обязывает его защищаться. Брошенный и неизвестный отцу сын, он теперь должен исполнить предначертанное Господом, ибо сказано мудрыми, что сын всегда должен быть щитом отца, и порочащий отца, проклят Богом. И сказано еще - никогда не надо искать спасения в бесчестии отца своего. Но можно ли оправдать гибель невинных. Саул знал, что предстоит гибель не только ему, но и сыновьям его - Ионафану,

Аминодаву, Мелхису. Последним двум не было и шестнадцати. Ионафан старше, но всегда казался юным - и лицо почти девичье с нежной полуулыбкой, и удивительно чистые глаза. Он так хотел всех спасти, всех примирить, ему даже удавалось мирить отца с Давидом.

Мог ли отец обречь на гибель своих сыновей? Хотел ли он гибели Давида? Давида, слагающего ему хвалебные псалмы, Давида, которого поначалу он возлюбил, как родного сына. Ему, Маттафии, не досталось и капли такой отцовской любви. Теперь сын должен стать отцом и за нелюбовь расплатиться любовью.

Зачем правителю города нужен суд, что он хочет показать этим судом - об этом можно только догадываться. Может быть, здесь заключена ловушка для Давида. Все думают, что Давид ненавидел Саула, что это были два непримиримых врага. Так думают потому, что не видели, с какой нежностью смотрел Саул на Давида, перебирающего струны арфы. Давид был искренне предан Саулу, эту его любовь к первому царю Израиля, одолеваемому злыми духами, не уничтожили ни гонения, ни копье, не раз направленное царем на него. Может быть, Давид не мог убить Саула, потому что любил Ионафана, а может быть, чувство собственной вины тяготило его. Ведь великий пророк Самуил помазал Давида на царство при живом царе. Почему было угодно Богу Израиля столкнуть двух помазанников? Может быть, ошибся Самуил... И потом, эти предсказания о смерти - Самуил явился из подземного царства, чтобы принести весть о гибели - почему? Если человеку предсказать, что он будет убит, он сам станет искать свою погибель. Знал ли Давид об этом предсказании? Наверное, знал... А если знал, почему сразу не бросился на подмогу, почему ждал исхода битвы? Вопросов было больше, чем ответов.

На суде будут пытаться представить все так, чтобы каждому было ясно, что большего злодея, чем Саул, не знала земля. Всегда найдутся лжесвидетели. А те, кого спас Саул, будут молчать.

Саул был прав - нельзя быть слишком милосердным. Если Цофар заподозрил, что он, Маттафия, все помнит - дело может не дойти до суда. Цофару не нужен этот суд. Каждый день может для него, Маттафии, стать последним - это он отчетливо понимал. Теперь уже не отречься от имени Саула, им нужен только Саул, хотя еще живо столько свидетелей гибели Саула, никого из них не допустят на суд, а если и прорвется голос правды - и на это найдется ответ: разве у царей нет двойников? Он, Маттафия, ведь тоже был не единожды двойником. Саул считал, что Маттафия предан ему, что ради верности царю отбросит все клятвы дружбы. Саул ведь знал, как дружны были он, Маттафия, Давид и Ионафан. Он считал, что ему удалось разрушить эту дружбу, он сам послал Маттафию к Давиду - может быть, тем самым Саул спас жизнь ему, Маттафии. Теперь из подземного Шеола Саул воззвал к Господу и требует эту жизнь. Саул

погиб так рано, что многие и раньше не верили в его смерть. Маттафия не мог сомневаться. Он, Маттафия, очевидец тех кровавых событий...

Страшный был год. В тот год отвернулся Господь от воинства Израилева. И когда Давиду донесли соглядатаи, что филистимляне теснят войска Саула в Изреельской долине, то решил Давид собрать своих воинов в городе Секелаге и выйти на бой с филистимлянами, обрушиться на них с тыла, но почему-то медлил Давид... А потом было поздно. Примчался гонец из стана Саулова, молодой амаликитянин. Маттафия, состоявший тогда в страже, не допускал его к Давиду, сказал: «Почему не можешь поведать нам, с какой вестью явился, почему только Давиду можешь сказать ее?». Давид услышал шум и вышел из своего шатра, поставленного рядом со строящимся дворцом. Амаликитянин был явно не в себе. Одежды на нем были разодраны, и голова его была усыпана пеплом. Увидев Давида, он пал на землю перед ним. Давид его поднял и спросил: «Откуда ты пришел?». Он ответил, что бежал из Изреельской долины. «Что произошло там, говори!», - крикнул Давид. Амаликитянин поклонился и сказал: «Народ побежал с поля брани, и множество народа пало, и нашли там погибель воины, и пали на поле битвы и Саул, и сын его Ионафан, и другие сыновья его».

Маттафию тогда как громом поразили эти слова, он не хотел верить амаликитянину, тот не похож был на воина из отрядов Саула...

- Откуда ты знаешь, что пали Саул и сыновья его? - спросил Давид и посмотрел с гневом на бежавшего с поля битвы.

Рука Маттафии сжала копьё, он готов был пронзить вестника поражения. Он почувствовал, что нет в словах амаликитянина печали, и хотя разодраны его одежда и волосы в пепле, но есть какая-то фальшь в его уж чересчур бодром голосе.

- Кто же послал тебя, если все пали? - спросил Давид у амаликитянина.

- Не был я при войске, - стал оправдываться вестник печали, - отец мой из царства Амалика, потому все считали меня ненадежным и не взяли в сражение. Случайно я остался на горе Гелвуй, битва там была жестокая, я пребывал в страхе... Меня никто не посылал, я сам понял, что должен принести тебе, мой господин, эти вести!

- Откуда ты знаешь, что Саул и сын его Ионафан умерли? - спросил Давид.

И амаликитянин стал говорить быстро, боясь, что ему не поверят, клялся, что говорит истину. И он, Маттафия, понял тогда, что вестник ждет награды за сообщение, что наслышан о вражде Саула и Давида и думает, что будет щедро вознагражден за весть о смерти гонителя Давида. И глупый амаликитянин не просто рассказывал о гибели царя, он выставлял себя чуть ли не убийцей Саула, утверждал, что собственной

рукой завершил дело, стараясь окончательно убедить Давида в том, что Саул мертв.

Амаликитянин говорил о том, как прижатые к склону горы Гелвуй, пытались прорваться отряды Саула, как испугались колесниц и дрогнули лучники, и все побежали за ними следом, часть воинов прорвалась в долину и ушла по руслу высохшей реки, Саул со своими сыновьями не успел за ними. Отбиваясь от наседавших филистимлян он взбирался на взгорье. Здесь филистимляне поразил его. Он весь был изранен стрелами, но держался еще и возвышался надо всеми. Стоял израненный, откинув кожаный щит, его окружили, со всех сторон крались филистимляне. Саул не хотел быть плененным и упал на свой меч, но и после этого его не настигла смерть.

- Тогда он увидел меня, - продолжал свой рассказ амаликитянин, - и в это время колесницы и всадники филистимлян уже показались на склонах Гелвуя, и Саул сказал мне: подойди ко мне и убей меня, ибо тоска смертная объяла меня, а душа моя еще во мне. И я исполнил его слова, потому что знал, что не будет он жить, пронзенный стрелами и мечом, но будет еще долго мучиться его душа, и станут измываться над ним филистимляне...

Маттафия тогда поверил окончательно вестнику, когда тот сказал, что взял царскую корону и браслет из драгоценных камней, бывший на руке Саула. И в подтверждение вынул из-за пазухи корону и браслет и протянул Давиду. Давид был напряжен, словно струна. Маттафия сразу почувствовал, что сейчас свершится расплата. Кто-то ударил посланца по руке, корона и браслет упали в песок к ногам Давида. Давид долго стоял недвижно, а потом скинул одежды и разодрал их. И все стали рвать на себе одежды и посыпать головы землей в знак своей печали. А сдержанный и повидавший много смертей военачальник Авесса зарыдал навзрыд.

Амаликитянин не уходил, он все еще ждал награды. И Давид сказал ему:

- Как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня! Твои мерзкие уста свидетельствуют против тебя. Ты думал, хитроумный, что я вознагражу тебя за эту весть? Что я жду гибели Саула? Ты получишь свою награду!

Давид говорил громко, яростно. Слишком яростно - это смутило тогда его, Маттафию. Все, что делал Давид, каждый его поступок - были бочкой с двойным дном. В тот миг Давид явно хотел, чтобы все услышали его.

Закончив слова свои, Давид повернулся к своему оруженосцу и повелел умертвить вестника печали. И одним ударом меча оруженосец поразил амаликитянина. И тот пал окровавленный и, умирая у ног Давида, он все тянул вздрагивающую руку к тому, от кого ожидал награды, и

Маттафия услышал, как сквозь смертный хрип прорываются слова: «Ты же хотел, ты же. И второй оруженосец прервал смертные муки ударом копья.

Тоска тогда охватила всех в стане Давида, и небо казалось темным и не шли в рот ни шекер, ни снедь. Хотя, казалось бы, пал гонитель, пал тот, из-за озлобленности которого приходилось скрываться в пещерах и в безводной пустыне, пал преследователь, и можно теперь вздохнуть свободно, и путь к престолу открылся Давиду. Но горе стерло обиды. Он, Маттафия, бродил как тень среди умолкшего стана, в разорванных одеждах, с головой, посыпанной пеплом. Горе его было безотраднo. Умер тот, кто дал ему жизнь, тот, о кем были связаны надежды всех сынов Израиля. Злые духи сломили Саула и ослабили руки его. Разве смогли бы поразить филистимляне этого могучего воина, если бы не было смятения в его душе. Господи, за что? - повторял тогда Маттафия. - За что? Первый царь Израиля и он поражен, пал на поле брани. Сыновья поражены вместе с ним. Нет и не будет теперь Ионафана. И казалось тогда, что кровоточит от их ран вся земля обетованная. И не было в стане Давида того, кто не оплакивал бы героев...

И уже после заката солнца услышал Маттафия звуки арфы, и необычайная печаль была в них, будто тонкими голосами плакали ангелы в небесных высях. Он, Маттафия, пошел на эти звуки. Будто вчера это было - звучат они и сейчас. А тогда увидел он склонившегося над арфой Давида. Маттафия остановился, скрытый тенью широколистного тамарискового дерева, и услышал рождение поминальной песни, которую и сейчас поют в дни тоски во всей земле Израиля. Песней этой оплакал Давид смерть царя Саула и сына его Ионафана - лучшего своего друга и бесстрашного заступника.

И не умолкает и по сей день, не забывается проникновенный голос Давида, и слышатся стоны его арфы. Прошло столько лет, казалось бы, прошла печаль и долго ли нужно горевать о мертвых, а вот вспоминаются слова, и тоской овеивает душу. Так печальна эта песня:

Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих!
 Как пали сильные!
 Горы Гелвуйские!
 Да не падет на вас ни роса, ни дождь - поле мертвых!
 Ибо там повержен щит Саула...
 Саул и Ионафан, исполненные любви,
 Не разлучились и в смерти своей.
 Быстрее орлов, сильнее львов они были.
 Дочери Израильские! Плачьте о Сауле!
 Он одевал вас в багряницу с драгоценностями,
 И привешивал к одеждам вашим дорогие украшения.
 Как пали сильные на поле брани!

Сражен Ионафан на высотах твоих!
 Скорблю о тебе, брат мой Ионафан!
 Ты был очень дорог для меня.
 Любовь твоя была для меня превыше женской любви.
 Как пали сильные!..

Давид пел тогда всю ночь. Пел, восхваляя подвиги Саула и Ионафана. Он был полон неподдельной скорби. А утром долго пришлось упрасивать его, чтобы послал людей отбить у филистимлян тела убитых. Его, Маттафию, он не хотел отпускать от себя. Он давно уже знал, что Маттафия подослан Саулом. Знал, но не подавал вида, что ему все известно. Тогда он, Маттафия, часто не понимал Давида - он и теперь остался неразрешенной загадкой. Каким он стал, трудно даже предположить. Кто он теперь? Что осталось в нем от бескорыстного песнопевца. Царь Израиля, подавивший восстание своего сына Авессалома, беспощадный и могучий царь. Можно ли ожидать от него помощи?..

Как изменилось его лицо, когда он понял, что может стать царем. Властность и жестокость сменили печаль. Тогда, казалось, нет препятствий. Ждали гонцов из Гивы, ждали приглашения. Не было иного мужа в Израиле, достойного занять место Саула. Но Авенир, военачальник Саула, решил по-иному, он был убежден, что скипетр власти не должен быть отнят у дома Саула, ибо остался в живых еще один сын Саула - Иевосфей. И Авенир прятал этого сына, бездарного и трусливого, будто и не от семени Саула был рожден этот горемыка, прятал его в городе Маханаиме за Иорданом. Сам же Авенир оставался в Гиве, в главном городе дома Саула. И остатки разбитого войска стягивались к нему. Иевосфей не смог бы управлять Израилем, это был бы позор для всего народа. Может быть, ему, Маттафии, надо было тогда срочно покинуть стан Давида и найти Авенира, и открыться во всем Авениру. Сказать: вот я - сын Саула и воин, я готов повести воинов за собой, я готов отомстить филистимлянам... Но это значило бы - встать на пути Давида, который никогда не отступал от задуманного, который уже надел на голову корону, принесенную амаликитянином. Ведь Давид был помазан на царство самим Самуилом, помазан много лет назад. Это открыли посланцы Давида упрямо Авениру. Но Авенир никого не хотел слушать, и над Израилем навис меч междоусобной войны.

Он, Маттафия, тогда понял, что опасно оставаться с Давидом, что Давиду не нужен человек, столь похожий на Саула. Смерть же Саула освобождала Маттафию от всяких обязательств перед царем. Поначалу он, Маттафия, рвался отыскивать тела убитых, но надо было спасать не мертвых, а живых. Гирзеянский мальчик нуждался в его защите, надо

было скрытно доставить его в свой дом, надо было вернуться к своему очагу, где его жаждали и Зулуна, и Рахиль...

Потом он долго не мог простить себе того, что занятый заботами о себе и своих домашних, оставил мысли о поиске тел убитых...

Потом Маттафия узнал, как издевались филистимляне над убитыми - они отсекали голову Саула, сняли с него оружие, и таскали тело по своим городам, воздавая хвалу своему богу Ваалу, и останавливались они возле своих идольских капищ, и в одно из таких капищ бросили они голову и оружие несчастного Саула. А потом повесили его тело и тела его сыновей на крепостной стене города Беф-Сана. И только люди из Иависа, из города, который когда-то спас Саул, решились ночью пробраться на крепостную стену и снять тела Саула и его сыновей. Это сделали простые жители. Сделали то, что не смог или не захотел делать Давид, который так и не послал воинов для поиска тел.

И в те дни Маттафия не мог ни на чем настаивать, не мог ничего просить у Давида, ведь он, Маттафия, был заслан в стан Давида, и все было не так просто объяснить. Как и сейчас очень трудно будет доказать Давиду, что никогда он, Маттафия, не был предателем, что все это наветы жестокосердного Иоава, что это Иоав бросил своих воинов, оставил их в ущелье одних без прикрытия...

Все это было много позже, и обретенное доверие Давида, и возвышения, и падения, и страшное время плена. А тогда, в дни гибели Саула, он, Маттафия, молча покинул стан Давида и вместе со спасенным гирзеянским мальчиком пробирался домой через Изреельскую долину. Он увидел тогда гору Гелвуй, где вся земля была пропитана кровью, а потом, перейдя мутные воды Иордана, достиг он города Иависа. Здесь в Иависе, незадолго до его прихода, были сожжены тела убитых - Саула и его сыновей. Ему указали то место, где под раскидистым дубом были погребены их пепел и кости. Он долго стоял подле этого дуба, держа за руку спасенного гирзеянского мальчика, но глаза его, Маттафии, не увлажнились слезами. И там он дал слово в душе своей - чтить память об отце, но никогда более не искать царских милостей и не соприкасаться с царской жизнью. И вот теперь он нарушил свой обет, он возвел себя в цари, возвел под пыткой и не оставил пути к отступлению. Он уже не может отречься от самого себя. Он готов к ответу за того, с кем столько лет сражался бок о бок, чья кровь льется в его жилах. Он, Маттафия, не боится суда, он сумеет доказать всем, что Саул был достойным царем своего народа.

Глава XI

Во дворец правителя была допущена только Рахиль. Зулуна и Бер-Шаарона грубо оттолкнули от входа стражники. При этом старика сбили с ног. Зулуна помогла подняться Бер-Шаарону, отряхнула его одежды от дорожной пыли и повелела ему отправляться в ее дом и не покидать его, пока она не вернется. Сама же Зулуна решила попытаться любыми способами проникнуть во дворец. Теперь предстояло выручать не только Маттафию, но и Рахиль. Силки соблазнов трудно миновать, и не помощь может оказать Рахиль, а стать еще одним препятствием, которое преодолеть будет невозможно.

Весь день до захода солнца, одолеваемая самыми мрачными мыслями, просидела Зулуна у дворцовых ворот в надежде увидеть Маттафию или услышать что-нибудь о нем и Рахили. Попыталась Зулуна проникнуть во дворец через ворота, в которые вывозили мусор, но и там была остановлена и обругана. Все попытки ее были тщетны. Уже совсем стемнело, когда она возвратилась домой. Ночью она спала каких-нибудь два часа и все же утром встала бодрой и полной решимости добиться своей цели. Она ушла из дома, не разбудив старика, прикорнувшего в углу, и не покормив козу и телицу. Стараясь улыбаться и напустив на себя беззаботный вид, подошла она к дворцовым воротам. Пожилой стражник полудремал, опершись на копье. Когда она приблизилась, он приоткрыл глаза и скользнул по ней безразличным взглядом. Даже для этого морщинистого и невзрачного человека она не представляла никакого интереса. Лет бы двадцать назад появившись она перед ним в своем любимом, обтягивающем тело платье с широкими вырезами для рукавов, он бы не стоял равнодушно, как не оставались равнодушными все мужчины в Вифлееме. Теперь надо было забыть прежнее, надо было не улыбаться, а говорить как можно жалостливей. У каждого есть мать или сестра, у каждого в сердце есть толика сочувствия к женщине.

- Мой господин, - сказала она, жалобно глядя на молчаливого стражника, -здесь во дворце мой муж и моя дочка. Мужа моего обвиняют напрасно, его принимают за другого человека, а дочка моя - так она решила представить Рахиль - хоть и красива, но еще неразумна. Сердце мое истомилось, а слезы иссушили глаза. Я хотела бы облегчить их участь или хотя бы узнать, что предстоит им. И я не могу уйти домой и там в неведении сидеть и страдать, множа свои печальные домыслы, открой мне ворота, мой господин...

Стражник молча слушал ее, но не рождалось сочувствие в его усталых желтоватых глазах. Не было наверное на лице земли женщин, любивших его. Но не теряла надежды Зулуна - ведь рожден стражник

женщиной, не из праха же земного вылеплен, ведь есть те, кто вскормили и взрастили его. И Зулуна опустилась на колени перед стражем и сказала проникновенно:

- Каждая мать, словно птица небесная, оберегает свое гнездо. Что может быть горше для нее, чем потеря тех, кого она взлелеяла. Ты слышал, мой господин, как пищит аистиха у разоренного гнезда, как она вопрошает небо о птенцах своих. Вот и я молю тебя: узнай, что ждет моих птенцов, прошу тебя...

Стражник, доселе молчавший, склонился к ней, взял под руку и сказал:

- Поднимись с земли, женщина, я не разорял твоего гнезда и я не могу покинуть свое место, ты напрасно зываешь к моей душе!

- Но ты можешь позвать своего начальника, я уверена, он добрый, он снизойдет к моим просьбам, я знаю, во дворце много добрых людей, позови его, прошу и заклинаю тебя, - взмолилась Зулуна.

- Здесь много начальников, хорошо, что ты веришь в их доброту, - усмехнулся стражник, - блаженны, видящие белые одежды даже тогда, когда они иного цвета.

Зулуна поняла, что все бесполезно, ей ничего не добиться. Она уже совсем отчаялась, когда послышались громкие голоса, и в воротах появился тот, кто, очевидно, командовал стражей. Вид у него был надменный, вышагивал он, словно гусь, и глаза у него были красноватые, как у всех, кто вливает в себя излишние чаши шекера. Зулуна стояла молча, опустив руки. Если бы у нее сейчас было много сребреников, все решилось бы просто, но она живет только тем, что возвращает свой сад, в доме давно нет кормильца - Фалтия, а те сикли, что когда-то прислал Маттафия давно исчезли, звон этих сиклей забыли стены ее дома. В городе-убежище все делается за мзду, нищему не добиться правды ни у судей, ни во дворце.

Она стояла молча, уже ни на что не надеясь, не вслушиваясь в разговор, который вел начальник со стражником. И вдруг в этом разговоре мелькнуло ее имя, это было невероятно, но имя повторилось. Начальник спрашивал: не появлялась ли здесь женщина, которую зовут Зулуна, и не знает ли стражник, где ее сыскать. И она встrepенулась, улыbнулась начальнику и сказала:

- Это я, Зулуна, мой господин, это я та женщина, которую вы ищете, это мой муж воззвал ко мне!

Начальник стражи вытянул шею, посмотрел на нее подозрительно и изрек:

- К тебе воззвал достойнейший из достойных - главный советник правителя Цофар, если он твой муж, тогда я египетский фараон, иди за мной, но сомкни свои уста, Цофар не любит, когда много болтают!

Зулуна закивала, стала широко улыбаться и, следуя за начальником стражи, вошла в душное помещение, пропахшее потом и шекером.

Здесь четыре воина в ожидании своей очереди заступления на стражу азартно играли в кости. Начальник стражи стал выговаривать им, что это сторожевое помещение и не предназначено оно для игр. Но стражники не обращали внимания на его слова, а продолжали кидать кости, и все их внимание было приковано к тому, что за число выпадет в очередной раз. И Зулуна догадалась, что тот, кто провел ее сюда, не такой уж большой начальник, может быть она приняла за начальника стражи простого посыльного. Человек этот молча удалился, видимо, пошел к советнику Цофару поведать о том, что женщина, которую ищет этот всесильный Цофар, найдена.

В сторожевом помещении ей даже не предложили сесть, никто не обращал на нее никакого внимания. Кому нужна пожилая, измученная годами женщина. Они ведь не знают, что ее ждет сам Цофар. Они ничего не слышат, кроме стука своих игральных костей. Один из стражников, судя по его подстриженной бороде, был из жителей арамейской земли, которые обитали здесь еще до исхода иврим из Египта. Нос и лоб его сливались, а подбородок был резко выпячен.

Двое других были хеттеянами - черные всклокоченные бороды, быстрые черные глаза, третий чем-то напоминал амаликитянина, но когда Зулуна попыталась заговорить с ним на родном языке, тот явно ничего не понял. И тогда она подошла к наиболее благородному из них, белокожему и рыжекудрому кенеянину. Он повернулся, когда она окликнула его, и когда задала свой главный вопрос: не видел ли он здесь красивой женщины по имени Рахиль, то кенеянин стал что-то припоминать: да, конечно, он ее видел, ее вели к верховному правителю Каверуну, да, она красива. В это время раздался дружный крик. Это выпали на костях две шестерки, и выигрыш пал на кенеянина. Он тотчас забыл про Зулуну и кинулся сгребать в свои ладони цветные камешки. Видимо, эти камешки заменяли стражникам деньги. Кенеянин, обрадованный выигрышем, отвернулся от Зулуны, все его внимание теперь занимали кости. Остальные трое стражников объединились против него и спорили с ним по любому поводу.

Но счастье переменчиво. Недолго кенеянин владел разноцветными камешками, несколько неудачных бросков - легли кости пустой стороной и теперь уже кенеянин оспаривал каждый бросок - ему не хотелось верить, что полоса везения кончилась.

Зулуна сидела всеми забытая, глаза ее увлажнились. Тоска охватила ее, она уже не следила за игрой, не вслушивалась в споры стражников. Когда душа ее совсем истомилась ожиданием, внезапно миг исчезли с досок камешки и кости, а только что азартно спорящие стражники молча

застыли на своих местах. Виною тому был вошедший сюда главный советник Цофар, строго оглядевший помещение и остановивший свой взгляд на Зулуне.

- Пойдем, посмотрим на того, кого ты считаешь своим мужем, женщина, - строго сказал он.

Она поклонилась и стала благодарить, но Цофар остановил ее, и она молча пошла за ним, стараясь сдерживать стук сердца и ничем не выдать своего волнения. Они шли по широкому проходу, соединяющему здание дворца с караульными башнями, спускались по каменным лестницам, несколько раз поворачивали, и ей показался бесконечно долгим этот путь, и она понимала, что обратной дороги для нее может и не быть, но смерть рядом с Маттафией не страшила ее.

И вот наконец открылись заветные двери, и она очутилась в просторной комнате, ничем не напоминающей темницу, однако, в комнате этой стояли четыре стражника с копьями. Распахнулись вторые двери, и она увидела еще одну просторную комнату и увидела Маттафию, который поспешно поднялся со своего ложа. Она рванулась к нему, но натолкнулась на его осуждающий взгляд и застыла посередине помещения. Маттафия вытянул руку с поднятой ладонью, как бы останавливая ее, и сказал, обращаясь к Цофару:

- Да ниспошлет Господь спасение тебе и забудет твои грехи, ты исполнил мою просьбу и привел эту женщину, чтобы я смог образумить ее и наставить на путь истинный.

Смысл сказанного не сразу дошел до Зулуны, захлестнувшая ее в первые мгновения радость сменилась смутным недоумением. Цофар отвернулся, давая понять, что их предстоящий разговор не интересует его.

Она смотрела на Маттафию, не отрывая глаз, перед ней уже не был узник, истязаемый мучителями, она увидела его таким, каким был он прежде - сильным и уверенным в себе. Это был ее Маттафия, мучители помиловали его, это был ее возлюбленный муж, но не спешил он заключить свою жену в объятия и ни единым движением не выразил радость от встречи с ней, Зулуной. И говорил он с ней, словно она была чужая ему.

- Не волнуйся, женщина, - сказал он, - вся наша жизнь состоит из потерь и обретений. Ты приняла меня за своего мужа, но присмотришься внимательней, все люди чем-то похожи друг на друга, есть множество людей на лице земли, повторяющих облик друг друга.

Маттафия говорил размеренно и спокойно, и Зулуна не сразу заметила, что он все время вертит пальцем в воздухе, словно пишет на невидимом пергаменте, и она перестала вслушиваться в его чуждые речи, теперь, следя за движениями его пальца, она стала угадывать незримые слова.

Он говорил о царстве Израиля, о том, что, возможно, у нее был муж, похожий на царя, что ей надо вслушаться в речи его, Маттафии, что надо довериться ему, быть внимательной, а палец его изображал в воздухе буквы, и буквы слагались в слова.

И в эти мгновения она возблагодарила в душе своей Господа за то, что в Вифлееме дано было ей познать смысл письменных знаков, когда и Маттафия, и Давид обучали ее. И скрываясь от злых глаз в потаенной пещере, при свете лампы помногу раз вырисовывала она буквы на пергаменте, пока рука ее не привыкла без усилия и раздумий выводить арамейские буквы и соединять из них слова, доверяя пергаменту свои мысли. Но сейчас волнение мешало ей сосредоточиться, и сначала она не все могла разобрать, но главное становилось понятным.

- Да, это я, твой муж Маттафия, - вырисовывал палец, - ты возлюбленная моя, благословенная между жен. Меня заставили признать, что я Саул, они хотят судить не меня, а Саула, и я желаю этого суда. Если ты признаешь во мне мужа, мы оба погибнем. Саула же спасет Давид. Пусть Фаптий все поведает Давиду. Береги себя и Рахиль, береги Амасию. Предупреди, чтобы и они не признавали меня.

Зулуне трудно было понять, что затеял Маттафия, но в жизни своей она привыкла во всем полагаться на мужа, она считала его не только самым храбрым воином на земле, но и самым прозорливым и умным. Он всегда побеждал своих врагов, он не раз спасал ее. И если он ищет защиты у Давида, то все продумал. Значит, нет иного выхода. Время все стирает. Он давно простил ее грех, ее минутную слабость.

Зулунa не сводила глаз с руки Маттафии, и вдруг палец замер, и она поняла, что Цофар повернулся, и теперь не только вслушивается в слова Маттафии, но и следит за каждым его движением.

Маттафия замолчал, и она начала говорить, торопясь поведать как можно больше, понимая, что в любое мгновение Цофар может прервать свидание.

- Да, ты похож на моего возлюбленного мужа, - говорила она, - я давно ждала его, я верю - с ним будет все хорошо, он вернется в свой дом, я передам сыну все, что заповедал мне муж, ради отца сын мой Фалтий сделает все возможное, и я скажу Рахиль, чтобы она образумилась, ибо дочь моя Рахиль здесь, словно в клетке. Прости меня, добрый человек, я так ждала мужа, так долго его не видела, так его люблю, что глаза мои, увидев в тебе сходство с мужем моим, обманули меня. И ты, господин мой, береги себя. Господь сохранит тебя, я буду молить всех богов за тебя...

- Храни и тебя Господь, женщина, и пусть Господь хранит и дочь твою Рахиль, не бросай в беде ее и сыновей твоих, да придет к ним удача, - сказал Маттафия, голос его потеплел, он низко поклонился ей и протянул

руку так, что пальцы их соприкоснулись, и это прикосновение словно обожгло Зулуну. Она вздрогнула, и слезы выступили у нее на глазах.

- Довольно, - прервал их разговор Цофар и сказал, обращаясь к Маттафии, - ты хотел увидеть эту безумную, ты во всем убедился. Цофар исполнил свое слово. Но не вздумай распускать свой язык!

И Цофар распахнул дверь и приказал стражнику выпроводить Зулуну. Бросив последний, полный любви взгляд на Маттафию, она стала пятиться к двери. Стражник подтолкнул ее и оскалился, его кривые зубы напоминали клыки. Ей стало страшно. В Цофаре ей увиделось тоже что-то звериное. Он напоминал гиену или лису - узкий вытянутый нос и круглые, злые бегающие глаза. И несмотря на властность какой-то испуг в них. Он боится Маттафию, догадалась Зулуна, все прислужники боятся царей. Они привыкли лебезить перед царями. Но почему Маттафия превратил себя в царя, понять она не могла.

Сопровождаемая стражником Зулуна шла медленно, постоянно озираясь, она молила богов, чтобы дали ей увидеть Рахиль. Ей надо было предупредить Рахиль о замысле Маттафии.

Зулуна медлила. Стражник недовольно бурчал за спиной. Длинные переходы закончились. Вокруг было пусто. Лишь в сторожевой башне по-прежнему переругивались воины, бросая кости.

- Иди, безумная женщина и больше не появляйся здесь! - крикнул сопровождавший ее стражник и приоткрыл ворота ровно настолько, чтобы она могла просунуться в образовавшуюся щель.

Она побрела по городу, палимому солнцем, стараясь унять волнение. Ей нужно было сосредоточиться, она должна была собрать все силы. Ей предстояло сделать все возможное, чтобы спасти Маттафию. Суд над Саулом не сулил благополучного исхода. Маттафия сам обрекал себя на смерть. Этого она не должна была допустить. Раньше она терялась, когда над ней сгушались тучи, она опускала руки, всегда знала, что есть муж, который защитит ее. Потом пришла пора одиночества, и она сама стала щитом для сыновей и Рахили. Годы скитаний превратили ее из робкой дочери главного охранника царя Агага в женщину, умудренную годами и умеющую постоять за себя. И теперь, когда наступали дни, в которые требовалось собрать все свои силы, она умела подавить и скрыть свою робость. Она убедилась, что в жизни нет безвыходных положений, что сдаются и гибнут те, кто посыпает голову пеплом и стенает, что боги помогают тем, кто борется за себя и спасаются претерпевшие все страдания. Она верила, что и в этот раз боги не оставят ее...

И добрая весть ждала ее дома, она услышала в саду звонкий голос Амасии и нежные переборы струн. Амасия играл на арфе. Беззаботный Амасия, словно молодой Давид, слагал свои бесконечные песни. Он еще ни о чем не ведал, завидя ее - прервал игру и сразу стал рассказывать, как

хорошо было на горных пастбищах, как полюбили его пастухи Каверуна, как пел он свои песни ночами у дорящих тепло костров. Он даже не спросил - где его мать, где Рахиль? И только много позже, заметив, наконец, что она, Зулуна, слушает его невнимательно, он замолк. И она, погладив его рыжие кудри, сказала: «Амасия, все надежды только на тебя...».

Он слушал ее, не прерывая. Зулуна знала, что он боготворил отца, но отец не был так близок ему, как Фалтию. Отец, который всегда неодобрительно косился на арфу, который заставлял метать копые и учил охотиться на лис. Он, Амасия, был слишком избалован ласками Рахили, ему надо было родиться девочкой. Все хорошо в свою пору. Теперь пришла пора стать женщиной, стать таким, как отец - воином, не боящимся крови.

Она сказала ему, что все надо срочно поведать Фалтию, что только тот сможет рассказать обо всем Давиду, и что в этом видит отец спасение. Амасия не сразу понял, что надо собираться в дорогу. Зулуна торопила его, она собрала ему суму, засунула туда сушеные финики и маслины. Он сидел растерянный, и глаза его увлажнились.

- Как же я оставлю родительницу свою? Как же я уйду, не увидев ее? - сказал Амасия. - Она ведь тоже в опасности...

- О ней я позабочусь, - успокоила его Зулуна, хотя и не могла представить, что может сделать, чтобы вызволить Рахиль из дворца. - Нельзя ждать, Амасия. Примкни к любому каравану, идущему в полуденные земли Иуды, Господь и боги амаликитян не дадут тебя в обиду, я молить их буду за тебя...

Он ушел после полудня, когда стали удлиняться тени, и Зулуна, проводив его до городских ворот и убедившись, что нашлись попутчики - торговцы, везущие ковры из Дамаска в долину четырех рек, возблагодарила богов своих и Всемогущего за посланную удачу. Она верила, что добрые люди помогут Амасии, ибо невозможно обидеть этого любящего всех отрока.

Сумерки опустились на город, когда она вернулась в свой дом. Надо было приготовить еду на завтра, она очень надеялась, что сумеет передать ее для Маттафии через стражников, надо было только достать сребреников, чтобы задобрить стражу. Она устало опустилась на циновку, на которой за годы одиночества провела не одну бессонную ночь. Она долго лежала, не смыкая век. В доме стоял полумрак, вечерний свет уже не проникал сюда, задержанный листвой деревьев. Но даже в полумраке она разглядела в углу серую сеть, раскинутую пауком. Всегда она поддерживала в доме чистоту и удивилась, что раньше не заметила паутину. Но встать не было сил. Пусть живет, думала она. Каждая тварь на земле хочет жить, и этот паук, затаившийся у истока своих нитей, тоже.

Казалось бы, он несет смерть, гибель всем, кто попадает в его липучие сети. Станешь вырваться - и паутина будет еще сильнее опутывать. Каждый рывок к свободе несет не освобождение, а еще более стягивает, пеленает нитями.

Но даже паук может принести спасение. В пещере под Вифлеемом, где она скрывалась от израильтян, тоже у самого входа паук сплел свою сеть, она хотела смахнуть нити, но что-то остановило ее. И вот настал день, когда паук спас их. Они услышали, как приближаются к пещере воины Саула. Маттафия вытащил спрятанный в пещере меч. Воины остановились у входа, но даже не заглянули внутрь. Один из них увидел паутину и сказал: «Здесь никого нет - видите, все оплел паук. Идем дальше...».

Пещера в горах под Вифлеемом - сколько связано с ней и горестей, и счастья. С вершины горы, скрывающей пещеру, был хорошо виден небольшой город - глиняные, побеленные дома, словно стадо овец разбрелись среди пшеничных полей. В отдалении от других стоял дом Иессея. Восемь сыновей послал ему Господь, и все они были хорошими помощниками в умножении богатств и достатка. Обширны были поля и велики стада, которыми владел Иессей, и не хватало рук в хозяйстве, потому нашлось в доме Иессея место и для Маттафии. Трудился он там усердно, с утра до позднего вечера, потом пробирался потайной тропой к ней, Зулуне, у которой была одна участь - ждать. И в этом ожидании таилось ее счастье, каждый миг встречи, каждое мгновение проведенное вместе с Маттафией, дарили ей тепло и любовь.

Маттафия обычно приходил, когда солнце клонилось к земле, он кричал у входа три раза, подражая удоу, и она выбегала ему навстречу. Они зажигали в пещере светильник, и наступал праздник. Маттафия всегда приносил вкусную еду. «Ты знаешь,- говорил он, - все в доме Иессея считают меня ненасытным. Думают, что я изголодался на чужбине, и подкладывают мне лучшие куски, говорят, чтобы я не стеснялся и ел досыта, а я беру снедь со стола и незаметно опускаю в суму». Он в тот год много говорил, он понимал, что ей нужна не только ласка, но и слова, что она истомилась от безмолвия, царящего в пещере.

Она в то время была еще совсем юной и никак не могла оправиться от испуга, вкравшегося в нее после кровавой ночи истребления ее соплеменников. Она таяла на глазах, мышцы ее слабели, она жила только его любовью. Она оплакивала своих родителей. Она не верила, что придет избавление, порой не хотела жить. Голос Маттафии возвращал ее к жизни. Он обещал, что никогда не покинет ее, говорил, что никому не дано истребить целый народ, что, возможно, и отец, и мать ее избежали смертной участи, и что в ней дано продлиться ее народу. Они старались

говорить вполголоса, и очень испугало их то, что воины нашли эту пещеру, и только случайно, благодаря пауку, не заглянули внутрь.

Приближались холодные месяцы, и надо было что-то предпринимать. Тогда в их жизни появился младший сын Иессея - Давид. Он подружился с Маттафией и так возлюбил его, что не хотел расставаться, и по вечерам всякий раз Маттафия скрывался от него, чтобы добраться в пещеру.

И дружба его с Маттафией становилась помехой, и каждый раз все труднее было скрываться от него. И однажды случилось то, чего Маттафия так опасался. Он не заметил, что Давид идет следом, и когда уходил от нее в темноте наступившей ночи столкнулся с Давидом, который терпеливо ждал своего старшего друга. И пришлось Маттафии открыться Давиду, и обрели они спасение через Давида. Спасение, обернувшееся потом страданиями. И только богам известно, зачем свели они их на земных путях. Казалось теперь, что все это в прошлом. И имя Давида истерто из памяти. И вот теперь надо опять искать у него спасения. Маттафия должен понимать, как время меняет людей. Трудно представить каков сейчас царь Давид, о котором рассказывают всякие ужасные истории. Разве можно было тогда, в Вифлееме, даже подумать, что этот нежный и рыжекудрый отрок станет грозой всех земель. Тогда им казалось, что он послан богами.

В темной и сырой пещере появился ангел, у него, действительно, был ангельский лик, она не встречала в своей жизни более прекрасного отрока - кудри ниспадали на широкий лоб, голубые глаза светились неземным огнем. Он приносил в пещеру арфу, и сладкозвучные переливы, рождаемые струнами, уносили в другие миры, возвращали потерянный рай и раздвигали мрачные своды пещеры. Давид не только извлекал чудесные звуки из струн, он сам слагал песни - псалмы, благословляющие все сущее на земле. Зулуна оттаивала, темные мысли покидали ее, хотелось остановить время...

Давид поклялся, что никому не поведаст о тайной пещере и сдержал свою клятву. Теперь они вдвоем заботились о ней, и от обильной еды тело ее стало наливаться, и округлились бедра ее. А когда ночи стали холодными, и выпал однажды снег вперемежку с дождем, сказал Давид, обращаясь к Маттафии:

- Откройся отцу моему и введи Зулуну в наш дом, пусть примет она веру наших отцов, и объявишь ты ее своей женой, и не нужно будет таиться !

Были они спасены тогда добросердечным Давидом. И никто в доме Иессея не приставал с расспросами о прошлом, когда пришла туда и обрела свое место в одной из пристроек, которая после сырой пещеры показалась ей дворцом.

Маттафия поведал Иессею о многом, но не обо всем. Узнали в доме Иессея, что спас Маттафия Зулуну, и что истреблено ее племя. Но не назвал он племя и не сказал, что она амаликитянка. Все сострадали ей и были так добры, словно она была их дочкой, некогда утраченной и вновь обретенной. И свадьбу помог устроить добрый Иессей, заколол он четырех баранов, и играл на арфе Давид, и всю ночь веселились в Вифлееме и старые, и молодые. И были поднесены щедрые дары. Выручили добрые люди - и одели, и обули. А потом помогли построить дом. Трудились три дня без отдыха сыновья Иессея, месили глину, делали кирпичи, строгали стропила, и больше всех старался юный Давид, хотя и трудно было ему тягаться с опытными братьями. И говорили ему братья: «Это тебе не на арфе брэнчать!». Опыта у него не было, но сноровка была, все он схватывал на лету, и глаз он не спускал с нее, Зулуны. Она готовила тогда для всех чечевичную похлебку в большом котле и ей нравилось смотреть, как поработавшие вдосталь, уставшие мужчины, отерев с ликов пот, едят ее вариво.

Быстро тогда обжили дом. Давид почти каждый вечер приходил к ним. С Маттафией он был неразлучен. Вместе ходили на охоту. Давид все более мужал и крепили его мышцы. Маттафия не уставал хвалить своего юного друга. Золотистая, дарящая тепло шкура убитого Давидом льва была принесена в дар ей, Зулуне. Это были счастливые дни...

И все же иногда она впадала, как и прежде, в мучительную тоску, и слезы душили ее, печалая сердце. Как будто предчувствовала, что не дано долго длиться счастью. Ее все время тогда преследовал страх - а вдруг обнаружится, что она из рода Амагтика, и те, кто ласков и добр с ней, те, кто мирно живут рядом, озлобятся и умертвят ее. И когда она почувствовала, что в ней зародилась другая жизнь, что будет, наконец, желанное дитя, страхи эти еще больше усилились. Но родился Фалтий, и она стала самым счастливым человеком.

И Маттафия полюбил своего первенца и не отходил от колыбельки, все играл с маленьким сыном. И Давид тоже возлюбил ее дитя и мастерил для мальчика свистульки из глины. В наступившие холодные вечера подолгу сиживал Давид в их доме, вместе с Маттафией приносил дрова и сухой помет для очага, выдελывал шкуры, дубил их в настое коры. И часто встречала она взгляд Давида, полный любви и нежности, и была уверена тогда, что чисты помыслы рыжекудрого отрока, еще не познавшего женских ласк, что любовь его братская, ведь был Маттафия для него дороже любого из родных братьев. Умел Давид всех развлекать, играл на арфе, знал много занятных историй...

И видя, что она, Зулуна, все еще чувствует себя чужой в Вифлееме и, узнав от нее, что из другого племени она, говорил Давид, что нет среди сынов Израиля тех, кто мог бы поклясться - не смешаны в нем крови иных

племен. Издавна брали в жены потомки Авраама и дочерей Моава, и дочерей Амалика, даже из Египта приводили себе жен. И поведал Давид, что были в его роду моавитяне, и никто не озлобился за это на их род. И рассказал Давид то, что слышал от отца своего, мудрого Иессея. Как совпадал этот рассказ с тем, что слышала она от Маттафии! Так же тяжело скитались прародители Давида по чужим людям, как и Маттафия с его бедной матерью. Но тех, в отличии от матери Маттафии, претерпевшей страдания за любовь, гнал по Ханаану голод...

Прародитель Давида Елимелех ушел из Вифлеема в голодные годы со своей женой Ноеминой и двумя сыновьями, ушли они в моавитанские земли. И сыновья Елимелеха в стране Моава взяли в жены моавитянок. Прошли годы, и умерли сыновья, и умер Елимелех, и пришла пора возвращаться Ноемины к народу своему. И жена одного из умерших сыновей Руфь Моавитянка не покинула старую женщину и пошла с ней, и сказала: «Куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить, народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом!». Тяжело им было в скитаниях. Давид рассказывал о страданиях женщин среди чужих людей. Нелегко им было скитаться по земле, питались они зерном, оставшимся в полях после жнецов, да подаяниями...

Маттафия тяжело вздыхал, слушая Давида, вспоминал свое детство. И сказал он Давиду:

- Повторяются страдания людские и нет им конца. И почему Бог не создал один народ и не наделил людей одним, понятным для всех языком!

Она тоже об этом часто думала, ведь был же первый человек Адам, он дал имена всему на земле, он придумал слова на одном языке, все мы - его потомки, почему же не понимаем друг друга?

Давид пытался все объяснить. Он знал о многом, читал пергаменты, хранящиеся у левитов.

- Виновны во всем сами сыны человеческие, - поведал Давид. - Бог создал Адама из тлена и праха, и язык дал ему единый. Но потом гордыня обуяла сынов адамовых, вздумали они узреть Всемогушего, стали строить башню, чтобы достигла она высотой своей обитель Божью. И чтобы прервать их дерзкий замысел, смешал Господь все племена и народы, наделив каждый народ своим языком, и перестали люди понимать друг друга, и не достроив башню, рассеялись по земле...

Давид знал много старинных сказаний, и когда говорил, то весь как бы распаялся, старался, чтобы представили его рассказ, и больше всего он хотел привлечь к себе внимание ее, Зулуны. А она тогда еще ни о чем не догадывалась. Но слушать Давида она любила...

И этот его рассказ про Руфь не раз просила повторить. Ее волновала судьба покинутой женщины. Сколько ей пришлось пережить этой прародительницы Давида! Попала она на поле почтенного Вооза из колена

умершего мужа Ноемины, и был в том замысел Божий, ведущий к спасению. Вооз покровительствовал женщинам и полюбил Руфь всей душой. Стала Руфь женой Вооза и родила ему сына Овида, и от этого сына и рожден был потом отец Давида, всеми уважаемый Иессей. И никто никогда не винил Иессея в том, что произошел его род от моавитян. Руфь была даже не простой моавитянкой, а дочерью всесильного царя моавитянского Эглонга. От всех богатств она отказалась ради матери своего мужа. Мать Давида тоже была из знатного рода, из колена Иуды. Предок ее Аминодав прославился еще при бегстве из Египта. Когда народ, ведомый Моисеем, подошел к Тростниковому морю, Аминодав первым бросился в бушующие воды, и воды те расступились, обнажив дно, и все двинулись вслед за Аминодавом, а когда прошел последний из беглецов, и египетские колесницы двинулись через море, волны вновь хлынули и сомкнулись воды над фараоновым войском...

Хорошо, что хранил Давид память о прошлом, напоминал он всегда все, что слышал от праведных людей, что смог вычитать на пергаментных свитках...

Род Давида был могущественным в земле Ханаанской, умножилось колено Иудино, во всех землях были у Давида друзья и родственные семьи. Гордился Давид тем, что заранее, по его словам, было предназначено Господом, что скипетр не отойдет от Иуды. Этот сын Иакова основатель многочисленного колена, тоже претерпел многие тяготы. И воинственен был, и страдал, и грешил. Но не отвернулся Господь от него. Женился он на дочери хананеянина, вот откуда рыжие кудри и голубые глаза у Давида. Три сына родились у Иуды - Эр, Онан и Шела. Женился Эр на прекрасной женщине - Фамарь ее имя - любил ее до беспамятства, от великой любви семя ронял раньше, чем достигал ее лона, и умер он от любви.

Когда услышал об этом Маттафия, не поверил, сказал, что, верно, был тот Эр не мужчиной. Как сказать, возразил ему Давид, есть много людей, которые считают Эра святым человеком, и называют их эротики. Ответ Давида тогда пришелся по душе Зулуне, она всегда мечтала о необычной любви. Конечно, Маттафия любил ее, он был сильный и был неутомим на ложе любви, но порой мог он и сказать грубое слово, и тогда подступившие сладость и томление обрывались.

Давид же умел говорить о любви, предки его передали в крови своей ему нежность. Ведь любовь это не только соитие для продолжения рода, любовь, когда готов отдать жизнь за возлюбленного своего, когда тепло разливается по телу от одной мысли о нем. Любовь всегда приносит не только радость, но и страдания. Так было в роду Иуды.

Когда Эр умер, поведал Давид, чтобы продлился род, Иуда женил на Фамари своего другого сына Онана. Онан не любил Фамарь, он не хотел

сына от нее, он изливал свое семя на землю. Господь за это умертвил Онана. Младший сын Иуды Шела был еще мал, надо было ждать, когда он подрастет, чтобы женить его на Фамари. Жена у Иуды в то время умерла. Род мог прерваться. И тогда Фамарь ушла из дома, и закрывшись покрывалом, села у городских ворот на месте блудниц. Иуда, не узнав ее и приняв за блудницу, повел за собой и овладел ею, пообещав в уплату за соитие козленка, а в залог оставил печать, перевязь свою и трость. Фамарь переделась в одежды вдовы и вернулась в дом Иуды, а через несколько месяцев сказали Иуде: Фамарь, невестка твоя, впала в блуд и вот беременна от блуда своего. Иуда решил сжечь ее за этот грех, и когда ее вели на костер, она показала ему печать, перевязь и трость. И он сказал - она правее меня. И родила Фамарь близнецов - Фареса и Зару, вот от них и умножилось колено Иудино...

От Давида узнала Зулуна о всех двенадцати коленах Израиля, о сыновьях Иакова, о возвышении в Египте проданного в рабство братьями сына Иакова - прекрасноликого и мудрого Иосифа. Она, Зулуна, даже плакала, когда Давид рассказывал, как в годы голода пришли братья Иосифа за хлебом в Египет, просили хлеба у того, кого предали и считали погибшим, а он, Иосиф, вышел в другую комнату, чтобы не увидели слез на его глазах.

Многое поведал Давид о далекой стране фараонов, о возвышении Иосифа, умеющего разгадывать сны фараона и спасшего египтян от голода. Семь тощих коров увидел во сне Иосиф, что означало семь голодных лет, и уговорил фараона заготовить хлеба в закромах его... Был он провидцем, этот Иосиф, таким же, как и Давид, который тоже умел разгадывать сны. Голос Давида в те годы преследовал ее, Зулуну, даже в снах ее слышался этот чарующий голос молодого Давида, но никому не рассказывала она об этих снах. Манящ и напевен был этот голос и звал ее за собой, и снился ей крутой обрыв, и надо было решиться прыгнуть вниз, потому что мчались на нее филистимлянские колесницы, и она просыпалась, так и не сделав последнего шага в бездну...

Но еще более манили ее переливы звуков, издаваемые флейтой. Извлекал из нее Давид дивные трели. Он был искусен в игре на флейте не менее, чем на арфе. Арфу он смастерил сам, такой арфы не было ни у кого в Вифлееме, и так умело он перебирал струны, что казалось тогда Зулуне - сидит она в райском саду и ноги ее ласкает сверкающая на солнце вода, сбегающего с гор ручья, и теплоло ее сердце и наполнялось любовью. И когда уходил Давид, посылали боги ей ночи страсти, сжимал Маттафия ее в своих объятиях, и не знали они усталости на ложе своем, были едины тогда, будто сливались не только их тела, но и души. И казалось тогда, так будет длиться вечно, и никто не сможет разъединить их сердца.

Так начиналось все, а потом стал задумчив Давид, и заметила она, что переменялся он после того дня, в который посетил Вифлеем пророк Самуил. Ужас и трепет вызвало его появление у Зулуны. Этот костистый высокий старик с гноющимися глазами словно поднялся из бездны Шеола. Из-за него, это она всегда помнила, начались ее страдания, это он повелел истребить амаликитян царю Саулу, это он сам разрубил царя Агага, взятого в плен Саулом, из-за него она лишилась своих родителей... В день прихода Самуила Маттафия спешно увел ее, Зулуну, на далекое пастбище, опасаясь, что угадает прозорливый старец в ней дочь амаликитянина и обречет ее на гибель.

И не знали они с Маттафией тогда, о чем говорил пророк в доме Иессея, из всех домов Вифлеема избрал он только этот дом. И молчали, ничего не говорили о его словах сыновья Иессея, и хранил свою тайну Давид. Это потом, уже после смерти Саула, узнал Маттафия, что в тот день помазал пророк юного Давида на царство, это теперь она уже осознала, что помазанье это стало началом противостояния великого пророка и царя Саула, вышедшего из его подчинения. И было ли избрание Давида велением Господа или это была прихоть пророка - кто может знать. И хотя верила она, Зулуна, в единого Господа Израиля, как и в своих богов, но был иногда страшен он ей и непонятны были его замыслы. Неисповедимы были его пути. Почему отошел он от Саула, почему дал злым духам овладеть душой первого царя, не мог объяснить даже Маттафия. Да и Давид всегда молчал, когда заходила речь о Самуиле. Уже в то время, в Вифлееме, догадывались Зулуна с Маттафией, что мучит какая-то тайна Давида. Но не пытались выведать эту тайну. Догадывались, сколь велика она, и как страшит Давида. И старался Маттафия развеселить своего юного друга. Чаще стали они вдвоем удаляться в горы, ловили там рыбу в быстрой реке, метали копья, охотились на медведей и львов, стреляли из луков. И словно предчувствовал Маттафия, что кончается мирная жизнь, и ждут его и Давида бесконечные войны, в которых нужны твердые руки, острый глаз и охотничья смекалка...

Их спокойная жизнь в Вифлееме оборвалась в одно несчастное утро звуками шофара, то трубили царские посланцы, и тихий Вифлеем сразу превратился в шумный разбуженный улей, а узнав царский приказ, смолк и затих в преддверии расставания со своими сыновьями. Собрали старейшины всех, кто мог стать воином по годам своим и по силе своей, и у городских ворот тянули жребий мужчины. И выпал жребий Маттафии нести царскую службу, и как она, Зулуна, не металась, как не упрашивала вербовщиков отступить и не брать Маттафию, ибо на руках у нее было малое дитя и не было у нее другого кормильца - никого не разжалобили ее слезы, остались царские посланцы неколебимы и еще подсмеивались над ней, что, мол, с такими глазами и с такой пышной грудью она быстро

найдет замену. Упрашивала она Иессея, просила вступитья, но тому было не до нее, своих сыновей стремился он уберечь. Завлек вербовщиков в дом, заколол двух баранов, но тщетны были его усилия. Не отстоял Иессей не только своего работника Маттафию, но и сыновей своих не уберег. И был в те дни плач в Вифлееме, и опустели дома. И в доме Иессея остался один Давид, но не долго был он помощником отца в поле и на пастбищах. Спустя месяц прислали за ним гонцов из Гивы, и виной тому стала арфа Давида, донесли царю об его искусной игре, и был призван Давид услаждать своей игрой самого Саула.

Правда, скоро он возвратился, ибо пришла весть о близящемся нашествии филистимлян, и возвращен был Давид в Вифлеем, а его старшие братья и Маттафия вместе с другими воинами двинулись в горы, в сторону городов Сохо и Азека, чтобы сыскать себе славу или погибнуть, но не уступить земли Ханаана филистимлянам.

Давид был тогда в Вифлееме один из самых желанных женихов. И очень желал Иессей, чтобы обрел свою судьбу сын, и подыскал даже ему невесту из рода Заватеева, скромную и работающую, но Давид не внимал советам отца. Бродил Давид по городу мрачнее тучи, и оживлялось его лицо только тогда, когда он видел ее, Зулуну. Всякий раз поджидал он на путях, известных ему. Знал, когда ходила к роднику, знал, когда работала в дальнем саду, собирая смоквы и оливы. И каждый раз он смущался, и даже на расстоянии чувствовала она, как бьется его сердце. Но в дом к ней войти он не решался до тех пор, пока не послал для Зулуны сушеные финики и мед добрый Иессей. Давид принес эти дары и встал посередине комнаты, боясь сделать какое-либо движение. И так, стоя недвижно, рассказывал как невыносимо тяжело ему было играть для царя, как страшен бывает Саул в гневе своем, как швырял даже в него, Давида, копье. Наверное, он хотел вызвать жалость своими рассказами, а вернее всего - плел свою сеть, и она попалась, пожалела его тогда. Пожалела отрока, которого, по его словам, желали познать грубые воины в Гиве, и который еще ни разу не вошел в женщину. Какое затмение нашло на нее тогда - этому нет объяснения, и нету прощения даже по сей день, ибо единственная та ночь разбила жизнь ее, и едва не потеряла она, Зулуна верного своего мужа Маттафию...

А в тот злополучный вечер засиделся Давид у нее в доме и вспоминали они беззаботное время, когда перегоняли овец на летние пастбища и по ночам пели вместе с Маттафией у костра псалмы, сочиненные Давидом. И пока они все это вспоминали, уснул маленький Фалтий, и чтобы не тревожить его сон, она не зажигала лампаду. И было все в призрачном полумраке, и положил Давид руку к ней на колено, и она не оттолкнула его... Неумело ткнулся он губами в плечо, потом целовал все тело, и страстное его желание передалось ей, и она уступила ему. Был

тогда разбужен ими маленький Фалтий, он встал в своей зыбке, и она с ужасом поняла, что смотрит он на нее молча и злобно, и раскаяние сразу комом подступило к горлу, и она уже не слушала слов любви, которые шептал Давид, и стоны его, когда излил он семя свое, не слились с ее стонами...

Первым догадался, что происходит с Давидом, его отец мудрый Иессей. Встретив как-то сына вместе с Зулуной, выговаривал он долго Давиду за безделье, о котором якобы твердят все в Вифлееме, а потом сказал:

- Маттафия, добрый друг твой, с мечом в руках не щадит живота своего, братья твои в воинстве Саула в долине Ефес-Доминской стоят в ожидании кровавой битвы, в которой головы могут сложить. Давно уже не вкушали они домашней пищи, соберись в дорогу, снесешь еду, чтобы подкрепили они силы свои. И еще снесешь сыры их тысяченачальникам, пусть благоволят к братьям твоим. И от Зулуны возьми, что приготовит она мужу своему.

Не стал Давид отнекиваться тогда от отцовского поручения, воспринял все это радостно, будто чувствовал, что там, в Ефес-Доминской долине, обретет он великую славу. Зулуна тоже обрадовалась, что он уходит к войску, собрала передачу для Маттафии и сказала Давиду:

- Не ищи больше встреч, Давид, прельстил ты меня, словно демон зла, грешна я перед всеми богами, и если узнает обо всем Маттафия наложу на себя руки, а если ты сболтнешь ему о нашем грехе, то и тебе не жить на земной тверди. Возьми узелок для Маттафии и скажи ему, что буду молиться за него денно и нощно, что люблю его... а все, что было между нами ты забудь. Другие стези предстоят тебе, будут у тебя и другие женщины, и будет их много, ибо сладкозвучен ты, а женщины любят сладкие речи... но я тебя видеть более не хочу!

С умыслом подбирала она тогда злые слова, хотела отвратить отрока, разрушить его любовь. Но ничто не проходит бесследно и нету тайных грехов, которые не становятся явными, все видят боги - и наказывают грешников душевным томлением и смертными болями. Обо всем догадался тогда Маттафия, да и она не умела еще ничего скрывать. Это годы научили ее тому, что язык человека бывает причиной бесчестия и причиной падения, и мудрый тот, кто умеет скрывать свои чувства и мысли...

После того случая стала реже говорить она с Маттафией, не раскрывала перед ним душу свою. Но любила по-прежнему, а может быть и крепче. Любила и ждала. И теперь готова была жизнь свою за него положить, и твердо решила -погибнет Маттафия и ей не жить. И чтобы спасти его, готова была поклониться не только Давиду, но и любому

демону. И росла в ней уверенность, что в этот раз Давид не отвернется от них...

Пробудилась она рано, с первыми лучами солнца, когда она вышла в сад за водой к колодцу, вырытому Фалтием, обильная роса еще лежала на травах. Она поставила воду на очаг, чтобы сварить для Маттафии любимые его креплахи. И стала думать, как передать их, как проникнуть во дворец еще раз. И сердце ее сдавила тоска, и не видела она счастливого исхода. Зачем Маттафия назвался Саулом? - не могла она понять. Зачем сам сплел вокруг себя паутину, теперь будет запутываться еще сильнее в ее липких нитях, и чем сильнее будет вырываться, тем крепче его повяжут. Каверун безжалостен. И если уличит во лжи, тоже не будет спасения. Захочет ли Давид спасти Маттафию? Кто он теперь Давид? Прорвется ли Фалтий к нему? Почему Маттафия решил, что Давид придет на помощь? Никогда не обращался Маттафия за помощью к всеильному царю, никогда не напоминал тому о прошлой дружбе, никогда не простил ее грех. А после того, как поверил Давид, что Маттафия предал воинов - о чем может идти речь? И все же Маттафия переступил через себя. Спасая честь Саула, готов на все. О себе надо думать, не о Сауле...

И она, Зулуна, виновата во всем. Надо было добиться решения судей, а потом звать его. Казалось, что нет препятствий. Но проклятое сходство с царем - вот к чему привело... Как она мечтала, что заживут они спокойно в городе-убежище, как ждала его возвращения! Да, видно, не простили ее боги.

И не заметила она, обеспокоенная своими мыслями, как неслышно вошел в дом нищий старик Бер-Шаарон. Стоял он за ее спиной, вдыхал ароматы, которые шли от пряностей, добавляемых ею в котел, где уже всплыли готовые креплахи. Обернулась, увидела его, но сесть не предложила, собрала лепешек, смазала их жиром, протянула в его руки и сказала:

- Ты прав был, Бер-Шаарон, ты прав - это не муж мой Маттафия пойман стражниками, а царь Израиля Саул...

Глава XII

Глашатаи с утра протрубили в шофары, возвещая народу о большом сборе. И повторяли повсюду глашатаи, что виновный в кровавых злодеяниях царь Израиля жестокий Саул предстанет перед справедливыми судьями города. И было всем объявлено - явиться на холм Рамарука - бога, оберегающего город, и еще призывали глашатаи тех, кто может

свидетельствовать против Саула, не опасаясь мести поверженного царя, обличать смело его злодейства.

День был солнечный. Судьи, первыми появившиеся на холме, заняли места в тени священной пальмы у жертвенника. Жаждающие зрелищ обитатели города расположились полукругом у подножья холма. Сидели на камнях, на принесенных с собой деревянных чурбаках и подстилках, а то и просто на траве. Были прочитаны благодарственные молитвы на арамейском, амаликитянском и на языке иври, и в каждой восхвалялись свои боги за то, что ниспослали на город благодать и отдали в руки судей того, чьи деяния породили злые духи.

И когда взошел на холм Маттафия, ведомый стражниками, трепет прошел среди собравшихся. И облегченно вздохнули все, когда объявил один из судей, что не будет пощады убийце и что настал день отмщения.

Маттафия стоял, подняв голову, глядя поверх толпы туда, где за торговыми рядами в зелени садов скрывался дом Зулуны. Она писала ему об этом месте, писала, что оно недалеко от холма Рамарука. Он не понял, кто такой Рамарук. Он думал, что в городе-убежище поклоняются одному Богу. Два рослых стражника, стоящие рядом с обнаженными мечами, не сводили с Маттафия глаз.

Долго не начинали, ждали верховного правителя. Каверун так и не появился, прислал вместо себя своего советника Цофара. Главный советник Цофар небрежно кивнул судьям, вскинул голову и, подняв руку, произнес:

- Злодеяния, свершенные на лице земном, не проходят бесследно и безнаказанно. Кровь праведников взывает к нам, кровь невинно убитых вскипает в подземном царстве, тени замученных замерли в ожидании. Сейчас мы начинаем справедливый суд. Рамаруку угоден этот суд. Пусть каждый, кто может свидетельствовать против Саула, даст знак судьям - и всем будет дано право вскрыть злодеяния бывшего царя!

Эти его слова сопровождал удар в медные тарелки и пронзительный звук трубы, объявляющие о начале судилища. И когда все смолкло, поднялся старейшина судей Иехемон. Несмотря на преклонные годы Иехемон обладал звучным голосом. Он забрался на большой камень, чтобы его все видели. К нему подбежали стражники, чтобы помочь ему стоять на этом камне, Иехемон отстранил их. Он потерял свою ключковатую седую бороду, взгляд его остановился на сидящем в первых рядах бывшем начальнике стражи Арияде.

- Позор страже, допустившей в город злодея, - сказал Иехемон, сделал паузу, наслаждаясь растерянностью Арияды, и продолжил, - и хвала страже, разоблачившей злодея...

Собравшиеся шумно переговаривались между собой, их не интересовало, кто и как пропустил Саула, им нужна была голова Саула, многие были уверены, что сразу начнется казнь, и торопили события.

- Подтверди народу, кто ты есть? Ты царствовал над Израилем? - строго спросил Иехемон у Маттафии.

- Ты сказал и да будет так, - спокойно ответил Маттафия.

- Скажи, - продолжал допрос Иехемон, - почему ты избрал для себя нашу крепость, разве неведомо было тебе, что здесь обитают не только иврим, что здесь нашли обитель гонимые тобой и амаликитяне, и аммонитяне, и герзияне! Ты думал - они пощадят тебя, что они все забыли?

- Царь, давно потерявший власть, может ли считаться царем? Он становится одиноким путником на лике земли, он становится гонимым, и почему город, укрывающий гонимых, не может стать и его городом? - сказал Маттафия и вновь посмотрел поверх голов туда, где должен был стоять дом Зулуны, так и не ставший его домом. Он ждал и опасался ее появления. Но женщин среди собравшихся не было. Очевидно, понял он, женщин не допускают на судилища, и это успокоило его.

- Язык твой сохранил свою лживость, - вмешался Цофар, - нам ли выслушивать твои путаные измышления. Сегодня тебе лучше молчать. Ты весь в крови, она проступает на лике твоём!

Цофар, не сумевший переубедить правителя, жаждал закончить суд как можно быстрее, он продолжал опасаться Маттафии, он полагал, что судьи потребуют немедленно казни, со многими из них он успел переговорить и был уверен в быстром исходе суда.

И действительно, сразу раздалось несколько голосов, требующих скорой казни, и поддержали эти голоса собравшиеся, кричали со всех сторон:

- Пусть ответит за кровь! Смерть убийце!

Иехемон поднял руку, призывая всех к спокойствию.

- Отвечай, Саул, - сказал он, когда голоса нетерпеливых стихли, - на что надеялся ты, когда шел в наш город-убежище? У тебя есть здесь сообщники? Кто открыл тебе тайные дороги к городу?

Маттафия вздохнул, расправил плечи, он стоял здесь один против всех. Он должен был смирить себя, он не имел права повышать голос, и он начал говорить тихо и смиренно, словно кающийся грешник.

- Простит меня Господь, - сказал он, - годы скитаний и годы войн истомили меня. Я был наслышан, что есть на земле Ханаанской обитель для тех, кто не хочет обнажать свой меч, кто гоним. У меня нет здесь сообщников, никто не указал мне дорогу. Я не раз сам судил себя за прошлые грехи и готов ответить за все деяния Саула, я прошу со спокойствием выслушать меня, я докажу вам, что царь Саул радел за

народ. И я прошу поверить словам тех свидетельствующих, кто сам видел то, о чем хочет поведать...

- Довольно плести паутину слов, уста твои лживы и лукав язык царский, - прервал его Иехемон под одобрительный гул собравшихся, - свидетелей нечестивости и мерзости твоей будет столько, что ты ужаснешься и сам будешь просить скорой казни. И первыми, кто обличит тебя будут амаликитяне!

Старейшина амаликитян, коренастый, заросший гривой седых волос, с трудом взошел на холм, опираясь на увесистый посох. Отдышавшись, он ткнул посохом в сторону Маттафии и плонул.

- Будь ты проклят гнусный злодей, - крикнул старейшина амаликитян,- я обличаю тебя от имени всех умерщвленных! Клянусь всемогущим Рамаруком, слова мои будут только на стезях правды. Я благодарен богам, что дожил до этого дня! Да свершится правый суд и будут отомщены невинно убиенные! Судьи города, справедливейшие из справедливых, народ наш, сыновья Амалика жили на полуденной земле и мирно пасли свои стада, и первыми никогда не обнажали мечей, и не натягивали тетиву своих луков! Я был молод тогда, в те страшные дни, в которые лишены были жизни своей мои соплеменники.. Я еще не мог держать меч и бросать копье, я был бессилен. Моего отца разрубили надвое, мою маленькую сестру растерзали на моих глазах, вдоволь натешившись и надругавшись над ней. Воины Саула напали на нас внезапно, они вытаскивали из шатров мирно спавших там и вонзали мечи в живот. Самые страшные кары малы для убийцы целого народа! Его надо побить камнями немедленно, чтобы не узрел он следующего дня. И если есть здесь его сторонники, то надо выявить их и предать смерти! И со всех сторон закричали бывшие здесь амаликитяне:

- Смерть убийце! Смерть за кровь нашу!

Едва успокоил их старейшина судей Иехемон. И сказал он:

- Суд наш справедлив и покарает убийцу, но, возможно, кто-либо из сынов Израиля хочет защитить своего царя, мы должны услышать все мнения...

Но напрасно Иехемон взывал к собравшимся, если и были здесь сыны Израиля, то не собирались они открыто защищать Саула, опасаясь гнева амаликитян.

И тогда взошел на холм Элгос, главный священник Рамарука, возглавлявший жертвы на алтарь всежжения и умевший по звездам определять волю богов. И смолкли сразу все голоса, ибо не часто позволял Элгос раскрываться своим устами в присутствии многих и не было другого человека в городе-убежище, кто бы знал все прошлое и мог предсказать будущее. И хотя считалось, что в городе-убежище равны все боги, и каждый волен поклоняться своему богу, Элгос постоянно и открыто

обличал единого Бога Израиля и утверждал, что бессилен и немощен этот Бог и что не может он защитить людей, а лишь обрекает их на страдания. И теперь начал он свою проповедь, вспомнив давние годы, припомнил он и Содом, и Гоморру, сожженные этим богом города, и судьбу из рода Данова Самсона, спалившего пшеничные поля, и Авимелеха, убившего семьдесят своих братьев, чтобы захватить власть...

- Это судьи Израиля, избранные их жестоким Богом, такие же жестокосердные были у них пророки, - продолжал Элгос. Он вынул из-за пазухи деревянную фигурку, изображающую бога Рамарука, и теперь говорил, обращаясь к ней, будто не стоял он среди многочисленных жителей, а был наедине со своим всесильным Богом. Он присел на камень, ибо годы не позволяли ему долго держаться на ногах, но голос его был еще звонок, и в наступившей тишине слова его были слышны каждому.

- Кровь наша на царе, но кровь наша и на пророках, - продолжал Элгос, - пророк Самуил столь же виновен, как и царь Саул. Это Самуил призвал уничтожить амаликитян. Это Самуил сделал царем Израиля ничтожного злодея. Пророк, родивший сыновей, крадущих предназначенное в жертву! Чтобы сделали мы, если бы кто-то осмелился похитить агнца, предназначенного для жертвы богу нашему Рамаруку? Мы бы казнили нечестивого, чей бы он сын не был. Мой ли, Каверуна ли... Самуил не мог передать власть бесчестным сыновьям, и тогда он отыскал дикого пастуха, который не обладал мудростью, в котором не было ничего человеческого, который отличался только своим ростом. Это был злодей, полный бездумных страстей, власть околдовала его, и злые духи вселились в его душу. Он был игрушкой в руках Самуила. И когда Саул победил аммонитян, Самуил увидел, что теряет власть и решил утопить в крови всех. Он повелел уничтожить мирное племя. И когда Саул пощадил царя амаликитян Агага, пророк сам разрубил Агага надвое на пиру у Саула. Давно уже истлели кости Самуила. Тень его в подземном царстве корчится в жаре огня. Над ним свершился суд богов. И теперь всесильный Рамарук направил стопы царя Саула к нам, чтобы мы свершили справедливый суд. Мы будем судить не только Саула и осуждать его жестокие деяния, мы осудим всех, кто способствовал возвышению изверга. Мы должны испытать нечестивца огнем - праведный огонь, пожирающий демонов бездны угоден богу Рамаруку. Пусть огонь этот охватит жестокосердного царя. И тогда мы увидим спасет ли Бог Израиля своего помазанника. Все в дланях Рамарука, мы лишь исполнители его священной воли. Сегодня мы станем свидетелями его торжества и посрамления бога Израиля. Но Рамарук всегда справедлив, и если найдутся слова оправдания, он выслушает эти слова. Пусть скажет нам старейшина еврейской общины - с кем он? - с нами или со своим царем, а может быть, он захочет защитить своего царя?

Маттафия вслушивался в каждое слово, он не ждал добрых слов от Элгоса. Он понимал, что здесь никто не станет перечить главному священнику. И постараются отмолчаться даже сыны Израиля, да и многие ли из них остались верны единому Богу, все здесь, в городе опасаются гнева Рамарука. Все начнут подбрасывать сучья в огонь, гибель в огне - страшная смерть. Хватит ли силы встретить ее достойно? Возможно ли доказать истину огнем? Да и кто здесь желает добыть истину? Маттафия не ожидал, что кто-либо из сынов Израиля осмелится подать свой голос в защиту царя. И потому с удивлением увидел, как пробирается к судьям человек его племени.

Это был старейшина еврейской общины Иегуда. Был он сравнительно молод, черная его борода была аккуратно подстрижена, и было отчаяние во взгляде его выпуклых больших глаз. Белые его одежды краями своими волочились по земле, из-под красного пояса виднелись пергаментные свитки. Голос его был звонок, и по мере того, как он говорил, испуг исчезал из глаз его. И он пересилил голоса тех, кто требовал лишить его слова.

- Мы нарушаем главный завет Каверуна, - сказал он, - ни один наш суд не должен касаться богов! За время существования города-убежища ни один человек не карался за веру в своих богов. Если мы станем осуждать богов, они отвернутся от нас. Господь Израиля не только карает свой народ за прегрешения, но и спасает его. Это всемилостивший и всемогущий единый Господь многих. Он доказал свое могущество, утвердив на Ханаанской земле могучее царство Давида. Един Господь, и все мы его сыновья. Все вокруг создано его словом. За шесть дней он создал этот мир. Он отделил свет от тьмы, он собрал воду в моря и реки. Он дал Солнце и Луну, и звезды для освещения земной тверди. Он создал человека из земного праха и подчинил ему всех тварей. Все мы созданы по его образу и подобию. И в заветах, данных Моисею, призвал нас жить, любя друга. Самуил слышал глас Господень, Самуил соединил двенадцать колен Израиля. Господь наш милостив и прощает грехи. Но мы боимся, что гнев его падет на город, мы боимся, что он испепелит все здесь, и молим его простить неразумных. Единый Господь обладает невиданной силой. Было время, когда народ наш угнетался фараонами, и Господь, явившись огнем неопалимым в терновнике, воззвал к Моисею, и Моисей по его велению вывел наш народ из дома рабства. Сотни тысяч рабов, перейдя Тростниковое море, расступившееся перед ними по воле Господа, шли по раскаленной пустыне, они были безоружны, они страдали от голода, у них не было опытных воинов. Господь вел их, столпом огненным указуя путь. И на пути этом расступались перед ними все племена и народы, и лишь амаликитяне возжаждали крови невинных и нападали на обессиленных людей, и убивали женщин и детей, и расправлялись с

беспомощными стариками. Амаликитяне, не ведая что творят, готовили свою гибель. И настал срок, отведенный Господом, и устами Самуила приказал Господь покарать неразумных за грехи праотцов их. Виновны ли в этом Самуил и Саул? Могли ли они послушаться повеления Господня? И вправе ли мы судить Божьи помыслы?

- Ты прав, Иегуда,- изрек Иехемон, - суд не для того, чтобы возвеличивать одного Бога и принижать других. И сам ты нарушаешь суд. Ты славил своего Бога! Почему же ты и твои соплеменники бежали под укрытие крепостных стен города-убежища? Он не спас вас, гонимых и отверженных! Если Господь Израиля столь всемогущ, пусть спасет своего помазанника Саула. Пусть спасет его из огня очищения, и мы все убедимся в силе твоего Бога!

Сидящие рядом с Иехемоном судьи подобострастно засмеялись, один из них вознес руки к небу и стал раскачиваться, изображая правоверного израильтянина. Иегуда бросил на него осуждающий взгляд и беззвучно зашевелил губами, шепча молитвы и прося прощения за неразумность людей у своего всемогущего Бога.

- Не будем спорить, - примирительно сказал Элгос, - давайте спросим у Саула, возможно, подтвердит вам царь, что виновен во всем его жестокосердный Бог, а царь лишь исполнял высшую волю?

Элгос был изощрен в хитросплетениях слов. Понял Маттафия, что хочет главный священник представить израильского царя богоотступником. Надеется, что ухватится он, Маттафия, за протянутую соломинку, и тогда даже Иегуда и его соплеменники отвернутся от него. И молчал Маттафия, высоко воздев голову, и казалось, что происходящее перестало его волновать.

- Пусть поведает нам царь Израиля, если он не виновен и исполнял повеление Господа и пророка Самуила, мы можем отменить огонь очищающий тогда. И судить нам надо не его, Саула, а Бога Израиля и его священников, тех, кто уверовал в него, даже находясь под покровительством и защитой Рамарука. Пусть отречется от своего Бога, если хочет умереть без мучений! - вкрадчиво взглядываясь в Маттафию, произнес Элгос.

И вздрогнул Маттафия, будто по щеке ударили его. Никогда и никто из сынов Израиля не отрекался от единого пречного Бога. И жестоко карал Господь потерявших веру в далекие годы. Тогда были сомневающиеся и нечестивые. Но сейчас, по прошествии стольких лет, в которые явил свое могущество Господь, даже мысль об отречении страшна. Теряли веру в прошлом, когда бежали из Египта. Удалился Моисей на гору Синайскую заключать завет с Господом, не выдержали - разуверились, создали себе золотого тельца - рукотворного идола, и была за то кара Божья - земля разверзлась перед отступниками! Ему ли,

Маттафии, предавать Господа своего! И взглянул Маттафия с презрением на судий, и сказал твердо:

- На Господа всесильного уповаю и уповать буду, пусть дано мне принять смерть, но от каждого его слова не отступлюсь, неисповедимы его пути и повеления его мне дороже жизни. Приму любую кару с именем его на устах!

Иегуда посмотрел на него с одобрением. Да и судьи не могли ничего возразить. Страшен суд мирской, но не должен человек отречься от своей веры. Спасая тело, потерять душу - что может быть ужаснее. Но востепенулся Элгос, не желал он, чтобы нашлись сочувствующие царю, и сказал он:

- Господь приказал истребить амаликитян - ты истребил. Господь прикажет тебе спалить наш город - и ты свершишь это?

- Я буду молить его смилостивиться над вами, - ответил Маттафия, - я вымолю пощаду для гонимых, как вымолил Авраам пощаду для благочестивого Лота!

- Почему же ты не сумел вымолить пощаду для амаликитян? - вмешался Иехемон. - Ты не пощадил никого, потому что жаждал крови?

- Был послан Ионафан к Агагу, было сделано все, чтобы предотвратить кровопролитие, - ответил Маттафия, - были спасены кенеяне. Израиль вышел на битву. Мог и Агаг приготовиться к сражению и вывести своих воинов нам навстречу, чтобы защитить свой народ. Но сладострастие и бездумность погубили его. Испокон веков сражаются друг с другом племена и народы, не может царь отвечать за всех убиенных. Пусть свидетельствует кто-либо, что царь сам убивал детей и женщин - не найдется такого на земле Ханаанской!

Иехемон усмехнулся, огладил свою клочковатую бороду, посмотрел с презрением на Маттафию. Дерзость царя сместила его. Свидетели злодейств были, Иехемон вчера подробно расспросил каждого из них. Был некий Геф, который утверждал, что самолично видел, как Саул, похваляясь силой своей, отрубал руки пленникам, а потом зарывал пленных в землю по плечи так, чтобы торчала только голова, и давил эти головы колесницами. И отыскал Иехемон глазами этого Гефа, и дал ему знак. Вышел перед людьми неизвестный в городе гаваонитянин, был он рыжебород и подвижен, шел он, пританцовывая, словно земля оттакивала его.

- Поведай нам Геф, сын Нахана, - обратился к нему Иехемон, - какие муки испытал ты?

- Память о них разрывает сердце, - он говорил быстро, словно проглатывал слова, - я выскочил из огражденного поля, словно змея, скользнул я между стражниками. Воины Саула, как и говорил я тебе раньше, оградили проклятое поле веревками, и все оно было усеяно

головами моих единоплеменников, закопанных в землю по горло. Душераздирающие смертные крики оглашали поле. Я затаился за грудой камней и слился с травой. До сих пор сердце мое горит огнем, когда вспоминаю весь ужас содеянного. Восседал на колеснице Саул, и кони топтали человеческие головы, и те трескались, как орехи. Колеса проезжали по ликам. А тех, кого миновала сия участь, добивали мечами, и сам Саул отрубил головы у двенадцати несчастных!

Последние слова Гефа потонули в нарастающем шуме, крики возмущения и проклятия убийце раздавались со всех сторон. И когда Иегуда попытался задать вопросы Гефу, ему не дали говорить. Теперь гнев собравшихся обрушился не только на ненавистного царя, досталось и Иегуде, и тем немногочисленным сынам Израиля, которые столпились около своего старейшины.

- Изгнать их из города, - кричали из толпы, - они все тайные сторонники Саула. Иврим не место среди гонимых! Их руки в крови! Они тайно призовут Давида! Они продадут наш город царям-убийцам!

Страсти накалялись. Казалось, вот-вот нетерпеливые жители города кинутся на пленника и растерзают его. Иехемон повелел стражникам стать у подножья холма и не допускать на холм никого без его разрешения. Достигшее середины небесного свода солнце нещадно палило. Жар его лучей подогревал растущее нетерпенье. К тому же многие успели хлебнуть пьянящего шекера и жаждали зрелища скорой расправы.

Маттафия смотрел на озлобленные лица, на раздираемые в крике рты, и понимал, что никакие его доводы не будут услышаны и поняты. Кому и что он хотел доказать? Любая ложь, чернящая Саула, здесь будет принята за истину. Он не знал, было ли то, о чем говорил Геф, где это произошло... Мог ли Саул, обычно милосердный к пленникам, так жестоко уничтожить их? В горле у Маттафии пересохло, ноги налились тяжестью. Он пожинал то, что посеял, он сознательно пошел на это, а получил не оправдание Саула, а взрыв неистовой злобы. Он опасался, что теперь не только он лишится жизни, будут и другие жертвы, пострадает община евреев. Он не знал, чем сейчас может им помочь. Злобное марево окутывало его, со всех сторон - ненавидящие его взгляды жителей. Вот-вот сомкнется кольцо, бросятся на него обезоруженного, бессильного дать отпор. Он увидел, как привстали люди со своих мест, и приготовился к самому худшему. Однако страх его был преждевременным. Это просто подошли новые зрители, искали место, протискивались поближе к холму. Среди них было и несколько женщин. Он увидел Зулуну, она, перехватив его взгляд, часто закивала, и он понял, что просьба его исполнена, и через несколько дней Давид будет знать о происходящем. Это придало ему силы, и стараясь преодолеть выкрики, он стал защищаться. Он просил, он требовал, чтобы свидетельствующий против Саула Геф поведал, где

происходило убийство пленных. Геф назвал место близ города Лехо-Хамит. Город этот был расположен на севере, за Дамаском. Никогда воины Саула не достигали этих мест, город этот был завоеван позже, при Давиде.

Иехемон первым понял промашку, стал объяснять, что в земле Ханаанской есть города, называемые одинаково. Цофар налился краской, накинулся на судей: почему осуждаемый задает вопросы, кто дозволил оскорблять пострадавших. Иехемон смутился, стал кричать на Маттафию: «На твоём месте не задавать вопросы надо, а пасть на колени и покаяться перед людьми, и благодарить суд, если обречет тебя на скорую смерть от меча, которой ты не достоин!».

Голос Иехемона тонул в многочисленных выкриках толпы. Казалось, шум ничем нельзя было унять. И тогда Цофар дал знак стражникам, и те затрубили в шофары, призывая к порядку. Звуки шофаров перекрывали весь шум, они были пронзительны и резки. И когда они смолкли, в наступившей тишине послышались слова Маттафии. Иехемон ничем уже не мог запугать его, Маттафия сам защищал себя и Саула.

- Сколько же лет было тому, кто видел жестокое истребление пленных? Пусть двадцать - тогда равны наши года. Но кто сейчас скажет, что мы равны в возрасте, чьи глаза могут обмануться!

- Он хочет запутать суд! - недовольно выкрикнул Цофар.

Но судьбы уже перешептывались друг с другом, ибо слова Маттафии посеяли в них сомнения. Тот, кого звали Гефом, был молод, в годы царствия Саула он вряд ли появился на свет, он не мог быть свидетелем того, что не дано было ему видеть.

- Это все уловки, Саул всегда был изворотлив, - продолжал возмущаться Цофар.

- Годы оставляют след на лице человека, но это случается не всегда, - поддержал его Иехемон, - тот, кто мирно пасет стада в горах и не обременен заботами, избавлен богами от старости... Тот, кто живет в сытости, кому маги и кудесники готовят снадобья, тот тоже избегает печати лет. Вглядитесь в злодея Саула, он тоже не так уж стар, на его лице печать свершенных злодеяний, но нет печати старости. Дайте ему меч, и он опять будет рубить головы, и рука его не дрогнет. Есть несправедливость в мире: одним, и среди них полно праведников, дана быстрая старость и немощность, а другим, среди которых и злодеи, дарованы долгие годы без старения. Но расплаты богов не минует никто!

- О какой старости говорите, мой Цофар, - брюзгливо промолвил Элгос, - злодеи не подвержены течению лет, кровь жертв напитывает их тело?

Судьи о чем-то переговаривались. Маттафия слышал отдельные слова. Можно было понять, что судей не убедили свидетельства Гефа. Говорили, что надо отыскать старика-еврея, признавшего Саула, Они хотели, чтобы было предъявлено главное обвинение - убийство священников в Номве. В спор вмешался Элгос. Подошел Цофар, стал обвинять судей в беззубости. «Народ растерзает вас вместе с Саулом», - пригрозил советник. Они еще о чем-то посоветовались и вытолкнули из своих рядов низенького горбатого старика. Голос у него оказался столь громкий, что буквально оглушал рядом стоящих.

- Слушайте все! - проревел он. - Злодей изобличен! Будет казнь! Вы должны решить какую казнь избрать. Совет судей предлагает, если согласны, забить его камнями, чтобы каждый мог бросить свой камень, каждый, кто хочет отомстить убийце!

И со всех сторон раздались крики одобрения. Сначала это были отдельные голоса, потом они слились в общий раскат и хором уже слаженно повторяли: «Казнить! Казнить! Казнить!». Многие повскакивали со своих мест, в руках амаликитян появились камни.

Крики буквально оглушали. Маттафия в душе своей обратился к Господу, понимая, что более не у кого искать защиты и бесполезно просить милости у разъяренной толпы. Да и не унизился бы никогда до мольбы о пощаде. Он видел, как рвется к нему Зулуна, как удерживают ее женщины, он сжал кулак, стал махать ей, она должна понять, что ничем не сможет помочь, что рискует жизнью, которая нужна не только ей, нужна сыновьям и Рахили. Его самого смерть не страшила. Обидно было, что ничего не получилось из задуманного, что не сумел ничего доказать, не сумел и малой доли сказать того, о чем думал все эти дни. Он понимал, что осудить может только Господь, осудить или оправдать, и суд его вершится в душе каждого. Велики грехи царя, и не меньше грехи у любого смертного, нет на земле безгрешных людей. Он понимал, что пришел его час, записанный в книге судеб, что его ждет иной Высший суд, и оборвется жизнь тела, а что предстоит испытать душе - то неизвестно. Тело уже не защитить. Он не раз смотрел в глаза смерти, он знал, как уязвим и хрупок человек, как легко протыкает меч живот, как растрескивается голова от удара камня, смерть была обыденным явлением в его жизни. Смерть в бою - привычной, даже незаметной, о ней не думал, когда опьяненный общим азартом, врвался в ряды врагов, разил мечом и отражал удары. Или ты врага - или он тебя. Если охватит дрожь, если ослабеют колени, если победишь - обязательно настигнет копьё в спину или стрела вонзится в горло. И твой крик никто не услышит, он потонет в других смертных криках. И потому ты должен не думать о смерти, ты должен победить или пасть смертью воина. Он всегда сражался в первых рядах, и всегда судьба хранила его, и даже в самых безвыходных

положениях, когда окружен врагами, когда кровь сочится из ран, и тело покидают силы, вдруг приходила помощь. Но теперь ждать помощи было неоткуда.

Оставалось только, пока не связали руки, умереть так, чтобы вместе с тобой попали в подземное царство и твои мучители. Вцепиться в тонкое горло Цофара и крикнуть: «Вспомни, я тебя помиловал один раз! Ты оказался мерзким вором! Тебе не место на земной тверди!». И сжимая горло, потребовать: «Признавайся во всем, ты похитил алмаз и убил невинного!». И расправившись с ним, ногой в пах уложить вертлявого Гефа, чтобы корчился в пыли, чтобы просил пощады и кричал: «Я лгал! Меня заставили лгать!». Начнется паника, все ринутся к вершине холма - и тогда надежда на быстроту ног - но увы ноги обожжены. Стоять тяжело, они не способны с силой оттолкнуться от земли. Да и годы уже не те. Не надо суетиться перед глазами смерти...

А смерть была уже рядом. Начали готовить место для казни, стражники укрепляли столб, разыскивали веревки, крики нетерпения в толпе не прекращались. Арияд подскочил к стражникам. Стал торопить. Похоже, что его никто уже не слушал. Глаза налиты бешенством, за пазухой камень, приготовленный заранее.

И вдруг все смолкло.словно Господь мановением своей длани остановил всякое движение и замкнул всем уста. И показалось, что даже солнце застыло в вышине, как в той битве, когда Иисус Навин сражался с войском пяти царей Ханаана в пятницу, и битва затянулась, и могла быть осквернена убийствами суббота. И по слову Господню: «Стой солнце над Гаваоном, и Луна над долиною Аиалонской!» - стояло солнце среди неба и не спешило к западу, пока не были повержены все враги. «Жив Господь, - произнес в душе своей Маттафия, - и пусть будет все по его воле!». И уверовал Маттафия, что застыли часы его жизни, что будут длиться века эти последние его мгновения. И остановлено солнце, чтобы дать вдоволь надышаться воздухом, чтобы запомнил и впитал он в себя этот полуденный жар, эту густую зелень садов, эти беспощадные глаза людей, ждущих его казни. И вдруг он увидел, что они отвратили от него свой взгляд, и головы их повернуты в сторону дороги, идущей от дворца.

Там, из-за поворота, появился отряд дворцовой стражи, кожаные щиты были надеты на руки, и когда стражники дружно взмахивали руками, казалось, что движется по дороге гусеница, превращающаяся в бабочку, машет крыльями и хочет взлететь. И что-то красное колыхалось внутри ее. То был паланкин, и ярче самой волшебной дворцовой птицы был атласный шатер его. Паланкин этот несли четыре нубийских негра. Перед самым холмом строй стражников рассыпался, и негры осторожно пронесли паланкин через расступившуюся толпу на вершину холма. И когда сошел на землю из паланкина великий правитель города Каверун,

отовсюду раздались возгласы, славящие его мудрость и силу. И были уверены все, что правитель прибыл к началу казни, и наконец свершится то, чего ждали с нетерпением.

Каверун брезгливо поморщился и пальцем поманил к себе старейшину судей Иехемона. И тот, низко склонившись перед правителем, стал объяснять, что судьи все как один, решили приговорить царя Саула к смерти, что все готово для казни, и каждому будет дано право бросить камень в ненавистного царя.

Каверун молча выслушал Иехемона и подозвал к себе Цофар.

- Что поведал Саул о Давиде? - строго спросил правитель. - Он обличил своего врага? Он поведал, как они стремились убить друг друга?

- Мой господин, Саул не был столь разговорчив, даже приговор о смерти не сделал его откровенным, - растерянно стал оправдываться Цофар.

- Нам нужно узнать как можно больше о том, что Саул замышлял против Давида, собирался ли он убить Давида. Нам надо знать не только злодеяния Саула и его коварные замыслы, нам надо знать все тайные преступления Давида, все зло, что совершил Давид, - недовольным тоном выговорил правитель своему советнику.

- Я говорил об этом судьям, мой повелитель, - начал оправдываться Цофар, но они спешат, они идут на поводу у толпы.

Каверун метнул гневный взгляд на Иехемона, и тот сжался, словно хотел уменьшиться в теле.

- Пусть писарь запечатлеет на пергаменте все, что вы узнали о Давиде, - приказал Каверун, - и если пленник неохотно разжимает уста, заставьте его быть более покладистым.

- Мы так и старались сделать, - нашелся Цофар, - мы объявили ему жестокую казнь, мы хотели очистить его огнем, чтобы он стал сговорчивее. Он теперь расскажет все, если хочет жить. Я еще не встречал человека, который не хотел бы жить! Мы все сделаем. Давид будет обличен!

Каверун уже не слушал Цофара, он повернулся и подошел к паланкину, тотчас нубийцы помогли ему забраться туда и возложили шесты на плечи. Обнаженные по пояс, они были похожи на статуи идолов, вырезанные из мореного дуба. В толпе еще не поняли, что произошло. Все стоя провожали паланкин правителя, сопровождаемый стражниками. И когда процессия скрылась за поворотом, и Цофар объявил, что волею правителя казнь откладывается, ибо надо допросить с пристрастием Саула о скрытых деяниях Давида, вздох разочарования пронесся над толпой. И лишь на лице одной женщины появилась слабая улыбка, и Магтафия незаметно кивнул ей, как бы одобряя - не все еще потеряно. И еще он увидел просветлевшее лицо Иегуды и оживление в рядах его сторонников.

- Презренный, - крикнул Иехемон, - ты расскажешь все о гнусных делах Давида, о вашей вражде, как ты замышлял убить его, как потом Давид по твоему наущению предавал мучительной смерти невинных!

Маттафия молча смотрел на него безразличным взглядом. Уже распростившийся с жизнью и вновь возвращенный к ней, он понимал, какая плата требуется за это возвращение. Если он хочет жить, он должен предать Давида! Давид ведь тоже предавал его. Но теперь он ищет спасения у Давида, и посланец Зулуны уже скачет к Иерусалиму.

- Говори же! Или от радости у тебя распух язык? - выкрикнул подскочивший почти вплотную Цофар.

- Ты прав, - миролюбиво ответил Маттафия, - жажда и ожидание смерти иссушили меня. Горе истерло память дней из моей головы. Почему и в чем я должен обвинять другого царя?

Люди, стоявшие вокруг, не слушали их. Постепенно стало пустеть подножие холма, ибо поняли все, что сегодня не дано им увидеть зрелище казни и не дано бросить свой камень. Гора из выброшенных за ненадобностью камней росла рядом с Маттафией. Судьи и стражники ждали повелений Цофара. Оставался еще Элгос со своими служками. Не покинул холм и Иегуда. Он стоял в отдалении и смотрел в небо. Сидела на траве Зулуна, закрыв лицо руками, чтобы никто не видел ее слез. Иехемон злобно смотрел на Маттафию. Маттафия видел, как дрожат обвисшие щеки старца.

- Ты думаешь, что спасся? - спросил Иехемон и, не ожидая ответа, продолжал - Ты будешь казнен завтра. У тебя один путь спасти себе жизнь - докажи, что Давид был кровавее тебя, что виною всех бедствий был он! Зачем тебе щадить его? Вспомни, он клялся сохранить твое потомство, теперь он предал всех смерти. Он не пощадил даже безропотного сына Ионафана! Ты знаешь об этом?

И впервые за этот мучительный день почувствовал Маттафия, что силы оставляют его. Ноги горели и налились тяжестью, сердце сжало. Он не хотел верить словам Иехемона. Неужели погубил Давид убогого хромого Мемфивосфея - сына Ионафана, сына самого близкого ему, Маттафии, человека? И закричал Маттафия, обращаясь не к Иехемону, а воздев голову к небу: «Этого не могло быть, Господи, ты не мог это допустить!». И упал он на землю, ибо судороги сковали его тело, словно напала на него падучая, будто и вправду он был царь Саул, которого одолевали злые духи. Ведь также корчился тот с пеной на губах, не в силах подняться с земли.

Стражники подняли Маттафию. Совсем близко от себя он увидел Зулуну. Глаза ее были расширены, руки дрожали. «Маттафия... Саул...», - повторяла она. «Ничего я постараюсь выдержать», - прошептал он, видя перед собой ее большие, полные слез глаза.

- Царя нельзя казнить без воли Господней! - сказал он.

- Тебя ждет встреча с Уру, - вкрадчиво сказал Цофар, - тебе ведь этого хочется?

Иехемон и Элгос подошли к Цофару. Маттафия не вслушивался в их разговор, его не страшила встреча с Уру, надо было выиграть время, надо было дожидаться. Ноги не держали его. Странники принялись связывать руки. Один из них грубо оттолкнул Зулуну. Маттафия был бессилён что-либо сделать...

Глава XIII

Ночь не принесла сна. Болели ноги, горели огнем подошвы. Сдавливало сердце. Не хотелось верить, что теперь подвержен он, Маттафия, падучей болезни, что не властен уже над своим телом. Говорят мудрецы, что не уйти сыну от болезней отца. Также наверное и Саул мучился, падая на землю в беспамятстве. И все же - любая болезнь ничто по сравнению со смертными муками. И понимал Маттафия, что не сетовать надо на судьбу, а благодарить Господа, что вчера отвел смерть. Силы для тела можно обрести, труднее успокоить сердце. Тревожные мысли были не о себе. Зулуна пришла на судилище одна, очевидно, сыновей нет в городе. Рахиль - пленница во дворце. За нее страшно. Она не сможет постоять за себя, имя ее означает - овца, имя всегда знамение судьбы. Печальны были мысли о ней Маттафии. И еще он думал о том, что жизнь каждого человека зависит не только от него самого и от Господа, но и от многих других людей. Когда стоишь один против гонителей, есть хотя бы преимущество - жертвуешь только своей жизнью, когда за спиной близкие - становишься уязвимым.

В темноте всю ночь он шептал молитвы, Господь был его единственной и последней надеждой на спасение. Сон сморил Маттафию лишь под утро, на рассвете. И был дан отдых его душе ненадолго. Был разбужен Маттафия криками и топотом ног. Суета стояла во дворце. Переключались стражники, искали кого-то. Маттафия поднялся и подошел к дверям, прижался к ним вплотную, пытаясь услышать, чем вызвана паника. Из обрывков слов, из несвязных выкриков он понял, что ночью кто-то убежал из дворца.

Внезапно двери распахнулись. Маттафия отскочил и сел на циновку. Четверо стражников вошли в помещение.

- Здесь ее нет! - крикнул один из них.

- Стража стояла у дверей всю ночь, она не могла проникнуть сюда, - отозвался другой. - Каверун повелел осмотреть все покои!

И они столь же быстро как и вошли, покинули его тюрьму-опочивальню, не обращая на него никакого внимания.

Топот ног за дверью не стихал, и мелькнула догадка - все это связано с Рахилью. И эта догадка подтвердилась, когда он услышал, как Цофар пронзительно кричит, обвиняя ночную стражу:

- Бездельники, даром поедающие хлеб, если не найдете ее, подвергну всех бичеванию! Смазливая девица обвела всех вокруг пальца! Берегитесь гнева Каверуна!

И теперь все эти крики, вся суэта во дворце наполнили радостью его измученную душу. У Рахили быстрые ноги, если она вырвалась из дворцовой клетки, ее не поймать. Да спасет тебя Господь, возлюбленная, несколько раз повторил он. Ему виделось, как бежит она по росной траве, бежит в горы, на далекие пастбища. Рыжекудрая, смеющаяся Рахиль. Мед источают ее уста, ее кожа нежна, как ангельские голоса. Лицо ее озаряет внутренний свет. Она никого в жизни не обидела. Она никому не будет принадлежать, кроме него, Маттафии. Он вспомнил, как подарил ей медное зеркальце. И как подолгу она любила всматриваться в полированную поверхность, и обнимала его, Маттафию, и говорила - давай посмотримся вместе, ей нравилось, что там, в полированном медном овале, они соединены. Она чиста, как вода в роднике, пальцы ее нежны, как дуновения ветра. Дано ли ему, Маттафии, хотя бы один раз перед смертью свидеться с ней? Об этом можно было только мечтать. Он молил Господа об одном - пусть явится Рахиль хотя бы во сне. Зулуна и Рахиль - две женщины, объединенные его любовью, благословенные между женами, даны были ему Господом, и человеку, испытавшему счастье любви, не страшно умирать...

К полудню суэта во дворце улеглась. Ему принесли жидкую похлебку и сухие лепешки, дали еще и чашу с гранатовым соком. Смертников так не кормят, подумал он. Он поел и почувствовал, что силы возвращаются к нему. Страхи, рожденные бессонной ночью, были позади.

Вечером вошел к нему Цофар, один, без стражников. Вид его был угрюм, и узкое лицо его, казалось, стало еще тоньше. Он постоянно оглядывался, словно боялся кого-то. И, наверное, чтобы откинуть, подавить эту боязнь, стал кричать:

- Тебе оставили жизнь, чтобы ты вспомнил все злодеяния Давида! Ты готов поведать о них! Я вызову человека, который быстро сможет записать все...

- О каких злодеяниях хочет услышать мой господин? - Маттафия недоуменно пожал плечами.

- Правителя интересуется все. Каверун хочет, чтобы ты начал с подлого убийства Голиафа, чтобы ты рассказал, как обольстил тебя хитроумный отрок, чтобы ты рассказал, как вы вместе предавали жестоким пыткам плененных вами воинов. Ты должен вспомнить имена замученных!

- Давид не был способен на подлости, в начале пути он был не воином, он был сочинителем ...

- Не способен на подлость? - возмутился Цофар.- Ты все готов простить ему. Он уничтожил твой род, и ты хочешь защитить его? Твоя жизнь зависит от того, что ты вспомнишь. Ты это понимаешь?

И опять увидел Маттафия не только гнев в глазах Цофара, но и затаившийся там страх.

- Я не верю, что Давид убил всех, принадлежащих к дому Саула, он не мог этого сделать. Он дал клятву Саулу, - твердо сказал Маттафия.

- Каждый властитель поступил бы подобно Давиду. Сыновья и внуки Саула в любое мгновение могут стать предводителями тех, кто захочет отнять власть у Давида. Если бы ты, царь Саул, сейчас попал в руки Давида, с тобой не церемонились как здесь, тебя прикончили бы в первый же миг! - сказал Цофар.

- Саул и Давид любили друг друга, ты не поймешь этого, мой господин, - сказал Маттафия.

- Я пришел не спорить с тобой, а получить ответы, нужные Каверуну, он дает на это два дня. Я оставлю тебе пергамент, иногда человек не может изречь истину, но может изобразить ее в письменах!

- Я не так искусен в написании, чтобы заполнить свитки пергамента словами!

- Ты должен постараться это сделать, если не желаешь встречи с безъязыким Уру. Покажи, что ты чище Давида, сыщи в этом свое спасение!

Цофар резко повернулся и уходя хлопнул дверью. Главный советник Каверуна был разгневан.

Угрозы его не испугали Маттафию. Он готов был еще раз предстать перед судом. Он сумеет найти слова, в которые все поверят. Они хотят от него разоблачения царей. Получат совсем иное. Давид не мог истребить дом Саула! Это клевета. Он, Маттафия, был свидетелем того, как Давид спас жизнь Саулу. Маттафия был и в стане Саула, и в стане Давида, его память хранит и битвы, и походы, и весь тот путь, который было дано пройти Давиду - от отрока, услаждающего царя игрой на арфе, до юноши, вышедшего на поединок с Голиафом, и наконец до всесильного царя. О какой подлости может идти речь? Давид открыто вышел на поединок. Он был тогда уже помазан Самуилом на царство, помазан при живом царе, он нес в себе эту тайну! И вышел на бой Давид, не страшась великана, чтобы доказать не только другим, но и самому себе, что не зря он избран Господом из сонма многих. И Господь даровал ему победу!

Кто был Давид до этой схватки? Отрок, которым помыкали все, на которого завистники обрушили поток клеветы. Шептались по углам во всей Гиве - слишком похож на женщину, слишком красив, слишком сладкозвучен. При появлении Саула - смолкали. Воздавали хвалу

молодому певцу, сочиненные им псалмы ставили превыше песен Деворы. А за спиной царя потешались. Особенно Ноар, египетский евнух, нашедший путь к душе Саула, льстец, поставляющий блудниц в царский дом. Ноар, поначалу потакавший Давиду, ни с кем не хотел делить любовь царя, и тогда-то именно он, Ноар, заговорил о прельстительных чреслах Давида, это он, Ноар, постарался отправить Давида назад, в Вифлеем.

И на то была явная причина - филистимляне двинулись на земли Эфраима, и было не до песен. Предстояла решающая битва. И не было благословения пророка, Самуил отвернулся от Саула.

Войска выступили навстречу филистимлянам, уныние царило в стане Саула. И как ни упрасивал он, Маттафия, как ни старался доказать, что его место среди воинов, его оставили в том немногочисленном отряде, которому было предназначено охранять подступы к Гиве. И всем событиям той победы он, Маттафия, не свидетель. Он просто столько раз слышал о поединке Давида с Голиафом от других, да и от самого Давида, что порой, кажется, будто сам шел навстречу великану с пращей. О какой подлости может идти речь? Многие желали принизить победу Давида, но ничего не вышло. Если хочет Каверун, можно обо всем поведать подробно. Ему, Каверуну, надо унижить Давида, ничего из этого не получится. Возможно, у правителя есть какой-то свой тайный план... Но любые хитроумные планы, основанные на лжи и клевете, разбиваются о скалы истины.

Давида никто не заставлял выходить на бой, никто не помогал ему в том поединке. Его отец, достопочтенный Иессей, словно предвидя возвышение сына, послал его в стан воинов, снабдив снедью для старших братьев, послал, чтобы укрепить их силы перед грозной битвой. Возможно, был на то Иессею голос Господень...

И Давид на ослике въехал в долину, окруженную горами, и увидел два воинских стана, разделенных ручьем, и впервые увидел он филистимлян, их медные шлемы, их круглые щиты и грозные колесницы. И увидел он противостоящие им ряды сынов Израиля. И услышал воинственные крики с обеих сторон, от которых сотрясился воздух. Но никто еще не решался сделать первый шаг и выпустить первые стрелы.

С трудом разыскал Давид братьев. Были они все трое у одного тысяченачальника. Был тот человеком осторожным, берег своих людей и знал, как одолеть врага и не потерять своих воинов. Правда, сам он не шадил живота своего и пал позже, на высотах Гелвуя, защищая своего царя, и весь израненный продолжал разить врагов, пока не истек кровью. А тогда, в той битве, где прославился Давид, он встретил юного пастуха чуть ли не бранью и хотя взял присланные ему Иессеем сыры, но пригрозил, что донесет царю о том, как некоторые отцы хотят облегчить службу своим сыновьям. Братья тоже встретили Давида без особой радости. А старший брат Елиав даже попрекнул: зачем, мол, пришел сюда, тебе лишь

бы бездельничать, на кого ты оставил отца и стада овец наши, молоко еще не обсохло на твоих губах, и руки твои горазды перебирать тонкие струны арфы, а не сжимать копьё. Елиав и раньше, в Вифлееме, недолюбливал младшего брата, считал его любимчиком матери и осуждал за дружбу с ним, Маттафией. И не раз намекал Елиав Маттафии, чтобы опасался этого, как он говорил, любителя женских чресл. Может быть, надо было тогда прислушаться к нему, но кто мог предполагать, что ждет впереди...

Не дано переделать человека, Господь каждому дает свою судьбу, у каждого своя особая душа. Давид был настоящим другом, но когда он увлекался женщиной, мог все позабыть, и не было для него запретов и преград. И не один несчастный Урия пал его жертвой. Он, Давид, любил и его любили. И невозможно было не любить этого чистого душой отрока. Братья просто завидовали ему.

Вот и тогда, когда принес Давид снедь, не только Елиав накинулся на него, вторили Елиаву и другие братья, и Аминодав, всегда смотревший на младшего брата свысока, и даже Самма, с которым Давид был дружен и который иногда заступался за Давида. Елиав же в тот день хотел сразу отправить Давида назад, в Вифлеем. Нету от тебя здесь прока, сказал он Давиду, будешь только в ногах путаться. Враг - это не женщина, его не одолеть ни уговорами, ни сладкозвучным пением. И где надо разить копьём, арфа не поможет. И царю будет неуютно, что ты явился сюда, он ведь бережет своего любимого певца.

Эти слова оскорбили Давида и, отдав братьям снедь, он решил удалиться от них. Они всегда не понимали его, и потом, когда он стал могущественным царем, сколько бы он не делал им прельстительных предложений, они гордо отказывались, они не желали его милостей, и по-прежнему считали, что он не достоин тех высот, которые даровала ему судьба. Может быть, понимал Маттафия, они были правы, от царя, даже если он родной брат, надо держаться подальше.

А в той битве, где, казалось, им, старшим братьям, надо было поостеречь младшего, они, оттолкнув его, тем самым тоже способствовали подвигу. Ибо он, покинув братьев, пошел на шум голосов к самой середине воинского стана, туда, где был раскинут шатер царя. И там увидел Давид, что взоры всех воинов направлены в долину, в сторону филистимлян. Он протиснулся через ряды воинов и увидел, что выступил из рядов филистимлян великан, ростом в шесть локтей и еще одну пядь, одетый в чешуйчатую броню, с медным шлемом на голове, за плечами его был еще и тяжелый щит, в одной руке великан держал копьё, а другой сжимал рукоятку большого широкого меча. Голос у него был зычный, крыл он израильтян самыми непотребными словами:

- Зачем вышли вы воевать, трусливые шакалы! Жалкие рабы Саула, есть ли среди вас тот, кто не обмочив от страха свое одеяние, сойдет ко мне и померяется со мной силой! Настал день, когда я один посрамлю все

войско Израиля. Одним ударом я поражу любого! Разбегайтесь, позорные твари, прячьтесь под юбками своих похотливых и вонючих жен!

Так он кричал, и еще много других гнусных и оскорбительных слов вырывалось из его широко разверстого рта, и зубы у него были кривые, как клыки, а глаза полны ненависти и презрения. И никто не решался выйти с ним на поединок. И услышал Давид от воинов, что зовут великана Голиаф и повторяет он свои поношения не первый день. И не находится воина, который может сразиться с ним, ибо наверняка поразит Голиаф любого, и тогда легко достанется победа филистимлянам.

И в тот момент, как поведал Маттафии Давид, зародилась в нем смелая мысль - принять вызов Голиафа, будто кто с неба шепнул ему: встань и иди, тебе надо победить. Давид бросился к сотнику, стоящему рядом, тот посмеялся над ним и все же отвел к Авениру, распоряжавшемуся главным отрядом войска Саула. Авенир отнесся к Давиду серьезно, объяснил, что Саул давно ищет охотника, желающего выйти на поединок, сказал, что будь он, Авенир, моложе, сам не упустил бы случая сразиться с Голиафом, и что обещаны царем Саулом тому, кто одолеет Голиафа, и богатства великие, и дочь царская в жены, и освобождение от царских податей. И Давид стал клятвенно уверять, что снимет позор и поношения с Израиля, и что филистимлянин не сможет одолеть его, ибо будет с ним, Давидом, рука Господня.

И тут чуть все не испортил старший брат, искавший его повсюду, чтобы выпроводить домой, брат подошел к Авениру и при всех стал стыдить Давида, говорил Елиав, что неразумен Давид, что высокомерен и что дурное сердце у него, что может он обольстить речами любого, а на деле только опозорит всех. Но Давида не смутили речи Елиава. Отстранил он брата и выкрикнул:

- Я сражусь с Голиафом! Я принимаю его вызов!

Подле Авенира собрались сотники и тысяченачальники, слушали иные с недоверием, иные с явными насмешками, никто не принимал всерьез слова отрока, кроме, пожалуй, Авенира, который сразу узнал в Давиде арфиста, ублажавшего царя, и решил Авенир свести его к Саулу, чтобы развеять тягостные мысли царя. И послал к царю, чтобы поведали тому о Давиде, и тотчас вернулся гонец, сказав, что царь требует к себе смельчака,

Воины расступились перед Давидом, и он пошел к царю. Саул не подал вида, что узнал его и только вздохнул разочарованно. Он ждал, что вызов примет воин, обладающий недюжинной силой, а перед ним стоял его арфист, песнопевец с неокрепшими мышцами, еще отрок. И Саул испугался, что принесет этот отрок не победу Израилю, а позор поражения. И видя сомнения на лице Саула и растерянность в его глазах, Давид сказал:

- Наш повелитель, отбрось неверие в раба твоего! Раб твой выйдет на бой и победит!

- Не можешь ты выйти против Голиафа, тонка еще твоя кость, ты еще молод, а Голиаф зрелый муж, и кровью многих обогрел его меч! - сказал Саул и отвернулся, и подошел к Авениру, и говорил, что пора начинать бой и двинуть войско на сближение с филистимлянами. Авенир же просил помедлить, ибо ждал подхода отрядов из Галаада Заиорданского. И Саул, занятый спором с Авениром уже не обращал внимания на Давида.

- Господин мой и великий царь! - с отчаянием тогда взмолился Давид. - Ты ошибаешься во мне. Когда пас я овец отца моего Иессея, лев растерзал нашего ягненка, и я догнал льва и вырвал из его пасти жертву, и схватились мы с царем зверей, и я одолел его! Господь наш, пославший мне силы убить льва, не отступит и сейчас от меня!

И так он, Давид, убедительно говорил, так был настойчив, что сдался Саул, царственно кивнул он и стал говорить, что гордится Давидом, что верит тоже - Господь не оставит Давида. И Давид обрадовался, поклонился Саулу, стал благодарить. Авенир стал говорить, что надо взять оружие, готов был отдать свой меч. Саул повелел надеть медный шлем, отдал свою кольчугу, которая была столь велика, что закрыла Давиду не только грудь, но и ноги. И стало Давиду даже дышать трудно, тяжелы и непривычны были ему царские доспехи. И он понял, что не сможет в-них сражаться. И снял с себя и шлем, и кольчугу, и вернул все оруженосцам Саула.

Конечно, Маттафия отчетливо представлял эту картину, в доспехах Саула юный Давид утонул, он бы не сделал в них ни шагу. Да и было ли оно, это переодевание? Маттафия слышал и другие рассказы о происшедшем, и они были не менее правдивыми. Говорили, что рвался на поединок с Голиафом сам Саул, что все сдерживали царя, особенно Авенир, считавший, что царь не только в поединке, но и в битве не должен участвовать, что нельзя рисковать жизнью царя. И рассказывали, что никто не подводил Давида к Саулу, что царь даже не ведал, как его любимец и песнопевец прорвался через цепь воинов и побежал навстречу Голиафу. Саул увидел это только тогда, когда остановить бой было невозможно. И говорили, что здесь не обошлось без козней Ноара, что хитроумный евнуч хотел рукой Голиафа умертвить отрока, прельщавшего царя, что опасался Ноар возвышения Давида. Но каковы бы ни были рассказы, как бы ни хотели принизить подвиг Давида некоторые завистники, умалить его мужество не в силах был даже злобный Ноар, расцеловавший потом прилюдно победителя.

Конечно, если бы Саул знал обо всем, он не допустил бы Давида на рискованный бой, он сделал бы все, чтобы уберечь своего любимца. Саул сам бы вышел на поединок, вышел и победил бы, и тогда совсем по другому могла сложиться судьба Давида. Он бы все равно стал царем, коли

так решил Господь, но не было бы того страшного противостояния, не было бы тех гонений, что выпали на его долю. Он стал бы царем, но не стал бы героем...

В день поединка никто не верил в победу Давида. Он отошел от воинов к ручью, выбрал из ручья пять гладких камней, положил эти камни в свою пастушечью суму, прикрепил к поясу пращу, взял в руки посох и двинулся в долину навстречу грозному великану. Потупив головы, стояли воины, ожидая скорой гибели смельчака.

Давид потом рассказывал, что не было в нем страха, что страх пришел позже, когда из горла Голиафа брызнула кровь. А шел Давид на поединок неспешно, помахивая посохом, будто и не на поединок собрался, а просто так бредет по долине в поисках заблудшей овцы.

И когда заметил его великан, то выступил вперед, надвинулся, словно башня на катках, и с призрением взирал на Давида. «Я был для него мошкой, - рассказывал Давид Маттафии, - назойливым комаром, он приготовился раздавить меня, прихлопнуть своей ладонью, он, наверное, недоумевал - ужели не нашлось воина в израильском стане, что послали против него обезоруженного отрока. Зловещая ухмылка искривила его рот. Он не ведал, что Господь со мною, что Господь уже вложил силу в мою длань!». Маттафия слушал Давида, это было сразу после битвы в Гиве, слушал и восхищался его храбростью. Очень сожалел тогда, что не был допущен к битве, что не смог ничем помочь своему другу. Тогда Маттафия еще ничего не знал о Зулуне, он не сомневался в ее верности. Он повсюду рассказывал о подвигах Давида, он гордился своим другом. Его бесстрашием...

И все же, когда шел Давид навстречу Голиафу, наверное, смертный страх подступал к его горлу, но сумел Давид этот страх пересилить. Он вынул пращу и перебирал камни, лежащие в суме, как бы взвешивая каждый из них. Голиаф потрясал мечом над головой. Он крикнул Давиду:

- Что же ты идешь на меня с палкой и камнями? Пристало ли воину быть без меча? Разве я собака, которую можно отогнать посохом?

- Ты хуже собаки! - крикнул в ответ Давид.

- Да будешь ты проклят, презренный! Жалкий иври, я отдам твоё тело в пищу птицам и зверям! - взревел Голиаф.

И Давид рассказывал, что от этого крика поникли травы и содрогнулось небо. И еще рассказывал Давид, что все же в этот миг испытал великий страх, и мысленно обратился к Богу, прося укрепить силы и не оставить малого раба своего. И сразу испарился страх из тела его, и крикнул он великану:

- Ты идешь против меня с мечом и щитом, а я иду против тебя во имя Господа нашего, Бога воинств Израиля! И предаст Господь тебя в мои руки!

Они продолжали сближаться, и Давид увидел совсем близко огромного воина - полные злости округлившиеся глаза Голиафа, вздувшиеся жилы на его шее. И тогда раскрутил Давид пращу, всю силу вложив во взмах своей руки - и просвистел выпущенный из пращи камень. И вскрикнул словно раненый зверь Голиаф, ибо ударил камень в его лоб, и постоял он мгновение, качаясь, еще не веря в свою погибель, и вдруг рухнул лицом вниз, оглашая долину смертельным воплем. И с радостным победным криком бросился Давид к поверженному великану и поднял огромный меч, уроненный Голиафом, и наступив ногой на еще вздымающуюся в неровном дыхании грудь великана, резким ударом меча отсек его голову. И хлынула из горла кровь, орошая пожухшие травы. И стало страшно Давиду, и сам он не верил в свою победу. Бросился он на колени, славя Господа Бога, единого и всемогущего.

И потонул его голос в радостных криках воинов Саула, бросившихся в долину. Бежали они с копьями наперевес, сметая ряды филистимлян. И дрогнули филистимляне и покатались в панике со взгорья, словно огненный дождь смывал их. И с победными криками гнали войско филистимлян воины Саула. Филистимляне, охваченные великим страхом, утратили свою силу. И не помогли им быстрые колесницы и обоюдоострые мечи. И падали они, пораженные копьями и стрелами. Усеялась их телами вся дорога Шааримская до самого города Гефа.

В чем хочет увидеть подлость Давида Цофар? Ему бы встретиться с Ноаром, нашли бы общий язык. Есть в них что-то общее. Ноар ведь тоже мог любого оклеветать. Чтобы принизить победу Давида, стал повсюду говорить, что так не сражаются на поединке, как это сделал Давид, что победил Давид благодаря своему коварству. Правда, говорил это Ноар много позже, когда Саул и Давид стали врагами.

Тогда же, сразу после битвы, ему бы и рта не дали раскрыть. В Гиве встречали радостно победителей, женщины в белых одеяниях рассыпали шаронские розы под ноги воинам, тонко и залиристо пели флейты, звучали тимпаны и кимвалы. Все были восхищены Давидом, ему предрекали скорое возвышение и новые победы, с ним связывали свои надежды. Его так плотно обступили тогда, что он, Маттафия, не мог протиснуться к своему другу. Вечером был в Гиве большой праздник, небо светилось от тысячи зажженных факелов. Давид с венком из лилий на голове стоял на захваченной у филистимлян колеснице, воздев руки над головой. Может быть, ему нужно было быть скромнее, не надо было дразнить Саула. Но вряд ли он, Давид, тогда делал что-либо с особым намерением, он просто пожинал плоды своей победы. Но напрасно он ждал от царя обещанных наград, ему пришлось довольствоваться прежним положением в доме царя и утешать Саула, перебирая струны своей арфы. Он же, Маттафия, в то время, может быть и не совсем заслуженно, был произведен в сотники, и в его подчинении оказались воины, участвовавшие уже не в одной битве и

знавшие себе цену. Он умел ладить с людьми. И его все ценили. И когда ему однажды удалось пленить филистимлянского лазутчика, сам Саул одарил его, Маттафию, обоюдоострым мечом с рукояткой из темного сандалового дерева. Саул, вручая этот меч, сказал: «Если бы все воины были так верны мне и столь прилежны в службе, мы не знали бы поражений!». Саул вглядывался в него из-под кустистых черных бровей очень пристально, и, казалось, догадывался обо всем. Вот сейчас, думал тогда Маттафия, все поймет, заключит в объятия и объявит всем: «Возрадуйтесь, я обрел сына!». Но Саул, протянув ему меч, тотчас отвернулся, и улыбка покинула его лицо. Маттафии запомнились глаза Саула, взгляд, который многие не могли выдержать. Будто полыхал огонь в зрачках царя, огонь, готовый опалить тебя, и вдруг гас этот огонь, застывал, и царь смотрел, не мигая, смотрел на тебя и не видел ни тебя, ни окружающих.

Давид явно не проявлял своего недовольства, но все же был зол на царя - не получил Давид ничего из обещанного. Маттафия пытался успокоить друга: в богатстве ли счастье? Служим мы единому делу и должны быть верны своему царю. Давид усмехался, говорил, что ничего не стоит слепая вера. И неожиданно спрашивал: почему ты так привязан к Саулу, что у вас общего? И вглядывался в лицо, и молчал. Саула многие не любили. Он жил не по-царски, а приближенные к дому Саула хотели богатств и роскоши, он мешал им.

Саул не любил почестей, он не построил дворца для себя, был доступен каждому, часто царь сидел под тамарисковым деревом у ворот Гивы и выслушивал любые, зачастую даже мелкие жалобы, и судил людей справедливо. Но почему-то все опасались его гнева. Маттафия тогда ни разу не был свидетелем проявления этого гнева и всегда в разговорах защищал Саула. Давид же говорил, что с каждым днем этот черный гнев нарастает в душе Саула, Давид был тому свидетель, он был при Сауле и ему нельзя было не верить.

Тайные недоброжелатели и завистники виделись Саулу повсюду. И зачастую это были не призраки, выдуманные царем. Врагов у него хватало. Направлял и разжигал вражду пророк Самуил, восседавший у себя, в городе Раме, и не желающий признавать главным городом Израиля сауловскую Гиву. И ни разу не слышал Маттафия, чтобы царь хулил пророка, Самуил был для Саула посланцем Бога, Божьим голосом, Саул всегда помнил, что помазан на царство Самуилом. Саул был терпелив. Самуил слишком долго испытывал его терпение. Ведь царь покорился Самуилу даже тогда, когда повелел пророк перенести в Массифу Ковчег Завета. Саулу не удалось сделать Гиву главным городом, потому, наверное, он не хотел строить здесь свой дворец, как ни просила его об этом Ахиноама. Она оставалась единственной женой Саула, и хотя египетский евнух Ноар приводил в дом царя юных прелестниц, они здесь

подолгу не уживались. Однако, и Ахиноама не была желанной для Саула, он просто терпел ее, как женщину, давшую жизнь его четверем сыновьям и двум дочерям.

Саул не доверял никому, он презирал сынов пророческих, знахарей, колдунов и предсказателей. Он повелел очистить от них земли Израиля. Сам же он постоянно приносил жертвы Всевышнему и часто ночи проводил в непрерывных молитвах. Но не дано было ему сыскать любовь всемогущего и превечного Бога. Самуил вставал на пути Саула к Господу. Пророк в Раме открыто произносил проповеди-проклятия. О них доносили лазутчики. Их пересказывал Саулу Ноар, жаждущий углубить вражду между царем и пророком. Говорили, что отступил дух Господень от Саула, и возмущает его дух, ниспосланный демонами. Саула пытались развеселить, устраивали пиршества, льстили царю, угодничали перед ним. Но каждое льстивое слово слуг и военачальников еще больше раздражало его. И даже верный Авенир, начальник всего войска, потерял доверие Саула.

Единственный, кому доверял Саул, был старший сын его Ионафан. Он был похож на отца - столь же высок ростом, но все же черты отца в нем были смягчены, глаза его обрамляли длинные ресницы, а тонкие пальцы, казалось, были не созданы для того, чтобы сжимать рукоятку меча.

Но это только казалось, ибо не было воина храбрее и сметливее Ионафана. Но был он слишком добр для воина. Старейшины, торговцы, сотники и тысяченачальники старались искать заступничества его, пытались через него добиваться благ и послаблений, и не умел Ионафан никому отказывать.

Маттафия опасался, что Ионафан узнает его, он старался не попадаться на глаза Ионафану, но опасения оказались напрасными. Однажды, на учениях, когда бросали воины копья и старались поразить дальнюю цель, отличился он, Маттафия, и были замечены его сила и усердие. И обнял его Ионафан, и говорил всем, что надо держать копье так, как это делает Маттафия, что воин должен уметь вложить всю свою силу в бросок. И потом, когда они остались наедине, сказал Ионафан: «Я все помню, и стан Амалика, и то, как не удалось нам спасти людей,-и грех тот на мне несмываемый, но тебе обо всем этом надо забыть, и рука моя всегда с тобой...».

Очень любил Ионафан и Давида, они были словно родные братья и во всем доверяли друг другу. И он, Маттафия, часто с завистью смотрел, как идут они по Гиве, положив руки друг другу на плечи, словно двое неразлучных влюбленных. Давида часто призывал к себе Саул, и всякий раз видел Маттафия, что идет Давид в дом царя, словно на казнь. Давид рассказывал Маттафии, что гнев царя не имеет границ. Но, по словам Давида, когда он начинал играть, страх исчезал из его сердца, все растворялось в звуках. И струны арфы смягчали гнев царя. В это можно

было поверить. Было нечто божественное в игре и пении Давида. Маттафия был очарован этим сладостным пением. Они часто уходили за крепостные стены туда, где на лугах так сладко пахло скошенными травами, и казалось, оставались одни на земле. Давид играл на флейте и возвращал в Вифлеем, в спокойную пастушечью жизнь. И если прикрыть глаза, то возникали белые дома, разбросанные на холмах как белые барашки, отроги гор, журчала вода в роднике, робко шелестели травы, ручьи бежали с гор, где под лучами солнца таяли снеговые шапки, пели горлицы в высях, и мягкий живительный свет лился с голубого бездонного простора. Свет, данный человеку от Бога, ниспосланный Всемогущим в первые дни творения, когда отделил Господь этот свет от тьмы. И в этой музыке, в этом мерцающем свете, в завораживающих звуках виделась Зулуна, и кружилась она в танце, тающая в чистом небесном воздухе. Маттафия открывал глаза, и виденье исчезало. Оставалась песня. Казалось, слова в этой песне рождались не по воле Давида, он никогда не сочинял своих песен заранее, они были ниспосланы ему с неба...

Но недолго длилась тихая жизнь в Гиве. И дано было увидеть ему, Маттафии, растерянного, едва сдерживающего рыдания Давида, отвергнутого царем. Маттафия, как мог, тогда утешал своего друга, говорил о том, что все преходяще в этом мире, что гнев царя пройдет, что Саул ценит и любит Давида, и все, что произошло, было минутной вспышкой. Давид сидел, опустив голову. Он искал сочувствия, ему нужно было обрести прежнюю уверенность в себе. Он мог бы тогда признаться, что помазан Самуилом на царство, но, видимо, боялся даже другу открыть эту тайну. И только повторял, что не имеет права рисковать своей жизнью, что жизнь эта не принадлежит ему, а будет отдана во славу Израиля. Давид говорил бессвязно, то вспоминал Вифлеем, то снова и снова возвращался к недавно пережитому испугу...

Это был злосчастный день. Чтобы развеселить царя, Ноар привел танцовщиц из Вирсавии, они плясали обнаженные, сладострастно извивались, но не прельстили они Саула, и велел он их прогнать и привести к нему Давида. И поначалу он говорил с Давидом ласково. Сам вспомнил о своем обещании - победитель Голиафа должен получить в жены дочь царя. Впервые вспомнил. Ведь старшую дочь совсем недавно он поспешно выдал замуж. Оставалась младшая, его любимица - Мелхола, влюбленная в Давида. И когда Давид закончил игру на арфе, Саул сказал ему:

- Все здесь жаждут перехитрить меня, я окружен льстецами и завистниками. Они втайне клеветуют. Но ты, Давид, никогда не верь лживым наветам. Они говорят, что я не помню своих слов! Знай, что царь благоволит к тебе, и не держи зла на царя. Любит тебя Мелхола, и я исполню свое слово...

Давид понимал, что Саул, хотя и говорит так, не очень желает отдавать свою дочь за человека из незнатного рода. И стал объяснять Давид, что он, малый и ничтожный раб, не смеет настаивать на исполнении царских обещаний, что он беден и не может стать зятем царя, коли не имеет даже возможность дать должный выкуп за дочку царя.

Эти слова Давида рассмешили Саула, он откинулся на циновке и долго хохотал, а потом внезапно смолк и нахмурился, и, посмотрев злобно на Давида, крикнул:

- Играй! Что-то мы разговорились сегодня, твое дело перебирать струны, а не перечить царю. Здесь все охочи до царских дочек, думают - получают вместе с дочками и мое царство! Забывают, что у меня есть сыновья!

И заиграл Давид, но печально звучали струны арфы. И Саул продолжал хмуриться и смотрел на Давида немигающими глазами. И привело его в ярость то, что Давид не отводит своего взора и не страшится царя. И тогда схватил Саул копье, стоящее у изголовья, и что было силы метнул его в Давида. И просто чудом увернулся Давид, рванулся в сторону и застыл. А копье, просвистев рядом с ним, вонзилось в стену. И долго еще дрожало древко копья. И они оба смотрели, не отрываясь, на это древко, пока оно не замерло неподвижно.

Пена выступила на губах Саула, он был в ярости. Никогда рука его не знала промаха, со столь близкого расстояния он был уверен, что поразит Давида. Давид же стоял невредимый перед ним и не бросился на колени, и не просил пощады. И свели судороги тело Саула, и забился в падучей он на своем ложе. А когда очнулся и увидел склонившегося над ним Давида, то взял из его рук чашу с освежающим соком, но пить не стал и сказал, глядя поверх головы Давида, словно не замечая его: «Хранил тебя Господь! Уходи, отрок, и больше не бери мою душу своим пением!».

И Давид выбежал из царского дома и долго не мог прийти в себя. И когда он обо всем этом рассказывал ему, Маттафии, страх еще был в глазах и неизвестно было как помочь тому, кого все считали героем, и кто тогда вздрагивал от каждого шороха и шептал: «Лишит меня жизни, Саул, он догадался, он не успокоится, пока не избавится от меня...». О чем Саул мог догадаться - тогда не знал он, Маттафия. А если бы знал, то неизвестно еще было бы, на чью сторону встал. Тогда жалел Давида...

Но гнев Саула быстро прошел, и вновь все в Гиве заговорили о смелости и обаянии Давида, коли хвалит царь, почему же не подпеть. Старались все. Главный военачальник Авенир объявил о назначении Давида тысяченачальником. Давид обрадовался, воспрянул духом. Не понимал, что радоваться рано. И он, Маттафия, ничего не понимал. Предложил Давид вступить в его тысячу, согласился охотно. И не успели подготовить воинов, не успели обучить их, как грянул новый приказ - срочно идти в земли филистимлян, чтобы предотвратить их нападение на

земли Ефраима. Все делалось так поспешно, словно филистимляне уже напали и жгут города Ефраима. Нападения-то еще и в помине не было. Авенир торопил. И потом, когда вышли из Гивы, догнал отряд. Ехал на рыжем жеребце и все время ускорял поступь своего жеребца, и тогда, чтобы поспеть за ним, приходилось бежать. Так продолжалось всю ночь, а утром они поднялись на вершину одной из тех многочисленных гор, что окружали Изреельскую долину, и Авенир также внезапно, как и появился, покинул их. Надо было сразу догадаться почему, они же рвались в бой, как молодые телята на поросший клевером луг...

Утро было прохладное, они спешили, до наступления темноты надо было успеть пройти по тайным тропам с возвышенности к высохшему руслу ручья, чтобы очутиться в тылу у филистимлян. Но высохшее русло привело в болотистую вязкую низину, пришлось сворачивать, пробираться по бездорожью, в кровь разбивая ноги о нагромождения камней. И когда они, наконец, вышли к тому месту, где ожидали встретить отряды филистимлян, то увидели широкое вспаханное поле и за ним полуразвалившиеся крепостные стены небольшого филистимлянского города. Как им показалось, брошенного жителями и войском. Мост через ров, вырытый перед каменными стенами, был опущен, ворота крепостные распахнуты. И все стали говорить - надо войти в этот город, возможно, там есть припасы, наверняка, мол, филистимляне испугались и спешно покинули город. Все оживились в предвкушения легкой добычи. И вошли в город разрозненными рядами, не спеша, брели по улицам, будто прогуливались среди своих земель, где в каждом доме воин - желанный гость. И когда стали всматриваться в окна домов, в пустынные дворы, то подивились той тишине, что стояла здесь. И эту тишину внезапно разрезал свист смертоносных стрел. И закричал Давид: «К стенам! В укрытие!». Но было уже поздно.

Падали, достигнутые стрелами воины, словно их срезала незримая коса. И пронзительными криками огласился воздух. Началась паника. Опережая друг друга, перескакивая через тела убитых и раненых, все бросились под укрытие крепостных стен. И здесь нашли гибель те, кто опередил других в надежде на спасение, ибо сверху полетели камни и полилась кипящая смола. И тогда, надо отдать должное Давиду, он сумел повернуть бегущих, сумел собрать оставшихся в живых, и прикрываясь щитами, воины проникли внутрь сторожевой башни. По узким лестницам, по каменным ступеням взбежали вверх, смяв немногочисленную охрану. Теперь они были под защитой крепких стен, и лучники, встав у бойниц, стали разить стрелами филистимлян, стремившихся к сторожевой башне. Но на место убитых выбегали все новые и новые воины, казалось, внизу кипит море медных шлемов. Притащили тараны, сооружали прикрытия, чтобы подступиться вплотную к башне, чтобы огнем и дымом заставить защитников покинуть ее. Давид сумел так расставить людей, так

продумать всю оборону, что, казалось, это не первое его сражение, что он более других искушен в ратном деле. Он успевал появляться всегда именно в том месте, где ослабевали защитники, где надо было ободрить их и самому вступить в бой. Но вся его сметка, все его усилия могли бы оказаться тщетными, не приди на выручку редующему отряду Ионафан.

Занятые осадой сторожевой башни, филистимляне не успели даже осознать в чем дело, словно вихрь налетели на них воины Ионафана, пронзая копьями спины осаждавших башню. И когда филистимляне, отпрянув от башни, стали готовить отпор натиску Ионафана, воины Давида по веревкам спустились вниз и бросились в бой. Зажатые с двух сторон филистимляне были обречены. Давид, искусно владевший мечом, сам уложил не менее десяти вражеских воинов. Он, Маттафия, бился рядом с ним, стараясь уберечь своего друга и военачальника от коварных ударов сзади.

Он видел лицо Давида, когда тот, отбив удар меча грузного филистимлянина, сделал резкий выпад и вонзил в живот врага свой меч, вонзил и повернул его так, что кишки врага выпали наружу. Это был последний из нападавших филистимлян. Вокруг лежали убитые, стонали раненые. Давид упал на колени, и поначалу Маттафия подумал, что тот молится, благодарит Господа за победу, но лицо Давида позеленело, судороги прошли по его спине, и Маттафия увидел, что Давида стошнило. Нет, Давид не был рожден, чтобы убивать. Напрасно Каверун хочет представить его ненасытным и кровавым злодеем. Воин не должен содрогаться от смерти врага, это, безусловно, пришло к Давиду позднее. Убить человека всегда страшно, а в том сражении он убил не одного, а десятки врагов поразил его меч. И все же меч был чужероден для его рук, его тонкие пальцы должны были не сжимать рукоятку меча, а перебирать струны арфы. Но Господь оделил Давида другим жребием, и избежать этого жребия Давид уже не мог.

Понимал ли Ионафан, кого он спас тогда, догадывался ли, что Самуил тайно помазал Давида на царство? Обо всем этом он, Маттафия, тогда конечно не знал. Запомнилось лишь то, что когда вернулись после битвы в Гиву и праздновали победу, Ионафан не отходил от Давида, и всячески восхвалял Давида и утверждал его первенство во всем, хотя, если бы не Ионафан - вряд ли удалось бы им вырваться живыми из ловушки, устроенной филистимлянами. Но Ионафан не любил выпячивать свои заслуги. А когда возлежали они за пиршественным столом, обнял Ионафан Давида и сказал: «Не оставил милостью своей тебя Господь, мой самый близкий на лике земли человек, моя душа радуется за тебя, но и ты помни этот день и поклянись мне, что будешь милостив к дому моему, поклянись своей любовью ко мне, что будешь беречь род мой!».

Тогда эти слова удивили Маттафию, было непонятно, почему сын всемогущего царя просит клятвы у простого тысяченачальника. Теперь

Маттафия понимал - Ионафан о многом догадывался. Он уже видел в Давиде будущего царя, он добровольно уступал дорогу к престолу.

Давид тоже тогда не хотел понимать слов Ионафана, шутил, смеялся, наполнил до краев чашу Ионафана и все повторял: «Клянусь, конечно, клянусь! Тебе я обязан жизнью, если не будет тебя на земле, то и мне все станет немило!».

И радостно было тогда ему, Маттафии, смотреть на них, и верил он тогда в нерушимость клятвы, и понимал, что совершенно правильно утверждают древние в старых свитках, что когда человек любит своего друга как самого себя, то сам Господь хочет участвовать в их дружбе...

И теперь не хотелось верить, что забыл свою клятву Давид и даже представить было невозможно, что Давид поднимет руку на сына Ионафана. Все это злая выдумка Цофара, думал Маттафия, они хотят смутить меня. Они хотят показать злодеями и Саула, и Давида... И ему захотелось выкрикнуть в лицо Цофара: «Убийца и вор! Ты не стоишь и мизинца Давида! Ты подло соврал. Давид никогда не нарушил бы своей клятвы!». И все же червь сомнения просыпался в душе. Ведь отступился Давид от него, Маттафии, ведь поверил злым наветам...

Глава XIV

Всего лишь два дня прошло после суда, но Маттафии показалось, что они растянулись на долгие годы. Бездействие томило его и останавливало бег времени. Он понимал, что жизнь его может оборваться в любую минуту, что продолжения суда может и не быть. Он вновь и вновь возвращался в прошлое, и порой казалось ему, что все происходившее в этом прошлом, было не с ним, а с другим человеком. Его же самого уже нет. Судят не его, а Саула. Теперь он, Маттафия, встал на место отца. И запоздалые сомнения подступали к нему, и мучило раскаяние. Он старался не думать о тех годах, когда ради друга предавал отца, когда не сумел понять отца и проникнуться к нему сочувствием. Только теперь он начинал понимать, как тяжело бремя царства, как непосильно оно было для Саула...

Маттафия пытался передать свои мысли пергаменту, но после первых же с трудом начертанных слов понял, как это трудно и опасно. Его откровений ждет Цофар, и если писать правду, то она, эта правда, обернется против Саула, ибо не дано изобразить словами, что делается на душе человека. И все же Маттафия оставил на отдельном листке пометки для себя, он записал слова искаженно, чтобы никто не смог разобрать их смысл. Он понимал, как все это опасно. И еще он понимал, что для того, чтобы записать все увиденное и пережитое, ему не хватит самого толстого свитка пергамента. Это посильно только Господу - записать всю жизнь

человека в книгу судьбы, эта книга не умещается на земле, она таится среди мерцающих звезд, и ангелы, прежде чем явиться на землю и спасти или обречь на гибель, всматриваются в нее. И судьба его, Маттафии, и судьба первого царя Израиля Саула - все записано в этой книге...

Саул был слишком прост для царя. Он не желал обогащаться за счет собираемых податей, а коли царь не брал себе ничего, то и его приближенным, жаждущим добычи, приходилось идти на всяческие ухищрения. Все вокруг льстили ему, а за глаза старались опорочить. Один за другим являлись в покои льстивые царедворцы с нелепыми просьбами и гнусными наветами. Множил свои богатства Ноар, разжиревший и рвущийся к власти евнух; подати, собранные для покупки мечей, исчезали в домах военачальников; сановники пытались возводить дома за счет царской казны. Доносчики и клеветники плодились быстрее, чем саранча. Всех раздражало возвышение Давида. Распускали слухи, что не пение и его ратная смелость привлекают царя, а чресла голубоглазого отрока. Наветам поверила жена Саула Ахиноама. Не сдержалась, при всех начала корить царя. Маттафия запомнил ее обидные и напрасные слова, обращенные к Саулу: «Я во всем угождала тебе, я родила тебе сыновей, я во всем тебе потакала, бери себе на ложе сколько угодно женщин, но не допускай позора на дом свой! Помни, пои ибли садомяне, прельстившись на этот грех!».

Маттафия мог поклясться перед самим Господом Богом, что все эти наветы -подлая ложь. Саулу нужна была другая жена, такая как та, что дала жизнь Маттафии... Но не плотские страсти сжигали Саула, его одолевали мрачные думы, злые демоны все чаще вселялись в него. И тогда ему был никто не мил. Он мог метнуть копье и в Давида, и даже в Ионафана. Говорили о неистребимой злобе царя. Но с ним, Маттафией, Саул всегда был добр, ни разу не повысил голос, будто говорил не с простым сотником, а с человеком равным себе. Может быть, Саул догадывался, какие кровные узы соединяют их. Но об этом не было сказано между ними ни слова. Маттафия не задавал никогда вопросов. Он просто исполнял все, что повелевал царь, он старался все делать быстро и исправно, и, может быть, единственный из окружения царя, угождал Саулу не из лести, а из чувства долга. Ответных чувств от царя он не ждал.

Кого безмерно любил Саул, так это своих дочерей, особенно младшую Мелхолу, чернокудрую красавицу с большими, широко поставленными глазами. Сама мысль о том, что она может стать женой Давида, очевидно, выводила его из себя и омрачала все его существование. Он посылал Давида в самые рискованные набеги на филистимлянские земли, и тот всякий раз возвращался с победой. Женщины встречали воинов песнями, играли на кимвалах, казалось, все они были влюблены в Давида. Они пели псалмы, восхваляющие победителя и повторяли почти в каждом: «Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч». Саул не

выходил навстречу воинам и не выражал радости, уста его были сомкнуты, взгляд мрачен и сильнее сжимались кулаки.

За один из набегов, в котором он, Маттафия, прорвался в неприятельский стан одним из первых и внес смятение в ряды врагов, он был щедро вознагражден. Целых сто сребреников были вручены ему, и он не истратил в Гиве ни одного. Мечтал он тогда закончить воинскую службу и увезти Зулуну из Вифлеема, и поселиться в приморских землях, откуда были тогда изгнаны филистимляне, где никто не знал бы о его прошлом. Очень хотел он увидеть своего сына Фалтия и хотел, чтобы у него было еще много других сыновей, чтобы множился его род. Так и не дал Господь исполниться это его мечте. За грехи его замкнул Господь лоно жен... Слишком часто он, Маттафия, прерывал чужие жизни. Уже тогда, в Гиве, он устал от крови, от битв и по ночам ему являясь те, кого лишил он жизни - окровавленные, хрипящие, с безумными от смертной боли глазами, и чаще других возникал молодой филистимлянин, почти отрок, которого он, Маттафия, задушил в бою под городом Екропом, сдавив ему горло так, что лопнули хрящи, и кровь хлынула из ушей. После того боя под Екропом Маттафия особенно ясно почувствовал, что устал, и темные силы могут овладеть его душой. И стали воины, опьяненные шекером и похваляющиеся своими победами, невыносимы ему, и он уходил с пиришеств и искал одиночества.

И часто в снах тогда являлась ему Зулуна, и жаркими были ее объятия и томительно-сладкими и мучительными были пробуждения. И не выдержал он, и стал просить, чтобы отпустили его к жене в Вифлеем, и снизошел к его просьбам сам Авенир, при этом сказаны были им лестные слова и дано было право отсутствовать столь долго, сколько понадобится.

Хмурым, неприветливым небом встретил его тогда Вифлеем, надвигались холода, и поля были пустыми, давно уже убрали с них последний урожай. Он прошел знакомой тропой к своему дому, и после Гивы все здесь показалось ему крошечным, словно построены были дома для детских забав, и деревья тоже были низкими, даже дитя могло сорвать плоды с их верхушек. Не было ожидаемой радости в его сердце, и неясные томления охватили душу его, когда взшел он на свой порог, голодный и уставший от дальней дороги. Но вышла из-за цветастого полога Зулуна, и забыл он все свои тяготы, и отступил голод от него, и тело его налилось силой, и затрепетала вся его плоть. Зулуна тогда была самой желанной женщиной для него. Возможно, это были самые счастливые дни в его жизни. И был тогда рядом возросший сын, и было сразу заметно, что схож он с отцом, что такие же черные глаза у него, такая же полуулыбка нисходит с детских припухлых губ. Тепло и уютно было в доме, и унеслись, истерлись из памяти дни сражений, и на душе становилось спокойней, и сердце оттаивало.

Недолги холода в земле обетованной, быстро прошел месяц Шват, наступил месяц Адар, и хотя еще не начали работы на полях, надо было готовиться к новому севу. Сребреники, полученные за воинскую службу, быстро истратились - хозяйство, хоть и небольшое, требовало расходов, за железный плуг пришлось выложить половину из полученной суммы. И Маттафия тогда подрядился строить амбары для Иессея, отца Давида. Работал он с братом Давида. Этот брат Давида Елиав был ранен в битве с филистимлянами, и гноилась у него кость в том месте, где пронзило его филистимлянское копьё. Не мог он поднимать тяжелые бревна, приходилось Маттафии часто работать за двоих. Но работа не тяготила его. Радостно было видеть труды своих рук, когда руки эти не наносят смертельные раны, а кладут стены и воздвигают крыши, строят, а не разрушают.

Старый Иессей щедро платил за работу и сытно кормил своих работников. Да и считали его, Маттафию, почти своим в доме Иессея. Правда, Елиав не очень был с ним разговорчив. Маттафия пытался заводить с ним беседы о Давиде, восторгался храбростью своего друга, но всякий раз мзурился Елиав, а однажды сказал:

- Все мы ходим под дланью Господней, и не дано рабу Божьему изменить то, что предначертано в высях. Давид хочет стать превыше всех. Господь наказует людское тщеславие. Почему Давид рвется стать мужем Мелхолы? Его ли стезя -царская дочка? Он просто испытывает терпение Саула. Добром это не кончится. Давиду придется хлебнуть доли изгнанника, и гнев Саула падет и на наш дом...

Зрил в корень Елиав, был в нем дар прозорливца. Но тогда, в Вифлееме не хотел Маттафия верить мрачным предсказаниям Елиава. Ему, Маттафии, казалось, что завидует Елиав младшему брату, что всякое восхваление Давида раздражает Елиава. И Маттафия спорил до хрипоты, защищая друга. И однажды, дабы прервать поток его слов, сказал Елиав: «Возлюби друга своего, но не доверяй ему ложе свое!». И не понял сразу его Маттафия, был убежден тогда, что верна ему Зулуна. Однако после этих слов стал присматриваться к ней и ощутил, что произошла в его отсутствие какая-то перемена в Зулуне. Хотя почти не ощутима была эта перемена, ибо любила его Зулуна столь же страстно, как и раньше. Но стал замечать Маттафия, когда он возвращался в дом после работ у Иессея, встречала она его настороженно, всегда ждала, чтобы он заговорил первым. Стояла у порога, потупив взор, и только после его ласковых слов и объятий вновь становилась прежней Зулуной, нежной и страстной. Совпадали цели их и желания, она тоже хотела, чтобы он покинул воинскую службу, она тоже жаждала оставить Вифлеем и часто спрашивала, когда же они начнут готовиться в дальний путь. Но решили они тогда не торопиться, прожить здесь летние месяцы и тронуться в дорогу после сбора первого урожая.

Ждал тогда он, Маттафия, что навестит свой отчий дом Давид, и можно будет объяснить другу, что решил больше не служить и, конечно, готов взять меч, если нападут филистимляне, но в мирные дни участвовать в набегах не хочет, и счастье человек обретает не в том, сколько он поразит врагов, а в том, что укрепляет дом свой и умножает род свой. И ничего еще не подозревая, заводил разговоры с Зулуной о Давиде, о том, как хорошо им было с ним, как сладко звучала его флейта, и что хорошо было бы снова сесть вместе и послушать его пение. Зулуна не разделяла его радость от предвкушения предстоящей встречи и старалась перевести разговор на иные темы, и говорила, что нам за дело до Давида, возвысился Давид, песни поют о нем все женщины от Дана до Вирсавии, восхваляя его, и не станет он уже играть на флейте или на арфе, забудь его...

Почему так говорила Зулуна, Маттафия не сразу осознал. Ведь в Вифлееме имя Давида не сходило с уст и мужчин, и женщин, и отроков, и когда случался очередной праздник, в субботу ли, в новолуние, пели все псалмы, славя Давида и его победы над филистимлянами: «Господи, возлюбил ты Давида, слава его и скипетр в твоих дланях. Саул победил тысячи, а Давид десятки тысяч!» Зулуна не любила петь и плясать на праздниках, она все время была занята работами по дому и сыном. Он, Маттафия, в то время, как вырвавшийся на свободу сокол, жаждал наверстать упущенное. И часто в то время ходил на празднества один. Стоял обычно в стороне, наблюдал общее веселье, но когда начинали петь о подвигах Давида, славя сына Иессея, то всегда подпевал - ведь ему тогда казалось, что эти песни и о нем, Маттафии, ведь он сражался плечом к плечу с Давидом.

Вот на этих празднествах и заметила его рыжекудрая дочь владельца вифлеемских маслоделен юная Рахиль. Была она стройна, как пальма, и голос у нее был ангельский, чарующий. Несколько раз она проходила рядом, словно обдавая жаром, а однажды ей удалось втянуть его в хоровод, и пальцы их сплелись, и совсем рядом были ее губы, сочные словно половинки граната, жар ее тела передался ему, и они весело кружили под звуки флейт и кимвалов. И когда кончился хоровод, он чуть было не пошел за Рахилью в ночь, в луга, но вдруг опомнился, освободился от затягивающих чар и поспешил домой. И странно, в эту ночь ласкал он Зулуну особенно страстно, и никогда им не было так хорошо на ложе любви, и никак они не могли разомкнуть объятия, словно это была их прощальная ночь.

Через несколько дней пришлось Маттафии зайти в дом Симеона, отца Рахили и владельца маслоделен, надо было договориться о сборе олив, и попросил его Симеон оградить сад, и Маттафия сделал это быстро, почти за полдня. И когда работал, все время ощущал, что глядит кто-то на него из-за льняных занавесок, и догадался, что это Рахиль. То и дело выбегала посмотреть на его работу старшая сестра Рахили.

- Сила у тебя большая, Маттафия, - сказала в тот день улыбочивая сестра Рахили, - не всю ее забирает жена твоя, Зулуна, такого крепкого мужа хватит и на много жен, почему это только одна женщина должна пить из такого обильного источника, семени твоего хватит многим.. Он тогда стал отшучиваться, ответил старшей сестре Рахили, что не так уж сладка вода в его источнике, чтобы стремиться ее испить.

- Нет глаз у тебя, Маттафия, - не унималась сестра Рахили, видишь ты только одну женщину, а эта твоя единственная женщина свои ворота раскрывает не только для тебя, дружок твой усердно заменял тебя. Да и как на него не польститься - красоты он ангелоподобной, и песни его сводят женщин с ума, и нету воина храбрее во всей земле Израйля от Дана до Вирсавии!

Сказала она эти слова, ехидно рассмеялась и взбежала на порог своего дома. Он, Маттафия, тогда застыл, будто поразило его громом небесным, превратив в соляной столп... И все равно он не хотел поверить. Он думал, что сестра хочет помочь Рахили, что готова пойти на любой навет, лишь бы отвратить его от Зулуны. И все же зерно сомнения было брошено, и в тот же вечер он не выдержал и спросил у Зулуны про Давида. И кинулась ему в ноги Зулуна, и покаялась в содеянном. Уверяла, что демон попутал ее, и что давно все кончено. И с каждым ее словом все больше отстранялась его душа от нее. Он не стал избивать ее плетью, не стал позорить перед всеми, но больше ни о чем уже с нею не говорил.

И неожиданно для всех в Вифлееме привел он тогда в свой дом новую жену. Спокойно взирала Зулуна на все свадебные приготовления и ни словом не упрекнула его. Хотя в тот раз отдал он все оставшиеся сребреники маслоделу Симеону за дочку его Рахиль, был Симеон много богаче его, но таков обычай - за невесту положен выкуп. Была эта свадьба из тех, которые надолго запоминаются. Не поскупился отец Рахили: полно было яств на празднестве, десять жирных баранов зарезал Симеон, вина привез из Сихема, славящегося своими виноделами, приготовила Зулуна сладких пшеничных лепешек и кнедлики, и было в достатке на столах сочных плодов - и медовых яблок, и смокв, и гранатов, и кокосов, и винограда. И два дня и две ночи пировали тогда в Вифлееме. И сидела рядом с Рахилью Зулуна, и не смотрела на нее враждебно, ибо была рыжекудрая Рахиль словно дитя, и нельзя было не полюбить ее. И когда подошло к концу пиршество, увела Зулуна Рахиль в свои покои и умастила тело ее душистыми маслами, и поведала о тайнствах зачатия и о том, как принять мужчину в себя и семя его в лоно свое. Он, Маттафия, зашел за Рахилью и увидел, как обнимает новую жену Зулуна, и как плачет на груди ее Рахиль. Он уже тогда простил Зулуну и поклялся он, что не будет более даже произнесено имя Давида в доме их.

Но не волен человек в жизни своей, и повеления царя и военачальников решают его судьбу. И когда прибыл в Вифлеем гонец от

Ионафана с приказом явиться ему, Маттафии, в Гиву, то не мог он послушаться. Молча выслушал приказ, и помрачнело его лицо, и жгало его сердце. Не хотел он расставаться с Рахилью, не хотел покидать подрастающего сына своего. И сказал тогда вестник печали, видя его растерянность, что может он, Маттафия, взять с собой своих жен и сына, что найдется в Гиве дом для него, ибо ценят там его воинские заслуги. И решено было перебраться в Гиву. Омрачала лишь мысль о том, что снова придется встретиться с Давидом.

Ах, как плакала тогда Рахиль, как не хотела она покидать Вифлеем, совсем еще ребенок она была тогда, дочкой своей называла ее Зулуна. И сумела Рахиль пересилить себя. И закалила ее впоследствии жизнь, и чем труднее было, тем больше сил находилось у нее. Вот и теперь сумела вырваться из дворца, сумела обмануть отражу. Ноги у нее быстрые, достигла уже, наверное, самых дальних пастбищ, спаси ее Господь...

А тогда, в Гиве, Маттафия всячески оберегал ее, просил не покидать дом без него или без Зулуны, тогда она еще не умела постоять за себя. Главный город Саула был переполнен воинами, жили в шатрах, в общих домах, иногда прибывшие для пополнения войска ночевали прямо на улице. Для Маттафии нашел дом Ионафан, и хотя был этот дом меньше вифлеемского, но места всем хватало. И как ни избегал Маттафия Давида, но все же от встречи было не уйти, и был Давид столь рад, что вернулся Маттафия, что невозможно было устоять против его приглашения и пришлось пойти к нему. Почти не изменился Давид, голубые глаза его, как и прежде, сияли искренней добротой. И все же тень печали таилась в них, и хотя Давид старался скрыть свою тоску, казаться веселым и удачливым, но понял Маттафия, что не сладко живется тому, кому все завидуют в Гиве. И смирил себя Маттафия, и не стал высказывать Давиду все, что копилось на душе, и не стал упрекать ни в чем.

Были обширны и богато обставлены покои Давида, Саул и тот жил много скромнее, и пока сидел Маттафия у Давида, беспрестанно подносили слуги всевозможные яства и вина. Но нисколько не кичился Давид своими богатствами и своим положением и старался все время угодить ему, Маттафии. И заметив, что восседает Маттафия за трапезой нахмуренным, что нету улыбки на лице его, сказал Давид:

- Тебе непривычен уклад мой? Но все это я добыл сам, добыл в бою. Если бы ты не ушел в Вифлеем, мы бы вместе сражались. И я рад, что теперь ты будешь со мной, и только тебе я могу доверить своих воинов! Мы построим тебе отменный дом, хватит там всем места. Я слышал, двух жен ты привел в Гиву? А я вот пока и одной не решусь обзавестись. Все, что здесь, в этих покаях, ждет Мелхолу, она без ума от меня, но это дочь царя, и только он должен все решить. И я не ведаю, когда он исполнит свое слово. Полгода уже прошло, и я устал ждать. Старшую свою дочь, чтобы оберечь от меня, он отдал в жены ничтожному Адриэлу. Говорят, что и для

Мелхолы он ищет жениха. И я не могу идти наперекор царю, да будет воля его во всем!

Это он так говорил, но знал Маттафия, что не таков Давид, чтобы покорно ждать решения царя, и если Давид что-то сильно возжелал, то ничто его не остановит. И сказал тогда ему Маттафия: «Будет у тебя жена, всему свое время, не Мелхола, так другая, не хуже ее. Но лучше совсем не иметь жен, чем иметь такую, что расставляет колени и открывает лоно свое каждому домогающемуся ее».

И вроде бы смутили тогда эти слова Давида, потому что отпрянул он и закрыл лицо руками, но оказалось, не потому он подавлен, что стыдно ему за содеянное, о другом он страдал, жаждал он Мелхолу и причитал: «Ты не поймешь меня, не надо мне никого, кроме нее. Ни на одну царицу мира я ее не променяю. Скажет, умри - и паду я на меч свой. Да и она не хочет жить без меня. Ты видел ее глаза - все звезды небес скопили там свой свет, а ее волнистые мягкие волосы - как стадо коз они, сходящих с гор Галаадских!».

В тот день пришел к Давиду Ионафан. Это был человек, от которого светлели души и который умел для каждого найти доброе слово. Был Ионафан облачен в пурпурные одежды, и на груди его висел амулет из драгоценного камня, переливающийся ярким зеленым цветом. Сказал Ионафан, что говорил он с отцом и что склонил отца к тому, чтобы отдал он Мелхолу за Давида, что желает только счастья сестре своей и не будет ей большего счастья, чем соединение с возлюбленным.

И оживился Давид, и глаза его заблестели, не знал он еще, какого выкупа потребует Саул, и благодарил Ионафана за добрую весть. Наполнили они свои чаши и выпили за дружбу, а потом взял Давид арфу и пел им песни, славящие Господа, соединяющего влюбленных и дарующего высшее счастье на земле - счастье любви.

- Приду к тебе, возлюбленная моя, изопью мед и молоко под языком твоим и нету слаще поцелуя губ твоих, словно зрелый гранат раскрыты они, - пел Давид, и голос его был чист, как журчание ручья, сбегаящего с гор, и западала эта песня в самое сердце. - Господи! Ты нам прибежище из рода в род, ты даруешь нам радость зачатия, и перед очами твоими, о Господи, тысячи лет, словно один день, и мгновения любви ты превращаешь в вечность. Ты уносишь дни наши на волнах своих, и мы, как трава и цветы, утром вырастаем, цветом, зеленеем, но вот пришел вечер наш - и мы подсекаемся и засыхаем. Но в потомстве продолжение наше, и в сыновьях оживаем мы, они, плоды любви нашей, несут имя наше. Научи нас, Господи, так исчислять наши дни, чтобы продлились они, чтобы успели мы обрести мудрость в сердце своем. Рано насыти милостью твоей, и мы будем радоваться и веселиться во все дни наши...

Умел Давид зачаровывать песней. Маттафия слушал эти возвышенные слова, рожденные устами Давида, и сердце его оттаивало. Не

было зла в нем и готов он был все простить сладкоголосому псалмопевцу. Не хотелось ему верить, что Давид осквернил его ложе. Не мог, думал тогда Маттафия, человек, которому Господь вкладывает в уста столь проникновенные слова, соблазнить жену ближнего своего. Не понимал он тогда, что всем может пожертвовать Давид ради обладания женщиной, желанной для него.

И закончив песню, выслушав восторженные похвалы Ионафана, сказал тогда Давид:

- Осчастливил меня сегодня Господь, ибо возлежу я меж самых близких мне людей и рад, что вы нашли друг друга и схожи вы не только душой, но и обличьем сотворил вас Господь похожими друг на друга, будто один отец породил вас на свет...

И стал Маттафия бурно отнекиваться, уверяя, что не схож он с Ионафаном, что подобен ангельскому лик Ионафана, и никто не может сравниться с ним, и куда ему, простому воину, до них, каждый должен знать свое место...

Ушел в тот день Маттафия поздно от Давида, ушел с тяжелой ношей за плечами, одарил Давид двумя тюками переливчатого шелка и ожерельями из аметистового камня для Зулуны и Рахили, дал Давид еще два кувшина гранатового вина, а к поясу прикрепил меч, сделанный из невиданного доселе закаленного железа, которое блестело словно река, озаренная солнцем. И решил в тот вечер он, Маттафия, что никогда, не будет таить зла на Давида, ибо дружба сильнее женской любви, и не подточить женщине даже изменой эту дружбу. И если возлюбил Давид Зулуну, то была в том часть любви к нему, Маттафии. И надо уметь прощать друга. И в тот вечер, казалось, сумел он, Маттафия, откинуть мучившие его наплывы ревности. Запомнил ли Давид тот вечер? У властителей всегда много забот, клятвы, данные ими, недолговечны. Вокруг них полно советчиков. Они могли наговорить столько лжи, что очиститься от нее возможно только, если снова сесть рядом с Давидом и все поведать ему. Но захочет ли этого всемогущий царь? Кто сейчас для него он, Маттафия - незримая мошка, мечущаяся у огня...

Это тогда, в Гиве, Давиду нужна была его дружба, Давид хотел загладить свою вину. Подарки смягчают сердце. Обрадовались тогда в доме Маттафии и Зулуна, и Рахиль подношениям Давида. И пили вино за счастье и новую жизнь. И впервые после свадьбы с Рахилью, возлежал Маттафия ночью на ложе Зулуны. И радовалась больше всех тому Рахиль, вошедшая к ним с кувшином, наполненным соком из пальмового корня, укрепляющего мужскую плоть, и возлегла Рахиль рядом и нежно ласкала грудь Зулуны. А утром сказал Маттафия Зулуне: «Не смог я оторвать тебя от сердца своего. И напрасно я слушал людские наветы, и напрасно ты приняла на себя грех и согласилась с неправотой людской, ибо чиста ты, как горлица, как лепесток розы в росе!».

Он давал ей возможность забыть все, истереть из памяти случайный грех свой, и могла она согласиться с ним - и все бы ушло, растворилось, растаяло, но не поняла его Зулуна и сказала она тогда: «Счастлива я сегодня, Маттафия, возлюбленный мой, ибо Господь простил прегрешение мое!». И заныло опять тогда сердце у Маттафии, и гневом налились глаза его, и возвратилась тоска в его душу.

Перестал он стремиться к дому своему, а целые дни и даже ночи проводил среди своих воинов. Вышла в то время его сотня из подчинения Давида, и были они приставлены к дому Саула, нести стражу и оберегать царя. Тысяченачальником царской стражи был некто Шамгар из колена Манассии, был он ворчлив и строг, и угодить ему было почти невозможно. Но Маттафию он сразу приметил и был доволен его службой, хотя никаких похвал не высказывал, не в манере Шамгара было кого-то хвалить.

Заметив, что Маттафия может хорошо работать и топором, и зубилом, и строгают ловко, поручил он Маттафии изготавливать копья. И раздобыл тогда Маттафия прочное кедровое дерево для древка копий, и нашел умельца, бежавшего из филистимлянского плена и владевшего кузнечным ремеслом, чтобы не закупать наконечники, а самим ковать их. Сам Маттафия не стоял на страже у царского дома, но воины из его сотни постоянно ходили туда. И говорили, что Саул не любит охранников, что возмущился, когда Авенир попытался увеличить их число, сказав Авениру, что сам может постоять за себя.

Маттафия старался не попадаться на глаза Саулу, но уже поведал Шамгар царю о рвении сотника, а с Авениром говорил о сходстве царя и этого сотника. Был Авенир, по словам Шамгара, доволен и воздал хвалу уму и сметке Шамгара. Сказал Авенир, что давно искал человека, схожего обличьем с царем, ибо слышал, что у всех царей Востока есть такие люди - двойники, и что может этот двойник заменить царя в битве или, если царь занемог, выйти перед народом, чтобы успокоить людей, чтобы видели все, что царь пребывает в здравии и не одолели его темные силы.

Тогда он, Маттафия, не придавал особого значения смыслу этих слов, главное, чего он остерегался - чтобы не открылась тайна его происхождения, и сказал он Шамгару, что глаза подводят начальника, что у царя совершенно другое лицо, а высокий рост у них обоих потому, что они, наверное, ведут свой род от исполинов, живших на земле прежде, еще во времена Ноя. «Конечно, - согласился тогда Шамгар, - в тебе нет той силы, что у Саула и негу царской осанки!». Так говорил Шамгар, но другие военачальники, часто сетовали на то, что Саул не похож на царя, что царь не должен быть таким простым, что это пагубная простота...

Спорить со своими начальниками, только время терять. Знал Маттафия, что многие из них недолюбливают царя, что все царедворцы, все льстецы, днюющие и ночующие в царских покоях, с превеликим

удовольствием погубили бы своего царя. Он мешал им жить. Сам не строил себе роскошных дворцов и им не давал. Да, казалось, и не нужна Саулу крыша, ибо чаще, чем в своих покоях, сидел он у городских ворот под тамарисковым деревом. Саул был постоянно мрачен. И часто с ним случались припадки, и тогда стражники заслоняли царя от народа и ждали, когда темные силы покинут его душу. Но как бы не заслоняли, а об этих припадках знали все в Гиве и втайне смеялись над царем.

Из всех, кто окружал тогда царя Саула, наверное, один он, Маттафия, сочувствовал ему и пытался понять его, постигнуть, что разрушает его душу. Источник зла видел Маттафия в Самуиле. Переживал тогда царь разрыв с пророком, мучительно переживал. Ведь пророк помазал его на царство. Он был всем обязан пророку. И в то же время этот пророк в Раме проповедовал, что Господь отвернулся от Саула. Любого другого за такие слова можно было умертвить, но не Самуила. Народ верил, что пророк - единственный, кто может услышать слово Божье, и еще помнили в народе заслуги пророка и то, как сам он вставал во главе войска и разил мечом врага лучше и умелее, чем самые опытные воины.

Но получалось так, что на земле Израиля было два властелина: пророк и царь. И раздражение Самуила тоже имело истоки - ведь Саул сам нередко надевал льняной эфод священника и возносил жертвы всесожжения. Самуил увез Ковчег Завета к себе. Гива без Ковчега не была истинным главным городом. Самуил и Саул постоянно следили друг за другом. Никто из них не хотел уступать. В то время Саулу было лет сорок, но так он был изнеможен, так было испещрено морщинами его лицо, и печать страдания так кривила уста, что только сейчас, в свои шестьдесят лет, он, Маттафия, сравнился схожестью лика с Саулом тех лет. Поэтому все, кто видел Саула, сейчас признают в Маттафии царя. Они забывают, что Саул должен был еще и состариться, и старость эта оставила бы свои следы. И хотя в городе-убежище правит бывший маг и всевидящий волшебник Каверун, но и тот не догадался, что принял за Саула совсем другого человека.

В Каверуне все видят могущественного правителя, он может казнить и миловать, перед ним падают ниц, он живет в роскоши, и, наверное, собирает подати не так, как это делал Саул. Ведь первый царь Израиля вовсе не требовал десятину со всех подряд, его можно было разжалобить, легко уклониться от сдачи сребреников в казну. И сеяли недовольство именно те, кто обманывал Саула, смеялись над ним и говорили, что Господь лишил царя разума. Вот если бы он предал казни хотя бы одного из этих насмешников, стали бы они ниже травы и сомкнули уста свои. Саул тоже казнил, но не тех, кого следовало. Как мог царь предать смерти своих священников? Какое затмение нашло на него? И это только за то, что они приютили Давида! Опасался соперника? Вряд ли. Саул не щадил себя, даже зная о гибели из предсказаний аэндорской волшебницы, он

отказался от того, чтобы двойник заменил его в битве у горы Гелвуй. Прикажи он тогда ему, Маттафии, и принял бы смерть за царя без всяких колебаний.

Первый царь, отец, так рано погибший! Божий помазанный, ставший негодным Господу, по словам Самуила. Волю ли Бога провозглашал пророк? Во всем винил Саула. И сегодня ненавистен здесь, в городе-убежище, давно погибший царь, и уверен каждый, что именно Саул нес гибель народам Ханаана. А Саул сам не желал никого обидеть, но не мог пойти наперекор своему окружению, желавшему видеть в нем жестокого царя, жаждущим от его имени грабить народ. И стремились приближенные возбудить повсюду недовольство царем. Это была неблагодарность рабов. Одно желание было у них - принизить царя и возвеличить себя. Пели сами себе хвалу. Сам себя не похвалишь, весь день ходишь как верблюдом оплеванный, себя они хвалить умели. Хотели, чтобы и другие воздавали им хвалу. Но люди славили только Давида, видели в нем спасение Израиля. Приятно ли было слышать Саулу такие песни: «Давид добывает победу, меч его не возвращается в ножны без добычи, он поражает десятки тысяч там, где Саул лишь тысячу...».

И Саул посылал Давида в набеги, думал, где-нибудь да споткнется. Но все новые победы только увеличивали славу Давида. Пришлось сделать Давида тысяченачальником, предстояло отдать ему любимую дочь. Маттафия слышал, как Саул жаловался Авениру:

- Сделал я все для отрока, воинов подчинил ему... Ужели должен царством расплачиваться? Станет мужем Мелхолы, потом объявит Самуил по его указке, что царь не способен судить в земле Израиля, потом погубит сыновей моих. Что сделать, чтобы он отступился от Мелхолы?

И ответил на эти слова Авенир кратко:

- Надо запросить выкуп, достойный царской дочери!

Он, Маттафия, всегда стремился оправдать деяния Саула, может быть, здесь сказывалось то, что всегда помнил - не только царь перед ним, но и отец. Но когда услышал, что за выкуп требует Саул - ужаснулся. По чьей подсказке запросил кровавый выкуп Саул, Маттафия не знал. У Давида хватало тайных недругов. Были в Гизе люди, жаждущие погубить того, чье возвышение день ото дня становилось заметнее. Авенир понимал, что Давид может стать главным военачальником, Ноар хотел повелевать всеми, жена Саула Ахиноама ревновала царя к Давиду. Саула окружали льстецы и мздоимцы, для которых приход к власти Давида означал бы, в лучшем случае, изгнание из Гивы. Маттафия чувствовал в те дни, как мрачные тучи сгущаются над головой Давида.

В один из вечеров, когда дневной жар солнца сменила прохлада, и благодатный дождь оросил землю, он, Маттафия, подставив свое тело косым струям и не ища укрытия, возвращался домой. Внезапно Давид возник на его пути, они чуть не столкнулись. Дождь не радовал Давида,

даже в полумраке было заметно, как сумрачно его лицо. Они укрылись под листвою пальмы, и Давид поведал о том выкупе, который запросил Саул за дочь свою Мелхолу. «Знай, - сказал Саул Давиду, - будет твоей Мелхола, и не надо никакого выкупа от тебя, Давид, кроме ста краеобрезаний филистимлянских! Будет это и выкуп достойный, и отмщение врагам Израиля!». И поведал Давид, что Авенир, бывший при том, восславил мудрость Саула и сказал: «Все воспевают храбрость жениха, пусть докажет свою верность царю!». И потом, когда они покинули царские покои, сказал Авенир, что не даст ни одного воина, что выкуп - дело жениха, и рисковать людьми для добычи чужого возвышения он не станет.

Впервые тогда Маттафия видел Давида таким растерянным, может быть виною тому был еще и дождь, превративший кудри Давида в налипшие на лоб пряди, заставляющий его кутаться в промокшую насквозь накидку. Маттафия понимал, насколько коварно задумано все. И если Давид исполнит царскую волю, то вызовет гнев всех филистимлян, и не миновать ему гибели. Он, Маттафия, стал тогда говорить, что одному невозможно добыть сто краеобрезаний, убеждал отказаться от Мелхолы.

- Если я откажусь, - сказал тогда Давид, - она будет меня презирать. Это Господь испытует меня, испытует нашу любовь!

Маттафия твердо решил пойти вместе с Давидом. Давид не хотел об этом и слышать, он не простившись, выбежал из-под укрытия и исчез, растворился в безудержном ливне, полосы которого буквально пытались смыть город с лика земли.

А на следующее утро Маттафия получил от Шамгара повеление готовиться в путь. И дано было необычное задание. Саул отправлялся с отрядом стражников в Хеврон и непременно хотел, чтобы сотня Маттафии была с ним. И столь поспешно тогда покинули Гиву, что Маттафия даже не успел проститься с Давидом, не успел объяснить ему, почему не смог пойти с ним...

За два дня прошли они путь от Иудейских гор до Хеврона, никто не был оповещен об их походе, никто их не встречал. Молча подошли они к пещере, расположенной на окраине города, святой для всех пещере. В далеком прошлом их праотец Авраам, пришедший по велению Господа в Ханаанскую землю, раскинул свои шатры под Хевроном, он купил здесь эту пещеру за четыре сикля серебра, и она стала потом его усыпальницей, здесь похоронены - Исаак, Иаков, Сарра и Лея. Саул, дав повеление ждать его, спустился по каменным ступеням, ведущим в пещеру. О чем он молил тени патриархов, что хотел им поведать - известно только Господу. Был Саул в те дни хмур и молчалив. Донесли ему лазутчики, что в Хевроне зреет заговор против него, к тому же, десятины от доходов давно перестали поступать отсюда в царский дом.

Наместник Саула в Хевроне Нааман выстроил себе просторный дом, почти дворец, и все подати стекались к нему. Узнав о прибытии Саула, он приготовил пиршество в своем доме, но Маттафии не дано было восседать на этом пиру, ибо сообщили верные Саулу люди, что пока он будет пировать, заговорщики соберутся в сторожевой башне, где будут ждать подхода отряда наемников из моавитской земли. С помощью этих наемников они надеялись захватить дом Наамана и расправиться с Саулом. Беспокойство ощущалось в каждом движении, в каждом слове коварного Наамана. Постоянно к нему подходили посланники оттуда, из сторожевой башни, о чем-то шептались, он давал им новые повеления, и они исчезали. Все стражники Саула были приглашены за пиршественный стол, и тогда впервые Саул пристально и долго стал рассматривать его, Маттафию, и потом подозвал к себе. Впервые рука царя легла на плечи Маттафии, они отошли от стола и, скрытые от остальных колонной, говорили недолго и тихо. «Сын мой, - сказал Саул, и Маттафия невольно вздрогнул, хотя и понимал, что это было отнюдь не признание в отцовстве, так называл иногда Саул молодых воинов. Но к нему, Маттафии, обратился так впервые. - Сын мой, - повторил Саул, - ты хочешь защитить своего царя?». Маттафия кивнул. И Саул объяснил ему свой замысел: «Заговорщики уверены, что весь отряд здесь, на пиршестве у Наамана, ты схож со мной обликом, ты никогда не робел в битвах, возьми своих воинов и захвати тех, кто замышляет свершить злое дело, это надо успеть до подхода наемников. Поступай так, словно ты - это я...».

Маттафия выполнил тогда поручение царя, это было не так уж сложно. И он увидел, как ничтожны те, кто привыкли поражать только из-за угла, он увидел, как меняются лица у тех, кто страшится царского гнева. Он на краткое мгновение стал царем. Произошло все это так: он и еще два воина из его отряда быстро и незамеченные прошли к сторожевой башне, горе-заговорщики не догадались даже поставить стражу у входа в башню, так уверены они были, что все воины Саула уже вкусили пьянящего вина и продолжают трапезу.

Маттафия повелел воинам, поднявшимся с ним по узкой лестнице, затаиться, сам же потихоньку отворил двери, из-за которых слышались голоса. Было там всего человек шесть, и среди них два брата Наамана и священнослужитель Хеврона престарелый Ахея. Маттафия стоял и слушал их злобные речи. Они не замечали его. Они были уверены, что царь попал в капкан, они даже договаривались, как бросят его тело в горах и завалят камнями, избравив все так, будто Саул и его отряд погибли под горной лавиной, они не хотели расставаться со своими несправедливо нажитыми богатствами. Золотые и серебряные слитки не раз губили людей, тому Маттафия неоднократно был свидетелем, расхитители казны всегда были коварны и трусливы. И когда он обнажил меч и издал боевой клич, заговорщики, увидев в нем царя, застыли от ужаса. И первым очнулся

священник Ахей, он пополз к нему, Маттафии, он лобызал сандалии, они все попадали ниц и все наперебой объясняли, что выполняли повеление Наамана, что им просто некуда было деться, отступись они и Нааман не помиловал бы никого.

Казалось, у всех у них помутилась от страха голова, но в еще в больший ужас пришли они, когда Маттафия доставил их на пиршество, и их взору предстал подлинный Саул, восседавший во главе стола, и они сразу поняли, что никакие уверения в преданности царю уже не спасут их жизнь. Головы всех шестерых скатились тут же, в доме Наамана, которого казнили позже в Гиве. В тот день, в Хевроне, Маттафия понял, что царь, желающий сохранить свою власть, должен быть жестоким. Он понял, что слова - царь и смерть - очень близки друг другу.

Саул не был жестоким. Давид, если бы открыл такой заговор, как в Хевроне, не оставил бы в живых никого из рода Наамана и, возможно, разрушил бы и сжег город. Саул не был столь беспощаден, однако и он, как всякий царь, нес смерть. И еще он, Маттафия, почувствовал, когда заговорщики упали ниц перед ним, как заманчива и прельстительна власть, и ему захотелось тоже повелевать людьми. Он был еще слишком молод тогда и многого не понимал...

Жизнь при царском доме в Гиве была сложна и утомительна. Если теперь будет возобновлен суд здесь, в крепости-убежище, и на этом суде рассказать всю правду без утайки - это будет лучшим подарком для Каверуна. И можно навлечь гнев на еврейскую общину города. Об оправдании Саула тогда и речи не может быть. Они, его тюремщики, ждут этой правды. Они ждут скорого разоблачения Давида. Томительны дни ожидания, когда ничего не происходит, когда погружен только в свои мысли и совершенно не знаешь, какую сеть плетут для тебя, и какие силки расставляют для Давида. И ясно одно, понимал Маттафия, что запросят с него дорогую цену за жизнь, и, сохранив себя, не уйдет он тогда от гнева того, кого согласился обличать...

Глава XV

Ночью, когда он задремал, ему послышались шорохи, он затаил дыхание и лежал без движения. Тень метнулась вдоль стены к углу - туда, где лежали листки пергамента, потом на фоне окна возникли очертания узкой вытянутой головы, потом опять послышался шорох перебираемых листков, и легкие скользящие шаги, будто и не человек то был, а крался зверь, подстерегающий добычу. Добычи не было. Листки были чисты. Единственный, с одними ему, Маттафии, понятными пометами, был надежно спрятан. Дверь тихо затворилась, и тишина стала такой плотной,

что звенело в ушах. В этой тишине под утро опять стали чудиться неясные скрипы и топтание у дверей.

На рассвете, наконец, все стихло. Маттафия полудремал. И в эту предрассветную тишину входили прежние годы, и та суета, и праздничный шум, которые царили в Гиве в день свадьбы Давида и Мелхолы. А перед этим было ожидание, тягостное ожидание. В Гиве тоже было полно соглядатаев и воров, таких как Цофар. Это он ночью искал листки. Мог ведь придти и днем, придти и отобрать. Просто, привычка все делать тайно. Говорить одно, а делать другое.

Сколько было таких в Гиве, которые похоронили Давида заранее. И вот он появился с заплечным мешком, сутулый и сразу на несколько лет постаревший. Лицо его прорезали первые морщины, и глаза были потухшими. Стоял полуденный зной, но Саул не покидал своего места, он сидел в тени тамарискового дерева у городских ворот, словно ждал Давида. Давид молча миновал стражей и подошел к царю. Лицо царя лишь на мгновение озарилось улыбкой, которая тотчас исчезла, когда Давид опрокинул свой мешок, и все увидели запекшиеся в крови детородные отростки, их было явно больше сотни, никто не стал их пересчитывать. Лица людей были напряжены, словно все они были причастны к тому, что свершил Давид. И Саул не сказал, а прохрипел: «Она твоя, Давид, твоя отныне и навеки!».

Никогда не было выпито столько шекера и пьянящих вин, как на этом свадебном пиршестве. Три дня и три ночи не смолкала Гива, и был зажжен на высоком холме огромный костер, и казалось, в ночи новое солнце встало над городом. В красных отблесках огня развевались белые одежды подруг Мелхолы. Она восседала рядом с Давидом и Саулом в золотой короне, словно ханаанская богиня Астрата, богиня любви и плодородия, и шаронские белые розы были рассыпаны у ее ног. И на лице ее мелькали отсветы костра, красные языки которого лизали ночное небо.

Но мрачен был на пиру Саул, очень любил он Мелхолу и считал, что она достойна лучшего жребия, и тяготило его то, что досталась она сыну Иессея, рвущемуся отнять у него славу и престол.

И Давид был невесел, добившийся, наконец, своего, он понимал, что не избежать ему гнева Саула. А может быть, виделись ему те, кого погубил он, чтобы отдать выкуп. Беззвучно шевелились губы Давида. К кому обращался он? О чем просил? Перед кем каялся? Знал он один. И знал это Господь, от которого не утаишь даже мысли. Был ли замысел Господень в этом кровавом выкупе, вряд ли... В песнях своих Давид всегда воспевал милосердие Господне и его заветы. Но ведь сказано в заветах - не убий, не возжелай жены ближнего...

И лишь Мелхола была счастлива, она как будто не замечала ни сумрачности Давида, ни мрачности отца. Нежные ее губы были полуоткрыты, белые зубы сверкали как жемчуга, она откидывала голову, и

длинные волосы переливающимся потоком рассыпались по плечам, и затаенная улыбка озаряла ее прекрасное лицо. Но временами и на нее находила необъяснимая тоска, будто предчувствовала она, будто видела ту череду страданий, что предстояло ей перенести. Она знала, что не умолкнут враги Давида, что не смирится с ее выбором отец. И в послесвадебные дни, когда Давид и Мелхола не покидали своих покоев, когда вкушали радость объятий и поцелуев, завистники в царском доме не переставали нашептывать Саулу о том, что нельзя доверяться Давиду.

Маттафия был в покоях царя, когда собрались там сотники, тысяченачальники и царские сановники. Говорил пред всеми Авенир о непомерном возвышении Давида и его хитросплетениях, которыми окутал он всех, о посулах, обещанных воинам, о том, как заманивает в свои сети Давид легковверных людей, обещая всяческие блага и отмены податей. «Все это пустые посулы, - вторил ему Ноар, - я собственными ушами слышал, как похвалялся Давид, что семьи воинов не будут платить подати, когда он взойдет на царский престол!». Это была явная ложь, никогда Давид не обещал ничего подобного. Маттафия с трудом сдерживал себя. Он должен был тогда вступить за Давида, но кто бы прислушался к нему, простому сотнику. А его военачальник Шамгар, ненавидящий Давида, видя общее настроение, осмелел, и чтобы показать свою преданность Саулу, выкрикнул: «Доколе будем терпеть, пришла пора защитить царя от искусителя!».

И все разом закричали, что надо предать смерти нечестивца. И сказал Саул:

- Всему есть предел, и мое терпение кончилось!

Никто не решался возвысить свой голос в защиту Давида, и лишь Ионафан не согласился со всеми, поднялся он и горячо возражал отцу:

- Не грешит ли отец и господин мой против раба своего Давида? Он ведь ничем не вредил царю своему, и дела его весьма полезны для умножения нашего могущества. Опомнись, отец мой! Ведь Давид подвергал опасности тело и душу свою, чтобы поразить филистимлян, и Господь через него сделал спасение всему Израилю. Ты, отец, видел это и радовался! Ты слушал пение Давида, и оно просветляло душу твою. Для чего же ты хочешь согрешить, почему слушаешь клеветников, жаждущих пролить невинную кровь и умертвить Давида, верного слугу твоего и возлюбленного дочери твоей и сестры моей. Клянусь Господом Богом нашим, что нет среди сынов Израиля более преданного тебе человека, нежели Давид!

Но страшился Ионафан вызвать гнев своего отца, говорил искренне, и дружба была для него превыше всего. И возрадовался тогда Маттафия, что нашелся человек, вступивший за правду, и с восторгом воспринял ответные слова царя. Сказал Саул, смирив свой гнев, и глядя на сына с любовью:

- Честен голос твой, Ионафан, во всем ты стоишь на стороне праведности! И в отличии от льстецов, окружающих меня, говоришь все, что лежит на сердце твоём. Не меньшей славы, чем Давид, заслуживаешь ты - истинный победитель филистимлян. Ценю я твое воинское умение, и слово твое для меня превыше всех других. Жив Господь наш, ибо вкладывает он в твои уста слова правды. Клянусь тебе, сын мой, что не умрет Давид!

Ионафан, не ожидавший такого ответа и готовый к любому исходу, шагнул к отцу и поцеловал его в плечо. Лицо Ионафана просветлело, были прекрасны его глаза, полные любви к отцу. И стояла благодатная тишина в царских покоях, ибо никто не посмел возразить Саулу. И первым переменил свое мнение Ноар и, чтобы смягчить свои прежние речи, сказал, что возможно Давид воистину хочет улучшения доли многих, что молод еще Давид, а молодости свойственна горячность. И вслед Ноару те, кто совсем недавно требовали предать немедленно смерти Давида, начали восхвалять его храбрость и воинскую сметку. И даже Авенир сказал: «Погорячились мы, нельзя нам терять такого воина, каждый может споткнуться на пути своем и не нам судить его».

Маттафия обрадовался тогда, хотя и понимал, сколь невелика цена этим словам, и хотелось ему сказать Саулу: «Отец, не верь никому, ты сам волен решать судьбу рабов твоих, народ верит тебе и Давиду». Смотрел Маттафия тогда на Саула с восхищением, но царь не замечал простого сотника.

Жизнь в царском городе Гиве заставляла всегда держаться настороженно, не говорить открыто то, что думаешь, быть терпеливым и знать свое место. Это он, Маттафия, не понимал в те годы. Он искал благоволения царя, а надо было держаться подальше от царского дома. Ибо даже милости царя были опасны, они порождали зависть и озлобленность со стороны царских сановников. Решения же Саула порой были столь разноречивы, что каждый мог истолковать их по-своему. Казалось бы, Давида оставили в покое, но не прошло и месяца, как был Давид послан в рискованный поход против филистимлян. Причем его, Маттафию, а также Ионафана запретил Саул брать в отряд, отправляющийся на битву. Об этом поведал сам Давид в один из вечеров, когда они встретились после учений.

- Мне дают необученных ратников, - сказал Давид, - и не допускают к Саулу, говорят, что это приказ царя, что не хотят рисковать, что это будет не битва, а нечто вроде разведки, чтобы выведать силы филистимлян. Но я слышал, что Ноар задумал погубить меня, он знает, что филистимляне переполнены гневом, что поклялись умертвить меня. Мелхола молит меня остаться, она хотела сама уговорить отца, но я запретил это делать. Я воин и должен исполнить повеление царя, а не прятаться за юбки своей жены.

Маттафия не сказал тогда Давиду, что запрещено отправиться с ним вместе в поход, он все еще надеялся, что сумеет убедить Шамгара, он тогда не знал, что запрет наложен самим Саулом. Давид в тот вечер много говорил о Мелхоло, он считал, что ее любовь - главная удача жизни, что самому Господу было угодно соединить их, что он не достоин Мелхолы и молит Господа простить ему все прегрешения и не лишать его любви этой самой прекрасной из всех дочерей Израиля. Он говорил, что у Мелхолы недюжинный ум, что с ней можно говорить обо всем, а не только предаваться страстным ласкам на ложе любви. Она обучена и клинописи, и арамейскому письму, она помнит все старинные предания, она записывает псалмы, сочиняемые им.

- Я не держу зла на Саула, - сказал тогда Давид, - если бы у меня была такая дочь, как Мелхола. я тоже не хотел бы никому ее отдавать. Поверь, я не достоин ее. Мне надо еще долго каяться перед Господом и испрашивать прощения за свои прегрешения!

В этом был весь Давид, когда он увлекался женщиной, он считал ее превыше и прекраснее всех, она была для него небесным созданием. И так было до тех пор, пока ее не сменяла другая. Правда, любовь к Мелхоло не истерли годы, но, наверное, Господь не простил Давида, не простил тот выкуп, который он дал за Мелхолу. Господь затворил ее лоно, и не дано было ей продолжить род Давида. И то, что в ней не зарождалась новая жизнь, уже начинало беспокоить Давида, но тогда он еще ничего не говорил об этом, страсть затмевала ему глаза. Любовь Мелхолы к нему тоже не знала границ. И можно ли было не любить Давида...

Через день после той встречи Давид покинул Гиву с небольшим отрядом необученных ратников и двинулся на сближение с войском филистимлян в пустыню Зиф. Саул, отправивший по наущению Ноара на верную гибель этот отряд, впал в беспросветную тоску. Снова помутился его разум. Говорила Ахиноама, жена царя, что по ночам Саул вскакивает с ложа своего, кого-то невидимого пытается поймать, вытаскивает меч и машет им, а потом бьется в судорогах и зовет Давида. И возмущалась Ахиноама: о ком печалится царь, достойно ли это царя! Жестокосерден Давид, не дрогнула его рука, когда добывал он выкуп, не дрогнет и при истреблении сыновей царских, и пока жив Давид, не даст он наследовать престол сыновьям моим, и напрасно Ионафан столь доверяет ему, держит его Давид в коварных силках своих! Будь он проклят, Давид! Он и его арфа!

Желала она прилюдно погибели Давиду, да и другие его враги мысленно уже хоронили его. Но не сбылись их чаяния! В первый день месяца Ава, ранним утром разбудили Гиву протяжные трубные звуки шофаров и топот ног - то входили через крепостные ворота воины Давида и вели они пленных филистимлян, и гнали волов и овец, захваченных у врага. И пели воины песни, славящие их военачальника, храброго и

удачливого Давида. Но ни Саул, ни Авенир не вышли встречать победителей. Мелхола зато прилюдно обняла и расцеловала Давида, радостно приветствовал его Ионафан и говорил, что не надо таить зла на царя, что у царя много тяжких забот, а многие заботы рождают многие печали. И Давид соглашался с ним, говорил, что не держит обиды на царя в сердце своем, и царю обязан тем, что доверен ему, Давиду, был отряд ратников, что произведен он в военачальники, и благодарен он царю - ибо родил Саул самую красивую и величественную женщину из тех, что живут на земной тверди.

Был тогда счастлив Давид и готов был простить всем и наветы, и злобу, и всяческие ковы, замышляемые против него. И окружали Давида в Гиве не только враги, многие верили в него, сочувствовали ему и понимали, что Господь на его стороне. И как ни старались погубить Давида его враги, все их подвохи и западни обращал Давид себе на пользу и выходил победителем. Вот и на этот раз, как поведали ратники его отряда, долго молил он Господа о победе, ночь простоял на холме под ветвистым дубом... А утром удалось Давиду заманить в узкое ущелье филистимлян, сделали вид воины Давида, что в испуге убегают и даже копья побросали, и филистимляне, уверенные в скорой победе, кинулись в погоню, и стеснило их бег ущелье, а лучники Давида уже заняли свои места на скалистых уступах, и полетели смертоносные стрелы в спины филистимлян, и падали филистимляне, пораженные стрелами, и столько их пало, что заполнили трупы то узкое ущелье, и не осталось там места даже для узкой тропы, а к ночи слетелись грифы с окрестных гор и завершили кровавый пир. Казалось бы, после такой победы Давид должен был сменить менее удачливого Авенира и стать главным военачальником, но событиям дано было принять совершенно иной оборот.

Поначалу ничто не предвещало грозы. Веселье в доме Давида не прекращалось. Один праздничный день сменял другой. И наступил месяц Тишрей, и десятый день его - день очищения Иом-кипур. Давид принес в жертву Господу трех овнов без единого пятнышка, белых, словно облако небесное. И когда возносил жертвы, то молился и калялся в грехах своих. И пошел в этот день дождь, а после дождя заиграла на небе семью цветами радуга, ярким мостом соединила купол небесный и земную твердь, и увидели все в этом добрый знак.

Он, Маттафия, в этот день тоже принес жертву - молодого бычка и радовался вместе о Давидом. И все они в тот день веселились, и пили виноградное вино, и танцевали и слушали песни Давида. И никто не догадывался о приближающейся беде...

А на следующий день пришлось бежать Давиду, чтобы спасти свою жизнь. Тогда, в тот день, Маттафия почти ничего не понял. Дошли до него только обрывки разговоров, в которых царские сановники осуждали Мелхолу, и те проклятия, которыми они осыпали Давида.

Уже много позже, когда они вместе скрывались в пещерах у Мертвого моря, Давид поведал Маттафии, как ему удалось спастись...

В то утро, по словам Давида, будто кто-то с небес - ангел ли божий или сам Господь - подсказал Мелхоло: проснись и встань, беда на пороге дома твоего. Давид сквозь сон видел, как поспешно натянула она на себя свои одежды, потом подошла к нему и поцеловала, а потом засветила огонек в сосуде и, неслышно ступая, вышла из спальных покоев. Он проснулся окончательно, но вставать ему не хотелось. Вскоре она вернулась, была очень взволнована и сказала ему: «Вставай и поспеши, если ты не спасешь души своей сейчас, то не увидишь тебе более восхода солнца. И не буду я жить тоже, без тебя нет жизни мне!». Давид спросил, что так растревожило ее, и Мелхола сказала, что видела она, как мечутся тени людей у окна дома, что разглядела она затаившегося у порога ратника с обнаженным мечом.

Тогда Давид поспешно облачился в свои одежды, взял меч и копье. А Мелхола тем временем вытащила статую, изображавшую ханаанского бога Ваала, добытую в одной из битв Давидом. Она совсем недавно хотела сжечь ее, но подивилась мастерству умельца, вырезавшего из дерева этого идола, столь напоминавшего человека, и решила оставить статую в доме, хотя и рисковала. Если бы кто-либо донес левитам - пришлось бы долго оправдываться, даже дочке царя. Эту статую Мелхола положила на ложе, а сверху накрыла плащом Давида. А потом отворила окно и сказала Давиду, что сейчас она выйдет из покоев и громко закричит, чтобы сбежались к ней те, кто окружил дом и задумал недоброе, и сказала, чтобы Давид не обращал внимания на ее крики, а выскочил бы в окно и тем самым спасся. В минуты опасности, по словам Давида, Мелхола умела действовать обдуманно и спокойно. Все у нее и в этот раз было правильно рассчитано.

Она вышла из покоев, уронила светильник и громко закричала. К ней сразу подбежали люди - это были стражники, посланные Саулом, чтобы схватить Давида. Старшим у них был сотник, знакомый Маттафии, он сказал Мелхоло: «Не гневайся, моя госпожа, приказал нам Саул доставить к нему Давида. Скажи, где муж твой?». Мелхола спокойно ответила: «Муж мой болен. Вчера еще занемог и так сильно, что не может даже рукой шевельнуть, все тело его сковал недуг. Скажи об этом отцу моему, Саулу!». Сотник послал своего оруженосца к Саулу, а сам остался, не поверил он Мелхоло и пожелал увидеть больного. Она повела сотника в спальные покои, и тот увидел - лежит больной неподвижно, и успокоился сотник, приняв идола за Давида. Тут вернулся оруженосец, посланный к царю, вернулся с царским повелением - принести больного Давида в дом Саула. Кинулся сотник к постели, отбросил плащ - и увидел статую идола, и глаза ладонью прикрыл, ибо грешно даже смотреть сыну Израиля на безбожную статую.

Повели тогда Мелхолу к Саулу. Разгневан и мрачен был царь. «Ты отпустила врага моего! - закричал он, и задергалась у него бровь, и затряслись руки. - Ты не дочь мне, ты исчадь демонов! Это ты подстроила так, что он убежал! Ты слепа в своей любви, ты веришь только ему! А он при случае предаст тебя, не задумываясь!». Саул распалился, его трудно было остановить, он даже грозил, что предаст Мелхолу бичеванию, а потом отдаст на потеху рабам своим. Она, дрожа от страха, пыталась оправдаться. Говорила, что нету ее вины ни в чем, что Давид мог ее убить, если бы стала она ему препятствовать, и что хотя и любит она Давида, но кто может быть дороже отца...

И тогда приказал ей Саул, чтобы накрепко держала язык свой за зубами и чтобы не смела никому говорить, что он, Саул, ищет Давида, и если Давид появится в доме ее, то сразу же должна она известить сотника, который будет нести стражу в саду подле дома со своими людьми. И повелел он тому сотнику глаз не спускать с Мелхолы ибо не поверил царь ее покаянным словам, знал, что горячо любит она Давида.

И еще приказал Саул не выпускать ее из дома. Поэтому она не смогла предупредить брата своего Ионафана о том, что нависла над Давидом смертельная беда и нельзя ему возвращаться в дом свой. Маттафия тогда ничего об этом не знал. Помнится, очень удивлялись они с Ионафаном, что нигде не показывается Давид, и успокаивали себя тем, что решили - нежится их друг с молодой женой и видеть никого, кроме нее, не желает... А потом узнал Ионафан о совете военачальников, на который почему-то не были званы ни он, ни Маттафия, и на этом совете поведали лазутчики Саула, что пребывает Давид в Раме, у пророка Самуила, и было решено на совете послать отряд воинов в Раму для поимки Давида. И поняли они с Ионафаном окончательно, что хотят обречь на погибель Давида, когда даже Ионафана не впустили стражники в дом его сестры Мелхолы.

Оскорбленный Ионафан стал искать Саула, был разгневан и кричал на Авенира, - оказалось, что Саула нет в Гиве. Ионафан подумал, что его обманывают, искал повсюду царствующего отца. А тут поползли слухи, что Саул тоже отправился в Раму к Самуилу, и будто, не дойдя до дома Самуила, снял царь свои одежды, пал на землю и так пролежал всю ночь, и говорил непонятные слова, и зывал к имени господнему. И ехидно усмехались недруги Саула, рассказывая эти небылицы, и повторяли: «Опять Саул подался в пророки!».

Всего несколько дней отсутствовал царь в Гиве, и вот уже готовы высмеять и предать его. Одного такого насмешника он, Маттафия, едва не проткнул мечом. Понимал тогда Маттафия, что не пророчествует Саул в Раме, что это злой дух напал на царя и одолевает его душу. И хотелось ему, Маттафии, идти в Раму, встретить там царя, примирить с Давидом, успокоить, но был не волен Маттафия в своих делах и подчинен

начальнику своему Шамгару. И не прошло и семи дней, как Давид сам вернулся из Рамы. Ночью разбудил Маттафию стуком в окно и попросил срочно отыскать Ионафана. Давид спешил, и было не до разговоров.

В то время он, Маттафия, еще не представлял насколько далеко зашел в своем гневe Саул. Думал, что все это преходяще, отступятся от Саула злые духи, и вновь будет царь благосклонен к своему любимцу Давиду.

И казалось Маттафии, что напрасно таятся Давид и Ионафан. Через несколько дней они все втроем встретились на поляне за тамарисковой рощей. Давид обнял Маттафию, говорил растерянно, утверждал, что нету ему спасения. Впервые видел его таким Маттафия - плащ порван, борода всклокочена, под глазами круги. Говорил Давид, что Саул не даст ему жить спокойно ни в одном из городов Ханаана.

- В чем грех мой перед отцом твоим? Почему он хочет погубить душу мою? - спросил Давид с тоской, обращаясь к Ионафану.

- Никак не умрешь ты, - сказал Ионафан, - отец открывает моим ушам все дела свои, зачем ему скрывать от меня свои повеления? Тебя хотят столкнуть с ним сановники его, я знаю, это они натравливают отца, они все подстроили!

- Ах, Ионафан, любезный моему сердцу, - печально произнес Давид, - отец твой и господин наш царь Саул хорошо знает, что я нашел благоволение в очах твоих, и потому он никогда не скажет при тебе открыто, что решил умертвить меня, он не захочет огорчать тебя. Но поверь, только один шаг между мной и смертью!

- Поверь, Давид, - воскликнул Ионафан, - что душа твоя пожелает, все сделаю для тебя, для твоего спасения!

И он, Маттафия, тогда тоже поклялся, что всегда придет на помощь, что не страшится гнева Саула, что сделает все, чтобы смягчить сердце царя. И договорились они тогда, что надо все окончательно выяснить у Саула, узнать - велик ли гнев царя и в чем причины гнева. И сказал тогда Ионафан, что, возможно, преувеличены все страхи, что должен Саул понять - не враг ему Давид. И думал тогда Маттафия, что пройдет гнев Саула.

Это уже потом он, Маттафия, осознал, какая пропасть разверзлась между Саулом и Давидом, что, возможно, именно в Раме сказал Самуил царю об избрании нового помазанника и назвал имя этого помазанника - Давид. Догадывался ли об этом Ионафан - у него уже не спросишь, пока сам не сойдешь в царство теней. Но если бы даже и знал Ионафан о помазании Давида на царство, не отступился бы он все равно от своего друга. Давид это знал тогда. Все свои надежды он связывал с Ионафаном.

Предложил Давид, чтобы Ионафан на трапезе, посвященной началу месяца, на которой раньше всегда присутствовал Давид, выяснил все у Саула. И если Саул начнет спрашивать о нем, о Давиде, то должен

Ионафан сказать, что Давид выпросился у него пойти в Вифлеем на годичный пир своего рода, ибо был такой обычай у отца Давида Иессея - собирать сыновей своих в начале месяца Кислев. Если в ответ на это Саул скажет: правильно сделал, сын мой - то опасаться нечего, гнев царя прошел. А если вспылит и начнет поносить Давида - надо срочно бежать из Гивы. «Пусть только выскажет Саул вину мою, - попросил Давид Ионафана, - и если есть какая вина на мне, то умертви ты меня сам, господин мой Ионафан, зачем долее страдать мне и ждать смерти от отца твоего!»).

При этих словах Давида отпрянул от него Ионафан и развел руками, очень обидны были для него речи друга, ведь все готов был сделать для Давида. «Опомнись! - воскликнул Ионафан. - О чем говорят понапрасну уста твои? Я знаю - ты чист в помыслах и делах твоих! Если задумал отец мой злое дело, ужели не извешу я тебя? Уверен я, что уже прошел его гнев, и жаждет он увидеть тебя, и оказать тебе милости свои...». И договорились они встретиться через день здесь же, за тамарисковой рощей, около большого камня. Условились, что Давид притаится за этим камнем. И сказал Ионафан, что возьмет с собой его, Маттафию. Но стал возражать Давид, стал говорить, что не надо вмешивать в эти дела Маттафию, ибо семья у него и в ответе он за домашних своих. Маттафия тогда слушал Давида с недоумением, при чем здесь семья, воин всегда рискует собой, и мелькнула догадка - не опасается ли его Давид, не думает ли, что он, Маттафия, таит на него зло за прошлое, за Зулуну. Но может ли женщина разрушить дружбу?

Теперь он, Маттафия, понимал, что Давид судил других по себе. Он, Давид, мог предать друга из-за женщины, он мог послать на смерть соперника, как он это потом сделал с Урией Хеттеянином, чтобы завладеть его женой Вирсавией... Тогда же, в Гиве, Маттафия обиделся, стал клясться, что не боится гнева Саула. И сказал тогда Ионафан: «Давид прав, то что позволено и будет прощено сыну царя, то не простится простому сотнику! Я возьму с собой своего оруженосца». И помнится болью отозвались эти слова в сердце. Но было не до споров и обид. Темнело, надо было успеть обо всем договориться.

«Ты будешь сидеть за камнем, - объяснял Ионафан, обняв Давида за плечи, - и я пушу в твою сторону три стрелы, будто я стреляю в цель, а потом пошлю отрока-оруженосца, говоря: пойдя найди три стрелы, и если скажу ему - вот все три стрелы сзади тебя, возьми их - то все улажено, и спас тебя, Давид, всемогущий Бог, а если я скажу отроку - вот все три стрелы впереди, то значит, следят за мной, и ты, Давид, уходи, не медля и спасайся. А я все сделаю, что могу, для спасения твоего. Но и ты, если будем живы, окажи мне милость Господню - сохрани род мой, не отними милость свою от дома моего во веки веков, даже и тогда, когда многих будешь истреблять, пусть останется милость твоя на доме моем.

Поклянись мне, Давид!». И обнял тогда Давид заступника своего и друга Ионафана, и проступили слезы на глазах у него, и клялся Давид, что все исполнит для Ионафана...

Но может ли человек клясться в чем-либо, вправе ли давать клятвы, коли ходит каждый под Господом Богом, в дланях Бога судьба каждого, и волос не упадет с головы без веления свыше, а свершится иное - и прогневается Господь и направит руку твою на пролитие крови, и что тогда будут стоять все клятвы. Тогда, в Гиве, он, Маттафия не понимал, почему Ионафан требует такой странной клятвы, причем уже не в первый раз. И надо теперь только удивиться прозорливости Ионафана, предвидел Ионафан, что не наследовать ему престол отца, знал, что помазан Давид на царство. Знал, но не стал врагом Давида, а еще более дарил его своей любовью. И если то, что сказал Цофар правда, если покусился Давид на весь род Саула, если не пощадил сына своего друга, то это уже совсем не тот Давид, которого знал Маттафия...

Как они с Ионафаном переживали за судьбу Давида! И в праздник новомесячья сидели рядом на трапезе у царя. Рождался месяц дождей - Тевет, повеяло уже холодом с гор, и вот-вот должны были начаться обильные ливни. Но в сам день праздника новомесячья выдалась солнечная погода. Но не веселило ни солнце, ни чаши с шекером собравшихся в доме Саула. Молча сидели военачальники за праздничным столом. Рядом с царем, как обычно, сели слева Авенир и Ионафан, а справа - осталось пустым место Давида. И тогда спросил Саул у Ионафана: «Почему это не пришел сын Иессеев?». И не было злости в голосе царя, и если бы не знал ничего Маттафия, то мог подумать, что обеспокоен Саул и печется о своем любимом песнопевце и военачальнике. Однако, это было далеко не так, ибо даже по имени не хотел назвать Давида Саул, а спросил, как о самом обычном простолюдине - сын Иессеев. И не поверил Саул сыну своему Ионафану, когда тот стал объяснять о празднестве в родном городе Давида Вифлееме. Пытался он успокоить царя, но чем больше он старался, тем более приходил Саул в ярость, и весь свой накопившийся гнев обрушил на Ионафана. И такой ненавистью горели глаза Саула, что Маттафии казалось, бросится сейчас царь на сына своего, и Маттафия даже привстал и подвинулся ближе, чтобы встать, если потребуется, между ними.

- Негодный! Непокорный! Извращенный похотью! - выкрикивал Саул, схватив Ионафана за края одежды. - Так ты чтить отца своего, что и малого не можешь исполнить из приказанного мной. Велел я тебе привести сына Иессея, а ты явился один! Ты испугался за его жизнь! Разве я не знаю, что ты подружился с сыном Иессея на позор отцу и матери. Ты не поймешь того, что доколе этот хитрец будет жить на земле - не устоишь ни ты, ни царство твое. Не станет меня - и не к тебе перейдет престол мой! Ты

сейчас же пойдешь и приведешь его сюда, он обречен на смерть, так угодно Господу!

Лицо Ионафана побледнело, он сжал кулаки, казалось, он сейчас кинется на царя. Авенир бросился к Ионафану, готовый схватить ослушника, но отстранил его Ионафан и шагнул к атласному пологу, завешивающему вход в покои. Лицо его стало белым, как мука, все мышцы его напряглись, и желваки заходили на скулах, и спросил он у Саула:

- Что сделал тебе Давид, отец и господин мой? За что ты хочешь умертвить человека, верного тебе? Или правду говорят, что злой дух одолел тебя?

Это было прилюдное оскорбление, собственный сын при всех высказывал непокорность. Быстрым движением, словно лев, отскочил Саул от стола, выхватил у оруженосца копье и метнул в своего сына Ионафана. Ахнули все разом. И неподвижно стоял Ионафан, не сделал даже попытки уклониться от летящего копья. Но хранил его Господь, и пролетело копье мимо, распоров атласный полог у входа.

И тогда в зловещей тишине Ионафан поднял копье, и замерли все вокруг, но не направил он против царя и отца смертоносное оружие, а положил копье на порог и покинул отцовские покои, не сказав ни единого слова. Немного погодя, и он, Маттафия, вышел наружу и одиноко и тоскливо было на душе его.

Можно ли было простить все это Саулу? Можно ли оправдать его? Теперь он, Маттафия, должен ответить за все. Стать продолжением того, кто дал тебе жизнь, так повелевает Господь. Когда решился бороться, не должно быть сомнений. И если не покинет Всевышний, то придаст силы и вложит свои слова в уста. Им, Всевышним, был избран Саул из сонма многих! Легко ли было простому пастуху стать помазанником Божиим? Пасти народ свой, защищать и не пролить крови - возможно ли? Пусть все услышат правду о нем, первом царе Израиля. Но всегда ли нужна вся правда? Услышав ее, возрадуются те, кому нужно представить царя исчадием ада, порождением злых демонов...

Маттафия подошел к окну, кроны деревьев заслоняли небо. Там, за ними, были крепостные стены, были городские ворота, через которые, возможно, ему уже не дано выйти. Ловушка, которую он сам устроил себе, вот-вот захлопнется. Давид - последняя надежда. И неизвестно, что он предпримет? И дойдет ли весть до царственных ушей. Кто мчится в Иерусалим? Кому смогла довериться Зулуна? Вопросы - без ответов...

Маттафия стоял у окна, погрузившись в мрачные раздумья, когда за спиной его послышался вкрадчивый голос Цофара:

- Царь бодрствует? По-прежнему чисты пергаменты, и память не хочет возвращаться? А ведь пора для отыскания истин пришла... Царю угодно выслушать про те злодеяния, о которых он забыл?

Маттафия повернулся, рядом с Цофаром он увидел человека со свитком, а позади за ними, склонив голову, стоял Бер-Шаарон, которого держал за плечо стражник.

Глава XVI

Бер-Шаарон шагнул вперед и очутился как бы один на один с тем, против кого он должен был свидетельствовать. Пленник окинул его изучающим взглядом, в котором не было ненависти, а напротив, даже сочувствие. Словно вернулись они в тот день, когда после победы над амаликитянами от царя зависело - жить или не жить ему, Бер-Шаарону. И тогда царь пощадил его. Он понял, что нету никакой вины на нем, Бер-Шаароне. Бер-Шаарон просто высказал сомнения, когда выбирали царя, каждый человек имеет право сомневаться, имеет право говорить правду. Теперь от него, Бер-Шаарона, ждали той правды, которая должна погубить царя, обречь царя на казнь.

Писарь развернул свиток пергамента, помешал тростинкой в чаше с краской и, пригнув голову к плечу, приготовился передать пергаменту слова, обличающие царя.

Цофар уселся на ложе и откинулся к стене, поглаживая бороду. Стражник встал рядом с пленником, опустив руку на рукоять меча, торчащего за поясом. В помещении было душно, и Бер-Шаарону казалось, что горло его сдавлено какими-то невидимыми пальцами.

- Итак, приступим, - сказал Цофар, растягивая слова, - видит великий хранитель города Рамарук, что нами все делается во имя справедливости; сказано всесильным Рамаруком, что никто на земле не может избежать наказания за свершенное зло, и ничто не может быть сокрыто тенью, ибо приходит полдень, солнце встает над головой, и исчезают тени.

Цофар замолчал, самодовольно улыбнулся и поднял голову, оглядывая всех поочередно. Бер-Шаарон кивнул, в горле у него словно застрял комок, и он судорожно сглотнул. Он знал - от него требовали открыть самое страшное злодеяние Саула - убийство священников Номвы. Он должен поведать о том ужасном дне, когда пролилась кровь невинных. Бер-Шаарон на мгновение прикрыл глаза и перед его мысленным взором предстал главный священник Номвы мудрейший Авимелех с перерезанным горлом, кровь стекала с уголков его сомкнутых губ, и словно второй рот - была рана на горле, кровавый след от ножа Доика Идумеянина.

- Ты боишься Саула? - спросил у него Цофар. - Тебе надо бояться не его, а меня. Есть средства, способные раскрыть уста любому, мне просто

жаль истязать твою старческую плоть! И мы ценим, что ты первым открыл нам, кого мы поймали. Зачем он пришел сюда, ты, наверное, тоже знаешь? Может быть, хотел собрать недовольных Давидом? Безумец! Пошел верблюд рога получать, а ему и уши обрезали! И ты, если будешь хитрить и изворачиваться, уподобишься верблюду, жаждущему занять рога!

- О чем я могу свидетельствовать, мой господин, - сказал Бер-Шаарон, - всем известно об убийстве священников Номвы. Господь наказует нас - и тех, кого давно нет, не оживишь, а нас он заставляет страдать и дает нам память, вызывающую из прошлого кровавые дни.

- Так ты говоришь, кровавые дни, ты свидетельствуешь об этом? - оживился Цофар и приказал писарю, чтобы тот записывал свидетельство злодеяний. Писарь и без того уже скрипел тростинкой по пергаменту.

- Сколько священников было убито? - спросил Цофар.

- Восемьдесят пять из тех, кто носил льняной эфод, - ответил Бер-Шаарон и после некоторого молчания добавил, - я мог быть восемьдесят шестым...

- И ты еще пытаешься оправдать своего царя, как ты труслив. Не бойся его, он уже ничего не сможет сделать тебе. Он подобен мухе, у которой оборваны крылья, - сказал Цофар и отрывисто засмеялся. - Давай, спросим у него.

Он повернулся к пленнику.

- Поведай, как ты резал священников, - сказал Цофар, - как ты посмел поднять руку на служителей своего Бога? Ты знаешь, мы здесь чтим всех богов. Самый страшный грех - это оскорбление служителей богов. Никто в нашем городе не посмеет оскорбить священнослужителей. А ты убивал их! Ты не боялся расплаты в подземном царстве?

Цофар поднялся и подошел почти вплотную к пленнику, теперь он говорил, задрав бороду вверх, глаза его блестели, ему нравилось обличать преступника.

- Убийство священников - преступление, которому нет оправдания, - неожиданно заговорил пленник, лицо его напряглось.

Бер-Шаарон почувствовал, как трудно далось пленнику это признание. Цари никогда не признают себя виновными, это Бер-Шаарон усвоил давно.

- Ты признаешь, что совершил преступление? - спросил у пленника Цофар.

- Священники тоже были виновны, они снабдили Давида оружием, - ответил допрашиваемый, - и не царь убивал их, а Доик Идумеянин, старик может это подтвердить.

- Да, да. Я подтверждаю, - быстро поддержал Бер-Шаарон, - это был Доик Идумеянин, он один вызвался, он один...

- Но ведь это был приказ Саула, - прервал его Цофар.

- Был ли выбор, - сказал пленник, - был ли другой путь. Царь помазанник божий, служители Господни пошли против помазанника...

- За убийство служителей Бога даже помазанник божий должен быть казнен! Он осквернил тех, кто служит Богу, он осквернил храм божий! - выкрикнул Цофар.

- Это ты говоришь, - усмехнулся пленник, - святыни Бога неприкосновенны. Саул чтит их. Даже в языческих храмах не позволял расхищать дары... Однажды алмаз был украден из храма Дагона. И тогда царь повелел отыскать похитителя и казнить. Но нечестивый скрылся...

При этих словах Цофар вздрогнул и нервно затеребил бороду. Потом после долгого молчания сказал писарю:

- Нет смысла тратить пергамент на бредовые речи. Ничего путного нам не добиться от злобного царя и старика, выжившего из ума!

- Я тоже слышал о пропаже алмаза, мой господин, - сказал Бер-Шаарон. - Саул искал похитителя, он знал, кто свершил зло, говорят потом злодей скрылся в городе-убежище, у нас скрылся...

- Тебя не спрашивают, - злобно крикнул Цофар, - лучше вспомни: только ли священников убил Саул, не поразил ли он город священников - Номву, не обесчадил ли он жен священников из Номвы? Достоин ли он жить после этого? Вспомни вину его перед тобой, а не выдуманные им алмазы...

- Господь судит нас, - тихо произнес Бер-Шаарон, - и вправду ли мы творить суд над помазанником его, предо мною нет вины царя.

- Ты ошибаешься, - оказал пленник, - царь виновен перед тобой и перед дочерью твоей. Ты тоже виновен перед ней. Все мы виновны друг перед другом, и будет ли дано нам выслушать покаяние каждого?

- Эсфирь, бедная моя девочка, моя Эсфирь, - забормотал Бер-Шаарон.

Цофар нервно ходил по комнате, лицо его выражало и презрение, и страх одновременно, будто он увидел чудище, которое хотел убить, и вдруг понял, что это невозможно, что чудище проскользнуло в него самого.

Не есть ли он тот верблюд, который пошел за рогами, подумал Бер-Шаарон, и еще подумал, что все люди похожи на этого верблюда. Никто не знает, где отыщет, а где и сам понесет потерю. Как он не смог догадаться, как он не сумел расспросить Эсфирь - ужели был так слеп тогда...

- Запомни этого старика, - сказал Цофар стражнику, - хорошенько запомни!

Бер-Шаарон не расслышал этих слов, он думал об Эсфири, о дочери, которую изгнал, которую обрек на гибель, о дочери, которая любила Саула, она была чиста, как агнец Божий, ему же, Бер-Шаарону, нет прощения, это он понял только теперь...

- Таких, как ты, Саул убивал! - выкрикнул Цофар, его начинал злить затянувшийся ход разбирательства. Криком он хотел не только испугать Бер-Шаарона, но и подавить тот страх, что затаился в нем самом.

- Может быть царь был прав? Он должен был убить меня, - тихо произнес Бер-Шаарон, - за свой грех я достоин смерти. И священники тоже знали на что идут, их смущал Самуил, теперь я это понимаю, возможно, был заговор...

- Твои уста изрекают истину, - сказал пленник, - может ли царь не быть жестоким, если против него замышлен заговор? Если один из близких к Каверуну людей окажется похитителем священных даров, ужели Каверун помилует его? Саул, помиловавший похитителя, или Саул, приказавший казнить его - кто ближе Господу? Скажи об этом...

- Что за пустые разглагольствования, - резко оборвал Цофар. - Ты не только казнил священников. Ты преследовал Давида, ты хотел умертвить его. Почему? Ты знал о злодеяниях Давида, ты страшился его?

- Имею ли я право свидетельствовать против Давида, - спокойно ответил пленник, - он помазанник Божий, мне ли судить его?

- Тебя мы успеем услышать, Саул, - раздраженно произнес Цофар, - ты уже попался, ты избочлен во лжи, благодаря свидетельству Бер-Шаарона, слова твои записаны. А тебе, Бер-Шаарон, еще будет время вспомнить не о выдуманных алмазах, а о злодействах Саула. Не вздумай скрываться, мои люди настигнут тебя в любом месте земли Ханаанской!

Цофар резко взмахнул рукой, давая понять, что разговор прекращен, и приказал стражнику увести Бер-Шаарона.

Стражник провел Бер-Шаарона по узким коридорам к выходу, потом они долго шли по усыпанной мелкими камешками дорожке сада. Вокруг цвели невиданной красоты цветы, гнули ветви деревьев к земле созревшие плоды, переливчатыми трелями оглашали сад птицы, доставленные из Египта. Бер-Шаарон не замечал всех красот. Рай был вокруг, но только не в его душе. Он понимал, что стал оружием в чьей-то игре, что любые его слова будут использованы во вред ему, и, может быть, тем женщинам, что приютили его, и всей еврейской общине. Всю свою долгую жизнь он стремился говорить правду, он не робел перед царями, он не хотел ни перед кем гнуться, но жизнь согнула его. Он сам обрек себя на нищету. Это стало его покаянием. Но видно, Господь не принял его покаяния, не помог и камень на шее. Ему не прощены грехи. Он же готов простить всем их прегрешения. Он готов простить грехи даже Саулу и Давиду - ведь Господь помазал их на царство, и они исполняли его волю...

Стражник отворил ворота, путь был свободен. Бер-Шаарон остановился, еще не веря, что обретает свободу. Он увидел, что небо по-прежнему безоблачно, что солнце клонится к земле, окрашивая край небосклона, он услышал, что поют птицы. Он глубоко вдохнул ставший

прохладным воздух и сел на траву под широколистной пальмой. Ноги у него ныли, будто кто-то выворачивал их.

И только когда отошла ноющая боль от ног его, поднялся Бер-Шаарон с земли и побрел к крепостным воротам. Успел он до заката войти в свою пещеру, где много долгих лет находил обитель свою среди таких же, как он, отверженных и бездомных. Здесь, он знал - и примет смерть. Ничего нет вечного на земле. Никто и никогда не хоронил обитателей пещеры, просто вытаскивали тело умершего и бросали в ров за крепостными воротами, туда же, куда сбрасывали мусор. У обитателей пещеры не было здесь, в городе, родных и своих семей, не было, конечно, и сребреников, чтобы купить себе место в пещере для погребения.

Теперь Бер-Шаарон мог надеяться, что минует его тело мусорный ров, женщины, похожие на ангелов, не позволят бросить его туда. Он был уверен - у них есть своя погребальная пещера. Они из царского рода и чем-то связаны с Саулом. Царь - сегодня узник, а завтра может стать всеильным правителем города-убежища, трудно познать судьбу помазанника, ее знает только Господь.

Бер-Шаарон старался откинуть мысли о смерти, но какие-то предчувствия, словно липкая паутина, опутывали его. Он понимал, что Цофар не оставит в покое, что им всем, его мучителям, каждому нужна своя правда. Они далеки от Господа. Каждый должен покаяться. Это понял даже Саул. Мысли о Сауле теперь соединились с думами об Эсфире. Призрак изгнанной дочери витал в темноте пещере, Бер-Шаарону казалось, что он слышит ее нежный голос. Дочка молила простить ее грех. Она убаюкивала невидимого ребенка. О чем ты, шептал Бер-Шаарон, ворочаясь на своем каменном ложе, о чем ты? Это ты должна простить меня, ибо нет человека более грешного на земле, чем тот, кто погубил свою дочь. Эсфирь не слушала. Она пела колыбельную своему ребенку, она звала ребенка Саулом.

Хотелось крикнуть - ты ошиблась, так не бывает. Саул не твой ребенок. Это царь. Он тоже виновен пред тобой. Он имел жену - широкобедрую Ахиноаму, как он мог покуситься на кроткую голубку, как мог? Совесть царя молчит. Молчит, когда он бросает кроткую Эсфирь. Молчит, когда Доик Идумеянин точит свой нож. Доик - главный пастух, ставший палачом. Доик, привыкший перерезать горло агнцам. Молчит совесть, когда убивают младенцев в городе Номва...

Почему Бог отвернулся от Номвы? Ведь Господу были угодны жертвоприношения, воздаваемые в Номве, - так утверждал сам пророк Самуил, так говорил и Ахимелех, готовящийся сменить Самуила.

Многие в Номве осуждали Ахимелеха за его стремление к власти. Бер-Шаарон не относился к их числу. Не может он бросить упрека ни в чем и сейчас тому великомученику, которому на площади в Гиве перерезали горло. Лучше бы спасся Ахимелех, а он, Бер-Шаарон, был бы

умерщвлен вместо главного священнослужителя Номвы. Ахимелеху он стольким обязан - Ахимелех сделал из него священника.

Оставленный один на лике земли, потерявший и жену, и дочь, и сыновей, он, Бер-Шаарон обретал смысл существования в том, чтобы служить творцу и отвращать людей от грехов и идолопоклонства. Несли в Номву жертвоприношения со всех земель Ханаана, здесь стекали кровь и тук на жертвенники, здесь пекли священные хлеба для Господа, здесь был Ковчег Завета. На площади, у дома для приезжих, постоянно толпились те, кто хотел испросить милости у Господа Бога, здесь жгли костры, под навесами жалобно блеяли агнцы, словно чувющие, что обречены и будут принесены в жертву, трубно кричали верблюды, ржали кони. Многие искали путь к Господу, но и мирской суеты избежать было невозможно. Были в городе и беглые люди, и торговцы, и блудницы, живущие в пещерах гор иудейских, были и отроки, за малую мзду указывающие пути к этим пещерам, да и сами готовые услужить богатому путнику. Со всеми мерзостями боролся Ахимелех, но велики грехи людские, и всего не объять и не узреть...

Город был расположен на полпути между Гивой и Вифлеемом, он стал считаться святым после разграбления филистимлянами Силона, ибо сюда из Силона был переправлен Ковчег Завета, здесь теперь была сооружена скиния для него. Здесь прошли самые спокойные годы Бер-Шаарона. Душа его радовалась, и сердце сильнее билось, когда приходил его черед принимать жертвоприношения. Здесь, у жертвенника для всежжения, погружая руки в святую воду, совершая омовения прежде, чем зажечь жертвенный костер, дано было ему, Бер-Шаарону, обретать святость и забывались все обиды, и он, казалось, все потерявший в жизни, славил эту жизнь, и горели огоньки в золотых лампадах, курился фимиам, и все делалось, как повелел Господь еще Моисею, даруя Тору.

И был допущен Бер-Шаарон к святому святых - к Ковчегу Завета, где хранились скрижали, на которых начертаны были заповеди божьи, где стоял золотой сосуд с манной небесной и лежал жезл первосвященника Аарона. И еще хранился здесь огромный меч Голиафа, того самого великана, которого победил Давид. Гордился Ахимелех дружбой с Давидом. Передал ему Давид слова своих песен и псалмов, славящих Господа и воздающих дань подвигам сынов Израиля. Но не смог узреть Ахимелех сколь опасна встреча с Давидом. А возможно, знал тогда, что Самуил помазал от имени Господа на царство Давида и хотел заслужить доверие будущего царя. Но ведь знал и другое, знал, что Давид стал неугоден Саулу, что это его главный враг.

В те дни, казалось, ничто не предвещало беды. Урожай был обильный, и дожди щедро оросили землю. Радовались все, но видно, не дано покоя и счастья душам людским. Ожидаешь добра, а приходит зло, надеешься на свет, а наступает тьма. Чем, Господь, прогневили тебя

служители твои? Возносились почти каждый месяц жертвы всесожжения, да, верно, не жертвенный дым угоден Господу, а чистота помыслов людских. Гордыня обуяла Ахимелеха, хотел он стать преемником Самуила, но не дано было ему услышать предостережение Господне. Ибо перед появлением Давида в Номве приходили сюда сыны пророческие и пели, и плясали перед Ковчегом Господним, но не званы были на трапезу - исходил от них дух смрадный, и когда прогнали их, то запели они о днях печали, уносящих жизни людей и губящих все праведное, и никто не прислушался к голосам их провидческим.

А на следующий день встретил Бер-Шаарон на площади у городских ворот Давида, и был тот, как и сыны пророческие, весь в дорожной пыли, и кудри его сбились в лохмы, и лицо было опечалено. Заметив Бер-Шаарона, прикрылся Давид плащом и скользнул в толпу. Надо было рассказать сразу об этой встрече Ахимелеху, но подумал тогда он, Бер-Шаарон, что обманули глаза его, и не мог в таком виде появиться в Номве военачальник царский, победитель Голиафа, смелый воин и сладкоголосый песнопевец.

И еще одна была странная встреча - мелькнул в торговых рядах Доик Идумеянин - главный пастух Саула. И тоже прикрывал он плащом свое лицо. И показалось сразу странным Бер-Шаарону появление Дойка в Номве. Решил, что послан Доик закупать баранов, ибо славились местные бараны своей белой шерстью. Правда, мелькнула мысль - а почему скрытно явился сей хранитель стад, почему не пришел к Ахимелеху... Надо было тогда бить тревогу, всегда человек силен задним умом. Знал ведь, что Доик Идумеянин человек двуликий, и не прост был его путь к возвышению при царском доме, и ради этого возвышения отрекся Доик от богов идумейских, и соблюдал заветы Единого Господа строже, чем самый набожный священнослужитель, молился он всегда долго и прилюдно, стараясь всем показать, что всецело душа его с Богом сынов Израилевых. Саул чтит Дойка, был Доик любимцем не только царя, но и пророка Самуила.

И никто из них не раскусил Дойка, никто не знал, что на душе у него, мог Доик и грешить, и каяться, и женские сердца клонить к безрассудству, ибо был лик его точен, словно вырезан из черного дерева, и в глазах его затаенные страсти кипели.

Не придал значения Бер-Шаарон этим двум встречам, будь он тогда разумнее, мог бы предупредить кровопролитие. Да, видно, уготовано было Господом - испытать кровью тех, кто служит ему. Разве думали собравшиеся в просторном дворе Ахимелеха, что сочтены дни их жизни. Говорили о Самуиле, о том, что недоволен пророк Саулом, что был пророку голос Господень, повелевший избрать нового царя Израилю; спорили о том, где рыть новый колодец. День был солнечный, ни одно даже крохотное облачко не появлялось на ослепительно голубом небосводе. Стояли все под навесом. Из Вифлеема привели агнцев

белоснежных и трепещущих, часть священников ушла, чтобы принять жертвы для всесожжения.

И тогда появился Давид, в запыленном плаще, усталый и нетерпеливый. Ахимелех, завидев его, бросился навстречу.

- Давид! Любезный сердцу моему Давид! - воскликнул Ахимелех. - Рад тебя видеть! Но почему ты один? Почему никого нету с тобою?

И отвечал Давид:

- Праведный Ахимелех, служитель угодный Господу, царь поручил мне тайное дело.

Никто не мог и не хотел усомниться в его словах. Все знали, что имя Давида неотделимо от имени Саула, в них обоих видели спасение и возвышение Израиля. И Давид продолжал рассказывать о том, как долго шел он, что ждет его отряд молодых воинов, скрытый в уединенном месте, оставленный в засаде у пределов земли Иудиной, и что нуждаются они в пище, ибо кончились все запасы, а возвращаться в Гиву, не выполнив царского поручения, они не могут, и что пришел он спешно достать для них хлеба. И тут Ахимелех засомневался, да и не мудро было впасть в сомнения - разве так должен был явиться царский посланник, почему с ним нет оруженосцев, почему его одежды покрыты пылью и порваны? И Ахимелех стал объяснять, что нет готового хлеба под рукой - и это действительно было так - с утра раздали все богомольцам. И сказал Ахимелех, что есть только хлеб священный, взятый из скинии, и что можно давать такой хлеб только праведникам. На это Давид ответил, что с ним люди праведные, все в отряде чисты перед Господом, и тогда Ахимелех спросил: воздерживались ли они от женщин? И Давид ответил, что женщин не было на их стезях, что они уже несколько дней в походе, и детородные сосуды отроков не осквернены.

И Ахимелех дал ему священный хлеб, взятый из скинии. И вышел из толпы людей, что собрались во дворе Ахимелеха, Доик Идумеянин. И по тому, что не удивился его появлению Ахимелех, понял Бер-Шаарон - давно уже втерся в доверие к Ахимелеху этот Доик, и, возможно, подталкивает он главного священнослужителя Номвы к противостоянию пророку Самуилу, ибо слышал Бер-Шаарон, как говорил еще в Гиве Доик, что пора сменить пророка. И обнял Доик Ахимелеха, а потом бросился с объятиями к Давиду и целовал его, словно родного брата. И даже подтвердил он слова Давида. Сказал Доик, что облечен доверием Саула славный победитель филистимлян, и что кому, как ни Давиду, исполнять тайные поручения Саула.

Ведь мог Доик тогда предупредить Ахимелеха, что ищет гибели Давида Саул, мог, но не хотел. Был этот Доик, как стервятник, стерегущий погибель, стервятник, питающийся мертвечиной.

И спросил тогда Давид, не остерегаясь Доика, у Ахимелеха:

- Нет ли здесь, в доме твоём, под рукой копья или меча, так как ни меча моего, ни оружия другого не взял я с собой, ибо поручение царя было спешное.

- Слово мое - оружие, - отвечал Ахимелех, - и не держу я в доме своем того, что несет смерть людям... Правда, есть у меня одна святыня, которая по праву тебе принадлежит, славный Давид, и для нее я сделал исключение, ибо угодно было Господу нашему даровать ее тебе, лежит она рядом со скрижалями в память победы над филистимлянами.

И пошел Ахимелех в скинию Завета и достал оттуда большой меч. Два отрока помогли ему нести этот меч, так он был тяжел, и обрадовался Давид, узнав этот меч. Его добыл он в схватке с Голиафом, лезвием этого меча была снесена с плеч голова филистимлянского великана. И воскликнул Давид: «Давно я искал этот меч! Нету ему подобного во всей земле!».

Снабженный хлебами и мечом, покинул Давид город Номву, и были довольны все в Номве, что обрели благосклонность в глазах Давида, и хотя не говорили об этом во всеуслышанье, верили, что вскоре сменит на царском престоле Давид одолеваемого злыми духами Саула.

Но нельзя сказать, что все священники были открыто настроены против Саула, как этого хотел бы пророк Самуил, нет, напротив, многие в молитвах своих просили Господа о даровании силы и могущества первому царю Израиля. И потому обрадовались, когда прибыл гонец от Саула и передал повеление царя - прибыть всем священникам Номвы в царский город Гиву. Не объяснил гонец, зачем понадобились они все сразу, но сказал, что медлить нельзя, ибо это очень важно.

Тогда думали они, что хочет Саул принести жертвы Господу, и даже утверждали некоторые, что для жертв всесожжения отобраны десятки агнцев, без малейшего изъяна каждый. И покорно двинулись священники в Гиву, надев белые одежды и льняные эфоды. Ехали на ослах, шутили, были веселы в предвкушении пиршества, которое - они были уверены в этом - приготовил для них Саул.

И только он, Бер-Шаарон, был расстроен, ему не досталось эфода, был он лишь недавно допущен к службе священника и считался пока учеником у Ахимелеха. С трудом он упросил взять его о собой, страдал, что не будет замечен, ибо другие станут возносить жертвы, и в лучшем случае, он будет лишь помогать им.

Дорога вилась в горах, утоптанная тропа петляла среди беловатосерых вершин, была эта дорога привычной, ибо не раз приходилось многим из них добираться по ней в царский город Гиву, потому можно дремать, сидя на своем осле, а тот сам поворачивал там, где надо, да и не мог сбиться с пути - никуда не свернешь особо - кругом горы. Туда лишь горные козлы могут забираться по кручам и стоять там на таких узких площадках, где, кажется, человеку и ступни поставить негде. Перед

Гивой стали горы уменьшаться, появились впереди покрытые сочной зеленью долины, а за ними вставали крепостные стены и сторожевые башни царского города.

Никто не встретил их, и сразу они направились к площади за крепостными воротами, где под тamarисковым деревом, сжимая в руке копье, сидел Саул, окруженный своими царедворцами и стражниками. Священники остановились перед Саулом, слезли с ослов своих, поклонились царю и молча ждали, что повелит им царь, хотели узнать, когда будут приноситься жертвы, где будет предоставлен ночлег и сколь долго продлятся празднества.

Саул встал и приблизился к ним, сопровождаемый Авениром. Долго он вглядывался в старческие лица священников, и был таким пронзительным его взгляд, что невозможно было его выдержать. И после долгого молчания спросил царь:

- Кто из вас Ахимелех, сын Ахитува?

- Вот я, господин мой, - отозвался Ахимелех и сделал шаг навстречу Саулу. Поднял Ахимелех лицо свое к небу, и не было страха в его глазах.

Но все уже почувствовали, что в гневе Саул, и не милостей следует ждать и не о праздничной трапезе помышлять, а думать, как избежать царского гнева. И по знаку Саула выдвинулись стражники и встали за спинами священников - и это тоже был плохой знак. Бер-Шаарон почувствовал тогда, как холодеет спина, и испарина выступила на его лбу.

Саул начал говорить, не сводя глаз с Ахимелеха, и говорил сначала медленно, стараясь подавить кипевший в нем гнев:

- Для чего вы все там, в Номве, сговорились против меня? Я ли не проявлял заботу о домах ваших? Я ли не оставил у вас Ковчег Завета? Я ли не отменил пошлину и не взимал ее с вас, думая, что честно служите вы Господу Богу нашему.

- Мы верны тебе, господин наш, - сказал Ахимелех, и посох в его руках задрожал, видимо, понял он, что совершен навет на него, и попали в немилость священнослужители.

Саул повернулся и сказал, обращаясь к своим советчикам:

- Все вы лековерны, все готовы предать царя. Поверили, что Давид осыплет милостями! Ждете, что этот лжец даст вам новые надель в полях и виноградники? Ждете, что простит долги ваши и всех вас поставит военачальниками? И потому готовы предать меня!

Облегченно вздохнули священники, полагая, что отпал от них гнев царя, что справедлив царь, коли видит двуличность своих сановников, коли хочет облечь их нерадивость, и готовы были священники высказать и свои обиды, и то, как не зная на повеление царя, взимают с них дань царские мытари. Но не успели и слова сказать, как заговорили царские сановники сразу со всех сторон, убеждая царя, что верны ему, клялись, что даже в мыслях ни у кого не было пойти за Давидом и прельститься его посулами,

что это священники, верные Самуилу, будоражат народ, разжигают недовольство и потворствуют Давиду.

- Не верю никому! - грозно прервал их заверения Саул, и все смолкли. - Не верю! Все вы порождения ехиднины, никто из вас не открыл мне ковы Давида! Только Доик остался мне верен!

И сразу догадался Бер-Шаарон, что повисла над ними страшная угроза, когда увидел, что протискивается к царю Доик Идумеянин. Коварная улыбка застыла на лице главного пастуха стад сауловых, и стал Доик что-то нашептывать царю.

- Говори, Доик, говори прилюдно, мой верный Доик, пусть все узнают! - повелел ему Саул.

- Я уже рассказывал тебе все, господин мой, все без утайки, - суетливо произнес Доик.

- Говори теперь всем! - властно приказал Саул.

- Следил я за Давидом, - торопливо произнес Доик, - следил неустанно. Прав ты, господин мой и могущественный царь наш, порождения ехиднины служители наши, ищут они твоей гибели и предадут тебя повсеместно. Приходил сын Иессея в Номву, и дал ему хлеба Ахимелех и меч Голиафа отдал, и лебезил перед нечестивцем!

Ударил копьем в землю Саул и провозгласил:

- Слушайте все! Слушай Израиль! Вот истинный слуга мой, один среди немногих, верный и преданный своему царю Доик Идумеянин!

Сжалось от страха сердце Бер-Шаарона, кровь прилила к лицу. Ахимелех стоял с опущенной головой, весь он был смирение и преданность, и заговорил он тихо, и нашел достойные слова в свое оправдание:

Кто из всех рабов твоих верен тебе более, чем священнослужители? Кто предан тебе более, чем раб твой Давид? Он зять твой и исполнитель повелений твоих. Он храбрый твой военачальник. Он угодный Господу псалмопевец. Ты сам наделил его большой властью. Ты сам восторгался его певческим даром. По всей стране поют псалмы, сочиненные им в твою честь. В нем слава и надежда Израиля слились, словно реки в Генисаретском море. Могли ли священники пойти против того, кого ты сам взлелеял? И когда говорит священник с Богом, когда просит Бога о милости для рабов твоих - нету для него ни малого, ни великого, все мы рабы Господни, и за всех сыновей Израиля просил и просить буду Господа Бога нашего!

Были разумны и убедительны эти слова Ахимелеха, но не смягчили они сердце Саула, а еще более усилили царский гнев. Раздражало Саула то, что стоял Ахимелех прямо, смотрел в глаза и не хотел каяться ни в чем. И все же надеялся тогда Бер-Шаарон, что пройдет царский гнев и поймет Саул, что нет вины большой на священниках, что без всякого злого умысла против царя приветили они Давида. Но напрасны были надежды Бер-

Шаарона, ибо жестоко и ужасно было повеление царя. Надвинувшись почти вплотную на Ахимелеха, яростно выкрикнул Саул:

- Ты должен умереть, Ахимелех! Ты и весь дом отца твоего, и все священники твои!

И не отступил в испуге от царя Ахимелех, и ни одна жилка не дрогнула на его лице. Не стал он просить пощады и каяться. И кто-то из священников крикнул: «Опомнись, Саул! Господь не простит тебя!».

Но не внял царь этим словам и, взмахнув рукой, призвал к себе оруженосцев и повелел им:

- Умертвите священников, их руки с Давидом, они знали, куда убежал он, и не поведали мне, они не схватили его, а пригрели злодея!

И грозное молчание повисло надо всеми, и сковал всех неопишущий страх. Бер-Шаарон с трудом удерживал охватившую его дрожь. Стражники не двигались с места. Потупив головы, стояли оруженосцы. Никто не решался обнажить меч. И тут выскочил вперед Доик Идумеянин, и не пастушеский посох был в его руках, а обоюдоострый меч, и сказал он царю:

- Страхатся крови твои оруженосцы и сановники! Смогут ли они защитить царя? А Доик всегда твой верный и покорный раб. Доик ничего не страшится!

- Ступай, Доик, исполни, что повелел, - сказал Саул и повернулся, и медленно пошел к дому своему, и на ходу, не оборачиваясь, бросил Авениру, - дашь ему воинов, пусть покарает Номву...

И расступились все на пути царя, и медленно шел Саул, и голова его склонилась на грудь, и едва он скрылся за поворотом, как бросился Доик к Ахимелеху, сверкнуло лезвие меча, и остался стоять Ахимелех, только на горле у него зияла красная щель, и изо рта тонкой струйкой потекла кровь. И показалось Бер-Шаарону, что два рта у Ахимелеха, что не поражен он, а просто стоит задумчивый и печальный, но то было лишь мгновение - хлынула кровь из горла, и рухнул Ахимелех, как подкошенный. И жестоковейный Доик бросился к следующему, и никто не посмел удержать Дойка, и никто не сопротивлялся ему, только один за другим падали на землю священники, и кровь заливала белые льняные эфоды. И в то мгновение, когда он, Бер-Шаарон, приготовился расстаться с жизнью, оттолкнул его в сторону рослый воин, протиснул через ряды стражников. Один из оруженосцев попытался задержать их, и этот воин крикнул: «Не видишь, что ли, на нем нету эфода!» .

Бер-Шаарон попытался возразить, он хотел умереть вместе со всеми, это было его право. С недоумением взглянул на него спаситель, и показалось тогда ему, Бер-Шаарону, что это сам царь смотрит на него.

Словно в бреду был тогда он и плохо помнит, как добрался до крепостных ворот, как прошел мимо стражников, как бродил вдоль крепостных стен и сидел в высокой траве, затаившись, словно раненая

куропатка. Был он ненавистен самому себе. Неблагодарный, он даже не возносил к Господу молитвы за спасение. Он хотел умереть. И это право на смерть у него отняли. Он не мог возвратиться в Номву, какими глазами он смотрел бы на жен и детей убиенных священников. Тогда он не знал, какая страшная участь постигла дома священников в Номве. Два дня продолжалась кровавая резня, учиненная в несчастном городе Доиком Идумеянином. И впервые тогда усомнился он, Бер-Шаарон, в справедливости Господней. Ужели угодно было Господу убийство невинных, ужели не смоет он остановить помазанника своего Саула, не смог одолеть злых демонов, вселившихся в душу царя... Казалось Бер-Шаарону тогда, что нет просвета среди темных сил, одолевающих мир, ибо карались повсюду праведные и укрывались от справедливого суда творящие зло, и горькие мольбы и крики униженных и оскорбленных не достигали небес.

Но все проходит в этом мире, и время сушит слезы, и кровь смывается кровью. Долго скитался тогда Бер-Шаарон в горах Иудейских, питаясь травами и ягодами, и проклинал он час своего зачатия, и все ему было не мило. И даже, когда дошло до ушей его известие, что нашли Доика Идумеянина во рву за городской стеной Гивы, где валялся он с перерезанным горлом близ ямы, куда сбрасывались нечистоты, то и тогда не возрадовался Бер-Шаарон, потому что слишком легкой была смерть, полученная в одночасье. Восемьдесят пять священников зарезал Доик и должен был он ощутить смертный пот столько же раз...

Позже, когда скрывался Бер-Шаарон в лагере Давида вместе с гонимыми и отверженными в пустыне Зиф, где на полуночной границе ее были известняковые горы с глубокими пещерами, услышал он от Давида песню о предателе Доике. Не знал Давид, что настигла смерть нечестивого Доика, и с горечью пел он о том, что Господь не карает убийц и терпит их зловонное дыхание. И хвалятся злодеи, вымышляющие зло языком коварным, как изощренная бритва, и нету им прощения. И просил Давид Господа сокрушить предателя, исторгнуть корень доносчика из сонма живых. И тогда поведал Бер-Шаарон Давиду о позорной гибели доносчика, и сказал Давид, понурая голову:

- Знал я все о Доике Идумеянине, знал в тот день, когда просил пристанища и хлеба в Номве, догадывался, что донесет он Саулу обо мне, дал я повод посягнуть на жизнь священников и нету мне прощения, и молю я Господа, чтобы не отверг меня, и трепещет мое сердце и смертные ужасы видятся мне! И хочу я покинуть грешную землю, но не дал крыльев мне Господь!

Умел каяться Давид, но с легкостью забывал покаяния свои, и людей забывал, с которыми скрывался от Саула, стал могущественным царем, и даже не допустил к себе... Наверное и не вспоминает теперь, как молил о крыльях. И вот теперь, отягощенному грехами земными, впору и

ему, Бер-Шаарону, просить у Господа крылья, чтобы скрыться от всей суеты земной, чтобы раствориться в бездонном просторе небес...

Долго не мог уснуть Бер-Шаарон, ворочался он на каменном ложе своем, и ныла каждая косточка в нем, и болела душа его. Пришло, казалось бы, его время, время отмщения, Господь дал ему право свидетельствовать против Саула, ибо не простил Всевышний крови священников из Номвы. Но может ли он, Бер-Шаарон, винить во всем Саула? Ведь даже Давид в пустыне Ем-Гадды, когда Саул вошел в пещеру, где таились люди Давида, не дал убить царя, не посмел поднять руку на помазанника Божьего. А теперь и правитель города, и его советники желают, чтобы он, Бер-Шаарон, стал их сподвижником в деле умерщвления Саула. Великий грех - поднять руку свою на избранного Богом и народом царя и устами своими приблизить его казнь. Да и так ли грешен Саул? Нет людей безгрешных на лике земном, и только Господь вправе судить каждого, взвешивая прегрешения на весах судьбы. Даже если очень грешен человек - есть путь покаяния. Господу угодно покаяние людское. И был Господь с Давидом, потому что велико было покаяние Давидово. Больше душ погубил Давид нежели Саул, и послано было ему наказание через сына его Авессалома, но за искренние покаяния простил Господь Давида и погубил непокорного сына. Однако и смерть сына - суровое наказание... Страшно терять сыновей, это он, Бер-Шаарон, испытал на себе, лучше самому умереть, чем пережить их. И есть ли большее наказание, чем стать свидетелем смерти тех, кого породил и с кем связывал все надежды свои. Потерять дочь, лишиться сыновей - только за великий грех сокрушает так Господь человека. Почему Эсфирь не призналась? Почему не открылась в своих печалях? Не верила в отца? Страшилась отца? Ужели Саул стал причиной всему...

И задремал Бер-Шаарон с именем Господа на устах, но не надолго обрела покой душа его. Проснулся он от шорохов и скрипа шагов, но глаза не открыл, не хотел он никого видеть, не хотел ни с кем говорить, не в силах он был больше терпеть издевательств и насмешек от одноглазого гирзеянина и других сожителей. Лежал он, прикрыв веки, и не увидел, как крадутся тени к его изголовью. И когда сдавили тесьмой ему горло, то судорожно глотнул он воздух, затрясся и попытался руками ослабить давящую горло тесьму, но кто-то схватил его за руки, и задрожал Бер-Шаарон, сдавленно захрипел и затих. И уже тускнеющим сознанием уловил последние слова: «Надо тело оттащить...нет, пусть лежит здесь, кому он нужен...». И все погрузилось в сдавливающую уши тишину, и будто лопались в голове пузыри, и вдруг послышалось далекое пение - Давид ли это перебирал струны арфы или ангелы в высях звали к себе... И явилась Эсфирь в белом платье с распущенными волосами, с большим животом и склонилась над ним, придерживая плод, бившийся внутри ее. И запричитала она: «Что же ты не пришел в дом мой, почему укрылся в

пещере, где ждала тебя погибель, почему молчат твои уста, и я не могу расспросить тебя - кто явился к нам? Кто принес тебе смерть - Саул или Маттафия? Цофару и убийцам твоим тоже осталось жить недолго, всем уготован один путь. А ты не узрел, не узнал внука своего... Пусть примет Господь душу твою, пусть витает она среди сонма душ праведных, прости и меня старик, попроси у Господа обо мне, и о сыне моем попроси, о Фалтии...».

И женщина приложилась к бездыханной груди его, пытаясь расслышать сердце, которое давно уже перестало биться, и лишь беззвучная душа, расставшаяся с телом, еще долго витала над ними...

Глава XVII

Угрюмый, одноглазый нищий помог Зулуна омыть старика и вынести за крепостные ворота. Они долго пробирались с ношей через ров, и старик, в котором, казалось, уже иссохла вся плоть, обрел после смерти такую тяжесть, что им приходилось несколько раз останавливаться, чтобы перевести дух. За рвом, в известковых отрогах гор были пещеры, где нашли вечное успокоение многие из тех, кто покинул этот мир. В темноте Зулуна с трудом отыскала пещеру, скрытую кустами можжевельника.

Молчаливый ее спутник отказался от платы, и она протянула ему принесенную из дома лепешку, он жадно проглотил ее и долго благодарил за еду. Он сказал, что грешен перед покойным, что старик был божьим человеком, и долго надо молить богов, чтобы простили те помыкания, которыми унижали его они, обитатели укрытия. «Кому нужна была его смерть, - со вздохом сказал он, - старик был так смирен, так тих...». Она догадывалась кому, ей было страшно вслух высказать эту догадку.

Зулуна дрожала от ночной прохлады, стояла, сжав зябкие плечи руками, пока одноглазый нищий укреплял камень, преграждавший вход в последнюю обитель Бер-Шаарона. Она смотрела на мерцающие в небе звезды, на узкий серп луны, в темноту ночи, в которой растворилась душа старика. Слез не было, но какая-то щемящая тоска охватила все ее существо, и если бы смогла она разрыдаться, ей стало бы легче, но холод сковал ее.

Городские ворота были уже закрыты, и они возвращались окольным путем, через узкий пролом в крепостной стене, известный ее спутнику. Так было даже лучше, не должен был никто их видеть.

В своем доме, плотно занавесив окна, Зулуна зажгла светильник и долго сидела неподвижно, уставившись в желтоватый, вздрагивающий огонек. Дом, еще недавно полный суеты и шума, опустел. Она всегда хотела тишины, той, что дана была ей в детстве, на просторных пастбищах

Амалика, той, что оборвалась предсмертными криками и жаром огня, спящего шатры, она хотела тишины, и теперь, когда эта тишина вошла в дом, ей было не по себе. И она страстно желала, чтобы сейчас впорхнула в дверь легконогая и беззаботная Рахиль, чтобы Амасий носился по дому в поисках своих дудочек, чтобы вернулся Фалтий - последняя ее надежда и защита, единственный сын, ради которого претерпела она все, в которого вложила всю свою нерастрченную любовь. Ее страшила смерть старика, и она понимала, что это только начало гибельных дней. Некому было защитить ее...

Долгие годы прошли без Маттафии, время иссушило тело, вся жизнь прошла в ожидании. И года не было без войн, и ни одна война не минула Маттафию. И не нужен был ей просторный дом в Гиве без него. Царский город съедал ее жизнь, лучше было даже в пещере, в Вифлееме, нежели здесь, в окружении лживых сановников, среди льстецов и царедворцев. Жить рядом с Саулом было невыносимо. Все время приходилось видеть того, кто истребил ее народ, кто лишил отца, лишил матери и братьев. Ее часто пугала схожесть Маттафии с царем. В дни неудач он становился злым и вспыльчивым, словно сам превращался в Саула. И она забивалась в дальние покои, и когда он дотрагивался до нее, вздрагивала в испуге. И лишь иногда ночью, в темноте, обретала его, прежнего Маттафию, неутомимого в страсти, обретала его губы, его сильные руки, всего его без остатка. Она верила ему, она стала верить его Богу, суровому, карающему и всемогущему. Но никогда не забывала, что она амапикитянка.

У них с Маттафией могло бы быть много сыновей, она сама виновата во всем, грех ее, хотя и прощенный мужем, витал над ней, и Господь в наказание затворил ее лоно и карал ее каждый день, заставляя видеть, как воркует Рахиль, как жадно целует того, кто мог принадлежать только ей, Зулуне. Все она претерпела, со всем смирилась, всегда надеялась на обретение покоя, но, видно, не дано ей счастья на земной тверди, исчез ее Маттафия в филистимляном плену, и остались две женщины, и два маленьких сына на произвол судьбы...

Как ожила она, как возрадовалась, когда явился в их дом торговец из Аскелона, когда сообщил он ту весть, которую ждала многие годы, как целовала она лист пергамента, где были выведены строки рукой Маттафии. Она верила всегда - Маттафия не мог исчезнуть, не мог бросить ее одну в этом мире, он вырвался из филистимлянского плена. Она все подробно ему написала, потом было еще послание, потом она послала ему табличку, на которой начертала путь в город-убежище. Он не должен был так глупо попасться в руки стражей, он не должен был называться Саулом. Все это так не похоже на него. И мелькнула страшная мысль - а вдруг это и в самом деле Саул - оживший царь, отнявший у нее последнюю надежду. В его глазах нет и искорки желания, вот также смотрел Саул на женщин, он их почти не замечал. Он отвергал блудниц, которых ему приводил евнух

Ноар. Он не обращал внимания на Ахиноаму. Бедная Ахиноама, родившая ему четырех сыновей и двух дочерей, словно тень, бродила по Гиве. В доме царя хозяйничала наложница Рицпа, расторопная и бойкая, очень похожая на Рахиль, такая же длинноногая и рыжекудая, но хитроумная и коварная. По ней вздыхал Авенир, готов был сделать все ради нее, но Саул был и к ней безразличен, и на домогания Авенира смотрел сквозь пальцы. Возмущалась Ахиноама. Если женщина лишена любви, то быстро старится. Ахиноама казалась старухой, она быстро раздалась в теле, лицо ее стало как печеное яблоко.

Саул тоже старел прямо на глазах, его мучили злые духи, и после приступов лицо его искажалось, и он сам становился похож на демона. Тогда Маттафия был молод, и схожесть его с Саулом не была такой явной. А теперь все, как у Саула - глубокие морщины на лбу, такие же складки у губ, и брови стали такие же кустистые. И на суде не выдержал - упал и забился в судорогах.

Возможно, смерть Саула подкосила его, тогда его словно подменили, какая-то была связь между ними - любовь и ненависть. Он мог осудить Саула, мог ругать его, но считал, что царь превыше всех, ибо помазан Самуилом на царство по велению Господа. Давид тоже так считал, даже загнанный Саулом в пустыню, он оберегал царя. Теперь он, Давид, поднялся превыше любого из царей, пройдет мимо и не узнает. Да и трудно ее узнать, что осталось в ней от той прежней Зулуны. Человек не замечает, как он старится, свое лицо видишь каждый день в зеркале и не замечаешь перемен. А когда долго не видишь человека эти перемены бросаются в глаза. Почти десять лет не видела того, кто снился ночами, от снов этих тепло подкатывалось к животу, и вот видишь, что он совсем не тот, которого ждала, он стал царем. А может быть, и был им. Она ужаснулась самой этой мысли, она постаралась отогнать ее.

Амасия рискует жизнью, скрывается где-то Рахиль, убит старик Бер-Шаарон - и все из-за него, ради него. Ради спасения Маттафии, если он Маттафия, а если нет, то для спасения того, кто сеял смерть, за кем тянется шлейф крови. Станет ли спасти его Давид? Саул опасен для него. Маттафию Давид мог бы спасти. Они ведь были так дружны - трое неразлучных - Давид, Маттафия, Ионафан... Дружны, пока не стала явной распря Саула и Давида. И Маттафию затянуло в их вражду. Целый год скрываться в пустыне, жить в пещерах, ради чего? Легко ли ей было с двумя детьми, вернее с тремя, Рахиль была тоже, как ребенок. Надо ли было Маттафии так держаться за Давида? И когда Давид уже обрел власть, сказал ей - не ищи Маттафию, его уже нет на лике земли, забудь его, ты еще можешь найти себе мужа. Он ошибался, Давид. Это мужчина может иметь много жен, мужчин раздирают страсти, они мечутся от одной к другой, женщинам это не дано. И разве мог кто-либо другой заменить ей Маттафию? Она все время верила, что Маттафия жив. И когда ее любви

начал добиваться всесильный военачальник Иоав, поначалу воспылавший страстью, а потом преследованиями своими сделавший жизнь невыносимой, пришлось искать иную обитель. Давид не встал на ее защиту, ему было не до нее, тогда началась эта братоубийственная война между домом Саула и домом Давида. Авенир собрал всех противников Давида и сделал царем Иевосфея, последнего оставшегося в живых сына Саула, слабосильного и слезливого Иевосфея.

Царь должен иметь много сыновей. Давид это понимал, каждый год его жены умножали род царя. И только Мелхола не подарила ему сына. Мелхола, которую он так любил, так добивался. Кровавый выкуп принес за нее Саулу. Саул хотел погубить его тогда. Он думал, что Давид погибнет, но вернулся Давид со страшной добычей. Саул заставил смотреть Мелхолу, когда Давид высыпал свой выкуп. Саул хотел, чтобы Мелхола ужаснулась и отвернулась от Давида. Ждал, что упадет она на колени и станет просить избавить ее от того, в ком столько жестокости. Но Мелхола молча смотрела на все остановившимся взглядом. А какая красивая она была на свадебном пиру, как переливались ее парчовые одежды, как сверкали бриллианты у нее на запястьях, а глаза - словно два алмаза, сверкающие, обрамленные густыми ресницами. В ней была стать, но было и царское высокомерие. Она никогда не забывала, что происходит из царского дома. Она не смогла удержать Давида на своем ложе, она была слишком строга и чопорна. И Зулуна слышала от Рицпы, что Давида бесит ее желание даже на ложе доказывать, что она дочь царя и ей не свойственны грубость и безнравственность дочерей пастухов. Та же Рицпа поведала однажды, что слышала, как кричала Мелхола, и не от большой страсти был тот крик, а высек ее плетью Давид. Поверить в это было трудно, да и всем известны лживость уст и лукавство языка наложницы Рицпы. И все же, что-то изменилось в Мелхоло, хотя и продолжала она утверждать повсюду, что любит Давида, и была уверена она, что царский престол перейдет к ее избраннику. Она не ошиблась в своих расчетах, но забыла сколь велик может быть гнев ее отца.

Так дано было жизнью, что судьба постоянно сближала Зулуну с женами Давида. Она старалась избегать и Давида, и его жен, они сами тянулись к ней. Давид же не обращал на нее внимания. Маттафия простил Давида за тот давний грех и не простил ее вину. Мужчина не может простить женщину, но легко прощает друзей своих. Не исключено и другое: Маттафия ведь остался верен Саулу и, возможно, затаил злобу на Давида. Поначалу носился по пустыне Зиф вместе с Саулом, словно вели охоту они, обложили Давида со всех сторон, травили как дикого зверя, и сколько раз сами попадали в яму, которую вырыли. И неожиданно очутился Маттафия среди беглецов. Из гонителя перешел в гонимые, объяснять почему это произошло не хотел, да и она не расспрашивала. Давид ускользал от Саула, и гнев царя обрушился на жену Давида.

Мелхола попала в немилость. От былого ее величия не осталось и следа. За каждым ее шагом следили, обо всем доносили Саулу. Ее ненавидели царедворцы за то, что она помогла бежать Давиду. Все отвернулись от нее. Все, кроме Зулуны. Они вместе тогда горевали о своих мужьях, затерянных в пустыне Зиф. Вести об убитых там каждодневно достигали Гиву. И в Гиве рыдали жены, лишённые мужей, и матери, утратившие сыновей. Все были опечалены. Но никогда не видела слез Зулуна в глазах Мелхолы. И не было слез даже тогда, когда царь обрек ее на позорную участь.

В то утро Зулуна встала, как обычно, рано и пошла к источнику за родниковой водой. Она всегда приходила туда раньше других, чтобы избежать пустых разговоров и расспросов. И в этот раз ей удалось набрать воды в одиночестве. Она поставила кувшин на голову, обернулась и увидела, как остановился неподалеку обоз, выехавший из дома Саула. Стояла понуро, выдавая виды лошадь, прилегли на росистую траву две овцы и осел. «Зулуна!», - окликнули ее. И она, поставив кувшин на землю, шагнула навстречу женщине, закутанной в черную шаль, которая закрывала волосы и рот, видны были только глаза, большие и печальные. Это была Мелхола, одна, никто из стражников не сопровождал ее, только позже Зулуна разглядела, что на повозке полудремлет старый воин, посапывая в большие седые усы. Отряд воинов, которые должны были сопровождать обоз, ждал у крепостных ворот.

- Прощай, Зулуна, - сказала Мелхола, - и передай Давиду, когда увидишь его, что я чиста перед ним и предпочту смерть рабской покорности!

И узнала Зулуна, что отправляют в дальний путь Мелхолу, в земли заиорданские. При живом муже должна она стать женой некоего сына Лаишева, который даже приехать за ней не решился, опасаясь, что Давид нападет на него в пути.

Никто не провожал Мелхолу. Саул проклял ее и сказал, что у него теперь нет дочери.

- Покажись, что передашь мои слова! - повторяла Мелхола. - Сама не сможешь, пусть это сделает твой Маттафия!

Зулуна поклялась, они обнялись на прощание. У крепостных ворот трубили в шофары воины. Это делалось не в честь отъезда Мелхолы, они просто торопили ее. Ей некому, кроме Зулуны, было доверить свои прощальные слова. Проклятие царя делало ее отверженной всеми. Зулуна не смогла сдержать слез, глядя вслед удаляющемуся обозу. Саул имел право на проклятие, но отдать дочь в жены другому - это было слишком безжалостно. Это сделано было для того, чтобы унижить Давида. Зулуна узнала потом, что все это было затеяно гнусным Ноаром, только коварный евнух мог нанести такой рассчитанный удар. Он же, Ноар, послал доносчиков к Давиду, чтобы взбесить и вывести из себя беглеца.

Маттафия поведал потом, что Давид, узнав о происшедшем, метался с небольшим отрядом по всем дорогам, ведущим из Гивы в Заиорданию, стараясь пересечь путь Мелхолы, и был он так разгневан, что разил всех путников, идущих из Гивы, но обоз Мелхолы прошел незамеченным, хотя она и не таилась в пути. Но боги решают, кому дано встретиться и кого надо избавить от мук, а кого ввергнуть в новые мучения. Зулуна часто не понимала жен Давида, не понимала она и его самого. Почему Давид всю жизнь так цеплялся за Мелхолу? Конечно, статная, умная - этого не отнимешь, но не сравнить с Маахой, дочерью Фалмая, царя Гессурского, которая потом стала одной из жен Давида. Та была истинно красавица. Родила ему Авессалома - прекрасного отрока, решившего отомстить отцу за всех униженных. Бедный отрок - длинные волосы и горячность погубили его.

Жизнь при доме царя всегда полна интриг. Многого она, Зулуна, не понимала тогда. Теперь-то ясно, почему Мелхола так нужна была Давиду. Он должен был утвердиться на престоле, его считали простым пастухом, он должен был доказать всем, что Господь не напрасно повелел Самуилу помазать в цари именно его, Давида. Дочь царя Саула должна была родить ему сына, законного наследника, в котором соединились бы и дом Давида - колено Иудино, и дом Саула - колено Вениаминово. Но боги затворили лоно Мелхолы. Странно, она любила Давида и не могла родить, а для презираемого ею сына Лаиша открылось ее лоно. Пять сыновей родила она, пять сыновей, от которых потом отлучили ее. Когда погиб Саул и взошел на престол Давид - порешил так Давид, вернув ее в Гиву. Это было уже в те дни, когда Авенир, защищавший дом Саула, после смерти царя, поставил во главе Израиля последнего сына Саула Иевосфея, и быстро понял Авенир, что Иевосфей - жалкое подобие отца. К тому же Иевосфей стал попрекать Авенира за то, что тот открыто жил с Рицпой, бывшей наложницей Саула. И когда направил своих послов к Давиду Авенир с предложением о союзе, Давид поставил условие - он согласен на союз с Авениром, но ничего не будет, пока не возвратят ему, Давиду, законную его жену Мелхолу. Была ли то великая любовь или просто желание Давида утвердиться, показать всем, что дочь царя принадлежит ему, не ведала Зулуна. В то время у Давида были другие жены и многочисленные наложницы, одних он быстро забывал, к другим пылал страстью, к третьим приглядывался. Давид умел жить, умел брать все от жизни. И Мелхолу он никому не хотел отдавать.

Ее привели в Гиву одну, без детей, но и в этот раз не увлажнились глаза ее. Сын Лаиша брел за ней и плакал. Это был не мужчина - хилый человек, не способный держать копьё и обнажать меч, не способный сдерживать слезы. Мелхола ни разу не посмотрела на него. Ни на кого не хотела смотреть Мелхола, ни с кем не хотела разговаривать. От нее, Зулуны, отвернулась, будто не узнала. Не хотела, чтобы ее жалели. А,

возможно, обиделась на то, что Зулуна, не передала ее слова Давиду. Как будто легко их было передать тому, кто не вхож в царский дом. Это к Саулу мог каждый подойти и поговорить с ним. Саул сидел до полудня у крепостных ворот и всех судил. У Давида же был дворец, и была стража, он завел себе охранников-наемников из диких народов - хелефеев и фелефеев. Они плохо знали язык иврим и язык арамеев, понимали несколько слов - «нельзя, казнить, назад..».

Дворец-крепость Давид построил в Иерусалиме, туда перебралась вся знать, все военачальники. Туда вернулся из дальнего похода Маттафия. Напрасно Иоав хотел похоронить своего сотника, Маттафия вернулся победителем и был с радостью встречен Давидом. Маттафия получил большое вознаграждение и построил дом неподалеку от дворца. Здесь, в этом доме, прожили они счастливые свои годы. Всего было в достатке у них. Подрастал Фалтий, веселил всех маленький Амасия. Тогда и не думали, что по иному повернется судьба.

Жена воина должна быть готова ко всему. Она, Зулуна, забылась, вообразила, что кончились все беды, что вечно будет так, что отвоевал свое Маттафия... Иерусалим - вот город, в котором надо было оставаться. Если бы не плен и наветы на Маттафию...

Город, раскинувшийся на высоких седых холмах, укрепленный и неприступный город, высокие крепостные стены окольцевали его, большие каменные башни были прочны и надежны. Город рос на глазах. Все спешили выстроить себе дворцы, места внутри крепостных стен не хватало, строились дома на покрытой садами Масличной горе. И сплошной чередой шли праздники. Ставили шалаши и шатры у потока Кедрон, заполняли окрестные рощи, и сливались дни и ночи.

И был один особый праздник, который запомнился всем. В Иерусалим привезли Ковчег Завета - обитель Господа, чтобы впредь жил он в этом укрепленном городе, восседая незримый на крыльях херувимов, украшавших Ковчег. Привезли Ковчег из города Кирьят-Иеарима, в Иерусалим вносили его на своих плечах священники, шли за ним многочисленные певцы и музыканты. Тридцать тысяч лучших воинов сопровождали Ковчег. Маттафия, конечно, был в их числе.

Женщины с цветами стояли у своих домов, вдоль улиц, все крепостные стены были усыпаны народом. Вокруг играли на флейтах, звенели цитры, брнчали тимпаны и кимвалы. Священники приносили в жертву тельцов и овнов. Повсюду дымили костры, пахло жареным мясом, терпкое вино подносили воинам. Люди плясали, обнявшись за плечи. Но никто не выражал свою радость так бурно, как Давид. Могущественный царь плясал, словно неутомимый отрок. Он вскидывал руки к небу, вертелся и скакал перед Ковчегом. На нем был льняной эфод священника и белый хитон, полы которого распахивались, обнажая крепкие смуглые ноги, и когда внесли Ковчег в приготовленную для него скинию, Давид

сам принес в жертву белого агнца. И стали священники раздавать людям мясо принесенных в жертву тельцов, и наливали всем вино, и подносили горячие лепешки. Все смешалось. И хор певших псалмы тонул в трубных звуках шофаров, и общие крики радости, казалось, сотрясали крепостные стены.

И тут вышла из дворца Мелхола, лицо ее было непроницаемо, никто из царедворцев не выбежал ей навстречу, никто из воинов не расчищал перед нею дорогу, люди сами покорно расступились перед ней, и она подошла к Давиду и при всех начала выговаривать ему, будто и не Давид, а она, Мелхола, была превыше всех в Иерусалиме.

- Как отличился сегодня царь Израилев, - сказала она и посмотрела презрительно на Давида, - как он отличился, обнажившись перед глазами рабов своих, задирая полы хитона, как он плясал, словно самый последний раб и пустой человек!

Давид побагровел, улыбка покинула его лицо, и радость его померкла. Зулуна испугалась тогда, что при всех прольет кровь Давид, что гибель грозит Мелхоло, и омрачен будет праздник. И все замерли. И тогда расхохотался Давид и сказал Мелхоло:

- Перед Господом Богом моим плясал и плясать буду. И благословен Господь, который предпочел меня отцу твоему и всему дому Саулову и утвердил меня вождем Израиля!

Почему Мелхола хотела унижить Давида принародно? Его не волновало, как воспримут люди пляски царя. Это были его рабы, он же выражал радость свою перед Богом. Возможно, Мелхола хотела показать свою власть, напомнить всем, что она дочь царя. За эти слова пришлось платить дорогую цену. Давид выкинул ее из своего сердца.

У него было много женщин, молодых и желанных. Она же, лишенная детей, сохла, и некогда искристые ее глаза поблекли, и седина вплелась в черноту ее волос. Она была одного возраста с Зулуной. Вослед Зулуны уже никто не оборачивался. Даже Иоав, некогда отвергнутый ею, кидал в ее сторону только злобные взгляды. Она еще не предполагала тогда, какой изощренной будет его месть. Его уста оклеветали Маттафию. За нее некому было заступиться.

В этом мире женщина должна иметь много сыновей. У нее был один. Фалтий заменил ей всех. Но для Фалтия, как только он смог держать в руках копье, родной дом заслонили войны. Эти войны сначала отняли у нее Маттафию, а потом начали покушаться на Фалтия.

У Фалтия были голубые глаза и очень кудрявые рыжие волосы. С годами он становился все более похожим на своего деда Вегара, которого он никогда не видел и не хотел верить, что жизнь у деда отнял Саул. Саул для него был образцом воина, он во всем хотел подражать Саулу, считал царя бескорыстным и самым честным человеком. Что он мог знать о Сауле, в Гиве сын был еще мал, что он мог помнить о том времени... В

Иерусалиме Фалтий открыто стал говорить о величии Саула. Давида это злило. Фалтий уже был в то время принят в царскую стражу. Давид присматривался к Фалтию. Рыжие волосы Фалтия, наверное, заставляли Давида думать о своем отцовстве. У Давида было много сыновей, всех он любил. Она, Зулуна, опасалась, что Давид отнимет у нее единственного. Этого не произошло. Фалтий открыто высказывал свое недовольство Давидом. Связываться с царем было опасно. Фалтий зачастую лез напролом, не умел и не мог ни в чем промолчать. Так можно было вести себя с Саулом, но не с Давидом. Но боги хранили Фалтия, Давид прощал его дерзость. Это было исключение, сделанное только для ее сына.

Давид смирял непокорных, он мог легко обречь человека на смерть, если тот вставал на его пути. Умертвить, а потом горько оплакивать и каяться в свершенном зле.

Но никакими покаяниями ему было не смыть тот грех, что свершил он, послав на смерть Урия Хеттеянина. И сейчас воспоминания об этом злодеянии сжимают сердце. И оторопь берет ее, даже от мысли, что также мог поступить Давид и с Маттафией...

Жена Урии Вирсавия, конечно, тоже не безгрешна, она сама дала повод. Никогда и никто не видел ее, Зулуну, обнаженной. Если она омывалась, то только у себя дома, закрыв окна и заперев двери. Вирсавия считала, что никого в Иерусалиме нет красивее ее, она всегда выставляла напоказ свою красоту. Дом ее был совсем рядом с домом Зулуны, тоже неподалеку от дворца Давида. В своем саду Вирсавия бесстыдно обнажалась и устраивала омовения. Может быть, мужчинам она и нравилась - груди у нее стояли торчком и зад был, как у перекормленной овцы, но, конечно, ее не сравнить с Мелхолой. У Мелхолы была царственная стать, Вирсавия же была слишком простоватой. Муж ее Урия был настоящий мужчина, мышцы так и играли под его загорелой кожей. Он был хеттеянин, а для того, чтобы инородец стал тысяченачальником, нужны ум и не показная храбрость, а истинное бесстрашие...

Все это произошло во время войны с аммонитянами, и весь Иерусалим говорил не столько о войне, сколько о бесстыдстве Вирсавии и нечестивости Давида. Урия ушел на ту войну, Маттафия тоже воевал, но у нее, Зулуны, даже мысли не было на кого-либо обращать свой взор. Иоаву она прямо сказала: «Отступись, иначе будет так плохо тебе, что сам запросишься в Шеол!». Потом, к счастью, Иова послали командовать войском, противник был не столь силен, и Давид оставался в Иерусалиме. Для него Вирсавия была важнее победы...

С аммонитянами царь Давид был дружен, ничто не предвещало этой короткой, но кровопролитной войны. И когда умер царь аммонитян Наас, и воцарился его сын, Давид отправил своих посланцев, чтобы выразили они скорбь Давидову, ибо Наас был дорог ему и оказал милости еще в те годы, когда Давид не был царем и скрывался от гнева Саула. Наас тогда приютил

семейство Давида, спас их не только от преследований Саула, но и от царя моавитянского, который хотел истребить их в угоду Саулу. И вот случилось нечто непоправимое - посланцев Давида приняли аммонитяне за соглядатаев, которые пришли не выразить скорбь, а выследить где расположены воинские силы. Возможно, здесь была и некоторая доля правды, Давид способен на любую хитрость, шли выразить скорбь посланцы, а заодно и высмотреть подходы к укрепленным городам аммонитян. Не ей, Зулуне, судить об этом.

Схватил новый царь аммонитян посланцев Давида, обрил каждому половину бороды и обрзал одежды до пояса. И отослал их в таком виде назад. Посланцы отсиживались в Иерихоне, ждали, пока отрастут бороды. А потом явились в Иерусалим и обо всем поведали Давиду.

И в тот же день протрубили шофары в Иерусалиме сбор воинам. Вышел Маттафия утром из дома, а вернулся только через два месяца. Фалтий тоже рвался пойти с отцом, лица еще не касалась бритва, руки не окрепли - а туда же, надо показать себя смелым воином. Едва удержала, на коленях стояла, умоляла - ты у меня один, пожалей мать! Еле отговорила. Видела, как прощался Урия со своей женой, обнимал ее долго, словно предчувствовал, что это последняя его война. Гибельная война...

Войска Иоава осадили аммонитянский город Раббу, а Давид вел другую осаду. С кровли своего дворца, куда он любил подниматься на закате, чтобы насладиться прохладой, он увидел обнаженную Вирсавию в ее саду, где среди кустов роз омывалась она. В призрачном свете заходящего солнца нагота ее прельстила Давида, он воспылал страстью, и тут уж никто не мог его остановить. Вирсавию в тот же вечер доставили во дворец, говорят она пошла охотно, соблазнить царя было ее давней мечтой. Она разделила ложе с царем и дано было ей зачать новую жизнь.

Ее беременность смутила царя. Карали его подданных смертью, коли соблазнена была жена воина. Ему нужно было доказать всем, что в лоне Вирсавии зреет ребенок Урии.

Урия был срочно отозван из войска, по приказу царя Иоав послал его с донесением в Иерусалим.

Урия Хеттеянин запыленный, еще не остывший от битвы, с пятнами вражеской крови на плаще, явился прямо во дворец. Его принял сам Давид. Доложив о воинских делах Давиду, Урия тотчас стал собираться в обратный путь. Давид остановил его, сказал, что Урия может пойти отдохнуть в свой дом, что поспешность излишня. Но Урия лег спать у входа в царский дворец вместе со слугами Давида. Утром Давид опять начал уговаривать Урию не проявлять поспешности и отдохнуть дома.

- Иоав и мои воины стоят в поле, - сказал Урия, - их стан осыпают стрелы, выпущенные с крепостных стен, а я буду есть и пить со своей женой и возлежать с ней на супружеском ложе - это будет несправедливо! Как после этого я посмотрю в глаза своим воинам?

Давид с трудом уговорил его остаться на трапезу. И устроил пир в честь храброго воина, на пиру заставлял Урию пить пьянящий шекер без меры, и все время говорил, что храбрый воин должен перед битвой попроситься с женой. Но Урия не внял его уговорам и опять ночевал у входа во дворец. Многим тогда это показалось странным.

И только теперь она, Зулуна, понимает, что Урия о многом догадывался, что не хотел он покрывать чужой грех, знал Урия, почему его так настойчиво отправляет домой Давид, понимал почему поют его лучшими винами. Настоял Урия на своем и тем самым предрешил свою гибель.

Давид передал с ним письмо Иоаву, повелел он своему военачальнику поставить Урию там, где всего сильнее будет напор аммонитян, сделать так, чтобы был Урия поражен и умер.

Откуда узнали люди в Иерусалиме, что было написано в письме, почему стало известно каждое слово, можно только догадываться. Возможно, Урия сам прочел письмо и рассказал о нем, но как истинный воин и раб своего царя, не отступил и сам пошел на смерть.

Иоав, не дрогнув, исполнил волю своего царя. Он послал Урию к крепостным стенам, сказав, что начнет взятие города и что основные силы пойдут с другой стороны; но в бой брошены были только воины Урии - только его тысяча, остальным было велено ждать и не вмешиваться в ход событий. Обо всем этом Зулуна услышала позже, когда возвратился с войны Маттафия. Он поведал, что никто не понимал, зачем нужна вылазка Урии, город было заранее решено изнурить осадой, там кончились запасы воды, и надо было выждать еще буквально два-три дня. Бессмысленно погибли Урия и все его воины.

Рассказывают, что когда Давиду поведали об этом, он сделал вид, что крайне разгневан, и отдал грозный приказ Иоаву -отомстить за Урию, взять город и предать его разорению, стереть его с лика земного.

Поразило тогда ее, Зулуну, то, как убивалась Вирсавия, потеряв мужа, как бродила она по Иерусалиму с головой, осыпанной пеплом, в разодранных одеждах, с исцарапанным лицом и выла, как волчица, загнанная в яму. Кто бы мог усомниться в ее горе? Но и двух дней не прошло, как ожила она и явилась во дворец, и стала там хозяйкой. Даже Мелхола вынуждена была ей подчиниться. И Давид не отходил от нее, будто опоила она его дурманом. И весь Иерусалим знал, что царь воспылил великой любовью к Вирсавии, и все старались льстить ей, и слагали песни о ее великой любви. И все молчали перед лицом царя, будто забыли про Урию. Спрашивали: кто это такой Урия? Ужели муж Вирсавии? Да не было у нее мужа - отвечали. Убитый под Раббой? - Так там много было убитых, всех не упомнишь.

Маттафия был огорчен, все вызывало его гнев, сокрушался он о гибели Урии, стал сторониться Давида, но высказать все открыто не

решался. В доме своем только говорил о нечестивости царя и Вирсавии. Зулуна с ним во всем соглашалась тогда. А Рахиль неожиданно стала противоречить им: «Вы не понимаете, что такое настоящая любовь, что такое настоящая страсть. Давид и Вирсавия так любят друг друга, что даже если Бог в гневе обрушит на них громы небесные и молнии горящие - то потухнут молнии и стихнут громы, потому что нет сильнее грома и молнии, что сверкают в их сердцах!». И Маттафия, который всегда был ласков с Рахилью, вдруг стукнул кулаком по стене так, что дом задрожал, и все сразу притихли, и ни она, Зулуна, ни Рахиль старались более не говорить об Урии и Вирсавии. Все молчали в Иерусалиме, во всех домах его.

И только пророк Нафан не стал молчать, только он сумел высказать Давиду все, что думал. Он очень был разгневан и стыдил Давида прилюдно. А начал все с притчи. Рассказал такую притчу Давиду: жили два человека в одном городе, один богатый, а другой бедный. У богатого было очень много овец и другого скота, а у бедного ничего не было, кроме одной маленькой овечки, которую он кормил вместе с детьми, лелеял и любил, словно собственное дитя. И пришел странник к богатому человеку, и для угощения гостя не захотел богатый взять овечку из своего многочисленного стада, а взял и отобрал овечку у бедного и зажарил для пришельца.

Услышав эту притчу, Давид стал возмущаться: «Что это за человек такой! Нету совести и стыда у него! Он смерти достоин. Говори, Нафан, кто он?». И Нафан не отвернул взора от гневных глаз царя, сказал ему в лицо, не испугался: «Ты, тот человек! Урию Хеттеянина поразил ты мечом ammonитян, а жену его взял себе. Чем ты лучше того, кто лишил бедняка единственной овечки!?».

И Давид не стал возражать, не обозлился на пророка, а сказал тихо: «Согрешил я перед Господом...». И предсказал тогда пророк, что за грех свой будет наказан Давид Господом, что умрет сын Вирсавии, который зачат был во грехе.

Так и случилось, как предсказал пророк Нафан. Поразил Бог дитя, которое родила Вирсавия, болезнями. Давид молил Господа пощадить младенца. Все дни постился Давид, во дворце ходили все на цыпочках, боялись попасться царю на глаза.

Маттафия был в ночной страже дворца и поведал, как страдал Давид - всю ночь не спал, лежал не в самом дворце, а в саду, прямо на земле. Утром Маттафия пытался его поднять -бесполезно, принес ему лепешек и гранатового сока, но царь от всего отказался. Так продолжалось шесть дней, а на седьмой день младенец умер. Никто не решался донести царю, что все кончилось. Давид сам догадался, что мальчик умер, увидев, как понуро бродят по дворцу и говорят шепотом стражники и слуги. И спросил он: «Умерло дитя?». И когда сказали ему, что все кончено, он быстро

поднялся, умылся, переменял одежды и потребовал, чтобы накрыли стол для трапезы. Ел долго, смакуя пищу и запивая красным вином. Пророк Нафан возмутился: «Царь наш, когда дитя было живо, ты постился и плакал, а когда умерло оно, встал и пьешь вино!». И ответил ему Давид: «Когда дитя было живо, я постился и плакал, молил Господа помиловать невинное существо, думал, смилуется Господь. А теперь - младенец умер. Зачем мне поститься? Разве я могу возвратить его?».

Когда Зулуне рассказали об этих словах Давида, дивилась она его жестокости. А теперь, если подумать, прав был Давид. Плачем не вернешь мертвых, не надо только роптать на Господа, а принимать все так, как есть, как угодно ему. Время все сглаживает, как вода сглаживает камни...

И простил Господь даже Вирсавию. Родила она еще одного сына, которого нарекли Соломоном, и рос он мудрым не по возрасту, и был прекрасен лик его, и стал он любимым сыном царя Давида, и еще много прекрасных сыновей дал Давиду Господь, иметь много сыновей, продлить в них род свой - это самое большое счастье. Но когда их много, возрастают среди них такие, что даже царей заставляют испытать горькую чашу страданий. Упаси Боже, иметь таких отроков, как Амнон и Авессалом - пусть уж лучше будет один.

Она, Зулуна, старалась держать сына подальше от царского дворца, хотела уберечь его от всей дворцовой сумятицы, да не получилось. Фалтий был сыном своего отца, он хотел стать таким, как отец, бесстрашным воином и стал им. Прошло время, когда его надо было опекать. Теперь от него зависит, как сложится дальнейшая жизнь, от него и от Амасии. Через три дня они встретятся в Иерусалиме, два сына Маттафии. Они будут делать все, чтобы высвободить отца, и вдруг обнаружится, что освобождать будут не его, а того, кто преследовал Давида, и имя ему - Саул... Кто может знать, где лежит истина...

Она, Зулуна, слишком поздно вошла в пещеру, где обитал Бер-Шаарон. Старик многое знал, с ним умерли его тайны, которые страшались услышать правители города. Им не нужны были свидетели истины. Возможно, посланец смерти с тесьмой в руке вот также подкрадется в ночи к ней, Зулуне, и сдавит горло. От этой мысли холодок пробежал по спине, и тишина, царящая в доме, стала пугающей. Чего ты боишься? - сказала она сама себе. - Ты прожила много лет, ты уже не можешь зачать новую жизнь, и никто на тверди земной еще не избежал смерти. Стоит ли жить, если ошиблась, если это не Маттафия сейчас во дворце Каверуна, если это Саул...

Зашипел огонек, метавшийся в светильнике, кончилось масло, зашипел и погас. И обнаружился робкий свет в окнах, предвестник восхода, и послышались первые голоса одиноких птиц, ожидающих солнца. Словно спрашивали птицы друг у друга, когда же взойдет оно, есть ли надежда - увидеть лучи его и согреться его теплом. И все сильнее

становились их голоса, все заливицей первые песни, потому что уходила тьма, и все в мире приготовилось встретить новый день. Свет рождал надежду, он разгонял ночные страхи, рассеивал тени прошлого - и вот таяли эти тени, исчезали в обратном беге времен, оставляли в покое человека. И понимала Зулуна, что надо благодарить богов за наступление дня, надо вставать и жить, а не томиться воспоминаниями. Но сказывалась бессонная ночь, и веки тяжелели, с рассветом пришло тепло, и так сладко было погружаться в бездумную негу, в темноту безразличия и покоя...

Она проснулась от того, что почувствовала - в доме кто-то есть, ночные страхи вновь возвратились к ней и сковали тело, она приготовилась к самому худшему, закрыла горло руками - и вдруг услышала пение, знакомый звонкий голос, пение без слов, будто ручей бежал через перекалы. Рахиль, позвала она и привстала, и, словно вихрь, ворвалась, закружилась, не переставая петь, рыжекудрая, легконогая и беззаботная та, без которой уже не представлялась дальнейшая жизнь.

- Ты вырвалась? Тебя отпустили? Ты голодна? - засыпала она Рахиль градом вопросов.

Рахиль присела на ложе, нагнулась и поцеловала, ткнулась мягкими губами в щеку, совсем близко были ее большие глаза - и в них ни капельки страха.

- Это было все так просто, - сказала Рахиль и улыбнулась, - я чуть не стала наложницей самого Каверуна, - великая честь, меня обрядили в шелка, видишь?

И тут она заметила, как необычен наряд Рахили, такой переливающийся шелк она видела только у Мелхолы.

- Надо снять все это и сжечь, - сказала Зулуна, - они ведь уже отрядили за тобой погоню, они не оставят тебя в покое, надо переодеться и искать убежища.

- Не волнуйся, - успокоила ее Рахиль, - я ведь не сказала, что живу здесь, я наплела им такое, ты даже не представишь, я сказала, что отстала от каравана торговцев, что ищу своего отца, выдывающего кожи и продающего их, я сказала, что родом из Дамаска, ведь я хорошо говорю по-арамейски, я их всех провела, а когда меня уже приготовили, чтобы вести к Каверуну, переодели, я сделала вид, что мне плохо, стражник сопроводил меня, я попросила его подождать, там был лаз - я скользнула, как змейка, в этот лаз, потом перебралась через стену, ограждавшую дворец, она не так высока, как кажется...

- И все же тебя видели со мной, тебя видели со стариком Бер-Шаароном, они придут сюда, они быстро узнают, кто здесь живет, они вот-вот схватят и тебя, и меня, ты это понимаешь?

- Конечно, - сказала Рахиль, - я ведь не пошла сразу в дом, я пряталась в саду, неподалеку от дома, я долго смотрела на свет в окне, я вошла в дом, когда убедилась, что здесь нет никого, кроме тебя, когда

убедилась, что за мной никто не следит. Я могу любого перехитрить, увидишь, мы спасемся и спасем нашего Маттафию! Увидишь...

- Вчера убили старика Бер-Шаарона. Он слишком много знал. Теперь наша очередь, - сказала Зулуна.

- За что его? Что он им сделал? Бедный старик! - воскликнула Рахиль, и впервые страх появился в ее широко раскрытых глазах.

- Надо спешить. Я послала Амасию к Фалтию в Иерусалим. Это единственный выход. Фалтий близок к Давиду. Фаптий сделает все для нашего освобождения. Пока еще не совсем рассвело, мы должны покинуть дом. Я отведу тебя к знакомым пастухам на горные пастбища, там ты дождешься нас. Мы спасемся, не бойся! - сказала Зулуна и спросила:

- Ты видела нашего мужа во дворце?

- Нет, я хотела пробраться к нему, но стража остановила меня, - ответила Рахиль.

- Я очень хотела, чтобы ты увидела его, мне это необходимо! Ты бы не ошиблась! - сказала Зулуна и вздохнула. Стоило ли ввергать в сомнения Рахиль, сейчас надо думать о ее спасении. И она стала помогать Рахили стягивать нарядное платье, потом принесла простое одеяние, скрыла ее волосы платком. Приходилось все время торопить ее. Рахиль как будто не представляла всей меры опасности и хотела подольше побыть дома. Ее беспокоило, что будет с Амасией, если он вернется и никого не застанет дома. Долго объясняла ей, что Амасия вернется не один, и это будет не сегодня, а через несколько дней.

Солнце уже высоко поднялось над крепостными стенами, когда они проскользнули в знакомый Зулуне лаз и быстро зашагали по направлению к розоватым холмам, цепью встающими вдаль.

Глава XVIII

Утром Маттафию вывели в дворцовый сад два стражника. Он шел в их сопровождении по дорожке, усыпанной мелкими белыми камешками, вдоль ровного ряда финиковых пальм. Зрелые финики желтыми гроздьями свисали вдоль серых стволов. Там, где кончались пальмы, виднелся голубой полог шатра. На место казни это не было похоже. Подле шатра, за большими тесаными камнями открылась ровная площадка, где сидели правитель города Каверун и его советник Цофар. Лицо Каверуна было хмурым, он напоминал медведя, которого потревожили в своей берлоге. Цофар угодливо улыбался. Почтительно склонив голову, стоял перед ними Иегуда - старейшина еврейской общины. Его красные пухлые губы в обрамлении черной бороды казались свежей раной, его рука нервно сжимала посох. За спиной Каверуна выглядывали из-за кустов диковинные

птицы с радужным опереньем и с длинными, тянущимися по земле хвостами. Почти застыв среди цветов, они, казалось, вслушивались в разговор.

Каверун поднял голову и окинул Маттафию изучающим взглядом. Стражники застыли в отдалении. Маттафия сделал еще несколько шагов, и Цофар, подняв руку ладонью вверх, остановил его.

- Видишь, Иегуда, мы пошли тебе навстречу, - сказал Каверун, теребя короткую бороду, - пусть твой царь услышит, как ты отказываешься от него. А может быть ты и нас убедишь, что это вовсе и не царь, а так, пустой самозванец, и мы казним его тотчас, чтобы не лез в царя!

Иегуда, переминаясь с ноги на ногу, покачал головой, большая черная борода прочертила полукруг на его груди. Он развел руками и сказал:

- Человеку свойственно сомневаться, мой господин и повелитель. Много званных среди нас и мало избранных, я встречал людей, которые упорно называют себя царями. Господь лишил их разума, и ложное величие утешает их. Они одержимы болезнью, как и этот пленник, назвавшийся Саулом.

- Болезнь, - говоришь ты, - с усмешкой заметил Каверун, - она как раз больше любых слов убеждает, что перед нами Саул, которого, как известно, одолевают темные силы. Он бился в падучей - и в том не было притворства. У меня тоже были сомнения, память царя короткая, он не помнит тех, кто выручали его...

- У Саула не было болезней, - возразил Иегуда, - он был силен и крепок, как тамарисковое дерево. Мой отец был в его страже и многое поведал о жизни царя. Позволь мне расспросить пленника.

- Хорошо, - согласился Каверун, - ты волен задавать любые вопросы.

Маттафия понимал, что его разоблачение приведет к немедленному концу, церемониться с самозванцем Каверун не будет. Вопросов Маттафия не страшился. Иегуда был слишком молод и не общался с Саулом. Он не может знать жизнь царя столь досконально, как знает ее он, Маттафия. Хуже было бы, если вопросы задавал Каверун, что-то связывает его с Саулом, где-то могли пересечься их пути...

- Жив Господь, - произнес Иегуда после некоторого молчания, - за лживые измышления карает он, и сказано устами его: не величайся перед лицом царя и на место великих не устремляйся...

Слова эти были обращены явно к Маттафии, старейшина уповал на Господа и хотел склонить Маттафию на свою сторону. Каверун недовольно поморщился, витиеватость речей Иегуды раздражала его. Цофар, заметив недовольство правителя, выкрикнул гневно:

- Слова твои, Иегуда, ходят окольными путями! Говори прямо! И не пугай никого своим Богом, он бессилен пред лицом Рамаука! Ты весь...

- Помолчи, Цофар! - резко оборвал его Каверун.

- Всем ведомо, - продолжал Иегуда, - что Саул погиб на горе Гелвуй, там погибли его сыновья, тому есть свидетели, живы люди, которые хоронили царя, сняв тело его, прибитое врагами на крепостных стенах. Может ли ожить убиенный, чьи кости давно покоятся в земле? Порази меня Господь, если это Саул! А если он Саул, пусть назовет имена сыновей своих...

- Говори! - приказал Каверун, - докажи нам, что ты царь!

- Три сына пали на горе Гелвуй, - спокойно ответил Маттафия, - Ионафан, Мелхисуй, Иессуй, от руки убийц пал Иевосфей. Да не исчезнет память о них на лице земном.

- И это все? - оживился Иегуда.

Маттафия кивнул.

- Но ты забыл сыновей, рожденных Рицпой! - воскликнул Иегуда.

- Царь не обязан помнить сыновей, рожденных наложницей, - сказал Маттафия.

- Он прав, - поддержал Маттафию Каверун, - разве может мужчина упомянуть всех, с кем возлежал на ложе, всех наложниц, которые зачали от него. А если бы перед нами был твой царь Давид, говорят у него больше двухсот сыновей. Ты бы и его разоблачил?

Маттафия усмехнулся. Первый вопрос он выдержал, правда, не без помощи Каверуна. И не назвал еще одного сына, о котором знает только он. Даже Саул не смог бы назвать это имя. Глупый вопрос - только женщина может сказать истину. Не слишком удачное начало для Иегуды.

- Прав, мой господин и повелитель, мой вопрос сложен для царя, - сказал Иегуда, - и царь не обязан отвечать на него. И все же я докажу, что перед нами человек, одержимый бесами и жаждущий мнимого величия, он не мог быть царем. А если он царь, пусть скажет, кто лишил жизни Дойка Идумеянина?

Маттафия вздрогнул. Ужели Иегуде известно тайное убийство? Только два человека на земле знают, как свершилось отмщение. Знают, как смерть настигла того, кто перерезал горло всем священникам Номвы. Знают, как скреб злодей ногтями каменистую тропу, которая стала красной, и было странно - сколько же у него крови, она лила и лила из перерезанного горла. Тому свидетель один - сын Ахимелеха, благочестивый Авиафар. Неужели Авиафар открыл кому-либо эту тайну? Маттафия молчал, понимая, что попал в ловушку. Он должен был назвать самого себя.

- Говори, что же ты молчишь! - проявил свое рвение Цофар. - Какой же ты царь, если не знаешь, кто расправился с твоим верным слугой, с твоим главным пастухом?

- Тело Дойка было найдено за крепостными стенами Гивы, горло его было рассечено мечом. Если бы царь знал, кто это сделал - то немедленно

казнил бы убийцу. Никакой казни в Гиве не было, - сказал Маттафия и застыл в ожидании. Сейчас Иегуда назовет его имя или имя Авиафара.

- Он прав, - растерянно произнес Иегуда, - никто не узнал в Гиве имени убийцы, смерть та была угодна Господу...

Маттафия облегченно вздохнул. Молод Иегуда, вопросы его бессильны. Но почему так дрожит рука Иегуды, сжимающая посох? Почему ему так нужно доказать Каверуну, что перед ним не царь. И вдруг догадка обожгла Маттафию. Иегуда борется не только за себя, на чашу весов положена участь всей еврейской общины города-убежища. Иегуда страшится, что гнев обитателей крепости обрушится на общину, что суд над Саулом и его казнь разрушат то хрупкое спокойствие, в котором пребывают его соплеменники. Как ему помочь? Пути к отступлению отрезаны, никто не захочет поверить, что перед ними не царь. Надо суметь защитить имя Саула. Иегуда здесь не помощник. Каверун многое знает, с ним трудно будет спорить. Вряд ли правитель хочет смуты в своем городе. Что он задумал?..

Маттафия не сводил глаз с правителя. Каверун изучающе и беззлбно смотрел на Иегуду. Глаза у Каверуна гноились в уголках, как у медведя. Он и сам, рыжеватый и плотный, был похож на затаившегося медведя, непонятно было, чего в нем больше - ярости или доброты. Казалось, он настроен миролюбиво, но в то же время - затаенный злой блеск во взгляде, скрещенные руки, будто он сам себя удерживает, скрывая свое нетерпение.

- Ты опять вводишь нас в заблуждение, Иегуда, - растягивая слова, произнес Каверун, - ты задаешь вопросы, на которые сам не знаешь ответа...

- О, мой господин, - растерянно пробормотал Иегуда, - праведен ты, снискавший мудрость, тебе доступны все истины, ты видишь, кто перед тобой. Позволь мне хотя бы один вопрос, еще один...

- Мы устали слушать твои выдумки, Иегуда, - недовольно произнес Каверун, - ты плохой старейшина и не печешься о своих людях. Я думал, ты умнее. Любой другой собрал бы дань с общины, чтобы спасти своего царя, принес бы все припрятанное золото и серебро, дал бы выкуп. Ты жаден, а потому хочешь доказать, что это не Саул, но видишь, тебе это не удалось...

- Мы можем собрать и золото, и серебро, мой господин, - поспешно согласился Иегуда.

- Вот ты и попался, - засмеялся Каверун, - серебро и золото ты готов дать за своего царя! Ради простого смертного твои соплеменники не станут расставаться со своими богатствами! Скоро ты прибежишь и будешь просить меня взять все, что у вас есть, чтобы оградить народ твой от гнева жителей. Когда обитатели города узнают о всех злодеяниях Саула и Давида, мне трудно будет сохранить вам жизнь!

Маттафия почувствовал, как кровь приливает к лицу, последние слова правителя, словно удар копья, пронзили его. Он сделал резкое движение вперед, стражники с обеих сторон сдавили его.

- Пойдите! - воскликнул Маттафия. - Нельзя во всем винить царей, к тому же я...

- Тебя ни о чем не спрашивают, - прервал его Каверун, - ты должен пасть на колени и молить своего бога, чтобы он пощадил тебя. Я дал слово Цофару, - если обнаружится, что ты лживый пройдоха и в угоду своему тщеславию выдаешь себя за царя, то голова твоя уже сегодня скатится плеч. Но пока ты спасся! Я тоже сомневался, но ты развеял мои сомнения. Я даю тебе еще два дня, чтобы ты вспомнил и записал все злодеяния Давида. Давид дорого заплатит и за твою голову, и за эти записи!

Каверун устало откинулся на подставленную Цофаром подушку и дал знак стражникам - увести пленника. От сильного толчка в спину Маттафия с трудом удержался на ногах.

Часом позже, сидя неподвижно и всматриваясь в небо, светлеющее между зеленых крон оливковых деревьев, Маттафия мучительно долго обдумывал свое положение. Тишина стояла во дворце. Был отчетливо слышен каждый скрип сандалий стражников, переминающихся у дверей, и то, как где-то внизу лилась вода и скрипели ножи - очевидно, там была дворцовая кухня.

Сменилась дневная стража, подали в приоткрытую дверь кувшин с соком и лепешки. Есть не хотелось, сон тоже долго не приходил к нему. Теперь ему было отпущено еще два дня. Он не властен что-либо изменить. Даже в плену у филистимлян можно было надеяться на побег, можно было совершить этот побег, отсюда бежать невозможно. Все надежды на Давида казались теперь построенными на песке. Ведь в свое время Давид поверил в его предательство. Все может кончиться плачевно. И он, Маттафия, не только погибнет, но и станет причиной изгнания и бедствий тех, кого любит больше всего на свете. Собственная судьба уже не тревожила его. Надо отбросить все страхи и встретить смерть спокойно, смерть, которая вот уже много лет ходит по его следам.

Вспоминая прожитые годы, он старался отыскать те, где дни были спокойны и наполнены теплотой и любовью. Он вновь и вновь вспоминал тишайший Вифлеем и проклинал тот час, когда перебрался в Гиву - царский город, переполненный людьми лживыми и хитроумными. И главной ошибкой была слишком долгая служба при царском доме. Служба, поставившая его перед выбором - Саул или Давид, отец или друг...

Царская милость не обошла его, но и царский гнев ему тоже пришлось не раз испытать. Многие завидовали ему, дивились, когда он был мрачен. Не понимали - что еще нужно человеку? И дом есть просторный, и сад оливковый у дома, и растут два сына - старший Фалтий, смысленный и сильный, и младший - Амасия, ласковый и нежный. И все в

доме было, что душа пожелает, ибо получал десять серебряных сиклей в месяц, и пропитание бесплатно - из царских запасов. И все равно - царская служба тяготила. А когда начались распри между Саулом и Давидом, впору было тайком бежать из Гивы. Надо было тогда решиться - это он сейчас понимал - бросить все и - подальше от царского дома, прочь от всех благ и богатств на север страны в город, затерянный в горах - сидеть там под своей смоковницей, не помышляя о воинской славе. Променять все царские почести на живительный воздух горных пастбищ и цветущие луга в долинах.

Но не волен он был распоряжаться своей жизнью, ибо был он царским воином. И не было спокойствия ему близ царского престола. Опасался всегда, что раскроется тайна его рождения - и неизвестно, что принесет это - милость царя или его гнев. Были чужды ему, Маттафии, и военачальники, и сыновья Саула, не видел он в этих сыновьях своих братьев. Из них был ему близок лишь Ионафан, чистый в помыслах и бесстрашный на поле брани.

Говорить что-либо, противное общему мнению, в Гиве было опасно, полно вокруг царских доносчиков и соглядатаев, и даже на ложе своем не уверен был человек, что не зрит его око царского лазутчика. Только бесстрашный Ионафан говорил открыто, что думал. Ему все сходило до поры, ведь он был любимым сыном Саула. Маттафия же был сыном безвестным и защиты ему искать было негде.

Были мгновения, когда очень хотелось во всем открыться Ионафану, сказать ему: «Брат мой Ионафан, любимый брат...». Ионафан обрадовался бы, что обрел брата. Но можно было ли даже ему доверить эту тайну? Ионафан даже не понял бы, о чем идет речь. Сказал бы: «Конечно, брат, ты всегда был мне братом...». У Ионафана были свои заботы - он жаждал помочь Давиду. Рисковал Ионафан, и прознай Саул про его дела обернулась бы царская любовь страшным гневом. Ибо отправлял Ионафан с верными людьми оружие для Давида, передавал с торговцами снедь. Входили в дом Ионафана странные люди, воровато озирались, таились от чужого взгляда. Маттафия много раз пытался остеречь Ионафана, говорил, что нельзя доверять людям, которых видишь впервые. Ионафан горячился: «Нельзя жить в неверии, каждый, кто вступился за гонимых, угоден Господу, мне ли таить подозрения на людей, готовых пострадать за правду!». И не слушал Ионафан, когда объяснял ему, что это люди торговые, что блюдут во всем свою выгоду, что за сребреники продадут и отца родного. Царский сын не мог понять простого воина. Но перестал втягивать в свои дела, понимал - то, что будет прощено ему, царскому сыну, станет гибельным для Маттафии. И обещал: «Я буду осторожен, и ты тоже опасайся наветов, ибо все знают о дружбе твоей с Давидом, постарайся быть в тени...».

Он, Маттафия, и без советов Ионафана понял, что в царском доме опасно быть на виду. Но как не таился Маттафия, а шел по его следу хитроумный евнух Ноар. Лестью своей скрывал он злобные замыслы. В глаза возвеличивал Ионафана и подвиги воинские его, а Саулу нашептывал про дружбу Ионафана с Давидом, сеял гнусные слухи о том, что прельстил Давид царского сына своими чреслами. Подбирался Ноар к нему, Маттафии, из уст евнуха мед лился - обещал щедро одарить за одно лишь слово о Давиде, о том, где скрывается тот. Но потом, видя, что ничего не добиться, по-иному стал подступать. Сказал однажды, как бы невзначай:

- Прячешь ты, Маттафия, в своем доме райских птичек, возжаждал один их красотой наслаждаться. Нехорошо, Маттафия! А в царских покоях некому услужить господину нашему, великому царю Израиля. Будешь нелюбезен и молчалив, подскажу царю, и удостоит он высокой чести жен твоих - будут они хорошими помощницами жене царской Ахиноаме. Особенно младшая твоя, рыжекудрая соблазнительница, не хуже царской наложницы Рицпы. Саул таких длинноногих любит...

И понял Ноар, что боится его Маттафия, стал ходить по пятам. Маттафия повелел тогда Рахили не появляться подле царского дома. И поделился своими опасениями с Ионафаном. «Ноара не страшись, - сказал Ионафан, - не столь уж жалует его отец мой, одно мое слово - и сомкнет свои подлые уста евнух! Жаль, что в земле египетской раздавили ему мошонку, мы сейчас с тобой доставили бы ему это удовольствие!». Редко вот так зло говорил Ионафан, ожесточилась его чистая душа к тем, кого ненавидел он, и говорил Ионафан, что грешно прощать врагов. И был Ионафан прав, ибо нет опаснее врага пощаженного, такого, как Цофар.

Саул же зачастую прощал и пригревал врагов, к своим же был неоправданно жесток. Кровь священников из Номвы не смоешь никакими слезами и раскаянием. И когда говорил Саул, что поддался наветам Дойка Идумеянина, никто не верил этому. А враг ли был ему Давид? Все в Гиве любили Давида. И чем более любили и возвеличивали, тем сильнее становился гнев царский. Тогда это все было непонятно.

Но если вдуматься, глядя из глубины лет, понимаешь - покушался Давид на власть царскую. Позволил Самуилу помазать на царство при живом царе, добивался упорно царской дочери, любил, чтобы повсюду возвеличивали его воинские подвиги, Ионафана сделал своим лучшим другом... Саул остерегал от него своих сыновей, предупреждал Ионафана, что Давид не даст наследовать престол. Ионафан и слушать ничего не хотел, любовь его к Давиду была беспредельна.

Когда Давид был изгнан из Гивы, еще больше стал его защищать Ионафан. Опасная это была стезя, Ионафан был слишком доверчив. Делился с друзьями своими тайными замыслами, поведал Маттафии, как найти Давида, взяв слово, что это останется глубокой тайной. Сказал ему тогда: у стен есть уши, и тайна остается тайной, если ведает о ней один

человек. «Но ты ведь его друг, скажи ты его верный друг?», - допытывался Ионафан. Отвечал ему: я царский сотник и верен царю. Ионафан смеялся, говорил - зачем со мной таишься. Ты сотник, я - царский сын. Но почему мы должны отвернуться от гонимого друга? Ионафану хотелось всем поделиться с Маттафией. И Маттафия знал места, где скрывается Давид, как добраться к нему по высохшему руслу реки Ция в леса Херета.

Шли в землю Иудину, в пределах которой были те непроходимые леса, все огорченные душой и страждущие, все недовольные Саулом и притесняемые им. Нередко попадались среди беглецов воры и нечестивцы, и просил Давид Ионафана сообщать подробно о каждом, кто хотел примкнуть к набираемому воинству. Нужны были Давиду сильные люди, умеющие постоять за себя. Водились в тех лесах и медведи, и волки, и пищу надо было уметь добыть себе, и ноги нужны были крепкие, чтобы уходить от воинов Саула.

Ходили слухи в Г иве, что обещал Давид щедро вознаградить тех, кто придет под его начало, сулил он и наделы земли, и пашни, и виноградники. Ничего этого не было у него. Надеялся получить, захватив власть. Мог ли Саул молча взирать на все это и позволять Давиду крепнуть и набирать силу? У кого откроются уста, чтобы осуждать Саула? Развязка близилась. Жестокое убийство священников было только началом. Оно многих отторгло от Саула. Число людей, убежавших к Давиду, росло. После кровавой расправы над священниками Номвы и их домами, почти все оставшиеся в живых обитатели этого города искали спасения у Давида. Ионафан и Маттафия все что могли, делали для них. Еще во время расправы ему, Маттафия, удалось спасти одного из тех, что пришли с Ахимелехом из Номвы. Ионафан помог спастись Авиафару - молодому священнику, сыну несчастного Ахимелеха. Авиафар ушел в леса Херет, к Давиду. Воины Саула окружили эти густые леса. Люди Давида ускользали от облав потайными тропами, прятались в пещерах у Мертвого моря. Саул начал охоту за своим бывшим любимцем.

- Если мы не поможем Давиду, он пропадет, - сказал Ионафан.

К тому времени гнев Саула обратился и на него. Ионафан ничего не страшился. Копье, брошенное отцом в него, не испугало Ионафана.

- Пойми, - продолжал он, - Давид не выдержит, когда начнутся холода, ему нужен рядом надежный человек.

Он, Маттафия, сделал вид, что ничего не понял. Он не хотел оставлять в заложниках двух жен и сыновей. Он понимал, что Давид может не выдержать. Давид был человек удачи. Он был на своем месте, когда побеждал, когда все ладилось у него. Давид был прирожденным военачальником. Таиться и прятаться он не умел, и в то же время в нем жил лицедей и певец. Он мог притворяться, предстать в личине другого человека. Мог сочинять хвалебные песни тем, кто давал пищу для его людей, мог сказаться странствующим певцом. Он явился к Гефскому царю

Анхусу, выдав себя за кудесника, заложил камешки за щеку, коверкал слова, пророчил начало нового царства. Но все равно узнали в нем царские братья того, кто победил Голиафа, исполина из их рода. Анхус хотел одарить кудесника, хотел овец ему продать, когда они ворвались в царские покои с криком: «Овец ему - это же Давид! Ты ему еще царство уступи, и мы будем его рабами!». Анхус понял свой промах, приказал схватить Давида. И прикинулся тогда Давид сумасшедшим - замычал, словно телец, пустил слюну по бороде, стал чертить на стенах домов причудливые фигуры, на дверях одного дома написал: «Анхус, царь Гефский, сто раз десять тысяч должен мне, а жена его - пятьдесят раз по десять тысяч». Анхус закричал на братьев: «Какой же это Давид, это сумасшедший, разве мало у нас своих сумасшедших, зачем он здесь юродствует, гоните его из города!».

Поведал об этом случае с Давидом тысяченачальник Шамгар, выставлял Давида низким и мелким попрошайкой, смеялся над тем, перед кем лебезил раньше. Сказал Шамгар: «Не достойно это военачальника, слюну по бороде пускать, свою жизнь спасая!». Не выдержал тогда Маттафия, сказал: «С кем не бывает, сегодня сумасшедший, а завтра начальствует над сумасшедшими, сами слюну с бороды слижут!». Шамгар понял, что о нем речь, посмотрел злобно, но в спор вступать не стал.

Случай, конечно, нелепый. Зачем пошел Давид добывать снедь у филистимлян? Знал, что ищут они его гибели. И вот, чтобы спастись - притворился сумасшедшим. И это он, который всегда презирал тех, кто потерял разум! Говорил еще в Вифлееме: «Премудро все сотворил Господь, но зачем так сделал, что люди иногда лишаются разума, ходит человек в отрепьях, пускает слюну, отроки за ним бегают, издеваются. Приятно ли это очам Господним?». Зулуна тогда мудро ответила ему: «Все, что богами создано, имеет свой смысл и свою тайну, и зло иногда идет во спасение». И вот спасло Давида сумасшествие, не притворись он юродивым, закончил бы жизнь, пораженный мечом Анхуса.

Ионафан был прав, Давиду нужен был помощник, нужны были верные военачальники. Братья его Елиав, Аминодав и Сама, а с ними и престарелый отец его Иессей только связывали ему руки. Отправил он всю семью свою в Марифу Моавитскую, там нашли они прибежище у моавитского царя, ведь были в роду Давида моавитяне, та же Руфь, о которой он рассказывал еще в Вифлееме. Иоав - сын его сестры Саруи - был единственным помощником. Молодой еще, но именно в такие годы становятся воинами. Сын Фалтий был много моложе, но уже ловко стрелял из лука, мог даже птицу на лету сбить. Но стрелять в цель это одно, а выводить людей на битву другое. Даже у сотника полно хлопот, не говоря уже о тысяченачальнике...

Маттафия в то время дни и ночи проводил на воинской службе, не давал отдыха своим воинам, обучал их и метанию копья, и владению

мечом, и осаде стен крепостных. От царского дома держался подальше. Но так получается в жизни - не пристанешь к одному стану, тебя затянут в другой. Как не старался Маттафия избегать участия в схватках Саула с Давидом - ничего не вышло. Сам Саул позвал его к себе.

Была Маттафии оказана великая честь - говорил он с царем один на один. Сидели в спальных покоях на скамьях из черного сандалового дерева. Таких бесед удостаивался только главный военачальник Авенир. Не стоял Маттафия, а сидел рядом с царем, ибо сказал Саул ему: «Садись рядом, сын мой». Второй раз в жизни так обращался к нему царь. Так называл Саул только людей близких к нему. Слова эти заставили вздрогнуть Маттафию, кровь прилила к лицу. Стоял в покоях полумрак, и Саул ничего не заметил. И снова повторил: «Сын мой». И стал объяснять, что схожесть их обличий помогла один раз, и может пригодиться еще не раз, что пришла пора изловить Давида, что тот скрывается в Адаламской пещере, за пещерой этой сразу начинается лес, везде там бродят люди Давида и те, кто ищет путей примкнуть к нему - предатели и воры. Так сказал Саул о них, и повторил - предатели и воры. Когда подходят отряды воинов, продолжал Саул, эти люди сразу предупреждают Давида - идет Саул, и Давид исчезает. Он неуловим, этот нечестивец. А теперь они пойдут с двух сторон, и он, Маттафия, с тремя отрядами займет лес и будет передвигаться шумно, не таясь, чтобы все узнали - идет Саул, и увидев его, Маттафию, беглецы, скрывающиеся в лесу, донесут Давиду - Саул движется через лес, а в это время он, Саул, с основным войском пройдет скрытно руслом потока реки Хивы и выйдет к пещерам - и тогда Давиду никуда не деться...

Напрасно злые языки говорили, что царь выжил из ума, что его одолевают злые духи. Саул умел продумать все, он был способен начальствовать над войском, ибо ловко решил он расставить сети для Давида, и хотел, чтобы в этой охоте участвовал он, Маттафия. Возражать царю, объяснять, что Давид очень близок ему, Маттафии, было бесполезно и опасно...

Стоял месяц дождей Шват, лес был переполнен влагой. Попади он, Маттафия, в этот лес по иному поводу - и возрадовалось бы сердце - после пыльной, пропахшей конским потом и шекером Гивы вдохнуть лесную прохладу, стоять в тиши и бесконечно долго слушать пение лесных птиц - это ли не радость для души. Присесть на поляне под раскидистым дубом, развязать суму, вынуть оттуда любимые лепешки с медом, приготовленные Зулуной, сидеть и ни о чем не думать, и смотреть в просветы среди ветвей на тучи, приносящие дождь, и слушать звонкую лесную капель...

Но совсем иное предстояло. Ехали без остановки, а когда лес стал густеть, спешились, оставили коней на лесной поляне и пошли цепью, так чтобы один видел другого. Процеживали лес, словно сеть. Никто не мог

миновать эту сеть. Добыча же попалась мелкая - бродяга с рубцами плетей на спине, видимыми между лохмотьями одежд, едва закрывающих тело, да сопливый еще отрок - глухонемой или притворившийся глухонемым. Несомненно, они пробирались к Давиду, бродяга от всего отпирался. Его повязали и отослали со стражником в Гиву, отрока же отпустили, чтобы с ним не возиться. Позже вытащили из бурелома обросшего арамейца, явно человека из отряда Давида, тот, увидев Маттафию, пал на колени перед ним, просил пощадить, называл всемогущим и самым милостивым царем на земле. Арамейца отпустили и следили, куда побежит. Потом пошли по его следу. Но не нагоняли. Пусть донесет Давиду, что Саул движется через лес, так было задумано, ввести в заблуждение Давида, обмануть его. Пробирались через сросшиеся, колючие кустарники. Было тяжело на душе, и молил Маттафия Господа, чтобы лес не кончался.

Но к полудню лес прошли, и открылись взору пологие сиреневые холмы, поросшие мелким кустарником и ирисом. За холмами серыми глыбами вставали известковые горы, где были те пещеры, в которых, как они полагали, таился Давид.

Со стороны пустыни туда же подошли основные отряды. Обыскали все пещеры, кругом пустота, только летучие мыши выпархивали из сырых темных провалов, были они, словно демоны с выпученными глазами и острыми ушами. Саул был взбешен, опять упустили Давида. Кто его предупредил? Как он ушел? Было неведомо никому.

Вечером разожгли костры, поджарили барашков, но все равно сидели подле огня унылые и сумрачные. И когда почти всех сморил сон, подозвал Саул Маттафию, и в третий раз за все их встречи сказал: «Сын мой...». И опять сильнее заколотилось сердце Маттафии. «Сын мой, на тебя уповаю, пойдешь один и достигнешь стана Давида, и свершишь отмщение во имя Господа нашего!». И опять не смог Маттафия противоречить царю, хотя и понял сразу, что на этот раз не сможет выполнить его повеление. Авенир стоял за спиной Саула и заранее торжествовал: «Велика мудрость царя! Маттафия всех там распугает, бегут от Саула, а достигнув стана своего, видят - здесь Саул!».

Но дело было много сложнее, и не для того Саул посылал Маттафию, чтобы испугать беглецов. Свое повеление он пояснил, когда Авенир отошел от них, и остались они наедине. «Сын мой, - сказал Саул, - ты должен убедить Давида вернуться в Гиву и повиниться. Я знаю, он твой лучший друг, и ты, и сын мой Ионафан норовите обмануть меня. Но не вздумай предать меня, найду под землей, и дом твой сотру из памяти людской. Уговори - ему ничего не будет, я не лишу его жизни, я не враг ему. Но если не удастся уговорить - сам исполни приговор. Иначе не быть единому царству. Иначе - междоусобица...

Глава XIX

Семь дней скитался по Иудее Маттафия, прежде чем достиг скалистых гор, где скрывались Давид и его люди. Кровь запеклась на подошвах его ног, поистрепались одежды его, мучили голод и жажда. Он уже совсем изнемог, когда увидел огоньки костров в ночи и побрел на их дальний свет из последних сил. И когда насытился и омыл лицо свое, и когда допрашивали его, помнится, было какое-то безразличие, был готов спокойно воспринять любой исход.

Утром Давид, узнав о его появлении, искренне обрадовался, распростер свои объятия и говорил, что это дар Божий, что если такой воин, как Маттафия, теперь с ним, то ничего уже не страшно, и познакомил со всеми людьми его воинства.

Были среди его воинов очень разные люди - и те, кто скрывался от гонений, кто нарушил законы, и разорившиеся земледельцы - должники Саула, и просто бродяги, и воры. Но были и те, кто готов был биться с Саулом и жаждал видеть царем только Давида, те, кто доверил свою судьбу Давиду. Был у Давида и свой священник, давний знакомый Маттафии - сын убитого Саулом Ахимелеха, мудрый и праведный Авиафар, были и свои военачальники - сыновья сестры Давида Саруи из Вифлеема, младший из них Иоав по сметке своей и храбрости не уступал Авениру, другой сын Саруи Ассаил был легок на ноги, как серна, везде он успевал, обо всем был осведомлен, старший же из них Авесса был разумен и мудр, и всегда находил выход из любых самых тяжелых положений.

Сыновья Саруи сдержанно восприняли приход Маттафии, однако Давид не обращал внимания на их хмурые взгляды, осуждающие его доверчивость. Говорил Давид беспрестанно, приказал принести кувшины с вином, яблок, гранатовые плоды. Почти весь день сидели вдвоем они с Маттафией в шатре Давида и не могли наговориться. И Маттафии тогда хотелось забыть, зачем он послан, истереть из памяти поручение царя, и каждый раз, когда вспоминал он об этом поручении, то мысленно клял себя и раскаивался в сердце своем. Давид же был весел, вино разгорячило его, в распахнутый полог шатра была видна гряда серых гор, скалистых и совершенно лишенных растительности, а перед ними потрескавшаяся, каменистая равнина - безжизненная сухая земля.

- Здесь нас никто не отыщет, - говорил Давид, - никому не придет в голову, что можно выжить в этих местах, мы соберем воинов, мы обучим их, ты станешь моим лучшим помощником, нас никто не сможет победить!

Казалось бы, человек гонимый, скрывающийся в сырых пещерах, в безводной пустыне, в непроходимых лесах, должен был выглядеть загнанным и уставшим, но Давид сохранял бодрость и почти не изменился - такие же, как и прежде, полные блеска глаза, звонкий певучий голос,

ухоженные рыжие кудри, правда, лицо несколько осунулось и загорело, и от смуглости кожи волосы казались более светлыми, а возможно, выгорели на солнце. И одет Давид был так, словно не в пустыне скрывался, а жил во дворце. Красный его плащ был чист, будто надел его Давид в первый раз.

Маттафия пытался говорить о том, что бессмысленна вражда с Саулом, что, конечно, Давид может победить любого военачальника, но будут гибнуть в этой войне соплеменники, и возрадутся филистимляне, и опять попадет Израиль в рабство и будет платить непосильную дань. Давид соглашался, он говорил, что не им затеяна вражда, что устали люди его, но Саул понимает только сильных, слабого и гонимого он никогда не станет выслушивать. Давид был прав и трудно было возражать ему.

Жалел очень Давид, что нету с ними Ионафана, удивлялся, почему Ионафан не переслал письма с Маттафией. Объяснил Маттафия, что не было в Гиве Ионафана, когда выступили из города отряды, снаряженные для поиска Давида, что удалось ему, Маттафии, отстать от своего отряда и вот почти чудом набрести на лагерь Давида.

Маттафия не умел врать, лицо его покраснело, но Давид не заметил смущения друга, он расспрашивал про Гиву, про Мелхолу. Не знал тогда еще Маттафия, что Саул при живом муже отдал дочь другому, чтобы унижить Давида. А если бы и знал - не стал бы говорить. Ведь нужно было смягчить обиды Давида, примирить его с царем.

И в этот день вступечи, и в последующие дни все время ощущал он, Маттафия, свою раздвоенность, все время казалось, что вот сейчас спросит Давид: «Скажи честно, зачем идешь по моей стезе, почему задумал предать меня?». Что тогда ответить? - Не предать, а спасти. Нужно ли Давиду было такое спасение?

И тяготила неясность всего. А главное - семья, оставленная в Гиве, вызывала беспокойство. Как сложилась их жизнь без него, Маттафия тогда не знал. Уверен был, что распространяются по Гиве слухи о том, что он отступил от Саула, что перешел на сторону Давида. Не знал он - вспомнит ли Саул, что обещал защитить семью. И снились тяжкие сны, и просыпался в поту, и долго не могло успокоиться сердце. Один сон повторялся чаще других. Видел он Рахиль, раздетую в атлас и шелка, наложницей была она у Саула, и он, Маттафия, бегал с мечом по дому Саула и кричал: «Отец, опомнись, ты оскверняешь ложе сына своего!». И дом этот был из бесконечного ряда комнат, и он никак не мог найти выход из него...

Эти сны, тяжелые мысли, неуверенность в своей судьбе утомляли больше, чем быстрые переходы из одного места в другое, когда день сливался с ночью, и приходилось забираться на такие скалы, где даже горные козлы ступали с опаской, а потом спускаться к безводной, наводящей страх, глади пустыни. В такое время не до сомнений было, надо было выжить, надо было уйти от погони. Но потом, когда отыскивались

потаенные пещеры и наступала передышка, вновь подступали к нему, Маттафии, темные думы, ему казалось, что Давид уже догадался почти обо всем. И Маттафия корил себя за то, что сразу не открылся Давиду.

Конечно, Давид мог понять его цели. Слишком часто он, Маттафия, говорил о Сауле, о том, что надо чтить царя, данного Богом, что гнев Саула быстро проходит, и что царь обладает ясным умом, здравым рассудком, и что примирившись с Давидом, Саул мог бы укрепить свою власть и победить всех врагов Израиля.

- Ты прав, Маттафия, - соглашался с ним Давид, - но не мне ты должен это говорить, скажи царю, ведь я, как и ты, чту помазанника Божьего. Но за что он гоняет меня по всей Иудее, как безумного пса. Ужели он так ненавидит меня?

Давид был прав - он не гнался за Саулом, желая умертвить царя, - это Саул устроил настоящую охоту за тем, кого славил весь Израиль.

Волей-неволей в то время он, Маттафия, стал одним из помощников Давида. Все время умножалось воинство Давида, подходили и подходили люди - и не только из Иудеи из колена Давидова, были здесь и из колена Ефремова, и даже из колена Данова - из полночных краев земли Ханаанской, были и люди других племен - сирийцы и аммонитяне. И надо было всех разместить, накормить, снабдить оружием, а главное, распознать - кто явился с разбойничьими замыслами, полагая, что здесь можно будет безнаказанно грабить торговые караваны, а кто пришел с праведными целями, чтобы постоять за Давида. Надо было отделить зерна от плевел, овнов от козлищ. Давид доверял ему, как самому себе, и от этого еще тяжелее становилось на сердце и томилась душа, ибо не достоин он был этого доверия.

Опасался он и открытой схватки с воинами Саула, знал, что не решится обнажить меч против своих собратьев. К счастью, обнажить меч пришлось не против воинов Саула, а против извечных врагов Израиля филистимлян.

Напали филистимляне на город Кеиль, лежащий в пределах земли Иудиной, угнали скот, расхитили гумна, подожгли скирды в полях, да и в самом городе предали огню дома старейшин. Виден был дым весь день, поднимающийся к небу в той стороне, где был этот несчастный город Кеиль. И к ночи пришли в стан Давида первые беженцы из Кеиля и воины, не сумевшие защитить свой город. Поздно ночью собрались в шатре у Давида сыновья Саруи, позвали туда и его, Маттафию. Долго спорили, идти ли на выручку жителей Кеиля.

- Сами мы таимся в горах от Саула, давно ли вылезли из пещер, давно ли решилися раскинуть шатры, нету у нас еще обученного войска, нету оружия для всех, как же пойдем мы против филистимлян, против их боевых колесниц, - остерегал всех осторожный Авесса, - они пленят нас, и конец наш будет бесславен.

Маттафия тогда стал настаивать на том, чтобы срочно выступить, отбить пленных и угнанный скот, объясняя, что победив филистимлян, можно заслужить благосклонность и милость Саула, что царь поймет - не против него собирает Давид людей, а на общего врага острит мечи.

Маттафии возражали, но робко. Все ждали решения Давида. Призвал Давид священника Авиафара, сам облачился тоже в белый эфод и взял святящиеся камни - урим и туммим, по изменению цвета которых можно распознать волю Божию, а потом повелел всем покинуть шатер. И на рассвете вышел он к людям и сказал:

- Готовьтесь к битве, ибо был мне глас Господень и повелел мне Господь: встань и иди в Кеиль, и будут преданы филистимляне в руки твои!

Криками одобрения встретили эти слова воины. Давно уже жаждали они покинуть свои тайные убежища и с мечами в руках добыть ратную славу.

И когда все было решено, истинное спокойствие обрел Маттафия. Ибо было ратное дело его родной стихией. И предложил он послать воинов за снопами и поджечь эти снопы, чтобы подумали филистимляне, что горит стан Давида, и бросились бы к этому пожарищу, а в это время лучники из засад поразили бы врага. И понравился этот замысел Иоаву, и сказал тот: «Сам Господь вещает твоими устами, Маттафия!». Правда, после того, как все свершилось, утверждал Иоав, что задумано так было им и, благодаря ему, достигнута победа. Это Маттафию не раздражало. Пусть рокочет сам себе славу. Главное, что одолели филистимлян. Впервые вступили в настоящий бой и не дрогнули, не уstraшили колесниц филистимлянских. Бой был короткий, жестокий и кровавый, разили копьями, мечами, а у кого их не было, буквально зубами вгрызались в горло врагу. Нанесено было филистимлянам великое поражение, и не верили филистимляне, что пали их воины от стрел и мечей людей Давида, потому что не придавали значения этим людям, считая их разбойниками и бродягами. И когда пленили филистимлянского военачальника, не хотел он верить, что находится в стане Давида. «Где Саул, приведите меня к Саулу, - требовал он, - я видел его в битве, ловко он притворился разбойником, переодел своих людей в изодранные одежды, приведите меня к Саулу!». И позвал Давид его, Маттафию, и сказал: «Вот наш Саул!». И засмеялся Авесса, сказал, что прав филистимлянин. И опять тревожно стало на душе у Маттафии.

А утром люди Давида входили в Кеиль, и выбегали им навстречу женщины с цветами и тимпанами, и играли на тимпанах и пели песни, славящие Давида.

И вечером праздновали победу в просторном доме правителя города Кеиля, и было много вина, и много здравниц, и сказал Давид: «Ты был прав, Маттафия, теперь Саул, узнав о нашей победе, пришлет гонца с вестью о

примирении и смиростивиться над рабами своими!». И взял Давид арфу, тронул ее струны, и стал славить Господа, предавшего в его руки филистимлян.

- Господь твердыня моя и опора, Господь прибежище мое, - пел Давид, - Всевышний -избавитель мой! Превечный Бог - скала моя, на него всечасно уповаю, он щит мой, рог спасения моего и убежище мое. Повелел он, и пали нечестивые разорители. Господь всегда в сердце моем. Избавит он меня от ненавидящих, которые сильнее меня, он переполняет меня силою и прокладывает мне путь. Жив Господь и благословен! Гнев царя, как рев льва, а благоволение его - как роса на траву. Вразумит Господь царя и станет защитником моим перед клеветниками. И призовет царь меня...

Так пел он и уверен был, что пришел конец гонениям на него. Но не сбылись эти надежды. Донесли лазутчики через несколько дней, что успех Давида еще более озлобил Саула. И пришло позже послание от Ионафана, упреждал он, что надо остеречься Давиду и до времени не показывать свою силу, ибо Саул собирает большое войско, чтобы идти в Кеиль, и сказал царь Авениру, что сам Господь предал Давида в руки его, потому что Давид запер себя, войдя в Кеиль, и здесь будет окружен и повергнут. Была еще приписка для Маттафии, имени его Ионафан не называл, опасаясь, видимо, что перехватят письмо люди Саула, писал Ионафан: передай нашему другу, что о семье его и доме его забочусь. Послание было коротким, ровно столько слов, сколько может уместиться на глиняной плитке.

Приписка о семье Маттафии вызвала раздражение у Давида, ибо нашел Ионафан место для этого сообщения, а про Мелхолу словно забыл. Потом понял Маттафия, что не забыл Ионафан, а просто не хотел огорчать Давида.

Разумны были опасения Ионафана, и сказал Давид:

- Надо покинуть Кеиль, ибо мы здесь, как в мышеловке, караванные широкие дороги ведут сюда из Гивы, два дня перехода и Саул начнет осаду, нам ее не выдержать. Мы сами заперли себя в крепостных стенах. И ничего не добились. Вот и обещанный тобой мир, Маттафия!

- Может быть, нам самим направить посланца в Гиву, -предложил тогда Маттафия.

- Не о посланцах надо думать, - резко возразил Авесса, - мало того, что мы сами залезли в капкан, поведали мне - в городе зреет заговор, и старейшины здешние уже ведут разговор о сдаче города и выдаче тебя, Давид, царю.

Такова была людская благодарность, еще воины Саула не появились под стенами Кеиля, а его жители, которых спас Давид, готовились всадить нож в спину. И вспомнил Иоав, что более других ратовал он, Маттафия, за поход на Кеиль, и сказал:

- О себе надо заботиться, а не искать милости царской, вызвали мы гнев царя, и нету нам никакой благодарности. Повсюду на улицах Кеиля говорят нечестивцы: мы не просили сюда Давида, он сам пришел. И филистимляне, мол, не так страшны нам, платили им дань и жили мирно. А если Саул осадит город, то разрушит его и разорит, как сделал он это с городом священников Номвой, и прахом станем мы и дети наши...

- Глубокая пропасть - уста нечестивых, для них самих станет гибельным уход наш, ибо не угоден Господу тот, кто замышляет предательство, - сказал Давид, и показалось Маттафии, что пристальной обычному посмотрел в его сторону. С тяжелым сердцем и смутным настроением покинули тогда Кеиль. И своим уходом Давид спас город во второй раз, ибо Саул, получив вести о том, что Кеиль покинут воинами Давида, отменил свой поход.

И опять начались скитания. Где только не пришлось побывать тогда ему, Маттафии. Узнал он множество неприступных и потаенных мест в земле обетованной. Поднимался на такие горы, куда и серны и горные козлы страшились забраться, пробирался через топкие низины, скитался по бесплодным пустыням, скрывался в пещерах на берегу гибельного Мертвого моря, где из провала земли поднимался от соленых вод запах серы - и тогда казалось, словно разверзлись врата ада и, если нырнуть в синий купорос тяжелых вод, очутишься в мрачном Шеоле. Но вода не принимала человека, она выталкивала его, охраняя свои тайны, и можно было недвижно лечь на ее гладь и не утонуть. И рядом с этой чашей воды умереть от жажды, ибо столь солона была она, что даже малый глоток раздирает горло. Жажда - вот что больше всего вспоминается, когда возвращаешь в память эти годы. И потому самые счастливые дни связаны с зимними ливнями и шумом вод, стекающих с гор водопадов. Если бы знал тогда, что на севере земли есть города-убежища, надо было взять семью и затаиться в одном из них. Поздно он пришел сюда. Надо было сразу отойти от Давида. Возомнил себя миротворцем, хотел всех примирить, а обрек на мучения себя и свою семью. Жил среди бродяг и разбойников. Это Давид считал, что у него крепкое и надежное воинство, а на самом деле не было постоянных отрядов, люди то приходили, то исчезали. Преданных Давиду набралось бы не более сотни...

Скрываясь от воинов Саула, дошли они до каменистой, словно присыпанной мукой, пустыни Зиф, и здесь мучились без пищи, пока не начали брать оброк с торговцев, идущих караванами по большой дороге из долины четырех рек. Кроме этих поборов с торговцев, начали собирать мзду в поселениях, раскиданных на пределах пустыни. За это несли охрану поселений от набегов разбойников-бедуинов и филистимлян. Все эти поселения платили, конечно, и Саулу свою десятину, и потому роптали против новой дани. Жили здесь зифеи, были они жадны и не хотели ни с кем делиться своими овцами и пшеницей. И эти зифеи послали гонцов к

Саулу, которые донесли царю, что Давид скрывается в горных пещерах на юге пустыни Зиф и объяснили, как можно скрытно подойти к взгорью Гахила, к этим пещерам и обещали даже помочь предать Давида в руки царя. Все это узнали в стане Давида от одного из этих посланцев, который при возвращении из Гивы был перехвачен недалеко от селения Иесимана и допрошен так, что после этого уже не смог стоять на ногах, а полз по белой известковой тропе, оставляя кровавый след.

Всякий раз, когда он, Маттафия, видел смерть, содрогалось его сердце. Казалось, должен был бы привыкнуть, ведь не бывает бескровных войн. И всякий раз стараешься думать, что это враг расстается с жизнью, когда пронзаешь мечом нападавшего на тебя, что не стоит он добрых слов, но ведь есть у него и мать, и жена, и дети - и кто-то будет рыдать о нем. Вот и этот убитый посланец - стремился к дому, где его ждут, не думал о смерти... и был буквально растерзан. Видел тогда Маттафия, как отвернулся Давид, как вздрагивает спина его, не переносил Давид мук и крови человеческой. Хотя в сражениях был беспощаден, меч его разил смертельно, и стрелы, выпущенные им, не миновали врагов. Но это было в сражениях, когда не дано времени думать о душе человеческой. Остался ли Давид прежним? Каким он стал - трудно представить ему, Маттафии. Власть ожесточает человека, кровь становится привычной... И тогда, в пустыне, надо было ожесточить свое сердце, чтобы выжить.

И в те дни, когда Саул начал окружать пустыню Зиф, прорывались они с боем через цепи стражников, в ночи бесшумно подкрадывались к стражникам и вонзали короткие мечи или набрасывали удавки. Надо было уходить в пустыню Маон, преодолевая гряду слоистых гор, отделявшую эту пустыню от пустыни Зиф. Люди Давида двигались по одну сторону гор, а по другую сторону гор уже входили в пустыню Зиф основные силы Саула. Это были уже не отдельные стражники оцеплений, земля гудела от топота тысячи тысяч ног, воинственные крики повторяло горное эхо. Безмолвная каменистая пустыня наполнилась мелькающими тенями лазутчиков, дымом костров, криками ослов и верблюдов.

- Ну вот, Маттафия, ты говорил о примирении, а нам осталось жить дня два, не больше, - сказал Давид, когда с вершины горы Хендор они наблюдали, как входят в пустыню Маон передовые отряды лучников Саула.

Многие из воинов Давида начали прощаться друг с другом, ночью часть людей исчезла - бежали робкие, убоявшиеся смерти. Но стоило ли так бояться смерти? Смерть сама знает, в какой черед и к кому придти. Видно, тогда еще не пришло их время, ибо прерван был поход Саула известием о нападении филистимлян на земли Ефремовы. Была дана передышка Давиду, но очень краткая передышка.

Филистимляне не приняли бой с войсками Саула и отступили при его приближении. К этому времени Давид успел вывести своих людей из

каменистой пустыни Маон в песчаные просторы пустыни Эн-Гаади, а затем найти обширные и глубокие пещеры в горах, окольцевавших это мрачное и палящее жаром место, где тут и там попадались выбеленные ветрами и солнцем кости тех, кто рискнул плутать в песках. Сюда, полагал Давид, не решится вести своих воинов Саул. Но Саул не остановил погони, взяв три тысячи отборных воинов он двинулся в обход пустыни Эн-Гаади по узким горным тропам...

Маттафия терпел все невзгоды вместе с воинами Давида, не делалось ни для кого поблажек и исключения - ни для священников, ни для военачальников. Вода и снедь делились между всеми поровну. Он, Маттафия, попал в странное положение. Не открывшись Давиду сразу, упустил момент, и уже ничего не мог сделать и был втянут в общий поток событий. И стали привычными - и поспешные переходы, когда вдруг снимались с обжитого места и буквально бежали, не успев загасить костры, и ненависть местных жителей, страшась поборов, и томительные дни без воды, и короткие жестокие схватки с разбойничавшими на караванных дорогах филистимлянами. И повсюду кровь, и повсюду смерть. Пленных не брали, вести их с собой было накладно, самим не хватало еды, да и охранять надо...

Примирить Саула с Давидом было не по силам ему, Маттафии, события не давали повода к примирению. Гнев Давида возрастал. Особенно когда Давид получил известие о том, что Мелхола отдана в жены сыну Лаиша. Тем самым Саул, как бы дал понять Давиду - ты не в счет, ты не существуешь, ты для меня мертв, и потому твоя жена не принадлежит тебе. Маттафия пытался успокоить Давида, говорил, что сын Лаиша труслив и не решится взойти на ложе Мелхолы, что Мелхола останется верной ему, Давиду, что все это - мгновенный гнев Саула, и, возможно, царь уже отменил свое повеление. Давид не слушал его. В течение нескольких дней ходил он по стану сам не свой и не притрагивался к пище. Маттафия тогда хорошо понимал состояние Давида. Могло случиться подобное и с Рахилью, могли отдать ее в наложницы царю. Ведь он, Маттафия, тоже теперь не существовал для Саула, он не исполнил повеления царя, он предал своего царя.

Всегда с опасением ждал Маттафия лазутчиков из Гивы или тех, кто добрался сюда, чтобы стать в ряды воинов Давида - понимал, что каждый из них может принести весть о том, что он, Маттафия, подослан Саулом. Сам Саул, понявший, что Маттафия не исполнит его повеление, мог специально подослать сообщение, разоблачающее своего ненадежного сотника.

Не очень большую пользу приносил он, Маттафия, и Давиду, как военачальник. Привык он сражаться на просторе долин, знал, как совершить обход врага, как прорвать его ряды, но все это здесь, в горах, окружавших пустыню Эн-Гаади, было неприемлемо. Другая шла война. И

надо было быть вертким, как ящерица, хитрым, как змея, и быстрым, как лань. Малочисленные отряды Давида при появлении войск Саула рассыпались, каждый спасался в одиночку, а потом вновь сходились. Хранил Господь их, потерь было немного. И посылал Господь дни удач, и случилось даже так, что мог Давид умертвить Саула, но не решился. И хотелось верить ему, Маттафии, что благодаря его словам понял Давид всю бессмысленность противостояния и не воспользовался тем случаем.

А было это так - целый месяц теснили их ратники Саула, и были крайне истомлены все люди воинства Давидова, и когда нашли овечий загон и подле него большую пещеру, то забрались туда и сразу же свалились с ног от усталости. Было темно и сыро в пещере, но все же можно было, наконец, передохнуть, и никто не хотел стоять вне пещеры на страже. И тогда вызвался быть стражником Авесса сын Саруи, и когда выглянул из пещеры, тотчас отпрянул назад. Выглянул и он, Маттафия, и увидел, что стоят у овечьего загона воины, и не сразу понял, кто они, ибо были на многих из них шлемы, наподобие тех, что носят филистимляне, и вдруг отделился от воинов человек высокого роста и направился к пещере.

Снял он, Маттафия, лук со своего плеча и стал натягивать тетиву и готов уже был разжать пальцы, держащие стрелу, но жив Господь и остерег его Всевышний, ибо задержалась рука Маттафии, и поднял ладонь Авесса, упреждая - не торопись. И вздрогнул Маттафия, ибо узнал в приближающемся - Саула. И не намерен был Саул продвигаться вглубь пещеры, а остановился у входа и стал мочиться на поросшие мхом камни. И возблагодарил Господа Маттафия, что не дал Господь спустить тетиву и стать отцеубийцей. А Саул между тем вошел в пещеру, и все затаили дыхание. И зашептал Авесса, склонившись к уху Давида, что охотник сам залез в капкан, что добыча эта принадлежит Давиду. Не произнес Авесса слова - убей! - но ведь этого хотел. Надо было как-то остановить Давида, и Маттафия встал на его пути. Но Давид отстранил его и осторожно подкрался почти вплотную к Саулу, и был в руках Давида короткий обоюдоострый меч, и ужас объял Маттафию, ибо представил он кровавую развязку. Резко взмахнул мечом Давид, словно отмахнулся от осы. И вышел Саул из пещеры живым и невредимым и пошел к своим воинам, не оборачиваясь.

И с облегчением вздохнул тогда Маттафия. А Давид стоял у входа недвижно - в одной руке меч, а в другой - лоскут красной ткани, отрезанной от полы царского плаща. Возмутился Авесса, шипел, словно змей, опасаясь говорить громко: «Господь наш Всемогущий предал в руки тебе врага нашего, а ты отказался от дара Божьего и не умертвил того, кто преследует нас, словно диких псов!». И ответил ему Давид раздраженно: «Не попустит ни меня и никого другого из нас Господь, чтобы наложили мы руку на помазанника его!».

Между тем воины Саула удалялись от овечьего загона, и только он сам, словно почувствовав взгляды затаившихся в пещере, повернулся, а потом взошел на вершину близлежащего холма и встал там, опираясь на копьё, как на посох. И тогда, сколь не удерживали Давида сыновья Саруи, кинулся тот к выходу из пещеры и, обойдя овечий загон, встал на другом холме напротив Саула. И тогда заметил Саул Давида, но не призвал на помощь своих воинов, а продолжал стоять неподвижно, словно застывший соляной столп. И Давид низко поклонился ему до земли и крикнул: «Послушай, Господин, раба твоего!». Ответил ему Саул: «Говори». И тогда сказал Давид:

- Зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят, что Давид замышляет зло на тебя? Господь предал тебя сегодня в руки мои, но я пощадил тебя! Посмотри на край одежды твоей, посмотри, в руке моей лоскут, я срезал его с твоего плаща и не умертвил тебя! Ты же ищешь моей души, чтобы отнять ее. Да рассудит Господь нас с тобою, но рука моя не будет поднята против тебя! Ибо сказано пророками: от беззаконных исходит беззаконие! Ты царь по закону, и все мы твои слуги. Кто я против тебя? Против кого ты вышел на поле брани? За кем гоняешься? За мертвым псом, за одной блохой? Господь видит все свершения на лице земли и спасет меня от руки твоей!

Застыл тогда он, Маттафия, все мышцы его напряглись. И поразился он смелости Давида и его благородству. И увидел, что жив Господь, ибо соединяет он своих избранных и оберегает их. Не обнажили мечи два человека, которые, казалось бы, люто ненавидят друг друга. И великое то было благо, что за ненавистью их скрывалась любовь. Стояли напротив друг друга два царя. Один из них послал своего неузнанного сына, чтобы лишить жизни другого, оба принесли и радости и печали ему, Маттафии. Стояли они на вершине холмов, разделенных узким оврагом, по которому проходило русло ручья, высохшего от летнего зноя.

- Что мы ждем? - в нетерпении прошептал Авесса. - Сейчас крикнет своих воинов Саул!

И крепко сжал в руке Авесса древко копья, готовый ринуться на защиту Давида.

Но не призвал Саул никого и сказал он Давиду:

- Ты праведнее меня, Давид, ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом. Кто, найдя врага своего, выпустил бы его из рук своих? Господь воздаст тебе добром за это. Я слышу ликующее пение ангелов его. Все придет к тебе, что написано в книге судеб Господней, и ты будешь царствовать, и царство Израилево будет твердо в длани твоей. И когда свершится это, не забудь меня, Давид, в величии своем. И поклянись, что не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего!

И ответил Давид, возвысив голос свой: Клянусь!

И стали они медленно спускаться, каждый в свою сторону. И увидел Маттафия слезы на глазах Давида. Если в чем-то клялся Давид, он всегда был искренним. Но проходили годы, и столь же искренне он отрекался от прежних клятв. И если верны слухи о том, что теперь он уничтожил всех потомков дома Саула, то нету ему прощения от Господа. Трудно в это поверить, возможно, клеветают на Давида - ужели поднялась бы рука у него на сына Ионафана? И вот сейчас здесь, в городе-убежище, он, Маттафия, единственный оставшийся из рода Саула, и хорошо, что сохранил он тайну своего происхождения. И если Давид столь ожесточил сердце свое, стоит ли ждать помощи от него? И все же - это единственная надежда на спасение. Давид должен узнать правду. Он, Маттафия, оклеветан, он не враг своему царю, он имеет право на милость Давида. Он заслужил это право и в те годы, когда скитался по пустыне вместе с гонимым тогда Давидом, и после, когда сражался в многочисленных битвах. И захваченный в плен, изнывая от тяжкого труда в медеплавильнях, он не отрекся от Давида, и когда Каверун ценою жизни ставит условие — очернение Давида, он, Маттафия, не станет таким путем спасать себя.

Судьба наконец связала его с Давидом и от этого никуда не деться, можно ли забыть то время, когда в скалистых горах, в безводной пустыне они вместе уходили от преследования...

Казалось, после встречи Саула с Давидом, должны были воины Саула прекратить эту бессмысленную погоню за тем, кто пощадил их царя. Но произошло иное, непонятное для Маттафии, Саул собрал десятки тысяч воинов со всей земли обетованной и устроил настоящую охоту за людьми Давида. И тогда многие из окружавших Давида подняли ропот. Особое недовольство выражал Иоав. Он даже стал поучать Давида. «Зачем ты поверил Саулу, - говорил Иоав - почему, если сам не смог поднять на него руку, не позволил это сделать нам? Саул коварен и провел тебя, как малое дитя!».

Давид не прерывал речей Иоава, только хмурился и подолгу молчал. В последнее время бывали дни, когда и единого слова он не произносил. И как-то, когда остался Маттафия наедине с Давидом, спросил его Давид:

- Ужели ты, Маттафия, смог бы пронзить стрелой помазанника Божьего?

И ответил ему тогда он, Маттафия, в оправдание:

- Господь остановил мою руку, и не знал я, кто передо мной.

Давид взглянул холодно на него и сказал:

- Господь мог и не заметить тебя, я видел - глаза твои горели и готов ты был свершить убийство. И на меня вот также ты сможешь поднять руку?

И смутился тогда он, Маттафия, ибо понял, что догадывается Давид о поручении Саула. А возможно, это были не только догадки, донесли Давиду его люди из Гивы обо всем...

- Решай, Маттафия, с кем ты, - сказал Давид, - мне тебя терять будет тяжело... Давай поговорим обо всем искренне...

Но не дано было им закончить разговор, ибо раздались крики вдалеке и топот ног, то приближались к их убежищу воины Саула, и бросились люди Давида спасаться в горы, чтобы в который раз уйти от преследователей.

И каждый раз все труднее было найти надежное убежище и все труднее уходить от погони, потому что сдерживали отступление - и скот, который приходилось перегонять с собой, и множество людей гонимых, измученных, вовсе и не воинов, а скрывающихся от преследований сборщиков податей или изгнанных со своих земель. К тому же и женщины появились в стане. И начало тому положил Давид - были с ним жена его Ахиноама Изреелитянка, - вот ведь как пересекались пути Давида и Саула, даже жены у них носили одинаковые имена - и была еще одна жена у Давида, вновь обретенная - пышнотелая Авигея. И если Ахиноаму никто не замечал, ибо старалась она ступать неслышно, таилась в шатре и лицо закрывала платком, то Авигея была шумной, не сдерживаясь, хохотала, беспрестанно крутила бедрами, и казалось, исходит от нее жар жгучий, и один вид ее вызывал непреодолимое желание. И ей нравилось вертеться среди мужчин и смущать всех лукавыми многообещающими взглядами и выставлять груди, выпиравшие из-под полупрозрачного платья. И никто не мог уговорить Давида отправить этих женщин в тайные пещеры, в земли Моава, чтобы не отягощать их жизни и сберечь для продолжения рода Давидова. И глядя на Давида, стали обзаводиться женщинами его военачальники. И все это осложняло и без того нелегкую жизнь.

Саул с тремя тысячами отборных воинов преследовал их почти по пятам, и приходилось даже ночами не прекращать быстрые переходы через пустыню. Каменистые просторы, ночью освещенные луной, призрачные и таинственные, пугали сердца людей. Тени отступающих сливались с тенями от скалистых гор, и все казалось голубоватым, будто бежали они не по земле, а по дну морскому. И трещины в каменистых тропах были столь глубоки, будто доходили они до самого Шеола, и если припасть к ним, то можно было, казалось, услышать крики мучеников, сжигаемых демонами. Но некогда было останавливаться, и своих мучений было предостаточно. Ибо иногда расстояние между преследуемыми и преследователями сокращалось до броска копья, и копьё летели вслед, и свистели смертоносные стрелы...

Сам же Саул не участвовал в погоне, стан его оставался на холме Гахила, в отдалении от его отрядов, рассыпанных по пустыне. И внезапно ночью Давид, взяв с собой только Авессу, пробрался незамеченным к холму Гахила. Там они прокрались к шатру Саула, им даже удалось проникнуть в шатер, где в эту ночь спали только Саул и его военачальник Авенир. В полутьме разглядели Давид и Авесса врагов своих и увидели,

что копье сауловское воткнуто рядом с его изголовьем. И тут, в шатре, среди стана врагов, затеяли они спор. Авесса убеждал Давида, что нельзя упускать посланный Богом случай, и стал просить Давида, чтобы тот позволил пригвоздить копьем спящего Саула, и говорил, что поразит царя с одного удара. Но Давид опять, как и в прошлый раз, заколебался, стал объяснять, что нельзя поднимать руку на помазанника Божьего, что если захочет Господь, то сам поразит Саула, но его, Давида, на это не попустит. И взяли они копье Саула и кувшин с водой, и никем незамеченные покинули шатер.

Уже светало, когда Давид возвратился к шатру и стал звать Авенира. Тот полусонный выбрался из шатра, и Давид стал укорять его, говорил, что Авенир не бережет своего царя и достоин за это смерти. И говорил еще Авениру, чтобы тот посмотрел, где копье царя и кувшин с водой. Проснулся Саул, вышел из шатра и услышал голос Давида. И стал ему кричать Давид, что не сделал никакого зла, что недостойно царю гоняться за ним, Давидом, как гоняется охотник за раненой куропаткой, что будут прокляты Господом те клеветники, которые настроили царя против него, Давида. И опять Саул стал раскаиваться говорил, что согрешил, называл Давида - сын мой, каялся, что поступил безумно и не будет делать больше зла, и даже благословил Давида...

Обо всем этом поведал Маттафия Авесса, при этом заметил зло Авесса, что Саул и Давид кинулись бы обниматься, если бы не воины Саула, подбежавшие к своему царю. «Мы рискуем, проливаем свою кровь, - говорил Авесса, - а Давид готов сдаться на милость Саула, он даже вернул Саулу копье. Если бы Саулу представился такой случай, у него бы рука не дрогнула. А мы удрали позорно!».

Был не прав Авесса, Саул ведь тоже не дал своим воинам умертвить Давида, Саул позволил уйти Давиду и Авессе. Но спорить с Авессой, понимал Маттафия, было опасно и опасно было говорить что-либо доброе о Сауле, ибо не только Давид, но и братья Саруи подозревали, что Маттафия заслан Саулом.

Размышляя обо всем этом сейчас, Маттафия понимал, что Саул и Давид не были такими врагами, как это казалось многим, они были два помазанника, их обоих избрал Господь. И если теперь рассказать Каверуну об их благородстве, не захочет и слушать это правитель. Каверуну нужно другое, он хочет знать все подробно о кровавых злодеяниях Давида. И они были не только позже, но и в те годы гонений, была ведь и измена Израилю - переход в стан филистимлян, и были кровавые набеги, при воспоминании о которых и сейчас становится не по себе. В каждом человеке соединил Господь и добро, и зло. И часто злобные дела заслоняют добрые, и люди, из тех, кто бесчестны и замараны кровью, хотят видеть в другом, особенно в царе - низость и падения. Но Каверуну нужны подробности пагубных дел Давида не для того, чтобы унижить царя,

Каверун ищет свою выгоду. Дано ему, Маттафии, два дня, чтобы все вспомнить, два дня могут растянуться на годы, а могут и мелькнуть, как единый миг...

Глава XX

Как слова Саула расходятся с его деяниями, они поняли очень скоро. Ненадолго отступившие в Гиву, войска его вновь появились в пустыне. И на этот раз столько воинов привел Саул, словно не горстку людей предстояло победить, а готовилась битва против всех народов, обитающих на земле Ханаана. Со всех сторон окружили пустыню Маон войска Саула. Надо было прорываться из сужающегося кольца и искать новое убежище. Все устали, подолгу не мылись, сберегая скудные запасы воды, на теле появились язвы и короста, одежда истрепалась до лохмотьев, и только священник Авиафар сохранял чистым и целым свой белый эфод. Давид собрал к себе в шатер военачальников держать совет. И говорили все в один голос, что не хватит у них сил для битвы. И никто не мог предложить, куда отступить, ибо не было уже места в пределах земли Израиля, где бы не расставил свои засады Саул. И неожиданное для всех решение принял Давид - найти убежище у извечных врагов Израиля филистимлян.

- Рано или поздно, - сказал Давид, - настигнет нас войско Саула, и мы попадем в его руки, и нет для нас иного выхода, как уйти в филистимлянские земли. Тогда отстанет от нас Саул и не будет более преследовать нас, и спасемся мы от руки его.

Почти никто с ним не согласился в душе своей, но роптать открыто поначалу никто не решался. Насупился храбрый военачальник Иоав, обхватил руками голову его брат Авесса, и первым не выдержал беспокойный Асаил:

- Ужели филистимляне примут нас, ужели забыли, как поражал их господин наш?

И после затянувшегося молчания поддержал его Авесса:

- Дважды предавал Господь в руки твои, господин наш и повелитель, жестокосердного Саула. Мог я пригвоздить его к земле ударом копья и не повторил бы удара! Но ты, господин мой, остановил меня. И клялся Саул в верности, и не сдержал своей клятвы. Пошли меня в стан его и свершу я возмездие! И не надо будет искать милости у филистимлян, и будет все царство Израиля под твоей дланью! И тогда...

- Постой, не спеши, Авесса, - прервал его Давид, - кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным? Ужели возомнил ты, Авесса, себя судьей Господним? Ужели ты думаешь, что прежде чем

решиться искать убежища у филистимлян, не вопрошал я Господа нашего через священные камни урим и туммим? И знай - ответил мне Господь: встань и иди к филистимлянам!

И не нашли слов, и не решились собравшиеся сподвижники Давида далее возражать ему, ибо если сам Всевышний повелел, то им ли, рабам Господним, перечить и решать самим судьбу свою...

И в тот день твердо решил он, Маттафия, что это не для него. И впервые усомнился в воле Господней. Не мог он и представить, что простят филистимляне Давида, что забыли, как поражал их в битвах Давид, как добывал краеобрезания по велению Саула. Да и у него, Маттафии, на счету не один филистимлянин. Наверное, так думали и другие воины, ибо многие хотели покинуть Давида. И словно проникнув в их мысли, оказал тогда Давид:

- Никого не неволю я, пусть каждый изберет свои стези, и не будет моего гнева на тех, кто отступится от меня. До утра решайте, а с восходом солнца пусть приблизятся к моему шатру те, кто пойдет со мной...

Всю ночь не спал Маттафия, лежал, вглядываясь в темноту, туда, где в пологе шатра был небольшой просвет. Напротив стоял шатер Давида. Оттуда слышалось печальное пение. Тянуло встать и пойти туда, открыться во всем и распрощаться, а может быть, и закончить свои земные дни от меча Давида. Смерти ни теперь, ожидая казни во дворце Каверуна, ни тогда в безводной пустыне он, Маттафия, не страшился. С филистимлянами же не хотел иметь ничего общего и твердо решил, что пришла пора вернуться в Г иву. Обнять жен и сыновей, омыть тело горячей водой, лечь на чистое ложе, ощутить на своем лице сладкие и мягкие, как лепестки роз, губы Рахили, услышать добрые слова Зулуны, выучить распознавать написание слов Амасию, пойти вместе с Фалтием на просторные пастбища, где можно бросать копьё - не во врага, а для того, чтобы научиться точному броску, посражаться с сыном на мечах, показав ему тайные приемы, чтобы смог постоять за себя в этой жизни. Сыновей всему надо научить. Тогда это понимал и сейчас, достигнув города убежища и волею судьбы не увидев их, страдал от того, что так мало успел им дать в жизни...

Видит Господь, как тогда в пустыне он рвался к ним. Но утром, когда, казалось, уже все решил, увидел он, что собрались воины у шатра Давида. И Авесса крикнул: «Ты что спишь так долго? Все уже здесь, а тебя и гром небесный не разбудит!». Что оставалось делать? При всех заявить: я ухожу. Повернуться и ощущать на спине взгляды тех, с кем столько перестрадал и столько прошел... Никуда ему было не деться.

Их было тогда шестьсот мужей, способных метать копьё и натягивать тегиву лука, стариков и больших посадили в повозки, отроки сели на ослов, еще в одной крытой повозке разместились жены Давида. За два дня преодолели они земли, разделяющие наделы сынов Израиля от

пределов земель филистимлянских. И пришли они тогда в ближайший город филистимлян Гефу, и как назло, оказалось, что правил в Гефе царь Анхус. Давид узнал об этом поздно, отступить было невозможно, уже подошли к городским воротам. И все сокрушался и сомневался Давид - примет ли его Анхус, которого обманул когда-то, притворившись сумасшедшим, не отвергнет ли сразу, не придется ли обнажить мечи и пролить кровь. Маттафию и многих воинов такой исход устраивал даже больше, и потянулись воины Давида к рукояткам мечей, и сняли с плеча свои луки...

Но раскрылись перед ними городские ворота - и сам Анхус, в расшитом золотой тесьмой плаще, вышел навстречу. И даже в свои объятия заключил Давида. И стояли Давид и Анхус у городских ворот, уткнувшись друг в друга - щека к щеке, и не верилось, что все это происходит наяву. А потому, окружавшие их воины - и филистимляне, и те, что пришли с Давидом - держали руки на рукоятках мечей, чтобы в случае надобности быстро выхватить из ножен свое оружие.

Но постепенно настороженность стала исчезать. И все заулыбались радушно, когда Анхус, выпустив Давида из объятий, сказал:

- Мы рады, что великий воин будет теперь нашим гостем! Ты думаешь, Давид, что обманул меня, помнишь, когда притворился безумным, я ведь узнал тебя сразу. И теперь, и тогда я не жажду и не жажду выдать тебя Саулу. Отныне у нас общий враг, а ты, желанный моему сердцу гость!

- Если я приобрел благоволение в твоих глазах, - сказал Давид, - то пусть будет дано мне место в одном из твоих городов, чтобы смогли я и мои воины жить там.

- Ты гость мой, - ответил Анхус, - живи в главном городе моем, в Гефе, вместе со мной.

И повел царь филистимлян Анхус гостя своего Давида к дому своему, и вместе с Давидом пошли его военачальники, и он, Маттафия, был среди них. Простых воинов Давида пригласили к себе филистимлянские воины. И был полон город веселья. Только непонятно было - искреннее оно или показное.

Дом филистимлянского царя Анхуса, сложенный из каменных глыб, напоминал крепость. Он стоял на берегу мелководной реки и возвышался над всеми другими строениями Гефы. Повсюду у дома стояли воины с копьями, а во дворе было несколько боевых колесниц. Филистимляне настороженно разглядывали своих гостей, и не только любопытные взгляды ощущал на себе он, Маттафия, но порой и злоба таилась в глазах хозяев, и не покидала Маттафию тревога.

Сейчас, когда все уже позади и наступает предел жизни, он понимает, что это была его ошибка, невольная, но ошибка, объяснить которую никогда бы он не смог Саулу, если бы тот остался жив.

Возможно, это такая же тяжелая ошибка, какую совершил он теперь, войдя в город-убежище. Сам захлопнул за собой капкан... Захотелось покоя, но забыл он, что не дано человеку покоя на этом свете, что для того и рожден, чтобы пройти все испытания, назначенные Господом Богом. И никогда не надо пытаться перехитрить свою судьбу и считать, что ты умнее других, ибо на каждого хитрого человека находится еще более хитрый сын человеческий. И думается, в хитрости своей Анхус не уступал Давиду. Искал пристанища Давид, хотел отсидеться, дать отдых людям. Анхус же видел в нем ту силу, которую сможет направить против Саула...

Подобны же помыслы Каверуна, он хочет использовать его, Маттафию, чтобы подорвать доверие к Давиду, использовать и потом выдать Давиду. И даже нажиться на этом. И еще показать всем жителям крепости, как страшен для них царь Израиля. И лучше встретить человеку медведицу, лишённую детей, чем попасть в сети хитроумному и коварному властителю. И обильна пища, задумавшего коварные козни, и мягко он стелет, да бывает отрывка от переедания и жестко спать на его ложе. Человек же, не замечающий расставленных ему силков, подобен спящему среди моря на верху мачты...

Уподобился такому человеку и Давид, ищущий спасения в стане врагов. Роскошен был пир в покоях Анхуса, но кусок застревал в горле. И слушал Маттафия, как славил Анхус своего гостя Давида, как провозглашал здравицы, видел, как осушал Анхус одну за другой чаши с вином, как обнимал Давида, но все равно понимал Маттафия, что сидит среди врагов, и одно неосторожное слово может все изменить. И еще понимал, что если согласится Давид остаться в Гефе и будет все время рядом с Анхусом, то не избежать им столкновения.

И Давид, видимо, не хуже Маттафии понимал, что нужен ему на земле филистимлян свой город, нужна самостоятельность в деяниях своих. И выбрав тот миг, когда Анхус уверял, что не только желанный гость в его покоях Давид, но и человек, дружбу которого лестно обрести, сказал ему Давид:

- И для меня лестно быть другом могучего царя, и друзьям всегда приятно принимать друг друга в домах своих, но хороший гость не должен долго задерживаться в доме хозяина, а посему неуместно мне жить все время в гостях, пусть дом мой будет отдален от дома царя. Для чего же мне стеснять тебя и жить в царском городе вместе с тобой?

И не смог Анхус, вкусивший много вина, отказать тому, кому клялся в вечной дружбе. И было решено тогда, что отдаст он во владение Давида свой город Секелаг. Может быть, и не очень желал Анхус делать такой дар вчерашнему врагу, но не хотел он и спугнуть Давида, ибо был уже у филистимлянских царей замысел - о нем еще не знали тогда ни Давид, ни Маттафия, ни другие Давидовы военачальники - по которому филистимляне должны были в ближайшее время объединиться и нанести

сокрушительный удар по войску Саула. И филистимлянские цари рассчитывали вовлечь Давида в эту предстоящую войну и использовать его на своей стороне. И когда за пиршественным столом Давид провозглашал здравицы Анхусу, был сделан первый шаг к тому, что случилось на склонах горы Гелвуй, где пали Саул и его сыновья. И есть в том вина и его, Маттафии...

А тогда, в Гефе, все были довольны, что дарован им город Секелаг и не придется обитать при царском доме Анхуса, и думали, что удалось провести филистимлянского царя. И не задержались они в Гефе, а на следующий день после пиршества навьючили своих ослов и верблюдов, подаренных Анхусом, и двинулись в Секелаг.

Жители Секелага радушно встретили их и отделили им место для установки шатров и даже для постройки домов и загонов для скота, и дали место на своих пастбищах, и продали им овец и коз. Чем-то был похож Секелаг на каверунский город-убежище. Был он расположен на границе с землей Иудиной, а потому здесь жили не только филистимляне, но и сыны Израиля, нашли здесь приют и амаликитяне, и эдомитяне, изгнанные Саулом из своих земель. И там, в Секелаге, Маттафия впервые убедился, что могут жить вместе люди разных племен и могут они всегда найти общий язык, и никто не хочет воевать друг с другом. Разноязычный говор слышался в городе повсюду, и было много жертвенников, где каждый мог принести жертву своему Богу. И перемешались здесь боги, и стояли на высотах рядом - и медные тельцы, и свирепые деревянные Ваалы, и богиня плодородия Астарта с серпом луны на голове. Служение Астарте сопровождалось буйными плясками и сладострастными оргиями, и многие из воинов Давида, истосковавшиеся по женской ласке, прельщались веселыми и доступным женщинами Секелага. Астарта была покровительницей соития, и в праздник полнолуния разрешалось предаваться любви у подножия ее статуи. Маттафия не осуждал воинов, его и самого тянуло хотя бы посмотреть на общее веселье, но сдерживал он себя и томительными ночами думал не о блудницах, а о прекрасной Рахили и рассудительной Зулуне. И просил он мысленно прощения у них за то, что оставил одних на столь долгий срок, и мучил себя упреками и порицал за свою нерешительность. И никого из своих воинов не останавливал, когда те шли к блудницам.

Авиафар же был в гневе и осуждал постоянно тех, кто прельстился вседозволенным весельем и блудом. И злило Авиафара, что военачальники да и сам Давид молчат и не остерегают от греха своих людей. И говорил Авиафар:

- Покарает Господь тех, кто уклонился от пути своего, кто поклоняется идолам, предается блуду. Наведет Господь страх и трепет на них. Но и нас не минует кара Всевышнего, ибо смотрели мы и молчали!

Давид сказал ему тогда, что не видел на лице земном безгрешных людей, и что будет молить Господа Бога простить неразумных воинов. Но не успокаивался Авиафар, и тогда Давид собрал всех своих людей и сказал:

- Просил я Господа нашего Всемогущего простить грехи воинов, ибо неразумны и горячи их молодые сердца. Велико терпение Господа, и не будем испытывать его. И клянусь именем его, что будет изгнан тот, кто поклоняется идолам и прельстился недостойным блудом. И обрушатся на тех кары Господа, кто не внемлет моим словам!

И калялись в содеянном воины, и молили они все вместе в тот день Господа, чтобы не отступился от них. Но были среди воинов и те, кто осуждал Давида, и хотя не осмеливались говорить о том в лицо ему, но сходясь в своих шатрах, выражали свое недовольство. Был среди воинов молодой вениамитянин Ахиам, сын Сераха, человек бесстрашный, не раз видел Маттафия, как ловок и смекалист в бою этот отрок, но был Ахиам вспыльчив, кипела в его жилах горячая кровь, и стал он подбивать других к неповиновению, и открыто осуждал Давида. Говорил он:

- Доколе терпеть нам Давида? Две жены и пять наложниц ублажают его плоть, и привел он нас в Секелаг филистимлянский, чтобы сберечь своих жен. И не постыдно ли нам прятаться за спины филистимлян - извечных врагов Израиля, почему мы доверились им, ужели не знаем, что никогда волку не стать ягненком. Покинем же Секелаг и пойдем в земли свои!

И как не остерегал Ахиама военачальник Иоав, как не просил умерить свой пыл, не внял его предостережениям Ахиам, собрал он всех недовольных и предстали они перед Давидом, решив высказать ему все накипевшее на душе. И Давид не разгневался, выслушав их, а даже восхвалил Ахиама:

- Блажен ты, Ахиам, ибо не прячешь зла в сердце своем и открыто идешь к господину своему. Потерпи, и утешится плоть твоя, и копье твое, и стрелы твоего лука поразят наших врагов. И возвратишься ты с добычей в дом свой! И если гневаешься, что взял я наложниц в дом, то взойди к ним на ложе, когда пожелаешь...

И замялся Ахиам, и стал говорить, что понимает он все, и готов терпеть, и что даже в мыслях никогда не покушался на ложе царя.

Давид умел найти подход к людям, умел прощать их грехи. Маттафия смотрел тогда на Ахиама и видел, как исчезает гнев на его лице, как преданно он смотрит на Давида. Саул в подобном случае дал бы волю своему гневу. Саул считал себя безгрешным и требовал от людей полного подчинения. Саул не видел своих грехов. Об этом как-то завел разговор Давид со своим священником Авиафаром. И Авиафар, ненавидящий убийцу своего отца, сказал, что ничем не смыть Саулу крови невинных, не

смыть крови священников из Номвы, что Саул не ведает, что творит, и Господь отступил от него, и грех разъял душу Саула. И Давид сказал:

- Не только вина Саула в убиении священников, кровь их на мне тоже. Я не должен был идти в Номву и искать там защиты. Я ведь обманул отца твоего Ахимелеха, и ты прости, Авиафар, мой страшный грех. Об этом и Господа ежечасно прошу.

И при этих словах - Маттафия тому свидетель - встал Давид на колени перед Авиафаром, и тот смутился и тоже опустился на колени, и так они стояли долго, и вместе молили Господа простить грехи.

Таков был Давид - и непонятно было, когда он искренен, а когда просто подстраивается под состояние души другого и хочет казаться таким, как этот другой его видит. И все же - Давид умел каяться, и не было дня, чтобы он не воспевал Господа, и наверное за то Господь оберегал его.

Маттафия понимал тогда в Секелаге, что развращает людей безделье и сытая жизнь, не должен воин долго держать свой меч в ножнах, ибо прикипает железо ржой своей к ножнам и зеленеет медь. Он об этом говорил с Давидом. Он настоял, чтобы людей разбили на сотни и начали обучать воинским навыкам. И одно тяготило тогда Маттафию - для чего он обучает своих людей - чтобы разить врага или стать на сторону тех, кто многие годы измывался над сынами Израиля, и убивать своих братьев. И сомнения его обрели реальность, и новые испытания повисли над воинством Давида.

А началось это так. В один из дней прискакал на взмыленном коне в Секелаг гонец царя Анхуса и привез царское послание Давиду. Анхус в том послании упрекал в бездействии своего нового друга. Написал Анхус на глиняных плитках, что слабеют крылья орла, когда он безвылазно сидит в гнезде, и что все филистимляньские цари клянут его, Анхуса, напрасно пригревшего Давида. И рассыпаясь в любезностях и клятвах в вечной дружбе, просил Анхус подтвердить эту дружбу делом и писал далее, что неподалеку от Секелага, у города Хеврон, пасут израильяне стада овец Саула, и восхваляют они своего царя и предают поношению Давида. И будет лучшим подтверждением дружбы и преданности Давида филистимляньским царям, если совершит он набеги на нечестивых слуг Саула.

Давид ответил тогда филистимляньскому царю Анхусу, что не окрепли еще люди после скитаний среди пустынь, и что надо отковать новые мечи, ибо те, что были, изношены и покрылись ржой. Но не удалась Давиду отделаться хитрыми отговорками. Анхус вскоре прислал новые мечи и ни слова не написал. А когда Давид спросил у филистимлян, доставивших оружие, что велено передать ему, то ответили - что не будет слов у царя Анхуса к другу своему Давиду, ибо обида съела слова, и не будет Анхус вступаться за Давида перед лицом других царей

филистимлянских, коли страшится тот обагрить мечи своих воинов кровью рабов сауловых.

Давид был мрачен в те дни и не выходил из своего дома. Ночами молил он Господа отвести беду, и неизвестно, что ему ответил Господь. Давид тогда не допускал к себе даже главного своего военачальника Иоава, не говоря уже о нем, Маттафии, простом сотнике. И так продолжалось девять дней, а на десятый Давид вышел из своего дома и неожиданно приказал Иоаву готовить людей к походу. И когда Иоав спросил, куда направит Давид стопы своих людей, ничего не ответил ему Давид, а так взглянул на Иоава, что тот поспешно бросился исполнять повеление своего господина.

И в тот день прошел слух среди жителей Секелага, что Давид выступает походом в пределы Иудины, чтобы разорить стада Саула и выжечь его поля, и разрушить поселения сынов Израиля. Слухи эти камнем легли на душу Маттафии, и все воины были мрачны, словно тучи, но не перечили своим военачальникам, а молча готовились к походу и не смотрели в глаза друг другу. Тогда Маттафия решил, что если слухи подтвердятся, то встанет он на защиту пастухов, и никто уже не оставит его, и чтобы не говорил Давид, замкнет он, Маттафия, свой слух, ибо всему есть свои пределы на лице земном.

Они выступили из города на рассвете и весь день молча двигались по караванной дороге, ведущей к Хеврону. И каждый из них думал об одном - ужели придется поднять свой меч на мирных пастухов Саула и жечь их поселения. Легкой добычей могли стать эти поселения, ибо все, кто мог держать оружие, были взяты Саулом в его войско. Знал, конечно, тогда Анхус, что Саул готовится к решающей битве, и потому торопил Давида. Филистимлянский царь полагал, что узнав о разграблении пастбищ и своих поселений, Саул вынужден будет разделить свое войско и направить часть его для отражения набегов Давида.

Неспешно двигались воины Давида и часто останавливались они. И на второй день пути встретили плачущих странников. Головы их были посыпаны дорожной пылью и песком, одежды разорваны и вырезаны ключья волос на бородах. С криками и рыданиями поведали странники, что великое горе пало на землю Израиля, ибо умер в Раме самый праведный из пророков - мудрый Самуил. И услышав эту весть, воины сошли с ослов и своих коней и пали все на землю и плакали в голос по тому, кто слышал глас Божий и опекал свой народ. И более других был поражен горем Давид, его долго не могли поднять с земли, он бился головой о песок, он стонал, словно был весь изранен, и раны его жгли каленым железом.

Он, Маттафия, тоже разодрал свои одежды, тоже, как и все, посыпал голову землей, но слез не было в его глазах. Ибо предстала перед ним та злосчастная ночь, когда по велению Самуила напал Саул на стан амаликитян, когда горели шатры, и металась в огне женщины, и кричали

невинные дети. Разумом своим он понимал сколь велик был пророк Самуил, давший по слову Божьему первого царя Израилю. Он знал, что Самуил свершил много деяний, укрепивших Израиль, что презирал пророк праздность и чревоугодие и был истинным пастырем своего народа, но заслоняли все благие дела - отчаянные крики в ночи и та безжалостность, с которой пророк сам разрубил царя Агага. И еще одно отталкивало от пророка - то противостояние царю, которое измучило Саула и отдало его душу на растерзание темным силам. Ужели все это повелел Господь? - расправиться с пленником, придать смерти всех амаликитян от мала до велика, отвергнуть царя Израиля, помазанного на царство по Божьему велению...

Таков был пророк. Но это был истинный пророк, которому дано было услышать небеса. И потому все вокруг плакали и стонали, и он, Маттафия, тоже был охвачен печалью - и становилось страшно, что нет теперь человека, который мог вступить за свой народ перед самим Господом. И Маттафия так и не понял ни тогда, ни после - слышит ли повеления Божьи Давид? Разве мог Господь повелеть Давиду стать сподвижником филистимлян - жестоких врагов Израиля?

Было тяжело на душе тогда у Маттафии, не было сил идти дальше с Давидом. Понимал он, Маттафия, что знает Давид о поручении Саула. Знает, зачем послан сюда. Не возвратит прежней дружбы с Давидом. Она утрачена навсегда. Был бы тогда с ними Ионафан, он бы все мог объяснить, он смог бы остановить этот бессмысленный поход. Маттафии же сделать это было не под силу. Оставалось только смирить себя и положиться на волю Господню, и надеяться на то, что смирит Всемогущий Давид. А если не услышит Давид глас Господний, твердо решил тогда Маттафия, что не войдет в общий жребий с тем, кто отошел от народа своего. И никогда не поднимет меч он, Маттафия, против стариков и женщин в пределах земли Иудиной...

Ночью остановились у подножья холма, где нашли колодец и разложили костер, чтобы приготовить снедь. Но не хотелось есть никому и быстро разошлись они по наскоро поставленным шатрам, чтобы не смотреть в глаза друг другу и забыться сном, который сменяет дневные мучения и сомнения призрачными видениями. И не волен человек в своих снах, и лишь над праведным человеком реют небесные ангелы, а к омраченным душам в сны приходят демоны. Но не ангелы и не демоны пришли в сон Маттафии, а увидел он своих сыновей - Фалтия и Амасию, и боролись отроки друг с другом, а он никак не мог разнять их, а когда разъединил, то увидел, что лица их в крови, и проснулся в испуге. И понял, что зовут они его к себе, и страх за судьбы сыновей проник в него. Собственная вина мучила его - оставил он надолго сыновей, и опасался он, что гнев Саула дано им испытать, гнев и гонения за отца своего. И дал он тогда себе слово, что поспешит вернуться в свой дом.

Рано утром протрубили шофары, и когда Маттафия вышел из своего шатра, то увидел, что Давид сидит на своем осле и нет следа от вчерашних слез и страданий на его лице, и сжаты его губы и смотрит он вдаль с видом человека, который оставил позади все сомнения и избрал свой путь. И с нетерпением ждет сподвижников своих, чтобы направить по этому пути.

Двинулись они в прежнем направлении по дороге, ведущей к Хеврону, но когда сквозь утренний туман открылись им лесистые холмы и крыши домов, то неожиданно повернул Давид с дороги, тянущейся к городу, и стали все поворачивать за ним своих ослов и верблюдов, и двинулись по бездорожью, увязая в песках, а потом переправились через мелководную реку Гессею и вступили в пределы царства гирзеев - давних врагов Израиля. И сразу ожили лица у всех воинов, и громко перекликались они, будто дети, и шутили...

И благодарил тогда он, Маттафия, Господа, что тот вразумил Давида, ибо милостив Господь, и благословен тот, кто ходит по его стезям. И в тот день показались напрасными все страхи, и понял Маттафия - счастлив человек, не ведающий, что его ждет. Но мог ли Маттафия в тот день представить, какие испытания еще уготованы ему...

Открылось им к вечеру место у оазиса Гесата, где в тени пальм у родника раскинулись шатры ненавистных гирзеев, было оплетено то место изгородью из тростника, и не видно было нигде стражей, и не преграждали путь рвы, ибо были гирзеев кочевым народом, признавшим власть филистимлянских царей, исправно платившим им дань и жившим без страха под защитой филистимлянского войска.

Никто не заметил приближения воинов Давида, и остановились они, чтобы договориться, как разбившись на два отряда, внезапно захватить гирзеевский стан, и были веселы, ибо предчувствовали легкую добычу. И тогда Давид сказал своим воинам слова, смутившие многих. Он говорил, глядя в лица, он требовал полного повиновения и решительности. Он сказал тогда: «Предал Господь в наши руки нечестивых гирзеев. Не вняли они гласу Всевышнего и отступились от веры в него, и повсюду поставили своих идолов на холмах, и разоряли они города наши, и разбойничали на караванных путях. Не должен ни один из них дожить до восхода солнца!».

И хотя смутили эти слова его, Маттафию, но поначалу полагал он, что Давид просто перед битвой хочет, чтобы вспомнили все урон, нанесенный гирзеевнами в прошедшие годы, чтобы наполнили свои сердца огнем мести, когда будут сражаться с воинами гирзеевскими. Но потом увидел он, что не только к воинам гирзеевским относились слова Давида. И все случившееся напоминало ту ночь, когда в стане амаликитян он впервые увидел, как могут быть жестоки воины, и как пролитая кровь возбуждает жажду новой крови и рождает ненависть...

Дождались они тогда заката, и затрубил священник Авиафар в шофар свой, и ринулись воины на поселение врагов Израиля. И он, Маттафия, был среди них, и достигнув ограды, засел там со своими лучниками. И все произошло быстро по времени, как это и всегда бывает при внезапном нападении, но казалось тогда, что застыло время, застыло, чтобы остаться болезненной занозой в памяти.

Словно скирды сухой соломы вспыхнули шатры, подожженные сыновьями Шимовыми, и так осветилось все вокруг, будто зажглось яркое солнце среди ночи и пыхнуло в глаза кровавым жаром. Выскакивали из горящих шатров гирзеяне, швыряли копьа наугад, не зная откуда грозит им опасность, и кричали истошно испуганные женщины. И падали гирзеяне, пораженные смертоносными стрелами лучников. А те, кто избежал разящих стрел, нашли свою гибель на острие мечей. И он, Маттафия, увлеченный боем, бросился в стан гирзеянский и там сразу вступил в схватку с грузным, поросшим гривой рыжих волос, воином, и бились они долго на мечах, пока Маттафия не изловчился, ушел от удара, и тут же, присев, снизу воткнул меч в живот гирзеянина. И сразу же бросились на него еще четверо, и не справиться бы ему самому, если бы не быстрый и ловкий Ассаил, который прыгнул в схватку словно лев. Встали они спина к спине, и в два меча отразили гирзеян.

Охватила в ту ночь гирзеян страшная паника, кричали повсюду гирзеянские женщины, и дети отчаянно пищали, словно раненные зайцы. И не было для них защиты, ибо пали все воины гирзеянские. И увидел Маттафия, что пронзают своими мечами воины кричащих женщин и бросают в огонь детей. И пал он на колени и молил Господа вразумить воинов и остановить резню. Но молчал Господь. И лилась кровь невинных, и никто не гасил огонь, пожирающий шатры. Повторилась такая же кровавая ночь, какая была в стане амаликитян...

И услышал он совсем рядом душераздирающий крик. Крик и рыдания. И увидел он, как ухватили за волосы гирзеянку брата Шимовы и с гоготом волокут к можжевельному кусту, и пинают ее ногами. И бежал за ними, цепляясь за их одежды, плачущий мальчишка, лет семи, похожий на сына Маттафии - Амасию. Такие же были у него черные круглые глаза. Только были они расширены от ужаса, и рот его был разодран криком. Маттафия, не раздумывая, схватил тогда мальчика, чтобы уберечь ему жизнь, а тот зашелся в крике, отчаянно отбивался и прокусил ладонь Маттафии.

Упрятал он мальчика за большим валуном, засунул в корзину, а позже оттащил ее в свой стан и навьючил на своего осла. Решил он тогда твердо, не ожидая конца кровавой расправы, тронуться в путь - навеки расстаться с Давидом и вернуться в свой дом.

И хотел он пуститься в путь, не ожидая рассвета, но заметил его Авесса и закричал: «Куда ты? Еще не все добыты гирзеяне, поторопись,

Маттафия, много есть там длинноногих и полногрудых женщин, и полно овец и коз, и верблюдов!». Маттафия сказал ему тогда: «Сейчас вернусь и поспешу за тобой». И отстал в темноте от военачальника. Но не дано было Маттафии уйти незамеченным. Возвращались воины, опьяненные кровью и похотью, окружили его, похвалялись своей добычей и удивлялись, что всего одну корзину набрал себе Маттафия. Пришлось вести осла вслед за воинами.

А позади шел Давид, уставившись в землю, и у него не было никакой добычи, и Авесса догнал Давида и поднес ему серебряный кувшин, но Давид молча отстранил жаждущего угодить ему военачальника.

Маттафия всю ночь не спал, опасался, что заплачет спасенный им мальчик, упрятанный в корзину. И когда уже светало, заслышав сдавленные всхлипы, Маттафия подбежал к корзине и приоткрыл ее - и замолчал мальчик, сжался в испуге, видимо, понимал, что надо затаиться, чтобы избежать гибели. И с такой ненавистью смотрел своими большими, словно черно-белые плоские глазами, что Маттафия невольно отвел свой взор. И не глядя на мальчика стал объяснять, что не враг ему, что надо молчать, и что будет приносить еду ему, и очень скоро обретет отрок свой дом.

Мальчик молчал, сжавшись в тесной корзине, но наверное понял о чем говорилось, ибо сходны языки всех народов, живущих в земле Ханаанской. Успокоил он мальчика, дал ему лепешку, намазанную медом, отошел немного и услышал, что неподалеку кто-то говорит сам с собою и тяжело вздыхает. Маттафия пошел на эти звуки и едва не наткнулся на Давида. Сидел тот, обхватив колени руками, и каялся перед Господом, и просил освободить душу от греха. И говорил, обращаясь к Всевышнему: «Удали меня от преступлений, как удалил восток от запада и небо от земли, ибо кратки дни человека, из праха он создан и прахом станет, как цветок полевой отцветает он, зачем же кровью обгагрять его дни. Заблудились мы среди грехов наших на дорогах пустынных, прости нас, Господи, за кровь невинных прости...».

Давид поднял голову и увидел, что стоит подле него Маттафия и посмотрел на Маттафию злобно, с укором, будто знал, что сокрыл он, Маттафия, гирзеянского мальчика. И спросил его тогда Маттафия: «Доколе всем гибель нести будем?». И сказал ему Давид: «Если спасется хоть один из гирзеян, то донесет на нас, и нету у нас другой стези, и так уж устроен мир наш, если ты не убьешь, то тебя убьют. И на все воля Божья. И грех на одной душе моей...».

И молча отошел от него Маттафия. Понимал, что мучается душа Давида, и никому о том не может поведать царь, ибо должен быть он крепок и силен в глазах своих воинов, и покаяния не должны смущать их. И не поставлены пределы для грехов Давида. И если Давид захочет лишить жизни его, Маттафию, то будет это решение непреклонно, и лишив

жизни своего прежнего друга, оплачет он его и сочинит печальную песнь о дружбе и своем горе...

Снова подошел Маттафия к своему ослу, поправил корзину, стоящую подле, и решил тогда, что надо со всеми вместе возвратиться в Секелаг и там найти женщину, заплатить ей и отдать отрока на время, а потом, улучив подходящий день, отправиться с этим отроком в Гиву.

Но пролег их путь не напрямую в Секелаг, а пришли они сначала в Гефу, пригнали туда множество овец, ослов и верблюдов, захваченных у гирзеев, в дар филистимлянскому царю Анхусу, и встречали их песнями, и было праздничное пиршество в Гефе. И Анхус спросил тогда у Давида: «Откуда такая большая добыча и прибавление к дому моему? На кого напал и кого поразил мой друг Давид?». И Давид ему ответил: «Тех уже нет, кто поражен был, и были то иудеи, враждебные тебе из полуденных земель Иудиных, и предал их Господь в руки мои, и никого не пощадили мы из пасущих стада, ибо сыновья их ушли в ратники к Саулу...».

И был доволен Анхус, лицо его сияло, он обнял Давида и благодарил его, и поднимал на пиру за здоровье его полные чаши, восхваляя храбрость Давида. И говорил своим военачальникам:

- Не верили вы, что можно приручить льва! А я сумел сделать его своим другом! С нами Давид, и недолго уже осталось жить Саулу, ударим по его войску, и рассыплется оно, как дом, построенный на песке!

И все филистимляне дивились мудрости Анхуса и пили за своего царя. А Давид сидел молча и не шелохнулся, будто идол, вырезанный из дерева. Маттафия же быстро покинул пиршество и бродил по улицам Гефы, и не встретил там ни одной женщины, которой можно было бы доверить спасенного отрока, ибо попадались на его пути или болтливые, или ступившие на путь блуда, или попрошайки, и все предлагали за умеренную плату, но не лежала его душа к ним...

Определился он в Секелаге, куда вскоре возвратились все воины, на постой в дом кожевника Иоаша. Дом этот стоял на окраине города, приткнувшись к большой, уступчатой горе, и подле дома были выстроены просторные навесы, где дубились кожи. Сам Иоаш был из колена Завулона, жил раньше в Изреельской долине, но женился на филистимлянке, вот и осел здесь, в Секелаге, сыновья подросли, разбрелись по земле Ханаанской, он же остался только вдвоем с женой. Он был угрюм и молчалив, работал от восхода до заката, жена расплневшая, но юркая и расторопная, тоже все время была чем-то занята, и все в доме было ухожено и прибрано, и снедь она умела приготовить и ткала сама, и шила, и мужу помогала.

Маттафия заплатил ей вдвое больше, чем платили обычно постояльцы, а про гирзеевского мальчика сказал, что тот сирота, взял его с улицы, пожалел. Да и не расспрашивали хозяева ни о чем, а хозяйка вскоре привязалась к найденышу. Но мальчик признавал поначалу только его,

Маттафию, и всякий раз, когда возвращался Маттафия из воинского стана, встречал его у ворот дома и знал, что всегда припасены для него какая-нибудь сладость или лакомство. Быстро выучивал мальчик незнакомые для него слова, но не истаявала печаль из его глаз, и был он не по-детски задумчив.

Мальчика звали Анзиахендр, и был он еще мал и не мог объяснить, что значило это имя. И стал называть его Маттафия - Шалом, что означало мир. И говорил ему - ты теперь мой мир, и хочу, чтобы не держала рука твоя копыя и меча. И мальчик согласился с этим именем и стал откликаться на него.

Часто в те дни обращался он, Маттафия, к Господу, молил Вседержителя о доме своем, славил Господа. И мальчик тоненьким своим голоском повторял вслед за Маттафией слова молитвы.

Маттафия возрадовался тогда, что обретет мальчик истинного Бога и будет отвращен от рукотворных идолов. Показывал ему Маттафия на небеса, где обитает Всемогущий Господь. Не понимал его мальчик, и перстом указывал на него, Маттафию. А он улыбался гирзеянскому мальчику, которому нужен зримый Бог, стоящий рядом, Бог - спаситель, и Маттафия объяснял мальчику, что вездесущ Господь, и дух его пребывает в каждой душе, а на небе престол его. И еще объяснял мальчику, что надо забыть страшную ночь огня и крови и на всякие расспросы отвечать, что отец ему он, Маттафия. А лучше всего не ходить по улицам, а гулять во дворе и не удаляться от дома хозяина-кожевника и смотреть лучше, как тот дубит кожи, как распяливает шкуры на жердочках, как усердно работает, ибо во всякой работе заключен замысел Божий и есть благо для других людей, которых шкуры эти укроют от холода.

В те дни мрачное настроение не покидало его, и гирзеянский мальчик был единственным существом, от которого успокаивалась душа и теплело на сердце. Будто в этом мальчике соединились оба его сына - Фалтий и Амасия, будто их волосы он гладил и словно с ними затевал забавы и игры. И готовился тогда Маттафия тщательно к возвращению в Гиву, он долго выбирал подходящий день, но его замыслам не дано было сбыться.

В один из вечеров настойчивый стук в окно прервал его беседу с мальчиком, и когда Маттафия вышел на крыльцо, то сначала не обнаружил никого и хотел было возвратиться в дом, когда заметил, что у стены таятся человек и делает ему знаки рукой. Они отошли от дома и сели под смоковницей за пристройками, где, словно летучие мыши, висели на жердях распяленные шкуры. Даже в полумраке вечера было видно, что путник, отыскавший Маттафию, устал от дальней дороги, и когда Маттафия набрал ему воды из колодца, то незнакомец жадно осушил почти полный кувшин, потом поблагодарил и поведал, с чем связан его приход.

Это был посланец от Авенира, поначалу он вел себя настороженно, видимо, ему было приказано выведать - не стал ли он, Маттафия, врагом Саула, не подпал ли под власть Давида и помнит ли о поручении своем. Маттафия ответил, что все помнит и не был никогда предателем своего царя, но поднять руку на Давида не сможет. И сказал посланец, что это и не требуется, что Саул готов простить Давида, и что единые цели должны быть и у царя, и у Давида. И рассказал о самом главном, ради чего и был послан: «Войска царей филистимлянских соединились и подходят к Изреельской долине, Саул тоже собрал большое войско, и близится кровавая битва, в которой решится судьба всех сынов Израиля. И надо уговорить Давида, чтобы воинство его напало с тылу на филистимлянский стан».

Посланец Авенира торопился и не захотел оставаться на ночь, и попросил его Маттафия передать Авениру, что сделает все возможное и не допустит того, чтобы Давид сражался в рядах филистимлян и постарается убедить Давида повернуть оружие свое против филистимлянских царей. И еще попытался Маттафия расспросить посланца о своей семье, о женах и сыновьях, но не знал ничего посланец. И попросил Маттафия при расставании, чтобы отыскал он в Гиве Зулуну или Рахиль и поведал им, что скоро возвратится он, Маттафия, и чтобы если удастся посланцу встретить сыновей - Фалтия или Амасию, обнял их и передал, что отец скучает без них.

Маттафия долго смотрел вслед посланцу, удаляющемуся по дороге, пока не слился тот с тенями деревьев и пока шаги его были слышны в вечерней тишине.

И хотя дал Маттафия слово, что исполнит повеление Авенира, но оказалось все не так просто. Давно уже не вступал Давид в доверительные беседы со своим бывшим другом. И понимал тогда он, Маттафия, что утратил доверие Давида и теперь, когда станет уговаривать его, еще раз подтвердится, что послан в стан Давида из Гивы с царским поручением, и жизнью своей можно поплатиться за то, что осмелишься предстать перед Давидом и открыть замысел Авенира. Но не было пути для отступления, и не о своей жизни надо было думать, а о спасении всех сынов Израиля.

В ту ночь он почти не спал, он искал слова, которые должны убедить Давида, и когда на рассвете затрубили шофары, разрушая хрупкую тишину утра, висящую над спящим городом, он одним из первых пришел на пустырь за домом Давида, куда вслед за ним уже тянулись воины со всех концов Секелага.

Давид молча стоял в окружении своих военачальников, сотники кликали своих воинов. На дремлющих ослов навьючивали запасы снеди и воды. В то, что сказал тогда Авесса, не хотелось верить. Поведал Авесса о том, что Давид принял решение выйти в поход совместно с филистимлянами. Отговорить Давида, принявшего решение, было

невозможно. Маттафия все же попытался подойти к нему. Давид не обратил на него никакого внимания. Иоав недовольно буркнул что-то о том, что сотнику следует знать свое место и поторопить своих воинов. Все были слишком хмуры и озлоблены.

Войско Давида вытянулось из города, когда солнце прошло уже половину своего пути. Воздух от жары сгустился, и не ощущалось ни малейшего ветерка. Казалось, словно замерло все вокруг. И пыль, поднимаемая воинами, не рассеивалась, а стояла мутновато-розовым столбом над головами. Лица воинов были угрюмы, и не слышалось никаких голосов. Будто не на бой шли, а брели в похоронной процессии. Никто не хотел верить в происходящее, тлела в сердцах слабая надежда, что иной путь изберет Давид, что все это просто хитрый маневр, что не покроет Давид себя неизгладимым позором, став сподвижником врагов Израиля. И надеялся он, Маттафия, что никто из воинов не обнажит свой меч против единоплеменников. Он старался ехать ближе к Давиду, и когда осел Маттафии почти притерся боком к ослу, на котором, склонив голову, восседал Давид, Маттафия сказал ему:

- Господин мой Давид, ужели не повернем мы и изопьем чашу позора! Саул собрал всех воинов Израиля, всех, кроме нас. И надеется наш царь, что ударим мы против филистимлян с тылу и поразим совместно врагов Израиля. И не враг тебе помазанник Божий и царь наш. И обнажив мечи против филистимлян, заслужим мы прежнюю любовь нашего царя...

Давид повернул голову и посмотрел с ненавистью на Маттафию, и трудно было выдержать его взгляд, приготовился тогда он, Маттафия, к самому худшему исходу. Но не разгневался Давид и не возвысил голос, а лишь сказал с укором:

- Сотнику ли диктовать военачальникам, займи место свое и помолись Господу Богу нашему, который оставил тебе жизнь и сдерживает руку мою. Но более не испытывай моего терпения!

И отстал Маттафия тогда от Давида, и кипела злоба в душе, и готов был свершить любое деяние, чтобы остановить Давида, и не дрогнула бы его рука, но избавил Господь, ибо дал он, Всемогуший, иной ход событиям и простер длань свою над воинством Давида, чтобы повернуть заблудших на истинную стезю.

А произошло это так: узнали филистимлянские вожди, что идут вместе с ними на битву против Саула воины Давида, и что ведет их царь Анхус. И филистимлянские цари возмутились, и стали спрашивать Анхуса: «Это что за люди? Откуда взялись они?». Отвечал им Анхус: «Разве не знаете вы - это Давид, раб Саула, отверженный хозяином и гонимый. Он при мне уже более года, и я не нашел в нем ничего худого со времени его прихода и до более дня».

Но Анхус не убедил их, и с гневом стали филистимлянские цари корить его. Говорили, что Анхус слишком доверчив, что никогда волк не

станет овцою, и что не ждали они такой опрометчивости от царя Гефы. И старший из царей Мелохил сказал Анхусу: «Отпусти ты этого человека, пусть он сидит в своем месте, не должен он идти с нами, он сделается на войне нашим противником. Чем он захочет умиловать своего царя Саула? Только нашими головами!».

Анхус не сумел возразить, бесполезно было спорить с умудренным годами Мелохилом. Видно, сам Господь смутил филистимлянских царей. И вот на рассвете следующего дня увидели воины Давида, что движется им навстречу облако пыли, и возник перед ними на развилке дорог сам Анхус на взмыленном коне, сопровождаемый своей свитой. Воины Анхуса застыли в отдалении. Давид отделился от своих воинов и подъехал навстречу филистимлянскому царю. Иоав приказал Маттафии быть наготове на всякий случай, и Маттафия вместе с Авессой спешили к своим ослов и прошли к развилке вслед за Давидом.

Но сразу поняли они, что принес Анхус хорошие вести и не затевает зла против Давида, ибо говорил Анхус лестные слова и хвалил воинов Давида. И обнял он Давида за плечи, словно самого близкого друга своего, и сказал:

- Ты честен, и глазам моим приятно было бы, Давид, чтобы ты был рядом со мной. И желал бы я на поле битвы стоять рядом. Я не заметил в тебе худого. Но не хотят наши цари, чтобы ты шел с нами и бился с нами в одних рядах.

И Маттафия увидел блеск в глазах Давида, увидел, как тот вздрогнул, но тотчас нахмурился, чтобы не понял Анхус, как обрадовала эта весть. Сам он, Маттафия, будто ожил. Груз, камнем лежащий на душе, спал с него.

И когда Анхус умчался, спеша догнать свое войско, и растаял клуб пыли, поднятый его свитой, оживились люди Давида и передавалась от одного к другому радостная весть о том, что следует поворачивать назад в Секелаг. И воскликнул священник Авиафар:

- Жив Господь Всемогущий в высях, да будет славиться имя его, ибо отвратил он наш меч от народа нашего и спас наши души!

Легкой и быстрой была дорога к своим домам в Секелаг, воины погоняли ослов, пели веселые песни, улыбались, предвкушая отдых в укрепленном и защищенном каменными стенами городе. Но недолго дано было радоваться, ибо когда они приблизились к городу, то увидели дым, стелющийся по земле, и пройдя через разрушенные городские ворота, не нашли в том месте, где стоял город, ни одного целого жилища. И людей не нашли в городе, лишь бездомные псы бродили у крепостных стен. И пошел Маттафия тогда к месту, где стоял дом кожевника, и бродил среди развалин, натыкаясь на камни, и звал: мальчик мой, Шалом! Но никто не откликнулся. И там, где была пристройка, в которой дубил кожевник шкуры, остались лишь гряда пепла и обгорелые бревна.

Вот и послал ему тогда Господь наказание, не смог убедить он, Маттафия, Давида, опасался за свою жизнь - и лишил Господь последней радости - лепета спасенного гирзеянского мальчика и любви его. И слезы подступили к глазам, и не мог он сдержать их. Он долго тогда бродил среди развалин. Повсюду воины находили убитых жителей. Но не было среди убитых ни кожевника, ни его жены. Нашли среди развалин и несколько убитых воинов, и по виду их, по их кожаным шапкам и копьям с каменными наконечниками поняли, что были те амаликитянами. И осознал в тот день Маттафия, что не проходят бесследно злодеяния, и что зло порождает зло.

Может быть и не было среди амагтикитян, разоривших город, тех, кто принадлежал к роду Агага, зарубленного пророком Самуилом, но даже если и не было - все равно - это месть, удар из прошлого, отмщение единоплеменникам воинов Саула, некогда уничтожившим стан царя Агага.

И узнав, кто разорил город, воины Давида рвались поскорее отомстить амаликитянам, и призывали Давида тотчас начать погоню за теми, кто столь жестоко сжег дома и измывался над жителями.

Бедный Давид страдал более других, тяжело было в тот день смотреть на него. Он не нашел в городе своих жен - ни возлюбленной веселой Авигии, ни рассудительной и безмерно любящей его Ахиноамы Изреелитянки. Давид стоял на коленях у пепелища и зывал к Господу, и проклинал тот час, когда выступил в поход из Секелага. И говорил Давид:

- Доколе, Господи, пылать будет, подобно огню, ярость твоя! Грешен я, и нет мне спасения! Но почему жен моих возлюбленных отдал ты на поругание врагам моим? Где прежние милости твои, Господи? За грехи мои наказал ты безвинных. Насильники измываются над ними. Бесчестят идолопоклонники возлюбленных моих. Увижу ли я улыбку Авигии, спасу ли верную мою Ахиноаму? Дай мне силы, Господи, отомстить врагам моим. За что караешь меня, Господи? Лучше бы я погиб, защищая очаг свой, нежели зреть мне позор разорения!

И Маттафия проникся тогда сочувствием к нему, ибо общее горе объединяет людей крепче, нежели общая радость. Но многие воины смотрели на Давида с гневом и видели в нем виновника, допустившего разорение своих очагов и гибель жителей города. И велика была злорадия воинов. И кто-то из них крикнул, прячась за спинами своих товарищей:

- Господь хотел покарать Давида! Свершим же веление Господне! Забьем камнями отступника и сдадимся на милость Саулу!

И поддержали его другие возмущенные голоса. И тогда Авесса и подоспевший Иоав стали оттеснять и стыдить воинов. Но Давид не гневался на осуждавших его, ни единого слова не сказал он в ответ на злобные выкрики, а позвал священника Авиафара и попросил принести эфод с камнями урим и туммим, чтобы обратиться к Господу. Он надел эфод на плечи и повернул висящие на нем священные камни урим и

туммим, чтобы свет солнца падал на них и лучше было бы видно их свечение, позволяющее узнать волю Божию. И призвал он Господа, и вопрошал, что сделать сейчас - предать ли смерти себя за грехи свои или найти разбойных амаликитян и уничтожить их. И вдруг необычайным блеском загорелись глаза Давида, и слезы исчезли в них, и черты лица его окаменели. И все поняли, что он услышал глас Господень, и что Господь простил его и благословил на битву.

Повелел тогда Давид всем собраться и поклялся перед своими воинами, что не уйдут амаликитяне от мщения, ибо предаст их Господь в руки сынов Израиля. И призвал он воинов идти в поход, но не все в тот день пошли за Давидом, а только четыреста человек. И Давид согласился с тем, что должна часть воинов остаться на месте разрушенного города, ибо могут вернуться сюда грабители из стана амаликитян. Мог тогда и он, Маттафия, остаться и после ухода Давида незамеченным покинуть Секелаг и возвратиться в свой дом, но была у него хотя и слабая, но надежда, что удастся ему найти гирзеянского мальчика.

Они шли тогда почти наугад, стараясь по следам на дороге определить, куда двинулись амаликитяне. И увидели они египтянина, лежащего у придорожных камней. Он был почти лишен сил, и невозможно было расспросить его. А когда дали ему лепешек и имбирный напиток со смоквами, силы его укрепились. И он поведал, что был рабом одного амаликитянина, что вместе с амаликитянами ходил в набег на город Секелаг, но его одолела хворь, и хозяин бросил его, и что все равно он давно хотел покинуть своего хозяина, ибо живут амаликитяне разбоями и жгут города в полуденной земле у пределов Иудиных, и поведал он, что их разбойничий стан у колодца в Эль-Хеве. Тогда Давид спросил его: «Доведешь ли нас до этого стана?». И попросил египтянин: «Поклянись мне своим Богом, что не умертвишь меня и не предашь в руки моего господина...».

Давид поклялся ему, и тогда египтянин пошел впереди воинов и повел их в землю Халева, что лежит в пределах Иудиных. И торопили все египтянина, и дали ему осла, чтобы двигаться быстрее, и так быстро ехали на своих ослах, что к вечеру следующего дня увидели дым костров вдалеке и поняли, что достигли цели. Он, Маттафия, был послан тогда в разведку, высмотреть - сколько сил у амаликитян, и, затаившись в кустах, услышал их громкие споры, ибо продолжали они делить добычу. И были они пьяны и беспечны, и спорили из-за женщин, захваченных в Секелаге.

Он вернулся и сказал тогда Давиду, что легко можно окружить амаликитянский стан и даже малыми силами поразить врага. И хотя он помнил, что течет в нем и частица крови амаликитян, но не было в нем жалости к тем, кто поверг разорению мирный город.

Тихо подкрались они тогда к амаликитянскому стану со всех сторон, разом натянули тугие тетивы луков, и сотни смертоносных стрел

просвистели в воздухе, и раздались крики раненых, и началась паника в стане амаликитян. Они бросились враспынную от своих костров, где поджаривались туши телят и овец и стояли кувшины с вином, и устремились в темноту вечера, подальше от света пламени костров, пытаясь уйти от возмездия, но повсюду натыкались они на людей Давида и падали, пронзенные копьями. Тех же, кто затаился, отыскивали воины Давида и предавали смерти. И так было до полудня следующего дня. А когда кончилась битва, стали отыскивать и освобождать плененных амаликитянами жителей Секелага.

И была велика радость, и обнимали спасенные своих освободителей, и воздавали хвалу своим богам. Я широко улыбалась неунывающая Авигея, и целовала Давида тихая Ахиноама Изреелитянка. И Авигея сказала Давиду:

- Знала я, господин мой и возлюбленный мой, что не оставишь ты нас в беде, и сказала я разбойникам амаликитянским: муж мой Давид, который победил Голиафа и поражал в битвах десятки тысяч своих врагов, и если хоть один волос упадет с моей головы, то не оставит он в живых никого из вашего племени и прекратит весь ваш род! И плюнула я в лицо амаликитянскому князю, который избрал меня своей наложницей.

И похвалялась Авигея, что вовсе не страшно ей было, и целовала она при всех Давида, чтобы показать свою любовь. А другая жена Давида - тихая Ахиноама продолжала дрожать, словно тростник под сильным ветром, и чтобы успокоить ее, обнял Давид крепко Ахиноаму и стал шептать ей слова утешения. И все радовались, что вновь обрел Давид своих возлюбленных жен, и уже не было и следа прежнего озлобления у воинов, и верили они своему предводителю, и готовы были идти с ним любимыми стезями.

Но не дано было радости Маттафии. Он бродил среди пленных, вглядывался в освобожденных жителей Секелага, и нигде не мог сыскать своего мальчика. Расспрашивал всех, но никто не видел гирзеянина. Отыскал он кожевника с женой, но и те не могли ничего определенного поведать. Сказали, что когда начался разбойный набег и загорелся их дом, то они вывели мальчика, и что не плакал он, что бежал вместе со всеми, а когда поймали их, то не было с ними отрока, исчез он в ночи, и куда скрылся, то им неведомо...

На следующий день возвращались все радостные в Секелаг, вели пленных, гнали овец, шумно перекликались, и лишь он, Маттафия, ехал на своем осле, поникнув головой. И не видел он никакого смысла в дальнейшей службе у Давида. Вот едут, радуются, что отбили плененных, взяли добычу, а где-то на севере, в Изреельской долине, возможно, уже началась кровавая сеча. Так думал он тогда и не ошибался - ибо к тому времени войска уже сошлись в схватке. И мрачные предчувствия томили его.

Вошли они в Секелаг и там были дни веселья, в которых не было места ему, и не хотел он своим мрачным видом тревожить празднество, и сидел в одиночестве у родника, понимая тогда, что пришла пора расстаться с Давидом и предстать перед грозным судом Саула, чье повеление он не смог выполнить.

В тот праздничный день разгорелся необычный спор. Добычи было взято много у амаликитян, и мелкого и крупного скота пригнали достаточно, и был здесь скот, угнанный амаликитянами не только из Секелага, но и тот, что был добыт в разбоях по всей полуденной области Иудиной. Спор затеяли сыновья Шимовы, ходившие в поход на амаликитян с Давидом, кричали они: все это наша добыча, и не хотели делить ее с теми, кто оставался на страже в Секелаге. Впрочем, так всегда и было - добыча принадлежит тому, кто за нее сражался. Но Давид вмешался в спор и сказал он тогда:

- Угодны ли Господу речи ваши? Он, Всемогущий, сохранил нас и дал нам силы, чтобы отомстить амаликитянским грабителям затем ли, чтобы мы притесняли друг друга? Какова часть добычи ходившим на войну, такова должна быть и тем, кто оставался и оберегал наш стан. Добычу поделите поровну на всех!

И были справедливы слова Давида, и хотя и продолжали возмущаться сыновья Шимовы, но вынуждены были подчиниться своему господину. Всем хватило добытого. Было столько овец, что не вмещали их загоны, тогда отправили даже часть стада в ближайшие пределы земли Израиля, чтобы укрепить обильной пищей тех, кто вышел на войну с филистимлянами.

И он, Маттафия, вызвался перегнать стадо, и отпустил его Давид. Простились они ночью, сидели долго у шатра Давида, и сказал Давид:

- Останься со мной Маттафия, ценю я тебя, как смелого и сметливого воина, и ужели ты думаешь, что предам я войско Израиля и помазанника Божьего Саула, останься и будешь у меня первым военачальником. Не отвернулось мое сердце от тебя. Ведь знал, что подослан ты, но верил в нашу дружбу, и клянусь тебе, что ценил твои деяния - не поднял ты руку на меня - и я всегда буду оберегать тебя и потомство твое. И сын твой Фалтий дорог мне. Видит Бог, что сдержу я свое слово!

Давид умел уговаривать, и лестно было слушать его речи, и понимал Маттафия, что не стадо надо перегонять, а собирать воинов и спешить в Изреельскую долину на помощь Саулу. И можно найти людей, которые покинут Давида и пойдут с ним, Маттафией. И попросил он Давида дать ему подумать до следующего дня.

Но принес следующий день горестную весть. И не было в жизни печальнее этого дня. Узнали они в тот день, что поражен Израиль на горе Гелвуй, что пали многие, и что погибли Саул и его сыновья. Погибли, как

герои. И стоял плач в Секелаге, и скорбели все до единого. И винил себя он, Маттафия, что не успел на смертоносную битву, и казалось ему тогда, что небо померкло, и жить не хотелось. Ибо потерял он своего лучшего друга Ионафана. И даже, когда на следующее утро объявился маленький гирзеянин, не смогло его обретение уменьшить вчерашней тоски, а лишь укрепило в решении покинуть стан Давида. Весь этот день и плакал Давид, и скорбел безмерно...Но никому не дано вернуть мертвых. И что значит слово человеческое в этом мире; не в словах, а в деяниях своих должен человек проявлять свою суть...

И теперь, сидя в заточении, в ожидании суда над собой, а вернее, над Саулом - бесстрашным царем, павшим на свой меч, чтобы избежать позора плена, думал Маттафия о нем и о Давиде, и все вспоминал и вспоминал о том, что связывало его в жизни с царями. Вспоминал он и клятву, данную ему в Секелаге Давидом, и то, как потом Давид отступился от него, поверив клеветникам, обвинявшим его, Маттафию, в предательстве. И все же теперь он продолжал возлагать надежды свои на Давида. Полагал Маттафия, что достигли вести Иерусалима, и хотелось ему верить, что Давид спасет его. Как нужно ему увидеть Давида! Объяснить все. И тогда Давид поймет, что народ должен узнать правду о Сауле, узнать, что он, Давид, достоин продолжить дело Саула. И твердо решил он, Маттафия, что никогда не добьется Каверун из уст его, Маттафии, злых обличений Давида, и не станет Маттафия спасать свою жизнь, оговаривая того, в чьих руках сегодня судьба всех сынов Израиля...

Глава XXI

После полудня хлынул проливной дождь. С небольшим перерывом небо обрушило на землю столько воды, что, казалось, разверзлись хляби небесные, и новый потоп грядет, как наказание за грехи земные. Потоп, от которого не будет спасения. Маттафия припал к окну и всматривался в полумрак, рожденный ливнем. Был на исходе второй день, данный Каверуном. И Маттафия не знал, чем кончится этот день. И думал о том, что, возможно, в последний раз дано ему увидеть буйство воды, и душа его вскоре растворится в этих потоках, растает в дождевом небе.

Сколько раз в опаляющей тело и душу пустыне он молил Господа о дожде, сколько раз изнывал от жажды. Дождь всегда был желанным избавлением от мук, всегда приносил спасение. И теперь, лишенный возможности вырваться из дворца Каверуна и встать под его потоки, он молил Господа и благодарил за дождь скорее по привычке, молил, чтобы дождь не прекращался, пока досыта не напоит землю. Но дождь оборвался столь же внезапно, как и начался. И сразу стало светло, будто пришло

второе утро, и запели птицы за окном, отряхивая промокшие перья. Но еще долго бежали потоки с крыш, а потом, иссякнув, продолжались капелью. Капли стучали о камни равномерно, настойчиво, будто отсчитывали время. И замедляли его, ибо все с большим промежутком опускались они на землю, растворяясь в ней и отдавая свою влагу корешкам трав, корням деревьев, плодам, растущим на них. Всегда на земле одно исчезает, чтобы дать жизнь другому. Гибнет в земле посеянное зерно, и вырастает колос. Умирает человек и оставляет на земле сыновей. Счастлив тот, у кого их много. Сыновья - как молодая поросль, тесно связанная с отцовским деревом, которое питает и защищает побеги. И они вырастают, и тоже дают новые побеги...

Кто из сыновей сейчас мчится в Иерусалим к Давиду, Фалтий или Амасия, а может быть едут вдвоем... Как скоро они достигнут стен святого города - неизвестно. Все теперь зависит от сыновей. И Маттафия мысленно обращался к ним - просил простить его за то, что обременил их, что подвергает опасности. Он был уверен, что они прорвутся через любые преграды, он знал, что они сумеют постоять за себя. И все же сердце его сжималось при мысли о том, что они рискуют собой, что, возможно, придется на горных дорогах не раз обнажать меч. Были тревожными мысли о них, но еще тревожнее мысли о Рахили. Где нашла она укрытие, вырвавшись из дворца, добралась ли до горных пастбищ или затаилась здесь, в городе? Чем он может ей помочь, под неусыпной охраной стражников он, словно стреноженный конь, лишенный воли. Чем может он помочь Зулуне, она ведь тоже в опасности. Ему хотелось верить, что Зулуна спасется. Она всегда была терпелива, вынослива, она умеет не поддаваться панике. И Рахили, и Зулуне надо уходить как можно дальше от города, надо перебраться через горную гряду, уйти к Дамаску - там они смогут найти спасение. Если даст Господь вырваться из лап Каверуна, то и он, Маттафия, покинет землю Ханаана. Там, за Дамаском, если будет на то воля Господа, соединится Маттафия с теми, ради которых живет на белом свете, и никакие посулы Давида не остановят, никакие блага...

Если бы он был уверен, что Зулуна и Рахиль в безопасности, что им удалось уйти из города, его ничего бы не страшило. Он сможет говорить открыто обо всем. Пусть соберут на суд старейшин и всех свидетельствующих. Он не откажется от своего замысла. Пусть разорвут его одежды, пусть все прочтут - на груди написано - Саул царь Израиля. Да, это он, его двойник, его продолжение -возвращенный им к жизни царь. Все видели - он также, как и царь, одержим паучей, это кровь царя бьется в его жилах. Не поверят... Тогда он, Маттафия, может сказать открыто: я его сын, не узанный им сын, и готов защищать отца - первого царя своего народа. Готов принять любую казнь, если сочтут, что царь был извергом и злодеем...

Кончилась капля, Маттафия отошел от окна, остановился посередине своей темницы и прикрыл глаза. Ему представилось, что помещение заполнилось людьми. И со всех сторон на него устремлены злобные взгляды. Он видит медвежьи глаза Каверуна. Он видит, как кусает тонкие губы Цофар в предчувствии разоблачения, как испуганно задрожал Бер-Шаарон и вдруг просветлел, узнав того, кто спас ему жизнь, когда пали с перерезанным горлом священники из Номвы. И ждет своего часа безъязыкий Уру, и собирают камни жаждающие скорой казни. Но здесь же, среди толпы, Маттафия ловит сочувственные взгляды, и их становится все больше. Ему не надо искать спасения у Давида, напрасно спешат сыновья в Иерусалим. Он, Маттафия, сам сможет постоять за себя. Он докажет всем, что не вольны они судить Саула - помазанника Божьего. Саул ни у кого не отнимал власть, он не рвался повелевать людьми. Устами пророка Самуила Господь провозгласил его царем, и весь народ одобрил этот выбор...

Всем хотелось сильного царя, чтобы защитил он от разорения их поля и виноградники. Все безропотно подчинились Саулу. Его нельзя было не любить. Простой пастух, плоть от плоти народа своего, лучший из сынов Израиля был помазан на царство. Выше всех на голову, смелый воин, искусный военачальник. Кто кроме него смог бы объединить разрозненные колена Израиля? Он никогда не кривил душой, он был величественен и одновременно прост. Пастух, постигавший мир не только разумом, но и сердцем. Он стал истинным царем в тот день, когда на своем поле разрубил на двенадцать частей своих волов и разослал сочившиеся кровью куски в пределы всех двенадцати колен Израиля. Надо было спасти осажденный город, спасти его жителей, надо было собрать войско, ведь у него, Саула, тогда ничего не было. «Так, - сказал он, - я поступлю с волами тех, кто не придет на помощь!». Пастух, вставший во главе войска, показал, что умеет стеречь не только стада, он стал пастырем, предводителем своего народа. Он доказал, что Господь не напрасно простер над ним свою длань. Обладал ли Саул каким-либо даром предвидения, слышал ли он голос Господа? То не дано знать ему, Маттафии.

Знает одно - царь был слишком прост и доступен, и никто не хотел верить, что Саул может стать еще и пророком. Был жив Самуил, и он никому не хотел отдавать право на общение с Господом. Самуил хотел видеть в Сауле храброго, но послушного воина, коронованную куклу, которая будет плясать под музыку советчика, орудие своей воли. Это не сразу понял Маттафия. Это теперь, когда прошло много лет, все проясняется. И теперь понимает Маттафия, что Самуил просчитался.

Саул не раз отступал от велений пророка. Саул не терпел никаких уз. Он, как и прародитель народа Иаков, названный Израилем, не пострашился бы вступить в схватку даже с самим посланцем Бога! Разве, когда шли битвы, он отсиживался в Гиве? Никто бы и слова ему не сказал,

никто бы не упрекнул его, если бы царь оставался в Гиве, когда воины его вершили сражения. У него был искусный военачальник Авенир, сын Нира, мог бы доверить ему ведение боя, мог не подвергать себя опасности. Но тогда это был бы другой царь, это не был бы Саул - воин-исполнитель, не выпускающий из рук своих копья. Сколько раз упрасивали его не врываться в самую гущу боя, наблюдать за битвой с высот, не расставаться со своими оруженосцами - все напрасно. Он мчался впереди всех, он не страшился самой гущи кровавой сечи. Его стрелы разили без промаха, его копье было неудержимо, его меч был смертоносен для врага. Он мог одним ударом рассечь врага надвое. И так было не только в начале царствования, когда надо было утвердиться и показать свою силу, так было до самой последней битвы, где он ринулся на филистимлянские колесницы и стоял израненный, окруженный врагами на склоне горы Гелвуй, и не просил пощады. И не дано было ни вражьи стрелам, ни копьям умертвить его, он сам лег на свой меч. Он был слишком горд, чтобы выносить унижения и покориться своей участи! Он, Маттафия, не смог этого повторить...

Кто может судить Саула? Кто из судящих сможет утверждать, что сам жил, отбросив личную корысть? Кто, будучи у власти, не пользовался своим правом жить лучше, нежели те, кто подчинен ему? Такие вопросы Маттафия может задать собравшимся судить Саула. Возможно, их обидят эти слова, возможно, раздадутся крики возмущения. Каждый ведь считает себя праведным, каждый хочет, чтобы о нем думали, как о честном человеке, каждый хочет казаться лучше, чем он есть. Но ответить, что ему неведома корысть, мог только Саул. Он не умножал свои стада и свои пашни за счет других, он не строил себе дворцов, он не содержал десятки наложниц, он не прятался за спины стражников, когда открыто сидел у крепостных ворот под тamarисковым деревом и был доступен каждому. Он никогда бы не стал присваивать драгоценные дары, принадлежащие даже чуждому ему храму. Маттафия должен сказать об этом Цофару. Такие люди, как Цофар, не имеют права судить Саула. Как ответит Цофар? Сделает вид, что все это относится не к нему, промолчит или бросится опровергать обвинение. И тогда Маттафия поведаст подробно обо всем, он откроет Каверуну истинное лицо его советника. И подстрекаемые Цофаром судьи будут требовать немедленной казни. Казни Саула.

Крикнуть им в лицо: «Помолчите, недостойные нечестивцы, сомкните свои лживые уста!».

Может ли судить другого тот, кто сам погряз в пучине греха, чьи руки в крови? Может ли обвинять царя укравший алмаз Дагона? Может ли обвинять Саула тот, кто погряз в похоти, кто предается блуду, кто домогается чужих жен и бесчестит отроковиц?

Саул был робок с женщинами, как самый непорочный отрок. Ахиноама сама выбрала его, в юности она была дерзкой и настойчивой.

Она преследовала молодого пастуха, который любил совсем другую женщину. Он уступил, он погубил свою любовь - в этом его вина, но таков Саул. Сын должен прощать отца, также как и отец не должен быть слишком строг к сыну. Он, Маттафия, был лишен отца, хотя этот отец был все время рядом. Маттафия видел, как бремя власти сгибало Саула, делало подозрительным, достаточно было пустяка, чтобы уязвить его гордость. Маттафия о многом мог бы поведать - но теперь его дело не обличать, а защитить... Защищаться всегда тяжелее, чем нападать. Здесь, в городе-убежище, много амаликитян. Они никогда не простят Саула. Как им объяснить, что не во всем волен царь, что эхо из прошлого налагает свои силки, что есть суд небес...

Маттафия ходил по своей темнице, прикрыв веки. Ему слышались возмущенные голоса. Он понимал, что нет слов для оправдания убийств безвинных женщин и детей. Он мог бы воззвать к сочувствию людей, которые соберутся на суд, он мог бы поведать им, как сам метался в ту ночь смерти среди пылающих, как факелы, шатров, как слышал душераздирающие вопли. Но никто не поймет его, никто не поверит ему. Он должен волею судьбы отвечать не за себя, а за того, кто породил его.

Мог ли Саул послушаться Самуила, ведь пророк передавал повеления Всевышнего. Саул метался, Саул сделал все, что мог, чтобы предотвратить резню, он послал своего сына, Ионафан спас кенеев... Саул сохранил жизнь амаликитянку царю Агагу. Маттафия понимал, что все это не оправдывает... и все же. Крикнуть судящим: не делайте из Саула злодея! Разве до сих пор не погибают в битвах десятки и тысячи людей, разве можно остановить войны? Это не под силу даже Господу! И могут ответить судящие: твой Господь жесток, его повеления пахнут кровью. Как объяснить им, что каждый слышит Господа по-своему, что каждый пытается прочесть книгу судеб, не доступную ему... И закричат со всех сторон судящие: это ты говоришь о Самуиле, о своем пророке, о предсказателях, о Каверуне - смерть тебе, нечестивцу! ... И будет страшен гнев Каверуна - ведь тот тоже был предсказателем...

Саула страшили маги и предсказатели, он возненавидел сынов пророческих, бродивших по дорогам Ханаана. Саул изгнал волшебников и магов из страны. Осуждать ли его за это? Вправе ли смертный человек предсказывать судьбу другому смертному человеку, вправе ли подменять Господа и творить чудеса. Угодно ли это Господу, когда тревожат волшебники тени мертвых, когда снадобьями будоражат кровь, вызывая видения, когда обирают простодушных, жаждущих узнать свою судьбу?..

Маттафия вздрогнул, он вдруг осознал, что говорит вслух, что его голос отчетливо звучит в тишине, заполнившей дворец, густой и твердой тишине, которую, казалось, можно разрубить мечом или с треском разорвать, как полотно, чтобы услышать шум голосов, чтобы звучали не только слова, рожденные в нем, чтобы свидетельствующие против Саула

опомнились, заговорили о том, что таили внутри себя, высказали мысли, пугающие даже их самих, мысли, не угодные правителю Каверуну.

Но если ты, подумал Маттафия, тоже начнешь говорить все, что таится внутри тебя, раскроешь то, чему был свидетель, где тогда найдешь сочувствие и оправдания. Ибо кто и чем может оправдать убийство священников Номвы? Судьи призвут Бер-Шаарона, и он будет свидетельствовать против тебя. Запуганный нищий, униженный жизнью. Ужели это отец женщины, давшей жизнь ему, Маттафии? Отец, изгнавший родную дочь! И прежде, чем он начнет говорить, ему нужно напомнить об этом, и еще напомнить о том, что жизнь его была спасена в Гиве, что его ждала участь несчастных священников. И не пришло время для его свидетельств, и незачем возбуждать гнев судей. Никому, даже ему, Маттафии, не дано понять обиды царя. Царя, преданного своим любимцем. Гнев царя не дано судить. Гнев, обращенный на тех, кто пригрозил изгнанника, кто вооружил мечом Голиафа того, кто в глазах Саула рвался отнять престол, лишит царства сыновей. Это был гнев, вылившийся на сподвижников Самуила, с которым царь не мог совладать, на которого не мог поднять свою руку. В каждом из священников Саул видел костлявого пророка, властвующего над умами людей. И все равно - убийству священников нет оправдания. Доик Идумеянин расплатился за эту казнь, на себе почувствовал, как неостановима кровь, рвущаяся из перерезанного горла, как булькает она, словно опустошается мех с вином. И с кровью вытекает из тела душа. Почему же, скажут судьи, ты считаешь, что Доик должен был быть казнен, а царь помилован...

Сказать им: царь сам казнил себя, когда упал на свой меч на склонах горы Гелвуй. Он, презиравший магов и волшебников, перед битвой нашел аэндорскую предсказательницу и услышал последнее повеление Самуила, который ждал своего избранника и врага в царстве теней. И повиновался этому повелению...

И тогда возмутятся судьи: ложь - если он казнил себя, почему он стоит перед нами? Саул хотел обмануть судьбу и послал на смерть своего двойника! Теперь боги повелели завершить эту казнь, растянувшуюся на десятки лет. Смерть убийце!

Тогда надо открыться, надо сказать - двойник стоит перед вами, двойник - продолжение рода его, выслушайте меня - я сам с трудом ишу оправдания, но я вижу, что каждый из нас несет в душе и большой свет и безмерную злобу демонов, в каждом из нас живут и ангелы, и нечестивые духи Шеола. Саул стал жертвой злых духов, он был не в силах преодолеть их. Он побеждал их, когда брал меч, когда разил врагов, когда спасал свой народ. Божий огонь полыхал тогда в его душе и сжигал злых духов, лицо его преображалось, обычно малоречивый, он находил для воинов нужные слова.

Но чаще он молчал. Любил слушать других. Часами сидел он в скорбной задумчивости и слушал, как Давид извлекает нежные звуки из дрожащих струн арфы. Морщины разглаживались на челе Саула, и духи зла покидали его, тягостные думы растворялись, песни Давида проникали в сердце. Наверное, Давид казался ему ангелом, ниспосланным с небес, казался до той поры, пока этот ангел не превратился в героя и был помазан на царство при живом царе. И стал гоним, но не стал врагом царя. Даже спасаясь от бессмысленного преследования, даже уклоняясь от бросков копья, он благоговел перед Саулом, он не смел поднять руку на царя. Теперь этот пастух - могущественный властелин Израиля. Если он узнает о суде над Саулом, о казни его, Маттафии, отмщение Давида будет жестоким...

Но устрашится ли теперь грядущего отмщения собравшиеся на суд? И Маттафия представил их гнев, их неумную жажду обличений, их желание узреть мучение царя. Они требуют, чтобы открылись злодеяния Давида, они напрасно будут ждать от него, Маттафии, свидетельств против Давида. Но если не лжет Каверун, если Давид предал смерти потомков Саула, то ему нет оправдания. И тогда почему надо защищать того, кто забывает клятвы, кто коварно сеет смерть? Почему надо строить радужные надежды на спасение, которое пошлет тот, кто очень давно был другом, кто умеет забывать друзей. Может быть, Каверун прав, и обличения Давида ему нужны, чтобы защитить город, чтобы иметь свое оружие против могущественного и беспощадного властелина. Каверун ждет, что он, Маттафия, заполнит листки пергамента описанием злодеяний Давида...

Маттафия взял стопку листков, лежащую у изголовья. Пергамент был хорошо отбелен, гладкая его поверхность ждала изображения письменных знаков, листков было много, они вместили бы рассказ о всей жизни, и эта жизнь, возникшая на пергаменте, стала бы вечной, но можно ли доверять тайны сочетаниям букв, сделать эти тайны, доступными глазу каждого, кто станет обладателем пергамента, изображенное на листке может стать причиной страдания и гибели. Этого хочет Каверун, он сможет дорого продать эти листки, отправить их Давиду с головой того, кого он считает Саулом. Бесценный дар, дающий надежды на обогащение...Нет, если и писать, то только о себе, решил Маттафия, и писать так, чтобы никто из непосвященных не смог прочесть, переставлять буквы в словах, добавлять лишние. Такой тайнописи научили его в плену финикийцы...

За окном стемнело. Сменились стражники у дверей, заканчивался еще один день заточения. Время как будто остановилось. Маттафия лежал на циновке, бездумно уставившись в потолок, на котором он изучил каждую трещинку, его слух улавливал ночные скрипы, кто-то ходил наверху, обутый в новые кожаные сандалии, за окном слышались тонкое

цвиркание, какой-то стрекот в траве, шуршание... И вдруг все эти звуки заглушил топот ног, удары древков копий о пол, голоса... Двери резко распахнулись, и два стражника подошли к циновке, снизу он видел их косые черные бороды и мечи, висящие на поясе. Ему было приказано встать, и он не испугался, а скорее обрадовался хоть какой-то перемене, и охотно последовал за стражниками. Свет факелов озарял переходы и витые лестницы, каменные ступени приятно охладили заживающие подошвы ног. Он жаждал, чтобы его вывели из дворца, ему хотелось ощутить под ногами влажную траву, вдохнуть воздух, освеженный дождем, но у стражников был свой приказ - подле гладких колонн из красного камня они почтительно отступили, передав пленника своему начальнику, теперь тот ввел его в просторный зал, по углам которого мерцали светильники, заправленные ароматными маслами, и от запаха, исходящего из светильников, казалось, что повсюду цветет миндаль.

- Оставьте нас наедине, - услышал он голос Каверуна, и медленно пошел к дальней стене, у которой сидел на циновке, подобрав под себя ноги, верховный правитель города

- Непрестанная капель одних усыпляет, а другим не дает сомкнуть век, - сказал Каверун, - когда шел дождь, я долго думал о тебе, Саул, и я не пойму, почему ты ищешь спасения в потоках лжи. Ты словно пес, все время возвращаешься к своей блевотине. Ты можешь сделать хотя бы полшага навстречу истине? Истек последний день, данный тебе, но я не вижу смирения в твоих глазах. Листы пергамента, данные тебе, остались безмолвными...

- Жизнь научила меня смирению, - сказал Маттафия, - я приму любое решение без страха, но я хочу справедливого суда, я хотел бы, чтобы меня услышали многие. Что могут поведать знаки, начертанные на пергаменте? Словами не выразить то, что ведает душа.

Маттафия замолчал, вглядываясь в узкие желтоватые глаза Каверуна, стараясь угадать, с чем связан этот ночной допрос. Он понимал что надо взвешивать каждое слово, прежде, чем раскрыть уста и дать свободу языку. Возможно, от одного неосторожного слова зависит - увидит ли он завтрашний рассвет. Он понимал, что спорить с правителем опасно, надо выиграть время, надо дожидаться посланцев Давида, пусть будет суд, пусть длится этот суд не один день - но будет ли этот суд - сейчас зависит от повеления Каверуна.

- Цари не ходят прямыми стезями, это я знаю по себе, - после затянувшегося молчания медленно произнес Каверун.

Он отвел свой медвежий колочий взгляд от Маттафии и, словно не замечая его, стал говорить:

- Вряд ли найдется на земле человек, - продолжал Каверун, - потерпевший от злодейства царей Израиля столь множество обид и гонений, какие выдержал я, но во мне не горит огонь отмщения. Вот

теперь в мои руки предали боги могущественного царя Израиля, воскресив его, вернув из подземных владений. Но кто он? Царь, лишенный своих земель, своей короны, в умах многих давно исчезнувший, он стал мошкой, летящей на огонь, мышинным пометом. Его давно сменил другой, который жаждет, чтобы весь Ханаан, и не только Ханаан, а вся земля дрожала от мановения его пальца. Я мог бы поколебать его могущество, дав тебе, Саул, воинов, но я не стану делать этого. Мудрость правителя заключается не в победительных войнах, а в сохранении мирной жизни. Многие считают Давида мудрым царем, его восхваляют на все лады. Он сам сочиняет о себе хвалебные песни. Сила его заставляет сомкнуть уста всех праведников. Но я берусь свидетельствовать против него. Моим устам он не в состоянии поставить преграду. И ты тоже поведаешь всем о его злодеяниях, ты не пощадишь того, кто смял и истребил твой род. Ужели не волнуют тебя тени повешенных? Ужели твое сердце скорбит только о себе, и тебе неведома жажда отмщения?

Маттафия отпрянул, словно кто-то невидимый ударил его под вздох, неимоверной тяжестью сдавило грудь. В который раз - эта страшная весть об истреблении дома Саула. В это не хотелось верить, всему есть свой предел, клятвы Давида были столь искренни... Кем бы не стал Давид, он не мог покуситься на род Божьего помазанника. Все это ложь! Её пытаются внушить ему и Каверун, и Цофар, чтобы омрачить душу, чтобы вызвать злые силы мщения, чтобы он, Маттафия, пораженный обидами и злобой, стал обвинять человека, с которым связаны все надежды на спасение.

Маттафия стоял, склонив голову, стараясь подавить в себе съедающие его боль и томление. Он не хотел поддаваться на коварные вымыслы. Почему, думал он, все это известно только Каверуну и Цофару, почему никто из встреченных им на дорогах Ханаана не слышал об этом, ужели пелена страха замкнула уста праведников? Разве молчал бы пророк Нафан, открыто бросающий обвинения царю? Разве нету других пророков? Их всегда множество на дорогах земли обетованной. Только им можно верить. Вырваться отсюда, от этих чадающих светильников, от этого запаха миндаля, вырваться из дворца, и тогда, если все это не вымысел, он сам может сотворить свой суд...

Каверун молчал, довольная полуулыбка блуждала на его устах, ему, очевидно, доставляло удовольствие смущение пленника, он был уверен, что добьется своего, он привык повелевать людьми.

- Наветы многих злоязычных доводилось слышать мне, - произнес Маттафия.

- Ты дерзок, царь, - сказал Каверун.

Улыбка покинула уста правителя, он смотрел теперь на своего пленника холодно и властно. Он уже не искал в нем союзника. Его медвежьи глаза наполнились гневом. И еще один глаз различил Маттафия в тусклом свете огоньков, дрожащих в плосках, наполненных ароматным

маслом. И услышал шипение. Выгнув шею, выступила из-за спины Каверуна диковинная птица с оранжевым распушенным хвостом, и глаз ее уставился на Маттафию. Глаз, окруженный красным ободом, тоже был наполнен ненавистью. Каверун махнул рукой, и птица, шипя и опустив клюв, шмыгнула в угол, туда, где в глиняных горшках стояли карликовые пальмы.

- Это не наветы, царь, - сказал Каверун, - правда, я слышал, что пригрел Давид сына Ионафана - хромого Мемфивосфея. Но остальных безжалостно отдал на расправу гаваонитянам, ненавидящим Саула. Они повесили сыновей Рицпы и сыновей Мелхолы. И ты еще осмеливаешься корить меня! Вспомни, что творилось до этого. Вспомни Авенира, своего главного военачальника. Иоав злодейски всадил в него меч. Давид проклял Иоава. Но только на словах, Иоав как был так и остался главным военачальником Давида. Вспомни, как был убит Иевосфей, голову его сыновья Риммона принесли Давиду. Почему Давиду? Знали, что он ждет этой смерти. Иевосфей - единственный оставшийся в живых сын Ахиноамы должен был наследовать царство, он стоял на пути Давида. И если ты остался жив, то только благодаря мне, благодаря предсказанию аэндорской волшебницы. Ты ее помнишь? Так знай, Давид был связан с ней. Он ждал твоей гибели! Предсказание помогло тебе, ты испугался битвы и послал на смерть двойника! И если ты не знаешь или забыл, то я напомню тебе, что весть о твоей якобы гибели первым получил Давид. Амаликитянин добил мертвого и поспешил к Давиду, он жаждал награды, а лишился головы. Возможно, он был подослан на склоны Гелвуя. Теперь ты будешь продолжать противиться, ты будешь защищать Давида?

- Всему сказанному я не свидетель, - ответил Маттафия и почувствовал, как сжимается сердце от горечи. - Я не свидетель тому, все эти годы я был в филистимлянском плену, потом филистимляне продали меня финикийцам. Я был рабом на их кораблях. Прикованный к веслу я испытал многое...

- Возможно, - согласился Каверун, - возможно и так. Но ты должен помнить те годы, когда Давид, гонимый тобой, разорял поля и пастбища Иудеи, когда безжалостно сжигал дома мирных селян, когда вступил в сговор с филистимлянами. И этого ты не помнишь? Какой же ты царь или твоя память съедена злыми духами? Ты не царь! Ты самозванец!

Каверун впервые сорвался на крик. Приоткрылась дверь, и стражник, обнаживший меч, заглянул в помещение, вопросительно глядя на своего господина. Каверун махнул рукой, показывая, что нет нужды в охране, что он не страшится пленника.

Маттафия почувствовал, что ночной разговор не кончится добром. В открытом бою намного легче сражаться с противником, чем стоять здесь и выслушивать слова, сжимающие сердце и стараться не попасть в силки Каверуна. Маттафия понимал, что этот медведеподобный правитель хитер

и коварен, что наверняка был связан с Саулом. Но угадать, где пересекались их пути, Маттафия не мог. А вдруг Каверун давно все понял? Зачем тогда ему суд? Какую казнь он готовит? Маттафия знал, что правитель не скажет открыто ничего...

Маттафии пришлось выслушать от Каверуна в эту ночь еще одно известие, поразившее его более других. Каверун понял, что он, Маттафия, связан с Зулуной. Поначалу Каверун стал допытываться, как Маттафия добрался до крепости, был Каверун уверен, что Маттафию здесь ждали. И стал говорить о женщинах, о том, как опасно воину попадать в женские сети.

- Женские уста источают мед, - сказал Каверун, - и речи женщин мягче елея. Это тогда, когда заманивают они в свои силки, а потом становится горько, словно жевал полынь. Все знают, что Давид - пленник похоти. Но я не ожидал подобного от Саула! В твои годы прельститься греховной похотью! Мы изловим женщину, связанную с тобой!

- У меня нет здесь никаких женщин! Та, что признала во мне другого, лишена разума! - сказал Маттафия.

- Опять ложь исторгают твои уста! - выкрикнул Каверун. - У тебя есть женщины здесь, у тебя есть сторонники, иначе ты не пришел бы в столь отдаленный город на север Ханаана! Восстав из мертвых, ты помчался бы в свою Гиву! Кто твои сторонники? На чью помощь ты рассчитывал? Кого ты знаешь в моем городе?

- Я знаю здесь одного старика Бер-Шаарона, да и он признал во мне царя. Это давняя история. Я спас его от гибели, когда лишены были жизни священники из Номвы

- Ты спас его тогда, чтобы умертвить теперь, ловко! - сказал Каверун и расхохотался.

- Как я мог умертвить его! - воскликнул Маттафия, - я, сидящий здесь под стражей!

- Почему царь так взволнован? - спросил Каверун и, не ожидая ответа, пояснил - Он был удушен вчера ночью. О том поведали нищие. Это сделали твои люди. Ты утверждаешь, что их нет, они же по твоему велению свершают убийства! Старик свидетельствовал против тебя. Он был среди священников Номвы. Он был твой главный враг!

- Это был не враг, я спас его. О, если я узнаю, кто свершил подлое убийство, я отомщу! - хрипло сказал Маттафия.

Он стоял, словно оглушенный, слова, рвущиеся к гортани, не находили выхода. Как объяснить, что этот старик был близок и дорог, что здесь, в крепости, он, Маттафия, обрел того, кто дал жизнь матери, обрел и тотчас лишился. Он не мог даже представить, кому была нужна смерть старика...

- Ты собираешься отомстить, - сказал Каверун и усмехнулся, - озаботься лучше о своей жизни, у тебя не осталось времени на мщение.

Жизнь твоя подошла к своему пределу. Назови своих сторонников - я казню их - это и будет отмщение. Назови убийц!

- Я не знаю, кто это сделал, - растерянно сказал Маттафия, - я ничего не знаю...

Каверун поднялся, он был невысок ростом, но плотен. Четыре светильника отбросили на стену четыре тени, он взял посох, навершие которого было украшено золотым набалдашникаом, ударил посохом в пол, словно пробуя его прочность, и холодно с презрением произнес:

- Ты не царь! Ты простой воин. Царь уже давно валялся бы в моих ногах, вымаливая право на жизнь. Царям есть что терять! К тому же, ты не узнал меня! Ты не Саул!

- Я плоть от плоти его! - выкрикнул Маттафия, он уже не мог сдерживать себя. -Я здесь...

- Не возвышай голос свой! - зло прервал его Каверун. И с силой еще раз стукнул посохом об пол.

Испуганно зашипела затаившаяся в углу диковинная птица. Замахала крыльями, словно тоже хотела осудить его, Маттафию.

- Даже если ты не царь, - медленно произнес Каверун, - и просто произвел себя во властители, мне до этого нет никакого дела. Ты будешь царем, мне нужен Саул! И если ты откажешься от его имени и признаешься, что не был царем, я придумаю тебе такую смерть, какой еще не видела земля Ханаана. Ты будешь корчиться и выть от адской боли так, что содрогнется гора Хермон!

Каверун повысил голос, от громких его слов заметалось пламя в светильниках, и диковинная птица, распластав оранжевые крылья по полу, словно пала ниц перед правителем, моля о пощаде,

Маттафия же понимал, что никакие мольбы уже не спасут его. Он стоял теперь прямо, не склонив голову, какое-то тупое безразличие охватило его. Мысленно он молил Господа, чтобы быстрее рассеялась тьма ночного неба, чтобы скорее наступило утро, и был бы суд, и пусть будет казнь, но только сначала суд, суд не над простым воином, а над царем Саулом. Над тем, кто был достоин быть первым царем Израиля! Бесхитроsten и прямодушен, он никогда бы не играл с пленником, как кот с мышью, он бы не строил хитроумных замыслов.

- Давид дорого заплатит за все, - тихо сказал Каверун, уже не глядя на Маттафию, словно утратив какой-либо интерес к своему пленнику, упорствующему и жаждущему смерти. - Ты напишешь о всех его злодеяниях, - бесстрастно продолжал правитель, - под каленым железом и бичами ты станешь сговорчивым. Цофар уже мчится в Иерусалим. Я послал его вслед за гонцами. Я сумею получить за голову Саула все, что пожелаю. Не даст Давид, дадут цари Моава, дадут аммонитяне...

Каверун уже ни в чем не таился, он был уверен, что пленник, переминающийся с ноги на ногу перед ним, весь в его власти, мановение

руки - и он закончит свое земное существование, днем раньше, днем позже - но это свершится. И был уверен Каверун, что этот царь или мнимый царь, еще будет валяться у него в ногах, будет лизать ремни сандалий, когда смертный пот проступит на лбу.

Маттафия тоже понял, что судьба его предрешена, но вместе с мыслями об обреченности рождалось желание борьбы. Мелькнула даже и такое - броситься на Каверуна, сжать его толстое медвежье горло, пусть задыхается, пусть пускает слюну от страха... Маттафия уже был близок к тому, чтобы сделать рывок, когда Каверун хлопнул в ладоши, и два чернокожих стражника, о существовании которых здесь, в зале, Маттафия не подозревал, вышли из двери в стене, где они неслышно стояли, затаившись в темноте, и осторожно ступая, застыли по обе стороны своего господина. Вошли еще четверо стражников, подскочили к Маттафии, сжали его с двух сторон и заставили пятиться к выходу. И так, спиной вперед, покидал он покои, заполненные запахом миндаля, и уже у самой двери один из стражников, обхватив его шею, с силой пригнул его к полу. И Маттафия вынужден был упасть на колени перед правителем, в чьих руках была теперь его жизнь. Потом тот же стражник поднял его и последнее, что он, Маттафия, увидел, была злорадная и презрительная усмешка, растягивающая тонкие губы Каверуна.

Стояла глубокая ночь, когда Маттафия упал на циновку в своей темнице и только теперь почувствовал сильную боль в ступнях, полночи он простоял перед правителем, не ощущая этой боли, а теперь не мог ступить и шага. Он лежал и пытался осмыслить каждое слово Каверуна. И не только слова, но и то, что стояло за ними. Ему хотелось отыскать хоть слабую надежду на спасение. Хотелось верить, что посланец Зулуны опередил Цофара. Что Давид не сможет отказать Фалтию... И главной загадкой был Давид. Верить ли услышанному из уст правителя, ужели Давид стал столь жестоким? Если верить, то впору сейчас встать, разбежаться и так удариться головой о стену, чтобы все закончить самому. И никто тогда не станет вытягивать жилы из живого тела, измываться, подвергать мучениям. Мертвое тело бесчувственно, и душа, вырвавшаяся из него, неуловима. Но где пристанище тех душ? Кто видел их, уносящихся в выси на крыльях ангелов? Эти души уже не могут ничего сказать, они никого не могут защитить, их удел - тишина и вечное безмолвие. Он же, Маттафия, должен говорить, должен защищать того, кто был первым помазан на царство, кто дал ему жизнь...

В плотной тишине Маттафии чудились какие-то неясные звуки, словно шептались где-то вдалеке десятки людей, он привстал и отчетливо услышал за окном робкое шуршание, будто множество молодых ягнят пробежало по мокрой траве. Потом это шуршание усилилось. И снова начался ливень, и вот уже сплошным шумом наполнили первые полосы дождя ночную землю. И загрохотал в отдалении гром, а потом вспышки

молнии вывалили из темноты перекрестья окна, белые потрескавшиеся стены и массивную дверь, за которой дремали стражники. Грохот повторился, с рокотом пронесся над дворцовыми садами и смолк, уступив ночь заполнившему все шуму ливня.

Глава XXII

Зулуна проснулась рано. Опустевший дом страшил ее густой, обволакивающей тишиной и сыростью. Все эти дни шли ливневые дожди. Прохудившаяся крыша протекала. В доме давно не было хозяина. Она вышла во двор, но и там среди влажных деревьев и цветов было так тихо, как всегда и бывает перед рассветом, когда весь мир замирает, ожидая солнца. Уже розовело небо, и этим розоватым светом были тронуты белые стены приземистых каменных домов. За домами виднелись бурые крепостные стены, а за ними гряда холмов. Там, за холмами, на дальних пастбищах затаилась Рахиль. Спит, наверное, уткнувшись в теплый бок овцы, сама, как овечка, бездумная и живущая одним днем. Она, Зулуна, привыкла заботиться об этой овечке. Чтобы угодить мужу, надо было возлюбить Рахиль. Надо было заботиться о душистых отварах для нее, об аире и корице, мирре и алоэ для умащения ее тела, о нарядах, надо было ткать для нее шерсть. И когда долго заботаешься о человеке, он становится родным для тебя. Она стала ей, как дочь. И сейчас, когда, казалось, надо было позаботиться и о себе, она продолжала думать о Рахили. Она понимала, что быстро выведают во дворце, где обитала Рахиль, придут сюда. Каверун не отступится - и нету от него укрытия даже на самых дальних горных пастбищах. Думая о Рахили, она старалась превозмочь свой собственный страх. Сомнения не давали ей покоя. Что если в руках у Каверуна не Маттафия, а сам царь Саул, если она ошиблась, признав в царе своего мужа, что тогда? Ее ждет участь Бер-Шаарона, ведь его убили за то, что он опознал царя. Удавкой стянули шею немощного старика, с такой же удавкой могут неслышно войти в ее дом...

Она понимала - от судьбы не уйдешь. И теперь, кляла себя, что поторопилась послать Амасию в Иерусалим к Фалтию. Откуда ей знать - по-прежнему ли Фалтий любезен Давиду, а вдруг сын был на стороне Авессалома? Ему тогда надо скрываться, он же будет рисковать своей жизнью, чтобы спасти отца. Отца ли? Положим, пленен не царь, и это все-таки Маттафия. Но и Маттафия, и она, Зулуна, уже отжили свои жизни. Родить одного сына - это так мало, все время боишься его потерять. Надо иметь сотни сыновей, как у Давида, и тогда хоть кто-нибудь - один из ста - был бы рядом, можно было бы нянчить его детей и не заботиться ни о чем, на склоне лет обретя покой... А теперь все хозяйство на ней. И столько

времени ждать, чтобы появился мужчина в доме, чтобы починил крышу, сделал загон для скота - и вот дождался царя вместо мужа...

Заблеяли овцы, появилась во дворе курица, величаво проковыляла к крыльцу - хоть и небольшое хозяйство, а работы много. Всем требуется корм. Хотела отдать овцу и козу в общее стадо, да пожалела - не будет за ней такого ухода, как здесь. Зулуна подошла к загородке, взяла мех, набрала в колодце, вырытом Фалтием, воды, вынесла курам зерна. Начиналось привычное утро, полное забот...

Когда есть работа, человек меньше мучается от своих дум. Никого не хотела видеть Зулуна, ни с кем не хотела разговаривать. Но от соседки не скроешься. Тоже вышла в свой сад, замахала рукой. Муж у этой соседки служит стражником во дворце, все она знает. Но с ней надо быть осторожной. Особенно теперь, когда начнут искать Рахиль, когда хватятся, что и Амасии нет в городе - ничем не откупишься от слуг Каверуна, потеряешь все, что имеешь. Весь этот год не было спокойной жизни. Все стали соглядатаями, каждый норовит донести на своего соседа. В любом пришедшем человеке видят беглого сторонника Авессалома. Идет охота на людей, а еще называется этот город - убежище! Соседке хорошо, у нее надежный муж, на царя не похожий, пусть и не столь умен, и ростом не вышел - зато при доме, и сыновья в караульных отрядах зарабатывают немало сребреников. Но одолжить у нее - не надо и пытаться. И всем она завидует. Зависть здесь, в городе-убежище, мучает каждого. Из зависти доносят на соседей, из зависти могут возвести клевету на самого праведного человека, из зависти могут выселить из города, могут записать в сторонники Авессалома, чтобы завладеть твоим имуществом. Так распорядился Каверун - имущество опознанного тому, кто донес. Сам же Каверун получает за этих авессаломцев золотые слитки от Давида. И чтобы не попасть в подозреваемые, надо сомкнуть уста и ни с кем не делиться своими горечами...

И Зулуна всегда старалась избегать разговоров с соседкой. Соседка - хеттеянка и звать ее Адония, родилась здесь и всех пришедших презирает. Тошая она, словно голодом ее долго морили. Одежда болтается на ней, будто на полевом пугале.

- Опять раньше всех поднялась? - окликнула она Зулуну, подойдя вплотную к изгороди, разделявшей их участки.

Можно было сделать вид, что не услышала и уйти в дом, но сегодня могла соседка поведать, что делается во дворце. И кроме нее спросить не у кого.

- Пройди в мой сад, Адония, - сказала Зулуна елейным голоском и открыла затвор на воротах.

Адония змейкой прошелестела по влажной от прошедшего дождя траве. И стоило только похвалить ее коз, да сказать ласковые слова про ее сыновей, как сошла с нее обычная злобность и заулыбалась она. Но

ненадолго. Зулуну она ответно хвалила и даже посочувствовала ей, но об остальных ни одного доброго слова не сказала.

Говорила Адония, что проворовались все во дворце, что Цофар построил себе два дома близ горного озера, что Арияд берет мзду за проход в город, и что старейшина судей Иехемон за золотые слитки дает разрешение беглецам на поселение в городе...

Зулуна слушала ее невнимательно, ничего нового не было в ее словах, и давно знала Зулуна и о мздоимстве, и о непомерной жадности властителей, и об излишней дворцовой роскоши. И вдруг заговорила Адония о пойманном царе Сауле. Зулуна сразу насторожилась.

- Хранят нас боги и всесильный Рамарук, - сказала Адония, - это он, Рамарук, помог поймать злодея. Каверун хотел казнить нечестивого сегодня!

- Кто тебе поведал об этом? - спросила Зулуна, с трудом сдерживая охватившее ее волнение.

- Мой муж, да и все в городе об этом только и говорят...

- Но ведь еще не закончился суд, - сказала Зулуна.

- Хотели казнить, но не будут его пока ни судить, ни казнить, - пояснила всзнающая Адония, - потому что посланы гонцы поведать всем в Ханаане, что пойман Саул. Узнают об этом те, кто был с Авессаломом, и прибегут сюда. Им нужен царь. Чтобы идти против Давида. Их воитель Авессалом запутался своими длинными волосами в ветвях дуба, тут его и прикончили. Саул этот теперь, как приманка, придут сюда авессаломцы, их сразу схватят и продадут Давиду. Так повелел бог наш Рамарук - пока не казнить Саула, чтобы дань получить. Не будет сегодня казни...

- За что же казнить царя? - не выдержала Зулуна. - За прошлые убийства? Кто их не совершал? Разве может мужчина прожить свою жизнь, не убив никого?

- Что-то ты испугалась, Зулуна! Заступаешься за злодея. Почему? - спросила Адония и ехидно посмотрела на Зулуну своими узкими, пронизывающими глазами.

Зулуна стала отнекиваться, клясться богами, что ее это мало касается, но видимо переусердствовала в своих клятвах, да и многое знала Адония.

- Зачем хитришь? - прервала ее клятвы Адония. - Почему хочешь обмануть меня? Тебя видели во дворце, тебя и твою Рахиль, и того старика, что ночевал у тебя. Мой муж говорит, что виделась ты с пойманным царем...

Зулуна почувствовала, как всю ее обдало жаром - вот и попалась, каждый шаг известен Адонии, давно соседка хочет заполучить оливковые деревья, выращенные Зулуной.

- Видишь ли, Адония, ты ведь знаешь, я жила в Иерусалиме, а до этого в Гиве и в Хевроне, всех я видела - и Саула, и Давида, - стала

оправдываться Зулуна, - и вот надо было опознать - Саул ли пойман, и позвали меня, а Рахили давно нету, ты что-то путаешь...

Адония согласно кивала, но видно было, что затаила она в сердце своем недоброе. Ушла к себе, встала у порога дома и все смотрела в сторону оливкового сада.

Зулуна, накормив своих овец, ушла в дом. Чувство опасности опять охватило ее. Она понимала, что надо быть осторожнее в словах, надо не перечить соседке. Не спорить с ней. Это опасно. Муж стражник, сыновья в караульных отрядах. Она же, Зулуна, одна, никто не защитит ее. Сколько лет ждала - вот вернется Маттафия, и снова оживет дом. Никогда, что бы ни говорили, не верила в его смерть. И теперь гасли последние надежды. А может быть раньше потеряла его. После смерти Саула его будто подменили, не находил он ласковых слов, был мрачен и молчалив...

Пришлось спешно бросить дом в Гиве и перебраться в Хеврон. Опять обустриваться на новом месте. Словно прилепился Маттафия к Давиду, стал неразлучен с тем, кто жаждал стать царем Израиля. Погибли на склонах Гелвуя сыновья Саула. Остался один несчастный Иевосфей, слабый и убогий. Но за него стояли Авенир и войско. У Давида не было такого войска. Те, кто пришел с ним в Хеврон, устали от скитаний по пустыне. Они хотели сытной снеди и женщин. И женщины потянулись в Хеврон со всего Ханаана. Город стал пристанищем похотливых блудниц. Многие нажили слитки золота, торгуя собой. И разговоры были только о том, кому и кого удалось загашить на ложе, сколько он заплатил...

Нравы становились все необузданней, воины покупали рабынь, военачальники похищали жен друг у друга. Жены Давида устраивали пиршества и пьяные оргии. Открыто похвалялись женщины о ночных разгулах, блудили с нубийцами, обладавшими большой крайней плотью. Оскверняли себя прилюдно, открывая свою наготу, в хороводах задирали полы одежд, распахивали халаты, под которыми ничего не было...

Она, Зулуна, старалась не выходить из дома. Ей хватало забот - накормить, одеть, обучить не только своего сына, но и сына Рахили, да еще привел Маттафия в дом гирзеевского мальчика - поначалу и она, и Рахиль были уверены, что это его сын, прижил в пустыне с какой-нибудь гирзеевкой, но перечить мужу не стали. Потом узнали, что спас его Маттафия. Мальчик оказался смышленным, научился писать и мог целыми днями сидеть неподвижно, вглядываясь в старинные, хрупкие пергаменты. Никогда не смеялся и не улыбался. Словно старик, умудренный годами. Стал он роднее сына. Фалтий пропал целыми днями у Давида, рвался в бой, хотел прослыть храбрым воином, не было для него дорожке стрел, меча и копья. Ходил за Маттафией, как нитка за иголкой. Отнял Маттафия сына, и сам почти не замечал ее. Все-таки его подменили. А вдруг - это же тогда был Саул! Смотрел злобно, ночами исчезал из дома...

Давид и тот больше обращал внимания на нее. Одно ее слово - и жила бы во дворце. Но была честь семьи, а может быть и напрасно. Давида хватало на всех. Десятки жен и наложниц. Всех он любил. Из пустыни привел юркую и неунывающую Авигею, первая его жена робкая Ахиноама всегда ходила со вздутым животом, лоно ее никогда не пустовало, появилась в Хевроне и красавица Мааха, дочь гессурского царя Фалмая, ходила по Хеврону словно пава, с многочисленной свитой, следила, чтобы все встречные низко кланялись ей, была обидчивой и гордой. Все равно не сумела удержать Давида, появилась желтоглазая Эгла, ее сменила юная Авиталь, потом еще более юная Агифа.

Могла и она, Зулуна, жить во дворце Давида. Надолго ли только? Мужчинам все время нужны новые и новые женщины. Как будто потеряли они кого-то и ищут, а чтобы найти должны познать каждую встреченную на пути своем. Женщине же нужен один - единственный возлюбленный. Этим одним всю жизнь был для нее Маттафия...

Когда он вернулся в Хеврон, поговорить с ним даже не удавалось. Не было у него времени. Однажды только остались вдвоем в доме. Рахиль ушла к роднику, дети убежали к пастухам на дальние луга. Накормила его, дала сочный кусок баранины, налила гранатового вина. Он немного оттаял. Стала говорить, стала жаловаться, высказала все - и как ждала его, как указывали все пальцем - вот жена человека, предавшего нашего царя Саула, как хотели изгнать из Гивы, как заступился Ионафан, сколько слез пролила, сколько терпения понадобилось. И всегда верила в него, Маттафию, знала, что ложны все наговоры, что нету на тверди земной честнее и храбрее человека, чем он, Маттафия.

Напрасно пыталась его разжалобить, мужчины не любят женских слез. Да и было ли из-за чего плакать? Какой-то год в разлуке! Вот потом, когда он исчез в филистимлянском плену, потом - были истинные страдания и слезы. А тогда, в Хевроне, просто обида сдавливала сердце, столько ждала - и вот благодарность, смотрит как на старую ненужную вещь. Подошел к ней, ее же платком вытер ей слезы и сказал: «Надо спешить, сегодня совет военачальников у Давида». Не обнял, не поцеловал, только задержал руку на плече. Рука у него сильная, горячая - будто опалило плечо. Полон он был и страсти, и желание в нем всегда кипело. Но все это было уже не для нее, Зулуны.

Могла ведь тогда зачать, был бы еще один сын, могло их быть много. Но столько лет глухих ожиданий, столько одиноких ночей. Теперь, казалось, дождалась - вернулся. Но кто? Саул или Маттафия? Слились вместе две плоти - не все ли равно... Поздно теперь уже, не зачать - иссохло лоно и груди никогда не наполнятся молоком. Правда, прародительница сынов Израилевых, жена Авраама благородная Сарра родила Исаака в девяносто лет. Захотят боги, и вновь обретет лоно живительные соки, и вновь примет семя, чтобы зачать жизнь. Проклянет

Господь, затворит лоно - и в молодые годы не сможешь продлить род. Наказывает Господь за грехи жестокой дланью своей. А грехов этих было в Хевроне не счесть. Когда вокруг блуд, о детях не думают. Забыли заповедь Господню - плодитесь и размножайтесь. Не для блуда дал Господь людям сладость зачатия. Бог Израиля - строгий и карающий. Никого он не прощал. У нее, Зулуны, были еще и свои боги, их можно было держать в руках - маленькие тельцы и львы из черного дерева, теплые и гладкие. Молила их - верните Маттафию, дайте мирно пожить, но не могли боги образумить воинов.

Продолжалась тогда распря между домом Сауловым и домом Давидовым, и Давид все более и более усиливался, а дом Саула ослабевал. Воины из пределов Иудиных стекались к Давиду. Маттафия дневал и ночевал в воинском стане. Ходил хмурый, немногословный. Проклинал блудниц, корил Давида, напускался на всех, словно ворчливый старик. Власть над людьми притягательна, словно густой сладкий мед тянет она к себе, и - вязнешь в ней. Маттафии надо было держаться подальше от Давида, надо было остаться в Гиве и жить тихо у своей смоковницы, сидеть под своей виноградной лозой. А тут еще он, Маттафия, не поладил с Иоавом, перечить главному военачальнику мог только такой бесхитростный человек как Маттафия. Потом все это сказалося, когда попал в плен к филистимлянам, и выдумал Иоав, что предал Маттафия своих воинов. Так и стала она, Зулуна, на многие годы женой предателя. И пришлось бежать, пришлось все бросить, чтобы обрести спокойную жизнь здесь, в городе-убежище. Но разве дано человеку обрести покой, от себя не убежишь и не скроешься нигде от царей и правителей. Всю жизнь сердце то и дело замирает от страха. Сказал Каверун - казнить, потом отменил повеление, а каково тому, кто ждет казни? Ожидание смерти губительно. Становишься тем зайцем, которого пообещал съест волк, пообещал и забыл, а заяц умер от страха. Как научиться ничего не бояться, не дрожать от ночных шорохов, не обращать внимания на косые взгляды завистников...

Тогда, в Хевроне, она была молода, хотела любви, Маттафия не понимал этого. В битву за власть были втянуты все, словно не было слаще деянью, чем поражать друг друга копьями. Никогда бы Давиду не одолеть было Авенира, это был военачальник, не знающий поражений, в битве он рубился за десятых, если бы не вертлявая Рицпа. Наложница Саула, пригравшаяся при дворе Саудовского сына Иевосфея, она мнила себя почитаемой вдовой царя, она затащила в свои силки Авенира.

Авенир увел свои войска за Иордан, сражался за Иевосфея, считая его законным наследником Саула, а Давида просто выскочкой. При Давиде же были трое способных к ведению битв - сыновья сестры его матери Саруи - кичливый Иоав, могучий Авесса и быстрый, как серна, Асаил, - но они и втроем не стоили одного Авенира. Сорок лет было Иевосфею, сыну

Саула, когда воцарился он почти над всем Израилем. Он был немногим моложе Маттафия. Маттафия его презирал, считал недостойным престола. Давид же тогда царствовал в Хевроне, все колено Иудино было за него. Но лишь одно колено. А против них был Авенир и все его хорошо обученное войско. В одной из битв Авенир убил Асаила, брата Иоава, и стал кровным врагом Иоава.

И вот из-за Рицпы Авенир неожиданно принял сторону Давида. Глупый Иевосфей потерял своего военачальника. Он стал порицать Авенира: «Зачем ты вошел к наложнице моего отца? Как посмел познать ее? Ты осквернил ложе Саула!». Авенир вспылил: «Кто я? Главный военачальник или предводитель бродячих псов в Иудее? Я защищаю дом Саула, я не предаю тебя в руки Давида, а ты коришь меня за женщину, которую я давно люблю!».

И Авенир послал гонцов к Давиду, чтобы заключить с ним союз. Вот что может сделать одна женщина, если она желанна! Зулуна тогда завидовала ей. Бедный Авенир, разве мало было вокруг прельстительных женщин, жаждущих его любви. А этот, казалось бы, рассудительный и хитрый военачальник ринулся навстречу своей гибели, весь мир ему заслонила Рицпа...

Зулуна тогда, в Хевроне, обрадовалась, что прибудет Авенир для заключения мира. Думала - грядет спасение от братоубийственных войн и возвратится Маттафия в дом свой. Сколько ведь пришлось пережить, когда шли эти войны между сторонниками Иевосфея и воинами Давида. И Фалтия втянул Маттафия в эти хороводы смерти. Впервые тогда Фалтий отправился на поле брани вместе с Иоавом, сын так радовался, будто его пригласили на самое веселое пиршество. А пришлось вести пляски со смертью. Самых молодых тогда отдали на заклятие. Схватились друг с другом у Гаваонского пруда. И решил тогда Авенир обойтись малой кровью - предложил: пусть выйдут двенадцать отроков от Давида и померяются силой с двенадцатью отроками Иевосфея. Хранили боги Фалтия, избежал его жребий. Друзья его вышли - веселые, радостные, думали - предстоит игра. Ухватили друг друга, кто за одежды, кто за волосы, и вонзили мечи в бока. Пали отроки, обливаясь кровью. Возвратился после той битвы Фалтий, примолк, ничего не хотел рассказывать. Она, Зулуна, и так все знала. Тогда же сам Авенир и убил Асаила, брата Иоава, бесхитростный Асаил погнался за Авениром - нашел с кем мериться силой! Авенир и биться с ним не стал, просто копье выставил, насквозь пронзило оно мчащегося Асаила. Все ждали, что будут неостановимы потоки крови...

И вот, благодаря Рицпе, замирение было совсем близко. Прибыли прежде Авенира в Хеврон его послы и передали такие слова Авенира к воцарившемуся в Хевроне Давиду: «Заклучи со мной союз, и будет рука моя с тобою, чтобы обратить к тебе весь Израиль». И Давид поставил

условие - никаких встреч и никаких союзов, пока не вернут ему Мелхолу, дочь Саула, жену, отнятую у него, Давида.

Зулуна хорошо запомнила день возвращения Мелхолы, солнце заполнило зноем томящийся от жары Хеврон, все искали тень, чтобы скрыться от палящего солнца. И в этой жаре медленно шла по улицам Хеврона красавица Мелхола с лицом, закрытым черной накидкой, и брел за ней ее второй муж, сын Лаиша, и плакал. Плачущий мужчина, не смеющийся сразиться за свою возлюбленную - жалкое зрелище. Люди смеялись, когда отгонял от Мелхолы хнычущего сожителя, ехавший на осле Авенир, сопровождающий их. И еще запомнила Зулуна, как Авенир перетянул древком копия по спине незадачливого сына Лаиша, и тот согнулся и затрусил к крепостным воротам, даже не простившись с Мелхолой.

Так ли нужна была Давиду Мелхола, остались ли в нем чувства к той, за которую он когда-то отдал кровавый выкуп - сто краеобрезаний филистимлянских. Господь наказал их, у Давида не было детей от Мелхолы. Давид просто еще раз утверждал свое право на дочь царя Саула, она принадлежала ему также, как и престол...

Авениру, в отличие от Мелхолы, были отданы все почести, было большое пиршество в честь его, были праздничные хороводы, были объятия Давида, были торжественные проводы на рассвете следующего дня. Но не успел Авенир отъехать далеко, как остановили его гонцы у колодца Сиры. Это вернулся в Хеврон Иоав и узнал, что приходил к царю убийца брата Асаила и что был принят с почестями. Иоав был взбешен, он ворвался в покои Давида и кричал: « Что сделал ты? Отчего отпустил Авенира? Он пришел обмануть тебя и все разведать! Выбирай - или он, или я...».

Давид выбрал Иоава. Авенира вернули гонцы. Иоав ждал его у крепостных ворот и, заманив в сторожевую башню, предательски ударил мечом в пах и крикнул обливавшемуся кровью Авениру: « Это тебе за кровь Асаила, брата моего!». Всему тому свидетель был Маттафия. И с того времени возненавидел он Иоава...

Кровь за кровь. Так она и лилась, и льется. Авенир, выигравший десятки сражений, был зарезан, как жертвенная овца, все просто оторопели, узнав об убийстве, будто застыл под палящим солнцем Хеврон, и дома его переполнились страхом. Говорили, что будут убивать всех, кто замешан в связях с домом Саула. Маттафия пришел в свой дом побелевший, ни слова не сказал, только злобно крикнул на Рахиль, когда та стала утешать его. Иоав уже тогда подбирался к Маттафии, оговаривал его перед лицом Давида. Зулуна тогда и не думала, что невольно стала причиной этих оговоров, это поняла она много позже...

Тогда же и сам Иоав попал в немилость. И слышали многие, как скорбел Давид по Авениру, и как отрешился он от своего военачальника -

злобного Иоава. Сказал Давид собравшимся у крепостных ворот жителям Хеврона: « Чист я и царство мое чисто перед Господом во веки от крови Авенира, да падет эта кровь на голову Иоава и на весь дом отца его, и да не изведется из дома Иоава ни слезоточивый, ни прокаженный, ни поддерживающийся костью, ни пораженный мечом, ни бесхлебный». Так проклял Давид своего военачальника Иоава. И плакал Давид, когда хоронили Авенира. Все плакали в Хевроне. Весь город вышел на похороны. В разодранных одеждах, с головами, посыпанными пеплом и землей, шли понуро воины, захлебывались в плаче женщины. Мелхола пала ниц, билась на земле дочь царя, всегда такая величественная и спокойная не могла она сдержать рыданий. На Рицпу и смотреть было страшно, просила, чтобы убили, расцарапала лицо свое. И Давид плакал со всеми вместе, а потом сочинил даже псалом, проникновенный и горестный. « Смертью ли изверга умирать Авениру? Не были руки у него связаны, и ноги не стиснуты оковами, убит он злодейски, от злодея пал не на поле боя, а в доме своем... Да воздаст Господь сделавшему зло по злодеяниям его...».

Думала тогда она, Зулуна, что искренни слова и горе Давида. И все говорили, что не давал Давид повеление Иоаву, не царем было задумано то злодейское умерщвление. Но не прошло и девяти дней, как вновь приблизил Давид к себе Иоава. Сказал тогда Маттафия: « Не отомщенная кровь породит другую кровь». И были его слова пророческими. Ибо новые злодеяния потрясли сердца живущих в Хевроне.

Принесли в тот год злодеи в город Ханаан голову бедного Иевосфея, пришли из Маханаама Заиорданского военачальники Иевосфея Рехаб и Баана, предавшие смерти своего господина. Ждали награды за свое злодейство. Положили к ногам Давида голову, всю в запекшейся крови, словно дар поднесли, и сказали: « Вот голова сына Саула, врага твоего, который домогался жизни твоей, вот отмщение дому Саула!».

И сказал им Давид: «Ведь если того, кто возвестил мне о смерти Саула, я убил в Секелаге, то что ждете вы? Саул в битве пал, а вы убили честного человека в его доме! Взыщу я кровь его и истреблю вас с тверди земной!». И приказал он своим воинам убить злодеев. Им отсекли руки и ноги и повесили тела около пруда, за крепостными стенами.

И народ проклял их. Убить человека в его постели, когда он спал, убить сына царя - как могли их руки подняться на такое злодейство! И за это они еще ждали награды! Получили свое сполна...

Все проклинали их, но были и другие голоса - шёпотом, с оглядкой разносили недовольные Давидом и такие вести - будто бы и убийство Авенира, и убийство Иевосфея совершены по повелению Давида. Тогда она, Зулуна, не хотела верить этому. Но потом, когда Давид отвернулся от Маттафии, когда Маттафия был объявлен предателем, сомнения стали мучить ее. Сколько слез она пролила, ожидая Маттафию, сколько

унижений ей пришлось претерпеть... Она не могла понять своего мужа. Почему Маттафия был столь доверчив, почему тянуло его к царским домам, почему не мог он жить в покое, как простые пастухи и земледельцы? Он сам избрал для себя путь мучений. И эта схожесть с Саулом - она погубила его. Он голову мог положить за царей. Он мог и пасть на меч вместо Саула у горы Гелвуй. Теперь ее, Зулуну, ничем нельзя удивить. Значит, Богу было угодно сблизить ее с двумя царями, но видят боги, она не хотела этого... Маттафия сам тому виной.

Но только ли он, ведь и самой ей было лестно стать вхожей во дворец, слыть подругой царских жен, ведь и сама она тянулась к ним, избранницам Божьих помазанников. Казались они ей превыше других женщин, а были они все разные и ненавидели друг друга - это она поняла позже, когда узнала тайны дворцовой жизни. Было в этой жизни много показного и в любви, и в дружбе... Взять хотя бы Авигею, была близкой подругой, а когда надо было помочь выручить Маттафию, защитить его имя - отвернулась и даже пальцем не пошевелила, сказала: « Видишь, я сама отвержена, да и что тебе этот Маттафия, ужели не страшно делить с ним ложе - ведь он, как две капли воды, похож на Саула, залившего себя кровью священников из Номвы. Убийца с тобой рядом!».

А сама она, Авигея, разве была безгрешна, разве не проложила путь к ложу Давида, предав смерти своего мужа. И не стеснялась об этом рассказывать, похвалялась, что больше всех других женщин любит ее Давид. Конечно, в пустыне она была единственной женщиной у Давида, не брать же в расчет Ахиноаму Изреелетянку, которая и пройдет мимо, да и не заметишь ее, столь она тиха и робка... Маттафия рассказывал, что они долгое время даже не знали, что она пребывает с Давидом в его стане. Не для женщин была та жизнь. Воины Давида скитались по пустыне, прятались в пещерах, голодные, оборванные. Не до женщин им было. А появилась Авигея - всем головы вскружила, возможно, и Маттафия разделял с ней ложе, слишком уж много он об Авигее говорил. Только по-разному они об одном и том же рассказывали.

Каждый видит мир по-своему, каждый хочет думать, что от него все зависит. А все определено богами, и шага не ступишь без их на то благословения. Так захотели они - чтобы сблизилась Авигея с Давидом. Дано было ей испытать его любовь, и сама она была без ума от него. Да и может ли какая-нибудь женщина, из живущих на лике земном, устоять пред завораживающими песнями его. Раскаяние приходит потом... А к таким как Авигея оно и вовсе не заглядывает...

Жила она, Авигея, с мужем своим Навалом в долине, у самого предела земли Маон, там где кончаются безжизненные пески и начинаются цветущие луга. И на этих лугах паслись многочисленные стада, принадлежащие ее мужу Навалу. Давно прошло то время, когда Навал сам пас и стриг своих овец и строил загоны для них, время, когда

привел в свой дом худенькую, застенчивую женщину, не знавшую богатств. Быстро окрепла и налилась соками ее плоть, быстро стала она привыкать к обильной снеди и безбедному житью. И в то время, когда она встретила Давида, была она полновластной хозяйкой в своем доме. «Чего же тебе не хватало?», - спросила ее как-то Зулуна, выслушав в очередной раз исповедь Авигеи. «Ты не поймешь, - сказала Авигея, - дело не в богатстве. Богатство погубило Навала, он забывал, что рядом с ним женщина!». Понимала Зулуна, что Авигея сама разрушила свой дом. Знала из ее рассказов, как любила Авигея празднества, как всегда подавала мужу пьянящие вина, как затевала веселые хороводы. Забывала она, что дом держится не на мужчине, а на женщине. И хотя бесправна во многом женщина, и сотворена она после Адама из ребра его, и садится за стол должна после мужчин, но слово ее в домашних делах главное. По рассказам же Авигеи, во всем был виноват Навал. Она выставляла его таким заплывшим жиром бесчувственным чудовищем. По ее словам, он не выходил из своего дома, перестал интересоваться своими стадами, и знал лишь одно - пышные пиршества. Он неимоверно растолстел, глаза его сузились, и пустовало лоно Авигеи, жаждущее семени.

Может быть, так все изображала Авигея, чтобы оправдать себя. Ведь про Давида нельзя сказать, что он ленив на ложе, а всего одного сына родила ему Авигея, да и тот не отличался особой статью, двух слов связать не мог. Надо думать, что Авигея не терялась там, в доме Навала. Сама хвастала, что все пастухи не сводили с нее призывных взоров, и не раз ей приходилось выслушивать пылкие признания, но, по ее словам, не было там человека, который был бы способен покорить ее сердце. Ибо сродни хозяину были его гости, жаждущие хмельных вин, чревоугодники. «Каково же было прислуживать этим обжорам, - говорила Авигея Зулуне, - я смиряла себя, я покорялась. И мне ведь приходилось еще и вести все хозяйство». В то, что она вела рачительно свое хозяйство, трудно было поверить.

Пастбищ у Навала было много, и все возрастали его богатства. И то, что они жили в отдалении от других владельцев стад, давало им возможность всегда отыскивать незанятые сочные луга, и скот у них умножался с каждым годом почти вдвое. Но была и опасность - ибо не защищены они были от разбойников, разоряющих стада. И когда в пределах земли Моава появились люди Давида, то сначала испугались, но потом поняли, что не грабители это, а гонимые Саулом праведные воины. И не раз защищали от разбойников воины Давида стада и пастухов Навала.

«Много тогда разных слухов ходило о Давиде, - призналась Зулуне Авигея, - многие опасались его. Я даже страшилась неведомого предводителя лихих воинов. Представляла Давида разбойником, заросшим

черной бородой, косматого и огромного, скалящего кривые зубы. Не знала, что это моя судьба, что прекрасен он!».

Встретились они, по ее словам, так: стояла она у колодца и смотрела, как пьют овцы из водоводов. Солнце клонилось к земле, она торопила пастухов, чтобы успеть до темноты увести овец в ближайшие загоны. И подошли к колодцу незнакомые люди с копиями в руках. «Представляешь, Зулуна, как я испугалась, - рассказывала Авигея, - одна среди стольких жаждущих женщину воинов, пастухи мои были плохими защитниками. Я боялась насилия, я столько слышала разных историй, когда одну женщину используют сразу множество воинов...».

Думается, Авигея преувеличивала свои страхи, с мужчинами она всегда находила общий язык и с таким мужем, как Навал, возможно, даже и мечтала о насилии... К тому же, по ее рассказу, она сразу поняла, что это воины Давида, и говорили они рассудительно, и к ней обращались с поклонами. И был среди них сам Давид. Он показался ей ангелом небесным, ангелом с голубыми глазами и рыжими кудрями. И сразу, как призналась она Зулуне, томительный жар охватил ее тело. А он даже не взглянул на нее. Но после той встречи стал приходить в ее сны и крепко сжимал ее в своих объятиях, и исторгал из нее сладострастные стоны...

И вот наступил день стрижки овец, и были принесены жертвы Всемогушему Яхве, и готовилось в доме Навала большое празднество. Горели костры во дворе, варилось мясо в медных котлах, и оживленно бегали по двору работники в предвкушении пира. И вдруг вошли во двор десять статных отроков, опоясанных мечами, и старший из них сказал, обращаясь к Навалу, сидящему на крыльце своего дома:

- Мир тебе, мир дому твоему, мир всему твоему! Услышали мы, что стригут овец у тебя, и что обилие мяса будет в твоём доме. Знаешь ты, что мы не обижали твоих пастухов, и ничего у них не пропало. И охраняли мы стада твои от лихих разбойников. И сегодня в добрый день пришли мы к тебе. Дай же рабам твоим и господину нашему Давиду, что найдет рука твоя...

Не было угроз в их словах, не хотели они ссориться с Навалом, но не желал Навал ни с кем делиться, вскочил он с циновки, на которой сидел у крыльца, и лицо его налилось кровью. И возвысил он свой голос:

- Кто такой Давид? Не просил я его стеречь мои стада! Ныне развелось много рабов, бегающих от своих господ и укрывающихся от праведных трудов! Почему должен я взять мясо, приготовленное для людей, стерегущих моих овец, и отдать тем, которых не знаю и не ведаю откуда они!

Никто из работников не смел прервать гневные речи Навала, и она, Авигея, тоже не посмела при всех перечить мужу. И страх охватил ее, и в то же время было предчувствие, что дано ей соединиться с Давидом, и это предчувствие огнем обжигало ее плоть.

А вечером этого же дня один из слуг, взятый в дом из земель Иудиных и почитавший Давида, прибежал к Авигеи и сказал:

- О, госпожа моя, недоброе может случиться в нашем доме. Напрасно господин наш обошелся грубо с людьми Давида. Они были для нас оградой, они защищали нас от нападений врагов, от разбоя. Знаю я, неминуемая беда угрожает нашему господину и всему нашему дому. Я предупредил бы его, но не станет он слушать раба своего...

Авигея попыталась, как могла, успокоить своего слугу. Разумны были его речи, всегда он работал честно и заботился о хозяйстве, как о своем собственном. Его она успокоила, но сама вновь ощутила страх. Понимала, что не оставит без кары Давид оскорбления своих посланцев. И, как поведала Авигея Зулуна, Господь надоумил ее, она поняла, что только ей дано спасти свой дом от разорения. И не пугала ее встреча с предводителем воинов - Давидом, так она утверждала. И понимала Зулуна, что искала этой встречи Авигея. Рвалась к человеку, который входил в ее сны.

И еще поведала Авигея, что не стала ничего говорить Навалу, потому что не ждала от него разумного ответа и знала, что жадность его непомерна. Она позвала своих слуг и велела взять двести хлебов и два меха с вином и пять овец, приготовленных к закланию, и сто связок изюма, и двести связок смокв. И погрузила все это с помощью слуг на ослов, сама села на любимого своего белого осла и направилась по извилистой тропе, ведущей в убежище, где, по рассказам работников, собирались люди Давида.

Недолго ей пришлось погонять своего осла, потому что двигались люди Давида ей навстречу, и сразу она заметила среди них того, кто делал сладкими ее сны. Давид был разгневан, но все равно лик его и в гневе был прекрасен. И сказал он: «Это ли жена Навала и его люди?». И ему ответили - да. И сказал он тогда: «Напрасно мы охраняли имение этого человека, он привык платить злом за добро. Пусть же Господь покарает несправедного! И до утреннего рассвета из всего, что принадлежит ему, ничего не останется у него, и не оставлю в имении его ни одного мочашегося к стене!».

- Поверишь, Зулуна, - говорила Авигея об этой встрече, - я не испугалась, я плохо вслушивалась в его слова, я только видела его губы, его голубые глаза, я ласкала взглядом его рыжие кудри, он был для меня, как солнце!

- Долго смотреть на солнце опасно, - заметила тогда Зулуна.

Авигея не обратила внимания на ее слова и продолжала рассказ. Она поведала о том, как поспешила сойти с осла и поклонилась Давиду до земли и сказала: «Позволь рабе твоей говорить в уши твои и послушай слова рабы твоей. Не обращай внимания на Навала, мужа моего, сердце его давно озлоблено. Прости его, грешного. Верю, Господь не попустит тебя

идти на пролитие крови и удержит руку твою от мщения!». Потом она обратилась к своим людям, велела снять корзины и тюки с ослов и передать все это Давиду. Его лицо просветлело, и он впервые взглянул на нее внимательно.

- Он понял, кто перед ним, - объясняла Авигея Зулуне, - он понял, что я достойна любви, он увидел, что груди мои вздымаются, что изнемогаю от желания, и эта жажда любви передалась ему!

Маттафия видел эту встречу, он говорил несколько иное, он поведал, что Авигея была так напугана, так дрожала, что не могла связать и двух слов, что очень боялась она потерять имение свое.

Авигея же рассказывала, что ее ничего не страшило, что поклонилась она еще раз Давиду и сказала ему:

- Не будет это сердцу господина моего огорчением и беспокойством, что прольет кровь напрасно. И Господь за это отблагодарит его. И пожалеет он, Давид, рабу свою и окажет ей милость...

И сказал Давид Авигеи, лаская ее взглядом голубых глаз и весь зардевшись:

- Благословен Господь, который послал тебя ныне мне, и благословен твой разум, и благословенна вся ты, что не допустила меня пойти на пролитие крови. Ибо если бы ты не поспешила и не пришла мне навстречу, то пришла бы погибель дому твоему.

И когда люди Давида перегрузили корзины и тюки на своих ослов и повернули на тропу, ведущую к их убежищу, Авигея еще долго стояла на дороге и смотрела вслед, пока не исчезла за поворотом спина Давида. Рассказывала она Зулуне, что возвратилась в свой дом счастливой, все в ней пело, она была уверена, она это ощущала - прились и она, и ее слова по сердцу Давиду. Он истосковался по женской ласке, он жаждал познать ее, Авигею. И молила она тогда Господа, чтобы не забыл ее Давид, и чтобы вошла она в его сны, также как и он приходит по ночам в сны ее...

И когда в тот день вступила она в свой дом, то стоял там пьяный пир, было обилие еды повсюду и полно сосудов с молодым виноградным вином. Она боялась, что Навал заметил ее отсутствие, но Навал даже внимания на нее не обратил. Он был уже изрядно пьян, и глаза его затуманил шекер. Пели песни вокруг, Навал что-то хрипел, а потом начались разнузданные пляски, и перепившиеся гости поймали служанку - распутную Хизию, и она обнажалась перед ними и вертела бедрами и чревом, а гости ползали перед нею и сопели от удовольствия. «Бывают же такие блудницы, - говорила Авигея, осуждая свою служанку, - им обнажиться, показать наготу свою мужчине - доставляет удовольствие, им хочется, чтобы все жаждали познать их!». Говорила Авигея так, но ведь и сама жаждала, чтобы ее возжелали многие. Как изошрялась она, чтобы сделать пошире разрез платья, чтобы видны были ее большие груди, как усаживалась она у костра, оголяя до бедер ноги, как умащивала свое тело...

Все это она постоянно проделывала тогда в Хевроне, но не смогла вернуть Давида на свое ложе. Потому и любила рассказывать о скитаниях в пустыне, для всех бывших страданиями, а для нее временем любви...

Так вот, про начало этой любви... Утром, когда протрезвел Навал после всех возлияний и оргий, сказала ему Авигея, что спасла дом от разорения и погибели, и когда стала перечислять, что пришлось отдать людям Давида, то помрачнело лицо Навала и в ярости схватил он плеть, но - вдруг замерло в нем сердце, и повалился он на подушки и захрипел. Сковали тело его злоба и жадность, и не мог он пошевелить ни правой рукой, ни правой ногой. Сбежались работники, и был среди них знающий толк в лечении, и предложил он пустить кровь, ибо та запеклась под сердцем Навала, но не решились на это. Прогнала тогда она, Авигея, работников и сидела подле Навала. И смотрела, как синеет лицо Навала, и как силится он что-то сказать и не может. Ничем уже, по ее словам, она не могла помочь мужу. Десять дней и ночей она так сидела, пока не испустил он дух свой.

Маттафия же поведал Зулуне, что Авигея никого тогда не подпускала к Навалу, не давала его лечить, сидела и ждала, когда тот умрет. Возможно, наговорили Маттафии такое злые языки завистников. Зулуна не хотела осуждать Авигею. Пережить смерть мужа, пусть и такого, как Навал, тоже нелегко. Авигея рассказывала, что хотя и ненавидела Навала, а слез сдержать не смогла и даже рыдала на его похоронах.

Когда похоронили Навала и справили тризну по нему, стояла Авигея у ворот своего имения целыми днями и смотрела на дорогу, уходящую в пески. И дождалась она своего часа. Подскакал всадник к воротам, спешился, поклонился ей и сказал:

- Давид прислал меня к тебе, чтобы взять тебя ему в жены.

Этих слов она ждала целыми днями, поведать о том никому не могла, но была уверена - соединит ее Господь с Давидом.

И сказала тогда Авигея гонцу Давида:

- Давно уже собралась я, готовы в дорогу служанки мои и ослы мои.

Авигея не испугалась жизни в стане среди воинов Давида, говорила, что это были самые счастливые дни - были шатер из веток и ложе из лвиных шкур, и ночи, полные любви, и все почитали ее, и все с обожанием смотрели ей вслед.

Она, Зулуна, так бы не смогла, она всего боится, быть в пустыне почти единственной женщиной среди воинов - она бы испугалась. Вот и теперь, когда опасность со всех сторон приблизилась к ее дому, сердце трепещет от каждого шороха, душа замирает от каждого слова. Сказала Адония, соседка и жена стражника, про казнь, и словно все оборвалось внутри. Саул или Маттафия - все равно это так страшно - лишит человека жизни! И при этом находятся сотни жаждущих узреть, как предадут

человека на смертные муки, как падает он под градом камней. Каждый готов и сам камень бросить...

Была бы она такая смелая, как Авигея, пошла бы к Каверуну, пала ниц, упросила бы новой встречи с пленником. Надо было бы только прижать руку к бедру пленника, там нащупать яминку - след от копья амаликитянина, если след этот есть - значит напрасны сомнения - это Маттафия. И тогда открыться во всем правителю, упросить помиловать мужа. Если бы она, Зулуна, была моложе. Ну хотя бы такой, как в Хевроне...

Весь день ничего не ладилось у нее, то убегали мысли в прошлые годы, и тогда забывалась она, жила воспоминаниями, то вновь возвращались к предстоящей казни, к пугающей неизвестности. Она металась по дому, пыталась что-нибудь приготовить, горшки падали из рук, огонь не разгорался в очаге. Не с кем ей было поделиться своим горем, она осталась одна. Была бы здесь Авигея - вдвоем они бы нашли выход. Авигея умела обольщать мужчин, добиваться своего.

В Хевроне, когда Маттафия не приходил к ней, Зулуна, на ложе, она открылась Авигеи - рассказала про Рахиль, которая вытеснила ее из сердца Маттафии. Авигея засмеялась: «У твоего только две жены, у моего - не счесть, и то я своего добиваюсь. Пойди к Рахили, ласкай ее, сделай своей подругой, сиди у нее в покоях, зайдет твой Маттафия - не уходи, вдвоем его ласкайте, угождай ему, делай все, что захочет, откинь стыд свой, нет ничего запретного и постыдного в любви!».

Авигея оказалась права, сумела Зулуна переступить и себя, и свой стыд. Только в Хевроне, после долгих ожиданий и мук не хотела ни с кем делить мужа, даже с Рахилью, которую сумела полюбить. Хотела тогда зачать сына - но, видно, Господь наказал за грехи, затворил ее лоно.

Так коротки и быстротечны были годы, прожитые вместе, все съела разлука - и никогда не дано годам повториться...

Она понимала, что надо что-либо предпринять, что нельзя сидеть дома, сложа руки, но страх сковал ее, она боялась выйти из дома, только в своем доме, казалось ей, - она в безопасности. И не понимала того, что здесь в четырех стенах - она в ловушке.

Солнце зашло, и черный язык неба стер дневной свет. Она решила плотней закрыть окно, сдвинуть ставни, подошла - и услышала голоса: «Здесь... Никуда не денется, никуда не уйдет от нас!». И визгливый крик: «Окружайте!». Поначалу все сжалось в ней, но сумела она подавить свой страх. Действовала смело, словно кто-то свыше повелевал ей.

Залезла в подполье, проползла по сырому затхлому и узкому ходу, что вел к овечьему загону. Когда-то прорыли этот ход вместе с Фалтием, она не хотела, удивлялась - зачем? - сын настоял. Предвидел многое Фалтий. Вылезла она уже вне стен дома. Увидела, что около дома мелькают тени, потом разглядела стражников с факелами. Она неслышно,

затаив дыхание, осторожно ступая, пробралась в загон. Умоляла овец молчать. Овцы дремали стоя. Подумала, кто же их завтра покормит, вздохнула и, шмыгнув змейкой в траву, подползла под изгородь, обдирая локти о каменистую землю...

Глава XXIII

Дождливый день сменился сухим и солнечным. В проеме окна, перегороженного медными прутьями, Маттафия видел, как изменяется цвет деревьев, как становится светлее их листва, с которой под лучами солнца испаряется влага. С малых лет он был приучен еще родительницей своей благодарить Господа за каждый наступивший день, подаренный им. И глядя на синеву, обволакивающую окно, на сочные листья смоковниц, он привычно произнес слова молитвы. Но были они не искренни, ибо ни голубизна неба, ни переливы солнечного света, ни зеленеющая листва не могли растворить ту горечь, что скопилась внутри. И мог ли он благодарить за наступающий день, если этот день приближал смерть, и закат солнца в этот день мог стать последним закатом для него, Маттафии. Все останется, как и прежде, на земной тверди, но уже не для него. Он исчезнет, как утренний туман, как роса, как мякина, свеваемая с гумна. Он уйдет в выси вслед за несчастным Бер-Шаароном...

И молил Маттафия Господа принять истерзанную душу Бер-Шаарона, молил оберечь от несчастий жен и сыновей своих. Но в душе не возникало благостного чувства и не было той веры, которая всегда укрепляла его. И думалось, что Господь отвернулся от него, что обнажили ангелы перед Всевышним все грехи его, Маттафии, и ужаснулся Господь, и наверное сказал ангелам - оставьте его наедине с гордыней его, он возомнил, что может судить других и за другого держать ответ, а ему надо взглядеться в душу свою и судить только самого себя.

Ты прав, Господь, беззвучно прошептал Маттафия, я долго ходил долинами тьмы, я был безжалостен, как и всякий воин, я убивал вместе с разбойными амаликитянскими отроками безвинного торговца, я убивал инородцев и пришельцев, забыв, что праотцы мои сами были пришельцами на земле Ханаана. Я оставил жен и детей своих ради воинской славы и добывал ее для тех, кто обманул сердце мое. Из-за меня задушен безвинный отец матери моей бедный Бер-Шаарон. Не было никаких заговорщиков, выдуманных Каверуном, руку на беззащитного подняли, конечно, слуги Цофара, и я виновен, что не обличил злодеяния его перед лицом Каверуна. И теперь этот нечестивец и мздоимец Цофар проберется к Давиду, чтобы потоками клеветы ускорить мою гибель.

И если есть хоть доля истины в словах Каверуна, и Давид, действительно, преследует и уничтожает род Саула, тогда мстительный царь и коварный советник правителя найдут общий язык, сближенные единой целью. И тогда нет никакой надежды. Надежда исчезает, как вода, пролитая на песок. Ужели совсем очерствело сердце Давида и он все забыл? Ведь сам он был гонимым и стоял на пределах жизни и смерти. И вспомнились Маттафии псалмы Давида, как пел он в пустыне измученный преследованиями, когда лишённые воды и снеди затаились они в ущелье Гаад. Жаловался Давид на свою судьбу и не видел он выхода. И от его слов тоской наполнялись застывшие под луной, прокаленные солнцем горы. «Как мимолетный дождь пролился я, - стонал Давид и вторила ему печально арфа, - рассыпались все кости мои, стало сердце мое, как воск, растаяло среди внутренностей моих, высохла, как черепки, сила моя, и язык прилип к иссохшей гортани».

Тот Давид был понятен и близок Маттафии. И тогда, в пустыне Зиф, было отчаяние, но были и надежды. И были все молоды тогда, а в молодости минуты отчаяния всегда кратки. Но теперь, когда Давид стал могущественным царем, приходит ли к нему раскаяние, охватывает ли его тоска, помнит ли он свои клятвы?

Ужели хоть малая доля правды есть в том, что поведал Каверун? Скорее всего слова правителя рождены давней озлобленностью, неутоленным чувством мщения, желанием расквитаться с Давидом. Желанием привлечь на свою сторону его, Маттафию. Нет, Давид не мог послать убийцу на склоны Гелвуя, пусть он ненавидел Саула, но ведь искренне любил Ионафана. Но почему медлил? Почему не спешил на выручку? Ждал смерти Саула? Нет, этого тоже не могло быть... Он, Давид, узнав страшную весть, искренне оплакивал своего гонителя...

Маттафия пытался подавить в себе мрачные сомнения, от которых шемило сердце. Но не в силах он был изгладить из памяти все, чему сам был свидетель. И тогда являлись ему окровавленные тени убитых. И повисала в воздухе голова Иевосфея, последнего сына Саула, бедного непознанного брата. Коварные сыновья Реммона держали ее за волосы, и неприкрытые глаза остановившимся взглядом уставились на него, Маттафию, и на поникшего Давида. «Вот голова Иевосфея, сына врага твоего! Вот она!», - радостно возвестил один из братьев. Но не было ответной радости в лице Давида, гнев переполнял его. Он не посылал этих злодеев, они сами хотели угодить ему. В этом он, Маттафия, может покаяться перед самим Господом Богом. Сыновья Реммона искали своей корысти, они хотели выслужиться перед тем, кто стал сильнее. Они были вхожи, к несчастью, в дом Иевосфея, который оставался законным наследником Саула. Иевосфей даже назначил их военачальниками, когда погиб Авенир. Давид тогда царствовал только в Иудее, остальные десять

колен Израиля не посмели отойти от Иевосфея. Пока был жив Иевосфей, Давид не мог объявить себя царем всего Израиля...

В день злодейского убийства в Маханаае Заиорданском стояла сильная жара, от этой жары скручивались листья, и все живое тщетно искало тени. Иевосфей, разморенный солнцем, спал в полдень в своем доме. Стражник, очищавший пшеницу, тоже заснул. Сыновья Реммона беспрепятственно вошли в дом и предательски ударили в пах несчастного Иевосфея, и отрубили ему голову. Шли через пустыню всю ночь, чтобы показать Давиду свою добычу. Расплатились за коварство свое. Им по приказу Давида отрубили руки и ноги, и тела обрубывши повесили у пруда в Хевроне. А голову Иевосфея положили в гроб Авенира, незадолго до убийства Иевосфея, павшего у ворот Хеврона с распоротым животом. Павшего от руки Иоава, не утратившего после своего злодейства милости Давида...

Так воцарился Давид. Мог ли он сдержат убийц, жаждающих угодить ему? Вряд ли. Сам он никого не убивал. Прошло давно то время, когда юный Давид вонзал мечи в животы врагов, время, когда Саул приучал его к крови, когда вывалил Давид из сумы к ногам Саула выкуп за Мелхолу - запекшиеся в крови крайние плоти. До сих пор не забыть лицо Давида в тот день, запыленное и потемневшее от солнца, с глазами, утратившими блеск...

Время смывает кровь. Бег времени, словно быстрые реки весной, наполненные ручьями, сбегаящими с гор. Но река памяти ничего не смывает, она кончит свой бег вместе со смертным часом, а может быть и тогда не исчезнет, сопровождая душу, устремляющуюся в выси. Вместе с человеком живут прошедшие его дни, и ни одному не дано исчезнуть из сердца.

Маттафия видел и знал Давида не только в дни, когда печаль и боль омрачали душу. Он помнит его в победные дни славы. Он помнит блеск в глазах Давида, он помнит его призывный голос, который мог ублажать душу пением и мог властно звучать в дни сражений. Он помнит Давида в те дни, когда ведомый Господом, царь свершал деяния, возвышающие его. Это он, Давид, разбил филистимлян не единожды, поразил их так, что они стали данниками Израиля...

Филистимляне понимали, чем грозит им объединение всех колен Израиля под рукой Давида. И когда был возведен Давид на царство не только в Хевроне Иудейском, а и во всей земле Израиля, филистимляне вторглись в страну через долину Рефаим. И захватили Вифлеем - родной город Давида, город, с которым было столько связано и у него, Маттафии, город, соединивший их судьбы, словно пряди в бечевах.

Передовые отряды Давида подошли к Вифлеему в полдень, среди них была и сотня Маттафии. Солнце било в глаза, позади была бессонная ночь, но все рвались в бой. Стоял месяц Севан, и в полях, окружавших

Вифлеем желтым ковром, налились колосья ячменя и ржи, ждущие серпов жнецов. За полями дремали в полуденной жаре белые низкие дома, вереницей тянущиеся по склонам холмов. Не верилось, что в этом застывшем мареве, в этой тишине разразится битва. И не было никаких признаков того, что здесь среди холмов стоят несметные филистимлянские отряды, Давид велел позвать соглядатаев, принесших весть о вторжении филистимлян и захвате Вифлеема, стал допрашивать их - не страх ли вызвал в их глазах ложные видения. И стали оправдываться лазутчики и клялись, что видели филистимлянские отряды, что даже подкрадывались в филистимлянский стан, и слышали, что порешили цари филистимлян стереть с земли сынов Израиля, и не будут они щадить ни стариков, ни детей. И стал смеяться над лазутчиками Иеваал, сын Ахамана, бесстрашный воин, в одной из битв поразивший сотни врагов своих.

Но в это время увидели все, как поднимаются синеватые дымки над полями, а потом запыхало пламя, пожирающее колосья ячменя и ржи, не дождавшиеся жатвы. И разглядели тех, кто поджигает поля - воинов филистимлянских. И не сговариваясь, ринулись вперед. И был он, Маттафия, тогда впереди всех и поразил копьём филистимлянина, державшего в руке огненный факел. И стали все тушить огонь, и не заметили, что мчатся на них филистимлянские колесницы. Но сберег тогда Господь, сумели укрыться в пещерах Одоламских, в тех, где когда-то скрывалась бедная Зулуна, где провел он, Маттафия, самые счастливые дни своей жизни, ибо любил и был любим тогда.

Отсиделись в этих пещерах, ожидая подхода основных войск. Давид сдерживал своих нетерпеливых военачальников, предлагавших начать сражение. « По-твоему я не желаю скорее освободить свой город? Я тоже рвусь в бой, но я хочу не только боя, я жажду победы над филистимлянами», - сказал Давид своему военачальнику Иоаву, предлагавшему до подхода всех войск начать окружение города

Стлался дым вокруг, и сюда, в Одоламские пещеры доносился запах гари. Вернулись посланные в Вифлеем соглядатаи и поведали, что в городе засел только охранный отряд, а бесчисленное множество воинов двигаются сюда через долину Рефаимскую. И прав был Давид, нельзя было начинать бой, не дождавшись всех отрядов, если бы пошли освободить Вифлеем немногочисленные передовые войска, оказались бы сжаты они филистимлянами с двух сторон.

Солнце в тот день палило невыносимо, даже в черные зевы пещер проникала беспощадная жара. И тут Давид вспомнил о холодной колодезной воде, о том как сладка и свежа она. Он говорил о воде из колодца, который был отрыт у ворот Вифлеема. В давние годы их молодости, когда дружны и равны были и он, Маттафия, и сын Иессея пастух Давид, с каким наслаждением после трудов праведных пили они ту

воду, а Зулуна наполняла кувшины и смотрела с улыбкой на их разгоряченные лица.

- Скоро, Маттафия, видит Господь, мы изопьем из своего любимого колодца, - сказал Давид, - но кто бы напоил меня водой сейчас!

И услышал его слова храбрый Иеваал, и не говоря ни слова, сбежал с холма и скрылся в дымящейся над полем гари, и поспешили за ним Елиазар, сын Додо, и бесстрашный Авесса, сын Саруи И никто не понял, почему столь поспешно исчезли они. И начали беспокоиться, и хотели уже послать воинов вслед за ними, когда трое храбрецов появились у пещер, и в руках у них были меха, наполненные водой. Они подошли к Давиду и протянули ему свою добычу, довольные тем, что смогли исполнить желание своего царя. Чтобы добыть эту воду, пробились они через стан филистимлян, и был ранен Иеваал, но не стирал он кровь с лица своего и ждал царской похвалы.

Но Давид помрачнел и не стал пить воду, добытую для него, вылил он эту воду на разогретые солнцем камни и сказал:

- Сохрани меня Господь, чтобы я усладил плоть свою! Стану ли пить, добытое кровью храбрых мужей? Жизнью рискуя, принесли они эту воду, и риск был сотворен ради меня - но не стоит и капли крови храбрецов моя жажда!

Таким был тогда Давид, он не заботился в битвах о себе, он был прост и доступен каждому, он не любил, когда напрасно рискуют жизнью, и оберегал своих воинов. Это уже потом опутали его сановники тенетами лести, окружили липкие потатчики, повсюду восхваляющие его, и стал он повелевать властно и тешиться уладами жизни. Завел личную охрану из фелефеев и хелефеев - и не подступиться было к нему. И старую дружбу забыл Давид, и поверил Иоаву, что предал он, Маттафия, свой отряд в руки филистимлян и чуть ли ни сам, по своей воле, попал в плен..

И когда возвеличивали льстецы Давида, не было у него уже той славы и величия, которые дал ему Господь в начале царствования. Маттафия был рядом с ним в тот звездный час Давида, когда пал под натиском его неприступный Иерусалим. Этот укрепленный город стоял в сердцеvine земли Ханаанской, и сотни лет он сохранял свою независимость. Не мог овладеть им Иисус Навин, когда после смерти Моисея по велению Господа завоевывал Ханаан. И более укрепленные города пали под натиском египетских беглецов, а этот устоял. И жили в нем вольные люди иевуссеи, и были уверены они, что не поразить никому их город, и утверждали, что даже слепые и хромые могут защитить его стены. Ибо были эти стены необычной крепости и толщины, и возвышался город на горе Сион, и были крутыми склоны этой горы и высоки сторожевые башни, упиравшиеся в небо. Название города означало - основание мира, ибо была внутри крепости гора Мориа, и знали первосвященники, что лежит в основе этой горы краеугольный камень,

которым и положил Господь начало сотворения земной тверди. И сюда, под стены Иерусалима, пришел из Ура Халдейского патриарх и праотец народа мудрый Авраам, здесь раскинул он свои шатры, и здесь на краеугольном камне готов был принести в жертву Господу своего любимого сына Исаака, и осталась на этом камне зарубка от ножа Авраама, которую сделал нож, когда Авраам зарезал жертвенного овна, посланного ангелом господним взамен сына Исаака

Этот город, расположенный в пределе земли Вениаминовой и земли Иудиной, решил завоевать Давид и сделать его главным своим городом. Долго готовились к взятию города, плели лестницы, запасались железными крючьями, изготовляли тараны, и даже самые уверенные в себе военачальники полагали, что осада будет нелегкой и долгой. Шли войска от Хеврона ночь, и к полудню следующего дня открылись перед воинами крутые холмы, выбеленные солнцем, и гора Сион за ними с крепостью на вершине этой горы, поразившей всех своим величием. И остановились они, словно замороженные, ибо такая синева обволакивала землю, таким дрожащим и светоносным казался воздух, будто достигли они пределов Эдема, и вот-вот спустятся с чистых светозарных небес божьи ангелы и поведут к вратам райского сада.

И вместе с воинами замерло, застыло все вокруг - и белесые холмы, и светло-серые с розовым оттенком камни крепостных стен, и белые крыши домов, видневшиеся на противоположной горе, справа от горы Сион. И стояла такая тишина, словно и не было никого там, за толщиной крепостных стен. И будто замороженные стали медленно двигаться воины, взбираясь по склону горы Сион, пока не остановили их внезапные крики и дождь стрел, посыпавшихся на головы. И тогда бросились все врассыпную, спасая свои жизни. И появились на крепостных стенах иевусеи, кричащие угрозы и повторяющие, что даже слепые и хромые и то смогут оборонить этот город от врага..

А потом была тихая звездная ночь, и всех сморил сон, лишь Давид молился в своем шатре, испрашивая милости Божьей. И было дано ему благословение Господне, и священные камни урим и туммим загорелись розовым огнем и указали, что падет город.

А утром трубили в шофары в стане Давида, утверждая в сердцах людей веру в победу. И послал Господь человека из колена Иудина, жившего в Иерусалиме, и человек этот поведал, что вода поступает в город от источника Гихон, и находится источник близ потока Кедрон вне крепостных стен, а от источника ведет в город подземный ход с водоводом, и по этому тайному ходу можно скрытно войти в город.

И тогда были отобраны добровольцы из самых опытных воинов, и удалились они от войска, и спустились к потоку Кедрон, пересохшему от палящего солнца. Сдвинули камни, закрывающие вход к водоводам, и услышали, как течет вода из родника.

С трудом протиснулся он, Маттафия, вслед за Иоавом в узкий лаз. И все глубже и глубже спускались они, окруженные мраком, и казалось, не будет конца пути. И стали они сомневаться - не подвел ли их иудей, указавший тайный ход, не заманил ли в ловушку, и стали роптать пробиравшиеся вслед за Маттафией воины. Но непоколебим был Иоав, ибо обещана была награда Давидом тому, кто первый ворвется в город, и никому не хотел уступать награды Иоав, и двигался он вперед, обнажив меч. Но не было просвета впереди, и суживался мрачный лаз.

И когда даже Иоав заколебался, вдруг расширился лаз, и наткнулись они на первые каменные ступени, ведущие вверх. Стали взбираться по подземной лестнице, освещая путь светом факелов, поднимались вверх, словно по лестнице Иакова не навстречу опасности и битве, а на зов самого Всевышнего. И когда в самой середине города они один за другим вылезли из подземелья, то ударил им в глаза режущий яркий свет иерусалимского солнца, и увидели они, что пуста была площадь, выложенная тесаными камнями, пусты были дома, усеявшие склоны крутых холмов. И поняли он, что все жители города - не только воины, но и старики, и дети, и женщины, и слепые, и хромые - там, на крепостных стенах, готовятся отразить натиск воинства Давида.

Не ожидали защитники крепости удара с тыла, и часа не прошло, как через открытые Иоавом крепостные стены хлынули отряды Давида. И не были в тот день жестокими победители, ибо было среди жителей города немало иудеев, насильно согнанных иевуссеями на крепостные стены - и сдавались иудеи, не сопротивляясь, и дано было повеление Давидом щадить их. И уже к вечеру, когда солнце еще не коснулось вершин иерусалимских холмов, пировал Давид на горе Сион в покоренном городе, считавшимся неприступным и взятым за один день. И не были им умерщвлены вожди иевуссеев, и сидели они за праздничной трапезой рядом с Давидом.

Что смягчило сердце Давида, о том неведомо Маттафии, был этот случай один из немногих, но почувствовал и он, Маттафия, что свершили они главное дело своей жизни, и что город этот угоден Господу. Маттафия долго тогда стоял на крепостной стене и смотрел, как солнце прячется за грядой холмов, которые словно стадо баранов сбегали к Мертвому морю. И постепенно становилось сиреневым небо, и солнце, исчезая, как бы втекало в землю, растворяясь между белесыми холмами, и крепостные стены, окрашенные малиновыми мазками заката, уже не казались столь грозными. Город уплывал в темноту наступающей ночи, и ночь эта будоражилась светом факелов и громкими песнями, прославляющими Давида.

Тогда Маттафия еще не знал замыслов Давида, это уже позже он оценил их. Давиду нужен был свой главный город. Гива помнила Саула, Гива была в пределах колена Вениамина, чуждого Давиду, Хеврон был

расположен на землях родного колена - колена Иуды. Иерусалим не принадлежал ни одному из двенадцати колен Израиля. Никто не затаил обиды, когда Давид решил сделать здесь свою столицу, когда решил перенести сюда Ковчег Завета. Никто из двенадцати колен не был обижен. Иерусалим стал тем городом, который объединил всех. И так быстро стал застраиваться город, что не хватало места за крепостными стенами, и возводились дома и дворцы на соседних холмах, и возвышался над всеми дворец Давида на горе Сион, построенный из светлого камня и кедрового дерева. И задумал Давид построить Храм для Господа.

Со всех концов Ханаана стекались тогда в Иерусалим плотники и каменщики. Всем хватало работы. Пыль от обгачиваемых камней слоями оседала на мостовых, визг пил и стук молотков не прекращались до поздней ночи. Стояла здесь в летние дни сильная жара, и работать стало легче только тогда, когда наступил месяц Кислее. Но теперь холод давал себя знать, и каменщики разводили костры на улицах чтобы согреться, на этих же кострах готовили снедь, жарили баранов и овец - не город это был, казалось, а воинский стан, только вместо мечей носили люди за поясами молотки, крючья и стамески.

Он, Маттафия, тоже тогда построил дом, третий дом в своей жизни, но недолго пришлось жить в этом доме, ибо шли непрерывные войны, и ни одной он не пропустил, и была неудачная для него война, в которой Господь отвернулся от него и предал его, Маттафию, в руки филистимлян. Когда строил дом, разве предполагал, что так сложится судьба. Думал жить и умереть в Иерусалиме...

Все военачальники Давида в этом городе превратились в строителей, каждый хотел перещеголять соседа, построить дом повыше и попросторнее. Завозили камень из Ливана, кедровую древесину из Гефы, делали кирпичи, закупали гвозди у финикийских торговцев - все это за счет казны. Готовили для строительства Храма, но и себя не забывали.

Помогали Давиду соседние цари. Тирский царь прислал из Хирома искусных мастеров - плотников, они ходили по городу в необычных одеяниях - фартуках, и прежде, чем что-то возвести долго приглядывались к месту, мерили все, записывали, помечали кистями. Строить приходилось на склонах крутых холмов, и много времени уходило на то, чтобы подготовить место, выровнять землю, вырыть яму для фундамента, заложить ее камнями...

Почему-то Давид медлил и все не начинал постройку Храма, и место было выбрано - на горе Мориа, той самой горе, где был краеугольный камень земли. Давид купил у Орны Иевусеянина гумно, чтобы на месте его возвести Храм. Отдавал даром все гумно Овна, но Давид заплатил пятьдесят сиклей серебра, сказав, что не угодно Господу место, взятое даром. Место это расчистили, оградил, подвезли туда каменные глыбы - и остановились на этом.

Давид всегда мрачнел, когда заходила речь о возведении Храма, Впрочем многих военачальников такое положение устраивало, они уже давно использовали казенную древесину и кирпич для своих домов. Потому и объясняли всем, что строительство Храма дело святое и не терпит поспешности и суеты.

Но не это было главное, он, Маттафия, узнал тогда, что воспротивился Господь и через пророка Нафана запретил Давиду строить Храм. Возвестил пророк Нафан Давиду слова Господа о том, что пролил Давид много крови и грешен перед лицом Господа, и что когда закончатся дни Давида и соединится его душа с душами праотцов, то будет царствовать сын его, миролюбивый и мудрый, и дано ему будет возвести Храм. Просил священнослужитель, поведавший о сем, никому не говорить о запрете божьем. И поклялся ему Маттафия, что будут сомкнуты уста, и весть эта умрет с ним, Маттафией.

Громогласно же и повсюду объявлялось о том, что в одну из ночей было слово Господне к Нафану о благословении Давида, и говорил Всевышний, что не отнимет милости своей от Давида, как отнял у Саула, и будет непоколебимо царство Давида, и престол его устоит во веки веков, и что будет пребывать Господь на земле здесь, в Иерусалиме, и не покинет сей город дух Господний, и привык он жить и в шатрах, ив скинии, и никогда не вопрошал - почему не постройте мне кедрового или каменного дома. Давид искал оправдания своих деяний у Всевышнего, он был открыт перед Господом, он постоянно каялся в своих грехах. Но всегда ли спасает раскаяние? Есть грехи, которым нет прощения. Об этих грехах жаждет узнать Каверун. Правитель хочет поколебать мощь Давида. Страшны ли Давиду сети, которые расставляет Каверун? Почему нужно Каверуну, чтобы свидетельствовал против Давида он, Маттафия? Ужели правитель хочет возродить дом Саула, ужели скорбит о потомках царя? Открыться - вот перед тобой законный наследник, единственный оставшийся в живых сын, плоть от плоти, кость от кости царя... Возрадуется ли Каверун? А как доказать, что ты сын царя? Да и нужно ли? Все равно лишишься головы. Остается только ждать, когда вернутся гонцы...

И подивился Маттафия сам себе - впервые в жизни он бездействует, он готов спокойно пойти на заклятие. Нужна ли эта жертва сына во имя отца? Оправдают эту жертву твои сыновья, поймут или осмеют? Он понимал, что надо собрать все силы и решиться на побег. Эта мысль билась в нем, не давала ему покоя. Он ходил от двери к окну медленно чтобы успокоиться, чтобы смягчить сдавливающую сердце тяжесть. Подолгу смотрел в окно - медные прутья он мог бы легко отогнуть, дожидаться ночи и раствориться в ней. В который раз обмануть судьбу, разорвать тенеты смерти, перенестись на волю на крыльях ветра, в потоке ливней, окружив себя темнотой и водами из туч небесных. Бежать через горные пастбища туда, где высится на краю земли Ханаанской снежная

шапка Хермона. Но все это означало, понимал Маттафия, бросить Зулуну и Рахиль, которым предстоит испытать и гнев Каверуна и озлобленность Цафара, отдать их жизнь взамен своей. Лишить себя тех, к кому стремился, по ком изнывал в тоске, выгребая веслом, прикованный к корабельному борту. Никогда более не увидеть Иерусалима и спокойную гладь Кинерета, и желтые воды Иордана. Забыть - значит предать. И нету путей к спасению. Он понимал, что напрасно ждет милости от Давида, напрасно вверг в пучину бед своих ближних...

Какое дело могущественному царю до опозоренного пленом простого воина? Давид недоступен, нимб победителя осиял его рыжие кудри. Он уже сам давно не поет псалмы и не перебирает струн арфы. В Иерусалиме есть хор певчих, есть певцы с любыми голосами, неустанно поющие славу царю. Эти хвалебные песни звучат по всей земле обетованной. Маттафия слышал их на караванных дорогах, когда пробирался в город-убежище, он слышал их в поселениях, усеявших Изреельскую долину, их пели даже рыбаки, ставящие сети на Кинеретском озере. Из этих песен узнал Маттафия о победительных войнах, в которых не был обнажен его меч. О войнах, где смирил Давид филистимлян, поразил маовитян, разбил Сувского царя Адраазара и сирийцев, пришедших на помощь к этому царю. И о том, как Давид истребил восемнадцать тысяч сирийцев в долине соли, и о покорении Идумеи, и о падении Дамаска. В песнях пели о том, как Давид легко одолевал врагов, как легко ему давались победы. Маттафия знал, что победы зачастую пахнут горечью слез и трупным зловонием, и поле победы становится добычей для грифов и воронов, и смертные крики и смертный пот дано изведать не только побежденным. Победители тоже оставляют свои трупы на растерзание грифов. И сколько людей Давида пало в этих сражениях не дано знать никому...

И все же лучше сражаться на поле брани, чем томиться в бездействии. Нет большей пытки, чем дни, в которые губительное ожидание выматывает душу. Тело, не утомленное работой, отвергает отдых, и надо долго лежать на циновке, прислушиваясь к шагам и шорохам, прежде чем сон переборет беспокойные мысли. Но и во сне продолжается жизнь, и призрачен и беспокоен сон гонимого человека.

Но в эту ночь пришел к Маттафии странный сон - увидел он синеву иерусалимского неба, свой дом в священном городе, дом из розоватого тирского камня и желтой древесины ливанского кедра, увидел свои смоковницы и масличные деревья, и увидел он гору Мориа, и золотое сияние над этой горой. И когда приблизился он к горе, то разглядел высокие столбы и литые из бронзы лилии на вершинах этих столбов, и искусно сделанные из серебра плоды граната, а между столбами - жертвенник, и тонкая струйка дыма, берущая начало над этим жертвенником, рассекала надвое небосвод. И стояли подле жертвенника

покрытые медью столы, уставленные золотыми чашами. А за колоннами высилось здание из белого камня, и так плотно были подогнаны и пригнаны друг к другу камни его стен, что ни малейшего зазора не было меж них. И выложены были эти камни кедровыми планками, и обтянуты крепкими цепями. И в дрожащей синеве неба казалось, что все это сооружение не стоит на земле, а лишь слегка касается горы Мория, что так воздушно оно, что стронется сейчас с места и поплывет навстречу белеющему вдали облаку.

И осознает Маттафия во сне, что перед ним Храм, возведенный во славу Господа, возделенная мечта Давида. И падает ниц Маттафия, и благодарит Господа за чудесное видение. И встает Маттафия с земли, и пытается войти в Храм, но сколько бы не делал он шагов, не может он приблизиться к храмовым воротам. И вырастает на его пути крепостная стена, и окружает эта стена Храм. Он никогда в жизни не видел столь мощной стены. Ибо когда взобрался на нее, то головой коснулся облака, а ширина была такой, что свободна могла промчаться здесь колесница. Он побрел по этой стене и вроде бы шел по направлению к Храму, но никак не мог достичь обители Бога - дымящегося жертвенника. И понял, что ходит по стене кругами, и нету схода с этой стены, а спрыгнуть он не решался - слишком высоко.

Нешадно палило иерусалимское солнце, Маттафия был весь в поту и нечем было утолить жажду. Господи, шептал Маттафия, ужели за грехи мои не дано мне войти в обитель твою? Смилуйся, Господи! Враг преследует душу мою, онемело во мне сердце, выведи из темницы душу мою, дозвожь войти в дом твой... И хочет он, Маттафия кричать, хочет звать Господа, но рот беззвучен, и не может он произнести ни слова. И вдруг он чувствует, как колеблется крепостная стена, как ворочаются камни, и стоит такой скрежет, будто исполины внутри стены трут камни друг о друга. И с ужасом видит он, что на месте чудесного Храма вспыхнул такой яркий огонь, что смотреть на него невозможно. Огонь лепит глаза даже на расстоянии, огонь опалает тело невыносимым жаром. И в это время под ногами Маттафии рушится стена, она оседает слоями, и все вокруг в пыли и в грохоте. Он проваливается, падает. Со свистом летят мимо него камни.

И видит он, что не один здесь, а бегут от рушащейся стены множество людей. И видит он среди них сыновей своих - Фалтия и Амасию. Оборачиваются сыновья, кричат - спасайся отец, он силится догнать их, но не может, нету прежней мощи в ногах, жжет ему боль ступни. И опять он остается один - среди грохота, гари и запахов тлена. И вместо синевы иерусалимского неба стоит над головой чад невидимых пожарищ. И в страхе думает он - ужели это горит Храм? Ужели Господь позволил поджечь свою обитель?

И вдруг выходит из пелены дыма Давид, в одной руке у него меч, в другой арфа с порванными струнами. Маттафия с трудом узнает его. Некогда огненные, кудри стали серыми, борода - клочковатая, седая, одежда во многих местах прожжена до дыр. И лишь глаза остались прежними, в них все тот же неистребимый блеск, в них прежняя голубизна.

И садятся они рядом на выжженном иерусалимском холме, на теплой земле, и глаза у Маттафии слипаются, он понимает, что нельзя спать, что сейчас может все решиться. Вот он перед ним - пастырь и спаситель, помазанник божий, могущественный царь - и Маттафия протирает глаза и тянет руку, чтобы дотронуться до края одежд Давида, чтобы ощутить - видение это или на самом деле - желанная встреча. Но рука никак не может дотянуться до одежды царя, и глаза Маттафии затуманиваются пеленой страха.

- Не страшись, Маттафия, - отчетливо произносит Давид. - придут сыновья и отстроят Храм, и будет он стоять вечно. Ты же воин, а воину неведом страх. Ты звал меня, и вот я, как и прежде, рядом с тобой. Смотри, стихает пожар, и люди возвращаются на гору Сион, смотри!

И Маттафия видит, как взбираются на холм усталые люди, бредущие цепочкой, связанные веревкой, словно пленники, и головы у всех согбенны, и слышит он хлесткие удары бичей. Исчезают люди в пелене гари, растворяются вдаль, и опять страх охватывает Маттафию - вдруг исчезнет и Давид, побежит вслед за всеми, оставит его, Маттафию, одного на выжженном холме, лишив всякой надежды на спасение. И словно узнав его мысли, говорит Давид:

- Нам никуда не деться друг от друга, помнишь, ты достиг пустыни Маон, чтобы убить меня, а стал моим сподвижником? Пути людей неисповедимы. Но жив Господь, и длань его простирается над нами. Ты предал меня не единожды, Маттафия, но я привык к предательствам, враги не раз преследовали мою душу и хотели втоптать в грязь мою жизнь, хотели, чтобы я исчез во тьме, в царстве теней, но Господь не скрыл от меня своего лица. И дано было мне познать голос Всевышнего, и поведал он: надо прощать людей, ибо не совершенны они ни духом, ни телом, надо помнить друзей и свои клятвы, и не судить никого строго, тогда и сам не будешь судим...

Праведны были слова Давида и звучали они отчетливо в наступившем вокруг покое, ибо исчезли и дым, и запахи тлена. И очищенное небо вновь окутало синевой белесые холмы, которые словно застывшие волны окружили гору Сион.

- Почему же ты нарушил клятву, данную Ионафану? - спросил Маттафия, и не было в его словах упрека, а лишь сожаление и тоска по тем временам, когда они были неразлучны в Гиве сауловской: бескорыстный и не знающий сомнений Ионафан, голубоглазый певец и победитель

Голиафа Давид, и он, Маттафия, безвестный воин, похожий на царя, не узанный сын, верный стражник и сотник.

- Коварство и наветы сеют раздор, ужели ты, Маттафия, не замкнул свой слух, когда клеветники возводили хулу на меня? - с горечью произнес Давид. - Если хочешь увидеть солнце, гляди на небо, а не на его отражение в воде. Ионафан был моим солнцем. Любил ли кто на земле Ионафана более меня! И эта любовь моя не отошла и от сына его. Я призвал к себе Мемфивосфея, я отыскал его, я возвратил ему поля Саула и поклялся, что всегда будет сын Ионафана есть за моим столом. И все, что принадлежало дому Саула, я отдал ему. Я дал ему рабов, ибо хром Мемфивосфей на обе ноги и не в силах содержать хозяйство свое. И сына Мемфивосфея малолетнего Миху возлюбил я. В чем моя вина? Или ты хочешь, чтобы я отдал Мемфивосфею свое царство? Так требовали от меня те, кому не нужен был сильный Израиль. Что сделал бы Мемфивосфей, как устоял бы против врагов наших?

И нечем было возразить Давиду, ибо не смог бы и дня удержать царский престол несчастный Мемфивосфей. Пять лет было Мемфивосфею, когда пришло известие о гибели Саула и Ионафана, и нянька, услышав страшную весть, испугалась, схватила ребенка и бежала поспешно, и упало дитя и сделалось хромым. И после того рос сын Ионафана в печали и был тих и задумчив.

Но ведь были и другие потомки Саула, были сыновья Рицпы, сыновья Мелхолы - что с ними, где они? Знал Маттафия, что не будет ему ответа, и не хотел ответа, ибо страшился услышать правду. И сказал он Давиду:

- Никто из дома Саула не хотел отнять царство у тебя, никто не покушался на твой престол, спаси же еще одного из них в память о клятве, данной в пустыне!

- О ком зываешь ты? - с недоумением спросил Давид. - Ужели о недостойных сынах наложниц, ужели о сыновьях моей бедной Мелхолы, рожденных от нечестивого сына Лаиша? Ужели есть кто другой?

И хотелось крикнуть Маттафии: - Да, есть! Он перед тобой! - но соохлса гортань, и вновь страх объял все тело.

И смотрел Давид пронзительно и долго в глаза Маттафии, а потом произнес с горечью:

- И ты, Маттафия, предавший меня, возжаждал моего царства! Ты думаешь легко быть царем? Всех вас, завистников моих, прельщает царский престол, будто медом намазан он, и вокруг стекают елей и миро. Господь давно открыл мне твою тайну!

- Нет! Нет! - в испуге замахал Маттафия руками, пот проступил на его лбу, он чувствовал, как отчаянно забилося сердце. - Я никогда не покушался на твое царство!

- А сейчас, - с укоризной произнес Давид, - не оправдывайся, ты возжелал стать Саулом, ты жаждешь воскресить тени мертвых, ты сам одной ногой в Шеоле, и ты после этого хочешь, чтобы я спас тебя? Отыщи лучше струны для моей арфы. Видишь, эти порваны. Это мои певцы в Иерусалиме слишком усердно дергали их, я сам назначил начальника хора из сына льстецов. Я повсюду ищу струны и не нахожу их. Все прячут струны от меня. И ты тоже прячешь их?

- Я никогда не прятал струн, - пытается оправдаться Маттафия.

И шарит в складках своей одежды, развязывает пояс. И вдруг медный моток выскакивает на траву и медленно катится к Давиду. Маттафия чувствует, как краска заливает его лицо - что подумает Давид, откуда взялся этот моток меди, наверное Цофар подложил его? Как он, Маттафия, не смог обнаружить эту медь раньше?

- Медь похитил у меня Фалтий, - спокойно и беззлобно объяснил Давид. - Ты думаешь, что Фалтий твой сын? Он такой же твой, как и мой! Он похитил медь и хочет похитить мое царство! Он совратил с истинного пути моего любимого сына Авессалома! Погиб Авессалом, никто не заменит мне его!

Маттафия зажимает уши ладонями, он не хочет более слушать речи Давида, он хочет проснуться, он хочет возвратиться в свою дворцовую тюрьму, лучше приблизить свою казнь, чем внимать словам царя.

А Давид спокойно разматывает медный клубок, измеряет длину, кладет на камень, отсекает мечом равные части. Меч медленно поднимается и резко падает, нити, словно живые, вздрагивают, отскакивают от мотка, блестят в траве быстрыми змейками. Давид не дает им ускользнуть, он выхватывает медные нити из травы и натягивает на арфу. И вот уже пальцы Давида прошли по новым струнам, вот уже льется неслышная для Маттафии мелодия.

И так непреодолимо хочется отнять ладони от ушей, так хочется вернуть прошлое, когда в Вифлееме чарующе звучала арфа, когда наполняла она сердце любовью. И он, Маттафия, с сожалением понимает, что все это сон, что сейчас развеются все видения, и никогда ему не дано более услышать сладкозвучную арфу Давида. Не дано увидеть эти белесые холмы и синеву иерусалимского неба, все это он может только вспоминать потом, если не прервется его жизнь под ударом меча, если Каверун не отдал повеление о казни.

Глаза у Маттафии слипаются, уши все еще закрыты ладонями, но вдруг тонкие напевы проникают в него, грустная песня звучит в голове, пронизывая тоской.

И Давид медленно опускает арфу на траву и идет к нему, Маттафии, не идет, а словно плывет, одежды его развеваются, становятся крыльями. Храм вдали, будто и не было пожара, сияет золотым блеском, тонкий дым вьется над жертвенником.

Руки Давида ложатся на плечи, Давид тормошит Маттафию. Оставь меня в покое, шепчет Маттафия. «Проснись, Маттафия, я не враг тебе! - отчаянно кричит Давид. - Господом нашим заклинаю тебя, проснись!».

И Маттафия, подчиняясь Давиду, открывает глаза - и конец всем видениям, вместо голубизны неба - сплошная темнота, сереющий просвет окна, и сразу слух различил какой-то неясный скрип. И чувство опасности, ощущение того, что он не один здесь. Он напрягся. Потом резко оттолкнулся от пола и вскочил на ноги. И сделал это вовремя, ибо в то место, где он лежал вонзился меч. Слишком много силы было вложено в удар, предназначенный спящему человеку. Теперь убийца пыхтел, пытаясь вытащить меч, застрявший в полу. Маттафия резко выбросил ногу в сторону склонившейся над мечом тени. Удар пришелся в пах невидимому врагу. Тот с истошным воплем полетел к стене, но меч был теперь у него в руке. Тогда Маттафия бросился в ноги убийце и придавил к полу руку, держащую меч. И от резкого удара в глаз вскрикнул от пронзившей его боли. Но боль умножила силы, в Маттафии проснулась ярость. Так всегда было с ним в минуты смертельной опасности, он знал, что должен одолеть врага. Он навалился на убийцу всем телом, продолжая сжимать руку, держащую меч. Он сдавил врага и коленом своим нажал на горло, тот захрипел. Свободной рукой Маттафия схватил его за волосы, ему удалось сжать голову врага между своих колен, Маттафия сдавливал ее, и раздался треск, словно лопнул пустой орех. И тело врага обмякло, стало неподвижным.

Глава XXIV

Амасия сидел в печали на берегу Иордана. Здесь, в истоках своих, был узок и быстр Иордан, но теперь, в сезон дождей, поднялась вода в нем и стала бурой, ибо вобрала в себя потоки, стекающие с Ливанских гор. Мутной была вода, и смутными были мысли Амасии. И не радовали его - ни солнце, разорвавшее плену туч, ни густые вербы, склонившиеся над водой, ни сочные лесные ягоды, растущие рядом с тростником, ни желтые лилии, плывущие вдоль берега.

Еще каких-то несколько дней назад был он беззаботен и свободен, как певчая птица. И вот крыло несчастий повисло над его домом. И не мог он, Амасия, разобратся во всем, да и времени не было для этого - понял одно: от него зависит жизнь отца. И все он сделал, как повелела Зулуна, и был он сейчас у города Силома, от которого до Иерусалима рукой подать, и достиг бы святого города, если бы надеялся только на себя, а не пристал к караванщикам. Казалось, что быстрее и безопаснее добраться до Иерусалима вместе с бывальыми людьми, которые всегда смогут защитить

от лихих разбойников. А вышло наоборот. Лишился он осла своего. И когда теперь думал об этом осле, то слезы наворачивались на глаза. Видел он перед собой его чуткие толстые губы, его большие безвинные глаза, вспоминал, как ночью спал, приткнувшись к теплому боку. Вспоминал и еще более приходил в расстройство. Как поведать теперь Зулуне, что не уберег осла, как теперь расплатиться за него, ведь не принадлежал осел их дому, а был взят на время у добрых пастухов. Но не это было главное - а то, что теперь не сумеет он вовремя добраться в Иерусалим. И Зулуна, и родительница его Рахиль надеются на него, поручили ему спасти отца, а он сидит на берегу Иордана и не знает - то ли домой возвращаться, то ли броситься в быстрые воды, чтобы избежать бесславного возвращения...

В первый день пути казалось все просто - выехали все вместе караванчики, торговые люди, впереди шли верблюды, гордо поводя мордами, звенели весело колокольчики, висящие на изогнутых шеях. Большинство караванчиков, как и он, Амасия, восседали на своих ослах. И напрасно говорят, что осел упрям, ведь если ему довериться, то и понукать не надо, сам всегда отыщет дорогу, да и на стоянках сам найдет корм. Только не надо бить его пятаками в бока и хлестать почем зря. И чуется опасность всегда осел. Вот и в этот раз задолго до того, как спешили караванчиков стражники, стал прядать ушами, фыркать и упираться. Надо было послушаться его и отстать. Так нет, стал его погонять. А тут - у входа в ущелье - отряд навстречу с копытами наперевес. Стража Каверуна. Думали караванчики, обычная проверка - не везут ли товары, за которые не заплачена пошлина. Застряли первые верблюды у входа в ущелье, начался крик, все сошли со своих ослов. Каждый на своем языке стал высказывать недовольство. Подошел главный погонщик верблюдов и поведал, что требуют стражники дополнительную плату - по пять сребреников с каждого, а у кого нет сребреников, может расплатиться частью товара.

Караванчики стали неохотно развязывать тюки. Стражники ходили с корзинами и набивали их тканями, сушеными финиками, сосудами с оливковым маслом. Один из торговцев поднял крик, лег на свой тюк, обхватил его обеими руками.

- Сам Цофар дал мне разрешение! Проклятые гиены! Вас послали охранять дороги, а не грабить мирных торговцев! - кричал он.

Его оттащили от тюка, один из стражников распорол тюк мечом, другой выхватил плетль и стал стегать непокорного торговца по спине, тот пытался бежать, тогда стражники навалились на него шестером и били, пока несчастный не смолк.

У Амасии не было ни товара, ни монет. Он стоял рядом с ослом, и когда стражники добрались до него, развел руками и улыбнулся. Один из стражников погладил его по голове. «Ну и волосы, - сказал стражник, - длинные, как у Авессалома!». - «Может, это девица, - усмехнулся другой стражник, - надо бы познать ее!». И задрал полы одежды Амасии. Амасия

ничего не понял и продолжал улыбаться. Подошел начальник стражников, и услышав от своих товарищей, что у Амасии ничего нет, сказал: «Быть этого не может, смотрите, белый осел не отходит от отрока!». Амасия обхватил осла за шею, сцепил пальцы. Тогда стражник схватил Амасию за волосы, резко дернул на себя, развернул и больно ударил коленом ниже спины. Амасия упал. Другой стражник стал срывать с него одежды, теперь Амасия понял, что ему грозит. Он завертелся, как уж, задергал ногами, пытаясь вырваться. И не совладеть бы ему с насевшими нечестивцами, если бы не раздался зычный клич начальника стражников, сзывающего своих воинов.

Караванщики облегченно вздохнули, сели на своих ослов и верблюдов и двинулись дальше. Амасия долго плелся следом, пока хватило сил, а потом лег у дороги и дал волю слезам. И решил он впредь не идти по караванной дороге, где даже свои охранники измываются над людьми и грабят мирных торговцев, и свернул Амасия на восток, чтобы выйти к реке Иордан, ибо знал, что ее воды ведут к Мертвому морю, а там - совсем рядом Иерусалим. Надеялся еще Амасия встретить рыбарей и с ними переплыть Кинеретское озеро, чтобы сократить свой путь. Но когда вышел он к Иордану и очутился один на пустынном берегу, поросшем травами, тростником и вербами, то сжало его сердце тоской, и понял он, что без снеди одному не добраться до Иерусалима, что не пройти ему по заросшему берегу, и дано ему спасти своего отца.

Не было в его сердце большой любви к отцу, плохо помнил он даже лицо отца, и было имя отца в доме - как предвестие грозы в небесах, и с появлением отца связывались в памяти Амасии наивные детские страхи и угрозы - вот узнает отец, вот скажем отцу... С малых лет Амасия испытывал отвращение к стрелам, мечу и копьё, не хотел он обучаться ратному делу. И потому был любим отцом Фалтий, для которого не было дорожке подарка, чем обоюдоострый меч, добытый отцом в битве с филистимлянами.

Но было свято имя отца в доме, и любили его беззаветно и родительница Амасии Рахиль, и Зулуна - и слова плохого об отце не слышал от них Амасия. И когда был пленен отец, горевали все в доме и тосковали и ждали, когда он вернется. И Амасия тоже ждал отца, думал, что все изменится, когда тот вернется, будет отец опорой и щитом для дома, и жизнь с его приходом станет безбедной, и дом будет полон снеди. А без отца все время жаловались женщины, что с трудом приходится добывать хлеб насущный.

Но ему, Амасии, и эта жизнь казалась прекрасной, и не было тоски в его сердце. С малых лет возлюбил он удел пастухов, убегал на дальние пастбища, в росные травы, где можно было вволю играть на самодельной дудочке, слушать пение птиц, глядеть в доверчивые и полные любви овечьи глаза, подносить безропотных и беззащитных ягнят к сосцам овец,

прижимать агнцев к груди и чувствовать, как испуганно колотится их сердце.

И вот пришел долгожданный отец, но не взошел в дом свой, а попал в заточение, ибо ложно принят за царя Саула, и грозит отцу погибель, и теперь не отец может защитить дом и свою жизнь, а дано это свершить ему, Амасии. Должен он обо всем поведать в Иерусалиме Фалтию, и коли не найдет брата, то нужно самому пробраться в царский дворец и искать милости у Давида

Все страшились могущественного царя, а когда поведал пастухам он, Амасия, что видел Давида - не поверили ему. Ибо стал он доказывать, что вовсе и не страшен царь. И что подарил этот царь ему, Амасии, флейту. И смеялись пастухи: вот, мол, выдумщик какой, лишь бы похвастаться - царским дружком был...

А ведь он, Амасия, не единожды видел Давида, он говорил с царем, царская рука гладила его волосы. И не помнит он ничего устрашающего в облике царя - и добротой были наполнены голубые глаза, и рыжие кудри и рыжая борода, словно цветистые лилии обрамляли лицо. И рука у царя была не такая жесткая как у отца; помнит он, Амасия, тепло царской ладони и то, как долго стояли они подле Сихемских ворот в Иерусалиме, и солнце играло на медных полосах, скрепляющих дубовые брусья. Спросил тогда Давид про Амасию у Зулуны: «Это твой сын?». И ответила Зулуна: «Я различий не делаю, Фалтия ты стремишься отнять у меня, а этого не отдам!». И сказал тогда Давид: «От воина рождается воин, и ты можешь гордиться Фалтием!». «Но этот не будет воином!», - сказала Зулуна. И Давид положил ладонь на голову его, Амасии, и сказал: «Волосы горят золотом, его любит солнце, приходи, я подарю флейту!». И ответила Зулуна: «Не войдем в дом твой!».

И удивило тогда Амасию, что всегда и со всеми любезная Зулуна так резко говорила с царем. Но флейта все же появилась в доме, ее принес стражник из дворца. Чудесные звуки можно было извлекать из нее, заслушивались все на улицах иерусалимских, когда играл на ней. Но когда вернулся отец из очередного похода, сказал: «Надобно тебе, Амасия, научиться стрелы выпускать в цель, большой ты уже, не для тебя эти царские забавы, оставь свою никчемную флейту!».

Казался отец великаном, поднимал Амасию на вытянутых руках к потолку, кружил и смеялся. Учил отец, что мужчина должен уметь постоять за себя и своих близких, что должен смолоду крепить свои мышцы, показывал, как нужно защищаться и давать отпор в случае нападения. Фалтий боролся с отцом отчаянно, нападал, не хотел сдаваться. Он, Амасия, сразу сникал, терялся, падал и плакал. Зато было весело, когда они ходили на берег потока Кедрон, омывались там прохладной водой, жарили мясо на вертеле, пели песни. И тогда доставал Амасия свою флейту, сохраненную несмотря на запрет отца, и смолкали и отец, и

Фалтий, и становились задумчивыми их лица, и просили они играть еще и еще...

И потом, когда пришлось покинуть Иерусалим, когда стал он, Амасия, пасти овец на склонах ливанских гор, пригодилось ему умение извлекать из флейты протяжные трели, ибо за это возлюбили его пастухи и всегда старались защитить и не давали никому в обиду отрока, растущего без отца. И когда истерлась и уже перестала звонко звучать флейта, сделал Амасия по ее подобию себе дудочку...

Никогда отец не нуждался ни в чьей защите, не было равного ему силой во всем Иерусалиме, и повсюду говорили о том, как храбро поражал он в битвах своих врагов, так говорили - пока не исчез он, не вернулся из похода, и тогда ожили клеветники и завистники и начали поносить его. Но ни слова против отца не было сказано в доме, и никогда даже и подумать не мог Амасия, что придется ему спасти того, в ком были все силы и мощь, какие мог послать Господь одному человеку.

И глядя с тоской на мутные воды Иордана, старался Амасия подавить страх и сомнения, и знал он, что нету ему возврата домой, а предстоит изыскать кратчайший путь к Иерусалиму. Молил он Господа послать спасение, укрепить силы и дать избежать врагов, покушающихся на жизнь путников, и никогда не оставлять в беде. И услышал его Господь. Ибо затрещали прибрежные кусты, и вышел к реке человек, высокий, в поношенных обветшалых одеждах и так поросший густым седым волосом, что поначалу и не человеком он показался, а духом вод иорданских. И смотрел он так пристально, что не дано было, наверное, никому вынести такой его взгляд.

- Кто ты? Не демон ли зла? - испуганно спросил Амасия.

- Не страшись меня, отрок, - ответил старик, и голос у него был зычный, раскатистый, - я правду взыскую! И иду я от Дана к Иерусалиму, чтобы припасть к Ковчегу Завета и там вознести молитву Господу.

И исчез страх у Амасии, понял он, что послал ему Господь надежного попутчика. И когда спросил старик, куда идет Амасия и как его зовут, то открылся Амасия почти во всем, но ничего не стал объяснять про отца своего, сказал только, что должен его спасти и спасение для отца отыскать можно лишь в Иерусалиме. И спросил Амасия у старика, как того зовут, и ответил старик:

- Зови меня просто Левит. Ибо что тебе в имени моем, которое я и сам забывать стал. Колено мое Левино и нету ему наделов в земле Ханаана, и этому колену доверено служение Господу - это колено священников и пастырей...

И предложил Левит вернуться в долину Изреельскую и оттуда выйти на царскую дорогу. Спросил его Амасия, сколько дней надо, чтобы одолеть по этой дороге путь до Иерусалима. И когда ответил Левит, что

более пяти, то осунулось лицо у Амасии, и долго стоял он молча, понурился головой. И увидев его тоску, сказал Левит:

- Нет горя, которое нельзя преодолеть, коли свято веришь в Господа Бога, и угоден Господу отрок, оберегающий отца своего!

И объяснил Левит, что можно достичь Иерусалима за более короткий срок, если взять себе в сподвижники быстрые воды Иордана. И принялись они за работу, и решили успеть до заката солнца подыскать крепкие стволы деревьев, срубить их и связать валявшейся на берегу сетью и лозой - сделать себе надежный плот.

Работал Левит споро, несмотря на свои годы, ловко подрезал ножом своим стволы, выдалбливал в них выемки, соединял стволы друг с другом, так что и зазора не оставалось. И так трудились они до заката, а потом развели костер, согрели воду, заварили ее ягодами и яблоками, и утолив голод этим напитком, решили заночевать здесь, а с рассветом пуститься в плавание. Набрали веток и листьев, устроили себе ложе под кроной вербы, но улеглись и заснули нескоро.

Расспрашивал Левит Амасию о его жизни, поведал и своей. Помнил Левит еще время судей, когда не было царя у Израиля, знал Саула, вместе в молодые годы свои бродил по дорогам Ханаана с сынами пророческими, был не единожды гоним за правду, за то, что обличал сильных мира сего и ничего не страшился. Говорил он долго. Ночь опустилась на землю, повис меж ветвей острый серп луны, шумели неумолчно в ночи невидимые воды Иордана. И слушал Амасия Левита, стараясь не пропустить ни единого слова, и радовался, что столь умудренный годами и жизнью человек, слугитель Господень, рядом с ним. И открылся ему Амасия, что ищет спасения для отца у Давида, что верит - могущественный царь не оставит в беде своего воина.

И сказал Левит: «У властителя ли искать заступничества и справедливости? Путь сей безнадежен, не трогает горе ближнего того, кто живет в роскоши и довольстве».

И поднялся старик, встал, заслонив костер, и очертил Левита в темноте ночи светящимся нимбом огонь костра, и стал говорить он с гневом, поднимая в небо костлявые руки:

- Словно тенета для нас - лживые надежды. Милости ли искать в царском доме? Знаешь ли, отрок, что собрались там законопреступники и сообщники воров и разбойников. Все там гонятся за мздой, и если нету у тебя сребреников, никто не станет говорить с тобой, и не допустят они тебя даже близко к Давиду. Возвели они себе дворцы на горе Сион, а Господу оставили шатер, продуваемый ветром. Расхитили жилище Господне, еще не построив его. О грехах своих открыто рассказывают, как садомяне, похваляясь друг перед другом, кто более согрешил, и потом каются прилюдно, как и царь их. Грешат и воздают жертвы Господу, словно грехи можно искупить кровью агнцев! Господь давно пресыщен

всесождениями и туком откормленного скота, он не жаждет крови тельцов, козлов и агнцев. Господь ждет покаяния сердца!

Я говорил Давиду: научись делать добро, спасай угнетенных, защищай сирот, гони от очей своих мздоимцев, погрязших в беззаконии, не доверяй мытарям своим, разоряющим народ. Был я изгнан за правду! Горе стране, где правит зло и тьму почитают светом, где за взятки оправдывают виновного и осуждают праведника. Возгорится гнев Господень, смочит Господь скверну. Кто властвует над нами? Почему возомнили они себя превыше Всевышнего? Все мы - капли из ведра, пылинки на весах, и не смертному дано судить - кого казнить, а кого помиловать. То дело Господне!

Но не слушали меня, и был я изгнан из Мегидо. Ты, Амасия, еще отрок и многого не ведаешь... Творится повсеместно беззаконие на земле Ханаана. Смерть Авенира, гибель Иевосфея, кончина Авессалом! Кровь их да падет на голову убийц! Мы в крови праведников, по всей земле разлилась она! Народ стонет и содрогается от убийств и непосильных пошлин, а Давид возводит дворцы и умножает число жен своих и наложниц! И такие отроки, как ты, Амасия, верят ему, поют песни, восхваляя его. Держатся за него, как слепые за стену, ходят ощупью, словно нету у них глаз своих! Опомнись, Амасия! Ждет тебя иной жребий. Придет новый Авессалом, пробудит тебя и сверстников твоих.

Говорил Господь пророку Самуилу - образумь пылких, зачем Израилу царь? Есть царь небесный - ему дано вершить судьбы людские. Не прислушались к голосу Самуила. Теперь режут, как раненые медведи, стонут, как согнанные голуби - и нету никому спасения. И ты, отрок, возомнил, что сыщешь справедливый суд земной в царских покоях. Не будет его...

Но знаю, неизбежен суд небесный - воспылают земля и небеса, от шума всадников и стрелков разбегутся нечестивые мздоимцы! А пока сторожат они нас и не страшатся расплаты, улавливают в тенета, как птицеловы, ставят ловушки нашим душам. И ты, Амасия, веришь им, и тебя заманят в сети! Напрасно сплотил я деревья и уготовал путь тебе по водам Иордана, разрушу я плот, чтобы спасти твою душу, ибо невинна она, и возлюбил я тебя, отрок! Похож ты на другого отрока, который был мне дороже жизни, но не вложил Господь разум в его голову, жил он порывами своего сердца. Был я наставником ему, но не сумел смирить его нетерпение. Как и ты, не хотел он ждать Божьего суда. И звали его Авессалом.

Не было во всем Израиле человека столь красивого, как Авессалом, и столь хвалимого всеми, как он, от подошвы ног до верха головы не было у него недостатков. А волосы! Длинные пряди, локоны, такие, как у тебя, когда стриг он голову, а стриг он ее каждый год, то волосы его весили двести сиклей! И вот - нету Авессалом, утеряны мои последние надежды,

сгорел он от пылкости своего сердца. И тебя, отрок, жаль мне, ты тоже летишь на огонь...

Гневными были речи Левита, и испугался Амасия, что бросит его старик, и понял, что напрасно открылся в своих целях. Амасия стал оправдываться, говорил, что не ищет для себя никаких милостей, что любит родительницу свою и исполняет ее наказ, что нету иного пути для спасения отца...

И смягчилось сердце Левита, обещал он не бросать в беде Амасию и помочь добраться до Иерусалима, но объяснил, что в самом Иерусалиме ничем не сможет помочь, ибо вынужден будет сам скрываться от стражей Давида и даже в скиню пробраться тайно, чтобы помолиться там Вседержителю.

И вот с первыми лучами солнца двинулись они в путь. Столкнули свой плот на воду, вооружились шестами и веслами, и отдались на волю бурного течения Иордана. Стремглав неслись бурые воды, и нужна была большая сноровка, чтобы вовремя оттолкнуться от берега, вовремя обойти каменистые пороги - и Амасия едва успевал исполнять повеления Левита, и они несколько раз едва не лишились плота, с трудом перевалив через бурлящие пороги, дважды застревали они на бродах, но потом приноровились, и успевал теперь Амасия не только веслом грести - но и смотреть на берега, и даже радоваться зелени их и синеве неба над ними.

К полудню вынесли их воды к Кинеретскому озеру, и они вздохнули с облегчением, когда плот замедлил свой бег, и предстала перед ними ровная гладь синих вод, лишь изредка нарушаемая всплесками одиноких рыб, и весело играли солнечные блики на зеркальной поверхности вод. Зеленые пологие холмы плавно спускались к берегам, и казалось озеро огромным драгоценным опалом, обрамленным зеленью. Чисты и прозрачны были благодатные воды, и ни разу в жизни не видел Амасия такой красоты, такого величавого покоя.

Они приткнули свой плот к берегу, вышли на луг и сели под пальмой на мягкую траву, и долго так сидели молча, И когда испили они воды из озера, показалась она им сладкой, словно мед был растворен в ней. И сказал Левит: « Бог создал семь озер на земле Ханаанской, но только одно озеро - Кинеретское - он избрал для себя, и витает здесь над тихими водами дух Божий».

И не только Господь избрал это озеро, понял Амасия, вглядываясь в светло-зеленые берега, где повсюду виднелись низкие белые дома рыбарей, и сушились сети подле этих домов. Плавно скользила над тихими и прозрачными водами чайка, важно выхаживали вдоль берега пеликаны, и лишь изредка, нарушая тишину, стучались бортами лодки, оставленные рыбаками у берега. Жаркий полдень - не время для богатых уловов, и дремлют, наверное, рыбаки в своих уютных домах, ожидая вечернего лова. Остаться бы здесь и жить без забот...

Но спешил Амасия, торопил Левита, рвался продолжить путь. Умудренный годами Левит знал, что не осилить дорогу сходу, но подкрепив себя снедью, не утолив голод свой. Он заострил ножом шесты, и встали они в воду неподалеку от берега, чтобы добыть рыбу. И здесь оказалось, что ловчее Левита был Амасия, пронзил он две большие рыбины, а Левиту ни одной не удалось добыть. Собрали они сухие сучья для костра, разожгли его, а потом завернули рыбин в пальмовые листья и положили на угли.

Таяла во рту разваренная рыбная плоть, и казалось Амасии, что ничего в жизни он не ел вкуснее этой кинеретской рыбы. И силы его окрепли, и росла в нем уверенность, что и впредь Господь не оставит его, коль послал в пути такого путника, как благочестивый и мудрый Левит.

На следующий день проплыли они на плоту путь к противоположному берегу, и было легко и беспрепятственно продвигаться по тихому лону озерных вод, правда, пришлось поработать веслами, но зато не было преград и опасностей на их пути. И добрались они легко до тех мест, где вытекает из Кинерета река Иордан. Насытившись водами озера, вырывается река и прокладывает русло через отрожье скалистых Иудейских гор. Здесь, у города Силома, мыслили они закончить свой путь по воде и пойти напрямую к Иерусалиму. И все складывалось, как задумали, но омрачил их путь последний перекат у Меджемского брода.

Солнце клонилось к вершинам гор, когда приблизились они к этому последнему на их пути перекату, и заметил Амасия, что впереди, у камней, качаются на воде не то бревна, не то пучки каких-то водорослей, и спросил он у Левита, что плавают там, у камней. Но ничего не ответил Левит, лишь помрачнело его лицо, и беззвучно зашептал он слова молитвы. А когда поднесло плот поближе, с ужасом понял Амасия, что бьются о камни тела утопленников. Были вздуты их животы, и длинные волосы веером расплывались вокруг голов. И страшны были их неподвижные, застывшие глаза. И почти все это были безбородые юнцы, сверстники Амасии.

Разом уперлись Левит и Амасия шестью в дно, чтобы повернуть плот и миновать камни, и прибился к плоту один из утопленников, зацепился волосами за крайний ствол, и рот у него был широко раскрыт, словно кричал он беззвучно - спасите меня...

Молча пристали они к берегу, молча стояли у гибельного переката. И сказал после долгого молчания Левит:

- Безгрешны отроки, лезвие еще не касалось их щек, не познали они еще женщин - и вот лишены жизни своей!

И спросил его Амасия:

- Кто же эти несчастные отроки?

И ответил Левит:

- Авессаломцы... В их гибели и моя вина, и не замолить мне перед Господом грех свой, ибо это я вложил в душу Авессалома неприятие зла и веру в справедливость отмщения!

И вытащили они на берег семь трупов, и обнаружилась у каждого ; смертельная рана, но лишены были крови эти раны, ибо смыли кровь быстрые воды Иордана. До позднего вечера Левит и Амасия носили камни, чтобы уберечь тела убитых от хищных зверей, и завершив похороны, зажгли костер, чтобы обсушиться и согреться, ибо не только страх охватил их души, но и тела их испытывали дрожь. А когда обогрелись они, поведал Левит о своем любимом ученике Авессаломе.

Как и все левиты, с малолетства приобщился он к таинствам священнослужителей и знал Тору наизусть, познал он и тайны египетских пирамид, и мог исчислить ход звезд, и знал языки - арамейский, египетский и хеттейский. Царь Давид, прознавший об его учености, | пожелал, чтобы Левит стал наставником любимого сына Авессалома. Левит поначалу долго отказывался, но потом понял, что угодно Господу это, ибо хотя и много было сыновей у Давида, но не было среди них более достойного, чем Авессалом. И думал тогда Левит, что дано только Авессалому наследовать царский престол. Видел Левит, что много несправедливостей и зла творятся вокруг, и что бессилен он противостоять злу, и что все его проповеди уходят, как вода в песок, и не трогают души власть предрежащих. И решил он воспитать Авессалома так, чтобы взойдя на престол отца своего, был он праведным и благочестивым, чтобы стал достойным вождем своего народа и изгнал из Иерусалима взяточников, клеветников и нечестивых мытарей...

Авессалом был благородных кровей, мать Авессалома Мааха была дочерью Гессурского царя Фалмая, и кому как ни Авессалому было наследовать царский престол. Старший сын царя Давида Амнон, рожденный Ахиноамой Изреелетянкой, хотя и считался по праву наследником, не выдерживал никакого сравнения с Авессаломом. Амнон ходил по Иерусалиму с оттопыренной губой, и глаза у него были бегающие, глаза лжеца и сластолюбца - никогда бы не принял его Израиль, никто не хотел видеть в нем будущего царя. Сын Авигеи Далуя был немощен, Бог лишил его разума, ибо зачат он был во грехе. Следующий по старшинству - Адония, но у того сплошной ветер гулял в голове, связался он с разбойниками, бесчинствующими на дорогах, и не раз был бит отцом, но дурь из его головы так и не удалось выбить. Другие сыновья - Сартия и Ифераим были еще малолетками. И никого из сыновей не допускал в свое сердце Давид, кроме Авессалома. И когда Левит занимался науками с Авессаломом, и входил Давид, чтобы убедиться в усердии сына, то сияло лицо царя, и гладил он длинные волосы сына и повторял: «Авессалом, мой Авессалом - в тебе спасение мое и все надежды мои!».

Левит обучал Авессалома не только знанию Торы, иноземным языкам, науке исчисления звездных путей и науке построения пирамид и дворцов, - часто прогуливались они по Иерусалиму, и давал Левит сребреники сыну царя, чтобы тот одаривал нищих, и возбуждал Левит в сердце Авессалома сострадание к гонимым и терпящим невзгоды. И был отзывчив к людскому горю Авессалом, и поначалу не мог и помыслить ничего плохого Левит о своем ученике.

Но у Авессалома была сестра - красавица Фамарь, было ей всего пятнадцать лет, но уже виделась в ней женщина, достойная царского дома. Недаром называли ее гессурской ланью, легки и плавны были ее движения, и покачивание ее бедер могло любого мужчину свести с ума. Авессалом очень любил свою сестру и готов был выполнить любую ее прихоть. Но не только он любил ее...

Возжелал ее старший сын царя недостойный Амнон. Завидев ее, дрожал, пускал слюну на свои оттопыренные губы и не знал с какого конца подступиться к ней. У него был друг - Инодав, постарше и поопытней его, стал он спрашивать у Амнона: что это, мол, с тобой, от чего ты худеешь с каждым днем все больше. И когда открылся ему Амнон и поведал о своей страсти, то стал Инодав подсмеиваться над Амноном - что это за старший сын царя, наследник престола, коли не может совладеть с глупой девицей. И посоветовал коварный Инодав заманить Фамарь, сделать так, чтобы она сама пришла к нему, Амнону.

Не мог без гнева говорить обо всем этом Левит и сказал он - человек нечестивый и злобный всегда использует для своего коварства доверчивость людскую. И поведал Левит, как исполнился гнусный замысел Инодава.

Амнон, по его совету, притворился больным, улегся в своих покоях, стал стонать и охать. И некому было разоблачить притворщика. Даже Давид поверил ему, пришел к сыну, стал спрашивать - почему ты не ешь, почему не пьешь ничего, что болит... И Амнон сказал отцу своему: пусть придет сестра моя Фамарь, испечет любимые медовые лепешки, такие, как она одна умеет печь. И Давид, ничего не подозревая, сам послал Фамарь к Амнону.

Доверчивая и всех любящая Фамарь поспешила к больному, вошла в его покои, замесила муки, достала меду, испекла лепешки. Все готова была сделать, чтобы брат выздоровел. А он, на правах больного, все капризничал, все охал - велел прогнать слуг из дома, не хотел есть из их рук, сказал, чтобы все вышли, что станет есть только из рук своей сестры. Фамарь поставила перед ним блюдо, присела на его ложе, даже погладила его лоб. И вдруг больной накинулся на свою сестру. Схватил ее цепко, повалил на ложе, стал умолять отдаться ему. Он был старше и сильнее сестры, она тщетно билась в его руках, молила его: не бесчесть меня, брат мой, не делай этого безумия, девственна я, оставь меня! Куда я пойду со

своим бесчестьем? Поговори с отцом нашим, он не откажет отдать меня за тебя...

Но ничего не хотел слушать Амнон, страсть затмила его разум. Он разорвал одежды бедной Фамари, изнасиловал ее, и, когда удовлетворил свою похоть, стал гнать ее из дома. Сменилась его любовь ненавистью. И Фамарь выбежала в разорванных одеждах на улицы Иерусалима, освещенные ярким солнцем, и не смогла она сдержать обиды и горя, шла и прилюдно кричала. Такою и увидел свою любимую сестру Авессалом. Он стал успокаивать ее, целовал заплаканное лицо, а когда узнал, что случилось, стал говорить, чтобы не сокрушалась она, что никогда не покинет он ее, что отомстит дерзкому Амнону.

И в те дни сказал он своему учителю Левиту, что не жить теперь Амнону на земле, и пытался Левит смягчить его гнев, говорил, что Господь сам накажет нечестивого, что не достоин Амнон и кончика мизинца его, Авессалома, что царь сам накажет насильника. Но замкнулся в своем гневе Авессалом и не хотел слушать учителя своего, ибо раньше Левит сам убеждал его, что нельзя проходить мимо творящих зло, что нельзя закрывать глаза, когда плачет женщина, что зло должно быть наказано.

После этого случая Левит стал следить за Авессаломом, чтобы тот сгоряча не сотворил непоправимых бед. И все надеялся Левит, что Давид сам накажет нечестивого Амнона. Но Давид, хотя и разгневался, когда поведали ему о случившемся, не придал этому особого значения. Давид сам привык овладевать любыми путями теми женщинами, которых возжелал, и понимал неужержимость страсти своего первенца.

Два года прошло, но не угас дух мщения в душе Авессалома. В то время Авессалом уже окреп, это не был бессильный отрок, и не только за свитками пергамента сидел он с Левитом, но и обучался владению мечом и даже секретам восточной борьбы. Но лицо его не огрубело, и был он по-прежнему чист и прекрасен, и его ухоженные волосы волной покрывали раздавленные плечи и переливались под солнцем золотистым блеском. И не было в Иерусалиме отрока прекраснее его. Отец подарил ему поместье и слуг, и стадо овец, и во всем благоволил ему. А Фамарь не выходила на иерусалимские улицы, сидела молча в своих покоях и никого не хотела видеть кроме Авессалома, и о чем они шептались по вечерам, Левит мог только догадываться.

И вот пришел день, которого так опасался Левит. Авессалом задумал устроить праздник стрижки овец в своем имении Ваал-Гацоре, что лежит в пределах земель Ефремовых, славящихся своими сочными пастбищами. Авессалом пригласил на праздник стрижки овец своего отца, всех своих братьев. Давид отказался ехать и даже стал сомневаться - стоит ли отпускать туда Амнона, но Авессалом так горячо убеждал отца, что не держит зла на своего брата, что Давид согласился отпустить и Амнона.

Своего учителя Левита Авессалом не захотел брать с собой, говорил, что будет там одна молодежь, что мало интересны мудрому учителю пляски и хороводы, и что он не хочет утомлять его. Но Левит не поддался на уговоры, ибо почувствовал что-то неладное. Знал он, что видеть не может Авессалом насильника, а тут уж слишком настойчиво зовет Амнона на пиршество и даже сам заходил к нему, и они выпили виноградного вина и сидели, обняв друг друга.

И поехали в Ваал-Гацор все сыновья Давида, за исключением только что родившегося у Вирсавии Соломона, поехали на пиршество, предвкушая веселье и обильную трапезу. Левит ехал на своем осле рядом с Авессаломом и помнит, что ни единой долькой лица не выдал Авессалом своего замысла, и шутил все время, и смеялся, и восхвалял своих братьев и Амнона в том числе...

Прямо на большом лугу было расстелено полотно и уставлено оно всевозможными яствами и винами. И все время, пока возлежали за трапезой, старался Левит быть рядом с Авессаломом. И все же пропустил тот миг, когда отошел Авессалом от стола и дал наказ своим рабам.

Это уже потом стало известно Левиту, что повелел Авессалом слугам и рабам своим, сказал он им - смотрите, как только развеселится сердце Амнона от вина, и я скажу вам поразите его, тогда убейте его, не бойтесь, это я приказываю вам...

А тогда, во время пиршества, он, Левит, видя как весело смеются сыновья Давида, сам усомнился в своих опасениях - все же прошло два года, все должно быть забыто. И впервые за последнее время вышла на люди Фамарь, она тоже была на пиршестве и стала истинным украшением этого пира, и все взгляды мужчин были направлены в ее сторону. И Авессалом не сводил с нее глаз, но не потому, что любовался ее красотой, а затем, чтобы поняла Фамарь - настал день отмщения.

Привели слуги белошерстных агнцев и у жертвенника перерезали им горло, и оросила кровь траву, но это была кровь во славу Господа, но не снизошел тогда на них дух Господень, ибо никто не остановил Авессалома.

И когда Амнон был уже навеселе, когда вино стекало с его оттопыренных губ, Авессалом отдал слугам свое кровавое повеление. И тотчас кинулись на Амнона четверо слуг, и в воздухе блеснули лезвия ножей. Все произошло так быстро, что никто ничего не понял - вот сидел Амнон, пел песни, пил вино - и вдруг опрокинулся на траву и хрипит, и кровь течет у него из уголка рта.

И закричали в испуге сыновья Давида, заверещали женщины, словно пойманные в капкан зайцы, и все бросились к своим ослам, ибо устрашились и подумали, что их тоже постигнет кровавая участь, чтобы они не свидетельствовали об убийстве Амнона своему отцу. И в панике все помчались к югу, к дорогам, ведущим на Иерусалим.

И в тот день исчез и сам Авессалом. Нашел он убежище в Гессурском царстве, у отца своей матери престарелого Фалмая. И даже не попрощался он с Левитом, и было обидно учителю - столько сил он потратил, чтобы сделать Авессалома знающим все науки, столько надежд связывал с ним, жаждал воспитать для Израиля справедливого царя - и все перечеркнуло кровавое убийство.

В этом месте своего рассказа Левит замолчал и долго стоял, опустив голову, а потом сказал:

- Билась в нем бешенная царская кровь, я не смог обучить его смирению, а напротив потакал - и в душе его посеял семена неприятия людской подлости!

- И что же было потом, вы не виделись больше? - спросил Амасия.

Рассказ Левита увлек Амасию, он сам представлял себя Авессаломом, не терпящим зла и гонимым за справедливое отмщение.

- Я не смирился с потерей ученика, - медленно произнес Левит, - и наверное напрасно. Он мог остаться живым. Три года он был в изгнании. Он опасался гнева царствующего отца. А я молил Господа, чтобы он вернул мне ученика...

Амасия подбросил веток в костер, уже совсем стемнело, внизу неумолчно струились воды Иордана, холод ночи охватывал тело. Амасия подвинулся к огню. Левит словно не ощущал ночной прохлады, он стоял, опершись на шест, и продолжал свой рассказ.

Он поведал Амасии, как подсказал главному военачальнику Давида Иоаву свой замысел. Как нашли они почтенную женщину и попросили помочь им. Женщина эта знала Авессалома и охотно согласилась. По их подсказке притворилась она страдающей по умершему сыну своему, надела траурные одежды, посыпала волосы пеплом, и провел ее Иоав в царские покои. Вошла она к Давиду, пала ниц и просила помочь ей. Сказала она, что овдовела, что муж ее давно умер, и было у нее два сына, поссорились они и некому было их разнять, и один сын умертвил другого. И вот теперь вся родня требует отмщения, хотят убить оставшегося сына, и если это свершится, то останется она одна, и не будет от их рода потомства на земле.

И сказал ей Давид: «Жив Господь! Ибо не упадет и волос с головы твоего сына, никто не тронет его!». И еще говорил с ней долго Давид и догадался, что она подослана к нему, и спросил: «Не рука ли Иоава во всем этом?». И женщина призналась, что Иоав научил ее этой лжи во спасение Авессалома, что хотел пробудить в Давиде добрые чувства к отверженному сыну. И приказал Давид позвать Иоава, но не гневался на своего военачальника, а повелел идти в Гессур и возвратить Авессалома. Сказал Давид: «Пусть Авессалом возвратится в дом свой, но видеть его не хочу!».

И поведал Левит Амассии, как встретился с Авессаломом, как обрадовался возвращению своего ученика, но при первой же встрече почувствовал, что изменился Авессалом. Был столь же прекрасен царский сын как и прежде, но годы изгнания наложили свою печать на облик его, и была у него какая-то странная отрешенность во взгляде.

Все было не мило Авессалому, он бродил по улицам Иерусалима в дорогих одеждах, с браслетами на руках и ни о чем не хотел говорить. И женился он не потому, что полюбил дочь богатого торговца, а просто пришла ему пора обрести жену. Сердце его томила обида. Могущественный отец знать не хотел прежде любимого сына. И своего учителя Левита упрекал Авессалом - зачем вернули в Иерусалим, в Гессуре, мол, жил свободно, а теперь бьюсь в золотой клетке, словно птица с подрезанными крыльями. И за каждым шагом следят отцовские хелефеи и фелефеи.

Сам Левит к тому времени начал высказывать недозволенные мысли о царе и его дворе, и теперь не был вхож во дворец и ничем не мог помочь своему ученику. Иоав же, видя, что Авессалом потерял милость царя, тоже отвернулся от него.

И много раз, смилив свою гордыню, Авессалом посылал слуг к Иоаву, но тот упорно избегал встреч с опальным сыном царя. Горечь копилась в душе Авессалома и не находила выхода. И приказал Авессалом своим слугам выжечь огнем ячменное поле, принадлежащее Иоаву.

Жара стояла в те дни в Иерусалиме, и видели все, как быстро занялось огнем и запылало поле в Тиропеонской долине, лежащей неподалеку от крепостных стен. Иоав, узнавший о пожаре и о том, кто поджег его поле, разгневанный прибежал в дом Авессалома. Иоав был сильный, закаленный в битвах воин, мог он одним умертвить тонкого в кости Авессалома. Но хотя и отверженный, это был царский сын, и Иоав не решился применить силу, будто знал, что придет его время, и станет Авессалом его добычей. А в тот день, когда догорало ячменное поле Иоава, сказал ему Авессалом:

- Я столько раз посылал за тобой, и ты не приходил. Зачем ты вернул меня из Гессура? Лучше было бы мне остаться там. Я хочу видеть лицо царя, лицо отца моего! Ежели я виноват, то убей меня!

О чем после этого Иоав говорил с царем, Левит не знал. Но через несколько дней после пожара на ячменном поле был зван Авессалом во дворец. И был его учитель Левит свидетелем тому, как целовал царь блудного сына, и слезы стояли в глазах царя. Случайно тогда он, Левит, прошел во дворец, в последний раз он видел царя...

После встречи с Давидом словно ожил Авессалом, завел у себя колесницы, нанял скороходов. Стал повсюду показывать, что, как и прежде, любимый сын царя, что он наследник престола. Авессалом вставал рано, садился у крепостных ворот, говорил с народом. И если возникала

какая-либо тяжба, и человек стремился попасть к царю, чтобы тот рассудил его, то Авессалом подзывал этого человека к себе, расспрашивал из какого он колена, из какого города, что за тяжба гнетет его, и говорил:

- Дело твое справедливое, но у царя некому выслушать тебя. Вот если бы я был судьей тебе, если бы меня поставили над народом главным, ко мне приходил бы всякий, кто имеет спор и тяжбу, и я бы судил всех справедливо, и стоял бы на защите гонимых, и выступал бы всегда за правду...

И обнимал он простых людей, и целовал нищих и убогих. И вкрадывался Авессалом в сердца израильтян. Старики преклонялись перед его мудростью, женщины таяли от его красоты, отроки подражали ему - отпускали длинные волосы, носили на руках браслеты. И повсюду говорили, что нету человека праведнее во всем Израиле. И он, Левит, радовался, что скоро перейдет корона к Авессалому, и думал, что наступит царство доброты и справедливости. Он не понял тогда, что его ученик стал другим...

И когда рассказывал Левит об этих днях Амасии, слезы выступили на глазах старика, и отвернулся он от света костра, чтобы не заметил их Амасия. И сказал Левит, глядя в темноту неба, словно отыскивая звезду, куда устремилась душа возлюбленного ученик:

- Авессалом мой, Авессалом, не хотел ты услышать голос мой. Спешил ты возвыситься, и я не смог остановить тебя!

И вздохнул печально Левит, и замолчал надолго. И в наступившей ночной тишине услышал Амасия шорохи и отдаленные голоса. И стали они с Левитом поспешно тушить костер, а когда погас он, увидели, как приближаются со всех сторон дрожащие огоньки, и то возникали эти огоньки, то исчезали, и вскоре стали они различать тени людей, мелькающие среди прибрежных деревьев.

- Это воины Давида, - сказал Левит, - они ищут тех, кто был с Авессаломом, и надо скрыться нам, чтобы не стать жертвами и не плыть по Иордану со вздутым животом.

И сговорились они бежать в разные стороны, так, что если погоняться за одним, то хотя бы другой сумеет уйти. И побежал Амасия вдоль берега, но соскользнул с обрыва, запутался в колючей лозе и долго выбирался наверх, а когда выбрался, то и двух шагов не сделал, как навалился кто-то на него сзади и закричал: «Сюда! Сюда! Попался один!». И сразу же затопали десятки ног, затрещали кусты, и свет факелов ударил в лицо. И рванулись искры из глаз, ибо ударил Амасию кулаком набежавший стражник, и провалился Амасия в траву, и сел кто-то сверху на него, и сопели все и тяжело дышали, будто одолели медведя, за которым долго охотились и сейчас предстоит делить шкуру и мясо его.

- Смотрите, волосы длинные! - хрипло крикнул стражник, выкручивающий руки Амасии. - Награду даст старший, пятьдесят сребреников, не меньше!

И вдруг все смолкли, и увидел Амасия в свете факелов, что приближается высокий, костистый человек, и понял, что это идет старший над стражниками, и сжалось сердце Амасии в ожидании смертного часа. Но протянул начальник стражи руки свои, поднял Амасию с земли и стал обнимать его, и повторял все время: «Брат мой, Амасия, брат мой!». И пахло от него, как и от отца, едим потом и польнюю, и понял Амасия, что послал спасение Господь...

Глава XXV

В череде последних, залитых кровью и переполненных стонами дней, сжалился Господь над ним, Фалтием, и подарил душе праздник встречи с младшим братом. Сидели они в шатре Фалтия, плечо к плечу на циновке, и Фалтий вдыхал знакомый запах дома - и казалось ему, что сидит он в этом доме, где на столе стоит топленое молоко и козьи сыры лежат рядом с медовыми лепешками. На самом же деле пахло дымом костров, потом и пьянящим шекером. Фалтий приказал своим людям принести снеди, удалось раздобыть и хлеб, и баранину.

- Ешь, любезный сердцу моему Амасия, ешь брат мой, - говорил Фалтий, подкладывая Амасии мясо и пшеничные лепешки, - ешь, ты совсем, как тростинка, ешь - мужчина должен быть сильным, должен быть воином...

- Так всегда говорил и отец, я помню, - сказал Амасия, - отец никогда не верил, что я могу что-либо совершить. Но я прошел всю страну, я плыл по быстрому Иордану, я хочу спасти отца...

- Ты так рисковал, Амасия. Мои люди безжалостны, за каждого, кто был с Авессаломом, им обещана награда. А у тебя такие длинные волосы! Я мог не подоспеть вовремя и потерять тебя! - сказал Фалтий и придвинулся теснее к брату, и обнял его за хрупкие плечи. Плечи были худенькие, косточки ощущались под ладонью. И Фалтий повiniлся перед собой, что никогда не воспринимал всерьез брата, задумчивого и любящего слушать пение птиц, любил брата - да, но думал, что ничего ему нельзя доверить, но вот пришла и его, Амасии, пора - и дано ему познать жестокость жизни. И решил Фалтий, что не отпустит от себя брата, что будет ему надежным щитом. Но выяснилось скоро, что не ищет защиты брат, что требует от него, Фалтия, другого. Требуется спасти отца. Наконец-то вернулся отец из плена. Фалтий всегда верил, что отец жив, верил, что

отец все сможет преодолеть. А теперь, судя по рассказу Амасии, отец попался в ловушку, ему грозит гибель...

- Ты ведь спасешь его? Спасешь? - несколько раз повторил Амасия.

- Придет рассвет, придумаем, что предпринять. Конечно, мы не дадим погибнуть нашему отцу!

Фалтий не хотел обременять Амасию сомнениями, отрок и так многое претерпел в пути. Сам же он, Фалтий, не представлял с чего даже начать. Амасия все время говорил о Давиде, о том, что надо срочно все поведать царю. Брат не знает, что сейчас творится в Иерусалиме. Не знает, каким гневом охвачен царь, потерявший любимого сына, восставшего против отца. Царь жаждет и память об этом восстании истереть из людских сердец. Он, Фалтий, давно уже не вхож в царские покои. Сегодня никому нет доверия кроме наемников - царских охранников фелефеев и хелефеев. Единственный выход виделся Фалтию в том, чтобы разыскать Шалома, умудренного в знаниях древних свитков и приближенного к царю. Отец спас Шалома, и должен помнить об этом гирзеянин, ставший при Давиде мазкиром- дееписателем, заносящим деяния царя в особую книгу...

И Фалтий поведал Амасии об их названном брате Шаломе, и о тех высотах, которых достиг гирзеянин. Амасия обрадовался. Он рвался в путь, не дожидаясь рассвета. Пришлось сдерживать его. Расспрашивать обо всем, успокаивать. Амасия поведал, как добирался по Иордану, как повезло ему в пути.

- Я встретил умудренного жизнью Левита, он был еще среди сынов пророческих, он проповедник, если бы не он, я бы пропал, - сказал Амасия,- Я боюсь за него, если его поймут твои воины, и он станет перед лицом их обличать Давида, они не пощадят старика. Он говорит ужасные вещи, он ничего не страшится, в нем кипит ярость пророка...

- Не бойся, брат, - успокоил Фалтий, - мои воины не сражаются со стариками и священнослужителями. Говорить и обличать - право каждого левита - служителя Господня. Я прикажу оберечь его...

- Он бежал, - продолжал беспокоиться о своем попутчике Амасия, - вдруг его уже поймали?

- Его никто не станет ловить, мы ищем сторонников Авессалома - воинов и отроков, бывших с ним, - объяснил Фалтий.

В шатер заглянул стражник, доложил, что все спокойно в округе. Фалтий повелел ему принести виноградного сока и раздобыть ножницы. Потом Фалтий зажег еще один светильник. За пологом шатра все стихло, глубокая ночь лежала над Иорданской долиной, а братья все никак не могли наговориться. И было много вопросов у Фалтия, на которые не сумел толком ответить младший брат.

Спрашивал Фалтий об отце и не мог понять из ответов Амасии - почему признали в отце Саула. Давно уже в царстве теней Саул. Кто мог

возжелать его оживления? Зачем это надо правителю Каверуну? Посланы ли от Каверуна люди к Давиду? Почему правитель угрожает казнью отцу? Ничего вразумительного...

Вот про свои любимые пастбища, про ягнят может подолгу говорить Амасия. Там, вне дома, в тиши проходит беззаботная жизнь брата. Слушал его Фалтий и чувствовал тоску по родному дому, по оливковым деревьям под окном, тоску о родительнице своей Зулуне, всегда спящей по дому и что-нибудь делающей. И позавидовал он Амасии, его жизни в родном доме и среди пастухов. Всех в мире Амасия считает добрыми. Связался в пути с каким-то Левитом, доверился тому. Сколько таких обличителей бродит по дорогам Ханаана, все провозглашают слово Господне, все утверждают, что говорят от имени его. Такие и смутили Авессалома. И того не понимают эти новоявленные пророки, что длинноволосый безумец мог разрушить царство Израиля...

И когда закончили они разговор, Фалтий вынул меч и стал точить о камень, не дождавшись стражников, видимо, не добывших ножниц. Амасия с недоумением смотрел на брата. И понял, что тот задумал лишь тогда, когда стал Фалтий поглаживать ему волосы, а потом собрал их сзади, захватил одной рукой и резко махнул мечом. Лицо Амасии покраснело, он возмутился: «Что ты наделал, брат? Как я предстану перед лицом матери своей? Чем мешали тебе мои волосы?».

- Для твоего же блага, брат, сделала я это, - спокойно ответил Фалтий, - с такими длинными волосами опасно появляться в Иерусалиме. Все отроки, возлюбившие Авессалома и сражавшиеся за него, подражая сыну царя, отращивали длинные волосы...

Амасия был растерян, брат ведь мог сначала объяснить все. Но в этом весь Фалтий - привык, что ему должны подчиняться. Все произошло так внезапно, остриг, словно бессловесную овцу. Амасия понимал, что ничего уже не поделаешь, что надо смириться, что не место сейчас мелким обидам, но все же долго не мог он успокоиться.

Фалтий, оправдываясь, утешал его, говорил, что теперь лицо стало мужественным, что впереди их ждут нелегкие испытания, что пора Амасии стать мужчиной и сильным воином.

- Помнишь, как мы стреляли из лука в Тиропеонской долине? - спросил Фалтий, - Помнишь, отец укреплял щит на корявом стволе дуба? Он хвалил тебя тогда, он говорил, что у тебя зоркие глаза...

- Он злился, - возразил Амасия, - я был еще мал, и лошадь не слушалась меня...

- Это ты о том, когда отец привел коня? Это было позже...

Фалтий прикрыл глаза, вспоминая то беззаботное время - первые годы их жизни в Иерусалиме, и то, как завидовали все ему, когда восседал он на вороном коне, которого вел за узду отец, и копыта звонко стучали по выложенной камнями улице. Конь вздрагивал, смирял свою прыть, и

только потом, на широкой равнине, вырвавшись на свободу, мчался во всю прыть, отталкиваясь копытами от земли, поросшей росными травами. Чтобы не слететь с него, надо было изо всех сил держаться за гриву, пятками вжавшись в теплый, подрагивающий круп. Отец учил бросать меч на скаку, надо было припасть к гриве, мчаться к мишени - все тому же щиту на дереве - и поравнявшись, выпрямиться и резко взмахнуть рукой, метнув короткий меч в цель. Кони тогда редко у кого были. Кони были у Давида и его военачальников, кони, захваченные у филистимлян. Воины отправлялись в битвы на ослах, так считалось надежнее. Это уже потом появились первые колесницы, но отца тогда уже не было в Иерусалиме.

- Почему всегда надо воевать? Почему мужчина обязан быть воином? - прервал воспоминания Фалтия Амасия.

- Не хочешь воевать? Тогда надо родиться женщиной, - ответил Фалтий, - разве ты хотел бы родиться женщиной?

- Нет, конечно нет, - поспешно ответил Амасия, - увидишь, я многое смогу, не думай обо мне плохо. Но скажи, вот ты воин, ты защищаешь царя, ты бьешься за других на ратном поле. Ты оставил нас одних. Почему? Нету отца, нету тебя...

Глаза у Амасии слипались. Фалтий подложил под бок брату свой плащ. Амасия припал к плечу Фалтия, дыхание его стало ровным. В мягком свете заправленных кунжутovým маслом светильников лицо его казалось совсем детским. Щек брата еще не касалось лезвие, нежный рыжий пушок едва виднелся на подбородке. Фалтий смотрел на спящего брата, и смягчалась душа, и затаенное чувство вины возникало, вины перед покинутым домом своим, и было желание искупить эту вину, сделать все возможное, чтобы не страдали на этой земле близкие люди.

Фалтий понимал, что в чем-то предал их, но ведь не мог он навсегда остаться в городе-убежище, не для него была эта затаенная жизнь. Бежать из Иерусалима только из-за того, что Иоав обвинил отца в предательстве, значило согласиться с этим ложным наветом, подтвердить и Давиду, что прав его военачальник, предать память об отце. Как не хотела мать отпускать из дома, как молила остаться! И место подыскала - в охране правителя Каверуна, и можно было там получать не меньше сребреников, чем в Иерусалиме. Но там, в Иерусалиме, ждал его Давид...

С малых лет Фалтий помнит царя, царь был всегда рядом - еще со времен Вифлеема, когда являлся в дом веселый рыжекудрый пастух с арфой. Никогда он не приходил без подарка. Он появлялся в доме чаще, чем отец. Явления отца были редкими, отец не пропускал почти ни одного сражения. Он был молчалив и скуп на ласки, он любил своего первенца, но никогда не говорил о своей любви. Давид же был многоречив, да и пение его завораживало всех. Мать рассказывала, что Давид спас их с Маттафией, когда скрывались они в пещере под Вифлеемом. Она даже водила как-то в эту пещеру. Мрачные, покрытые мхом камни, крутые

склоны гор, ни деревца вокруг - безлюдное, отпугивающее место, а мать присела у входа в пещеру и не хотела уходить, глаза ее затуманились, и улыбка блуждала по лицу. У нее были странные отношения с Давидом, дружба в молодости с годами сменилась полным неприятием, она избегала встреч с царем, злилась, когда он, Фалтий, восторженно рассказывал о подаренном мече, о своей службе в отряде лучников Давида. И чтобы угодить матери он перестал говорить при ней о Давиде, но уйти от воинской службы, покинуть царя - он не смог.

Были превыше всех мелких обид замыслы царя. Эти замыслы были близки душе Фалтия. Он понимал, что надо укрепить царство, надо объединить все колена, надо разбить врагов Израиля. Фалтий был неустрашим в битвах. Он не искал покровительства царя. Он должен был доказать, что достоин своего отца. О Маттафии помнили многие, никто из воинов не верил, что отец мог стать предателем, это все были наветы Иоава. Иоав, которого называли мечом Давида, обладал большой властью, и ему опасались открыто возражать. У Давида родилось много своих сыновей, казалось, какое ему дело до сына простого сотника, к тому же, сотника, попавшего в плен, и все же царь не забывал Фалтия. Последний раз Давид вступился за него, Фалтия, когда шла война с аммонитянами. Давид не хотел этой войны, он перед этим нанес поражение филистимлянам, разбил маовитян, жестоко расправившись с ними, потом войска Давида победил¹. Сувского царя в сражении у реки Евфрат, была завоевана Сирия. Израиль устал от войн, нужны были хотя бы несколько лет передышки.

С царем аммонитян Наасом был заключен мир. Но умер Наас, и вместо него воцарился сын царя Амнон. И тогда решил Давид отправить послов, чтобы утешить Амнона в скорби его об отце своем. Рано утром выехало из городских ворот это посольство - люди все знатные, владельцы пастбищ, богатые торговцы. Ни одного воина, ни одного военачальника - так повелел Давид, чтобы поняли аммонитяне - нужен мир, нужна торговля друг с другом. Однако Иоав решил, что надо сопроводить послов, и были Фалтий и его сотня отправлены вслед за знатными людьми города. Ехали в отдалении, словно и не было воинам никакого дела до тех седобородых знатных послов, что тряслись впереди по каменистой дороге на своих ослах. Но у переправы через Иордан пришлось помочь послам перебраться через брод. И самый знатный из них - владелец каменоломен Иссихар сказал Фалтию: «Далее путь продолжим без вас, ожидайте нас здесь, на берегах Иордана, идем мы с миром, а не с мечом, на тризну, а не на пиршество». И никак не мог убедить его он, Фалтий, что не помехой будут войны, что опасны горные дороги в стране Амнона. Возвращение послов ждали долго, но не дано было дожидаться, ибо прискакал гонец из Иерусалима и повелел срочно возвращаться в город, и поведал, что в сильном гневе пребывает царь, и не избежать воинам поношений. Они

тогда недоумевали - в чем причина? Что произошло? И лишь в Иерусалиме узнали обо всем.

Оказалось, что опозорены были послы Израиля новым царем аммонитян. Возвели на них навет князя аммонитянские, сказали своему молодому царю Амнону: «Неужели ты думаешь, что Давид из уважения к отцу твоему прислал к тебе утешителей? Пришли эти люди высмотреть все в нашем городе. Это лазутчики Давида, и вслед за ними войско пойдет и все разрушит!». И поверил царь Амнон своим князьям, велел он своим слугам обрить каждому послу половину бороды и обрезать одежды до чресл. И в таком виде были изгнаны послы, и бежали за ними аммонитянские отроки, и поносили их - кричали: «Иврим голозадые! Убирайтесь к своему Давиду!». Напуганные послы переправились через Иордан совсем не в том месте, где их ждали воины Фалтия, и укрылись послы в Иерихоне, и там остались, пока не отросли у них бороды, чтобы не являть глазам царя свой позор.

Иоав носил Фалтия последними словами, кричал, что напрасно доверился сотнику, что сын предателя недалеко ушел от своего отца. Вот тогда и вступился Давид за него, Фалтия:

- Успокойся, Иоав, - сказал Давид, - ты во дворце, а не на поле боя. Я сам повелел послать мирное посольство, и не должны были идти воины с ним. И отступишь от сотника моего Фалтия, ибо не ответчик сын за деяния отца своего!

И сомкнул сразу свои уста Иоав, отступился от него, Фалтия. Смотрел по-прежнему злобно, но не решался перечить царю. А Фалтия поначалу обрадовали слова царя - помнит прежнее Давид - не отошла его милость от дома Маттафии - но потом, через месяц, сидел Фалтий на трапезе у Давида вместе с другими военачальниками, и опять Иоав носил Маттафию, и промолчал Давид. И понял Фалтий, что поверил царь в предательство отца, убедили его в этом сподручники Иоава.

И после той трапезы Фалтий стал избегать царя, да и не пересекались их пути - в сражениях теперь Давид все реже участвовал - он же, Фалтий, всегда рвался в бой, хотел, чтобы поняли все, сколь бесстрашен в сражениях сын Маттафии. И Искал он, Фалтий, среди пленных врагов тех, кто мог поведать об отце, но не дано ему было встретить человека, знающего стези отца. Верил он всегда - вернется отец, но никогда бы не подумал, что избрет такой путь - крайний север страны и город-убежище, надо было отцу идти прямо в Иерусалим, к Давиду, явиться во дворец царя и сказать: «Вот я, нету на мне и тени предательства, верен я Израилю!».

Сам себя отец позволил поймать в тенета, расставленные Каверуном. Схожесть с Саулом не раз подводила отца. Надеяться на Давида теперь - все равно, что строить дом на песке. Конечно, он, Фалтий, сделает все возможное для спасения отца, но лучше всего не уповать на царей, лучше держаться от них подальше. Отец всегда был слишком близок и к Саулу, и

потом - к Давиду, а чем все кончилось? Кто вступится за него? Иерусалимский дом продан за долги, жить среди чужеземцев в городе-убежище, достойно ли это воина? Фалтий понимал, что придется идти к Давиду, придется пасть ниц перед царем. Но обретет ли он милость Давида? После восстания Авессалом царь постоянно пребывает в гневе. Да наверное уже донес Иоав царю, что был дружен он, Фалтий, с дерзким сыном Давида. Впрочем, разве можно назвать это дружбой...

Не было человека в Иерусалиме, кто бы не восхищался красотой и добротой Авессалом. После того, как царь простил своего сына, после возврата из изгнания, Авессалом появился на улицах Иерусалима - длинноволосый, с опечаленными глазами - говорил прилюдно, что готов вступиться за всех униженных, что ищет справедливости, и что не будет ее, пока корону носит человек жестоковыйный. Так он говорил об отце своем, который простил его за убийство брата.

Встретились они в знойный полдень у городских ворот, Авессалом был окружен людьми, все внимали его словам, были здесь и безродные отроки и умудренные жизнью старики - у каждого свои беды, у каждого на душе горечь своих обид. Всем Авессалом обещал свою помощь. Он сразу заметил его, Фалтия, пошел навстречу, лицо сияющее, печаль в его глазах сменилась радостью, словно узрел он ангела Господня.

- Фалтий, так давно не видел я твой мужественный лик! От тебя и на расстоянии веет силой. Счастлив тот среди сынов Израиля, кто заручился дружбой твоей!

Фалтий остановился в растерянности - какая дружба, почему столь радостны восклицания царского сына? Подумал даже, что перепутал Авессалом его с кем-либо другим.

Авессалом же подошел, протянул холеные руки и коснулся плеча, а потом, склонив голову, заговорил уже тише, будто обещал нечто тайное:

- Знаю, ты верен мне, ты честен и храбр, как и твой отец. О, если бы я был царем, разве терпел бы ты незаслуженные унижения! Ты и твой отец! Разве оставил бы я воина своего в плену, я войско бы послал, но выручил бы того, кто ради царства Израиля не щадил своего живота! Грядет время взыскания справедливости. Нужны Господу не жертвы овнов, а покаяние наше и чистота наших помыслов...

Все разумно говорил Авессалом, но чувствовалось уже тогда, что заманивает он людей в сети, как опытный птицелов, и хочет построить свое возвышение на сваях людских горестей. И не внял тогда его словам он, Фалтий, не поддался на лестные посулы. Вились вокруг Авессалом не только сторонники и страждущие справедливости, полно было вокруг фелефеев и хелефеев - царских наемников, каждое слово, оброненное даже случайно, доносилось Давиду.

И когда восстал Авессалом, когда воцарился в Хевроне, сказал Давид ему, Фалтию, как бы вскользь, не придавая особого значения

словом: «Странно, ты еще здесь, сын Маттафии...». Фалтий тогда промолчал, не слова - деяния имеют силу. Разве не доказал он, Фалтий, свою верность царю?

Доказал в те дни, когда и царедворцы многие перешли на сторону Авессалома, когда сердца большинства израильтян уклонились к Авессалому. Авессалом сумел обмануть не только простых жителей Иерусалима, но и отца сумел провести, сказал Давиду: «Отпусти, отец, пойду и исполню обет мой, который я дал Господу еще в Гессуре - пойду в Хеврон на могилы наших праотцов и принесу там жертвы Всевышнему!».

Обычно проницательный и чувствующий опасность задолго до ее появления, Давид поверил своему сыну. Авессалом и двести человек, которые были ему верны, отправились в Хеврон. И был с ними даже Ахитофел Гилонейнин, советник Давида, в котором царь души не чаял. Многие пошли за Авессаломом по простоте душевной, не зная, что замыслил этот длинноволосый искунитель. И еще не улеглась пыль на дороге, поднятая авессаломцами, как поползли по Иерусалиму слухи, что грядет беда на Израиль. И говорили многие: «Скоро услышите звук труб и знайте тогда, что воцарился Авессалом в Хевроне!». И легковверные люди покидали свои жилища и стекались в Хеврон, и народ умножился в стане Авессалома...

А Давида словно околдовали, он заперся во дворце и никого не хотел видеть. Тщетно Иоав метался среди воинов, растерянный и сумрачный, пытаюсь удержать людей в Иерусалиме. Время было упущено. И все поняли, что дни царства Давида сочтены. Но и тогда он, Фалтий, не покинул стан царя. Расставил своих людей у бойниц в сторожевых башнях, укрепил крепостные стены. Никогда не смог бы Авессалом овладеть таким неприступным городом, как Иерусалим, это не по силам было бы и опытным, хорошо вооруженным воинам, а что говорить здесь о необученных отроках, тех, что были у Авессалома.

И было столь неожиданно решение Давида об отступлении, что он, Фалтий, не смог скрыть своего недоумения и открыто высказал неприятие казавшимся тогда безумным шагом царя.

- Встаньте, - сказал Давид, - и покинем Иерусалим, бежим из его стен, пока не окружил нас Авессалом и не истребил мечом и пожаром Божий город!

Впервые услышал Фалтий от царя слово - бежим, никогда ни в одной из битв не отступал Давид. И сказал тогда Фалтий: «Не безумие ли это - отдавать укрепленный город?». Были и другие возмущенные голоса. И услышал Давид их, и сказал: «Я не держу никого, я никого не заставляю уходить со мной, и ты, Фалтий, можешь остаться и ждать здесь своего друга!». Ответил тогда Фалтий царю: «Напрасны обидные слова твои, господин мой, я твой воин, в жизни ли, в смерти ли - негоже воину покидать своего царя!».

Плакали многие жители, когда Давид и его воины уходили из Иерусалима, бежали за Давидом, кричали: «Жизнь положим за тебя, наш господин! Вернись!».

В те дни он, Фалтий, не смог осознать замыслы царя, это сейчас, после гибели Авессалома, стало понятно - не за свою жизнь опасался Давид, не хотел он кровопролития, не хотел сражаться с любимым сыном, не хотел допустить разрушения Иерусалима. Он сберег город, но не смог сберечь сына...

Как жалок был Давид, покидавший Иерусалим, куда делись и властность его, и все его могущество... Авиафар и другие священнослужители вынесли Ковчег завета из скинии, стояли подле Ковчега на горе Сион, пока весь народ, уходящий с Давидом, не покинул городские ворота. И Давид повелел священникам: «Возвратите Ковчег Божий в скинию, пусть стоит на своем месте. Если я обрету милость перед очами Господа, он возвратит меня и даст вновь увидеть его жилище...».

Давид шел босой и плакал, будто и не царь был это, а гонимый голодом и нищетою пришелец. Друг и советник царя Хусий Архитянин разорвал свои одежды, посыпал голову пеплом, словно тризну справлял по своему царю. Может быть, вот это появление Хусия в таком виде, этот всплеск печали и вернул мужество царю. Слезы исчезли из глаз Давида, он начал давать повеления своим советникам. Он отозвал Хусия в сторону и долго о чем-то говорил с ним, и после этого Хусий вернулся в Иерусалим. Потом уже узнал он, Фалтий, что царь послал своего советника в город затем, чтобы он стал советником у Авессалома и повернул дело так, чтобы разрушить все замыслы Авессалома и противостоять хитроумному Ахитофелу, и доносить обо всем Давиду.

Отослав назад Хусия, Давид опять впал в печаль, и был у него отрешенный вид, и чувствовалось, что смирился он со своим поражением. И когда дошли до Бахурима и стали взбираться по склону горы, то испытал здесь новое поношение Давид, и не возмутилась его душа. Засел в скалах некто Семей из дома Саула, сын наложницы Геры, и стал этот Семей бросать на Давида и на всех идущих за царем камни. И кричал Давиду Семей: «Уходи! Уходи, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саула, вместо которого ты воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома! И вот ты в беде, ибо ты кровопийца!».

Видна была из-за камней лохматая голова Семейя, и Фалтий достал из-за плеча лук, чтобы поразить зловещего нечестивца. И Авесса вынул меч из ножен и сказал Давиду: «Что он там злословит, этот мертвый пес, я сниму с него голову!». И даже полез Авесса вверх, цепляясь за уступы. Но Давид остановил его и сказал: «Что мне и вам его слова? Опусти меч, Авесса, спрячь свой лук, Фалтий. Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида. Если мой сын, который вышел из моих чресел, ищет погибели моей души, то нету ничего странного в том, что сын

вениамитянина раскрыл свои уста, оставьте его, пусть злословит! Может быть, Господь увидит мое уничтожение и воздаст благостью за теперешнее смирение!»).

Странно было слышать Фалтию эти слова от того, кто всегда являл свою силу и могущество. Иоав стоял, потупив голову, лицо его налилось кровью. Авесса с силой вложил меч в ножны...

Ночь укрыла беглецов своим крылом, разбили они шатры в узкой долине. Долго сидели военачальник у Давида, первым вышел Ванея - начальник наемников - фелефеев и хелефеев, вид у него был бодрый. Он сказал Фалтию, что с утра отправляет в Иерусалим соглядатаев, предложил ему, Фалтию, тоже пойти с ними, чтобы получить известие от Хусия и узнать замыслы Авессалом. Фалтий отказался, ему не хотелось покидать царя.

Через два дня вернулись посланные Ванеей соглядатаи, все, по их словам, складывалось не так уж плохо. Бесхитростный Авессалом торжествовал и во всем слушал советы Хусия, подосланного Давидом. Авессалом уже вообразил себя царем. Он устроил торжественный въезд в Иерусалим. Велика ли честь овладеть покинутым городом? Хотелось ему, чтобы увидели все - он, Авессалом, победитель. Весь день там гудели шофары, били барабаны, звучали флейты, звенели тимпаны...

Предавший Давида Ахитофел стал главным советником нового властителя. И все, кто раньше падали ниц перед Давидом, все дворцовые нахлебники и льстецы, наперебой старались высказать свою преданность Авессалому. Даже хромоногий Мемфивосфей, сын Ионафана, пригретый Давидом, приковылял к городским воротам, лобызал руки Авессалом. И больше всех радовались девы иерусалимские, плясали они без удержу на улицах, бесстыдно задирая полы своих одежд. Авессалом всем хотел показать, что теперь он властитель, что от него все зависит, что грядет теперь Божья благодать, что будет в его, Авессалом, царстве мир и справедливость. И повсюду он говорил, чтобы не страшились Давида, что дни тирана сочтены.

И посоветовал ему хитроумный Ахитофел: «Войди к наложницам отца твоего, которых он оставил в Иерусалиме, и увидит весь Израиль, что ты превыше отца, и сделаешься ты ненавистным для отца, и укрепится твоя власть!». И Авессалом, затуманенный славой победителя, потерявший стыд и разум, исполнил этот совет.

Поставили шатер на кровле дворца, народу собралось перед дворцом, камню упасть было негде. И вот, под одобрительные крики толпы взшел Авессалом на кровлю и скрылся за пологом шатра, и по очереди стали вводить к нему в шатер наложниц отца, и народ не расходился и подбадривал его криками, пока не овладел Авессалом всеми десятью наложницами отца.

Коварству Ахитофела не было предела, если бы не Хусий, все могло бы кончиться печально для Давида. Ахитофел понимал, что нельзя терять время, ему казалось, что победа близка, что царь Давид окончательно унижен и не сможет сопротивляться. Весь народ видел, что сотворил Авессалом с наложницами отца. Ахитофел собрал людей, способных вести бой, их было во много больше тех, кто ушел с Давидом. Ахитофел хотел двинуться в погоню за Давидом, он торопил Авессалома, говорил, что Давид утомлен, что беглецы пребывают в страхе, что они разбегутся, как только он, Ахитофел, убьет царя. Если бы этот замысел сбылся, не миновать поражения Давиду, не жил бы на земле и он, Фалтий. Но недаром был послан в Иерусалим Хусий, он разрушил замыслы Ахитофела, он сумел убедить Авессалома не торопить событий.

- Ты знаешь своего отца, - сказал Хусий Авессалому, - и людей его знаешь, они храбры, они в ярости, словно медведица в поле, у которой отняли детей, и отец твой - человек воинственный, он ни перед чем не остановится. И если мы не подготовимся к битве, потерпим первое поражение, тогда и самые храбрые из твоих людей упадут духом и отойдут от тебя. Сейчас все в твоих руках, сердца народа с тобой. Пусть соберется к тебе весь Израиль, от Дана до Вирсавии, во множестве своем, и тогда ты пойдешь с народом и нападешь на Давида внезапно, как падает роса на землю. Ты настигнешь его, где бы он ни был, даже если он скроется в укрепленном городе, весь Израиль принесет к тому городу веревки и растащит крепостные стены, так что не останется ни одного камня!

И когда Авессалом, еще не остывший от обладания наложницами отца, согласился, то Хусий, встретившись с лазутчиками Ваней, повелел им все сообщить царю и передать, что надо Давиду не оставаться на ночь среди равнин, а поскорее перейти за Иордан.

Лазутчики Ваней достигли стана Давида глубокой ночью, в свете костров было видно, как они утомлены. Он, Фалтий, тогда принес им воды, и они жадно пили, запрокинув головы. Поведали они, что едва ушли от погони - чудом удалось скрыться в доме у одного доброго человека, у которого во дворе был колодец, они спустились в этот колодец, и жена этого человека растянула над устьем колодца покрывало и насыпала на него крупы, и когда ворвалась в дом погони, то сказала она, что люди Давида давно ушли, и видела она, как перешли они вброд Иордан.

В ту ночь, выслушав лазутчиков, Давид словно очнулся от тяжелого сна, не было и тени страха на его лице, он повелел трубить в шофары и готовиться к переправе. Ночью, скользя по камням, преодолевая бурное течение, они все, измученные и уставшие, нашли в себе силы добраться до левого берега. К рассвету не осталось ни одного, кто бы не перешел Иордан. Жив Господь, ибо хранил он людей Давида и обращал гнев на его врагов. И покарал Господь коварного предателя Ахитофела. Поняв, что

Авессалом не внемлет его советам, Ахитофел покинул Иерусалим и в своем родном городе надел на шею петлю.

И не весь Израиль отвернулся от Давида, не все сердца уклонились к Авессалому. За Иорданом людей Давида встретили приветливо, в Маханаиме приготовили дома для них, постели, принесли муки, меда, козьего сыра, пригнали овец. И там, в Маханаиме, в земле Галаадской, воины набрались сил, укрепились в душе и в сердце своем, и умножилось число людей, готовых выступить против Авессалома.

В те дни он, Фалтий, был уверен в победе, не было никаких сомнений в его душе, и то, что рассказывали о деяниях безрассудного Авессалома, неугодных Господу, еще более укрепляло уверенность Фалтия. Близилось решающее сражение, и Фалтий, как и все воины Давида, ждал его с нетерпением. Он опять стал сотником, все было привычно ему. Давид разделил воинов на три отряда, во главе одного был Иоав, другим предводительствовал Авесса, а в третий вошли наемники Ваней. Он, Фалтий, попал в отряд Иоава и это несколько омрачило его. И когда Давид собрался сам возглавить этот наиболее многочисленный отряд, Фалтий поначалу обрадовался. Но запротестовали воины, и Фалтий понял, что были воины правы, и сам он тоже вместе со всеми стал отговаривать Давида. Говорили воины Давиду:

- Не ходи с нами, если мы победим, никто не сможет сказать - поражен Давид, если и умрет половина из нас, не обратит на то внимание Израиль, а ты один - тоже, что десять тысяч, лучше, чтобы ты помогал нам из города и не ходил на битву...

И Давид согласился:

- Что угодно для вас, то и сделаю!

И Фалтий понял, что Давид сделал это охотно. Он не хотел воевать с сыном. Они все тогда стояли у городских ворот Маханаима, каждый в своем отряде, в своей сотне, а военачальники были подле Давида и выслушивали его последние повеления. И сказал царь громогласно, чтобы слышно было всем:

- Сберегите мне отрока моего Авессалома! Я не желаю его смерти!

Никто не придавал тогда особого значения словам царя, для всех Авессалом был ненавистным врагом. Для него же, Давида, это был сын, самый любимый сын...

Сошлись войска близ Ефремова леса, людей у Авессалома было много больше, но настоящих опытных воинов совсем немного. Отряды Давида сразу же начали теснить авессаломцев. Фалтий бился тогда на левом краю и все время старался прижать врагов к лесу. Люди Авессалома пытались скрыться в густых зарослях. Фалтий хорошо знал этот лес, более густого леса не было на земле Ханаана - мшистые корявые стволы, ельник, болотистые топи - только безумцы могли искать там спасение. Они думали, что лес укроет их, обережет от мечей, но здесь пошли в ход

копья. Копьем можно было раздвинуть колючие заросли, на копье опереться, перебираясь через болото, копьем пронзить затаившегося в листве врага. Загнанные в лесные болота люди Авессалома были обречены. Лес погубил народа больше, чем истребили в этот день копье и меч.

Авессалом спасался бегством на своем муле, он неся по просеке, вдоль которой росли ветвистые дубы. Фалтий потерял его из виду. Пришлось защититься от внезапного нападения, на него навалились сразу двое, с трудом ему удалось поразить одного из них в живот, а другого прижать к земле и придушить. Рядом пробежал Иоав. Кричали где-то справа, в чаще леса: «Авессалом попался!». Выскочил из чащи воин, звавший Иоава. Они нашли Иоава на поляне, меч его был в крови, в глазах радость от предчувствия скорой победы. Воин крикнул Иоаву: «Я видел Авессалома, висящего на дубе!». Ни Фалтий, ни Иоав не поняли сразу в чем дело - что? Сам повесился? Покончил с собой, чтобы избежать позора? Оказалось иное - когда мул, на котором мчался Авессалом, пробежал под раскидистым дубом, Авессалом запутался волосами в ветвях дуба и повис. Мул пробежал дальше, а наездник болтается, не доставая ногами до земли. Иоав накинулся на воина: «Что же ты, увидел - и упустил Авессалома, я дал бы тебе за него десять сиклей серебра!». Воин испуганно замахал руками - как можно, царь не велел, если бы мне дали и тысячу сиклей, и тогда бы я не поднял руку на царского сына...

- Это война, а не игрище! Если не мы его, то он нас, - гневно крикнул Иоав, - на войне нельзя быть чистым от крови!

Они бросились к просеке. Авессалом трепыхался на ветвях, как летучая мышь. И не было тогда в сердце Фалтия жалости к неразумному похитителю царской короны, вступаться за него он не хотел, просто отошел в сторону и уже издали увидел, как задрожало и обвисло тело Авессалома, ибо три стрелы вонзил в его спину не знающий милосердия Иоав. Тут же подоспели оруженосцы Иоава, воткнули копья в уже мертвого сына царя. Потом поволокли в глубокую яму и забросили яму камнями. Спешили все тогда, и велел Иоав оруженосцу трубить сбор - не было смысла углубляться в лес, терять людей в топях...

В болотной тине, в изодранных одеждах, в чужой и своей крови входили в город Маханаим отряды победителей. Давид не встречал своих воинов у ворот, Он уже знал о гибели Авессалома, наверное он был единственным в Маханаиме, кто не радовался победе. На нем лица не было, он постарел сразу на много лет. Слезы стояли у него в глазах, он ходил у своего дома и причитал: «Сын мой Авессалом! Сын мой, сын мой Авессалом! О, кто бы дал мне умереть вместо тебя, Авессалом, сын мой!».

И всем передалась его скорбь. Ходили по городу, опустив голову, будто стыдились самих себя, словно воины, которые во время сражения обратились в бегство. И ему, Фалтию, тоже было не по себе, ведь мог он

остановить Иоава, мог исполнить повеление Давида - сберечь неразумного отрока, не дать погибнуть тому, кто считал его своим другом. И увидел Иоав, что страдает его сотник, и злобно засмеялся, и сказал:

- Плач устроили по Авессалому! Он бы никого не пощадил, и мне не жить, и тебе бы, сотник, тоже, а отца родного отдал бы диким зверям на растерзание! А вы сердобольные все бродите и причитаете: «Ах, Авессалом, Авессалом!».

Был разгневан Иоав, жаждущий признания своих заслуг и наград за победу. В тот день Фалтий вместе с Иоавом был в доме Давида. Царь сидел, закрыв лицо руками, и взывал к Господу, чтобы послал Всевышний ему любые муки, но вернул Авессалома, клялся Господу - отдать сыну царство.

Но кому дано вымолить возвращение мертвых, путь в подземные владения теней неведом живущим и не имеет обратной дороги. Напрасны были его стенания. И сказал ему Иоав со злостью:

- Ты в стыд привел сегодня всех слуг своих, спасших твою жизнь. Ты любишь ненавидящих тебя и ненавидишь любящих тебя, ибо ты показал сегодня, что ничто для тебя все мы, и понял я, что если бы Авессалом остался жив, а мы все умерли, тебе было бы приятнее. Встань и выйди к войску. Ибо клянусь Господом, если ты не выйдешь, то не останется у тебя ни одного человека, и это будет для тебя хуже всех бедствий, которые находили на тебя от юности твоей и доньне!

Не прав был тогда Иоав, злость кипела в его сердце, и неостывший пыл битвы бушевал в крови. Не были доступны Иоаву ни милосердие, ни сострадание. Он делил людей на врагов и своих воинов. Любой, хоть раз отступившийся, зачислялся в предатели. Так он поступил и с отцом Фалтия. А ведь когда-то восхвалял Маттафию, считал, что нету среди Израиля более храброго воина, и вот отбросил, стер из своей памяти. И если бы царь отступился, и царя бы он не пощадил. Это он, Иоав, дал повеление умертвить всех, кто был с Авессаломом. Давид просто вынужден был подчиниться своему военачальнику.

Это уже был не тот Давид, которого знал Фалтий, и не ясно было - какой Давид ему ближе - прежний холодный и властный, или теперешний, вдруг слившийся в памяти с Давидом тех лет, когда он не был еще царем и сочувствовал всем гонимым и извлекал из струн своей арфы печальные мелодии.

Теперь, после победы над Авессаломом, Давид почему-то не спешил войти в Иерусалим, он хотел, чтобы посланцы всех колен Израиля пришли к нему с повинной, чтобы уговаривали его вернуться на престол. Он даже послал гонцов к старейшинам колена Иудина, своего родного колена, чтобы передали гонцы такие слова: «Зачем хотите вы быть последними, почему не спешите возвратить царя в его дом, ждете, когда другие колена заступятся за царя...».

Старейшины колена Иудина, конечно, срочно послали своих людей за Иордан, те пришли к Давиду, упрашивали вернуться, клялись в преданности своей. Где-то достали большую лодку, чтобы торжественно переправить царя через Иордан.

Он, Фалтий, не участвовал в этом шумном возвращении, ему повелел Иоав очищать леса и долину реки Иордан от авессаломцев - черная, неблагодарная работа, меч и руки постоянно в крови. Но все делается по велению Господа, так угодно Всевышнему, чтобы он, Фалтий, встретил и спас любимого брата. Если бы другой был на месте Фалтия - не жить бы Амасии с его длинными волосами, и отец бы тщетно ждал спасения...

Фалтий понимал, что еще долго придется расхлебывать кашу, заваренную Авессаломом. Непокойно сейчас на земле Израиля. Все почувствовали слабость царя. Всех царь прощал, со всеми соглашался. Простил даже Семея, сына Геры, который в трудный час поносил царя последними словами. Сыны Саруи возмущались: «Неужели Семей не умрет за то, что злословил помазанника Господня?». Давид отвечал им: «Что мне и вам, сыны Саруи, за дело до неразумного? Ныне ли умерщвлять кого-либо в Израиле?».

Говорил Давид так, но ведь знал, что Иоав не успокоится, пока не покарает всех дерзких повстанцев. Будь на то воля Иоава, он бы этого Семея в клочья разорвал. Он бы и сына Ионафана, убогого Мемфивосфея, не пощадил. А Давид и его простил, спросил только без всякого упрека: «Почему ты, Мемфивосфей, не пошел со мною?». Тот пал ниц, целовал сандалии Давиду, оправдывался: «Господин мой царь! Слуга мой подвел меня, осла не мог сыскать вовремя. Я ведь не мог идти пешком, я был бы обузой тебе...».

Знал Давид, что лобызал Мемфивосфей Авессаломом, что клялся в преданности Авессалому, но все простил, даже все наделы вернул Мемфивосфею.

Когда царь становится мягким, словно воск, его каждый может унижить, перед властным и жестоким падают ниц, а стоит показать, что ты не страшен - и сразу найдутся десятки правдолюбцев-обличителей, доселе молчавших и льстивших сильному мира сего, а ныне не смыкающих уста. Стали натравливать все колена Израиля против колена Иудина, поют повсюду песни с дерзкими словами:

Что нам за дело до Давида?
Нет у нас доли в сыне Иессея.
По шатрам своим, Израиль!
Теперь держись за свой дом, Давид!

О, если бы они узнали, что на севере страны, в далеком городе-убежище, пойман Саул, если бы поверили Каверуну... Ведь отца легко принять за царя. Побегали бы туда, возвели бы на престол. И такой поворот возможен. Время смутное. В землях Ефремовых подбивал людей к неповиновению Савей, сын Бихри, этот был опаснее Авессаломом. К нему

мог присоединиться Амессай, возведенный в военачальники Авессаломом. Напрасно Давид простил его...

Но Иоав не простил. Он встретил Амессая близ большого камня у Гаваона. Спросил Иоав: «Здоров ли ты, брат мой?». И взял Иоав левой рукой Амессая за бороду, притянул к себе, сделал вид, что хочет поцеловать, а в другой руке держал меч. Амессай раскрыл объятия и не остерегся меча. Иоав проткнул ему живот и трижды повернул меч, так что кишки вывалились на землю... Давид ни словом не упрекнул Иоава, на все Давид закрывал глаза...

Фалтий понимал - Давиду нужно выиграть время, царь не из таких людей, что опускают руки. Что бы ни говорили о Давиде, но нету более могущественного вождя и нету воина искуснее его. Сколько раз он, Фалтий, сражался рядом с царем, сколько раз убеждался, что меч Давида разит без промаха. Давид всегда выходил победителем, в любой битве...

Грозные филистимляне, опытные воины с их колесницами - где их слава? Они поражены были Давидом в битве близ Рефаимской долины, все их приморские города повержены от Гаваия до Газеры. Разбиты моавитяне, порабощены идумейцы, взят Дамаск... Иерусалим стал главным городом, создано войско, с которым можно одолеть любого сильного врага. Израиль окреп, колена Израиля соединились...

И все равно, полно недовольных, и опять появились на дорогах Ханаана так называемые пророки, среди них полно нечестивцев, и каждый норовит обличить царя. Убитого Урию сделали героем-мучеником. Только ленивый не осуждал Давида за смерть мужа Вирсавии. Давид слишком открыт для всех, все у него на виду. Мановение его пальца - и были бы вырезаны языки у клеветников, возводящих хулу на царя. А Давид перед всеми оправдывается, прилюдно кается. Все знают, что происходит в его гареме. Покаяния могут погубить царя...

И в то же время царь недоступен простому смертному, он окружил себя советниками, фелефеями, хелефеями. Давид глух к чужому горю. Он отвернулся от Маттафии. Фалтий понимал, что вряд ли царь придет на помощь, может даже не выслушать, не до этого сейчас Давиду...

Фалтий сидел неподвижно, боясь неосторожным движением разбудить Амасию. Младший брат спал, прислонившись к его плечу. Так он, Фалтий, и просидел до рассвета, не сомкнув глаз. Солнце медленно выкатывалось из-за гористой гряды, первые лучи, скользя по быстрым водам Иордана, отразились от них и засеребрили листья и кору деревьев, свисающих над рекой. Кончилось масло в светильнике, фитилек зашипел и погас. Да и не нужен был уже его свет. Лучи солнца сквозь полуоткрытый полог проникали в шатер. Они осветили пустые чаши, остатки снеди, безмятежное лицо спящего Амасии, рыжеватый пушок на его щеках. Амасия промывал что-то, улыбнулся в полусне, и вот уже распахнулись светлые глаза, и с недоумением посмотрел он вокруг - и увидел брата и

такая радостная улыбка озарила его лицо, словно узрел он ангела во плоти. Но была у этого ангела большая борода, и сильная рука, привыкшая держать меч, рука воина.

- Я подумал, ты ангел, - сказал Амасия, - ты и в самом деле мой ангел, ты ведь спас меня...

- Мне далеко до ангела, - отозвался Фалтий, - крылья никогда не вырастут на моей спине, у меня слишком много грехов...

Амасия провел рукой по своей голове, ощупал шею, не покрытую прядями волос, вспомнил все и смутился, представил он, как встретит его родительница Рахиль - увидит и не узнает, заохает: где же твои волосы, Амасия...

- Надо спешить, если мы хотим выручить отца, - сказал Фалтий, - ослы уже приготовлены, и до Иерусалима рукой подать...

Глава XXVI

Но не сразу выехали они, пришлось ждать Амасии, пока Фалтий не завершит свои дела. Надо было брату распределить своих людей, отдать нужные повеления, позаботиться о пропитании. Амасия переживал, опять задержки - но вида не подавал...

В пути пытались они наверстать потерянное время, нетерпеливо били пятками ослов в упругие бока, а когда стемнело, не стали искать ночлега, а продолжали двигаться по ровной, утоптанной тысячами ног дороге, ведущей от берегов Иордана к Иерусалиму.

И на рассвете открылся им святой город, обитель Божья. Солнечные лучи осветили склоны многочисленных холмов и достигли бело-розовых крепостных стен, и на вершине Сиона заблестели окна дворца, возвышающегося рядом со сторожевой башней.

Легкая пелена тумана стлалась над долиной, где протекал Кедрон, воздух звенел и казался хрустальным от обволакивающей все тишины. Они сошли с ослов и пали ниц, воздавая хвалу Господу, давшему это утро и осветившему грешный мир солнечной благодатью, Господу, выбравшему для своей обители на земле Иерусалим.

Несравним был Иерусалим с городом-убежищем, который доселе казался Амасии самым величавым и самым укрепленным. Куда было его крепостным стенам до широких и ровных рядов крепостных стен Иерусалима, увенчанных устремленными в небо громадами сторожевых башен. И в то же время, хотя и велики были эти башни, но в утреннем свете виделись они легкими, будто плывущими над землей.

Когда они въехали в городские ворота, пусты еще были улицы Иерусалима, и так чисто было вокруг, словно и не обитал никто в городе,

кроме Господа Бога. Им пришлось долго ждать у ворот дворца, пока появились первые стражники. И Фалтий, который там, на берегах Иордана, казался Амасии всемогущественным, здесь растерялся и был само смирение. Он все время искал знакомых воинов и не находил. И расспрашивал он стражников, как пройти к Давиду.

Каково же было отчаяние братьев, когда сообщил им один из стражников, что вчера еще покинул город царь и направился в Беф-Маах, где поражен был Савей, возмущавший народ. И поведали им стражники, что Савей укрылся в том городе, и когда воины Давида насыпали вал перед крепостными стенами и стали разрушать стены таранами, одна женщина с этого города бесстрашно поднялась на крепостную стену и стала звать Иоава, и когда он поднялся на вал, сказала ему: «Для чего ты хочешь уничтожить мирный город, для чего разрушить то, что создано по велению Божьему! Или мало разрухи и крови среди Израиля!». И стал ей Иоав говорить, что тоже не хотел бы разрушать город, но человек по имени Савей, сын Бихри, поднял руку на царя Давида, и что если выдадут его, то войска отступят от города. И пообещала женщина, что будет сброшена голова Савея со стены. И пошла она к жителям города, и те отсекли голову мятежнику и бросили к ногам Иоава. И разошлись от города нападавшие. И теперь царь решил встретиться со старейшинами города чтобы успокоить народ, чтобы не боялись люди наказания и возвращались к своим виноградникам и на свои пастбища и поля.

Сколько же пробудет Давид в Беф-Маахе никто не знал. Тогда братья стали искать Шаломе - мазкира и дееспосетеля Давида, и никто не мог указать место его пребывания. Были они и у старого своего дома, посидели на камнях у порога, так и не дождавшись хозяев, и охватила их печаль. Чужими были они в этом большом городе...

Шумно становилось на улицах, сновали повсюду люди, торговцы встали у ворот, зазывая народ, неторопливо брели священнослужители к горе Мориа, зазывно улыбались и подмигивали торговцам блудницы. Город наполнялся шумом и суетой, и никому не было дела до опечаленных братьев. Словно крутилось огромное веретено и пряло свою пряжу из всего этого шума, из криков ослов и фырканья коней, из пота и молитв, и тонули в этой пряже и томления, и радости, и возвышения, и падения. И раскручивалась вся беспокойная жизнь города.

И когда совсем погрузнели братья, услышали они топот многих ног, и увидели отряды воинов, возвращавшихся из города Беф-Мааха. И заметил Фалтий ступавшего позади воинов Иоава. И военачальник увидел его и поначалу стал выговаривать Фалтию свое недовольство тем, что бросил тот своих людей. Но был Иоав после победного похода в добром расположении духа и выслушал он оправдания Фалтия.

Фалтий поведал своему военачальнику обо всем откровенно, хотя и знал, что не питает ничего, кроме злобы, Иоав к бывшему своему сотнику

Маттафии. Но говорил Фалтий столь взволнованно, столь убедительно, что даже злобный Иоав смягчил свое сердце.

- Угодно это Господу, - сказал Иоав, - когда сын хочет спасти своего отца, и жив Господь, и счастлив я, что такой воин, как ты, Фалтий, возрос под моим началом!

И попросил Фалтий совета у Иоава. Поведал тогда Иоав, что видел посланцев из города-убежища, что донесли они царю о том, будто пойман их правителем Саул, и вдоволь посмеялись над ними во дворце Давида, но все же отправили послание их правителю Каверуну, а что было в том послании, что оно несет - смерть или жизнь пойманному, он, Иоав, не ведает. Сказал Иоав, что никому сейчас не интересны домыслы Каверуна, полагал Иоав, что скоро придет черед и этой крепости на севере, что поразит он эту дерзкую крепость, и ничто не спасет ее хитроумного правителя. И не спасут Каверуна никакие выдумки про пойманного царя. И еще сказал Иоав, что говорил с посланцами Каверуна дееписатель Давида, и кажется, отбыл этот дееписатель вслед за ними.

- Это отца нашего приняли за Саула! - воскликнул Фалтий.

- Так говорите, это не Саул, а Маттафия, - сказал Иоав и засмеялся, - вот что он выдумал, безумец! Теперь лишится головы! Был неплохой воин. Предал нас в битве, но нету у меня зла на него.

И посоветовал Иоав братьям догнать послов, чтобы спасти отца своего, и повел к сторожевой башне, где стояли колесницы, захваченные у филистимлян. Повелел он стражникам снарядить одну из колесниц и дать Фалтию, и сказал ему:

- Не ради Маттафии свершаю сие, а ради несчастной родительницы твоей и ради тебя, Фалтий, верного воина Давида!

Стражники помогли запрячь в колесницу трех коней, застоявшиеся кони громко ржали. Фалтий усадил Амасию на дубовую перекладину, сам встал впереди, натянул вожжи и тронул коней. Зацокали копыта по камням, расступились люди, толпящиеся у городских ворот, и легко выкатилась боевая колесница на широкую дорогу, сбегающую вниз к черede пологих белесых холмов. И так понеслись кони, что, казалось, еще немного усилий - и взмоет колесница в бездонную синеву неба и запарит над землей.

Впервые мчался в колеснице Амасия, и захватывало у него дух, и трепетало сердце, но теперь ничего не страшило его, он был уверен, что настигнут они послов Каверуна, что встретят Шалом, он был уверен, что дееписатель, отправившийся вслед за послами - именно Шалом - и они освободят отца своего.

Но нету на земле Ханаана путей, по которым можно без преград достичь ее пределов, и к вечеру стала сужаться каменистая дорога, стали теснить ее Самарийские горы, и несколько раз ударялись колеса о придорожные глыбы, и приходилось слезать и проталкивать колесницу

между камней, и когда солнце коснулось горных вершин, братья поняли, что не достичь им на колеснице Изреельской долины, что напрасно они радовались, заполучив филистимлянскую колесницу, ибо единственный надежный способ передвижения по узким дорогам Ханаана - выносливый и приспособленный к горным тропам осел. И те, кого они обогнали днем, едущие медленно на своих ослах, теперь проезжали мимо и ухмылялись.

Надо было искать ночлег, и они увидели, что в просвете между горами светятся огоньки, они оставили свою колесницу, распрягли коней, стреножили их, дали им корма, а сами двинулись по тропе, ведущей к одиноко стоящему дому. Дом этот был узкий и длинный, хозяин дома встретил братьев радушно, ибо жил он от заработков, получаемых с путников-караванщиков, останавливающихся у него на ночлег.

Звали хозяина гостевого дома Захария, он был приземистый и юркий, старался во всем угодить братьям и, быстро договорившись об оплате, накрыл стол, стал подавать дразнящую мясными запахами снедь, принес кувшин вина. И после того как братья насытились, а Фалтий испил большую чашу вина, появилась расторопная быстроглазая девица, принесла гранатового сока для Амасии, и когда подавала к столу, норовила прижаться к отроку и увлажняла кончиком языка свои губы, и исходил от нее такой жар, что затрепетал Амасия, стал ловить ее взгляды и бессмысленно улыбаться. И когда закончили они трапезу, сказал ему Фалтий:

- Пойди в другую комнату, познай блудницу, и успокоится твоя плоть.

И признался ему Амасия, что еще не разу не довелось ему обладать женщиной, и сказал он брату:

- Как же я взойду к ней, ведь я почти не знаю ее, она изгонит меня...

Фалтий улыбнулся и сказал, что уже уплатил девице, и что для того и держит здесь Захария блудницу, чтобы путники могли не только голод утолить. И еще сказал Фалтий:

- Останься с ней, брат, не легок будет путь, и боюсь я за тебя. А здесь тебе будет хорошо, и девица, вижу, тебе приглянулась, а я, если поможет Господь, вернусь с отцом и родительницами нашими и заберу тебя.

Амасия возмутился, обида подступила комом к горлу, понял он, что брат хочет избавиться от него, думает, что не сможет он, Амасия, сразиться за своего отца. И исчезли в нем все желания, все заслонила обида.

- Не гони меня, брат, - сказал Амасия, - не время сейчас нам расставаться, я тебе не буду обузой, и разве могу я предаваться похоти, когда меч навис над нашим отцом!

Фалтий увидел слезы обиды в его глазах, обнял брата, стал успокаивать, поклялся не расставаться, пока не освободят они своего отца.

На рассвете продолжили они свой путь. Оставили колесницу и коней у хозяина гостевого дома Захарии и взамен получили двух крепких ослов. Заверил Фалтий Захария, что на обратном пути вернет ослов и наказал зорко приглядывать за конями и колесницей, ибо если пропадут они, сказал он Захарии, то взыщет Иовав за пропажу и поразит мечом своим.

Привычен был путь ослам, и бодро трусили они по узкой каменистой дороге, все выше поднимавшейся в горы. И к полудню добрались братья до перевала, и здесь увидели путника, сидевшего на гладком большом камне в горестном раздумье. Рядом с ним лежал на боку осел, и путник изредка машинально поглаживал его. Завидев братьев, путник поднялся с камня и встал посередине дороги, горестно разводя руками. И приглядевшись к нему, вдруг спрыгнул со своего осла Фалтий и закричал радостно:

- Жив Господь, это он послал тебя, Шалом!

- Брат мой названный, - воскликнул путник, - воистину Господь соединил нас!

Амасия смотрел, как похлопывают они друг друга по плечу, смотрел и не узнавал Шалом. Жил в его памяти щуплый и смуглый отрок, спасенный отцом гирзеянин, всегда молчаливый, ходивший с кисточкой для письма, а теперь стоял на дороге и обнимался с Фалтием плотный мужчина с большой черной бородой и лицом уже тронутым морщинами.

Фалтий тоже давно не видел названного брата и тоже подивился тому, как постарел Шалом. Был он годами моложе Фалтия, а выглядел так, что годился в отцы. И понял Фалтий, что служба при дворце не молодит людей, и утомлен Шалом не трудом непосильным, а дворцовыми ковами и многими знаниями, ибо многие знания рожают многие печали. С малых лет Шалом не расставался со свитками папируса, не был приспособлен он к земной жизни. Вот и сейчас даже с ослом не мог справиться, натер ему спину седлом, не подтянул подпруги.

Расказали Шалому братья, куда и зачем спешат они и все, что знали об отце, жизнь которого может оборваться, если не поспешить на помощь. И оказалось, что мудрый Шалом о многом сам догадался еще раньше. И поведал им Шалом:

- Будто чуяло мое сердце, что зовет меня отец и спаситель мой, и когда пришли послы Каверуна, и узнал я от них о поимке Саула, не стало в моей душе покоя. И вслед за послами поспешил я, упросив царя отпустить меня. Знал я сходстве нашего отца и спасителя моего с царем Саулом, и мелькнула у меня мысль - не он ли это. Явилась слабая надежда, что вырвался он из плена. Хотя и понимал я, что может это быть и просто двойник Саула - было их несколько у первого царя Израиля, о том поведала мне дочь его - Мелхола. Во дворце у Давида - два деписателя-мазкира, главный мазкир Иософат, сын Ахияда, он пишет историю царства Давида, а мне поручено все собрать и описать о царстве Саула. Потому и

удалось упросить царя отпустить меня, сказал мне царь, чтобы поспешил я вслед за посланцами Каверуна, чтобы узрел все своими глазами, и еще сказал царь, что не было в мире такого чуда, чтобы кто-либо вернулся из подземелий Шеола, и если это двойник Саула, то следует мне забрать все его записи, о которых говорили посланцы Каверуна, отдать за записи сколь угодно сребреников, а за пленника не вступаться. Казнят его - поплывутся, сказал Давид, двинем войска на город, который словно заноза в теле Израиля. Так сказал мне мой господин - царь Давид. Но прослышал я, что посланцам Каверуна повелел он умертвить пленника и привезти его голову, за которую обещал щедрое вознаграждение. И потому спешил я, чтобы упредить их. И вижу теперь, что это Господь надоумил меня! И сердце мое теснит боль, ибо не смог я обогнать посланцев Каверуна. И теперь из-за меня погибнет спаситель мой!

Вселил новые надежды его рассказ в души братьев, но и тревог немалых добавил. Надо было спешить, чтобы спасти отца. И сказал Фалтий названному своему брату Шалому:

- Говорил я тебе ранее, жизнь букв на папирусе и жизнь людей так же отличаются друг от друга, как день от ночи. Загнал ты осла своего, а если теперь взять тебя с собой, и ехать тебе вместе с Амасией на одном осле, то путь наш продлится вдвое!

И стал уговаривать Шалом Фалтия, чтобы не покидал его, ибо дана ему печать - перстень Давида, и сумеет только он убедить правителя города-убежища, что надо отпустить пленника. И пока они спорили, отошел от дороги Амасия и стал искать среди трав целебные, и нашел он траву - подорожник, заживляющую раны, приложил он траву ослу на потертую спину, обхватил шею осла руками, погладил его, и поднялся осел с земли.

И все же пришлось продолжить им путь на двух ослах. Фалтий ехал впереди, Амасия вдвоем с Шаломом уместились на осле Амасии, осел же Шалом брел рядом. И все время недовольно бурчал Фалтий, которому приходилось останавливаться и ждать. Фалтий был убежден, что сможет даже один освободить отца, он один был вооружен мечом, он один был опытным воином. Шалом на его упреки отвечал, что не всегда дело может решить меч, и что один воин не может поразить город, но слово царя может открыть неприступные ворота, а это слово может услышать правитель Каверун только из уст его, Шалом.

К вечеру спустились они с гор в Изреельскую долину и остановились на ночлег у источника, подле которого еще не остыл пепел от костра, разведенного путниками, прошедшими перед ними. И видно было, что спешили эти люди, ибо отправились в дальнейший путь, не взирая на ночь. Увидел Амасия по следам на траве, что было их четверо, и было у них шесть ослов, два из которых шли без наездников и поклажи. Он сказал об

этом Фалтию, и поняли братья, что впереди, может быть совсем недалеко, двигаются посланцы Каверуна.

- Не дано нам времени для отдыха, - сказал Фалтий, - за ночь они намного опередят нас!

Но Шалом не согласился с ним, сказал, что не всегда тот кто спешит, первым приходит к цели, что немного пройдут те, кто пустился в путь по ночной дороге, не дав отдыха своим ослам.

- Но у них есть запасные, - возразил Фалтий.

- Их два, а путников четверо, - сказал Шалом, - и к утру я смогу ехать на своем осле, у которого заживет спина.

Фалтий не стал настаивать, он понимал, что разумно рассуждает Шалом, но в который раз не преминул попрекнуть Шалома и Амасию, сказав, что если бы не они, давно бы он, Фалтий, обогнал посланцев Каверуна.

Но когда разложили они снедь, взятую у Захарии, разожгли костер и подкрепили свои силы обильной пищей, успокоился Фалтий и смотрел он с любовью на обретенных братьев, и говорил, что надо жить всем вместе, и когда освободят отца - соберутся они в доме своем в Иерусалиме.

- Слишком похож спаситель мой и отец наш на Саула, - с горестным вздохом произнес Шалом.

И не поняли поначалу его сомнений братья - при чем здесь эта схожесть, давно уже пал Саул, пораженный своим мечом на склонах Гелвуя, и мало ли людей на земле схожих друг с другом своими ликами.

- Давиду не нужны двойники Саула, эти двойники нужны его врагам, - пояснил Шалом.

- Не мог Давид повелеть умертвить пленника! Если Давид никогда не жаждал поднять свой меч на Саула, то зачем ему смерть двойника? Наверняка, не повеление о смерти, а выкуп везут посланцы, - сказал Фалтий, но не было уверенности в его словах, казалось, он сам себя успокаивает.

Шалом не стал спорить с Фалтием, тревожить своими сомнениями душу названного брата не хотелось. Слишком долго служил Шалом во дворце, где зачастую говорили одно, а вершили другое, и чтобы угодить царю переступали любые пределы истины. И надо было держать сомкнутыми свои уста, чтобы не лишиться царской милости. Главный деесписатель, учитель Шалома - Иософат, сын Ахияда, любил повторять: «Блажен человек, снискавший мудрость, но еще более блажен тот, кто сдерживает уста свои, и должна жить истина в сердце человека, а не на языке его». Спрашивал его Шалом: «Как же тогда познать истину?». И отвечал он: «В руках у тебя кисть, и пергамент хранит истину, научись так записывать все деяния, чтобы умный человек понял не только твое описание, ибо за каждым мудро написанным словом стоит другое незримое слово, несущее истину».

Мудрость Иосифата была известна всем, но слишком осторожен был главный дееписатель, и когда Шалом приносил ему исписанные листки пергамента, долго сидел за их прочтением учителем и возвращал листки, где были зачеркнуты главные слова, несущие истину, и записаны поверх их слова притч и иносказаний, прячущих истину. Но потом, когда Шалом обучился премудростям изложения царских деяний, стал он возражать своему учителю. И даже перед лицом царя вступал в спор, ибо понял, что не угодно Господу, чтобы правдивые слова прятались и обряжались в чужие одежды. И неожиданно в одном из споров с учителем поддержал Шалом сам Давид, сказал царь:

- Не для того содержу я во дворце дееписателей, чтобы лили они елей на папирусные свитки. Для будущих царей хочу я открыться, для тех, кто пойдет по моим стезям, чтобы упредить падения их. Нету на земле безгрешных жизней! И кто поверит в безгрешность правителя, кто поверит красочным и лживым словам? Истины взыскую и вам повелеваю открывать ее...

И стал он, Шалом, постигать истину, дано было ему право от самого Давида - расспрашивать военачальников и умудренных годами стариков и записывать их свидетельства в книгу царств. И повелел Давид Шалому собрать все свидетельства о доме Саула, узнать, кто еще жив из его потомков, и записать все это в особую секретную книгу. Ретиво взялся за это поручение Шалом, но вовремя остановил его осторожный Иосифат: «Слетела голова бедного Иевосфея, последнего из сыновей Ахиноамы, жены Саула! Где сыновья наложницы Рицпы? Успокой Господь их души...». - «Но ведь не Давид умертвил несчастных», - возразил Шалом своему учителю. «Не Давид, - согласился Иосифат, - но множество есть при царе, жаждущих угодить господину своему!».

И вспоминая теперь обо всем этом, понимал Шалом, сколь опасным может стать пребывание спасителя его и отца названного - Маттафии - в Иерусалиме, сколь несбыточны замыслы Фалтия о спокойной жизни в своем доме. И молил Шалом Господа, чтобы не отвратился Господь от того, кто был ему, Шалому, дороже всех на свете. И всегда верил Шалом, что не мог стать предателем человек, на совести которого и пятна бесчестности не было. Оговорили его перед лицом царя, и не смог он, Шалом, склонить сердце Давида к милосердию. И вина его, Шалом, и грех великий перед своим спасителем, что не сумел убедить Давида. Да и кто был он, Шалом, чтобы царь у слышал его голос?

И великое то благо, что нашел своего стезю, что сумел заслужить доверие Иосифата. Ведь пришел в Иерусалим босой, с пустой котомкой за плечами, ни на кого не надеясь, не искал защиты даже у Фалтия, сам всего добился своим усердием. И каково ему поначалу было служить царю, в котором видел истребителя своего народа, кто он был во дворце - отрок, которым все помыкали, инородец, гирзеянин, приготовлявший краски для

кистей Иософата. Боялся даже встречи с царем, таился в каморке у Мусорных ворот. И лишь постепенно, с годами, смягчилось сердце, и понял, что надо принимать людей такими, какие они есть, и не искать ни у кого защиты и не рассчитывать на царскую милость, но и гнева и обид на царя не таить...

Лилась кровь повсюду, и пропиталась ею земля Ханаанская, от того и пашни здесь красноватые. И не хотел Давид никого уничтожать - ни гирзеев, ни аммонитян, ни маовитян - но должен был укреплять царство свое, а потому обнажал меч. Таково бремя царя. И тяжела царская корона. И никогда Давид не делил людей на сынов Израиля и инородцев, были среди его военачальников и хеттеяне, и идумейцы, и даже амаликитяне, призвал он к себе на службу и наемников из дальних стран - хелефеев и фелефеев, и ни разу никто из окружения Давида не попрекнул его, Шалом, в том, что род свой он ведет от гирзеев. И сам Давид повторял часто: «Инородцев не притесняйте, ведь вы понимаете душу инородца, ибо все мы были изгнанныками в земле Египетской!».

Шалому были близки эти слова, и стал он видеть в Давиде не злодея, а человека, стремящегося к праведности, великого и грешного, и когда ушла горечь из души, стало легче жить и не хотелось иной судьбы, кроме той, что дана Господом, ибо сподобил его Господь прожить не одну жизнь, а множество, повторяя жизни других в словах, начертанных на пергаменте...

Поручено ему было записывать все деяния Саула. Никогда не видел Шалом первого царя Израиля, являлся ему лишь в мыслях лик царя - виделся ему могучий чернородый воин с копьем в руке, сидящий под тамарисковым деревом у городских ворот, и ликом этот царь был схож со спасителем и отцом - Маттафией. И улыбался также широко, как Маттафия, и отличало их лишь то, что царская корона украшала голову Саула. Иософат хотел, чтобы были подробно описаны все злодеяния Саула, но не поднималась рука выводить слова обличающие, ибо понял Шалом, что не было более достойного среди сыновей Израиля... И недоумевал Иософат: «Ужели ты, Шалом, не убедился, сколь велики прегрешения Саула?». Хотел Иософат, чтобы в книге царств было записано все так, чтобы познавший эту книгу увидел - насколько Давид превыше и мудрее простодушного и жестокого Саула. И было это желание не только Иософата... И нету места в Иерусалиме сегодня не только потомкам Саула, но и человеку, схожему ликом с первым царем Израиля...

Ночь опустилась на Изреельскую долину, величественная и плодородная, лежала она внизу, обгаренная не раз кровью воинов. Догорели сучья в костре, повеяло ночной прохладой. Братья лежали, плотно прижавшись друг к другу, и сон не смыкал их веки. Хотелось, не дожидаясь рассвета, вскочить на своих ослов и продолжить путь, но понимали они, что за терпение воздается умеющим ждать, и что днем

наверстают они упущенное, быстрее одолевая дорогу на отдохнувших за ночь ослах.

Ничто не нарушало величавое молчание ночи, лишь слышалось, как осторожно шиплют и пережевывают траву осла, да робко булькает вода в роднике. Взошла на небо полная луна и осветила Изреельскую долину призрачным светом, и видны стали склоны Гелвуйских гор вдаль, застывшие, словно окаменевшие ящерицы, и отдельно от всех гор слева тянулась к небу гора Тавор, начинающая цепь невидимых еще Назаретских гор...

И поняв, что не заснуть им до рассвета, неспешно говорили братья, делясь друг с другом сокровенными мыслями о жизни, и каждый по-своему понимал смысл этой жизни. Амасия вспоминал о сочных травах, растущих на лугах у Ливанских гор, о пении птиц на рассвете, о ласковых ветрах, дующих с морской глади, хотел он, чтобы поняли братья, как красив этот мир, чтобы стали и они вольными пастухами, чтобы Фалтий отдохнул от войн, а глаза Шаломы - от написания букв на пергаментах...

Фалтий же говорил о своей доле воина, вспоминал битвы, утверждал, что мужчина должен уметь постоять за себя, он хотел, чтобы Амасия выучился искусно владеть мечом, познал бы любовь и вкусил истинные радости жизни. И сказал Фалтий:

- Если рожден ты мужчиной, благодари за это Господа, ибо дана тебе сила рук, чтобы защитить жен и детей. Пастухами могут быть отроки, заполнять письмена свитки должны старцы, а держать меч в руке обязан каждый человек, любящий землю свою и народ свой.

Никто не возражал ему, Фалтий был старше их, был для них оберегающим щитом, с ним связывали они все надежды на освобождение отца. Но когда Фалтий сказал, обращаясь к Шалому: «Угодно ли Господу занятие твое, все записано Всемогущим в книге судеб, все предсказано в Торе, и ужели ты хочешь соперничать со Всевышним, воссоздавая чужие жизни на пергаменте? Кому нужны твои письма? Хрупок пергамент и истлеет он прежде, нежели захотят прочесть его». - То доселе спокойный Шалом неожиданно поднялся и стал говорить пылко, словно речь шла не о буквах, запечатленных в свитках, а решалась судьба многих племен и народов:

- Не перечу я Господу, а живу с именем его, ибо иду по стопам его! Не он ли, Всемогущий, первый даровал нам письма - заветы, выбитые на скрижалях! Не им ли дарована Тора на горе Синайской! Кто мы? Жизнь наша быстротечна и мимолетна как путь стрелы, уподоблены мы мошкам, летящим на огонь, все мы сгораем, освобождая души для иной непознанной нами жизни. И что может остаться после нас в этой, земной жизни? Но если в слове будет запечатлена наша жизнь - дано будет потомкам проникнуть в давно угасшие сердца наши, дано будет познать наши мысли. Все хрупко и тленно на земной тверди, и лишь запечатленное

слово пребывает вовеки. Откуда бы мы узнали о делах Господних, о сотворении мира, о потопе, об исходе из Египта, о воителях и песнопевцах, о времени судей, если бы не было все это сохранено в словах, начертанных в старинных свитках. И не только для сохранения прошлого подарил нам Господь умение словами воссоздавать жизнь. Словом можно спасти человека, можно отвратить его печали, можно унижить и возвысить, можно выучить жить так, чтобы разум и чувства были едины и праведны! Что остается после битв и кровопролитий? Дожди смывают кровь и людской пот, истлевают кости убиенных, и победителям не избежать тления. И сколько бы ни было побед - исчезнет память о них, если не будет поведано о войнах в слове. И еще неизвестно, что более угодно Господу - победы, которые одержал Давид, или сочиненные им псалмы, обращенные к Всевышнему! Слово может спасти, но может и погубить, если лживо оно и нечестиво, и потому не может быть доверена неправедному, ищущему корысть и богатство, должность деесписателя. Слово, будто птица, вырвавшаяся из силков, не дается в руки неправедных и обращается свидетельством против них! Но если явлено слово истины, если оно от Бога, то сокрушает оно ложь, разрушает стены клеветы и очищает души...

И еще долго говорил Шалом, и хотя не все из его речей понимали братья, но проникали в их разум слова Шаломы, и радовались они за него, ибо признавали, что счастлив и угоден Господу человек, возлюбивший дело свое. И когда смолк Шалом, то сказал Фалтий:

- Многое ты познал, Шалом, и пусть длань Господня хранит тебя! Но не всегда обнажает истину слово. Познается же истина в ратном поединке, когда выходишь один на один с врагом, и решает меч, кому жить, а кому бесславно пасть. Но если любишь ты слово - пусть будет оно твоим мечом!

Ничего не ответил Шалом, присел он на траву, обнял Фалтия и улыбнулся, словно добрая мать, вззирающая на несмышленное дите свое.

Светало уже, когда сморил братьев утренний сон, был он коротким и чутким, но укрепил тела их, и когда первые лучи солнца прогнали сон с их век, поднялись они с земли почти одновременно, и сразу же стали седлать ослов. Теперь у каждого был свой осел, и надо было нагонять время, потерянное на ночлег.

И решили они не ехать по главной дороге, а напрямик пересечь Изреельскую долину, выехав на дорогу у склонов Гелвуйских гор. Подгоняли они своих ослов непрестанно, и казалось, горы совсем близко, буквально рукой подать, а ехать пришлось по густой росистой траве почти до полудня. Первый привал сделали они у подножья горы Гелвуй, той самой, где когда-то пали в сражении с филистимлянами Саул и его сыновья. Давид проклял эту гору в своей поминальной песне, и говорили поэтому, что здесь теперь ничего не растет. И действительно, один из склонов горы был лысым - ни травинки не было на нем, лишь ближе к вершине прорывались между камнями чахлые кусты. Зато у подножья

горы в изобилии росли травы и кустарники, и было много цветов - темно-фиолетовых иерехомских ирисов. Словно запекаясь кровь проступали они на зеленом ковре.

Молча стояли братья у склона горы Гелвуй и молились о душе бесстрашного Саула, павшего на свой меч, чтобы избежать позора плена. А когда двинулись дальше, еще долго оглядывались на сероватый склон, лишенный травы. И говорил Фалтий о Сауле. О его бесстрашии, о том, что не щадил своей жизни первый царь Израиля. Сам лег на свой меч. И Шалом возразил ему, сказав, что жизнь человеку дана Господом, и не вправе смертный раб Господень решать - жить ему или умереть, что он, Шалом, тоже преклоняется перед бесстрашием Саула, но биться надо до последнего вдоха, И если угодно Господу, то сохранит жизнь, а если отступит Господь - значит так суждено. Но тут и Амасия не согласился с Шаломом - была душа Амасии на стороне Саула. И сказал тогда Шалом братьям: «Что ж, по-вашему, и отец наш должен был лечь на свой меч и не дать пленить себя, пал бы он на поле брани, и некого было бы спасти нам. Не мертвый он нам нужен, а живой!».

- Не говори так, Шалом, - возразил Фалтий, - никто из нас не свидетель тому, как был пленен отец!

И подумал Фалтий, что сам бы он никогда не сдался врагу, а поступил бы как Саул, и что обрек отец его, Фалтия, на жизнь с клеймом - сына предателя -и все эти годы приходилось доказывать свою храбрость и преданность Давиду. И устыдился Фалтий своих мыслей, ужели смерти он пожелал отцу, пусть живет долго, и прав Шалом - все от Господа, и грех великий самому прерывать свою жизнь...

Говорили они о смерти, которой не избежать никому, но каждый верил, что еще далека она, ибо были они молоды, и мышцы их наполнились силой, и уверены они были, что не отвернется от них Господь. Помогает Бог тем, кто праведен и наказует нечестивых. И вскоре убедились они в этом, ибо едва миновали перевал через Гелвуйские горы и выехали на дорогу, ведущую в город-убежище, как увидели они в долине одиноко стоящий дуб и повешенного на его ветвях человека. Подъехали они ближе, и узнал Амасия в висящем советника правителя Каверуна - Цофара.

Он был бездыханным и лицо его посинело, синим был и язык, выпавший изо рта, и вились мухи и слепни над ним. Фалтий срубил веточку мечом, и шлепнулось тело висельника в траву, Амасия нагнулся и увидел, что вокруг примята трава, и разглядел полосу, будто волокли здесь кого-то. Он сделал несколько шагов по следу и наткнулся на кучу ветвей, Братья разбросали ветки и под ними обнаружили трех мертвецов, И у каждого торчала в горле стрела. И поняли они, что настигла смерть в ночном пути посланцев Каверуна. И Фалтий сказал, обращаясь к Шалому:

- Ты прав, Шалом, не всегда тот, кто спешит, приходит первым, стали торопливые посланцы жертвой дорожных грабителей...

Шалом нагнулся над телом Цофара, снял веревку, сдавившую шею, стал искать на поясе и в складках одежды послание Давида, но ничего не обнаружил, потом распахнул одежды и увидел на груди повешенного кровавый знак - вырезан был там круг, пронзенный молнией. И сразу догадался Шалом, чьей жертвой пал советник Каверуна.

- Не грабители расправились с посланцами Каверуна, - сказал Шалом братьям, - вырезан на груди знак филистимлянского бога Дагона, это слуги Дагона настигли несчастного!

- Много в тебе жалости, Шалом, - сказал Фалтий, - кто бы ни были эти убийцы, они нам путь открыли, и была у них своя причина для мести!

И подтвердил Амасия, что достоин смерти Цофар, ибо знал Амасия, коль коварен и злобен советник Каверуна.

Неподалеку от дуба, в высокой траве братья отыскиали ослов, стояли ослы спокойно, лениво жевали траву, шевеля чуткими толстыми губами. Это была хорошая находка - теперь у каждого из братьев стало по несколько ослов, и сменяя их, ускорили братья свой путь.

Солнце склонилось к вершинам Ливанских гор, когда открылся им вдали город-убежище, мрачные крепостные стены и дозорные башни с глазницами бойниц, словно каменные истуканы стояли на пределе обширной равнины и взгорья. Ветерок принес запахи дыма и близкого жилья, и почуяв эти запахи, ослы ускорили свой бег. И казалось - все дорожные преграды преодолены.

Но неожиданно из придорожных кустов выскочили стражники, было их более десятка, и кричали они наперебой, и окружив братьев, потрясали в воздухе копьями. А угрюмый исполин, видимо старший над ними, даже обнажил свой меч. Пришлось спешиться и объяснять стражникам, что посланы Давидом, что спешат к правителю города Каверуну. Но стражники не хотели слушать никаких объяснений, и один из них, обросший словно дикобраз, коротышка, накинулся на Амасию и стал кричать:

- Лжецы! Послан к Давиду советник Цофар! Почему его нету с вами? И отрок ваш - какой он посланец Давида? Это пастух наш!

Фалтий стал защищать Амасию, нажал с силой на плечо стражника-коротышки, тот согнулся почти до земли, но рванулся к братьям старший из стражников с обнаженным мечом, схватил за руку Амасию и сказал, пристально вглядываясь в его лицо:

- Не видел я такого пастуха у нас, этот отрок наверняка был с Авессаломом и подлежит заключению под стражу. Сейчас я ...

- Постой, - прервал его Фалтий, - какой же он авессаломец? Смотри, сколь коротко стрижены его волосы!

Но ничем нельзя было остановить стражников, хотели они получить свою мзду, привыкли обирать путников, и злило их то, что непонятливы называющие себя посланцами Давида. Кричали стражники, перебивая друг

друга, и наседали на братьев со всех сторон. Тогда вырвался из рук стражника Шалом и протянул руку к лицу старшего стражника.

- Смотри, - сказал Шалом, - вот перстень на моем пальце, это печать Давида, и облечен я доверием царя! Отрок же, который с нами, действительно, из вашего города, он взят в проводники по повелению самого царя. Умерьте зло и пыл ваши, ибо обернутся они против вас!

Старший стражник склонился к руке Шалома, долго рассматривал перстень, потом резко выпрямился и приказал своим воинам:

- Прекратите крик! Не видите - это посланцы царя Давида!

И сразу смолкли стражники и отступили от братьев. Только коротышка с колочими волосами недовольно пробурчал:

- Велено Каверуном всех задерживать...

- В повелении сказано, - бросил в его сторону старший стражник, - не выпускать из крепости никого, мы и не выпускаем!

И продолжили свой путь братья в сопровождении стражников. Небо уже начало темнеть, когда вошли они в городские ворота. Мертвая тишина стояла на улицах города. Тихо было и во дворце правителя. Сердца братьев утешенно билось, и нетерпение горячило кровь. Был здесь, где-то рядом, отец их, и близился час, когда должно решиться - смогут ли они спасти его. Долго сидели они в молчании, нарушаемом лишь клекотом невидимых птиц, пока не вышел к ним, наконец, высокий старец с клочковатой седой бородой - старейшина судей города - Иехомон. Он провел братьев в покои дворца, и расспросив обо всем, убедился, что перед ним царские посланники, недоумевал лишь Иехомон - где же Цофар, посланный к Давиду, почему посланцы прибыли без него, где остальные люди Цофара? Но развеял его сомнения Шалом, объяснив, что Цофар задержался со своими людьми в пути, и не стали ждать его, ибо срочно повелел царь доставить ему того, кто выдает себя за Саула, и если не будет он доставлен в кратчайший срок, то двинется войско Давида и поразит город-убежище.

И растерялся Иехомон, стал говорить им, что ночь уже, и что не время сейчас для слов, а время для успокоения тела. Предложил им омыть ноги, вкусить снеди, и обещал, что с рассветом непременно предстанут они перед лицом правителя Каверуна.

Дворцовые слуги провели братьев в гостевые покои, принесли обильной снеди, постелили циновки. Но не вкусили братья ничего из поданной пищи, лишь выпили по чаше пальмового сока, и вновь начало смущать их молчание, царившее во дворце. Были они рядом с отцом. Нельзя было бездействовать, нельзя было ждать рассвета. И решили они, чтобы пошел Амасия в дом свой, чтобы оповестил о прибытии их, и приготовились Зулуна и Рахиль покинуть город, ибо понимали братья, что не избежать родительницам гонений, когда исчезнет из дворца пленник.

Они отворили окно, и скользнул Амасия в темноту дворцового сада. И долго он не возвращался. Ждали его Фалтий и Шалом, ругали себя за то, что отпустили отрока одного.

И уже хотели отправиться на поиски, когда раздался осторожный стук в окно, и отворил окно Фалтий, и протянул руку, чтобы помочь Амасии забраться внутрь.

Вид у Амасии был растерянный, долго не мог он успокоить свое дыхание, и принес он печальные известия. Поведал Амасия, что пуст и разорен родительский дом, нету там ни Зулуны, ни Рахили, и все перевернуто, будто злые демоны справляли в нем трапезу. И главное - узнал от соседей Амасия, что бежал из дворца пленник, и не просто совершил побег, а умертвил главного стражника Арияда. И весь день искали убежавшего, и даже теперь, ночью, не прекращены поиски, и сам Каверун ушел во главе воинов, направившихся на дальние пастбища.

Молча слушали его Фалтий и Шалом и понимали, что опоздали они, и ясно стало - почему стоит мертвая тишина во дворце, покинутом воинами и правителем. Сидели братья в растерянности и кляли себя за медлительность, за остановки на ночлег, затянувшие их путь. И тогда Амасия предложил:

- Поспешим, братья! Знаю я на дальних пастбищах каждую тропку, каждый уголок и каждое потайное место, уверен я - спрячутся родительницы там, у пастухов, и отец наш Маттафия, свершив побег, скрылся там. И если не на пастбище, то близ него, есть там у отрогов Ливанских гор непроходимые леса, и в этих лесах я тоже знаю каждую чащу и каждую тропинку! Поспешим отцу на выручку, пока не добрались туда воины Каверуна!

Они согласились с Амасией сразу, без раздумий, иного пути у них не было, надо было спасать отца и матерей своих, если еще оставил Господь время для этого спасения, если еще не схвачены они воинами Каверуна. Вылезли они в окно, бежали вслед за, Амасией, который знал здесь все пути, быстро добрались они до крепостной стены, протиснулись в пролом, и уже не оглядываясь, не таясь, побежали по каменистой тропе, которая закончилась у ячменного поля, и проскочив через поле, устремились они по взгорью и не останавливались, не давали себе передышки, не чувствовали ночного холода, не обращали внимания на хлещущие по ногам колючие кусты, на росную траву, промочившие ноги и полы одежды. И увидели они вдали мечущиеся во тьме многочисленные огни и поняли, что движутся это воины с факелами, ищущие гибели отца...

Они даже не поняли, каким чудом удалось им проскочить цепь воинов, вышедших на ночную охоту, потому что поначалу приближались огни факелов, а потом вдруг оказались позади и стали исчезать во тьме. Долго еще бежали братья по росным травам, пока, наконец, не услышали вдали тонкое бляение ягненка, и вскоре достигли они стада, и стали

протискиваться между теплыми боками овец и коз, растревожив мирно дремавших животных. И услышав шум и бляение, вышли навстречу братьям пастухи, разглядели Амасию, заулыбались, стали приглашать в свой шалаш. Сказал им Амасия, что с ним братья его, и что ищут они родительниц своих. Тогда пастухи повели их к еще одному шалашу, подле которого сидели две истомленные страхом и дрожащие от холода женщины. И велика была радость братьев, когда узрели они в этих женщинах родительниц своих. Кинулся Фалтий в объятия Зулуны, нежно ласкала Рахиль своего сына Амасию, лишь Шалом стоял не узнанный в темноте, пока не окликнул его Фалтий, и обе родительницы, узнав его и поняв, что обрели давно потерянного названного сына, повисли на нем и покрыли лицо его поцелуями.

Но не было у братьев времени для объятий, не было времени для расспросов, вот-вот могли появиться на пастбище воины Каверуна. И была надежда опередить их, раньше чем они достигь леса у отрогов Ливанских гор, ибо уверен был Амасия, что коли отца нету на пастбищах, то единственное место, где станет отец искать укрытия - лесные чащи. Пастухи дали ослов Амасии, и готовы были братья двинуться в путь, только не знали, как поступить с родительницами своими. Оставить на пастбище - значило подвергнуть опасности - не найдут разъяренные воины Каверуна Маттафию, всю злобу свою могут выместить на беззащитных женщинах. Брат с собой - станут они сдерживать поиски. И согласились Зулуна и Рахиль, что надо им переждать здесь, на пастбище, и братья склонились к тому, чтобы оставить матерей своих, а потом вернуться за ними. Но подошел к ним старец- пастух, умудренный годами, и сказал:

- Обрели вы, отроки, тех, кто жизнь вам дал, ужели оставите их на погибель, дадим мы ослов и для них, праведные они женщины, и пусть вам Господь даст спасение!

Смутились братья, и Фалтий стал говорить, что не может быть иного выбора, что равно дороги ему и отец и мать, и спасая одного, не хотел бы он потерять другую...

Зыбкий рассвет уже крался по небу, когда подъехали они к лесу и спешили на поляне перед непроходимой стеной деревьев. Раскинулся этот лес вдоль отрогов Ливанских гор, и не представлялось ни Фалтию, ни Шалому, что может быть таким густым он. Женщины сели на пригорок, а Фалтий попытался пробраться через густо переплетенные ветви деревьев, но вскоре вышел из леса весь мокрый и облепленный паутиной. И встал он, прислонившись к стволу дерева, опустив голову. Стояли плотно друг к другу даже у края леса старые деревья с корявыми стволами, ниспадали со стволов на землю темно -зеленые покрывала мха, веяло из чащи пугающим мраком и сыростью, пахло прелой опавшей листвой.

И вспомнила тогда Зулуна Вифлеем и то, как скрывалась она в пещере, как ждала возлюбленного своего, и приходил он, и трижды

кричал, подражая крику удода - лесной птахи. Побрела Зулуна вдоль опушки, приставила ладонь ко рту и запищала, словно встревоженный удод. Ушла она уже довольно-таки далеко от сыновей, когда услышала доносящиеся из чащи ответные крики удода. И закричала она радостно.

На крик ее прибежали сыновья и Рахиль, но не ожидая их, бросилась Зулуна в чащу, пошла напролом, раздвигая колкие ветви, оступаясь и падая. За ней поспешили все - и вывел их крик удода на мшистую поляну, где на мягких ветвях можжевельника лежал Маттафия.

Со стоном попытался он подняться им навстречу, и упал бы, если бы не подхватили его сыновья. И впервые в жизни увидели они слезы на глазах отца. Оказалось, что ранен отец, что когда бежал он, умертвив Арияда, бросился за ним стражник, стоящий у крепостных ворот, и ударом копья пронзил плечо, и с трудом он, Маттафия, добрался до леса, и болит, не затягивается рана.

Зулуна склонилась над Маттафией, сняла платок с головы, стала обтирать рану. Амасия обнаружил рядом ручей, принес воды. Зулуна омыла рану, приложила листки целебной лесной травы, стянула рану платком. И когда перевязывала она рану, то скользнула рукой под полы одежды и нащупала след на бедре от давней раны, от удара копьем, полученного в ночь резни, в стане амаликитян, когда спас он ее. И обнаружив вмятину на бедре, подняла она к небу глаза, полные счастья, и зашептала благодарения Господу, вернувшему ей мужа, и просила простить ее за нелепые сомнения. А Рахиль прильнула к спине возлюбленного, уткнулась в шею его и вдыхала знакомый запах тела, кружащий голову.

Маттафия поднялся, опираясь на женщин, и радостная улыбка озарила его лицо - мог ли мечтать он, мысленно уже почти расставшийся с жизнью, что вновь обретет ее среди сыновей и жен своих. Всю прошедшую ночь изнывал он от боли и жажды. Казалось ему, что достиг он последнего своего предела. Он решил принять смерть достойно и лечь на меч, как лег на меч на склонах Гелвуя его отец - первый царь Израиля Саул. Но, видимо, Господь остановил его, Маттафию. И сказал Маттафия себе: увижу еще один рассвет, чтобы не покидать мне землю во мраке. И вот свершилось чудо - и отступила боль перед радостью сердца, и скрылся в чаще ангел смерти, не дождавшись своей добычи. И смотрел теперь возвращенный к жизни Маттафия поочередно на своих сыновей и жен и никак не мог наглядеться.

Шалом стоял в отдалении и тоже смотрел на отца, и было радостно на душе у Шалома, но думал он уже о том, как теперь уйти от преследователей, куда направить стопы свои, знал он, что ему надо возвратиться в Иерусалим, где ждут его чистые свитки пергамента, но понимал, что не найдет спасения в Иерусалиме Маттафия, схожий обликом с Саулом. Таким, как Маттафия, простодушным, не знающим и тени

страха воином, всегда виделся Саул и ему, Шалому. И понял Шалом, что теперь легче ему будет воссоздать жизнь и деяния первого царя Израиля. И решил он обо всем расспросить Маттафию.

Но сейчас сам Маттафия расспрашивал сыновей, и те наперебой отвечали ему. И радовало Маттафию, что не забыл его могущественный Давид, что послал специально своего дееписателя Шалом.

И не стал Шалом разочаровывать его и делиться своими сомнениями, но упорно не советовал возвращаться в Иерусалим...

Прежде чем отправиться в путь, присели они на опушке леса, где солнце уже осушило траву от росы и обогрело остуженную ночной прохладой землю. Они подкрепили свои силы лепешками, которые успела взять с собой предусмотрительная Зулуна, испили воды из ручья, запасли воды в дорогу, наполнив меха, которые взяла с собой Рахиль.

И узнав, что Шалом пишет историю царства Саула, Маттафия вынул из-за пояса вчетверо сложенные листки пергамента и протянул их своему названному сыну, и сказал - возможно, пригодятся они тебе.

Шалом пробежал глазами исписанные листки. Обучал когда-то его тайнописи главный дееписатель, и легко дался ему смысл написанного отцом, и сказал Шалом:

- Нет, отец, твоя судьба не вписывается в книгу царств, вот, если бы ты был царским сыном, тогда, конечно, ибо есть на то повеление Давида - описать не только Саула, но и весь его дом...

- Избави нас Господь быть царскими сыновьями, - сказал Фалтий.

И стал Фалтий торопить всех. Быстро оседлали они ослов и двинулись к перевалам, где начиналась дорога в страну арамеев.

Оставались за спиной росные пастбища и молчаливые горы, оставалась позади земля обетованная с прокаленными солнцем пустынями и укрепленными городами, с плодоносными долинами и переполненным синевой небом, обитель судей и пророков, страна Саула и Давида.

ISBN 5-901194-11-X

9 785901 194119